

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ЗА ЧЕСТНУЮ
ИСТОРИЮ

VI

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин,
В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Е. А. Бондаренко, Т. Г. Занина, Н. А. Калантарова, Н. К. Капитонова, Е. А. Тюрина, В. Б. Чернолецкий

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 6: За честную историю — 2015. — 358 с. ISBN 978-5-9228-1306-8

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1306-8 (т. 6)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2010

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: «Солдат американской армии Бак Л. Кацебу и красноармеец Иван Нумладзе в момент встречи на Эльбе», 1945 г., место съемки: Германия, автор съемки: Хомзор Г., РГАКФД.

Книга шестнадцатая

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КОМИССИЯ

15 мая 2009 года

№ 549

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О КОМИССИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ
В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

(в ред. Указа Президента РФ от 22.01.2010 № 97)

В целях обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, постановляю:

1. Образовать Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

2. Утвердить прилагаемые:
Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России;
состав Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ
Москва, Кремль
15 мая 2009 года
№ 549

ПОЛОЖЕНИЕ О КОМИССИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

1. Настоящим Положением определяется порядок деятельности Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (далее — Комиссия).

2. Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением.

3. Положение о Комиссии и ее состав утверждаются Президентом Российской Федерации.

4. Основными задачами Комиссии являются:

а) обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации, и подготовка соответствующих докладов Президенту Российской Федерации;

б) выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России;

в) подготовка предложений Президенту Российской Федерации по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России;

г) рассмотрение предложений и координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций по вопросам противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России;

д) выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий.

5. Комиссия для решения возложенных на нее основных задач имеет право:

а) запрашивать и получать в установленном порядке необходимые материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций;

б) создавать рабочие группы по вопросам, входящим в компетенцию Комиссии, из числа представителей государственных органов, организаций, ученых и специалистов;

в) приглашать на свои заседания представителей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций.

6. Члены Комиссии принимают участие в ее работе на общественных началах.

7. Заседания Комиссии проводятся не реже двух раз в год.

8. Организационно-техническое, информационное и документационное обеспечение деятельности Комиссии осуществляется Министерством образования и науки Российской Федерации.

СОСТАВ
КОМИССИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ
В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

(в ред. Указа Президента РФ от 22.01.2010 № 97)

Нарышкин С. Е. — Руководитель Администрации Президента Российской Федерации (Председатель Комиссии)
Калина И. И. — заместитель Министра образования и науки Российской Федерации (заместитель Председателя Комиссии)
Сирош И. И. — помощник Руководителя Администрации Президента Российской Федерации (заместитель Председателя Комиссии)
Шабанов Я. В. — старший референт Президента Российской Федерации (ответственный секретарь Комиссии)
Демидов И. И. — начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике
Алханов А. Д. — заместитель Министра юстиции Российской Федерации
Артизов А. Н. — руководитель Росархива
Бусыгин А. Е. — заместитель Министра культуры Российской Федерации
Бутко Е. Я. — заместитель руководителя Рособразования
Винокуров С. Ю. — начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами
Дергачев В. В. — заместитель директора ФСТЭК России, ответственный секретарь Межведомственной комиссии по защите государственной тайны
Добродеев О. Б. — генеральный директор ВГТРК
Затулин К. Ф. — первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (по согласованию)
Зимаков В. А. — начальник службы СВР России
Камболов М. А. — заместитель руководителя Роснауки
Макаров Н. Е. — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — первый заместитель Министра обороны Российской Федерации
Марков С. А. — заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (по согласованию)
Молчанов Д. В. — директор Департамента культуры и образования Аппарата Правительства Российской Федерации
Назаренко В. П. — заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по внешней политике
Нарочницкая Н. А. — президент Фонда изучения исторической перспективы (по согласованию)
Пивоваров Ю. С. — директор учреждения Российской академии наук Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН
Повалко А. Б. — заместитель руководителя Росмолодежи
Романченко А. Ю. — заместитель руководителя Роспечати
Сахаров А. Н. — директор Института российской истории Российской академии наук (по согласованию)
Сванидзе Н. К. — Председатель Комиссии по международным отношениям и свободе совести Общественной палаты Российской Федерации (по согласованию)
Соболев В. А. — заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации
Титов В. Г. — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации
Торкунов А. В. — ректор государственного образовательного учреждения «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
Торшин А. П. — первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)
Христофоров В. С. — начальник управления ФСБ России
Чубарьян А. О. — директор Института всеобщей истории Российской академии наук (по согласованию)

Честная история — ключ к формированию доверительных отношений между народами

С. Е. Нарышкин*

В общем потоке информации последних лет приходится все чаще встречаться с фактами предвзятого, порой, оголтелого отношения к нашей отечественной истории за рубежом. Причем даже неподготовленному читателю бросаются в глаза ложь и уничтожение, с которыми трактуются исторические события прошлых лет в отношении России.

Трудно, не выходя за рамки учтивости, оценить недалёковидные устремления некоторых видных в своих странах политиков, вознамерившихся переписать историю в ущерб интересам России. Процесс этот настолько захватил иных предсказателей от истории, что, похоже, они попали в плен своих же злонамеренных идей и не способны самостоятельно выбраться из порочного круга, когда одна небылица в отношении России порождает следующую. Предельно точно об этой тенденции высказался Президент Российской Федерации, назвав попытки фальсификации истории России все более жесткими, злыми и агрессивными.

Особый упор в «новом историческом подходе» ревизионистов делается на новейшую историю России и события, связанные со Второй мировой войной. Причем за набравшими обороты антироссийскими акциями и высказываниями явно просматривается стремление пересмотреть ее геополитические итоги. Нельзя не видеть, что России, как историческому наследнику СССР, провокационно навязывается нравственная вина за события тех лет и подводится идеологическая база для предъявления ей различного рода компенсационных претензий.

Сегодняшняя Россия ценой невероятных и драматических потерь и лишений обрела новый путь цивилизационного развития. Она смогла преодолеть

последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века и на основе общемировых ценностей — свободы, демократии, гуманизма и уважения к национальной и внешней исторической памяти — успешно строит свое будущее.

Но устойчивое продвижение нашей страны не согласуется с планами известных мировых держав, желающими видеть Россию с ограниченной самостоятельностью, неспособной к реализации стратегических национальных приоритетов, обеспечивающих развитие личности, общества и государства.

Именно с их молчаливого согласия и цинично скрываемого финансового поощрения против России разворачивается настоящая информационная война. Полем брани выбрана история. Вернее, фальсифицированная история, когда результаты кропотливого и добросовестного труда историков перечеркиваются политическим заказом высших должностных лиц, и история превращается во враждебный инструмент политического давления. В первую очередь это касается Украины, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии и Польши, хотя есть и другие страны, где фальсификация и политизация истории в ущерб России также обрели статус государственной политики.

Официальным Киевом, например, поощряется героизация боевиков украинской повстанческой армии, увековечивается память местных нацистов как борцов за украинскую независимость. В Киеве уже давно распахнул двери для посетителей «Музей советской оккупации Украины». По инициативе Президента Украины В. Ющенко был образован Украинский институт национальной памяти, который начал «глубоко» разрабатывать тему голодомора на Украине как политики советской власти,

* **Сергей Евгеньевич Нарышкин** — Председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

направленной на уничтожение украинского народа, и мифологизировать украинское так называемое освободительное движение 20–50-х гг. прошлого века как ответ на советскую оккупацию. Список «славных дел» в области уничтожения исторической памяти россиян в Украине можно продолжать долго.

Не подлежит никакому сомнению, что в значительной степени они сформировали адекватную реакцию России. Как указывается в обращении от 11 августа 2009 г. Д. Медведева к Президенту Украины: «Российско-украинские отношения подвергаются испытаниям в результате взятой вашей администрацией линией на пересмотр общей истории, героизацию нацистских пособников, возвеличивание роли радикал — националистов, навязывание международному сообществу националистически окрашенных трактовок массового голода в СССР 1932–1933 гг. как „геноцида украинского народа“». Как логическое следствие Россия отложила приезд на Украину своего посла.

Наибольшую активность по ревизии итогов Второй мировой войны и стремлению переписать мировую историю проявляют государства Прибалтики. Именно их правительства намерены использовать тезис о «незаконности послевоенного мироустройства» для формирования претензий к России. Литва высказывается за создание международного суда над «советским геноцидом». Эстония, отвергая итоги Второй мировой войны, претендует на часть Псковской и Ленинградской областей. В Латвии ущерб, якобы нанесенный Россией, подсчитывает специальная правительственная комиссия.

Можно долго перечислять всевозможные центры документации последствий тоталитаризма, разумеется, советского, геноцида и резистенции, музеи памяти и оккупации и т. д. и т. п. Их политико-идеологический характер очевиден и далек от справедливого и спокойного совместного рассмотрения специалистами-историками спорных или вызывающих недопонимание вопросов, к чему стремится и призывает Россия. Приходится констатировать, что степень политизации исторических вопросов в прибалтийских странах зашкаливает обыкновенное здравомыслие, не говоря о честности и непредвзятости исторического исследовательского процесса вообще.

По этому же пути идут Польша и Грузия, ошибочно полагая, что их агрессивный подход к российской истории, фальсификация этой истории в ущерб интересам России, лучше соответствуют их национальным интересам и принесут большие политические и материальные дивиденды.

Следует признать, что упрямство, с которым все перечисленные страны проводят государственный курс на фальсификацию и умаление исторического прошлого России, наносит ей определенный моральный ущерб, дезориентирует международную общественность.

В известной степени этим и, конечно же, историческим невежеством можно объяснить принятие на 18-й сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Вильнюсе резолюции «Воссоединение разъединенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой сталинизм приравнивается к нацизму. Россия, со своей стороны, дала оценку этому явно политизированному документу. Не буду на ней останавливаться. Дело, в конечном итоге, не в резолюции. А в том, что в очередной раз аффилированное политическими и ревизионистскими интересами толкование истории нанесло «воссоединению разъединенной Европы» увесистый удар.

Разве не бессмысленно декларировать «воссоединение», грубо вычлняя из этого тончайшего и деликатного процесса такую страну, как Россия? Или невдомек авторам резолюции, что Россия, российская общественность не воспримет идею «воссоединения» Европы за счет умаления вклада России в победу над нацизмом, с которым в Вильнюсе уравнивали ее историческое наследие.

Есть и другая сторона у этого вопроса. Роль России в общей победе антигитлеровской коалиции — ведущая. И как смотрят на умаление этой роли другие члены коалиции? Не хочется думать, что им это выгодно. Хотя, совсем недавно, в ходе мероприятий по случаю 65-летия открытия второго фронта, Президент США оценил высадку союзнических войск в Нормандии как «поворотный этап», определивший итог всей дальнейшей антигитлеровской кампании в годы Второй мировой войны. По мнению Президента США, если бы операция союзников провалилась, то «оккупация континента могла бы продолжаться бесконечно». О том, что второго фронта не было бы без первого, то есть без нашего, возникшего на несколько лет раньше и сломавшего хребет гитлеровской военной машине, почему-то сказано не было.

Налицо преувеличение своих заслуг, своего вклада в общую победу за счет умолчания роли нашей страны в этой победе. Факты — упрямая вещь. Сравнительно недавно Президент Российской Федерации принял решение о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На фоне приведенных фактов — решение весьма своевременное и нужное. Комиссия будет внимательно отслеживать заинтересованно-ложные толкования отечественной истории за рубежом и активно им противодействовать, используя научную и общественную трибуну, другие меры реагирования.

Комиссия не собирается переписывать историю, не станет надзорным органом, понуждающим авторов исторических исследований к политически конъюнктурным выводам, не намерена выстраивать процесс исторического познания «по стойке смирно» перед политическими интересами. Это

следует из Положения о работе Комиссии, где подчеркивается ее общественный статус. Комиссия исходит из принципа свободы исторической науки, как важной составляющей свободы слова, и не намерена вмешиваться в исторические дискуссии и исследования.

История не должна являться предметом манипулирования, а историческую правду, какой бы она не была, следует искать на основе первоисточников. Эффективным способом противодействия фальсификации истории является максимально широкое введение в научный оборот новых, в том числе и рассекреченных документов.

Следует подчеркнуть, что сегодня ни в одной стране мира историкам не предоставляется таких широких возможностей работать с рассекреченными документами, как в России. Если следовать логике американского историка Дж. Ная, что в информационный век побеждает тот, чья история убедительнее, чья история способна привлекать людей, то необходимо продолжить мысль. Привлечь людей способна только честная и правдивая история, основанная не на политизированных домыслах, а на первоисточниках и документах.

За последнее время ФСБ уже рассекретило более 2 млн документов. Министерство обороны ввело в общественный оборот порядка 6 млн архивных материалов. Комиссия намерена продолжить эту работу, чтобы перейти от реакции на псевдоисторические выпады к активному разъяснению роли и вклада России в мировую историю и цивилизацию.

Не могу в этой связи не заметить, что в ряде стран остаются за семью печатями документы, способные пролить свет на узловые вопросы времен Второй мировой войны. Многие историки недоумевают, почему, к примеру, британское правительство отказывается рассекретить дело Гесса и высказывают на этом основании весьма справедливые претензии. Им, мировой общественности, непонятно, почему Англия предпочитает сохранять столь значительный

пробел в историческом понимании и осмыслении событий тех лет.

Создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России объективно поднимает авторитет исторической науки в обществе. Нам предоставляется возможность воспользоваться этим и закрепить значимость отечественной истории, исторических знаний, исторического образования на более высоком уровне. Сегодня это посильная задача.

Комиссия намерена привлечь общественное внимание к качеству школьных учебников по истории, вузовского исторического образования, профессиональной подготовки и переподготовки преподавателей истории. Нарекания на этот счет весьма справедливо звучат с общественной трибуны. Действительно, в большинстве непрофильных вузов курс истории не превышает 52 часов. Для школ изданы сотни учебников по истории разного, с точки зрения самих же историков, качества. Учителя порой оказываются не в состоянии оперировать современными трактовками исторических фактов, отделяя от них налет вымысла и фальсификаций. Некоторые учебники изобилуют фактическими ошибками, откровенным принижением роли нашего Отечества в мировой истории. Разве не удивляет, что история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. занимает в них десяток страниц?

На отечественную историческую науку, ученых-историков и педагогов возлагается сегодня огромная ответственность за формирование доверительных отношений между народами и государствами. Их вклад в процесс очищения истории России от политизированной лжи может быть огромным. И они должны быть к этому готовы. Ведь фальсификация истории России обедняет цивилизационный исторический процесс в целом, подрывает объективность истории как науки, осложняет, наконец, политический климат на планете и выгодна лишь откровенным недругам России.

«Историей управлять нельзя»*

Создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ продолжает оставаться одной из самых горячих, будоражащих общественное сознание и вызывающих полярные оценки тем. Одни комментаторы видят в появлении этой общественной структуры на политическом ландшафте признаки борьбы с инакомыслием и введения цензуры. Другие — намерение обозначить жесткую государственную позицию в отношении ключевых событий истории Отечества, подвергаемых искажениям в политических целях, и стремление эту позицию отстаивать. Новый общественный орган создан более месяца назад, но, как ни парадоксально, ни один член комиссии за это время не дал развернутого комментария о ее функциях, задачах и полномочиях. Затянувшееся молчание лишь усиливает напряжение и порождает все новые вопросы. С этими вопросами к члену комиссии, постоянному автору нашей газеты, начальнику управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, генерал-лейтенанту, доктору юридических наук Василию ХРИСТОФОРОВУ обратилась обозреватель «Времени новостей».

— Василий Степанович, насколько создание комиссии по борьбе с фальсификациями истории в ущерб интересам России созвучно веяниям сегодняшнего дня, как социально-политическим, так и сугубо историческим?

— Во-первых, о терминах: в названии комиссии нет слова «борьба», а есть слово «противодействие». Это принципиально. Борьба вызывает ассоциации с чем-то уж очень агрессивным. Ничем подобным комиссия заниматься не собирается. Идеальное состояние, если комиссии будет нечего делать. Нет фаль-

сификации — нечему противодействовать. Думаю, вы не будете спорить, что фальсификация истории представляет реальную и серьезную угрозу будущему любой страны. Это лишает народ его уникального, подчас трагического прошлого, вызывает трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывает уважение за рубежом. Долгое время многие факты нашей истории были неизвестны, поэтому сейчас «обиженные» страны позволяют себе обвинять Россию во всех бедах, случившихся с ними в советский период, трактуют документы в удобном для них виде. Так, начиная с 1990-х годов страны Балтии ведут подсчеты убытков от «советской оккупации», Украина популяризирует нацистских преступников, обвиняет Россию в геноциде и т.д.

Известно, что в некоторых бывших советских республиках заново переписывают учебники истории, создают мифы и легенды, представляющие Россию в черном цвете.

Конечно, сейчас фальсификаторы не несут должной ответственности за то, что делают. Да и мы сами еще не научились громко и серьезно отвечать на ложь, которую бросают нам в лицо. Долгое время мы считали бывшие союзные республики и бывшие социалистические государства братскими и поэтому не ожидали клеветы и обвинений в свой адрес от, так сказать, родных людей. Тем не менее сейчас мы видим, что их представления о действиях России сильно отличаются от реальных фактов. Настало время твердо заявить о нашей позиции. Тем более что в наших руках исторические документы — источник, с которым не поспоришь.

В первый же момент после сообщения о создании новой комиссии появилось множество критических откликов. В правозащитном обществе «Мемориал», с которым нас связывает многолетнее сотрудничество по исследованию истории политических репрессий, высказали явное опасение, что

* Интервью Христофорова В. С. журналу «Время новостей» № 118, 07 июля 2009 г.

комиссия будет противодействовать не фальсификациям исторических фактов, а мнениям, оценкам и концепциям; разумеется, лишь тем из них, которые идут вразрез с правительственной политикой. Звучали и еще более резкие заявления — что комиссия, вопреки своему названию, будет заниматься именно фальсификацией истории.

Действительно, не так просто определить, что нужно рассматривать как злостное и намеренное искажение истории, а что является предметом научной дискуссии. Но ясно одно: вопросы, связанные со спорными моментами или ставшие предметом дискуссии, не должны быть основанием для борьбы с инакомыслием. Уверен, что это не только моя личная позиция. Несомненно, вновь созданная комиссия имеет право на существование как общественный орган рекомендательного характера.

— «Фальсификация» — термин юридический. Каким образом члены комиссии, среди которых историки и юристы составляют меньшинство, будут квалифицировать те или иные издания, программы, посвященные исторической проблематике? Как определить, что является фальсификацией, что авторской трактовкой, что искренним заблуждением?

— Если мы возьмем Уголовный кодекс, то в нескольких статьях увидим термин «фальсификация». Но «фальсификация» — термин и междисциплинарный: он встречается и в философии, и в истории. Фальсификация — умышленное искажение, попытка выдать, так сказать, черное за белое. Никто не собирается признавать фальсификацией наличие различных точек зрения. Комиссия займется рассмотрением тех сюжетов, в которых будет иметь место подделка фактов или документов, стремление выдать желаемое за действительное.

Важно отметить, что если члены комиссии сочтут, что их компетентности не хватает, они вправе привлекать профессиональных специалистов по той или иной тематике.

— Комиссия создана, как видно из ее состава, по ведомственному принципу. И это беспокоит профессионалов-историков. Почему именно этим людям дано право решать, что является фальсификацией, а что нет?

— Каждый член комиссии не может, не должен претендовать на истину в последней инстанции. Он, как и любой человек, может ошибаться. Любая структура в принципе может вызывать нарекания с какой-либо стороны: угодить всем невозможно. И не нужно. Комиссия — общественный орган, он де-юре имеет только рекомендательные полномочия.

— А де-факто будет ли создание комиссии, учитывая наш прежний историко-политический опыт, стиму-

лировать историческую дискуссию или, напротив, будет ее глушить?

— А вы как себе представляете, идет «круглый стол», конференция, и сидит «надзиратель» — член комиссии, который говорит: «Нет, это мы не обсуждаем, этот вопрос не рассматриваем»? Или каждая тема обсуждения будет проходить некое утверждение? Это сегодня невозможно даже представить.

— Почему же невозможно, некоторые уже даже представили. В отдельных регионах, например, отказались от идеи проведения «круглых столов» или конференций по острым темам — о Зимней войне, начале Второй мировой войны, предвоенных советско-прибалтийских отношениях. Некоторые издательства всерьез задумались, стоит ли принимать к публикации исследования и монографии на болезненные историко-политические темы.

— Мне кажется, это проявление синдрома нашей генной исторической памяти. Если действовать по принципу чеховского героя «как бы чего не вышло», то можно и до абсурда дойти. Если вы готовите серьезную конференцию или «круглый стол», вам нечего беспокоиться, но если вы и ваши коллеги недобросовестны и готовы пойти на фальсификацию, то опасаться нужно в любом случае. Все остальное — ненужная перестраховка.

— На недавней конференции, посвященной истории спецслужб, проходившей в Музее политической истории России, вы делали доклад о юридическом обеспечении высылки инакомыслящей интеллигенции в 20-е годы. И упомянули, что в соответствующих документах либо было много диспозиций, но не было санкций, либо наоборот. Это приводило к произволу. В положении о работе комиссии много деклараций, но мало дефиниций. История повторяется — трагедия уже была, нас ждет фарс?

— Положение — это свод правил, и здесь не может быть ни деклараций, ни дефиниций. Если комиссии удастся скоординировать деятельность различных государственных учреждений, научных институтов и общественных организаций и направить ее на серьезные исторические исследования, то в этом и будет самое лучшее противодействие попыткам фальсификации истории. Я думаю, нас ждет интересная работа.

— Комиссия, как вы упомянули, будет привлекать экспертов. Так вот, эксперты-добровольцы уже нашлись. В 20-х числах июня руководители научных учреждений отделения историко-филологических наук РАН получили прелюбопытнейшее распоряжение. «Представить в отделение информацию: 1. Аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций в областях, соответствующих

■

основным направлениям института (с указанием основных источников, авторов, формирующих и распространяющих фальсификацию; потенциальную опасность данной фальсификации интересам России; предварительных предложений по мерам научного опровержения фальсификации). 2. Информацию о деятельности ученых Вашего института по разоблачению фальсификаций и историко-культурных концепций, наносящих ущерб интересам России. 3. Контактное лицо или список научных сотрудников для участия в работе Комиссии ОИФН РАН по анализу историко-культурных фальсификаций, наносящих ущерб интересам России (с телефонами и электронным адресом)». Соответствующие списки нужно было представить к 1 июля. Это письмо — инициатива руководства Академии наук или следствие рекомендации комиссии?

— Вот уж кто-кто, а комиссия тут точно ни при чем. На мой взгляд, это обычный бюрократический прием: разослать формальную бумагу, получить такие же ответы, чтобы было чем отчитаться о якобы проделанной работе.

— Но вам не кажется, что наличие такого указания от Академии наук — это импульс заняться профессиональным доносительством?

— Да, может быть, вы правы, есть такая опасность. Генная память — штука сильная. Я опасаясь, чтоб не получилось как в 1930-е годы: будут друг друга обвинять, пользуясь моментом. Найдутся карьеристы, которые постараются таким путем обойти «конкурентов», будут просто завистники или чересчур бдительные товарищи. Но такого рода, как вы выразились, доносы, я уверен, предметом рассмотрения комиссии не станут.

— Доносы ведь не только писали, их в 1930-е годы рассматривали и делали выводы. Вы полагаете, что у членов комиссии генная память здорова и имеет иммунитет против доносов?

— Я на это надеюсь.

— За рубежом, в частности в Прибалтике и на Украине, ныне появляются публикации, например о Второй мировой войне, резко противоречащие исторической действительности. Каким образом деятельность комиссии может дезавуировать их?

— Буду говорить только о своем ведомстве. В архивах органов безопасности хранятся архивные материалы периода Великой Отечественной войны о преступной деятельности коллаборационистов, в том числе националистов, документально подтверждающие многочисленные факты участия литовских легионеров, латышских и эстонских эсэсовцев в массовом

уничтожении мирных граждан и советских военнопленных в 1941–1944 годах на территории стран Балтии. В их числе розыскные дела на нацистских преступников, докладные записки о совершенных гитлеровцами и их пособниками злодеяниях, акты судебно-медицинских экспертиз и другие документы. Есть документы оставшихся в живых свидетелей о преступлениях эсэсовских добровольческих формирований. В архивах ФСБ России имеется также комплекс архивных материалов НКВД-НКГБ СССР, органов контрразведки Смерш фронтов и армейских соединений о преступной деятельности украинских националистов. Необходимы дополнительные усилия для распространения уже опубликованной информации. Взвешенный подход к введению в научный оборот архивных материалов с учетом всех возможных форм их использования, в т. ч. через СМИ и интернет, позволит более уверенно чувствовать себя на международном информационном поле.

К этой проблематике примыкает тема «голодомора», также связанная с обвинениями в адрес России. Значительные комплексы рассекреченных документов из архивов органов безопасности, которые не только объективно раскрывают причины этого бедствия, но и свидетельствуют о том, что голодом были охвачены огромные регионы России и Казахстана, уже опубликованы, но весьма небольшими тиражами.

— Вы член Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России. «Голодомор» и в этом смысле в поле вашего внимания.

— Одним из направлений в работе вновь созданной комиссии при Президенте Российской Федерации может стать сотрудничество с Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий. В частности, возможна подготовка трудов, в которых было бы объективно отражено участие в проведении репрессий местных властей бывших союзных республик, которые несли абсолютно ту же ответственность, что и российские. А нередко и большую, поскольку проявляли специфическое рвение — просили дать им возможность «увеличить лимиты на расстрелы», как это было в 1930-е годы на Украине, например.

— Как можно доказать умышленность вредоносного действия? Приведу пример: коллаборанты в Прибалтике были? Были. Сейчас там полагают, что коллаборационизм — это борьба за освобождение от советской оккупации. Тот факт, что боролись на стороне фашистов, тамошних политиков не смущает: это вопрос выбора союзника.

— Россия объявила себя правопреемником СССР и стала удобным объектом для обид. Ведь у каждого из народов бывшего Союза свой XX век. Национальная память по-своему осмысляет общий опыт. Представление о собственном народе как жертве,

прошлые взаимные обиды могут долго отравлять отношения между народами. Нельзя отрицать, что есть «чужая» национальная память, вот у прибалтов она такая.

Когда спор об истории принимает форму «конфликта памяти», есть только один путь — диалог, обмен мнениями. Это возможно при единственном и обязательном условии — ответственном и уважительном отношении друг к другу. Приведу один пример. Не скрою, нам было очень сложно работать с польскими коллегами в процессе подготовки ряда научных проектов по болезненным проблемам советско-польских отношений. Но взаимное уважение и готовность выслушать и постараться понять чужую точку зрения, какой бы «неправильной» она ни казалась вначале, позволили решить поставленные задачи. Совместная работа над сборниками «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941гг.», «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году» и «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб» обогатила наши представления о собственной истории, расширила и углубила знания о сложности и противоречивости межгосударственных отношений.

Думаю, ожесточенное противостояние крайне непродуктивно. Сегодня споры на исторические темы ведутся не относительно фактов, а относительно интерпретации этих фактов. Ответственное отношение к оценке исторических событий не допускает их фальсификации и свидетельствует о гражданской зрелости общества.

Что касается упомянутых вами фактов, то им нужно давать оценку, адекватную нормам международного права.

— Разумеется. Но эта оценка — дело внешнеполитическое. Идея создания комиссии, насколько известно, первоначально исходила из МИДа. Мы пришли к тому, с чего начинали: речь идет о политическом противостоянии и реагировании на политические демарши. Может, стоит оставить историков в покое и вывести проблему в политическое русло?

— Ни для кого не секрет, что создание комиссии во многом было спровоцировано политическими акциями на постсоветском пространстве. И, конечно, в ее работе будут в первую очередь учитываться политические интересы нашей страны. Политикам нужны четкие документальные аргументы для разговора с соседями. В некоторых государствах постсоветского пространства политика начинает довлеть над историей или же историю используют как инструмент политики. Примеры приводить, я думаю, даже не стоит — мы с вами наблюдаем их ежедневно.

— Комиссия, как явствует из ее названия, должна заниматься противодействием попыткам фаль-

сификации в ущерб интересам России, а попытки фальсификации, идущие на пользу интересам России, не будут в поле ее зрения? Ведь есть много желающих «подправить» наше прошлое.

— Никакая фальсификация не может быть на пользу интересам России. Ложь не может повысить международный авторитет или улучшить внутреннюю ситуацию. Это, как говорится, мы уже проходили. Но вы затронули важную тему: что такое интересы России? В комиссии большинство членов — это руководящие сотрудники различных, в том числе силовых министерств и ведомств. И они будут отстаивать именно государственные интересы. Это действительно непростой вопрос. Политические партии и люди по-разному оценивают, что было пользой для страны и государства.

— У Оруэлла в одном из его фантастических романов было министерство Правды, и действовало оно по характерному принципу: кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Вы верите в наличие одной, «утвержденной», единственно правильной точки зрения на то или иное историческое событие?

— В наше время такое никому и в голову не придет. Мы уже знали времена, когда существовал один утвержденный курс, краткий или не очень. Но ведь есть события и факты, которые неоспоримы, и опровергнуть их невозможно. Например, победа СССР в Великой Отечественной войне. И если мы говорим о победе, то наш долг выяснить, какой ценой, сколькими человеческими жизнями она добыта. Сейчас любое число подвергается сомнению — 20 млн, 27, 35, 50. Недопустимо взять и «утвердить» какое-то одно. Требуется кропотливая работа архивистов, военных историков и поисковых отрядов. Причем не только российских, но и зарубежных. Мы, например, активно сотрудничаем с немецким исследовательским центром «Саксонские мемориалы» по установлению имен советских военнопленных. Сотни тысяч из них до сих пор считаются пропавшими без вести. Я убежден, что нам еще предстоит большая работа по установлению количества погибших. Увы, государство уделяет недостаточно внимания массовым захоронениям, воинским кладбищам, которых у нас тысячи. В советское время больше говорили о пафосных и героических аспектах, то есть говорили полуправду. Это недостойно сильного цивилизованного государства.

— Согласна. Но скажите, что такое «пересмотр»? Ведь появляются новые документы, существенно дополняющие или даже меняющие представления об уже, казалось бы, известных исторических событиях. Например, вы написали интереснейшую книгу «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» с такими документами, что выдержки из них, процитированные мною в рецензии на нее,

не решилась опубликовать одна влиятельная столичная газета, посчитав их «непатриотичными». Или неделю назад вы опубликовали в нашей газете статью о партизанах и подпольщиках, которую кое-кто уже поспешил назвать искажением нашего героического прошлого.

— Нет документов «патриотических» и «непатриотических», а есть подлинные и фальсифицированные. Честный историк всегда будет искать новые и новые документы, но всегда найдутся люди, которые будут критиковать и даже обвинять его в неверной их трактовке. Это нормальная научная работа и нормальная научная дискуссия. Обвинения в «искажении героического прошлого» тоже понятны и объяснимы. Наше прошлое слишком долго было от нас закрыто. Но его нужно знать. Работа с массовым сознанием не сиюминутная вещь. И здесь нужно учитывать известный принцип «не навреди». Если в одночасье обрушить на человека или общество огромный поток абсолютно новой, зачастую психологически тяжелой информации, это вызовет отторжение. Что и произошло у нас двадцать лет назад. В первые постсоветские годы на миллионы политически неподготовленных людей обрушился такой поток. И возникло неприятие и противодействие, стремление противопоставить этому что-то позитивное. Со стереотипами невозможно бороться в ускоренном темпе и использовать при этом только негативные примеры. Нельзя просто сказать: все было плохо, если несколько поколений выросли в этом «плохо» и не видели, не знали ничего другого.

— У нас, прикрываясь недопустимостью пересмотра событий прошлого и необходимостью создания сильного государства, порой пытаются навязать обществу точку зрения на события тоталитарного периода советской истории. И только изданием сборников, ориентированных на относительно узкий круг специалистов, здесь не обойтись. Выставки в музеях и в архивах — большая редкость, хотя они неизменно вызывают общественный интерес. Как и документальные фильмы.

— Определенность в оценке этой сложнейшей проблемы со стороны государства — и здесь мы возвращаемся к разговору о приоритетных государственных интересах, — по моему мнению, необходима. В России в отличие от многих других стран СНГ, до сих пор нет общенациональной Книги памяти и общероссийского музея, посвященного трагедии сталинизма, ГУЛАГу. Эту задачу пока не удалось решить Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Думаю, что во взаимодействии с вновь созданной комиссией на эту проблему можно будет посмотреть шире.

История политических репрессий — одна из важнейших проблем нашей национальной памяти. Для осознания обществом сущности сталинизма,

для воспитания подрастающего поколения трудно переоценить значение факта создания мемориальных комплексов в Москве (на Донском кладбище, Бутовском полигоне, «Коммунарке»), мемориалов в других городах по всей стране. Огромную роль в увековечении памяти пострадавших от политических репрессий играют Русская православная церковь, общественные организации.

Вы верно отметили важность выставок и документальных фильмов по исторической тематике, которые вызывают живейший отклик в обществе. Упомяну в качестве примера открывшуюся в Выставочном зале федеральных архивов историко-документальную выставку «Идеология и практика украинского национализма. ОУН и УПА в 1939–1956 гг.: свидетельства документов». Но, к большому сожалению, выставка будет работать очень недолго.

— Положение о работе комиссии гласит, что основными ее задачами являются «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации... выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России, выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификации исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий». Что такое «адекватное реагирование»?

— Все зависит от конкретной ситуации. Главное — не стрелять из пушек по воробьям. Я думаю, публикация подлинных документов — самый важный и эффективный способ. Только документом можно дезавуировать ложь. И не для того даже, чтобы переубедить автора, а для того, чтобы у людей, которых сознательно вводят в заблуждение, сформировалось максимально объективное представление о предмете или явлении. А иногда самая адекватная мера — промолчать. Когда слишком много шума, негативный эффект только усиливается. Грамотно выдержанная пауза способна охладить ситуацию. Но это частности. Одним из главных способов реагирования может стать организация брифингов, «круглых столов», документальных выставок, научных конференций. Публикация документов и полноценная научная дискуссия с привлечением самого широкого круга участников помогут установить истину и противостоять попыткам фальсификации. Сам факт создания комиссии, вызвавший активное обсуждение, то внимание, которое уделено обществом вопросам изучения истории, уже стали своего рода «адекватным реагированием».

— Серьезные издания, имеющие научный аппарат, содержащие новые документы, увы, издаются,

тиражами в несколько сот экземпляров. И, таким образом, остаются недоступными для исследователей. Архивы не спешат, и это подтвердят вам многие историки, публиковать свои документы. Ваш в этом смысле редкое исключение. Частные издательства в значительной мере ориентированы на броские псевдоисторические опусы с «сенсациями». И это их право. Государство в этом отношении индифферентно. Как в таких условиях способствовать распространению подлинного исторического знания?

— Вы затронули очень серьезную проблему. Я думаю, государство могло бы активнее поддерживать издательские проекты, ориентированные на серьезное изучение истории. Необходимо стимулировать квалифицированную публикаторскую деятельность. Вы правильно заметили, научные книги практически никогда не становятся прибыльными, и издательства, в том числе и государственные, не слишком стремятся их выпускать. Но, несмотря на это, крупнейшие государственные и ведомственные архивы за последние годы издали сотни книг.

Если мы хотим противостоять фальсификациям, мы должны знать факты, но есть еще одна проблема: профессиональные научные исследования и проекты требуют затрат — нужно работать в архивах и музеях в разных городах и даже странах, нужно время на написание книг, наконец. А у нас получается, что многие способные исследователи, особенно вне Москвы и Петербурга, вообще лишены такой возможности. Именно в этом задача государства — создать условия для развития науки: широким и быстрым рассекретиванием массивов исторических материалов, облегчением доступа к исторической документации, субсидированием исторических исследований, но без вмешательства в их содержание.

Государство должно стимулировать научные разработки, а не диктовать свою волю: «Это можно, а это нельзя». Создание Комиссии по противодействию фальсификациям истории способно «перезагрузить»

ситуацию. Нельзя политически управлять историей. Это, на мой взгляд, вредит интересам России.

— Насколько известно, члены комиссии получили задание подготовить предложения по ее работе и, как указано в положении о ее создании, по выработке стратегии по противодействию фальсификациям. Что бы предложили вы?

— Мы с вами уже говорили, что, как правило, подготовленные совместно крупнейшими архивами страны сборники документов, которые зачастую не только дополняют, но и кардинально меняют представление о важнейших проблемах отечественной истории, выходят удручающе малыми тиражами. К числу таких изданий относятся фундаментальные исследования: «Совершенно секретно. Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.», «История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов» в семи томах, «Трагедия советской деревни» в пяти томах и др. Малотиражность этих изданий обусловила то, что результаты исследований, дающих объективную картину истории страны, остаются неизвестными. Вот и рождаются мифы и даже фальсификации. И не надо ждать, пока нам «подготовят» какую-либо фальсификацию, чтобы потом ее нужно было дезавуировать. Просто необходимо создать условия для того, чтобы нормально работать над изучением и осознанием истории.

— Вы, как архивист, верите в историю без белых пятен?

— Это цель, к которой нужно стремиться. Но нельзя говорить, что какой-либо исторический период или событие исследовано до конца. История многообразна и бесконечна.

*Беседовала Юлия КАНТОР,
доктор исторических наук*

Опубликовано: «Время новостей», №118, 07.07.2009

СТЕНОГРАММА

заседаний Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России под председательством Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С. Е. Нарышкина

(печатается с сокращениями)

НАРЫШКИН С. Е.: Уважаемые коллеги!

Начиная заседание нашей Комиссии*, хотел бы подчеркнуть, что в огромном потоке информации современного мира все чаще приходится сталкиваться с фактами предвзятого, а порой и циничного отношения к истории нашей страны, к европейской и мировой истории. Особый упор в так называемом новом историческом подходе ревизионистами делается на современную историю России и, главным образом, на события, связанные со Второй мировой войной. Причем ревизия истории Второй мировой войны имеет цель пересмотреть геополитические итоги войны.

России как историческому наследнику Советского Союза провокационно навязывается вина за трагедии тех лет. Тем самым создается такая идеологическая база для предъявления нашей стране всякого рода претензий: политических, финансовых, территориальных.

Предпринимаются попытки исказить события и факты и других периодов развития Российского государства. На этом фоне Президентом Российской Федерации принято своевременное и нужное решение о создании Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Говоря о задачах и о методах работы Комиссии, я сразу хочу подчеркнуть, хотя делал это уже и вне рамок заседания Комиссии, что Комиссия не имеет целью переписывать историю, не намерена выступать каким-либо цензором или надзорным органом. Мы исходим прежде всего из принципа свободы исторической науки, исходим из понимания того, что историческую правду, какой бы она ни была, следует искать и защищать прежде всего на основании первоисточников.

Эффективным способом противодействия фальсификации истории является широкое внедрение в научный оборот новых документов, в том числе рассекреченных документов по истории нашей страны. И в этой связи я хотел бы обратить ваше внимание, что в последнее время, в том числе и перед 70-летием начала Второй мировой войны, нашими учеными подготовлено несколько исторических работ. Книги у вас перед глазами. Авторами этих исследований и сборников исторических документов являются в том числе и члены Комиссии, которые сегодня сидят за этим столом.

Я хочу поблагодарить авторов и сказать, что это достойный ответ попыткам фальсификации истории и одновременно это свидетельство того, что наше научное историческое сообщество хорошо понимает цели и задачи созданной Президентом Комиссии, понимает свою роль в защите истории нашей страны. Сам факт создания Комиссии, ее работа являются свидетельством высокой роли истории, исторической науки. Мы должны этим воспользоваться и закрепить значимость исторических знаний, исторического образования на более высоком уровне. Комиссия намерена привлечь внимание общественности к качеству школьных учебников по истории, к качеству вузовского образования, к качеству подготовки и переподготовки педагогических кадров. На историков и педагогов возлагается высокая ответственность за формирование доверительных отношений между народами и между государствами. Задача Комиссии состоит в том, чтобы помочь ученым и специалистам очистить историю России от политической лжи. Мы с вами должны за счет принятия системных решений создать условия ученым для защиты исторической правды, используя для этого и научную, и общественную трибуны.

* Заседание Комиссии от 28 августа 2009 г.

В повестке сегодняшнего заседания Комиссии несколько вопросов.

Первый вопрос. Мы рассмотрим состояние исторического образования в России, обменяемся мнениями о возможностях его государственной и общественной поддержки. На этот счет существует много объективных проблем, которые относятся к компетенции не только Министерства образования и науки, но и других федеральных министерств и ведомств.

За последние 15–17 лет в школы поступило несколько сотен учебников истории и (по оценкам историков, специалистов) многие из них очень спорного и даже сомнительного качества. Некоторые учебники изобилуют фактическими ошибками, принижением роли нашей страны в мировой истории. Часто учителя истории не в состоянии дать современные трактовки исторических процессов, освободив их от налета лжи и предвзятости. На это мы, конечно, должны обратить внимание.

Второй вопрос, который мы сегодня рассмотрим, касается практики и опыта зарубежных стран по поддержке исторической науки, национальной истории. Я думаю, что информация по этому вопросу поможет нам по-иному посмотреть на то, как должна и может работать наша Комиссия.

И, конечно, мы сегодня рассмотрим вопрос о том, как организационно будет работать Комиссия.

Если, уважаемые коллеги, у вас нет вопросов по повестке дня, то предлагаю перейти к обсуждению первого вопроса. И я с удовольствием предоставляю слово заместителю Министра образования и науки Исааку Иосифовичу Калине.

КАЛИНА И. И.:

Уважаемые члены Комиссии!

В присутствии известных ученых, конечно же, хочется об истории слушать, а не говорить. Поэтому я постараюсь говорить не столько об истории, сколько о том, что мне по жизни гораздо ближе — о тех, кто изучает историю. А для них результат исторического образования находится не только в научном измерении, а в очень многомерном педагогическом пространстве. Как минимум, три оси координат этого пространства для учителя очевидны. Первая конечно же, — историческая правда. Вторая — психологическая точность, соответствие возрасту ребят. Третья — это ответственность за воспитательный результат. И задача наша в том, чтобы все координаты нашего результата были положительными. Поэтому каждый взрослый, от публициста до академика, который начинает серьезный разговор, с экрана или в классе, с подростками об истории Родины, обязан отслеживать проекцию своих слов, текстов и интонаций по всем осям координат исторического образования и воспитания. Ведь историческое образование лежит в основе формирования исторического знания и исторического самосознания народа и призвано

служить фактором консолидации общества. Говоря о структуре исторического образования в России, можно выделить несколько взаимосвязанных уровней.

Во-первых, — это школьное образование.

Во-вторых, — это непрофессиональное историческое образование в высшей школе или средних специальных учебных заведениях. Отечественная история в них — одна из обязательных дисциплин.

В-третьих, — это педагогическое историческое образование, то есть подготовка учителей истории.

В-четвертых, — это университетское высшее профессиональное историческое образование. Этот уровень нацелен на подготовку кадров для исторической науки и высшей школы.

В-пятых, — это аспирантура и докторантура по историческим наукам.

Кроме того, мы не можем забывать еще о двух важных составляющих процесса исторического образования, которые существуют наряду с пятью названными выше уровнями. Прежде всего это дополнительное историческое образование: кружки, исторические клубы, иная деятельность по патристическому воспитанию в школе или в вузе, а также за их пределами. При этом важно отметить, что такого рода воспитательную и просветительскую деятельность ведут не только учреждения дополнительного образования детей или иные государственные муниципальные учреждения, но и многочисленные общественные организации и группы.

Наконец, это историческое самообразование и так называемое стихийное историческое образование. Каждый человек черпает информацию об истории не только из учебников истории, уроков в школе или занятий в вузе. Средства массовой информации, интернет, научная и научно-популярная историческая литература, художественная литература составляют важнейшие источники формирования массового исторического сознания и самосознания. Причем с течением времени роль этого фактора возрастает. Мы вынуждены принимать в расчет эту тенденцию.

Выделение компонентов исторического образования важно, поскольку каждый из них имеет специфические цели и задачи. Процесс фальсификации истории по-разному проявляется в каждом из них, а значит, и меры по противодействию должны быть различными, составляя при этом части единой стратегии. Хотим мы того или нет, но в современном мире образ страны в сознании ее граждан и ее образ в сознании граждан других стран играют важнейшую роль в поддержании стабильности национальной политической системы и реализации основных внешнеполитических интересов государства. Вот почему распространение исторических фальсификаций через процессы стихийного образования наносит ущерб не только исторической науке, но и интересам государства, интересам общества. Противодействие

фальсификации истории на уровне общественного сознания — это не только борьба против искажений или недобросовестной интерпретации фактов, но также разъяснение и аргументация тех ценностей и моральных позиций, которые разделяют наше общество. Историческое образование в этой связи (и прежде всего школьное и непрофессиональное историческое образование) осуществляет не только познавательную, но и воспитательную и общественно-политическую функции. Это не только российская позиция. Анализ школьных учебников других стран наглядно подтверждает этот взгляд на задачи школьного и в целом непрофессионального исторического образования.

Здесь важно обратить внимание на одну из особенностей массового исторического сознания. В силу своей специфики оно, как правило, обладает пониженным уровнем критичности в восприятии исторической информации. Рядовому человеку, а тем более школьнику, трудно осуществить систематический сбор, анализ и сопоставление фактов и позиций по тем или иным историческим вопросам. Это задача профессиональных историков. Именно поэтому массовое историческое сознание прежде всего становится объектом внедрения фальсифицированных версий истории.

В этом смысле первостепенной задачей государства по противодействию фальсификации истории является обеспечение мощного информационного потока научно обоснованного, выверенного исторического знания прежде всего через институт школьного, а также непрофессионального исторического образования.

Другая важная задача — формирование чувства сопричастности российского гражданина к своей стране и ее истории, уважение к предкам и принятие на себя моральной ответственности за настоящее и будущее России. Изучение истории России не может быть для молодых россиян равнодушным смакованием проблем и ошибок их Родины. Изучение истории обязано быть правдивым и уважительным разговором о том, как их огромная страна решала свои жизненно важные задачи в этом непростом мире, преодолевая ошибки. Вряд ли без этого возможно формирование у наших детей и внуков позитивного отношения к себе, своим отцам и своей стране.

Наконец, третья важная задача — развитие у студентов и учащихся навыков критической оценки исторической информации, способности спокойно и взвешенно относиться к так называемым историческим сенсациям, отделять факты от оценок, анализировать намерения тех, кто распространяет ту или иную историческую информацию.

В решении всех этих задач ключевой фигурой является учитель истории. Учитель истории и учебник истории играют ключевую роль в обеспечении связи между исторической наукой и общественным

историческим сознанием, а соответственно, и ключевую роль в наших усилиях по противодействию попыткам внедрения фальсифицированных версий истории в общественное сознание.

Переходя к возможным государственным и общественным мерам по противодействию попыткам фальсификации истории в контексте развития российского исторического образования, хотелось бы отметить то, что уже сделано. В 2005 году была радикально обновлена система экспертизы учебников. До 2005 года допуск учебников к использованию в школах осуществлялся через присвоение грифа Минобразования на основе экспертизы, проводимой экспертами, физическими лицами. С 2005 года экспертиза проводится экспертными организациями прежде всего Российской академии наук и Российской академии образования. В этом существенное преимущество нового порядка. Экспертиза теперь отражает не позицию отдельных экспертов, часто очень противоречивую, а является оценкой, выражающей консолидированное научное мнение по вопросам содержания учебника. Ответственность, научный потенциал и авторитет академий обеспечивают высокое качество экспертизы и не позволяют допустить к участию в образовательном процессе учебники, качество которых не соответствует предъявляемым требованиям.

Всего с 2005-го по 2008-ой год на экспертизу в экспертные организации поступило 144 учебника по истории, причем крупнейшие российские издательства приняли решение направить все учебники по истории и обществознанию на экспертизу досрочно. Из представленных учебников 36 получили отрицательные экспертные заключения. Да и другие учебники в процессе проведения экспертизы получали замечания и направлялись на доработку. Лишь после устранения замечаний учебники получили положительные экспертные заключения. В настоящее время, так как учебники действуют в течение пяти лет, мы приходим к ситуации, когда в школе используются учебники истории, прошедшие экспертизу по правилам 2005 года, и уже, скажем, грубых каких-либо нарушений, которые бы вызвали претензии, в них нет.

Но это не означает полного решения проблемы школьных учебников. Немаловажным в работе с учебниками истории является придание им не только научного характера, методической точности, но и гражданско-патриотического звучания.

Не менее серьезный вопрос — обеспечение вариативного исторического образования, наличие разнообразных учебников. И проблема состоит в том, как совместить эту вариативность с необходимостью выработки неких общих оценок наиболее важных и ключевых событий в истории Отечества и мировой истории. В этой связи серьезное внимание уделяется также экспертизе учебников для студентов системы профессионального образования, в том числе и дополнительного. В настоящее время утвержден перечень

госучреждений, которые имеют полномочия по проведению экспертизы учебных изданий и подготовке рецензии о возможности их использования в учебном процессе учреждений профобразования.

Наряду с совершенствованием механизмов оценки качества учебников развиваются новые подходы и к созданию учебников. В июне 2007 года состоялась Всероссийская конференция по актуальным вопросам преподавания новейшей истории и обществознания в школах. В ней приняли участие представители субъектов Российской Федерации, учителя истории и обществознания, победители приоритетного национального проекта «Образование», методисты региональных институтов повышения квалификации, представители педагогических вузов. Одной из главных тем обсуждения на этой конференции, а затем и на конференциях во всех федеральных округах стала книга для учителя «Новейшая история России».

По итогам обсуждения авторский коллектив очень значительно переработал книгу для учителя. Именно она стала основой разработанных учебников истории России для учащихся 11 классов. При этом особое значение придавалось тому, чтобы старшеклассники смогли ознакомиться с различными точками зрения, существующими в историографии, и на основании исторических источников, документов могли бы составить собственное представление о нашем прошлом. Эти учебники в 2007 году прошли экспертизу в экспертных организациях, были включены в федеральные перечни учебников и сегодня успешно используются, судя по отзывам, в школах. Сейчас по похожей схеме разрабатывается учебник по истории России первой половины XX века.

Однако разработка и экспертиза учебников — это только первый шаг по противодействию фальсификациям истории в процессе исторического образования. В текущем году сделан еще один шаг в этом направлении. Начат отбор издательств, по итогам которого определяются те, чьи учебные пособия будут использоваться в школах. Как известно, в последнее время достаточно большое количество нареканий было именно в адрес учебных пособий, а не учебников, которые, в отличие от учебников, не проходили экспертизу в Академии наук и в Академии образования.

Сегодня уже очевидно, что так же, как и в случае со школьными учебниками истории, целесообразно разработать новые учебники истории для вузов, осуществляющих подготовку учителей истории. Важно, чтобы они, как и школьные учебники, прошли широкое профессиональное и общественное обсуждение. Новые учебники по новейшей истории России для школ и вузов должны быть содержательными, методически взаимосвязанными и представлять собой единую методическую систему.

Очень хотелось бы подчеркнуть потенциально высокую роль системы повышения квалификации учителей для решения задач по предотвращению фальсификации истории. Подготовка учителя по

вопросам противодействия фальсификациям истории должна быть очень оперативной. И эту оперативность как раз и может обеспечить система повышения квалификации учителей. На наш взгляд, перспективная модель повышения квалификации должна обеспечивать в первую очередь возможность выработки на федеральном уровне неких общих оценок наиболее важных и ключевых событий в истории Отечества и в мировой истории через единство подходов к формированию содержания программ повышения квалификации во всех субъектах Российской Федерации.

Второе. Финансовые условия для повышения квалификации, конечно, должны быть равными и обеспечивать необходимое качество подготовки. К сожалению, сегодня финансовое и материальное обеспечение повышения квалификации в регионах отличается в разы.

И, наконец, необходимо учитывать стажевую специфику учителей истории и развивать инновационные и нестандартные формы повышения квалификации. Может быть, например, проводить слеты молодых учителей истории, приглашая для участия в них известных ученых, политиков.

В целом в связи с новыми задачами система повышения квалификации учителей, конечно, требует укрепления и развития на основе современных подходов. В частности, организационное и методическое решение задачи может быть осуществлено посредством создания многоуровневой модели системы повышения квалификации на базе федеральной академии. Условно ее можно называть «единым федеральным ресурсным центром», который осуществляет взаимодействие с региональными структурами повышения квалификации в различных формах, в том числе в дистанционном режиме.

Опыт проекта по созданию новых учебников истории, другие аналогичные проекты показали нам необходимость иметь ресурсные центры в федеральных округах. Они бы осуществляли координацию деятельности региональных учреждений повышения квалификации работников образования и, конечно, в первую очередь учителей истории и обществознания. Очевидно, что именно с исторического профиля целесообразно начать формирование целостной системы повышения квалификации учителей в нашей стране.

В современном мире ключевым направлением деятельности по противодействию попыткам фальсификации истории, безусловно, является развитие информационных образовательных ресурсов. Здесь также можно отметить уже существующие наработки. Сегодня создано и размещено в открытом доступе в федеральном центре информационных образовательных ресурсов несколько тысяч электронных ресурсов по истории. Активизируется работа по их продвижению среди пользователей, прежде всего среди учащихся, студентов и учителей истории. Так что и интернет становится нашим союзником.

В числе проблемных полей сегодня вопросы развития различных этнических групп в составе России и вопросы влияния России на послевоенный мир, в том числе страны так называемого социалистического лагеря. В этом проблемном поле сегодня возникает множество исторических фальсификаций. Активное противодействие историческим фальсификациям на этом направлении вряд ли возможно без диалога представителей российской науки, общества и государства с зарубежными коллегами по вопросам преподавания нашей общей истории в школах новых независимых государств и стран Восточной Европы. Конечно, невозможно (и никто не ставит такую задачу), чтобы преподавание истории в школах этих стран велось по нашим стандартам. Но мы обязаны стремиться к совместному созданию таких учебников и таких исторических курсов, которые, по крайней мере, не сеяли бы ненависть у одних народов бывшего Советского Союза и социалистического лагеря по отношению к другим. По инициативе России, наверное, мог бы быть реализован проект под условным названием «Толерантная история», в рамках которого профессиональные ученые — историки и педагоги из разных стран бывшего СССР и социалистического лагеря могли бы обсудить проблему. Я бы ее назвал так: нетолерантного сознания как следствия фальсификации истории. И понять необходимость согласования содержания школьных и вузовских учебников по истории. Во всяком случае, нам представляется важным вставить эту проблему в повестку дня международного сотрудничества России.

За последние годы, благодаря активной позиции Академии наук, общественности, нам удалось устранить наиболее грубые содержательные и педагогические ошибки 1990-х годов в историческом образовании. В развитие этого мы продолжаем работу и по усилению требовательности к экспертизе учебников, и по развитию технологий создания новых учебников, отработанных, кстати, при большой организационной поддержке Администрации Президента и полномочных представителей Президента в федеральных округах на учебниках истории и обществознания для 11 классов. И, конечно же, по формированию более сфокусированной, более централизованной федеральной и региональной системы повышения квалификации учителей, чтобы поднять уровень и научной, и методической, и психологической, и мировоззренческой культуры учителя. Но эффективность работы школы будет в сотни раз выше, если с вектором исторического образования будет сонаправлено и то, что молодой человек получает из средств массовой информации, в том числе и электронных, из книг, в том числе историко-художественных, с тем, что он слышит от родителей. Только такая сонаправленность наших действий, в том числе через содержание и практику работы нашей Комиссии, способна принести действительно значимый, весомый результат в формировании объективного и позитивного отношения молодежи к истории своей Родины.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо.

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса, я хочу поблагодарить прессу и сказать, что после окончания заседания трое наших коллег ответят на ваши вопросы, которые касаются и философии работы Комиссии, и актуальных вопросов, по которым идут исторические споры, ну и по тем вопросам, которые были сегодня в повестке дня заседания Комиссии. Спасибо.

Уважаемые коллеги, есть ли вопросы к Исааку Иосифовичу? Пожалуйста.

НАРОЧНИЦКАЯ Н. А.:

Я хотела бы спросить, соглашаясь с важностью анализа школьных учебников, существует ли сейчас практика, которая была в советское время, обсуждения с западными министерствами просвещения национальной истории друг друга в школьных учебниках?

Дело в том, что изучение истории, скажем, другой страны в школьных учебниках закладывает так называемое фоновое представление о стране, которое, по оценкам аналитиков-социологов, способно многократно мультиплицировать положительную либо отрицательную информацию о сегодняшнем дне той или иной страны. Мне кажется, формы такой работы могут быть совершенно различными сейчас, учитывая специфику нового времени. Тогда со стороны западных партнеров противодействия этому не было, поэтому были двусторонние комиссии. Это, мне кажется, очень важно.

НАРЫШКИН С. Е.: Исаак Иосифович, прокомментируйте, пожалуйста.

КАЛИНА И. И.: К сожалению, работа этих комиссий, много лет назад была приостановлена. И мы сейчас общаемся с коллегами из министерств, я бы сказал так, в разовом порядке. Когда мы у них бываем, когда они к нам приезжают, обязательно проходит обсуждение темы учебников истории. Как правило, обмениваемся учебниками истории. Сейчас идут переговоры с нашими коллегами, в первую очередь с ближними соседями, по этим вопросам. Мы надеемся, что и Министерство иностранных дел нас поддержит в этом вопросе. Мы готовы к созданию нескольких межгосударственных комиссий.

НАРЫШКИН С. Е.: Вопрос и замечание правильное. Давайте внесем это в наше решение.

Еще вопросы к Исааку Иосифовичу?

Давайте перейдем к обсуждению. Андрей Евгеньевич Бусыгин — заместитель Министра культуры.

БУСЫГИН А. Е.:

Уважаемые члены Комиссии!

Минкультуры России имеет несколько направлений работы в плане формирования исторического сознания. Даже речь идет не о самом Министерстве,

а о сферах, которые оно как бы курирует с государственной стороны, и о подведомственных учреждениях.

Это архивы, библиотеки, музеи и кино. Телевидение не относится к нашей сфере, но здесь очень много сопряженных проблем. Кстати говоря, Исаак Иосифович, когда говорил о стихийном восприятии или изучении истории, назвал и художественную литературу, и СМИ, правда, кино ни разу не упомянул. А это, надо сказать, один из действенных рычагов влияния на историческое сознание.

Прежде всего — о музеях. Музеи в настоящее время стали сотрудничать с архивами. И одной из действенных, оперативных, очень быстрых форм реагирования на те или иные факты фальсификации истории являются совместные выставки, которые организуются музеями и архивами: и документы, и материальные свидетельства событий. Причем музейная работа ведется очень широко. Я должен упомянуть только несколько примеров.

В июле 2009 года в Музее современной истории России открыта выставка — «И вспыхнул мировой пожар». Сейчас там готовится новый долгосрочный музейно-выставочный проект — «Правда и мифы: памятники истории и свидетельства».

Кроме того, должен сказать, что очень скоро пройдет Всероссийская научно-практическая конференция «Историческое знание и музеи». Кстати, она проходит на базе Брянского государственного объединенного краеведческого музея. И сейчас в плане музейной работы у нас заявлено в марте 2010 года на базе Государственного центрального музея современной истории России провести международную научную конференцию «Роль музеев в решении проблемы противодействия фальсификации российской истории». Думаю, это будет один из серьезных вкладов в процесс противодействия фактам фальсификации истории.

Несколько слов о кинематографе. Надо сказать, что научную монографию прочтут, можно сказать, единицы, если говорить о масштабах всего общества. Учебник, к сожалению, из-под палки прочтут все, но прочтут через абзац, если учитель не вдолбит то, что нужно изучать. Что касается фильма или художественного произведения — это прочтут миллионы. Особенно, если это интересно, если это захватывающе.

Причем в кинематографе и в литературе мы встречаемся часто не с сознательной политизацией истории, а просто создатели стремятся создать сенсацию, может быть, заработать на этом больше денег. Может быть, для того, чтобы создать себе имя, правда, весьма сомнительное. Но тем не менее таких фактов много, даже когда речь идет об истории Второй мировой или, как мы совершенно справедливо называем ее, Великой Отечественной войны. Сейчас решается вопрос о привлечении научных консультантов, таких, например, как Институт воен-

ной истории Минобороны России. Однако решение вопроса о привлечении консультантов находится в компетенции продюсера фильма. И даже, если Минкультуры России, а раньше это было Агентство по культуре и кинематографии, обращается к тем или иным консультантам, то продюсер волен их сманить, и найдет такого консультанта, который ему нужен. Кроме того, вопрос о создании фильмов, даже и документальных, может быть решен без привлечения консультантов.

Поэтому в настоящее время, если говорить о Федеральном законе о государственной поддержке кинематографии Российской Федерации, то средства на производство национальных фильмов выделяются продюсеру, а он может привлекать, может не привлекать. Поэтому сейчас, после внесения соответствующих изменений в этот закон, фильм, который на 100 процентов будет финансироваться из федерального бюджета, целесообразно включать в государственный контракт или договор о предоставлении субсидий из федерального бюджета с требованием об обязательном привлечении консультанта. Государство всегда имело и будет иметь потребность в создании пропагандистского, не будем бояться этого слова, но качественного высокохудожественного продукта. И здесь, конечно, заказчику предстоит свою волю выразить в полном объеме. Поэтому мы можем требовать обязательного привлечения консультанта, не влияя на художественно-постановочную сторону создания фильма.

Если по итогам сегодняшнего заседания будет принят какой-то документ, какое-то протокольное решение или резолюция, то мы предлагаем закрепить, чтобы: Минкультуры включало бы в государственный контракт или договор о предоставлении субсидий из федерального бюджета кинопроектов на исторические темы, осуществляемые при полном государственном финансировании, требование об обязательном привлечении консультантов.

Но дело в том, что таких фильмов будет немного, если они полностью будут финансироваться за счет федерального бюджета. Каждый третий россиянин отказывается смотреть отечественное кино и из 155 картин, снятых в России в прошлом году, только 18 дошло до большого экрана. И только шесть картин смогли собрать больше 1 млн. долларов при средней цене за билет 4 доллара. Это было недавно в СМИ. Так что огромное количество кинолент точно так же, как и большое количество и документальных лет, и художественных произведений, и телевизионных фильмов, пойдут на свободный рынок без научного консультирования.

Надо сказать, что года два назад мне лично довелось выдержать довольно-таки серьезную атаку уважаемых членов Российского организационного комитета «Победа», которые собрались на совещание, пригласили представителя Минкультуры России для того, чтобы высказать ему все претензии по поводу

■

выхода на экраны кинофильма «Сволочи». Они требовали запретить. Но всякий запрет — это цензура, которая невозможна, немыслима никак.

Никакая цензура, а только воздействие «мягкой силой», организация общественно-публичных, общественных дискуссий вокруг таких произведений может направить общественное сознание, историческое сознание в необходимое, соответствующее государственным интересам русло.

Причем надо сказать, что здесь встает очень серьезный вопрос — соотношения исторической правды и художественного вымысла. Наверное, не чиновнику говорить об этом. Об этом должны говорить публицисты, об этом должны говорить деятели культуры. Но тем не менее это очень серьезный вопрос, который имеет давнюю историю. Потому что, скажем, если вспомнить Ришелье Александра Дюма, то его литературный образ очень мало похож на исторического прототипа. Дюма печатал свое произведение выпусками, как бы сейчас писали «продолжение следует». Это был такой своеобразный телесериал — литературный сериал 40-х годов прошлого века. Ему надо было держать всю аудиторию в напряжении. И, как он сам говаривал, что «да, конечно, я насилюю историю, но я делаю ей прекрасных детишек».

Это продолжается и сейчас, в настоящее время. Причем воздействие таких произведений, в том числе и на историю Второй мировой войны, может быть весьма и весьма разрушительным.

Что делать? В истории России были такие периоды, скажем, первая половина XIX века, когда творил Белинский. У государства был свой рычаг — цензура, а у прогрессивных слоев общества, патриотически настроенных, был другой рычаг — критика. Сейчас очень много говорят о том, что критика бездейственна, беззуба, она потерялась. Так вот вам, пожалуйста, поле для критики. И поэтому на первом заседании Комиссии, мы считаем, нужно подчеркнуть, что создание этой Комиссии, ее работа ни в коем случае не ведет к введению цензуры. Мы бы предложили от Минкультуры тоже формулировку в наше решение, скажем (это не только Минкультуры, а Минкультуры России, Мининформсвязи России, Роспечати во взаимодействии с Общественной палатой Российской Федерации, творческими союзами, общественными организациями): с целью противодействия появлению или обнародыванию произведений, искажающих историческую правду, вплоть до ее фальсификации, широко практиковать развертывание общественно-политических, публицистических дискуссий вокруг спорных произведений и проведение их общественно-художественной экспертизы. Это единственно возможный путь. Но если проводить его умело, широко, если этим будут заниматься не чиновники, а люди знаковые, известные в культурной среде, то это, думается, вызовет свое действие и будет способствовать формированию исторического сознания, прежде всего, молодого поколения.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Андрей Евгеньевич. Андрей Юрьевич Романченко — заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

РОМАНЧЕНКО А. Ю.:

У нас есть в принципе одна единственная возможность — мы можем оказывать государственно-общественную поддержку производству и распространению через каналы массовой информации, массовых коммуникаций продукции социально значимой тематики. У нас в принципе есть четыре основных направления, и финансирование этих направлений идет уже в течение последних, наверное, 8–9 лет.

Что это за направления? Это поддержка социально значимых проектов в электронных средствах массовой информации, в печатных средствах массовой информации, в книгоиздании. При этом хотелось бы отметить, что технология организации и проведения всех этих конкурсов — это всё конкурсы, это всё деньги, которые проходят по статье расходов «субсидий». То есть это долевое финансирование государства. 100 процентов у нас практически никогда денег не выделяется. Выделяется обычно где-то от 50 до 70 процентов.

Если останавливаться отдельно на каждом из направлений, то первое — это поддержка электронных средств массовой информации. Мы за последние три года выделили более 150 млн. рублей на производство 52 телевизионных, радио и интернет-проектов исторической тематики. Причем в 2009 году особое внимание мы, конечно, уделяем проектам, посвященным событиям Великой Отечественной войны в преддверии 65-летия Победы. Мы выделили средства по конкурсу, два раза проходил в этом году экспертный совет, ряду телеканалов, в том числе телеканалам «НТВ», «ТВ-Центр», «Звезда», нескольким региональным каналам, радиостанции «Радио России». Есть особо интересные проекты. Например, у нас с 2001 года финансируется интернет-ресурс, который называется «Я помню». Это сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны как солдат и офицеров, так и тех, кто работал в тылу или находился даже в зоне оккупации. Причем самое интересное, что этот ресурс ведут очень молодые ребята, ведут очень успешно, и сейчас там в районе уже 700 различных интервью. Если вспоминать еще подобные проекты, то Анатолий Григорьевич Лысенко в свое время делал целый ряд, где-то около тысячи, видеointerview с участниками Великой Отечественной войны. Эти все интервью сейчас находятся в Гостелерадиофонде. И они в принципе доступны всем телевизионным каналам.

Отдельное внимание у нас уделяется историческим датам. Если кратко останавливаться, то у нас выходил ряд историко-документальных телевизионных радиопроектов, посвященных 1150-летию Велико-

Новгорода, выходил целый ряд телевизионных и радиопрограмм, посвященных 450-летию Астрахани. А сейчас мы выделили средства на несколько проектов, посвященных 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России.

Если говорить о печатных средствах массовой информации, то вы, наверное, обращаете внимание, что в центральных федеральных изданиях очень часто появляются статьи исторической тематики. Мы можем здесь упомянуть газеты и «Аргументы и факты», и «Российскую газету», и «Известия», и даже «Комсомольскую правду», «Московскую правду» и многие другие газеты.

Из подведомственных предприятий, вы знаете, что у нас существует журнал «Родина», учредителем которого является Правительство Российской Федерации и Администрация Президента Российской Федерации. В этом году были спецвыпуски, посвященные Полтавской баталии (360-летию). Номер был целиком посвящен историческим событиям 1709 года. В июне 2008 года был издан специальный выпуск этого журнала «Три Софии. Киев — Новгород — Полоцк». А в мае 2009 года был специальный номер, посвященный 1150-летию Великого Новгорода.

Многие даты еще были упомянуты. Это и 1000-летие Ярославля, были специальные серии публикаций и циклы телевизионных и радиопрограмм, посвященных 200-летию со дня рождения Гога, 175-летию со дня рождения Менделеева, 150-летию со дня рождения Попова. Если, в общем и целом, подводить итог, то за последние 3,5 года нами было направлено на финансирование социально значимых проектов около 53 млн. рублей, и это позволило нам в общей сложности поддержать 132 проекта.

С другой стороны, конечно, нельзя сказать, что усилия российских печатных средств массовой информации по популяризации отечественной истории являются системными. Нужно это признать.

В области книгоиздания у нас существует федеральная целевая программа «Культура России» Минкультуры России является главным по этой федеральной целевой программе. И мы ежегодно финансируем примерно до 30 названий книг исторической направленности, которые рассказывают о разных этапах отечественной истории. Не буду останавливаться конкретно на каких-то книгах, но скажу, что у нас в этом и следующем году будет особое внимание уделяться поддержке выпуска книг, приуроченных к юбилею Победы в Великой Отечественной войне.

Используем мы и международные инструменты. Например, на XI заседании Межгосударственного совета по сотрудничеству в области периодической печати книгоиздания и книгораспространения стран-участниц СНГ было принято специальное решение о внесении номинации «Победа» в Положение о ежегодном международном конкурсе «Искусство книги». Это значит, что в 2009–2011-м годах будут рассмотрены издания государств-участниц СНГ, при-

уроченных к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Здесь есть проблема. По сравнению с 2008 годом бюджетное финансирование выпуска социально значимой литературы в рамках ФЦП «Культура России» сократилось со 112 миллионов в 2008-м году до 95 миллионов в 2009-м, а в тех бюджетных проектах, которые существуют на 2010-й и последующие годы, эта программа вообще сокращается почти в пять раз. Мы боремся, потому что считаем, что такой подход неоправданный, он не может не отразиться на поддержке выпуска литературы, пропагандирующей отечественную историю, и, конечно, точно скажется отрицательно на системности в подходах к этой работе.

Четвертое направление включает в себя проведение конкурсов среди иностранных журналистов, например, на лучшее освещение темы Победы, организация диалога с зарубежными меди-сообществами, конференции, «круглые столы» и многие другие мероприятия, многие другие формы. Например, с Министерством обороны Российской Федерации мы проводим конкурс «Патриоты России». Это очень сильный конкурс. По итогам 2008 года в финал конкурса вышли средства массовой информации из 69 субъектов Российской Федерации. Были заявки от 304 электронных и печатных средств массовой информации, в том числе 74 телевизионных и 35 радиокompаний, 25 редакций журналов и 170 редакций газет. Причем, в конкурсе наиболее активно участвуют региональные средства массовой информации. И с большим трудом мы как-то уговариваем, заставляем участвовать в этих конкурсах центральные телевизионные каналы, центральные издания.

В этом году мы проводим уже восьмой раз этот конкурс, Церемония награждений пройдет в городе-герое Волгограде. При всем при том надо отдать должное, что администрации субъектов Российской Федерации очень активно в этом участвуют.

Есть еще отдельный аспект — это работа на зарубежную аудиторию. Я знаю, что в ряде докладов сейчас будет эта тема затрагиваться. У нас существует радиокompания «Голос России», которая вещает сейчас на 39 языках в 117 стран мира и ведет достаточно популярный интернет-портал на 33 языках. Вы все знаете о проекте «Russia today», о проекте на арабском языке. И, мы надеемся, что до конца года выйдет испанский вариант этого телеканала.

Все вы знаете, наверное, о вкладках «Российской газеты», которая сейчас выходит в крупнейших газетах США, Великобритании, Индии, Болгарии, Бразилии. Использовать популярные средства массовой информации для донесения той информации, которую тебе нужно донести до читателей, зрителей или слушателей, более результативно, чем создание новых средств массовой информации.

Подводя итог, нужно признать, что все-таки был очень длительный период такого, мягко говоря, неделикатного обращения с отечественной историей.

И так как в последнее время действительно заметно активизировались попытки ее фальсификации на всех уровнях за рубежом, учитывая то, что против нас работают умные и сильные противники, конечно, решение проблемы популяризации российской истории потребует очень значительных усилий, времени и, я так думаю, возможно, дополнительного финансирования, о чем, может быть, на одном из каких-то будущих заседаний нашей Комиссии мы сможем поговорить.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо.

Андрей Юрьевич, у меня один комментарий к Вашему выступлению. Вы упомянули о существовании большого архива телеинтервью. Я могу предположить, что в основном это телеинтервью с нашими соотечественниками.

РОМАНЧЕНКО А. Ю.: Да.

НАРЫШКИН С. Е.: Хотя есть и другие. Но исходя из того, что такая интенсивность попыток фальсификации истории Второй мировой войны как раз исходит с территорий и из политических кабинетов стран Центральной и Восточной Европы и бывших республик Советского Союза, некоторых республик, то противопоставлять этим попыткам фальсификации надо мнение участников событий и граждан тех странах. Их, к сожалению, становится все меньше и меньше. И нам нужно, уж извините за такой глагол, успеть взять как можно больше телеинтервью как раз у участников событий из стран Центральной и Восточной Европы.

Может быть, дать нам задания каналам? Возьмите это на заметку.

РОМАНЧЕНКО А. Ю.: Хорошо, мы подумаем, Сергей Евгеньевич.

НАРЫШКИН С. Е.: Александр Борисович Пovalко — заместитель руководителя Федерального агентства по делам молодежи. Пожалуйста.

ПОВАЛКО А. Б.:

Добрый день, уважаемые коллеги!

Молодой человек по сути своей гораздо более пластичен и восприимчив, нежели человек взрослый, к устоявшейся картине мира. Это, с одной стороны, хорошо. Он достаточно легко формирует адекватную картину истории. С другой стороны, он более восприимчив к историческим фальсификациям. Исаак Иосифович упоминал в своем выступлении о самообразовании, о том образовании, которое формируется у человека под воздействием окружающей среды. Молодой человек выходит с урока, молодой человек выходит с лекции, он попадает в информационную среду, которая активно и последовательно формирует ему картину мира. Это несколько каналов. Это

мнения родителей, друзей, коллег. Это, безусловно, фильмы и художественные произведения, это СМИ, конечно, это интернет. Мы видим свою роль именно в той части, которая касается среды за порогами учебных заведений.

Первое — интернет. В сети существует достаточно большое количество ресурсов, посвященных исторической тематике. Однако, если сделать достаточно простой запрос, то в активной фазе работает около 500. Порядка десяти ресурсов из них показывают посещаемость более тысячи человек в день. Это сообщества, это интернет-сайты исторических обществ, это сообщества и формы по интересам.

На 27 августа наивысший рейтинг посещаемости имел портал, рассказывающий об униформе, наградах, вооружении вермахта, СС. Это показывает, что поле для работы в интернете существует. Это говорит о том, что необходимо консолидировать усилия существующих энтузиастов, молодых ученых-исследователей, создать единый портал, который позволил бы эффективно предоставлять интересные, воспринимаемые молодежной аудиторией форматы и отражая презентации ключевых событий и персонажей русской истории.

Что касается контента. Да, есть сложившийся актив интервью, сложившийся архив фильмов. Хорошим способом наращивания традиционного контента являются свободные, открытые конкурсы, творческие конкурсы. Мы сейчас запустили несколько конкурсов в сообществе анимешников — знаете. Чтобы было понятно, объем движения их в Москве порядка 40 тысяч. Эти конкурсы касаются православия, ключевых дат российской истории, в частности, 4 ноября. И мы рассчитываем получить интересные, в первую очередь для молодежи работы, новые формы представления событий.

Когда говорилось о фильмах, книгах, говорилось о необходимости оценки, о необходимости присутствия научных консультантов в процессе создания этих фильмов, я согласен. Я также считаю, что должна быть сформулирована четко позиция по ключевым историческим событиям, не лакированная, честная, безусловно аргументированная. Но здесь, на мой взгляд, речь должна идти не о запретах, а о поддержке тех фильмов и книг, которые соответствуют этой позиции.

Должна быть выстроена система мониторинга ситуации с фактами фальсификации истории. Это должна быть, конечно, как официальная инициация такого рода событий, это инициация энтузиастами, это инициация упоминавшимися молодыми историками. Кроме того, это должна быть предоставлена публичная возможность заявить о возможных актах фальсификации. Здесь необходимо активно и последовательно разбирать, давать экспертную оценку, и в случае подтверждения факта фальсификации, необходимо выстраивать схему противодействия, схему реагирования.

Что касается государственных праздников, это, безусловно, сильнейший способ сформировать представление об истории. Конечно, первое, это 65-летие Победы. Мы предложили бы добавить к программе празднования создание молодежной патриотической организации на пространстве СНГ, например, на базе объединений поисковых, на базе идеологии поисковых отрядов. В такие отряды порядка 60 тыс. человек вовлечены в России, существуют эти отряды на Украине, в Белоруссии.

Еще один праздник, на мой взгляд, крайне важный — это День космонавтики, это день ошеломляющей Победы, ошеломляющего российского, советского технологического прорыва, величайшей победы XX века. Сейчас праздник этот не воспринимается вообще. В 2011-м году будет 50 лет первого полета человека в космос. На мой взгляд, эта дата, если не сопоставима с 65-летием Победы, то должна идти где-то следом в ближайших рядах.

Со своей стороны мы готовы подготовить, если это принимается, предложения по вовлечению молодых людей в празднование 50-летия первого полета.

У нас по Году молодежи было запущено несколько проектов, один из них был назван именем Владимира Заворыкина. В этом проекте порядка 10 тыс. человек — это молодые новаторы со своими проектами. Волей-неволей они узнали, кто такой Владимир Заворыкин, они узнали о русском приоритете в создании телевидения. На мой взгляд, это хорошая практика, и значимые государственные проекты могли бы называться именами исторических личностей. Наконец, мы считаем, что адекватные представления о российской истории должны транслироваться в том числе за рубежом.

Что мы здесь предлагаем? Можно воспользоваться опытом проведенного в этом году на федеральном уровне лагеря-форума на Селигере. Скорее всего, вы знаете о том, что там происходило. Прекрасный способ объединения людей, прекрасный способ передачи крайне интенсивной образовательной программы. Такие лагеря могут быть созданы и проведены совместно со странами ближнего зарубежья, привлекающая молодых людей, как с нашей стороны, так и со стороны стран-партнеров.

Молодежные проекты, которые нацелены на выстраивание горизонтальных, личностных связей. У нас в этом году несколько такого рода проектов было поддержано. Один называется «Точка тref», Ребята, россияне, из Петербурга вышли на прямой контакт с немецкими журналистами, пригласили их сюда. Они также участвовали в лагере «Селигера». Прекрасное отношение. Гораздо более четко понимают, что за страна Россия, что за люди здесь живут.

И последнее. Последнее — это работа молодых ученых: проведение конференций молодых ученых-историков по острым вопросам, в частности, в привязке к историческим датам; проведение выездных научных школ. Здесь, безусловно, мы должны дей-

ствовать в крайне тесном контакте с Министерством образования. Собственно говоря, это то, что можно сделать быстро, можно сделать без затрат и относительно каких-то значимых, огромных ресурсов. Тем не менее мы считаем, что эта работа должна начинаться. Эта работа не может восприниматься как разовая акция, эта работа на годы. Человек-патриот стоит на двух, так сказать, ногах: гордость за историю, гордость за текущие победы страны. Мы не можем ни в коем случае подсекать себя.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Александр Борисович. Пожалуйста, уважаемые коллеги, у кого еще есть комментарии по обсуждаемому вопросу, может быть, более короткие, чем выступления, которые вы услышали.

Пожалуйста, Александр Оганович.

ЧУБАРЬЯН А. О.: Я хотел бы сказать несколько слов в связи с докладом Исаака Иосифовича. Очень впечатляющая картина, конечно, очень много делается в стране, но вот то, что меня беспокоит. Учитель и ученики — все-таки в школу поступает мало сведений обо всем том, что мы делаем.

Встречаясь с директорами школ, с учителями, даже учитель не может охватить всю ту информацию, которая поступает. Между тем потоки книг, в которых распространяется так называемая лжеистория, нарастают, огромными тиражами они идут. Поэтому у меня есть такое предложение. Может быть, от имени нашей Комиссии можно было бы подготовить оперативно не большие книги, а специальную библиотеку для учителя истории, которую можно было бы сделать даже в Академии наук, в МГИМО, скажем, в крупных университетах по таким ключевым проблемам российской и мировой истории специально для учителя. Оперативно ее выпускать каждый год и рассказывать о том, что происходит в науке. По крайней мере, встречи с учителями показывают, что они очень это бы поддержали.

Второй вопрос. Здесь была поднята идея встреч молодых историков. Я бы очень поддержал эту идею. Хорошо, чтобы Министерство поддержало это, но это уж не такие большие средства — летние школы молодых историков, в том числе со странами СНГ. Вот у нас есть такой механизм, мы каждый год проводим встречи историков стран СНГ. Уже было пять встреч, следующая будет в Минске, посвященная войне. И что очень интересно, Сергей Евгеньевич, что они начинают получать поддержку не только в СНГ. Мы провели в этом году, в начале года, первую встречу молодых историков России и Литвы в Вильнюсе. И сейчас литовцы предлагают сделать то же самое. Причем как раз надо брать те страны, в которых в наибольшей степени идут потоки всяких извращений.

И последнее. Наталья Алексеевна, Вы спросили насчет Комиссии историков. Это очень существен-

ный вопрос, но я Вам должен сказать, что сейчас есть препятствие по всему миру. Немцы с поляками 17 лет ровно хотели написать учебник по истории, и у них ничего не вышло. Только единственный учебник, который есть, — это германо-французский, причем довольно своеобразный учебник, но он, конечно, сыграл большую роль в примирении народов. Сейчас есть договоренность, причем поддержанная нашим Президентом и Федеральным канцлером Германии, о создании совместного российско-германского учебника истории. Я придаю этому большое значение, потому что голос Германии в Европе был бы важен для противодействия.

И, Сергей Евгеньевич, мне хотелось проинформировать. Я сейчас прилагаю все усилия для того, чтобы в ноябре уже состоялась первая рабочая встреча, мы начали действовать в этом направлении, чтобы не повторили печальный германо-польский опыт.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Александр Оганович. Сергей Александрович, пожалуйста.

МАРКОВ С. А.: Я не буду отвлекать время на поддержку выступлений коллег. В частности, действительно блестяще прошли по германскому учебнику. Тем более, что его можно активно использовать и на других площадках, в частности, на Украине. Мы в результате получаем как бы российско-евросоюзский учебник и можем активно его использовать. Конечно, прекрасная идея о летних школах с участием историков.

Очень важное значение имеет тревожный процесс вымывания гуманитарных дисциплин из университетских курсов вообще, и истории в частности. Мы должны остановить этот процесс и, прежде всего, по истории.

Что касается массового общественного сознания, я полностью поддержал бы позицию Министерства культуры. Конечно, фильмы имеют ключевое значение. Поэтому все равно нам придется принять решение о финансировании серий фильмов.

Следующий момент, на который я хотел обратить внимание, мы его почти не касались, речь идет о фальсификации не только политической. Я имею в виду многочисленные полки в книжных магазинах, отданные для такого рода фальсификации, отрицающей, по сути дела, Рим, Грецию.

Происходит размывание классического гуманитарного знания. И именно в брешь, пробитую книгами Фоменко, входят фальсификации сугубо политические. Историки проводили неоднократно конференции, книги издавали, но проблема существует, она не решена.

Еще один момент, на который я хотел бы обратить внимание, это история этнических групп, присоединившихся в различное время к Российской Федерации. Сейчас, как вы знаете, у нас достаточно остро стоят кавказские проблемы. В этой связи мне

довольно много приходится общаться с нашими коллегами из Адыгеи, из Абхазии, черкесской группы. Там, знаете, такое варево происходит, из которого вывариваются зачастую не очень правильные вещи. Не знаю, приходилось ли видеть вам фильм «Черкесия». Не так давно он вышел, распространяется на DVD-дисках. Он о том, что была страна Черкесия, потом она была завоевана. Великая была страна. Мне кажется, что нам нужно больше внимания уделить в этих республиках формированию исторической концепции, ориентированной на многокультурность современного российского государства, на максимально благоприятные отношения между этническими группами. Мы должны уделить внимание этим сложным историческим процессам.

Я предложил бы создать какие-то рабочие группы с участием ученых из университетов, чтобы была экономическая интерпретация исторических событий. Потому что, если мы не даем эту интерпретацию, то туда врывается огромное количество других.

И самое последнее. У нас происходят очень важные политические дебаты, связанные со Второй мировой войной, с Полтавской битвой. Мне кажется, есть элемент нашего запаздывания. Во всех этих ситуациях мы практически действуем в цейтноте. Эти книги вышли, но вышли они — сегодня, насколько я понимаю, 28 августа, а 70-летие было 23 августа, — и перед этим было тоже огромное количество публикаций. Нужно, чтобы к этому времени у тех журналистов, обозревателей, которые говорят и пишут по этой тематике, уже были необходимые материалы. Поэтому я бы предложил создать тоже некоторый перспективный план по поводу будущих политических битв за историю, которые состоятся в ближайшее время, и начать готовиться к ним заранее.

ЗАГУЛИН К. Ф.: Пауза, прошедшая с момента выхода Указа Президента и нашей встречи, показала, что и общественное ожидание, и общественное опасение представителей исторической науки и политической элиты от создания Комиссии чрезвычайно велика. Мы все хорошо знаем, что уже в процесс обсуждения — нужна Комиссия или нет — вмешались из-за рубежа известными резолюциями. Я, безусловно, принципиальный сторонник создания Комиссии, это очевидно. В какой-то мере, мне кажется, ход нашего обсуждения, который задан был фразой, которую Исаак Иосифович сказал в самом начале: «Мы сейчас историю обсуждать не будем, а будем говорить о тех, кто мне ближе — о преподавателях истории», — такой ракурс возможен. Тем не менее, нам не уйти от целого ряда вопросов, не обсудив которые, мы все время будем на них наткаться.

Прежде всего, хотел обратить внимание на то, что, как мне кажется, есть три источника фальсификации, один вполне естественный и два целенаправленные. Первый — это невежество, то есть просто непредставление своей истории, и справиться с невежеством, безусловно, возможно, и опыт борьбы

с невежеством в разные периоды истории России и Советского Союза, существует. Есть, скажем, то, о чем говорил Сергей Александрович, о творениях Носовского, Фоменко. Не думаю, что Комиссия должна заниматься отповедью им. Это вполне в состоянии сделать профессиональные историки, рассказывая просто-напросто даже без ссылок на этих авторов о фактах отечественной или зарубежной истории.

Мне кажется, острота в этом вопросе давно миновала. Если говорить об этих авторах, уже нет такого впечатления от их трудов, которое было в первое время.

Есть два других направления фальсификации — это фальсификация истории, которая допускается, исходя из внутренних политических, национальных и иных обстоятельств внутри самой России. Это, безусловно, фальсификация, которая взаимосвязана с деятельностью политических групп, и она может быть разной. Если, допустим, сказать о политических партиях, политических силах, то заведомо ясно, что если мы сталкиваемся с представителями правых сил, то, значит, мы будем слышать один набор исторических фактов и интерпретацию их. Например, о сталинском периоде. Если мы сталкиваемся с представителями коммунистической партии, мы будем слышать совсем другой набор аргументов по тому же самому периоду. Между прочим, не менее вредоносный, когда говорится, что ничего похожего на репрессии не было и быть не могло.

Есть и то, о чем говорил Сергей Александрович, причем не только применительно к Кавказу. Процесс национального самоопределения и сам факт существования национальных республик в составе Российской Федерации предполагает, что есть претензия на написание своей национальной истории. В адрес Комиссии, уже было несколько таких обращений, пока еще Комиссия не собиралась, поскольку Комиссию теперь воспринимают как некий такой суд окончательной инстанции. Неправильно воспринимают, но такое отношение есть, связанное с выходом книги «Освободительная борьба татарского народа». Есть целый ряд другой литературы в Татарстане такого рода. Есть сегодня уже отклики за рубежом на дискуссии в Башкирии и их продолжение в правоохранительных органах.

И есть третье, то, о чем, как я понимаю, мы будем говорить сейчас. О попытках зарубежных интерпретаций нашей российской истории, которая, как мне кажется, с точки зрения важности, делится все-таки на две части: попытки, которые проистекают из стран нового зарубежья, стран СНГ и Прибалтики, которые вчера еще были частью нашего общего пространства и претендуют на знание происходившего в Советском Союзе. И попытки — из дальнего зарубежья.

Я хотел бы обратить внимание на то, что сосредоточиться исключительно на теме Второй мировой войны не удастся. Мне кажется, нам все равно придется определить какую-то группу тем, к которым должно быть привлечено внимание Комиссии в силу

их актуальности. И вот темы, связанные с далекой историей, сегодня иницируются из ближнего зарубежья. Сейчас разворачивается конкуренция за само название «Русь», ибо есть группы на Украине, которые публично утверждают, что мы похитили это название. Все, связанное с «Русью», принадлежит Украине. Это и есть Русь. Вы знаете, что в украинском языке вообще слово «русский» и слово «российский» — это предмет языковой фальсификации. Нет на украинском языке слов «русский язык», а есть слова «российская мова». Это не так безобидно.

Есть целый ряд других такого рода вопросов. Мне кажется, очень важно было бы объективно отнестись к вопросу о том, откуда наши граждане, в том числе молодое поколение, все это черпают? Здесь были попытки обсудить этот вопрос. Мне кажется, для того чтобы быть объективнее, имело бы смысл провести хотя бы какое-то, может быть, одно, может быть, серию социологических исследований, из которых все-таки еще раз уточнить для себя, откуда люди черпают информацию о собственной истории: от родителей, из кино, из телевидения, из учебников. И выяснится, что доля внимания, которую мы действительно уделяем учебникам, — безусловно, важной теме, она все-таки не идет в сравнение со многими другими, с более современными факторами влияния на формирование взгляда на историю.

Мне кажется, что сама проблема фальсификации истории носит разрушительный для нас характер, в том числе в силу характера российского государства, сложносочиненного, с национальными республиками, с принципом национально-государственного строительства, в определенной степени реализованного в советские годы. И, безусловно, приоритет деятельности Комиссии должен быть отдан тому, с чем мы можем сейчас постараться каким-то образом справиться, — это организовать эффективный отпор попыткам фальсификации в ближнем зарубежье и собственным вопиющим и одиозным попыткам фальсификации отечественной истории.

Я не буду далеко ходить, вот я захватил книгу, всем нам известного и многими любимого Гавриила Харитоновича «Вызываю дух генерала Власова». Это книга, которая сегодня продается. Никаких комментариев по этому поводу нет.

Это книга Гавриила Попова, где он требует поставить Власову вместе с Сахаровым памятник как первому борцу против тирании.

Я напомним, Гавриил Харитонович Попов является ректором университета.

РЕПЛИКА: Президентом университета.

ЗАГУЛИН К. Ф.: Президентом, прошу прощения, президентом университета, то есть он на этих идеях учит в этом университете, если я правильно понимаю. И мы должны каким-то образом, безусловно, это оценить.

Конечно, комиссия должна действовать эффективно, но самое лучшее будет, если о ней, о ее деятельности в этом плане будут узнавать через результат. Я должен сказать о том, что мы должны адресовать в спокойном стиле и тоне претензии представителям нашей исторической науки, которые пока еще не выработали сами, самостоятельно, без помощи государства. И, наверное, их можно понять, у них ограничены возможности. Можно всех понять, но есть и определенный снобизм: нам навязали Комиссию, которая нас сейчас будет судить, это невежественные люди, которые не разбираются в истории, и вот они теперь будут вводить цензуру. Вы знаете, эта точка зрения распространялась. Но тогда позволительно задать вопрос: а в какой степени были эффективны усилия исторических институтов, историков за прошедший период, можем ли мы полагаться на то, что решения, которые принимают парламенты, правительства Литвы, Латвии, что они просто вот так легко компенсируются 2–3 научными работами, которые выходят ограниченным тиражом, и написаны таким суконным профессиональным языком, который ни читать, ни воспринимать невозможно?

Мне кажется, что здесь определенная работа, очень деликатная, должна быть с нашим историческим сообществом проведена. Оно, конечно, должно быть привлечено к работе Комиссии, но в разных формах. Я сейчас не буду об этом более подробно говорить.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Константин Федорович. Пожалуйста, коллеги, у кого еще?

РОМАНЧЕНКО А. Ю.: Сергей Евгеньевич, можно я очень коротко? Все поняли сейчас, что работа нам предстоит очень долговременная и системная. Мы отправили свои предложения в проект рекомендаций Комиссии, но так как Александр Борисович еще здесь поднимал эту тему и упомянул Год молодежи, там у нас в наших предложениях содержится предложение рассмотреть возможность объявления 2012 года Годом отечественной истории. Вопрос, может быть, и спорный, но стоит действительно рассмотреть такую возможность. Это подразумевает и подготовку к этому году и попытки получить какое-то дополнительное финансирование, каким-то образом систематизировать работу. У нас будет достаточно времени в течение 2010–2011-го годов, чтобы подготовиться к этому.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо.

Коллеги, завершаем обсуждение по этому вопросу, да? В ряде выступлений мы довольно далеко отошли от четко сформулированной темы, но я не перебивал никого, учитывая, что это первое заседание. Но в материалах, которые были представлены к первому вопросу, и в обсуждении есть довольно большое

количество предложений, которые будут внесены в протокольное решение, и в соответствии с Положением о Комиссии организационно-техническое обеспечение возложено на Министерство, поэтому я попрошу Министерство вместе с Администрацией подготовить проект протокольного решения, в том числе по первому, главному обсужденному вопросу сегодня.

Второй вопрос у нас носит больше такой информационный характер и не предполагает обсуждения. Я так понимаю, да? Я предоставляю слово Виталию Геннадьевичу Титову — замминистра иностранных дел.

ТИТОВ В. Г.: в распоряжении Комиссии есть очень объемный материал, поэтому нет необходимости, видимо, растекаться. Анализ практики за рубежом в области исторической политики свидетельствует о том, что картина эта достаточно неоднозначная как с точки зрения участия государства в регулировании этих вопросов, так и степени вовлеченности отдельных стран в исторические фальсификации.

По уровню активности в этих делах наших партнеров можно разделить на несколько условных групп. Во-первых, это страны, где наблюдаются наиболее вопиющие искажения и фальсификации исторических фактов с явным антироссийским акцентом, — это Польша, страны Балтии, Украина, Грузия, США и так далее. Интересно, что именно в этих странах и была наиболее нервная реакция на создание нашей Комиссии, что свидетельствует, что мы попали в цель. Есть также ряд стран, включая СНГ, где отмечаются отдельные проявления исторического ревизионизма с упором на разборки с собственными соседями и обвинения нас в захватничестве.

Третья категория стран, где нет внятной позиции по историческим вопросам. Они даже от этой тематики как бы дистанцируются, это — Франция, Швеция, Италия, Исландия, Норвегия и так далее. В некоторых регионах, например, в Африке, история и как наука, и как инструмент политики находится на второстепенном плане и не играет никакой существенной роли ни в государственной, ни в политической жизни. Есть также немало государств, которые ни прямо, ни косвенно не участвуют в исторических фальсификациях, но их политическое и медиапространство используется нашими западными партнерами для распространения различных измышлений.

В значительном числе стран историческая наука является предметом государственного регулирования в тех или иных формах: это и прямое, и бюджетное финансирование как в странах СНГ, Центральной и Восточной Европы. Там на это делается в основном упор и на стимулирование и исследование с помощью различных дотаций, грантов и иных методов, которые используются в целом ряде развитых западных стран.

Есть примеры законодательно закрепленных принципов трактовки отдельных чувствительных сюжетов национальной истории. Например, Уголовный кодекс Турецкой республики предполагает наказание в виде тюремного заключения до нескольких лет за высказывания, которые оскорбляют нацию. В Германии, в Австрии, Франции, Италии приняты законодательные акты, которые предусматривают ответственность за пропаганду нацистской идеологии, воссоздание фашистских организаций или отрицание Холокоста. Однако в большинстве случаев эти законы носят декларативный характер, и уголовная практика не существенна. Весьма изощренным образом государство вмешивается в сферу истории, например, в США, где в той или иной степени в эту работу вовлечены практически все органы исполнительной власти. Заметную роль также играет и конгресс, который часто создает специальные комиссии для изучения конкретных исторических обстоятельств и выносит соответствующие вердикты. Наиболее известный пример — это действующая в 1980-е годы комиссия в США, которая изучала вопрос голодомора на Украине.

В западноевропейских странах имеется множество различных окологосударственных и общественных организаций с государственной, административной и финансовой подпиткой, которые отслеживают историческую тематику и готовят соответствующие рекомендации для руководства.

В Дании была учреждена в 2001 году Комиссия независимых экспертов, которая к 2006 году подготовила рамочный документ по 26-ти различным историческим сюжетам. Их выводы являются основой всей и научной, и государственной деятельности и не обсуждаются. Есть и такие яркие примеры.

В Испании существует Закон об исторической памяти, призванный увековечивать память жертв Гражданской войны и Франкистского режима. В ФРГ тоже эта работа поставлена достаточно существенно. За исторические исследования и их чистоту во многом отвечает ведомство уполномоченного в правительстве ФРГ по делам культуры и средств массовой информации, которое является частью ведомства Федерального канцлера. Но наиболее активно в плане участия государства в прочтении истории отличаются наши коллеги из Польши. Там существует Институт национальной памяти и Совет по охране памяти борьбы и мученичества. Они изучают соответствующие документы государственных органов и имеют даже возможность для привлечения тех или иных лиц к уголовной ответственности.

Структуры, специализирующиеся на интерпретации исторических фактов и пользующиеся, как правило, государственной поддержкой, имеются и в странах Балтии. В Литве — это международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского оккупационного режимов, в Латвии — это комиссия историков, которая работает под эгидой

президента, международная комиссия по расследованию преступлений против человечности имеется в Эстонии. Достаточно масштабно эта работа поставлена на Украине, не хотел бы углубляться сейчас.

Я думаю, что все уже ознакомились с имеющимися материалами. Поэтому хотел бы сказать, что те идеи, которые мы могли бы использовать с учетом зарубежного опыта, они изложены тоже в наших соображениях и имеются у членов Комиссии, поэтому я не хотел бы на этом останавливаться.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Виталий Геннадьевич. Ну, и короткий, я надеюсь, совсем комментарий по этому вопросу. Сначала Анатолий Васильевич Торкунов.

ТОРКУНОВ А. В.:

Исторические сюжеты — это сюжеты, которые невозможно объять. Можно, начиная с Куликовской битвы, говорить, что здесь разночтения существуют. Вернуться к наиболее актуальным проблемам, которые сегодня являются предметом дискуссии. Это — Вторая мировая война, ее генезис. 17 числа внимание вновь будет приковано к событиям, связанным с вхождением советских войск на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, затем страшный юбилей Катыни. Ну и, я думаю, что, имея в виду 65-летие Победы, сюжеты военные будут все время оставаться в зоне внимания.

Хотел бы ваше внимание обратить на то, что в 1984-м году отмечалось 70-летие Первой мировой войны. И как отмечалось? Ну, возложили ветераны на Трафальгарской площади венки, немножечко более пышно, чем обычно, прошел парад на Елисейских полях и, в общем, все. Сегодня же исторические сюжеты Второй мировой войны — это предмет обсуждения в парламентах, это предмет активной дискуссии политиков, и это, по существу, вопрос, который находится в повестке дня на встречах самого разного уровня, в том числе высшего уровня. И, конечно, надо нам всем принимать во внимание и понимать, почему это происходит. Происходит это, потому что изменилась геополитическая ситуация, молодые страны — бывшие республики Советского Союза, а также страны Восточной и Центральной Европы пытаются находить свою идентичность и те исторические сюжеты, те силки, на которых можно построить эту идентичность. К сожалению, делают они это зачастую в русле антироссийской направленности. Более того, пытаются перевести многие сюжеты, в том числе связанные и со Второй мировой войной, в плоскость сравнения или уравнивания нацизма и тоталитаризма, который существовал в период сталинского режима.

Вот мне кажется, что нам очень важно здесь эти вещи развести, и делать это постоянно. Все-таки мы все должны прекрасно понимать, что именно российский народ стал жертвой как бы двойного тоталита-

ризма: с одной стороны, сталинского тоталитаризма, особенно в период репрессий сталинских; с другой стороны — внешнего тоталитаризма, я имею в виду агрессию фашистской Германии.

Если говорить о государственной политике, которую проводил Советский Союз, то эта государственная политика была определена, в том числе и подписанием пакта Молотова — Риббентропа, совершенно конкретными историческими обстоятельствами. Документы, которые сейчас вышли, подтверждают, что выхода другого у страны не было, она вынуждена была на это пойти.

Что касается тех жертв, которые понесли россияне, о них тоже надо напоминать. Кстати говоря, ведь мы же вспоминаем сегодня, но как-то редко, о том, что многие события, которые произошли на Кавказе в последнее время, связаны с тем, что в период тоталитарного режима границы в этом регионе прочерчивались без учета интересов народов, проживающих там.

Наши специалисты выпустили книгу, связанную с событиями на Северном Кавказе, с историей Абхазии и Северной Осетии, и напомнили всем нам о том, как уничтожалась автономия Абхазии, как вообще уничтожался абхазский народ, как эта этническая единица в период 1930-х годов физически уничтожалась. И мы должны, наверное, об этом иногда вспоминать. Вспоминать и о том, что уже на своем излете авторитарный режим принял совершенно ничем не обоснованное решение о передаче целого полуострова в состав другой республики, создав огромнейшие проблемы и людям, которые проживают на этом полуострове, и в отношениях между двумя самостоятельными государствами.

Вообще, мне кажется, что очень важно в нашей работе, историков, напоминать о том, что включение исторических вопросов в повестку сегодняшнего дня — это очень опасные дела. Поляки, которые являются локомотивом в том, чтобы актуализировать многие исторические вопросы, в конце концов пришли к ситуации, что небезызвестная Штейнбах, которая возглавляет организацию борьбы за права выселенных из Польши немцев, добилась того, что в мае создана правительственная комиссия ФРГ, которая этим занимается, а ХСС на своем съезде принял решение вообще добиваться восстановления прав переселенных немцев. С другой стороны, на Всемирном конгрессе поляков, который недавно прошел в США, было принято обращение, в том числе и к Владимиру Владимировичу Путину, относительно того, чтобы Германия в полной мере компенсировала те потери, которая понесла Польша в период немецкой оккупации. То есть это бесконечные претензии друг к другу, которые могут только разжигать страсти и сказываться на коммуникации народов, на коммуникации государств, разрушая, по существу, мироустройство.

Мне кажется, нам важно обращаться, в том числе и в пропагандистском плане, чаще к потрясающему

послевоенному опыту европейцев, которые все-таки сумели отойти от обид прошлого, создать целый ряд структур, работающих сегодня достаточно эффективно. И Советский Союз принимал в этом тоже весьма деятельное участие.

И, наконец, я хотел бы все-таки еще раз, возвращаясь к сюжету, который я уже затрагивал по авторитаризму и тоталитаризму, сказать, что Россия не является продолжателем Советского Союза. Это достаточно ясно сказано в преамбуле нашей Конституции, Конституции Российской Федерации. И когда совершаются на нас нападки, большинство из которых совершенно не имеет серьезных оснований, мы, историки, должны их отбивать.

Те ошибки, те преступления, которые были совершены, не имеют отношения к нынешней демократической России.

Спасибо за внимание.

НАРЫШКИН С. Е.: Александр Оганович, Вы хотите к этому вопросу что-либо добавить или нет?

ЧУБАРЬЯН А. О.: Два слова.

Первое. Я хотел бы поддержать последнюю мысль Анатолия Васильевича, что у нас есть внутренний аспект, о котором мы должны всегда помнить. У меня было заседание Комиссии российско-германской, посвященное пакту Молотова–Риббентропа, где были все руководители прибалтийских институтов. Я бы сказал, еще не было ни одного заседания, Сергей Евгеньевич, но уже есть мифология о Комиссии, о том, что мы собираемся оправдывать сталинизм, зажимать здесь научную деятельность.

Поэтому особенно важно почеркнуть, что мы не собираемся оправдывать то, что было в нашей истории, это очень важно.

Но я хотел сказать два слова о другом.

Во всех странах, ну где нет законов, скажем, каких-то, но есть какой-то определенный консенсус. Для меня это очень интересная загадка. Вот они пишут учебники. В основном все учебники по истории в этих странах национальные. Их другие страны мало интересуют, понимаете, они могут ничего не писать о них. Но очень редко, чтобы в этих учебниках кто-нибудь написал плохо про свою страну. Причем это не потому, что это декрет или это запрет, но есть политическая культура, есть какой-то определенный в обществе консенсус, который позволяет избегать таких вещей.

Нам надо работать с просвещением, как говорится, наших авторов учебников. И я даже предлагал, может быть, нам договориться о вариативности, хотя сто учебников по истории многовато. Но можно договориться по ключевым вопросам истории, Сергей Евгеньевич, по ключевым. И тогда в Академии наук можно будет даже усилить экспертизу в этом направлении.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо. Коллеги, я думаю, достаточно по этому вопросу.

Пожалуйста, Наталья Алексеевна, совсем коротко.

НАРОЧНИЦКАЯ Н. А.: Я хочу поддержать коллег и сказать, что мой опыт дискуссий в Париже (я проводила вместе с Сорбонной дискуссии на тему «Франция и Россия глазами друг друга» через призму памяти о Первой мировой войне, когда отмечалось ее 90-летие) показал, и черным по белому сами французские профессора написали, что и у них есть табу для некоторых дискуссий в школьных учебниках, негласное табу. Не надо бояться нам этих обсуждений. В Министерстве обороны есть отдел образования, который тут же, узнав о нашем семинаре, прислал к нам человека послушать, боясь, не дай бог, мы что-нибудь скажем. Поэтому надо втягивать наших партнеров за рубежом в такие дискуссии.

И мой опыт говорит, если не обличать друг друга, а сочувственно относиться к тому, что в каждой истории, в национальном переживании ее есть свои драмы, как у французов переживание вишистского правительства, несостоятельности Франции в 1917-м году и так далее, а у нас свои, то, наоборот, ощущаешь единство цивилизации. У каждого народа при всей, казалось бы, противоположности его исторического пути, абсолютно те же, похожие проблемы, и это очень роднит.

Поэтому необходимо, чтобы во взаимодействии с нашей Комиссией мы больше уделяли внимания вот таким «десантам» в страны, где мы, привлекали бы научное, академическое сообщество, чтобы создавать очаги просвещения в отношении нашей страны

Сколько критики было в адрес создания Комиссии: «Боже мой, — будут запрещать, цензурировать!», — и так далее. В косвенной форме внутренняя, нравственная цензура есть везде, и государство за рубежом очень следит за тем, например, чтобы память о Первой мировой войне на уровне каждого муниципалитета и каждой школы передавалась следующему поколению.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, коллеги. Думаю достаточно, да?

Информацию МИДа по этому вопросу принимаем к сведению, она полезна и позволяет нам пошире посмотреть на возможности нашей Комиссии.

И третий вопрос, совсем коротко, Игорь Иванович Сирош.

СИРОШ И. И.:

Уважаемые коллеги!

Цели и задачи нашей Комиссии определены Указом Президента и Положением о Комиссии. В соответствии с ними Комиссия может создавать рабочие группы.

Первая рабочая группа, как предлагается, должна сосредоточить свои усилия в поддержке образовательного процесса в России — в средней и высшей школе, в том числе в подготовке и проработке тематического перечня вопросов, подлежащих более острому и внимательному рассмотрению при подготовке учебников, учебных пособий и методических материалов.

Вторая группа сосредоточит свои усилия в области патриотического воспитания.

И третья группа, предлагается, займется анализом фактов фальсификации истории, которая наносит ущерб имиджу России как в России, так и за рубежом. Войти в нее должны специалисты различных отраслей исторической науки — истории, этнографии, демографии. Эти специалисты будут анализировать и представлять предложения в Комиссию.

Мы также предлагаем рассмотреть предложение, которое поступало от многих членов Комиссии, когда проводились беседы в рамках подготовки самой Комиссии. От многих членов Комиссии и от видных историков поступали предложения сформировать Общественный совет и Фонд в рамках работы Комиссии. Это важное, интересное и нужное предложение. Более того, от многих звучали пожелания включить в этот состав представителей зарубежной исторической науки, что более ярко подтвердит открытость нашей Комиссии и готовность работать со своими зарубежными коллегами.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Предлагаю не обсуждать, а всем задуматься и представить предложения по вопросу организации работы Комиссии. Игорь Иванович назвал несколько рабочих групп. Может быть, у вас, коллеги, будут иные соображения на этот счет по тематике деятельности рабочих групп. Думаю, что не следует сильно усложнять структуру работы Комиссии. Кроме рабочих групп, Общественного совета и Фонда, о котором сказал Игорь Иванович. Ждем от вас предложений.

На этом сегодня, мы работу завершаем. Я благодарю вас за работу, и мы попросим трех наших коллег Исаака Иосифовича, Александра Огановича и Анатолия Васильевича ответить на вопросы, которые интересуют прессу.

Спасибо большое.

НАРЫШКИН С. Е.: Уважаемые коллеги!

Сегодня основной темой нашего обсуждения на Комиссии является вопрос «О состоянии и проблемах историко-культурного просвещения в обществе и практических мерах по его совершенствованию»*.

Это, пожалуй, один из главных вопросов во всей системе отпора сознательному искажению на-

* Заседание Комиссии от 19 января 2010 г.

шей истории. От его правильного решения во многом зависит политическая устойчивость и духовная стабильность нашего общества перед попытками уязвить и принизить национальное и нравственное достоинство России с помощью исторической лжи.

Будем реалистами. Пока не чувствуется снижение накала политических страстей на Западе вокруг важнейших событий в российской истории. Строго на научном уровне, нам, как об этом говорят многие специалисты, в какой-то мере удалось поколебать и заставить задуматься многих наших оппонентов о тщетности попыток навязать свое видение истории, но до успехов на массовом уровне нам предстоит еще идти и идти.

В самом деле, скоординированные нашей Комиссией усилия научных центров и ученых, подготовивших и выпустивших в свет впечатляющую серию правдивых материалов о начале Второй мировой войны, серьезно не затронули массовое сознание. Поэтому нам предстоит подумать, как лучше в дальнейшем прикладывать историческую науку к историко-культурному просвещению в обществе, к общественным потребностям в целом, где находить резервы и как правильно их использовать.

Развитие информационных технологий, интернета, обеспечивающих доступность к историко-культурному просвещению на массовом уровне, позволяет любому ведомству, любому научно-исследовательскому центру, образовательному институту проводить свою информационную политику в рамках историко-культурного просвещения. По упоминанному уже социологическому опросу видно, что наши граждане массово посещают в интернете электронные библиотеки, скачивают фильмы и весьма активно посещают сайты социально-гуманитарного и политического содержания, в том числе и непосредственно связанные с историей и культурой.

Вместе с тем, не упускаем ли мы возможность совершенствовать историко-культурное просвещение и посредством интернета. И как обстоит дело с использованием интернет-пространства в этом направлении в целях формирования личности просвещенной, образованной, невосприимчивой ко всякого рода измышлениям в отношении прошлого своей Родины.

Через несколько месяцев наша страна и, практически, весь мир будут отмечать 65-ю годовщину Великой Победы. Эта дата занимает особое место в истории нашей страны, в историко-культурном просвещении общества.

Особое место занимает она и в планах недругов России, которые не применят воспользоваться ей, чтобы попытаться на общественно-политическом уровне исказить события тех лет, принизить роль нашего многонационального народа, нашей страны во Второй мировой войне, и, более того, возложить на Россию и ее руководителей ответственность за высокую цену, заплаченную миллионами жизней за Победу над фашизмом.

Наша задача — противодействовать таким попыткам не только на научном уровне, а, координируя эту работу и взаимодействуя, вывести ее на самый широкий уровень общественного восприятия. Чтобы не омрачить радость и величие праздника, не дать возможности закрепиться в общественном сознании историческим измышлениям, наносящим ущерб нашему народу и нашей стране.

РОМАНЧЕНКО А. Ю.:

Мы стараемся, чтобы даже незначительные средства, которые выделяются государством ежегодно, были использованы наиболее эффективно.

Поддержка государством выделяется Первому каналу, холдингу ВГТРК, НТВ, ТВЦ, то есть основным каналам. Существует сейчас достаточно много возможностей для альтернативного доступа к средствам массовой информации, альтернативного доступа к информации вообще. Сейчас активно развиваются новые технологии широкого радиодоступа, на подходе новая технология «ЛТИ». За последние годы очень сильно развилась система кабельного телевидения с широкополосным доступом. Очень неплохо развивается спутниковое телевизионное вещание, где в набор каналов, помимо общедоступных, входит много нишевых каналов. На рынке начинают все больше обращаться именно к этим возможностям доставки информации, доставки своей телевизионной продукции.

Например, проект, который делает холдинг ВГТРК, «Моя планета». Это канал, который рассказывает о путешествиях, науке и истории. В расписании канала достаточно большой архив научно-популярных фильмов. Архив программ «Вокруг света», «Путешествия натуралиста» и «Поиски приключений». Сейчас 12 съемочных бригад разъехались в разные концы и снимают документальные фильмы как раз для этого канала. Этот канал в эфире сейчас недоступен, но при помощи этих средств доставки он станет доступен очень большому количеству людей.

Можно еще вспомнить создание нового телеканала «Страна». Наверное, вы видели рекламу. Там достаточно интересная система формирования содержания канала.

В чем существует проблема? Региональные каналы телевизионные и радиостанции, которые производят неплохую по конкурентоспособности продукцию, не могут достучаться до федерального распространения. Их распространение замыкается в пределах одного города, субъекта Федерации.

Система распространения через ШРД, ШПД эту проблему снимает.

Десять лет у нас выделяются гранты на поддержку электронных средств массовой информации. Новых, свежих идей мало. Люди одни и те же, идеи одни и те же по кругу ходят: Нижегородская область десять раз появляется на съемках одних и тех же монастырей, одних и тех же музеев.

Поэтому, если говорить о росте роли государства в средствах массовой информации, то говорить надо, прежде всего, об увеличении государственной поддержки.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Андрей Юрьевич. Александр Борисович Повалко, пожалуйста.

ПОВАЛКО А. Б.: Здравствуйте, коллеги!

Я бы хотел, во-первых, поддержать и развить позицию Исаака Иосифовича. На мой взгляд, освещение — это формирование достаточно определенной позиции. Поскольку наша аудитория — молодые люди, определенной позиции молодого человека. Эта позиция должна отвечать задачам некоего долгосрочного развития государства. Не может быть такого, что человек вольно абсолютно определяет, что у нас было во времена правления Сталина. Повальный геноцид или только мобилизация и модернизация страны. Эта позиция, на мой взгляд, должна быть сформулирована с использованием средств поддержки или инструментов поддержки школьного образования.

Речь идет об активном вовлечении молодых людей в мир увлечения, в формирование контента тех задач, которые общество считало бы значимыми и одобряло бы.

Мы сейчас запускаем проект интервьюирования ветеранов, участников боевых действий Второй мировой войны. Их осталось не так много. Подобного рода интервью ранее брались у ветеранов. Сейчас порядка 450 тыс. ветеранов в стране, из них треть — это участники боевых действий. Прекрасная задача — молодой человек имеет возможность взять интервью — на выходе свидетельства непосредственных участников. Мы получаем молодого человека, который выслушал непосредственного участника и получил материал для обобщения, интерпретации.

Подобного рода проекты не требуют больших затрат, но могли бы быть интересны и для молодых людей, и для массового использования.

Комиссия могла бы выступить как заказчик по определенному набору проектов. Есть темы острые: война, 1990-е годы, СССР, тема формирования российской империи, когда страна прирастала землями. Это достаточно острые вопросы. До сих пор эти вопросы связаны с рисками для страны. Рабочие группы Комиссии могли бы в формате техзаданий для органов исполнительной власти, которые присутствуют, для институтов, которые имеют непосредственное отношение к формированию исторической позиции, сформулировать такие техзадания, чтобы согласованно решать вопросы по формированию позиции молодых людей.

Мы, со своей стороны, с удовольствием работали бы по проекту «Живая история» совместно с Академией наук.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо. Пожалуйста, коллеги, кто еще хотел бы выступить?

НАРОЧНИЦКАЯ Н. А.: Спасибо большое, Сергей Евгеньевич. Конечно, надо согласиться с тем, что просвещение — это дело не только Минобразования. Общество создает гражданина, осознанно принимающего груз своего прошлого, настоящего и понимающего, где будущее. Это — знание, плюс некая нравственная система ценностей и мировоззренческая рама. Знающий, прекрасный эксперт в каких-то вопросах без нравственной системы ценностей, это хищный волк, который может нанести огромный вред и быть просто опасен даже для своей семьи, потому что перешагнет через любые нравственные дилеммы.

Конкретно я могу сказать, что можно сделать. Даже тот куст людей, которые со мной работают, готовы начать производить продукт. Сейчас возрождаются лекции публичные. На них ходят так называемые ломы (в социологии — лидеры общественного мнения), потом их распространяют. Считайте, что 10 человек вместо одного присутствуют. У меня опыт, в Центральном доме литераторов раз в два года у меня такая вот личная встреча. 600 человек набиваются. Если это снимать и на интернет-сайте выкладывать, то такой опыт может быть распространен.

Дальше. Радио имеет второе рождение. За рулем слушают радио в течение двух часов в одной Москве в день не менее миллиона человек. Аудиокниги разбираются. Огромным тиражом расходятся русские сказки, которые родители в машине детям включают. «Евгений Онегин», начитанный Пляттом, «Дон Кихот». Я сама кучу этих дисков привожу за границу и дарю русским эмигрантам.

Беседы по русской истории — этот жанр надо возродить. Он должен быть без видеокартинки, живым. Тогда он захватывает. Но не должен быть вульгарным. Где грань?

Теперь о грани. Почему у нас такие полярные точки зрения? Вообще свойство русской культуры — некая необузданность, стремление к экстримам. Это обожание, преклонение и полный нигилизм, отрицание. Об этом Лосский писал в книге «Характер русского народа». Продолжается это и сейчас. Подпитанное расколом общество 1990-х годов, когда в одном зале никогда не оказывались читатели газеты «Завтра» и читатели газеты «Известия», нужно объединять в одном зале. Эта проблема с нами будет еще долго, ее надо преодолевать.

Я долго проработала в Секретариате ООН, в Соединенных Штатах, и должна сказать, что пропагандистский аппарат в Соединенных Штатах — это то, перед чем советский агитпроп просто был детским садом. Альтернативных мнений там не было. Что я имею в виду? Могут взять интервью у человека, но закадровый голос излагает только положительное о Соединенных Штатах. Это не значит, что нам надо копировать. Но тем не менее.

Французские, например, власти обязаны к каждому юбилею Первой мировой войны — от муниципалитета до каждой школы — проводить выставки, беседы с детьми, рассказы, возложения венков на могилы героев и так далее. Когда социолог Оливье Фаргат рассказывал это на нашем семинаре в Париже, я не могла удержаться и не сказать, что у нас то же самое в отношении Великой Отечественной войны. Нужно возрождать и телевизионные программы на исторические темы, которые пользуются огромной популярностью. Их на самом деле недостаточно.

Вот «Исторические хроники» Сванидзе, которые иногда вызывают у меня желание очень сильно по дискутировать, но они же интересные. Люди смотрят это, и я смотрю. Дальше, беседы Феликса Разумовского о русской истории. Конечно, это, может быть, не для самого широкого круга. Но не надо недооценивать нашу публику. Она гораздо умнее и нутром чувствует, если не разбирается.

Такие беседы по русской истории, по мифологизированным темам русской истории нужны.

Дальше. В учебниках на западе нет славословий, есть осторожность в отношении недавнего прошлого. Они знают, что должно отлежаться. А мы обязательно хотим дать оценку и Ельцину, и Горбачеву в учебниках. Понимаете? Я призываю найти такую парадигму при преподавании, когда общий стержень — это все нами сотворено, а значит, наше. И тогда любой негатив, любая драматическая страница, которую не хочется повторять, так как за нее может быть стыдно, все равно ложится как бремя на наши плечи, и мы с достоинством ее несем. И тогда не страшны и даные о каких-то ужасных вещах. Тогда не будет таких оценок, что Николай I был «Палкиным», а он, судя по его заметкам на дипломатических документах, гений был во внешней политике. Мой отец, покойный академик Нарочницкий, считал, что его назовут великим. Но он — «Палкин». Потому, что душил революцию, декабристов. Вот как нам этого избежать — лакировки и очернительства.

Очернительство — слово опять же настолько дискуссионное. Мне кажется, что не должно быть нигилизма в отношении. Тогда любое критическое отношение вызывает желание у человека работать, трудиться, делать лучше, внести свой вклад.

И последнее — интернет-телевидение. Я сотрудничаю с системой «СТВ». Показывают по кабельному, а человек сам выбирает. Я сделала диск — беседу «Русские люди» называется. Это беседа с Варениковым покойным, беседа с артистом Меньшовым, с американцем Уткиным. В общем, самые разные люди. Вы знаете, я никогда не думала, что это будет иметь отклик. Интернет-сайтам надо больше уделять внимания.

Здесь можно немедленно добиться результатов, если мы поработаем. Каждый из нас что-то может в этом направлении предложить.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Наталья Алексеевна. Пожалуйста, коллеги.

МАРКОВ С. А.: Несколько вещей я хотел осветить. Во-первых, есть деление культуры на массовую и, скажем так, качественную. Как и деление СМИ на массовые и качественные. Историческое сознание тоже во многом делится на массовое и качественное. Мне кажется, одной из проблем является то, что за это время между ними образовалась очень серьезная дистанция. Нам нужно делать какие-то связи между массовым и качественным сознанием. Тема истории интересна людям. Но зачастую продукты, которыми пользуются люди, являются некачественными и повторяют мифологические конструкции, не имеющие отношения к реальности. И отсюда возникает массовое сознание, подверженное сенсационным вещам, основанным на фальсифицированных, по сути дела, исторических фактах.

Мне кажется, что одна из задач — помочь качественной истории идти ближе к массовому сознанию. В этом, на мой взгляд, главная миссия нашей Комиссии в вопросе просвещения.

Чтобы продукты производились, они должны так или иначе финансироваться. Здесь не должно быть никаких иллюзий. Продукты — это книги, фильмы, журналы. Нельзя быть задешево великой страной, такое не получится. Поэтому мы должны создать нормальную систему финансирования производства таких продуктов.

Вторая очень важная вещь — это создание площадок — блогов интернета. С интернет-сообществом надо более предметно поработать. Там огромные дискуссии идут по исторической тематике и зачастую не совсем туда уходят. Может создать какую-то небольшую группу профессионалов-историков, молодых ребят, чтобы сделать выход в систему интернет-площадок. Блоги читают прежде всего молодые, образованные люди, которые, собственно, формируют элитное сознание.

Здесь я, кстати, хотел бы защитить общество «Знание», которое раньше было такой системой, частью тоталитарной пропаганды.

РЕПЛИКА: Пропаганда сама по себе тоталитарная.

МАРКОВ С. А.: Да, но оно смогло выжить, это общество «Знание» и стало одной из таких площадок. Это не столько лекции, сколько площадки людей, которые заинтересованы культурно-историческим просветительством. Вообще, идея общества «Знание» заключается в том, чтобы нести свет разума. И такого рода площадки мы должны поддерживать, как и площадки, которые создаются субъектами исторического знания. Мы должны помочь нашим научным институтам, университетам, факультетам производить площадки в виде конференций, постоянных

«круглых столов» и семинаров. На этих площадках общаются люди, формируется сознание в рамках диалога человека с человеком.

Повторю, одна из важнейших задач — помочь профессиональному историческому сознанию, людям с качественным историческим, философским, социологическим, политологическим образованием быть ближе к массовому историческому сознанию.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо. Пожалуйста.

КОКОШИН А. А.: Я хотел бы несколько комментариев сделать. Я не знаю французского законодательства, но знаю практику применения некоторых положений просвещенного национализма. Надо посмотреть и, может быть, что-то позаимствовать, поскольку это Европейский Союз. Нам было сказано, что у нас самое либеральное законодательство.

Второе. Совершенно очевидно, что принцип ЕГЭ и принцип плюрализма в школьных учебниках по истории противоречат друг другу. Если у нас единый государственный экзамен и такая разномастность в учебниках, то мы неизбежно сталкиваемся с перекосом в мозгах. Я по своему собственному опыту преподавания в университете, в МГИМО, и, зная положение дел в школе, могу сказать, что подавляющее большинство школьников не способны разобраться в причинно-следственных связях. Дай бог, им усвоить перед поступлением в вуз основные вехи истории и определить героев и антигероев для себя.

Вот, я думаю, сверхзадача. Правильно?

РЕПЛИКА: Правильно.

КОКОШИН А. А.: А уже в вузе мы должны начинать работать глубже и заниматься серьезным и образованием, и просвещением. Поэтому при всей специфике нашей системы, уже сложившихся традиций, инерционности мы должны очень серьезно подумать над школьным учебником. Надо, в первую очередь, включить само образовательное и научное сообщество. Нужно интенсифицировать обсуждение таких сложных тем теми, кто преподает, кто выдает конечный продукт. Они должны сами задавать несущую волну ученым. Потому что ученый — это уже другая специфика. И дискуссия, например, относительно того или иного факта или момента в истории в научной среде это просто необходимо.

А вот дальше, через несколько этапов в работе с образовательным сообществом, надо выйти не на семь–десять типов учебников по истории, а хотя бы на два–три. Не то, что один там, стандартный, в духе краткого курса КПСС. Ни в коем случае этого нельзя делать. Но сузить диапазон разночтения и уйти от этого традиционно российского стремления, о чем говорила коллега Нарочницкая, занять крайнюю позицию. И я считаю, что это одна из важнейших задач данной Комиссии.

Дальше. Я очень коротко сказал о том, как вообще формируется сознание у молодежи: сначала — у школьников, потом — у студентов. В первую очередь, они ищут каких-то героев и антигероев и с них лепят себя, в большей части, даже подсознательно. Поэтому я считаю, что на данной Комиссии надо было бы предметно рассмотреть вопрос о расширении пантеона героев, с которыми мы имеем дело. Это должны быть и герои, так сказать, рядовые участники Великой Отечественной войны, и даже целый ряд других полководцев и начальников, которые практически неизвестны в нашем обществе. Например, генерал Армии Антонов Алексей Иннокентьевич, который реально руководил Генеральным штабом большую часть Великой Отечественной войны.

Или Иван Ефимович Петров, который командовал Приморской армией и дважды фронтами.

Это люди, которые достигали побед с минимальными потерями. Я не буду называть других героев, которые известны. Даже с точки зрения формирования идеологии современных Вооруженных Сил, даже с этой точки зрения у нас должен быть культ тех, кто достигал побед малой кровью, начиная с Суворова Александра Васильевича.

И последнее, о чем бы я сейчас хотел сказать. У нас стоит крайне важная задача модернизации, поставленная Президентом, премьером. И нам нужны соответствующие герои, которые внесли огромный вклад в модернизацию нашей страны и в дореволюционное время, и в постреволюционное время: это генеральные конструкторы, это министры отдельных отраслей, это зампреды Совнаркома. Я назвал бы их всех «технократией».

Вообще, технократия не должно быть у нас бранным словом, как было записано в энциклопедических словарях в советское время. Здоровая технократия, определенная доля ее в стране, в руководстве — это крайне важный фактор. Та же Франция встала на ноги при Де Голле только при наличии мощной патриотической технократии, которая создала электронную промышленность, атомную промышленность, спасла судостроение, авиационную промышленность, вопреки мощнейшему давлению англосаксов. И нам нужно вспомнить героев-технократов и вводить в наш пантеон, применительно в том числе к Великой Отечественной войне.

У нас доминирует в общественном сознании, что атомную бомбу и систему ядерного сдерживания в стране сделал Берия. Да, Берия сыграл очень важную роль, и мы знаем эту личность со всех точек зрения. Да, руководимая им разведка добыла ценнейшие сведения, фактически полное описание ядерного боезаряда взрывного устройства. Но делали-то все-таки другие: Малышев, например. Его Велихов назвал «главный инженер при Сталине и других руководителях». Еще есть, наверное, полдюжины человек, которые были реальными творцами атомной бомбы, помимо Курчатова. У нас есть явное смещение в сторону Берии.

НАРЫШКИН С. Е.: Николай Карлович, пожалуйста.

СВАНИДЗЕ Н. К.: Реплика, и потом я хотел бы с Вашего позволения задать вопрос, который меня просили задать.

Реплика по поводу того дискуссионного момента, который уже в нашей сегодняшней встрече имеет место, и касается изложения истории в школьных учебниках. Я согласен с Андреем Афанасьевичем. Конечно, дети не готовы к получению альтернативных точек зрения по целому ряду важных и сложных периодов нашей истории. Но здесь есть два момента

Во-первых, нужно тогда ограничиться учебниками, а не переходить еще и на средства массовой информации. Как известно, проект введения единомыслия в России еще Салтыков-Щедрин придумал. В течение некоторого времени удавалось его реализовать в нашей истории определенным образом. Если мы считаем, что это путь к счастью, то тогда давайте идти этим путем. Если мы так не считаем, то тогда это единомыслие нужно каким-то образом ограничивать, не касаясь средств массовой информации, не выстраивая их в единый агитационно-пропагандистский ряд.

Что касается учебников. Для того чтобы учитель, учебник достаточно ясно излагали позицию по тому или иному вопросу, нужно, чтобы государство эту позицию имело как минимум.

Между тем у нас есть целый ряд моментов очень сложных и драматических в нашей истории, по которым государство этой позиции не имеет. Мы это с вами знаем. Назову один пример, который в последнее время никто, наверное, не оспорит. Один из самых острых — проблема голодомора. Мы слышим высказывания тех или иных политических деятелей разного уровня, часто противоречащие друг другу. Между тем явной, четкой, внятной государственной позиции, которая позволила бы нам уберечь себя от выпадов со стороны некоторых наших соседей, по этому поводу нет. А выпадки эти вполне очевидны — голодомор имел национальную составляющую. Достаточно сделать ясный исторический вывод, что он не имел национальную составляющую, что составляющая была совершенно другая, и на нас никто не может нападать. Наша честь вне опасности. Да, это было преступление, это было преступление режима, но оно не имело национальной и этнической составляющей.

Теперь, что касается вопроса, который меня просили задать. Я объясню сначала, кто этот человек, который мне передал газету. Я займу две минуты вашего времени. Это человек уважаемый, я должен выполнить его просьбу. Человека зовут Никита Игоревич Кривошеин. Когда Дмитрий Анатольевич Медведев в прошлом году общался по телефону с Саркози на известные темы, связанные с Кавказом, то переводчиком был Никита Игоревич Кривошеин. Он — го-

рячий патриот России, верующий, православный человек и влиятельный в среде русской эмиграции.

Он мне передал эту газету, которая называется «Голос Родины». Газету издает МИД, а именно Департамент по работе с соотечественниками. Здесь большое интервью руководителя этого департамента.

Здесь — на третьей странице, с двухполосным продолжением на другой странице — есть статья «Кто покушается на Великую Победу? Попытки ее умаления и изъятия». Я не говорю о ее стиле, который поразил Никиту Игоревича и поразил меня. Стиль конца 1940-х годов. Цитируются дневники Геббельса; временные неудачи Красной Армии в летне-осенний период 1941-го года. Стиль не беру: займу ваше время. Но я процитирую только одну вещь, с вашего позволения, которая вызвала главный вопрос у Никиты Кривошеина. Автор пишет: «Победа складывалась из многих факторов, но главными были: социалистический общественный строй, советский народ и его Красная армия (заметьте, советский народ после социалистического общественного строя идет), руководимые Коммунистической партией Советского Союза. Без 7 ноября 1917 года не было бы и победы 9 мая 1945-го года».

Вопрос Никиты Игоревича совершенно очевиден. Если это — государственная позиция, тогда как называется государство, которое я люблю и в которое я постоянно езжу, и которое остается моим Отечеством? Как это понимать? Здесь, наверное, автор хотел, как лучше. Но, ставя перед собой несомненную цель подчеркнуть огромные заслуги нашей страны в Великой Победе, мы тем не менее не должны сваливаться в иную крайность, потому что это производит очень негативное впечатление. В том числе и на наших друзьях. И не способствует повышению авторитета нашей страны в мире, не способствует симпатиям к нашей стране со стороны людей, которые любят нашу страну.

Спасибо за внимание. Газету я могу Вам передать. Конечно, это вопрос риторический.

НАРЫШКИН С. Е.: Вы сказали, Николай Карлович, нет государственной позиции нашей страны по вопросу голодомора. Да, голодомор — это трагедия, но национальной составляющей в нем нет. Об этом неоднократно заявлялось на различных уровнях, позиция государства именно такая.

ЗАТУЛИН К. Ф.: Я два слова хочу сказать. Я благодарен Николаю Карловичу за то, что он вернул нас к теме нашей Комиссии. На самом деле очень интересное выступление.

Но я хочу обратить внимание на одно обстоятельство: Комиссия все-таки называется Комиссией по борьбе с фальсификациями в ущерб России. Нам придется все-таки выделить те ключевые моменты в истории, на которых мы должны сосредоточиться, потому что очевидно, что это не Комиссия по историческому просвещению вообще и не по развитию

исторической науки тоже. На этот счет должны существовать в государстве, в академическом сообществе свои институты, которые должны этим заниматься. Мне кажется, что все-таки придется заняться неприятной частью работы, ибо, как верно заметил коллега, она стучится изо всех щелей и в силу того, что сама Комиссия была, очевидно, создана именно по той причине, что целый ряд тем откровенно используется в ущерб интересам. Мы должны определить, что в истории требует внимания этой Комиссии. Я не думаю, что всякий вопрос, дискуссионный в истории, является поводом для фальсификации в ущерб России. Он является предметом научного осмысления, является предметом научной дискуссии. Но есть вопросы, которые тянут на такое определение.

Я не буду возвращаться к теме о голодоморе, я просто хочу защитить свою корпорацию. Государственная Дума в 2008 году приняла Заявление в память о голодоморе 30-х годов. Я просто писал его. Поэтому я знаю, что там написано и что там выражена точка зрения та, о которой Вы говорили. Может быть, в обществе недостаточно известно это все. Жаль. Тем не менее, у нас есть официальный документ законодательного органа — нижней палаты Федерального Собрания.

Мы, конечно, не можем накинуть платок на любой роток и запретить другие мнения. Этого ни в коем случае нельзя делать. Это невозможно при таком-то распространении электронных средств информации. Но какие-то эталонные вещи, когда дело касается острых моментов истории, по инициативе Комиссии должны быть внесены в общественную дискуссию. Вот это, мне кажется, и есть одна из главных целей Комиссии.

Вот все, что я хотел сказать. Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Константин Федорович, мы не случайно на первом заседании рассматривали вопрос о роли исторической науки, сегодня мы рассматриваем вопросы об историко-культурном просвещении, поскольку рассматриваем это как системные вещи, как механизм, который должен способствовать решению задач Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории. Мы не должны, наверное, здесь обсуждать отдельные факты, тем более, что в составе Комиссии по-настоящему историков не так много, и об этом мы с вами говорили с самого начала. Комиссия не будет, собственно, обсуждать и дискутировать вокруг отдельных исторических фактов. Нам надо создать условия и принимать решения, в соответствии с которыми мы бы могли помогать исторической науке, образованию бороться с попытками фальсификации истории.

Пожалуйста, слово Виталию Вячеславовичу.

НАУМКИН В. В.: Совершенно правильно говорилось о том, что нам нужен исторический продукт. Но я бы хотел по этому поводу заметить, что подра-

стающее поколение получает исторические знания не путем компактных продуктов, профессиональных, а, по-моему, в основном из экспертных источников. Историческое знание разбросано везде. Оно разбросано и по тем интервью, которые непосредственно не связаны с историей. Оно разбросано на различных материалах СМИ. И здесь проблема состоит в том, как соединить вместе поддержку разномыслия и ненавязывания вот этой единой точки зрения, сохранение свободы прессы, скажем, и, естественно, возможности публикации различных изданий, чтобы все-таки реагировать на идеи, которые очень часто сводят на нет влияние профессионального исторического продукта.

Давайте прямо скажем, что сегодня не только школьники, но и студенты часто мало читают, мало слушают и иногда выключают телевизор, когда там появляется серьезный исторический продукт. Я это хорошо знаю по своим студентам. К сожалению, это так.

Приведу очень простые примеры. Я не знаю, как нужно на это реагировать, но это должно быть, конечно, предметом внимания. Поскольку я — востоковед, я скажу, что к нам часто обращаются с жалобами люди из определенных регионов. Приведу пример: Энциклопедия Большая в 62-х томах. К нам обратились наши чеченские коллеги с серьезной жалобой по поводу того, как изложена история Чечни в статье о Чеченской Республике. Там слово «бандит» употребляется больше всего остального. И если касаться вопроса о Великой Отечественной войне, то фактически ничего позитивного не сказано.

Конечно, были предатели, как были и среди других народов России. И сегодня, когда там идет позитивный, мощный процесс, вот такими вещами можно просто свести на нет все то, что было сделано. Вышла книга, ее читают, возмущаются.

Предложение — должна быть какая-то система мониторинга реагирования, не репрессивного реагирования.

НАРЫШКИН С. Е.: Какая?

НАУМКИН В. В.: Даже не знаю, нужно поддерживать специальные дискуссионные блоги, интернетовские сайты для того, чтобы вот этому противостоять.

НАРЫШКИН С. Е.: Коллеги, я предлагаю плавнo перейти ко второму вопросу. Но с учетом того, что мы уже работаем полтора часа, прошу выступающих информировать нас по существу вопроса. Второй вопрос связан с взаимодействием научных организаций, органов власти, средств массовой информации, общественности в организации и проведении мероприятий, посвященных 65-летию Победы. Поэтому попрошу каждого максимум по пять минут.

Андрей Николаевич Сахаров, пожалуйста.

САХАРОВ А. Н.: У нас есть очень тесные связи с регионами, с республиками постсоветского пространства, со многими научными центрами в Москве, Петербурге, других городах России. Я думаю, что вот эти работы представят определенный интерес. По всем этим проблемам у нас есть определенные контакты с Администрацией Президента, Министерством культуры и со многими другими организациями, которые будут заинтересованы в подготовке этого материала. Так что я думаю, вот эта программа к 65-летию Победы должна быть выполнена.

Но здесь возникает, конечно, основной вопрос, заключающийся в том, о чем мы сегодня говорим. Дело все в том, что мы начали говорить о фальсификации истории в ущерб интересам России, а практически вся дискуссия была посвящена другой проблеме — проблеме отношения к истории России в целом, к отдельным ее сюжетам и, прежде всего, к истории России XX века.

Что касается фальсификации истории, здесь проблемы нет. Мы знаем эти фальсификации в отношении результатов войны, в отношении принуждения роли Советского Союза. Все здесь абсолютно ясно. Но неясность другая, в отношении к нашему XX веку, в отношении к этой Победе, как трактовать эту историю. Вот сегодня здесь говорили о том, что Отечественная война имела народный характер. Пример, который привел Николай Карлович, ярко говорит о том, что это фальсификация истории, которая является ущербной для России. Мы назвали войну Отечественной, Народной, но все время, особенно люди старшего поколения, ветераны известные, генералы, говорят совсем о другом. Они о народе не говорят, они не говорят об Отечественной войне, они говорят о каких-то совершенно других химерах, которые, возможно, имели место в ходе войны, но не имели решающего значения, потому что война была Отечественная, как ее определил даже товарищ Сталин. Вот роль партии, роль товарища Сталина, роль других факторов в этой войне, которые выдвигаются на первый план.

Я думаю, что в этом вопросе, самом главном, нам надо с точки зрения работы Комиссии и разобрататься, и определить свой вектор. Потому что мы должны четко определить, на кого мы работаем и в науке, и в нашей, простите меня, исторической пропаганде. Либо мы работаем на тех людей, которые продвигают эти проблемы, о которых говорил сейчас Николай Карлович Сванидзе, либо мы работаем на огромное большинство российского народа, огромная часть которого родилась после 1985 года. Этим людям уже по 25 лет, они ничего этого не знают, они ничего этого не пережили, они хотят знать правду, они хотят знать историю войны в действительности. Почему был провал 1941-го года, почему был коренной перелом 1942–1943-го годов, почему была грандиозная Победа, почему были огромные потери, которые насчитывают 26,5 миллиона, а может быть,

и больше, почему Варшаву штурмовали в лоб, почему потеряли огромное количество людей при штурме Берлина, хотя можно было делать это все по-другому? Амбиции здесь влияли на решение этих вопросов.

Я думаю, что если мы этому поколению, молодому поколению в основном, которое составляет сегодня основную часть нашей страны, не дадим ответа на эти вопросы, можно считать, что мы программу свою по 65-летию не выполнили. Недавно на отделении истории я докладывал этот вопрос и сказал, что книжка «Народ и война» будет у нас, мне сказали: «Зачем эта книга, «Народ и война»? Что такое народ?», и когда я стал говорить, что народ этот разный: это были и комсомольцы молодые, и партийцы, и работники аппарата, и гулаговцы — это тоже народ, и бывшие — это тоже народ, это все огромное количество людей, которое сплотилось на одной идее — на народности, на Отечестве, которые все вместе сокрушили врага, несмотря на то, что были допущены действительно серьезные огрехи, серьезные провалы и так далее. Я думаю, что если мы будем так выстраивать свою историю, нам поверят и вам поверят, и государству поверят.

Если мы будем ориентироваться на те пассажи, о которых сегодня говорил Николай Карлович, нам никто не поверит как историкам, и никто не поверит этому государству, которое будет поддерживать эту идею. Это все будет зажато, это все будет втуне и новые поколения ответят на эти вопросы. Поэтому мне бы хотелось все-таки сказать, что наш ориентир — это основной ориентир науки. Я представляю здесь науку — это источник, это факт, это система фактов, и никакого отношения это не должно иметь к тем позициям, о которых сегодня здесь порой говорили.

Что касается отдельных моментов, я думаю, что хотя Сергей Евгеньевич и призывал примеры не приводить, но вот все требуют, ветераны требуют, господин Гареев, товарищ Гареев требует показать роль Сталина и так далее. Говорят о том, что накануне войны было все прекрасно, рецензенты на нашу книгу уже написали: «Что вы там пишете, какой народ? Все было прекрасно, жить стало лучше, жить стало веселее», — такая фраза существует в рецензиях наших рецензентов на эту тему. Это прозвучало, кстати говоря, и на отделении историко-филологических наук: «Зачем это все, всякие мрачные проблемы ставите», и так далее? Я думаю, что надо об этом говорить. Кстати говоря, Фонд Сталина на две трети закрыт, 7 миллионов рассекреченных по приказу Сердюкова материалов в Подольском архиве закрыты. Нам не на чем практически работать. Тем не менее мы работаем. Нас призывают ограничиться старой жвачкой, старыми позициями, которые были выработаны в 1940-е, 1950-е, 1970-е годы. Я думаю, что это не тот путь, который нам надо избирать в ходе подготовки к празднованию Победы в Великой Отечественной войне. Мы должны помнить о многом, и о расстрельных списках Сталина, и о его неумении командовать, по крайней мере, в первые годы войны и так далее.

И от этого я хочу плавно перейти к проблеме вообще российской истории. Ведь, собственно говоря, как мы повернем вот эту самую нашу праздничную, юбилейную программу, от этого будут зависеть ориентиры в отношении ко всей истории в целом. Как мы будем характеризовать главнокомандующего, так мы будем с вами характеризовать и Ивана Грозного, мы никуда от этого не уйдем. Когда недавно в «Известиях» прочитал статью по поводу Ивана Грозного и когда, к своему дикому удивлению, узнал, что он, оказывается, способствовал повышению жизненного уровня народа, жить стало лучше, жить стало веселее, я вспомнил, а как же Юрьев день? Он отменил Юрьев день, он отменил массу других вещей, он закрепостил крестьян. Почему? Потому что в Ливонскую войну бежали люди, а страна разорена, все это известно абсолютно от Карамзина и до сегодняшнего дня. Если мы с вами 65-летие будем ориентировать вот на такие постулаты, о которых я говорил, то мы рано или поздно придем и к проблеме Ивана Грозного в той плоскости, о которой я сейчас говорил.

Небольшой пример. Вы, Сергей Евгеньевич, подписали предисловие к книге «Зимняя война». Это великолепная книга, источник, фактически часть истории зимней войны 1939–1940-х годов. Это страшная история нашей страны, но и величественная история. Берия докладывал Сталину всю реальность 1939–1940-х годов. И это совершенно потрясающая вещь, которая помогает нам узнать правду; понять мужество наших людей, которые погибли там в шесть раз больше, чем финны; помогает понять и многое из тех тяжелых проблем, которые здесь были, когда, скажем, командование этого Карельского фронта перебрасывало с Украины людей, которые не знали лыж, с юга, парней, хлопцев, ставили их на лыжи и бросали на доты, на Карельском перешейке. Все это здесь сказано.

Но в то же время эта книга — правдивая. Она показала истинный смысл этой истории и возбудила огромный интерес и в нашей стране, и за рубежом. Финны стали по-другому относиться не к тем событиям 1939 года. Они стали по-другому относиться к сегодняшней нашей стране, к сегодняшней нашей истории, к сегодняшнему нашему государству. Я думаю, что когда такие проблемы мы будем решать и в ходе осуществления Программы 65-летия годовщины войны, это будет только правильно и только позитивно.

И последнее, что я хотел бы сказать в этой связи. Некоторое время тому назад я был в Мюнхене. И как историк поинтересовался: «А где здесь пивная, в которой в свое время бунтовал Гитлер в 1923-м году?». Вы знаете, мне никто не мог сказать. Мне говорят: «А что это?». Никто не мог сказать, где это. И когда я сказал: «Как же так? То-то...». Они говорят: «Да нас это не интересует совершенно. Нам это неинтересно. И нам этот человек не интересен. И его люди нам не интересны».

Я представляю себе, что было бы, если бы по германскому телевидению показали программы о Гитлере, о Гимлере, о Геббельсе... У нас, пожалуйста, у нас — свобода, у нас все это идет, сколько угодно. В Германии это совершенно недопустимо, такого интереса у них к прошлому своему позорному и забытому нет. Мы, со своей стороны, постоянно эти проблемы дискутируем, мы их обсасываем.

НАРОЧНИЦКАЯ Н. А.: Вы что, уравниваете наше прошлое с гитлеровским?

САХАРОВ А. Н.: Я ничего не сравниваю, не надо меня переименовывать, не надо заниматься демагогией. Я не сравниваю, я полагаю, что гитлеровский режим совершенно ничего общего не имеет с советским режимом. Это совершенно разные социальные истоки. Но я говорю об отношении к явлениям прошлого, как оно ставится в Германии и как оно ставится сегодня в нашей стране.

Я думаю, что эта проблема тоже требует большого, внимательного изучения. Опыт того, как немцы сегодня стали свободными, гордыми, демократическими и гордятся всей историей и в периоды тяжелые, 1930–1940-х годов. Но они прекрасно знают все точки над «i», которые расставлены в области этой истории. Я думаю, что это замечательный пример того, как нам надо относиться к нашей истории, в том числе писать историю Великой Отечественной войны, которая немцами по своей части написана и написана неплохо, и вызывает всеобщее уважение.

И последний маленький пример. С Исааком Иосифовичем мы недавно рассматривали один вопрос. Корея, Северная Корея требует, чтобы сейчас историки согласились с тем, что войну начала Южная Корея, Ли Сын Ман при поддержке американского империализма. Документы говорят о другом, о том, что Сталин, Мао Цзэ Дун и Ким Ир Сен организовали эту войну. Документы есть! От нас требовали того, чтобы мы эти документы отставили в сторону и положили на стол совершенно другие позиции. Мы как раз в отношении взаимодействия, о котором мы говорили, мы в Министерстве образования собрались. Эти вопросы обсудили, выступили ученые, две точки зрения были, и все-таки согласились с тем, что историю мучить нельзя, как нас заставляет КНДР через наш МИД и так далее. Мидовцы занимают здесь аккуратную, спокойную позицию. Но давление определенное чувствуется. Для истории — это смерть. Я думаю, что это надо тоже учесть в нашей работе.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо, Андрей Николаевич.

Александр Оганович Чубарьян, пожалуйста. Только, Александр Оганович, я еще раз попрошу следить за временем, потому что у нас остается 15 минут, и я просто уже не смогу дать слово некоторым коллегам, которые хотели выступить.

ЧУБАРЬЯН А. О.: Вначале очень коротко я хочу сказать, что мы имеем тоже план. Главное в этом плане — это энциклопедия Великой Отечественной войны для детей, для школы, которая выходит. Она уже печатается, и учебная, и книга для чтения. Я думаю, это самое главное, что мы сейчас сделали. Нам обещано предисловие Президента. Это первое.

Второе. Мы готовим целую серию книг, которые рассказывают о Великой Отечественной войне. В этом смысле я думаю, что надо разделить. Есть для массового сознания, для массовой публики то, что мы должны делать и о чем мы беспокоимся. И второе — это для развития науки, которое продолжается, для более элитарной публики.

Теперь по общим вопросам, которые здесь были подняты. Я думаю, что в принципе, конечно, отмечая этот юбилей, мы должны сохранить достоинство. Я помню людей старшего поколения. Мы постоянно к каждому юбилею вдруг выносили под аплодисменты какие-то вещи. Но все-таки, почему мы так возбуждались? Моя позиция достаточно хорошо известна. Я вам должен сказать, что действительно мы подвергаемся довольно сильному давлению и сильным нападкам. Мы должны выделить к юбилею абсолютно спокойно, взвешенно, без истерии те вопросы, по которым идут попытки пересмотра исторических событий не только в ущерб России, а вообще в ущерб исторической правде. Оправдание нацизма — о чем говорить, если ООН принимает эту резолюцию с одним против — Соединенными Штатами. Попытки героизации людей, которые сотрудничали с фашистами — это же нарушение абсолютно всех решений, которые были, и они имеют только одну направленность, это сделано в Восточной Европе, прежде всего, говорим прямо, — против нас.

Третий момент — это попытка принизить нашу роль в победе. О чем речь тут? Мы не собираемся бить себя в грудь и говорить, что мы одни победили. Но это факт. Поезжайте в любую страну Восточной Европы, и там будут средства информации писать о том, что одна оккупация сменила другую оккупацию. И за этим следует, что мы вообще не участвовали во всем этом деле. Западная историография — я хорошо все это знаю — тихо молчит по этому поводу. Они не ввязываются, им гораздо интереснее посмотреть, как мы ведем себя в отношении наших ближайших соседей. Поэтому, мне кажется, надо выделить (еще время есть у нас, хотя уже мало) вот те болевые точки, по которым мы должны спокойно высказать нашу точку зрения на фактическом материале. Кстати, Николай Карлович, голодомором нечего заниматься. Вышло столько томов в Росархиве, который доказывает, что это не имело никакого национального характера. Так вот, то же самое касается войны. И одновременно издать то, о чем мы говорим, Сергей Евгеньевич, книги, которые показали бы роль Советского Союза наряду с другими, участвующими в этом деле.

Я хотел бы закончить и сказать, что все это мы должны делать, имея в виду массовое сознание, но это не закрывает необходимости продолжить работу, которую ведут ученые-историки по этим делам. Я не знаю, что будет на Украине, но я слышал позавчера вечером Януковича, который сказал, что надо прекратить вмешательство власти в историю. Своими ушами я слышал, что он сказал, надо прекратить, чтобы занимались политики историческими вещами. Если это будет так в Киеве, слава Богу. Наше руководство давно стоит на этой позиции. Но это не значит, что ученые не должны поднимать самые острые темы, дискуссионные темы Второй мировой войны.

Если мы хотим, Сергей Евгеньевич, а мы хотим пригласить на эту юбилейную конференцию и СНГ, и весь Запад, мы должны все-таки сохранять лицо, мы не должны писать о том, что мы одни одержали эту победу.

Мы должны подумать сейчас и о других вещах. Книг мы уже издали много, но сейчас надо подумать о таких публицистических и телевизионных статьях, которые были бы в связи с юбилеем и которые показали бы, что Россия не отступает от своей позиции о роли Советского Союза в войне. И в то же время российская наука, российская публицистика видят все те проблемы, которые были в связи с войной. Наше телевидение очень противоречиво. Публицистика может написать насчет коммунистов. А по первому и второму каналам идут фильмы, из которых видно, что происходило во время Великой Отечественной войны и с точки зрения внутреннего режима, и с точки зрения ГУЛАГа. Все это есть. Народ все это прекрасно оценивает: все, что есть.

И последнее, что я хотел сказать. Надо показать, что в войне роль Советского Союза была решающей. И все-таки это было общее дело человечества. Мне кажется, это очень важно для сегодняшнего дня. На переломном этапе человеческой истории это было уникальное объединение человеческих усилий, всей — назовите сегодня «прогрессивной» общественности, всего мира вокруг необходимости дать отпор фашизму. И тогда мы можем пригласить к себе всех.

У нас, кстати, запланирован «круглый стол» с американцами — «Встреча на Эльбе». Посол лично взялся курировать это дело. Это хорошая вещь. Это значит — ясно, что мы покажем, что в трудных условиях, если сегодняшний день перебросить, мы можем быть вместе для защиты наших общих завоеваний.

И последнее. Я думаю, что очень хорошо идет наше сотрудничество с властью, с нашими органами государственной власти. Я вчера прочитал (получил письмо из Министерства образования), с удовлетворением узнал, что наш Министр образования едет в Варшаву (в Польшу) на годовщину Освенцима. Это очень хороший знак — они пригласили специалиста по истории. Я думаю, что это пересечение государства и науки, которое полезно и для государства, и полезно для науки.

И последнее (мы об этом говорили на отделении, о чем говорил Андрей Николаевич), надо сделать в государственном плане к юбилею молодежные премии за научные труды молодых ученых по истории Великой Отечественной войны. Знаете, есть очень много и аспирантов, и даже студентов. Это поддержало бы молодежную струю в этом вопросе.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Анатолий Васильевич, пожалуйста.

ТОРКУНОВ А. В.: Я буквально несколько слов хотел сказать. Учитывая, что сегодня не раз упоминались возможности интернета. Мы планируем провести (у нас большая программа, я не буду ее всю перечислять), мы планируем провести онлайн интернет-конференцию, связанную с Великой Отечественной войной, имея в виду участие в этой интернет-конференции 130 наших университетских партнеров в странах СНГ, за рубежом, в Европе, Америке и Азии. Будет осуществляться прямой перевод на английский язык для англоязычной аудитории. Мы надеемся, что мы сумеем привлечь очень большой интерес.

Вообще надо сказать, что опыт последнего времени, особенно использования системы U-Tube, показывает, что те программы, которые мы записываем, очень быстро переписываются на разного рода блогах. И поэтому мы продумали и в течение апреля на U-Tube мы запишем целую серию выступлений ведущей профессуры как раз по наиболее сложным, спорным и проблематичным вопросам Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны. Я думаю, что это будет расходить достаточно широко, поскольку уже сегодня портал университетский около 10 тыс. человек в день посещает, так что это, в общем, уже достаточно широкое средство массовой информации.

Кроме того, мы планируем выпустить две монографии, причем участие в подготовке примут не только ученые университета, но и представители Академии наук, других учебных заведений. Но я бы очень поддержал Александра Огановича. Нам все-таки в целом, готовясь к юбилею, надо иметь в виду, что это, конечно же, наша Великая Победа в Великой Отечественной войне, но это и в целом победа антигитлеровской коалиции в войне с гитлеровской Германией и ее союзниками. И поэтому важно использовать этот юбилей для солидаризации позиций, тем более, что мы все-таки видим даже в условиях кризиса, не раз об этом говорили и наши руководители, по некоторым вопросам кризис подтолкнул к такого рода солидаризации. Я вспоминаю, когда в Польше отмечалось начало Второй мировой войны. Участие премьера, и его выступление, и его общение с руководителями стран, которые там присутствовали, — это действительно был очень важный фактор для солидаризации и правильного понимания и роли Советского Союза, России в войне и в целом.

Спасибо.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо. Уважаемые коллеги, с учетом времени, к сожалению, не могу дать возможность выступить всем, за что приношу извинения. Сейчас предлагаю, чтобы Игорь Иванович Сирош проинформировал нас о предложениях по формированию работы групп и их составу.

СИРОШ И. И.: Уважаемые коллеги!

После первого заседания Комиссии, в рамках которого были сформулированы многочисленные предложения по ее работе, а также по результатам обобщения большого количества предложений научных и учебных центров, общественных организаций, заинтересованных федеральных ведомств и деятелей науки и культуры, работа осуществлялась по следующим основным направлениям:

1. Мы вели работу по дальнейшему совершенствованию процедуры экспертизы учебников и учебных пособий для образовательных учреждений общего среднего и высшего образования (в которых история не является профилирующим предметом) с целью повышения их качества, а также по оптимизации федеральных перечней учебников.
2. Совершенствуются требования к программам внеклассной и внеучебной работы, их исторической достоверности и научной аргументированности, а также их направленности на формирование у учащихся активной гражданско-патриотической позиции и чувства социальной ответственности.
3. Прорабатывается вопрос о совершенствовании межгосударственного сотрудничества в сфере исторического образования.
4. В стадии реализации находится формирование системы повышения квалификации и переподготовки учителей и преподавателей истории. Учтены предложения членов Комиссии об участии в этом процессе сотрудников профильных отделений Российской академии наук и Российской академии образования и подведомственных им научных организаций. Согласованные предложения по этому поводу будут представлены в Комиссию.
5. Прорабатывается вопрос о проведении Всероссийской конференции историков и преподавателей истории с целью профессионального обсуждения проблем изучения и преподавания истории, выработки научно-практических подходов к процессу исторического познания, повышения роли истории в жизни общества и подготовки соответствующих рекомендаций.
6. Создается система видео документалистики, содержащая свидетельства участников и очевидцев Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.
7. Готовятся предложения по научному сопровождению произведений культурно-исторического

- характера в СМИ, кинематографе и на электронных носителях, а также по соответствующему совершенствованию системы библиотечного, издательского дела и книготорговой деятельности.
8. Созданы рабочие группы Комиссии. На основе предложений членов Комиссии и обращений, поступивших в Комиссию от представителей исторической общественности, сформирован их состав. Одновременно, хотелось бы попросить членов Комиссии предложить кандидатуру руководителя рабочей группы по содействию фундаментальной исторической науке.
 9. Сформирован состав Общественного Совета, в который включены рекомендованные Вами представители отечественной и зарубежной исторической науки и общественные деятели. Для подтверждения их участия в работе Совета им будут направлены соответствующие письма.
 10. Также в соответствии с Вашими предложениями подготовлено обращение к Президенту РФ о создании Фонда «История Родины», который от имени Комиссии будет осуществлять всю деятельность по реализации стоящих перед Комиссией задач.
 11. В рамках полномочий Комиссии подготовлено обращение к Президенту Российской Федерации об учреждении ежегодной премии «За честную историю», присуждаемую в различных номинациях отечественным и иностранным историкам, общественным деятелям, внесшим заметный вклад в процесс объективного исследования и непредвзятого освещения событий отечественной истории.
Я хотел бы также сказать, что по совершенствованию процедуры экспертизы учебников и учебных пособий, по оптимизации федеральных перечней учебников ведется работа. Идет работа и по со-

вершенствованию требований к программам внеклассной и внеучебной работы, их исторической достоверности. Прорабатывается вопрос о совершенствовании межгоссотруничества в сфере исторического образования.

В стадии реализации находится формирование системы повышения квалификации и переподготовки учителей и преподавателей истории, о которой Исаак Иосифович докладывал на первой Комиссии. Будет формироваться вертикально интегрированная структура по повышению квалификации преподавателей истории. Прорабатывается вопрос о проведении Всероссийской конференции историков и преподавателей истории, создается система видеоносителей, содержащих свидетельства участников Второй мировой войны, о которой господин Повалко доложил сегодня. Причем на базе этих видеодокументов можно ставить вопрос о формировании государственного фонда документальных свидетельств участников Великой Отечественной войны. Это будет достаточно большой задел для последующей работы всем историкам. Готовятся предложения по научному сопровождению материалов культурно-исторического характера в СМИ.

В соответствии с предложениями, которые поступили от многих членов Комиссии, созданы рабочие группы, названия которых у вас имеются, и предварительный список участников рабочих групп вам представлен. Просьба ко всем членам Комиссии, если будут какие-то дополнения относительно кандидатур, которые могут войти в состав рабочих групп, их представить в установленный срок.

НАРЫШКИН С. Е.: Спасибо.

Я еще раз прошу посмотреть предложения по рабочим группам по составу: или согласиться, или их дополнить.

Коллеги, спасибо за работу.

Основные направления работы Комиссии, осуществляемые во взаимодействии с федеральными и региональными органами власти, академическими, образовательными и независимыми научными центрами на основании принятых решений

Подготовка совместно с другими заинтересованными ведомствами перечня основных исторических тем и событий отечественной истории, подвергаемых наиболее частым преднамеренным искажениям и политизации.

Подготовка комплексной программы историко-культурного просвещения общества, включая вопросы популяризации в СМИ, кинематографе, сети интернет, произведениях современной литературы и искусства наиболее значимых событий отечественной истории.

Подготовка перечня общественно значимых международных и внутри российских мероприятий (включая памятные исторические даты) на 2010–2012 гг. для популяризации отечественной истории, противодействия ее искажению и фальсификации.

В целях популяризации отечественной истории и культурного наследия, формирования объективного позитивного образа России за рубежом, проработать перечень тем для подготовки и издания массовой книгопечатной продукции и продукции на электронных носителях.

Создание в сети интернет информационного ресурса в целях историко-патриотического и культурного просвещения общества, популяризации отечественной истории и противодействия ее фальсификации.

Совершенствование межгосударственного сотрудничества в сфере исторического просвещения и образования.

Проработка мероприятий, необходимых для популяризации публичных лекций о российской истории ведущих отечественных историков, обращая особое внимание на узловые вопросы новой и новейшей отечественной истории.

Во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации проведение Всероссийского конкурса среди общеобразовательных учреждений и учреждений профессионального образования на лучшее оформление учебных кабинетов, аудиторий, иных помещений, отражающее важнейшие события истории России и региона. По итогам конкурса подготовить рекомендации по оснащению кабинетов и созданию экспозиций в образовательных учреждениях в целях историко-культурного просвещения молодежи.

Поручение органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации использовать объекты исторического и культурного наследия при реализации образовательных программ и программ повышения квалификации преподавателей общественных наук.

О проведении Всероссийского молодежного конкурса по видеодокументированию свидетельств участников Великой Отечественной войны с целью формирования фонда документальных свидетельств.

Об использовании документальных свидетельств участников Великой Отечественной войны в просветительской и историко-патриотической работе, на отечественном и зарубежном информационном пространстве.

О комплексе мер по обеспечению качества учебных изданий для всех уровней образования, включая дальнейшее совершенствование процедуры экспертизы учебников и формирование федеральных перечней учебников.

Об обеспечении совершенствования программ внеклассной и внеучебной работы, направленных на формирование у молодежи активной гражданско-патриотической позиции.

О совершенствовании системы повышения квалификации и переподготовки учителей и преподавателей истории. Привлечь к повышению квалификации и переподготовке учителей и преподавателей профильные отделения, научные организации и институты Российской академии наук и Российской академии образования.

О проведении Всероссийской конференции историков, преподавателей и учителей истории с целью обсуждения вопросов исторического и культурного просвещения общества, преподавания истории и выработки рекомендаций по методике ее преподавания.

О мерах по совершенствованию сферы учебного книгоиздания с целью обеспечения гарантий государства по выпуску учебников и учебных пособий нового поколения.

В целях исторического и культурного просвещения общества, патриотического и нравственного воспитания подрастающих поколений, популяризации отечественной истории и противодействия ее преднамеренному искажению и политизации, содействия развитию отечественной исторической науки обратиться к Президенту Российской Федерации с ходатайством об учреждении (создании) Фонда «История Родины».

Книга семнадцатая

**К ПРАВДЕ
ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ**

Сознавая ответственность за взаимопонимание народов

И. И. Сирош*

Указ от 15 мая 2009 года Президента РФ Д. А. Медведева о создании Комиссии при Президенте России по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России вызвал бурную и неоднозначную реакцию в обществе. Еще и потому, что впервые за многие годы вопросы исторического образования, воспитания и осмысления оказались в центре внимания первого лица в государстве. Обратило на себя внимание и то, что решения по этим вопросам были впервые перенесены в плоскость общественного обсуждения. В Положении о Комиссии наблюдатель не найдет ни одного тезиса, который давал бы Комиссии возможность администрировать от имени и по поручению государства сферу исторических исследований и историческую науку в целом.

Более того, даже пункт Положения, в соответствии с которым Комиссия готовит предложения Президенту по осуществлению мер, направленных на противодействие попыткам фальсификации исторических фактов и событий, наносящих ущерб интересам России, свидетельствует о стремлении Президента формировать свою точку зрения по историческим вопросам с учетом мнения общественности. Законное и похвальное право и обязанность любого главы государства.

Поэтому шквал дискуссий и кривотолков вокруг решения о создании Комиссии определенно базируется на незнании или, что хуже, на нежелании знать сопровождающую Комиссию нормативную базу. Замечу, что ни в одном критическом высказывании в адрес Комиссии и ее полномочий не встречаются ссылки на Положение о ней, позволяющие усомниться в общественном характере ее деятельности.

Объектом критики в основном выбраны целесообразность создания подобного рода Комиссии и ее состав. Как и ожидалось, наиболее резкие оценки

дают представители либеральных кругов. Некоторые правозащитники даже потребовали отменить президентский Указ, как противоречащий конституционному запрету на цензуру. Они полагают, что Комиссия «по истории» — антиконституционна и наносит ущерб России. В своем открытом письме правозащитники заявляют, что Указ Российского Президента, обнародованный 15 мая, тоталитарный по своей сущности и нарушает несколько статей Конституции РФ. «Назначение этого указа — регулирование области гуманитарных знаний, что является характерным признаком деспотических и тоталитарных режимов. Подлинная история страны — это результат свободной работы ученых и свободного осмысления происходящего самим народом», — пишут правозащитники. Под посланием стоят подписи председателя Московской Хельсинкской группы Людмилы Алексеевой, Льва Пономарева (Общероссийское движение «За права человека»), Юрия Самодурова (Всероссийский гражданский конгресс), Глеба Якунина (Комитет в защиту свободы совести) и других. (<http://grani.ru/Politics/Russia/President/m.151521.html>; 25.05).

С такой предвзятой постановкой вопроса, демагогической и откровенно недоброжелательной, полемизировать непродуктивно.

Создание в нашей стране такого общественного института при Президенте России свидетельствует о неизменности выбранного направления на построение в России гражданского общества, сила и значимость которого как раз и определяются наличием в государстве полноценных и действенных инструментов общественной экспертизы. Не приходилось слышать, что успешное демократическое развитие в какой-либо стране может или смогло без них обойтись. Наоборот, их отсутствие — верный признак деспотических и тоталитарных режимов. Что же

* Игорь Иванович Сирош — Заместитель Председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

касается опасений некоторых недоброжелателей России за достоверность истории нашей страны, то они больше напоминают стремление опорочить, очернить Россию современную. История, историческое познание — это, действительно, результат свободной работы ученых и свободного осмысления происходящего самим народом. Об этом недвусмысленно высказался Председатель Комиссии, подчеркнув, что «Комиссия не собирается переписывать историю, не станет надзорным органом, понуждающим авторов исторических исследований к политически конъюнктурным выводам, не намерена выстраивать процесс исторического познания по стойке смирно перед политическими интересами». Уровень демократического развития, на котором находится сегодня Россия, деятельность гражданских и общественных институтов, которая, по общепризнанному мнению, набирает все больший общественный вес, делают прозвучавшие опасения какими-то наивными, вызывающими улыбку.

Рассмотрим еще одну претензию в адрес Комиссии от главы историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» историка А. Б. Рогинского. По его мнению, если бы Председатель Комиссии, руководитель Администрации Президента, стоящий также во главе Комиссии по охране государственной тайны, «рассекретил бы еще определенное количество архивных документов по отечественной истории, это действительно был бы реальный вклад в борьбу с фальсификациями» (<http://www.polit.ru/new/2009/05/19/roginsk.html>).

Хочу подчеркнуть, что Комиссия решительно поддерживает работу по рассекречиванию документов. Историческую правду надо искать на основе первоисточников, ибо они являются наиболее эффективным способом противодействия фальсификации истории.

К примеру, важнейшим направлением взаимодействия Комиссии с архивами ФСБ СВР является исследование архивных материалов и публикация документов периода Великой Отечественной войны. Новое обращение к истории Великой Отечественной войны обусловлено объективным процессом открытия отечественных архивов, что в ряде случаев меняет традиционно сложившиеся подходы в освещении проблем минувшей войны (причины поражений 1941–1942 гг., плен, коллаборационизм, особенности оккупационной политики в разных районах СССР и др.).

Появились частично и в этом шеститомном издании новые материалы о преступной деятельности коллаборационистов, в том числе националистов, подтверждающие многочисленные факты участия литовских легионеров, латышских и эстонских эсэсовцев в массовом уничтожении мирных граждан и советских военнопленных, совершенных в 1941–1944 гг. на территории стран Балтии. В их числе агентурно-розыскные дела на нацистских преступников, докладные записки о совершенных гитлеровцами

и их пособниками злодеяний, акты судебно-медицинских экспертиз и другие материалы. В этом ряду наиболее значимыми являются собственноручные показания участников эсэсовских добровольческих формирований и оставшихся в живых свидетелей их преступлений.

Рассекречиваются также архивные материалы НКВД-НКГБ СССР, органов контрразведки «Смерш» фронтов и армейских соединений о преступной деятельности украинских националистов. Эти материалы легли в основу объективного освещения исторических событий в ответ на пропагандистскую кампанию официального Киева при Ющенко по реабилитации и героизации деятелей националистического движения Украины.

Копии архивных документов о разоблачении украинских националистов направлены в Комитет Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками для парламентского обсуждения мер по противодействию реабилитации нацизма, нацистских преступников и их пособников в новых независимых государствах — бывших республиках Союза ССР. Поиск и рассекречивание документов по этой проблематике в архивах продолжается.

В настоящее время органы Федеральной службы безопасности рассекретили около двух миллионов документов. Более четырех миллионов документов рассекречено и введено в научный оборот по линии российского Министерства обороны. Эта работа будет продолжена.

В то же время у наших архивистов накопилось огромное количество проблем, мешающих их нормальной работе. Это и текучесть кадров, и низкая заработная плата, и отсутствие легальной возможности просто подработать, чтобы обеспечить сносный уровень жизни своей семье. Проблемы эти копились многие годы и решать их необходимо. Поэтому на ближайшем заседании Комиссии планируется рассмотреть вопрос, связанный с условиями работы и деятельностью российских архивов. Убежден, что Комиссия окажет дальнейшему развитию архивного дела реальную помощь и поддержку.

Ни в одной стране мира сегодня не рассекречиваются архивные документы на таком массовом уровне, как в нашей стране. Многие страны в целях защиты своих национальных интересов, напротив, продляют сроки секретности документов, способных в негативном для них контексте пролить свет на спорные трактовки событий Второй мировой войны. Вспомним хотя бы недавнее решение английских властей не предавать огласке материалы по делу Гесса. Что стоит за этим решением, можно только предполагать. Бесспорно лишь то, что власти зорко блюдают интересы своей страны, которые, по их мнению, могут пострадать при необдуманном рассекречивании архивов.

В целом, если внимательно изучить критику создания Комиссии либеральными кругами и не обращать внимание на оценки, выходящие за пре-

■

дела этики, то конструктивных замечаний, кроме вышеприведенных, больше и не найти. Звучало, правда, в некоторых замечаниях, что в Комиссии мало историков и такой ее состав не способен решать проблемы, связанные с историей. Согласиться с такой постановкой трудно. Сфера истории в государстве и обществе выходит далеко за рамки только корпоративных суждений и регулирования. Эта сфера затрагивает систему образования и воспитания в государстве, представляет интересы всего общества, будучи неразрывно связанной с его прошлым, настоящим и будущим. Решать вопросы о приложении этой сферы к общественному и политическому развитию страны позволено и должно не только историкам.

С другой стороны, справедливо ли говорить об исторической якобы некомпетентности Комиссии, когда в ней представлены три академика, четыре руководителя известных во всем мире научных центров и ряд ведущих отечественных специалистов по истории?

Следует сказать, что решение Президента о создании Комиссии нашло и немало сторонников. Поддержала создание комиссии и активно включилась в работу доктор исторических наук Н. Нарочницкая. «Я считаю, что такая комиссия давно должна быть создана и я очень рада, что наше руководство эту задачу увидело... Нынешнее решение не только дань оскорбленной гордости великороссов, но это еще и задача государственной политики. Это неоспоримо и безусловно (<http://www.politonline.ru/comments/1071.html>; 19.05).

Совершенно ясно, что трактовка истории играет крайне важную роль. И по большому счету на этом основываются многие геополитические инициативы. Сама по себе трактовка истории создает ту или иную картину мира и ту или иную систему оправданий для действий различных факторов международной политики... К сожалению, уже поколение молодых людей выросло на совершенно ненормальной пропаганде, абсолютно гнусной пропаганде 90-х годов и бороться с этим крайне сложно. И все равно — лучше поздно, чем никогда. Поэтому правильно сделал Медведев, что учредил подобную комиссию. Надо этим заниматься, надо активней пропагандировать исторические знания и у нас в обществе, и по возможности, за рубежом».

Как полагает А. Дюков, руководитель фонда «Историческая память», создание Комиссии по борьбе с фальсификацией истории, безусловно, имеет очень сильную позитивную составляющую. «Ни для кого не секрет, что в последнее время история превратилась в достаточно эффективный внешнеполитический инструмент, который власти ряда стран Восточной Европы пытаются использовать в антироссийских целях. К сожалению, в России отсутствует действующая система борьбы с такими фальсификациями; существует желание их попросту «не замечать».

Результатом подобной страусиной политики становится серьезный имиджевый и политический ущерб для нашей страны на международной арене. Комиссия, Указ о создании которой подписал Президент, может наладить борьбу с фальсификацией истории нашего недавнего прошлого, сделать ее более последовательной и системной» (<http://www.politonline.ru/alternate/1078.html>; 20.05).

По мнению Павла Уварова, главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, «всякая фальсификация истории наносит ущерб интересам всего человечества, в том числе и России. Поэтому Комиссия по борьбе с фальсификациями истории — это хорошо. Все зависит от того, какая цель стоит перед этой комиссией и как она будет работать». (<http://www.svoobodanews.ru/content/article/1734756.html>; 19.05).

На страницах «Литературной газеты» (№22; 27.05) в поддержку президентской Комиссии высказывается доктор философских наук, политолог Александр Ципко.

«Идея создания комиссии, которая исследовала бы различного рода фальсификации, и направленные на принижение достоинства нашего народа и его вклада в Великую Победу над фашизмом, которая устанавливала бы и защищала историческую правду, совершенно верная. Такого рода комиссии существуют в большинстве стран Европы. ...Надо сказать, идея создания такого органа у нас задержалась лет на пятнадцать. Раньше надо было это делать».

Правда, сегодня, порой, патриотический энтузиазм перехлёстывает через край. А нам надо думать не только о значении Победы для нашей страны и всего мира, но и о цене, которая была за неё заплачена... Есть некоторое опасение, что защита Великой нашей Победы от попыток преуменьшить или даже опочить её может привести к реабилитации ошибок и просчётов, которых было допущено немало и до войны, и во время неё. Нельзя нам тут быть слепыми, нельзя скатываться сугубо к советскому, пропагандистскому взгляду».

«Нам уже давно следовало так поступить, — считает доктор исторических наук, президент Академии военных наук РФ, генерал армии Махмут Гареев. — Нельзя мириться с историческими фальсификациями, особенно когда речь идет о Второй мировой войне. Если государственные органы приняли решение, возможно, что-то удастся исправить в ближайшем будущем» (<http://www.xpressa.ru/translates/551-istoriya-rossii-20-kreml-xochet-vnesti-v-nee-svoi.html>; 26.05.09).

Историк Рой Медведев заявил в интервью радиостанции «Эхо Москвы», что создание этой комиссии — вполне рациональная идея, если она будет открывать доступы к архивным данным. «Но я выступаю резко против любых мер, связанных с уголовным преследованием фальсификаторов, потому что это будет являться возвратом к советским методам».

Сравнительно недавно, в октябре 2009, года по инициативе Министерства культуры были проведены социологические опросы в различных регионах России. Респондентами первого стали 1600 человек в возрасте от 18 и старше. На вопрос, как они оценивают создание Президентом Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, с формулировкой — положительно ответило 42,8 процента, а скорее положительно — 26,7. То есть создание Комиссии поддержало более 68 процентов респондентов. Во втором опросе приняли участие 200 экспертов — преподаватели истории образовательных учреждений различного уровня, работники музеев, библиотек, представители политических партий и общественных объединений в 20 субъектах Российской Федерации. На тот же вопрос положительно высказались 54,5 процента, а скорее положительно — 22 процента. Таким образом, Комиссию поддержали в профессиональной среде более 76 процентов респондентов. Комментарии, как говорится, излишни.

Создание Комиссии привлекло внимание зарубежных политических кругов, медийных средств и, конечно же, политологов. Например, политологи Польши, Австрии, Швеции разом высказали опасения, что создание Комиссии может привести к свертыванию в России дискуссий по спорным историческим вопросам, к осложнению контактов российских историков с зарубежными коллегами, к отказу от совместных с российскими учеными совместных исследовательских проектов по спорным историческим вопросам.

Должен успокоить коллег из этих стран. Усилия Комиссии будут направлены на интенсификацию такого сотрудничества и взаимодействия. По нашему глубокому убеждению, только кропотливая работа историков, не обремененных политическим руководством «сверху», способна поколебать и разрушить многие исторические стереотипы, сложившиеся в последнее время и омрачающие международное сотрудничество. Представители российской исторической науки готовы к контактам со своими зарубежными коллегами на любом уровне и Комиссия будет неизменно поддерживать работу в этом направлении. Что же до свертывания дискуссий по спорным историческим вопросам внутри России, то у Комиссии нет ни таких намерений, ни таких задач. Даже недолгий опыт ее работы свидетельствует об обратном. Дискуссий по исторической проблематике стало больше, увеличилось количество исторических публикаций, порой спорных, но заряженных на поиск правды. И такая дискуссия Комиссией только приветствуется.

Наиболее бурной и противоречивой выглядела реакция на создание Комиссии в Киеве. Замечу, выборы Президента Украины прошли позже. Если патриотические организации приветствовали этот шаг, то в националистических кругах он вызвал

резко негативную реакцию. Так, лидер украинской националистической организации «Братство» Д. Корчинский заявил, что нельзя исключать возможности новых конкретных действий со стороны России против украинцев. По словам украинского политолога В. Портникова, Указ Президента Д. А. Медведева свидетельствует о том, что Россия до сих пор не готова расстаться со штампами советских времен, а «государство, живущее виртуальной идеей, должно создавать себе виртуальное прошлое». В пропрезидентской партии «Народный союз «Наша Украина» (НСНУ) российскую инициативу назвали «тотальной шизофренией». Член НСНУ С. Кульчинский высказался в том духе, что Россия вместо того, чтобы «идти путем, которым идут все прежние империи (а это путь взаимопонимания с прежними поработченными народами и учета всей несправедливости, которую империя им причинила), и прививать обществу чувство вины за причиненную им несправедливость, утверждает свои имперские злодеяния против других народов, да еще и пытается запретить им освещать эти злодеяния».

Специально привожу эти высказывания, чтобы было понятно — какой трудный путь, неизмеримо долгий, сопряженный с кропотливой работой, терпением и взаимным уважением, мудростью и стремлением понять друг друга, российским и украинским историкам придется пройти, чтобы избавить народы своих стран от взрослого недоверия и подозрений.

Высшее призвание историка — служение общественным интересам, общественному благу. Так же, как и политики, историки в ответе перед грядущими поколениями за здоровый климат в отношениях между народами, государствами и обществами и должны нести эту ответственность в согласии с исторической правдой, в соответствии со своим высоким общественным призванием. Бог истории — правда. Порой горькая и драматичная, но только историческая правда способна примирить историческую память народов, стать опорой в хаосе сиюминутных политических баталий, добавить нашим традиционно добрым и братским отношениям с Украиной доверия и взаимопонимания.

В странах Балтии официальную реакцию Риги озвучил латвийский Министр иностранных дел М. Риекстиньш. Посетовав на ограниченный доступ латвийских историков к российским архивам, он заявил, что хотел бы, чтобы «вместо такой комиссии, которая административными методами будет надзирать за связанными с историей вопросами, была бы образована рабочая группа, которая помогла бы историкам работать сообща и в виде конструктивных дискуссий выявлять и изучать исторические факты, делать выводы об исторических событиях, какими бы суровыми они не были». Советник Президента Латвии А. Зунда полагает, что участие в Комиссии представителей Генпрокуратуры и ФСБ России делает ее сугубо аппаратной структурой и поэтому «диалог

с российскими историками переносится из академической среды в правовое или административное поле». С резкими оценками выступили латвийские печатные издания. Газета «Латвияс авизе», в частности, считает, что создание Комиссии приведет к прекращению сотрудничества между историками двух стран.

Полагаю глубоким заблуждением подозрение Комиссии в намерении свернуть контакты между историками. Но, если такие подозрения существуют, то опровергнуть их смогут реальные дела. Как известно, представители ряда российских академических институтов имеют постоянные контакты со своими коллегами из стран Балтии. После создания Комиссии их интенсивность возросла и, возможно, следует прислушаться к замечанию г-на М. Риекстиньша и подумать о создании совместной рабочей группы по исторической проблематике, интересующей обе стороны.

Со стороны наших партнеров из развивающихся стран звучат слова одобрения в отношении наступательности нашей позиции. С учетом прошедшей в Женеве Дурбанской обзорной конференции, где Россия показала себя в глазах африканцев и арабов «защитником справедливости и противником экстремизма», создание Комиссии для них — еще один сигнал готовности России активно и наступательно воздействовать на политические процессы в мире.

В схожем ключе высказался видный общественный деятель, председатель Союза журналистов Женевы Г. Меттан. Рассуждая о предстоящей деятельности Комиссии, он отметил, что речь идет не только об исторических фактах, но, главное, об их сегодняшнем осмыслении, что способно создать новую мировоззренческую основу не только для российского общества.

МИД Израиля с пониманием прокомментировал создание Комиссии. Там хорошо понимают масштаб этого вопроса и его значение для России. В Тель-Авиве видят возможности для налаживания двустороннего взаимодействия в вопросах недопущения переписывания истории Второй мировой войны, героизации нацизма.

С повышенным интересом отнеслись к созданию Комиссии южнокорейские историки и политологи. Некоторые эксперты признают, что теперь южнокорейским ученым придется более осторожно и аккуратно подходить к подготовке работ по России, так как до сих пор они во многом ориентированы на западную историографию.

В целом анализ зарубежной реакции свидетельствует, что решение о создании Комиссии задело многих «за живое» и, по понятным причинам, не всем это по вкусу. Усилия России в отстаивании исторической правды и защите достоинства нашей страны, естественно, осложняет жизнь тем, кто пытается переписывать историю на основе предвзятых антироссийских подходов.

Особо следует остановиться на реакции в отношении создания Комиссии в Соединенных Штатах Америки. Там усмотрели в этом свидетельство ужесточения внешнеполитической линии России прежде всего к соседним государствам. Американцев беспокоит то, что Комиссия займется популяризацией взглядов Кремля, пресекая альтернативные и выходящие за рамки политических потребностей мнения по сложным историческим проблемам. Медийные средства в Америке в свою очередь обеспокоились также тем, что в состав Комиссии вошли не только профессиональные историки, но и чиновники, законодатели, высокопоставленные военные и сотрудники спецслужб. И сразу сделали вывод: мол, деятельность Комиссии будет политизированной, и потому ее решения будут необъективными. Не вступая в спор с такой точкой зрения, попытаюсь кратко рассказать, как организована в Америке «свободная от политики» историческая наука и как она сопровождает историю нашей страны.

На протяжении, пожалуй, всей истории существования СССР, а затем и России события политической и общественной жизни в нашей стране не проходили мимо внимания Соединенных Штатов Америки. Сразу же после окончания Второй мировой войны в Америке была создана разветвленная сеть советологических центров, причем при активной и объемной помощи государства. Эти центры принялись изучать нашу текущую жизнь, как все знают, а многие помнят, с установками «холодной войны», недоброжелательно в оценках и необъективно по сути. Конечно, идеологическое противостояние налагало свой отпечаток. Но честность историка и политолога, о которой так пекутся сегодня за океаном, к сожалению, зачастую обходила стороной американские исторические работы тех лет.

В США не существовало единой системы научно-исследовательских институтов, изучавших социогуманитарную сферу. Однако работа независимых научных центров, существовавших главным образом при университетах, координировалась специальным Советом. В его составе были представители Государственного департамента, Министерства обороны, ЦРУ. Именно с учетом рекомендаций Совета направлялись средства на исторические исследования в отношении Советского Союза. Понятно, что научная «независимость» при такой системе лишь декларировалась.

Сфера исторических исследований и образования, сложившаяся в Америке, была реформирована под давлением конвергенционистских настроений в мире во многом на социалистический лад еще при Кеннеди. Американская политика опеки этой сферы приобрела характер разнообразных государственных поддержек. В таком виде она вошла после «холодной войны» в наше время, не поменяв сути своего пропагандистского содержания, формирующегося, как известно, в недрах политизированной науки и идеологизированного образования.

Продукт такой системы мы имеем возможность наблюдать сегодня. Вот характерные выдержки из писем американских читателей, опубликованные в Политическом Рунете, и затрагивающие только Вторую мировую войну. Кстати, 50 процентов аудитории «ПРАВДЫ. РУ» составляют именно жители США.

«США спасли Россию от Гитлера», Марк, США:

Я был в Петербурге в 1997 году и был шокирован холодными огромными зданиями. Сталинский стиль, не так ли вы это называете? Безобразно. Увидев на стенах следы разрушений от пуль и бомб, я спросил гида, откуда это. Она сказала: «Следы войны» Я удивился: какой войны? Я жил в Лондоне одно время, но там не было подобных следов разрушений. Что же такое происходило в Санкт-Петербурге? Может, я проспал урок истории? Я попросил уточнить. Она подтвердила, что речь идет о Второй мировой войне. Но это уже не выдерживает никакой критики — спустя 50 лет, после того как США спасли Россию от Гитлера, они даже не смогли очистить город!

«Без США весь мир говорил бы по-немецки», Джозеф Джон Розенгаст (Mr. Joseph John Rothengast), Северная Каролина, США:

Мы должны вспомнить из истории, что миллионы людей не хотели, чтобы США вступали ни во Вторую мировую войну, ни в Первую. Если бы мы не вступили в Первую мировую войну, то, может быть, все говорили бы по-немецки и в мире не было бы демократии... Что касается Второй мировой войны, то пока мы ждали, миллионы людей умерли в немецких лагерях и немцы захватили большую часть Европы.

«Вы не должны быть предвзяты к стране, которая спасла вас от фашизма», LeaderOf XMI, Огайо:

Вы не должны быть настолько предвзяты по отношению к стране (естественно, США — И. С.), которая спасла вас от нацистского главенства во Второй мировой войне и которая постоянно оказывает вам помощь.

И так далее, и так далее.

Сегодня в США основной формой «официализации» исторических оценок и трактовок являются резолюции Конгресса. Для этого в Конгрессе создаются специальные комиссии по изучению и оценке различных исторических сюжетов. Наиболее показательный пример — действовавшая с 1985 по 1988 гг. комиссия США по вопросам голода 1929–1932 гг. на Украине. В ее состав входили сенаторы, конгрессмены, представители украинской диаспоры. Документы Конгресса обычно «выражают мнение» законодателей и не имеют юридической силы. Но они закладывают алгоритм восприятия исторического факта или события и зачастую принимаются ориентирующимися на США странами как руководство. Исторические фальсификации находят отклик в американском общественном мнении. Ведь основная масса граждан США знает о периоде Второй мировой войны гораздо меньше европейцев. В этих условиях в США создается благоприятная среда для «исторических

фантастов» и злонамеренных фальсификаторов истории в своих интересах.

Через всевозможные фонды и НПО, государственные структуры, ведающие вопросами внешнеполитической пропаганды, осуществляют субсидирование и финансирование научных изысканий, в которых формируются «нужные» выводы.

Эффективным распространителем «нестандартных» мнений и оценок по вопросам истории являются влиятельные американские СМИ, которые охотно прибегают в этих целях к услугам «проверенных» ученых.

Многие эксперты отмечают, что в последние годы заметно усилилась сервильность американских ученых в выражении собственных оценок, которые все меньше отличаются от официальных позиций.

Государственное регулирование исторической науки, за что пытаются критиковать Россию после решения Президента о создании Комиссии, осуществляется в той или иной степени практически во всех странах мира, в том числе и в демократических государствах. Помимо политического руководства, как это видно на примере США, государственные властные структуры зачастую ведут прямое или опосредованное финансирование «исторических нужд» через неправительственные фонды и коммерческие организации. В западноевропейских странах имеется множество различных структур, околосударственных или общественных, но с государственной административной и финансовой подпиткой, которые анализируют международную историческую тематику и представляют соответствующие рекомендации политическому руководству этих стран. Такое положение характерно, в частности, для Англии, Франции, Германии, Австрии и многих других.

В Дании в 2001 году была учреждена комиссия «независимых» экспертов, подготовившая в 2006 году «Исторический канон» — рамочный документ из 26 пунктов с перечнем значимых для Дании исторических событий и их «правильной» трактовки. Действует также датский Центр по изучению истории «холодной войны» и «мозг» внешнеполитической службы — Датский институт международных исследований. Они имеют формально независимый статус, но финансируются государством.

В Испании в декабре 2007 года был принят «Закон об исторической памяти», призванный увековечить память жертв гражданской войны 1936–1939 гг. В целях проведения научных исследований, касающихся гражданской войны и диктатуры Франко, предусматривается выделение помощи ученым и исследователям в виде стипендий и премий.

В Англии субсидирование исторических исследований, проводящихся преимущественно в научных центрах при университетах, осуществляется Министерством по вопросам бизнеса, инноваций и профессионального образования. Непосредственно распределение грантов проводится Государственно-

ми исследовательским советом по искусству и гуманитарным наукам и Советом по экономическим и социальным наукам на основании заявок, ежегодно получаемых от научных коллективов и ученых. Акцент делается на изучении политической, социальной, экономической истории, истории философии, юриспруденции и международных отношений.

Особую активность по пересмотру исторического наследия, государственному руководству исторической наукой и ее использованию в контексте антироссийской политики развили сегодня страны Балтии.

В Латвии историческая наука и проведение соответствующих научных исследований предвоенного, военного и советского периодов в основном субсидируются государством. Законодательной базой для этого служат декларация Верховного совета Латвийской Республики «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г., декларация Сейма Латвии «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г. и декларация Сейма Латвии «Об осуждении осуществлявшейся в Латвии политики тоталитарно-коммунистического оккупационного режима Союза Советских Социалистических республик» от 12 мая 2005 г.

В соответствии с решением Сейма от мая 2005 г., в республике действует правительственная комиссия по оценке «ущерба», якобы нанесенного Латвии в результате «советской оккупации». В прошлом году комиссия подготовила промежуточный доклад, согласно которому предварительная сумма «ущерба» составляет порядка 100 млрд долл. США. Руководитель комиссии Э. Станкевич заявлял, что приведенные цифры не окончательны и работа по подсчету будет продолжена. Однако сравнительно недавно деятельность комиссии была приостановлена по соображениям экономии. Вмешался мировой экономический кризис.

В Риге действует Музей оккупации (открыт в 1993 году общественной организацией «Фонд музея оккупации»), экспозиции которого объединяют период с 1940 по 1991 гг., включая годы оккупации Латвии фашистской Германией и период пребывания Латвии в составе СССР — «две оккупации».

Ученикам средних школ и студентам вузов Латвии навязывается псевдонаучное видение латвийской истории. В ходе прохождения процедуры натурализации претенденты на гражданство Латвийской Республики в обязательном порядке сдают экзамен по истории, который является косвенным тестом на лояльность (признание факта «советской оккупации»).

В Литве также предпринимаются усилия по продвижению возведенной в ранг государственной политики концепции «советской оккупации». В ее обоснование и развитие приняты правовые и нормативные акты (около двух десятков, в их числе — пресловутый Закон «О возмещении ущерба от оккупации СССР» от 2000 г.).

Литовским законодательством в настоящее время не предусматривается ответственность за публичное несогласие с официальной позицией по «оккупационной» теме. В то же время, в парламент вносился проект дополнений в Уголовный кодекс Литвы, предполагающих введение уголовного наказания в виде лишения свободы сроком до трех лет за отрицание агрессии СССР или нацистской Германии. Инициаторами соответствующего законодательства являются праворадикальные круги, главным образом, «идеологи» правящей партии «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы», а также различные НПО националистического толка.

Разработкой и обоснованием «оккупационной» версии занимаются за счет госбюджета Центр по изучению геноцида и сопротивления населения Литвы, Международная комиссия по оценке преступлений, совершенных нацистским и советским оккупационными режимами в Литве, парламентская комиссия по правам и делам участников сопротивления оккупационным режимам. Официальный Вильнюс выносит оккупационную проблематику на международный уровень, стремится втянуть в эти акции европейские структуры. Примером могут служить принятые при активном участии литовских парламентариев резолюции Европарламента (2 апреля 2010 г.) и ПА ОБСЕ (3 июля 2010 г.), ставящие знак равенства между нацизмом и сталинизмом.

В Эстонии государственное стимулирование и субсидирование исторической науки осуществляется в рамках процедуры выдачи грантов на исследования по линии Академии наук.

Материалы, служащие политическими ориентирами для исследователей, публикуются на официальном Интернет-сайте правительства страны. В формировании исторических трактовок и воздействии на общественное мнение в соответствующем ключе активно используется ресурс Полиции безопасности. «Каноническая» версия событий истории Эстонии 1939–1991 гг. зафиксирована в итоговых материалах т. н. «Международной комиссии по расследованию преступлений против человечности», возглавлявшейся бывшим финским дипломатом Максом Якобсоном, сформированной в 1998 г. по распоряжению тогдашнего президента Эстонии Л. Мери и завершившей свою работу в декабре 2008 г.

Активное влияние на формирование официальных исторических оценок оказывают политические партии и НПО. Из партий самая энергичная — «Союз Отечества и Республика» (СОИР) во главе с «историком» М. Лааром. Трактовок и оценки, изложенные в его работах, являются установочными для официальных учебных программ и практически всех исторических исследований в стране по проблематике XX века.

В Эстонии «исторические обвинения» в адрес России выдвигаются главным образом в контексте муссируемого здесь тезиса о «советской оккупации»,

который применяется для характеристики обстоятельств ее «недобровольного» вхождения в состав Советского Союза в 1940 г. и дальнейшего пребывания в его составе вплоть до 1991 года. Официально требований к России о компенсациях не предъявлялось, хотя «убытки» уже подсчитаны.

Находясь в рамках политики, ориентированной на заокеанских грандов, в том числе и в области государственного регулирования исторической науки, Грузия, может, и хотела бы присоединиться к явно обозначившейся на Западе тенденции по ревизии результатов Второй мировой войны и роли Советского Союза в избавлении мира от фашистской угрозы. Однако некрепкий режим Саакашвили боится взрыва внутренней оппозиции. В грузинском обществе чтут память о погибших в войне 300 тысячах грузин, защищавших свою Родину — Советский Союз. И любое посягательство на их вклад в общую Победу может привести к непредсказуемым для режима последствиям.

Однако это относится только ко Второй мировой войне. Во всех остальных сферах, касающихся грузинской истории, режим Саакашвили активно занимается пересмотром исторического наследия, связанного с советским периодом и Россией. Причем попытки пересмотра начинаются с периода подписания Георгиевского трактата, в результате которого Грузия вошла в состав Российской империи. В умы населения вдалбливается утверждение о том, что нахождение Грузии в составе СССР — это «оккупация и порабощение». Активно прививается неприятие всего советского и российского.

Основной государственный праздник — День независимости (26 мая) олицетворяет образование Демократической Республики Грузия (1918 г.), суверенитет и независимость которой «были уничтожены русскими в 1921 году». Погибшие во время этих боев с красноармейцами 30 юнкеров возведены в ранг национальных героев. Их ряды пополнили грузинские военнослужащие, погибшие в ходе августовской (2008 г.) агрессии Грузии против Южной Осетии. Суть нынешнего грузинского подхода к истории выразил президент Саакашвили: «Грузия в XX веке потеряла целую эпоху независимого существования и до сих пор сражается с уродливым наследством Российской империи».

Следует отметить, что большую роль в формировании подобного рода мировоззрения сыграли различные внутренние структуры, щедро финансируемые из-за рубежа.

Показателем нормативной регламентации исторических трактовок и оценок, в том числе с помощью законодательных мер, может служить «закон об оккупированных территориях». Он предусматривает возможность наказания грузинским правосудием любых лиц, без разрешения Тбилиси посещающих Абхазию или Южную Осетию или ведущих с ними бизнес. Кстати, не приходилось слышать, что такое положение взволновало правозащитников.

Приведенные факты, думается, вполне объективно свидетельствуют о сложившейся в некоторых странах новой тенденции государственного-политического регулирования международных и межгосударственных отношений с помощью манипулирования исторической наукой вплоть до политического руководства выводами исторических исследований и публикаций. Сегодня в значительной мере можно говорить о сервильной системе исторического обеспечения политических потребностей ряда государственных элит, которая не останавливается перед подтасовкой исторических фактов и недобросовестным их комментированием, выполняя политический заказ. Очевидность последнего не вызывает сомнений у многих ученых, зарубежных и отечественных.

Особым атакам подвергаются события Второй мировой войны, ее итоги и роль России в победном ее завершении. Попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, которые Российский Президент охарактеризовал как становящиеся все более агрессивными и злобными, можно противопоставить только историческую правду, выработанную отечественной исторической наукой на основе новых архивных свидетельств и документов и честного, не политизированного их толкования. Именно с этой целью была создана Комиссия по противодействию историческим фальсификациям. Она работает и будет работать, сознавая в полной мере свою ответственность за участие исторической науки, истории в установлении климата доверия и взаимопонимания между странами и народами.

«Концерт великих держав» накануне решающих событий

Н. А. Нарочницкая*

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории XX века, поэтому столько копий сломано историками и политологами по поводу этих событий. В последние годы полемика вышла далеко за пределы научных дискуссий и теперь приходится полемизировать, не только приводя новые красноречивые факты и документы, но и развенчивая саму парадигму, т.е. мировоззренческую раму, логику, в которой западные специалисты исследуют события и свидетельства 1930–1940-х годов.

Теперь в Европе, «вольность, честь и мир» которой искупила вновь наша русская кровь и наша советская армия, которую встречали в европейских столицах неистовым восторгом, открыто называют Советский Союз еще худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх. Европейский парламент, попирая международное право и Устав ООН, называет Курильские острова территорией «под российской оккупацией». Парламентская ассамблея Совета Европы принимает резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов». Вслед за ней и Парламентская ассамблея ОБСЕ в июне 2009 г. принимает резолюцию, уравнивающую «сталинский тоталитаризм» и гитлеровский расистский режим. СМИ и вовсе, попирая всякий научный подход, тиражируют тезис о тождестве нацизма и коммунизма, чему изумились бы не только западные политологи, но и западные политики времен «холодной войны», справедливо полагавшие эти идеи антиподами.

Вопреки принципу историзма, чуть ли не главной причиной войны с недавних пор стали объявлять советско-германский договор от 23 августа 1939 г., чего, заметим, никогда не делали даже в годы «холодной войны». **Фальсификация истории — замалчивание и извращение важнейших фактов и документов, ключевых событий происходит у нас на глазах. Вполне можно предположить, что в западных**

учебниках через пару десятилетий напишут, что на одной стороне воевали демократические США и Британия, а на другой — два тоталитарных монстра. Уже сейчас очевидно последовательное внедрение в информационное поле и в парламентские круги суждения о том, что наше государство было преступным и подлежащим запоздалому суду. В то же время 70-летняя годовщина так называемого мюнхенского сговора осенью 2008 г. намеренно и полностью замалчивается всеми западными масс-медиа!

Именно с Мюнхенского договора начался передел европейских границ. Пора именно этот момент считать началом гитлеровских завоеваний и поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая, который потерял к моменту нападения Гитлера на Польшу уже много миллионов человек, которые вообще не учитываются в общем количестве потерь Второй мировой войны?

В результате Мюнхенского соглашения западных демократий с нацистской Германией Гитлер объявил ультиматум суверенному государству, ввел свои войска и отторг сначала часть этого государства, затем полностью его расчленил, насильственными действиями «приняв чешский народ под защиту германской империи». Темы интенсивных секретных переговоров европейских держав свидетельствуют об идущем полным ходом настоящем переделе границ и завоеваниях, о следующих военных демаршах Германии и направлениях захватов новых территорий, вопросы о совместных действиях при нападении Германии на те или иные страны. При чем речь шла в основном о гитлеровской экспансии на востоке Европы. И это наглядное подтверждение главного смысла Мюнхенского сговора, намеренно развязывавшего руки Берлину именно на Востоке.

* Наталия А. Нарочницкая — доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы.

Этот процесс в Европе, начавшийся с ультиматумов и ввода войск, неизбежно перешел в кровавую стадию в сентябре 1939 года. Однако захват и раздел Чехословакии неслучайно не трактуется в западной историографии и историческом сознании как начало европейской войны, ибо, признавая это, пришлось бы признать ответственность тех держав, что санкционировали передел границ. Поэтому и Чехословакия, захваченная и расчлененная гитлеровской Германией на глазах у всего мира, не считается жертвой гитлеровской агрессии в той мере, в какой считается Польша.

Но пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене, потому что она себя сейчас выставляет невинной жертвой раздела между двумя хищниками — Гитлером и Сталиным. При этом все умалчивают о том, что за год до этого, в Мюнхенском процессе Польша сама сыграла роль мелкого хищника. Варшава на деле, что подтверждают документы, была весьма раздосадована тем, что её не пригласили в качестве пятого участника Мюнхенского соглашения. Поляки немедленно предъявили претензии на Тешинскую Силезию и Варшава стала соучастником Гитлера в растерзании Чехословакии — первой жертвы гитлеровских захватов.

Амбиции и роль Польши не были ни тогда, ни сегодня ни осуждены, ни отвергнуты теми же западными державами. Похоже, в Польше вполне политкорректно и сегодня не стесняются тех амбиций. В 2005 году один из ведущих историков Польши Павел Вечоркович открыто сетовал на то, что в 1939 г. Польша так и не сумела договориться с Гитлером, хотя пыталась, и вместе с ним не разгромила столь нелюбимую Россию. Гротескная самооценка, похоже, позволяет мнить, что именно польские войска обеспечили бы Гитлеру победу в Сталинграде и под Курском и ностальгически рисовать себе картину: «Мы могли бы найти на стороне рейха почти такое же место, как Италия... В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск»¹.

Еще двадцать лет назад подобные размышления на страницах официального органа Польской Республики произвели бы на Западе куда больший шок, чем высказывания иранского президента об Израиле. Но, похоже, желание фальсифицировать историю нашей Победы и собственного коварства на первом этапе войны в демократической Европе извиняет все. Это уже не просто политкорректно — это индугенция, отпускающая любые грехи: сожаления о несостоявшемся союзе с Гитлером, мечты о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, как мнили в Польше, отдал бы Украину, Литву и Словакию. Ведь польский историк считает, что отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были «актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости».

Все материалы убедительно свидетельствуют, что нападение Гитлера на Польшу, определенное в планах берлинского командования еще в марте 1939 г., когда СССР вел интенсивные переговоры с Лондоном и Парижем, а вовсе не с Берлином, было следствием именно Мюнхенского соглашения, запрограммировавшего ход европейских событий, дальнейшие шаги Гитлера на восток, изоляцию Советского Союза. На Западе не любят вспоминать, что их решение вполне официально цинично предписывало жертве не сопротивляться и даже не сметь выводить экономические и производственные активы и мощности! Именно это соглашение не просто разрушило всю послеверсальскую систему международных отношений, но и стало началом захватов и полного передела Европы, которое неизбежно втянуло в кровавую стадию почти всех. Задолго до пакта Молотова–Риббентропа западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте. Лига Наций фактически почил в бозе, но главным итогом стало то, что СССР был почти загнан в геополитический мешок, лишенный инициативы. Очевидно, что именно это и было главной целью Британии.

После смерти Ю. Пилсудского руководство польской внешней политикой перешло к Ю. Беку — министру иностранных дел, который весьма способствовал ее сближению с германской. Провозглашенная «равноудаленность» от СССР и Германии оказалась фикцией. Варшава, весьма обозленная тем, что ее не пустили стать пятым участником сговора, выдвинула ультиматум несчастной Праге с требованием отдать ей Тешинскую Силезию. Уже 2 октября «победоносные» польские войска вступили в Тешин, после чего и Венгрия заявила претензии на большую часть Словакии и Закарпатье. Амбиции стать реорганизатором «третьей Европы» неизбежно делали Польшу соучастником гитлеровских планов.

И это не единственное: сразу после аншлюса Австрии Польша предпринимает «пробу сил» на литовском направлении — еще бы! С Люблинской унии Варшава считает литовские, белорусские и украинские земли своей вотчиной. Ультиматум Литве после инцидента на польско-литовской границе 11 марта 1938 г. не исключал «использования силы» в случае его отклонения. Литва занимала важнейшее место в польских планах «третьей Европы» и «балтийской Антанты», которые должны были осуществиться в конечном итоге якобы через «свободное объединение этих стран». Хотя Берлин явно намеревался втянуть Польшу в свои планы, Гитлер вовсе не собирался позволить Польше самостоятельно овладеть Литвой. Литва использовалась Берлином как приманка — ее Германия якобы планировала передать Польше в качестве компенсации за передачу польского коридора рейху.

Когда Берлин уже готовился к входу в Прагу, в Лондоне пытались сохранить лицо, и Британия с Францией впервые обратились к Гитлеру с нотой о предоставлении гарантий послемюнхенской Чехословакии, которую Гитлер бесцеремонно отверг. Для Лондона становилось ясно, что главные события мирового значения перемещаются в Восточную Европу, и это вполне соответствовало британским планам. Но Польшу Гитлер обманывал, ибо для него временное попустительство польским амбициям нужно было лишь для «активизации союзников» на чехословацком направлении, для привлечения к делу добычи дополнительных участников, что легализовало бы его собственный захват и продемонстрировало бы мировому сообществу бесперспективность иностранного противодействия разделу Чехословакии.

На что надеялась Польша? Неужели у нее могли быть иллюзии в отношении Германии? Берлин никогда бы не подтвердил западные границы Польши, а целями Германии было возвращение Данцига! Германия в конечном итоге не стала бы признавать интересы Польши в Литве! Но, пребывая в плену внешнеполитической идеологии Юзефа Пилсудского, увенчанного за свои походы на Москву лавровым венком Стефана Батория, Польша, движимая ненавистью к России, чрезвычайно сузила свой горизонт видения. Она не хотела понимать чисто конъюнктурную и цинично временную заинтересованность Берлина в Варшаве как «союзнике». Польшу до сих пор не смущают известные сентенции Гитлера о поляках как о пушечном мясе: «Каждая польская дивизия в конфликте с СССР сэкономит одну немецкую дивизию».

Мюнхенский сговор вызвал глубокое разочарование Москвы, где сразу предупреждали и о далеко идущих последствиях концепции Чемберлена, и о гибельности польского демарша, ибо он только способствовал будущему походу Гитлера на Польшу. Документы показывают, что Москва не только не скрывала своих размышлений о возможных для себя путях спасения, но всячески предупреждала своих западных партнеров: «Сегодня Польша, — было сказано в Москве послу Италии 22 сентября 1938 г., — требует аннексии небольшого участка чехословацкой территории, где проживает несколько десятков тысяч человек польской национальности. Она забыла, однако, что на границах польского государства живут миллионы украинцев, немцев, белорусов, евреев и т.д. Более того, она имеет данцигский коридор, который Гитлер рассматривает как немецкую территорию. Как Польша может надеяться, что ради прекрасных глаз господина Бека Германия, после успеха, достигнутого в Чехословакии, остановит у польских границ фатальный путь германцев, направленный, по ее же... признанию, к завоеванию гегемонии не только в Европе, но и во всем мире? Кто придет на помощь Польше в момент опасности?!?!» В своем донесении в европейские столицы итальянский посол Аугусто Россо соглашается с неизбежным выводом, что след-

ствием фатального развития теперешних событий явится «четвертый раздел Польши»².

На что рассчитывала Польша, во внешней политике которой со времен Юзефа Пилсудского владела великодержавная концепция Польши «от моря до моря» открыто антироссийской направленности? Воспользовавшись революцией и Гражданской войной в России, Польша захватила Западную Белоруссию и Западную Украину — территории Российской империи — и до сих пор именует эти области «Восточной Польшей». Этот раздел украинских и белорусских земель вовсе не считается на Западе преступлением. Известно, что Пилсудский открыто требовал вернуться к границам 1794 г., возможно, в душе лелея мечту о 1612 г., и бесцеремонно заявлял, что его совершенно не устраивала восточная граница по «линии Керзона». Амбиции и эйфория Варшавы в 1919 г. даже сделали ее неудобным партнером для Антанты, хотя ставка на «могучую» антироссийскую Польшу всегда была элементом англо-французской политики в отношениях с Россией и СССР. **Когда разбирают пакт Молотова–Риббентропа, почему-то не учитывают, что Польша не только в годы революции и Гражданской войны, но и в ходе всего постверсальского периода между Первой и Второй мировой войнами сама себя позиционировала с очевидной враждебностью к России.**

Польский министр иностранных дел Юзеф Бек, последователь Пилсудского, к тому же был откровенным германофилом и до последнего пытался убедить Гитлера, что Варшава могла бы стать незаменимым инструментом для Германии в ее походе на Восток, и прежде всего для завоевания Украины. Судя по архивным документам, даже британские авторы Мюнхенского соглашения, по крайней мере к весне 1939 г., прекрасно осознавали, что поход Гитлера на Восток уже не обойдет Польшу. Варшава же до последнего была настроена категорически против любого многостороннего соглашения с участием Москвы и движима иллюзиями получить за лояльность Берлину и готовность к союзу с Гитлером свой приз в виде сохранения за ней Данцига, а может, и приобретения Украины и выхода к Черному морю.

Если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е годы, до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война — самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов. Какова же была позиция великих «демократий»? Ведь война и новый невиданный передел мира начались до пакта Молотова–Риббентропа. Отметим вехи этого кровопролитного передела, который почему-то не побудил западные демократии вмешаться, подвергнуть агрессоров осуждению, бойкоту и изоляции.

Передел мира на Дальнем Востоке унес жизни более 35 млн человек — прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией уже в 1931 г. Япония тогда захватила территорию, равную

площади Франции. При попустительстве мирового сообщества Япония в 1933 г. захватила еще и провинцию Жэхэ, а в 1935 г. вторглась в Чахар и Хэбэй.

В 1935 г. Италия начинает агрессивные действия в Северной Африке и нападает на Абиссинию, применив химическое оружие против беззащитного населения. Если Лига Наций высказывается за санкции, то Англия и Франция ограничиваются лишь символическими жестами, даже отказавшись от нефтяного эмбарго, которое могло бы резко остудить воинственный пыл Италии. Британский кабинет считал нецелесообразным противодействовать акциям в Африке, цинично объяснив такое попустительство желанием умиротворить агрессоров и удержать их от «коренного изменения расстановки сил в Европе». Хотя этот шаг Муссолини полностью подорвал пакт Бриана–Келлога, т.е. всеевропейскую систему безопасности, президент Рузвельт поспешил опубликовать декларацию о нейтралитете, который означал полный карт-бланш не только для Италии и Японии, но и для Германии, которая провела военный демарш в Рейнской области и заявила о недействительности Локарнских соглашений, дав понять, что рассматривает заключение франко-советского союзного договора в качестве враждебного Германии шага. В. М. Фалин в своей монографии справедливо обращает внимание на смысл этого «послания» — если Запад будет давать гарантии Москве, то Берлин будет нарушать статус-кво на западе Европы.

И это «послание» было воспринято: Германию стали откровенно подталкивать на восток. Рассекречивая архивные фонды советской разведки и НКВД, мы могли бы предложить и западным странам снять гриф секретности с документов, относящихся, например, к заключению «пакта четырех». «Пакт согласия и сотрудничества» был подписан в июле 1933 г. с гитлеровской Германией правительствами Франции, Англии и Италии, чьи архивы на этот счет до сих пор закрыты. Даже не ратифицированный из-за протестов французского общества, именно этот пакт обратил Гитлера в уважаемого партнера на европейской политической сцене и ввел его в круг «признанных». А это открывало путь к мюнхенскомуговору.

Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился Ллойд Джордж. «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР. — пояснял он. — Пусть она расширит корейско-манчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии»³.

Япония также вполне осознала, что США, Англия и Франция не будут вмешиваться. Заручившись обещаниями Германии и Италии «оказать поддержку,

если СССР окажется союзником Китая», она начала осуществлять «меморандум Танаки», содержание которого было известно советскому руководству уже в 1928 г. В Нанкине японцы убили более 200 тыс. человек — каждого второго жителя, а в целом японская агрессия стоила Китаю 35 млн жизней. При этом мировая война, по мнению Запада, началась лишь с нападением на Польшу и вступлением в войну Великобритании!

Итак, Европа последовательно «умиротворяла» Гитлера и не препятствовала Италии, которая вторглась в апреле 1939 г. в Албанию и 7 апреля включила ее в свой состав, приблизившись к реализации своей концепции *mare nostrum* — кольцеобразного контроля над Средиземным морем.

Примечательны состоявшиеся 25–26 марта 1935 г. во дворце канцлера в Берлине секретные переговоры сэра Джона Саймона, министра иностранных дел Великобритании, и Гитлера, запись которых стала достоянием советской разведки и была впервые опубликована в 1997 г. Гитлер отвергает даже намек на возможность сотрудничества с большевистским режимом, называя его «сосудом с бактериями чумы», заявляя, что «немцы больше боятся русской помощи, нежели нападения французов», и, утверждая, что из всех европейских государств вероятнее всего ожидать агрессии именно от России. Разрыв с рапальской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 г. налицо. Именно Саймон предложил рассматривать СССР лишь как геополитическую величину и настаивал, что «опасность коммунизма скорее является вопросом внутренним, нежели международного порядка».

Однако главный смысл его «послания» Гитлеру совсем в другом — в санкционировании аншлюса Австрии. Когда Риббентроп попросил Саймона изложить британские взгляды по австрийскому вопросу, тот прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может относиться к Австрии так же, как, например, к Бельгии, то есть к стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Удовлетворенный Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия в вопросе о саарском плебисците и по всем другим вопросам, в которых оно заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии». Речь здесь шла о конференции 1935 г. в Стресе по вопросу о нарушениях Германией военных положений Версальского договора, где Британия отвергла предложение о санкциях в случае новых нарушений⁴.

А какие цели были у Соединенных Штатов, которых представляют сейчас не только как главного спасителя Европы, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, а вовсе не за собственные интересы?

США полностью повторяли свое поведение 1914–1917 гг. и вообще собирались выждать в надвигающейся войне между Германией и СССР до их

истощения или до того момента, пока не начнутся геополитические изменения уже структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 г. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина. Главным содержанием переговоров был вопрос о нейтралитете США в грядущей войне. Позиция Ф. Рузвельта в итоге была сформулирована так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции, и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»⁵. Последний тезис почти полностью повторяет стратегию нейтралитета в Первой мировой войне: вмешаться, когда Евразия окажется под преимущественным контролем одной континентальной силы. Эти тезисы делают ясным, какой неприятностью для США оказался пакт Молотова–Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, и собирались вмешаться лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую геополитическую доктрину «яруса мелких несамостоятельных восточноевропейских государств между немцами и русскими» от Балтики до Черного моря. Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на восток. До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом».

Во-первых, они уже опозорили себя, принеся чехов в жертву своим интересам.

Во-вторых, состоялось бы соединение немецкого потенциала в одном государстве, а это была бы ревизия Версаля, причем такая, против которой потом трудно было бы возражать — эти территории не были завоеваниями 1914–1918 гг., но входили в Германию и Австро-Венгрию до Первой мировой войны.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток, а не на запад, что отодвигало войну с Англией. И англосаксонский расчет на необузданность амбиций был

точным. Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

Вывод о губительной для собственной истории политике Польши накануне войны вытекает из документальных материалов, приводимых даже «полонофильскими» авторами, научная добросовестность которых вынуждает их признать «явный крен во внешней политике Польши к сближению с „третьим рейхом“ (по инициативе Берлина)... наносивший серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе... Загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства», «польское руководство пошло на открытое сотрудничество с нацистской Германией»⁶. Уже в январе 1939 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза», а затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа с поляками, в ходе которых Польша выражала готовность присоединиться к антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю⁷. По-видимому, этот вопрос решался лишь в зависимости от цены за отказ от «равноудаленной» позиции между Германией и СССР, ибо, по сведениям Литвинова, Польша отрицала такую возможность в переговорах с итальянским министром и зятем Муссолини Галеаццо Чиано, который не смог предложить Варшаве соответствующего приза⁸.

Однако англосаксонская стратегия стала столь очевидной, что это уже обрекало ее на провал. И понимая это, Британия практически одновременно, но все же раньше на несколько дней, чем СССР, готова была договориться с Гитлером, в связи с чем была подготовлена встреча Геринга с Галифаксом и «умиротворителями»-мюнхенцами чемберленовского толка, вновь поднявшими голову летом 1939 г.

Мюнхен и позиция «демократических стран» показали бессмысленность для СССР пребывания в фарватере англосаксонской стратегии. Это признал в своем докладе и сам М. Литвинов, не без оснований считавшийся представителем англосаксонского лобби в СССР. При нем внешняя политика СССР не просто плавно переместилась от рапальской линии в антигерманский лагерь, что было естественно после прихода Гитлера к власти. СССР вступил в Лигу Наций и начал активно демонстрировать надежду на согласие с Западом в поиске коллективной безопасности. Доклад Литвинова был сделан во время мюнхенского сговора, что было сразу замечено на Западе. «Речь, произнесенная вчера Литвиновым, в основе, мне кажется, признает провал политики коллективной безопасности, которая была в продол-

жении последних лет основной внешней политики Москвы... Это признание не может не привести к заключению о том, что СССР отклоняет какую бы то ни было ответственность за то, что случится в Европе, и отныне будет руководствоваться исключительно своим собственным интересом и собственными идеалами», — сообщает посол Италии Аугусто Росси осенью еще 1938 года.

Хрестоматийная история и новые подтверждения бесконечных попыток и планов показывают одно: переговоры и затягивания со стороны западных стран, среди прочего, имели целью отвлечь внимание СССР от поиска самостоятельных возможностей, предупредить его обращение к модус вивенди с Германией. Чего только стоят многомесячные переговоры по общей декларации Англии, Франции, СССР и Польши! Мало того, что Польша была главным препятствием такой декларации, Британия постоянно меняла свою позицию, попеременно то сея надежды, то беря свои слова обратно и всегда отказываясь включать туда пункт о собственных обязательствах и гарантиях.

Весьма красноречиво отражает реальную обстановку разговор постоянного представителя в Лондоне И. М. Майского с заместителем министра иностранных дел Великобритании Кадоганом, который принялся убеждать Майского, что Лондон готов принять декларацию против грядущей агрессии Германии: «Я слушал Кадогана с большим недоверием, — записал в донесении Майский. — Зная вековую нелюбовь Англии к „твердым обязательствам“ вообще, а на континенте Европы в особенности, зная традиционное пристрастие Англии к игре на противоречиях между третьими державами со свободными руками, зная, наконец, как уже на моих глазах брит(анское) прав(ительство) никогда даже и слышать не хотело о гарантии границ в Центральной и Восточной Европе, я с трудом мог себе представить, чтобы Чемберлен согласился дать твердые обязательства Польше и Румынии. Наконец он спросил: „Почему вы так усмехаетесь? Почему Вам кажется подобное решение кабинета невероятным?“ Я возразил: „Потому что ваш новый план, если он только вообще будет реализован... представлял бы что-то похожее на революцию в традиционной внешней политике Великобритании...“. Кадоган пожал плечами: „Да, конечно, это было бы революцией в нашей внешней политике, — оттого-то мы так долго не можем принять окончательное решение“»⁹. При этом Кадоган показал на часы и стал уверять, что правительство в этот момент принимает решение. Но решение в очередной раз не было принято!

СССР неизменно включал пункт о том, что «Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР, в случае агрессии против этих государств»¹⁰.

Однако ни один проект со стороны Британии не давал гарантии Прибалтийским странам — западной границе СССР, все они практически заканчивались уклонением от решительного шага. Это подтверждают практически все опубликованные ранее и вводимые в оборот новые архивные документы. В ответ на предложение СССР от 17 апреля Галифакс вновь сообщил Майскому, что «Британия будет настаивать на своем первоначальном предложении о нашей (советской. — Н. Н.) односторонней гарантии для Польши и Румынии». Британский министр сослался опять на «оппозицию» Польши и Румынии, а о предоставлении англо-французской гарантии Прибалтийским государствам заметил, что, во-первых, сами эти государства будто бы высказываются против такой гарантии из опасения «спровоцировать» Гитлера, и что, во-вторых, распространение англо-французской гарантии на Балтику дало бы Гитлеру лишний аргумент для вбивания в голову германского населения мысли о политике «окружения».

В ответе советского посла было указано, что «предложенная английская формула лишена характера взаимности: мы обязаны помогать англо-французам, если они вовлечены в войну из-за Польши и Румынии, а они не обязаны нам помогать в аналогичном случае». Этот обмен мнениями проходил в дни, когда в «Таймс» была развернута большая кампания за то, чтобы сделать «еще одну попытку» договориться с Германией и Италией. Как сообщал И. Майский: «...В правительственных кругах явно чувствовался рецидив мюнхенской политики, и вновь подняли головы „умиротворители“»¹¹.

В итоге очень интенсивные и напряженные попытки добиться результата от западноевропейских партнеров ничего не дали, что и привело к заключению пресловутого советско-германского договора 23 августа 1939 г.

Было ли такое развитие событий и итог совершенно неожиданными для западных государств, как это пытаются представить сегодня? Отнюдь нет. Уже в сентябре 1938 г., после переговоров с заместителем наркоминдел В. Потемкиным, посол Италии в СССР сообщал своему ведомству о полной разочарованности СССР, руководство которого полагает, что вслед за разделом Чехословакии Гитлер возьмется за Польшу, и выводе о неизбежности смены курса: «Я полагаю, что в настоящее время непосредственным результатом последних событий станет то, что СССР будет принужден оставить свои попытки международного сотрудничества с буржуазными правительствами западных демократических держав, перейдя к **оборонительной политике относительной изоляции**»¹². И так, будущая смена поисков договоренностей с Британией и Францией на пакт о нейтралитете с Германией названа западным дипломатом в его секретном послании в центр **оборонительной политикой!**

Во всех беседах с британским послом Сиддсом в Москве и Литвинов, и Молотов неоднократно доносили до него разочарование политикой Лондона, провал которой в Мюнхене позволял СССР «считать себя свободным от всяких обязательств»¹³. После Мюнхена и на Западе осознали, что для СССР это единственный путь. Постоянно подпитывать в советском руководстве мнимую надежду на возможность соглашения о взаимных коллективных гарантиях — вот очевидная цель стратегии прежде всего Британии, главным инструментом которой была Польша.

Родоначальником искажения смысла Второй мировой войны можно считать германского историка Э. Нольте, взгляды которого в 1970-е годы вызвали бурные протесты всего научного и политического сообщества на Западе. До сих пор из-за своих нелиберальных взглядов он считается неполиткорректным, ибо фактически начал реабилитировать фашистские явления в Европе и косвенно оправдывать гитлеровские завоевания. Тем не менее именно его концепцию, избавляющую Запад от вины за грех нацизма, сейчас сделали стержнем фальсификации истории.

В своей книге «Европейская гражданская война. 1917–1945» Нольте доводит свою концепцию до апогея, интерпретируя международные отношения в межвоенный период и движение к войне как схватку двух идеологий, представляющих вызов гражданскому миру и обществу, а саму Вторую мировую войну — не как кульминацию стремлений к территориальному господству и к новому переделу постверсальского мира, а как якобы начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну». Нольте предпочитает не интересоваться фактами, а те, что общеизвестны, нанизывает на свою схему. **Однако фактом является то, что решение о дате нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. было принято Берлином еще весной 1939 г. и советское руководство было об этом прекрасно осведомлено. Более того, почти сразу после Мюнхена многие на Западе понимали, что СССР оказывается в полной изоляции. Так что тезис о том, что якобы именно пакт Молотова–Риббентропа привел к нападению на Польшу, абсолютно антиисторичен.**

Нольте называет «пакт Гитлера–Сталина» «европейской прелюдией» ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, где говорилось, что вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, каковы могли бы быть границы этого государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего развития политической ситуации.

Обращаем внимание, что **фраза эта почти совпадает с текстом из заметок кайзеровского канцлера фон Бюлова, сделанных еще в 1890 г. в отношении планов кайзеровской Германии в будущей войне против Российской империи. Планы, прямо скажем, полностью повторены Гитлером, да и рас-**

ширение НАТО как будто идет по кайзеровским картам: «Мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы». Дряхлый Бисмарк оставил на полях помету: «Столь эксцентричные наброски не следует излагать на бумаге»¹⁴.

Тезис о судьбе Польши отражал прежде всего преемственное мышление Берлина. Фон Бюлов также полагал, что «вопрос о восстановлении Польши в какой-либо форме и присоединения Балтийских провинций следует оставить в стороне», так как разгромленная и оттесненная на восток «Россия скорее будет удобным соседом, чем восстановленная Польша». Польским пангерманистам, столь активно интриговавшим против России перед Первой и против СССР перед Второй мировыми войнами, было бы полезно знать подлинную цену Польши в глазах немцев.

Драматичная судьба Польши на стыке соперничающих геополитических комплексов в момент обострения общей борьбы была предопределена не в последней степени ее извечной неприязнью к России. Материалы настоящей книги подтверждают то, что было известным из опубликованных архивных материалов. «Польша сохраняла отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии»¹⁵. После важного франко-английского совещания, состоявшегося 22 марта 1939 г. в Лондоне с участием Боннэ, Чемберлена, Галифакса, произошла утечка информации в прессу о том, что «все проекты противодействия Германии встречают главное затруднение со стороны Польши. Польша боится отказаться от проводившейся до сих пор полковником Беком политики балансирования между Советским Союзом и Германией. Польша, опасаясь Германии, не решается принять участие в декларации против агрессии»¹⁶.

Новые архивные материалы не оставляют сомнений в позиции Польши: она не только последовательно и осознанно уклонялась от участия в каком-либо фронте вместе с СССР, но и имела виды на украинские и литовские земли. Именно это толкало ее ревностно убеждать германскую сторону сделать ставку на Польшу, а не на «Великую Украину» — и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»¹⁷.

Итак, общее течение политики 1930-х годов достаточно очевидно привело к выделению противоположных интересов: западные державы, среди которых инициатива принадлежала Британии, гитлеровская Германия с другими фашистскими режимами и СССР. Британия фактически повторила свою стратегию кануна Первой мировой войны и постаралась направить агрессивный потенциал немцев на Россию. Неизбежность полной перекройки Европы становилась явной, и все страны, прежде всего Восточная Европа, искали свой выход из создавшегося

положения, размышляли над возможностью использовать в кризисе соперников и над шансами реализовать неосуществленные ранее исторические планы.

Захват Праги Гитлером и провозглашение марионеточной Словакии, предвоенный политический кризис 14–15 марта 1939 г. вроде бы побудили Британию пойти на обещание некоторых гарантий, из которых гарантия Польше потом переросла в соглашение о взаимной помощи. Это понятно, если вспомнить общую стратегию овладения контролем над линией Балтика — Черное море. Если бы удалось постепенно через последовательные успехи Германии на востоке Европы отвлечь агрессивные намерения Гитлера от западного направления, стимулировать этими успехами решение Германии сделать бросок в первую очередь на СССР (прибалты приносились при этом в жертву!), то британские гарантии Польше позволили бы Лондону обосновать вход в Восточную Европу «для ее защиты» и вывода ее в конечном итоге из-под влияния как Германии, так и СССР, истощивших бы друг друга в невероятной схватке.

Предложение СССР заключить широкое соглашение, объединяющее и Прибалтийские страны, было западными странами отвергнуто. Сами Прибалтийские государства — полуфашистские, давно отказавшиеся от парламентаризма и котиравшиеся в европейском политическом и общественном мнении, почти как гитлеровский режим, и вообще отрицательно к нему отнеслись. В апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вайс». СССР был об этом прекрасно осведомлен, как и о том, что Гитлер определил крайнюю дату нападения на Польшу 1 сентября.

Руководство СССР, осведомленное о всех закулисных переговорах, постепенно приходит к убеждению, что промедление может сделать процесс движения Германии на восток необратимым и очень быстрым. **Приостановить Германию тогда могло только широчайшее и очень сильное по взаимным обязательствам всеобщее международное соглашение с гарантиями странам, окружавшим Германию по всем периметрам ее границ и по стратегическим пунктам Европы.** В таком соглашении Москве было отказано. Впереди маячила перспектива германского нападения, в ходе которого западные страны наблюдали бы за истреблением России до тех пор, пока «не начались бы изменения структурного порядка». Именно об этом говорилось в упомянутом докладе Ф. Рузвельта своему кабинету о позиции США в возможной войне между Германией и СССР без участия западно-европейских стран. Какие же изменения структурного порядка ожидали СССР в случае, если бы Германия решила сначала напасть на СССР?

В таком гипотетическом случае Германия, быстро истощая силы совершенно неготовой и обескровленной репрессиями Советской армии, оттесняла бы СССР за Волгу и Урал, с Кавказа с его нефтью и от Черного моря. Наверное, следуя ка-

нонам своей многовековой геополитики, Британия постаралась бы запереть проливы со стороны Средиземного моря, а со стороны Балтики и Северного моря помогла бы Польше. Заманив Гитлера как можно дальше на советскую территорию своим начальным бездействием и не пошевелив пальцем, чтобы помочь русским, пока тех не отодвинут далеко на восток, англосаксы, конечно, не позволили бы Германии стать хозяином Евразии. Но они били бы его с запада на российской территории, одновременно оттесняя Россию навеки из Восточной Европы, от Балтики и Черного моря. Нешуточный конфликт разгорелся бы и на дальневосточных рубежах, куда ринулась бы Япония. Но этому, уже по канонам американской геополитики, проявившейся в годы Гражданской войны, скорее всего воспрепятствовали бы США. Они ведь уже однажды высаживались во Владивостоке в 1919 г., чтобы предотвратить выход Японии к Забайкалью. Британия и США воспользовались бы положением России, чтобы навсегда отодвинуть ее от морей в глубь континента. В таком исходе СССР, использованный как главная жертвенная материальная сила, о которую споткнулся бы Гитлер, остался бы в тундре, что означало конец его истории.

Трудно удержаться от замечания, что та же геополитическая стратегия давления на Россию, хотя и в совершенно иных формах, просматривается на рубеже XX и XXI вв. Предпринимается очередная попытка оттеснения на северо-восток Евразии, в глубь континента.

Одновременно в Москве знали и о германских планах агрессии на запад. **Интрига состояла в том, на кого сначала пойдет Гитлер. То, что он имел уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада, было известно всем.**

Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться что-то получить до того и смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как и многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торга только с Германией. Это и предопределило ее судьбу в тот момент.

Как оценить готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны: закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая к тому же накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины? Или воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции? По прагматизму или, если угодно, цинизму его позиция ничем не отличалась от лорда Саймона, открывшего Гитлеру, что Британия не может беспокоиться об Австрии, как о Бельгии. Как должна была реагировать Москва на нежелание западных стран гарантировать в пакте коллективной безопасности

не только границы Польши, но и прибалтийских стран, что открывало Гитлеру путь на СССР.

Сами Прибалтийские государства также стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии, и, как сообщал в государственный департамент американский поверенный в делах в Литве, были «настроены резко против упоминания их в качестве государств, в отношении которых принимаются гарантии, в любых соглашениях между группами других держав и поэтому относятся крайне неодобрительно к предложению, сделанному недавно советским Комиссаром по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом». Представитель Литвы «выразил надежду, что западные державы придут к соглашению в отношении ситуации в Восточной Европе без упоминания государств этого региона». Он также «подсказал» американскому дипломату, каким образом уже данная Польше гарантия Великобритании могла бы быть реализована в отношении Литвы: «Поскольку Польша по соглашению с Британией имеет право сама определять, когда независимость Польши подверглась угрозе... нападение Германии на Литву надо будет воспринимать как шаг по окружению Польши»¹⁸.

С легкой руки Э. Нольте на Западе советско-германский договор называют «пактом войны», «раздела», который якобы не имел аналогов в европейской истории XIX–XX веков¹⁹. Такое утверждение может вызвать только иронию у историка. От Вестфальского мира до Дейтона двусторонние договоры, тем более многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и «демократического» настоящего, были начертанием одними державами новых границ для других, а дипломатические секреты только этому и посвящены.

Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс, чтобы предупредить усиление ряда государств, добавил к территории Швейцарии стратегические горные перевалы. Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «Грабят Турцию». Австрия в 1908 г. аннексировала Боснию, получив дипломатическое согласие держав. В секретном соглашении 1905 г. между президентом США Т. Рузвельтом и премьер-министром Японии Т. Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США соглашались на право Японии оккупировать Корею. В Версале победившая англосаксонская часть Антанты с вильсонскими «самоопределением и демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет (македонцы), кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому, как сербам, хорватам, словенцам, быть *volens nolens* вместе. В Потсдаме и на сессиях Совета министров иностранных дел были определены границы многих

государств и судьба бывших колоний. Дж. Кеннан в 1993 г. в предисловии к переизданию Доклада Фонда Карнеги 1913 г. прямо призвал начертать нужное Западу новое территориальное статус-кво на Балканах и «применить силу», чтобы заставить стороны его соблюдать, что и было сделано в Дейтоне.

Гитлеровские геополитические планы совпадают с планами пангерманистов перед Первой мировой войной, а границу Германии по Волге требовали установить в 1914 г. берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», а христианской России.

Советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное — **договор 1939 г., поменяв «всего лишь» «расписание» войны, поменял и полевоенную конфигурацию**, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР.

Именно поэтому пакт Молотова–Риббентропа 1939 г. — это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать.

Для Британии наименьшие издержки сулило вступление в войну после того, как Гитлер пошел бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в их глазах меньшую ценность по сравнению с «антисоветской» Польшей, на которую с Версаля делала ставку Антанта. Британия предполагала выступить в защиту Польши, что и сделала в 1939 г. Но Лондон рассчитывал, что Германия нападет на нее в едином походе на Восток, ввязавшись в безнадежную войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы малой кровью, а также сулило шанс войти в Восточную Европу с запада «для ее защиты».

Г. Киссинджер в объемном и обстоятельном труде «Дипломатия», где борются субъективизм историка с добросовестностью эрудированного исследователя, также не удержался от суждения, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Однако раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его же слова и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения. Так, он приводит слова Гитлера от 11 августа 1939 г.: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренность с Россией, разбить Запад, а потом, после его поражения, вернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами». Киссинджер соглашается, что «это действительно было четким отражением первоочередных задач Гитлера: от Великобритании он желал невмешательства в дела на континенте, а от Советского Союза он хотел приобрести *Lebensraum*, то есть „жизненное пространство“. Мерой сталинских

достижений следует считать то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но достигнутый максимум возможного не может быть оценен иначе как успех дипломатической тактики — тем более в сложнейших условиях, угрожавших жизни государства. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его «высшим достижением средств», которые «вполне могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века»²⁰.

Киссинджер сокрушается о неуспехе Британии из-за того, что «установленный Версалем международный порядок требовал от Великобритании следовать исключительно правовым и моральным соображениям». Однако разговоры о верности Версалию после упомянутой конференции в Стресе неуместны, как и ссылки на моральные принципы Великобритании после аншлюса или Мюнхена. Но и Киссинджер признает, что «сдержанность Великобритании в вопросе независимости Балтийских государств была истолкована в Москве как приглашение для Гитлера совершить нападение на Советский Союз, минуя Польшу».

Сами британские политики полагали действия Сталина естественно вытекающими как из исторических прав, так из обстоятельств. «Меньше всего я хотел бы защищать действия советского правительства в тот самый момент, когда оно их предпринимает, — комментировал события осени 1939 г. и занятие Красной армией Западной Белоруссии лорд Галифакс в палате лордов 4 октября 1939 г., — но будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я не собираюсь защищать действия советского правительства или другого какого-либо правительства кроме своего собственного. Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы»²¹. 10 октября такую же оценку дал У. Черчилль.

Главной предпосылкой извращенных завоевательных амбиций, оправдываемых полуязыческим

нацизмом, явилось версальское унижение и расчленение Германии англосаксами, в котором СССР не принимал никакого участия. Что касается феномена экономического подъема гитлеровской Германии, то сетующие на это англичане должны были бы обратиться к собственной роли в полном освобождении Германии от экономических условий Версаля и от репараций, что было в полном смысле слова продуктом англосаксонской стратегии. За это в течение межвоенного времени ее и бичевал У. Черчилль.

В Лондоне больше всего боялись формирования германо-советского устойчивого *modus vivendi*, тем более что в германском обществе в начале 1920-х годов было распространено некое «русифильство», проявившееся в тяге к русской культуре. Призраком договора в Рапалло, заключенного Веймарской республикой с Советской Россией в 1922 г., не давал покоя британской геополитической стратегии. Но отношение к Советской России В. Ратенау, искавшего вне идеологических различий шанс выйти из международной изоляции, не имели ничего общего с тем, что ангажированная антинаучная публицистика приписывает мифическому «родству» Гитлера и Сталина. Серьезные ученые и на Западе присоединяются к возражениям против совершенно антинаучной трактовки тождества нацизма и коммунизма²².

В грозовой и стремительно меняющейся обстановке лета 1939 года, в условиях, когда пожар войны уже полыхал на трех континентах, СССР, как любая самодостаточная держава, проводил многовекторную внешнюю политику в поисках оптимального решения обеспечения своей безопасности. Советское руководство и советская дипломатия обеспечили дополнительные два года для подготовки страны к войне. Более того, Москва рассчитывала, что резко активизировавшиеся в августе 1939 годы контакты с Германией послужат толчком к усилению эффективности переговоров с демократическими государствами. Как ни парадоксально это может звучать, но именно договоренности между Москвой и Берлином в августе 1939 г. заставили Англию, Францию и США принимать во внимание Советское государство при решении международных вопросов, что увенчалось после вступления СССР в войну формированием антигитлеровской коалиции.

¹ Rzeczpospolita. 2005. 28 wrz.

² Документ рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.

³ Цит. по: Фалин В. М. Второй фронт: Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 39.

⁴ Очерки истории Российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3: 1933–1944 гг. М.: Междунар. отношения, 1997. Прил. С. 463–464, 467.

⁵ Там же. С. 468.

⁶ Случ С. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Сталиным и Гитлером, 1939–1941. М.: Индрик, 1999. С. 91.

⁷ Очерки истории Российской внешней разведки. С. 289–290.

⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 4. Д. 34. Л. 42–46.

- ⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 79–81. Опубликовано в сб.: Документы внешней политики, 1939. М., 1992. Кн. I. С. 238–240.
- ¹⁰ Из текста советского предложения от 17 апреля 1939 г.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 183–186. Опубликовано в сб.: Документы внешней политики. Кн. 1. С. 348–349.
- ¹² Документ рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.
- ¹³ АВП РФ. Ф. С-т Молотова. Оп. 1(б). Пор. №2. П. 27. Л. 16–17.
- ¹⁴ Die geheime Papiere F. von Holsteins. 3 Ausgabe. V.3 Briefwechsel. Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1961. S. 213–216.
- ¹⁵ Посол Гжибовский — Литвинову // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. — август 1939 г. М.: Политиздат, 1971. С. 265.
- ¹⁶ Документ из Секретного Бюллетеня ТАСС от 23 марта 1939 г. рассекречен в Архиве внешней разведки РФ.
- ¹⁷ Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 39.
- ¹⁸ The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States: The Soviet Union, 1933–1939. Wash., D. C.: The GPO, 1952. P. 936.
- ¹⁹ Nolte E. Der Europäische Bürgerkrieg, 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschevismus. В.: Propiläen, 1997. S. 310–311.
- ²⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 298, 302.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 7. Оп. 4. инд. №19. П. 27. Л. 25.
- ²² F-X. Coquin. «Europe». Jan–Fev. 2006; Narotchnitskaia N. Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu. P.: Editions des Syrtes, 2008.

Противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России

Научно-практическая конференция
МГИМО (У) МИД России

Стенограммы выступлений

**Алексей Иванович Подберезкин,
Проректор по научной работе МГИМО (У) МИД России**

В последнее время мы столкнулись с сознательными и целенаправленными попытками искажения нашей истории. Причем, не в качестве каких-то исторических феноменов, а с совершенно конкретными политическими целями, иногда и материальными. Кстати, почему-то считается, что это относится только к периоду, предшествовавшему Второй мировой войне. Действительно, в последнее время этот вопрос наиболее остро стоял применительно к предвоенным годам, но, на самом деле, под сомнение ставится вся история нашего государства в XX веке, да и раньше. На мой взгляд, это происходит потому, что наша история, наши ценности, наши традиции — это огромный ресурс нации. На западе, кстати, это понимают и оценивают. Помнится, помощник по образованию Президента США мне говорил: «Мы многое можем вам простить, понять и уступить, потому что мы преклоняемся перед вашим историко-культурным наследием. У вас, в России, есть огромное культурное богатство, которое, на мой взгляд, вы недооцениваете». Это говорил друг нашей страны. Но те, кто участвуют в процессе «переосмысления» истории — далеко не наши друзья. Я бы разделил их на три группы: 1. западные историки, публицисты, политики, которые осознанно участвуют в этом процессе; 2. наши историки, которые по разным соображениям, в том числе идеологическим, меркантильным, занимаются этими вопросами; 3. группа, выступающая по этим вопросам совершенно непрофессионально. А таких людей, к сожалению, сейчас появилось много. В об-

щем, все эти три группы слились за последние годы в мощный поток. Честно говоря, я был обескуражен, когда на нас началось это «историческое давление», поскольку не видел у нас ресурсов, чтобы серьезно ему противостоять. Медийный ресурс был во многом ограничен, да и сейчас он ограничен, хотя Администрация Президента прекрасно понимает эти слабости и многое уже делает для выправления положения. В ближайшем будущем на эту тему будет отдельный обстоятельный разговор.

Существует серьезная проблема — это кризис в социогуманитарных науках. Недавно на «круглом столе» в МГИМО (У) мы обсуждали эту проблему с участием представителей РАН и «высшей школы». На нем один из руководителей Министерства образования договорился до того, правда, сославшись на В. Путина, что нам вообще социогуманитарные науки не нужны. Такой глупости В. Путин, естественно, никогда не говорил и сказать не мог. Но реальность такова, что социогуманитарная наука находится в кризисе. Это все прекрасно понимают. Это понимают и представители Академии наук, которая, как и ВУЗы, испытывает хроническое недофинансирование. Во многих научных центрах очень слаба информационная база, нет даже своих сайтов, нет своего интернета. Все это отражается на уровне социогуманитарных наук в России.

Возвращаясь к теме нашей конференции необходимо отметить, что наша история, наше культурное и духовное наследие — это огромный национальный

ресурс. Это тот ресурс, который, в отличие от минеральных богатств, не растрачивается. Он может только преумножаться. Но попытки фальсифицировать историю могут привести к тому, что этот ресурс будет девальвирован. Это все прекрасно понимают. Как только исчезает своя система ценностей, на ее месте появляется чужая. Я сейчас говорю больше не как историк, а как обществовед-философ. Эти аспекты меня больше всего волнуют. Хроническое недофинансирование, пренебрежительное отношение к социогуманитарным наукам привело к тому, что появился такой феномен, как слабо подготовленный ученый. Такой ученый участвует в научных работах, готовит студентов, пишет учебники, которые далеко не всегда профессионально подготовлены.

Я был на заседании Комиссии по противодействию фальсификации истории. Там заместитель министра образования с гордостью сказал, что у нас сейчас более 250 учебников по отечественной истории. На мой взгляд, это уже близко к шизофрении.

**Сергей Александрович Марков,
Заместитель председателя Комитета Гос. Думы по делам общественных объединений
и религиозных организаций, Член Комиссии при Президенте РФ по противодействию
попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России**

Работа Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории должна сосредоточиться не на выявлении различных интерпретаций исторических фактов, а сосредоточиться исключительно на борьбе с сознательной фальсификацией. Эта сознательная фальсификация имеет, как правило, вполне очевидные, «сознательные» политические цели. Структура управления этими процессами фальсификации истории, как правило, государственная. Мы знаем так называемые институты «национальной памяти», которые являются государственными структурами, созданными для сознательной фальсификации истории. Чего только стоит работа Службы безопасности Украины в этом направлении. Все помнят истории с фотографиями. Как можно спутать фотографии голодающих американцев с нашими? Ведь они, американцы, и выглядят по-другому. Поэтому таким действиям надо противопоставить государственную политику с нашей стороны, чем и должна заниматься Комиссия по фальсификации.

Самый главный метод борьбы с фальсификациями — тщательная разработка собственной истории. Мы не можем не видеть, что система поддержки исторической науки, которая сама по себе не может быть рыночной, должна основываться на государственной поддержке. Историки должны иметь возможность печатать книги, журналы, проводить конференции, приглашать заинтересованных людей на эти конференции, сами должны иметь возможность ездить на конференции, отстаивать на них наши позиции. Они должны иметь возможность выписывать журналы,

Наличие такого количества учебников может только окончательно запутать людей. К сожалению, многие составители учебников по истории не всегда профессиональны. Сознательно ли они искажают историю или просто от недостатка квалификации — вопрос больше риторический. Налицо факты. В МГИМО (У) недавно была одновременная презентация двух книг, абсолютно разнополярных: и по качеству подготовки, и по отношению к собственной истории и культуре. То есть, даже в МГИМО (У) это возможно. Хотя МГИМО находится в привилегированном положении. Нам удалось сохранить свою историческую школу, увидели свет несколько десятков изданий на исторические темы, рассекречены архивы. Мы начинаем выпуск обновленного журнала «Вестник МГИМО — Университета», где будет обязательная рубрика, посвященная рассекреченным архивам. В оборот будут вводиться новые источники. Там будет отдельная большая рубрика по истории, причем современной истории.

читать их. Система сама по себе достаточно простая. Но ее нужно создать. Если мы не создадим эту простую систему, то о какой борьбе с фальсификацией истории может идти речь? Даже если начальники будут принимать правильные решения, то кто их будет выполнять? Пока у нас, образно говоря, получается такая картина: на нас идут «Тигры» — танки на государственном бензине, а мы бросаем против них наших историков, как солдатиков с трехлинейками, да еще без патронов. Сказав при этом, что еды и патронов не будет, сами на фронте добываете. Так войны не выигрывают. Поэтому мы, конечно же, должны этот вопрос переосмыслить и, прежде всего, создать нормальную систему финансирования российской исторической науки. Это — 90% успеха.

Речь при этом никоим образом не идет о давлении на историков, о том, чтобы заставить их писать те или иные интерпретации и т.д. Вообще, исторические интерпретации могут быть разными. Это абсолютно нормально, когда идут дискуссии. А как иначе? Абсолютно нормально, что разные поколения по-своему пересматривают историю. Могу привести такой пример: по Полтавской битве вышла книга из серии ЖЗЛ о гетмане Мазепа. Честно говоря, мне не очень понравилась эта новая интерпретация. Мазепа не фиксируется как предатель, скорее как сложный политик в сложной ситуации. Но хочу подчеркнуть, это — авторская интерпретация истории, а не сознательная ее фальсификация. Это примерная граница дозволенного. Но писать о том, что весь украинский народ, как один, поднялся приветствовать шведского короля Карла, приводить чудовищные цифры резни

в Батурине, это, конечно, прямая ложь и фальсификация. Вот эту грань мы должны очень четко отделить. С этой точки зрения, мы не просто «нейтральны» по отношению к историкам. Наша задача — создать им необходимые условия для нормальной работы, объективного исследования истории.

Наша цель, можно сказать, — благородная задача защиты историков в таких странах, как Украина, Польша, Латвия, Эстония, Грузия и ряд других. Защитить их от тотального политического давления и диктата, под которыми они находятся. Наша задача — сделать более свободной историческую дискуссию в тех странах, где ученым свободы не дают. То, что происходит на Украине, — просто вакханалия. Оттуда идут сплошным потоком жалобы историков, что им не дают писать правду, более того, заставляют говорить ложь. С этой точки зрения, нашими главными союзниками в этой борьбе являются сами историки, которые возмущены наглой фальсификацией, которая осуществляется по политическому заказу властей. Однако некоторые ученые вынуждены эту работу, хотя бы частично, делать. Им говорят, что если они будут фальсифицировать историю, то у них будет доступ к грантам, конференциям, ко всему. Если нет, то все закроем, да и с работы уволим. Наша важнейшая задача состоит в том, чтобы тем ученым, кто отстаивает историческую правду, дать альтернативу. Нужно создать нормальную систему работы с историками других стран. Это — вторая задача, которая, в общем-то, неотделима от задачи поддержки российских историков. Историческая наука не может существовать в разделенности, в отрезанности от мировой исторической науки.

Есть две истории, в соответствии с этим должны быть два разных метода работы. Есть история как наука. Есть история как часть общей мифологии. Иногда говорят: оставим историю историкам. Это верно может быть только для первой части. Как можно оставить историю историкам, если все общественное мнение интересуется исторической проблематикой? Если по телевидению идут дебаты, если фильмы показывают, если общественные дискуссии идут в средствах массовой информации? Эту историю нельзя оставить только историкам, потому что эта история есть часть общественной мифологии, которая является частью самосознания нации. Нужно вести дебаты на всех площадках. Эта история имеет отношение к общественному сознанию. Здесь свои методы работы. Это и создание фильмов, которые являются важнейшим инструментом формирования массового исторического сознания. Это и создание исторических передач на телевидении на постоянной основе, где был бы качественный состав. У нас есть очень неплохой опыт работы в данном направлении. Кроме того, это, конечно, преподавание истории в системе образования. Мы являемся свидетелями тревожного процесса вымывания гуманитарных дисциплин из учебных программ школ, универси-

тетов. Получается, что, с одной стороны, мы боремся с фальсификацией, а с другой, — лишаем наших учеников, студентов возможности формировать нормальное, системное историческое сознание. Государство должно тщательно изучить вопрос вымывания гуманитарных дисциплин. Вопрос этот, кстати, имеет отношение не только к истории, но и к философии, политологии, социологии. Мы должны сознавать, что система образования формирует не только работников для рынка труда, но и формирует граждан демократического, открытого российского государства. Плюс сюда надо добавить необходимость повышения квалификации учителей и преподавателей высших учебных заведений.

Географически у нас складывается следующая картина. Мы знаем, что главная борьба идет на Украине, 50% этой работы — это Украина. Там осуществляется масштабный проект с целью закрепления Украины на позициях вечного врага России. Для этого брошены огромные ресурсы. Тех людей, которые тысячелетия считали себя русскими, сейчас хотят сделать антирусскими. Речь идет о масштабной политической борьбе. Мы, конечно же, уделяем этому вопросу большое внимание. На прошедшем в декабре 2009 года заседании политического комитета ПАСЕ в Париже была тяжелейшая многочасовая борьба. Нам удалось почти невозможное. Будучи в меньшинстве, мы, тем не менее, смогли отбить все попытки признать голодомор как геноцид украинского народа. Более того, нам удалось отбить все попытки включить термин, что действия властей, приведшие к голодомору, были направлены «особенно против украинцев». Это — большая победа. Но большая борьба еще предстоит по этому вопросу на пленарном заседании в конце января 2010 года.

Второе географическое направление — страны Прибалтики. Здесь цель местных властей достаточно простая: нужно сохранить нынешние недемократические системы Латвии и Эстонии, которые рассматривают русских людей как людей второго сорта по многим показателям (политическим, социальным, гуманитарным и т.д.).

Третье направление — это Кавказ. Мы уделяем ему недостаточное внимание. В связи с проведением Олимпиады в Сочи на первое место выйдет интерпретация Кавказской войны. Рядом экстремистских организаций выдвигается лозунг: «Нет Олимпиаде на земле геноцида». Соответственно, будут попытки интерпретировать Кавказскую войну как геноцид адыгских народов. Известно, что это была кровавая война, но имеют место очень многие противоречивые факты. Например, фактом является то, что адыгские народы давно интегрировались в состав России. Более того, только в составе Российской Федерации они получили атрибуты государственности. Есть Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балканская Республика, родственные адыгам абхазы имеют свою собственную государственность.

Если сравнить судьбу той части адыгских, черкесских народов, которая осталась в России, и той их части, которая через Мухаджирство перебралась в страны Ближнего Востока, то, конечно, судьба наших народов неизмеримо лучше. Они имеют все возможности для национального развития, сохранился их язык и т.д. Черкесы и адыги, живущие в странах Ближнего Востока, заинтересованы в том, чтобы приезжать в Россию и получать образование на своем родном языке, поскольку там у них нет такой возможности. Там достаточно жесткие политические режимы, запрещающие это делать. Мы должны этот вопрос постоянно отслеживать, тем самым готовя контраргументацию по будущим интерпретациям, которые обязательно появятся. Известно, что есть планы устроить, в связи с сочинской Олимпиадой, политическую кампанию, подобную той, которая была устроена на пекинской Олимпиаде. Мы пока не уделяем этому вопросу должного внимания, и это неправильно.

Что касается Грузии: мы любим Грузию, грузинский народ, грузинскую культуру, любим грузинскую кухню. Поэтому такие чувствительные сюжеты, как разрушение памятника ветеранам Отечественной войны в Кутаиси, имеют большой общественный резонанс. Нужно уделять больше внимания истории. Недавно я прочитал книгу — совместное издание Михаила Леонтьева и Дмитрия Жукова — «„Независимая“ Грузия. Бандит в тигровой шкуре». Я был поражен. Если идеология Саакашвили — доказать, что Россия вечный враг Грузии, то здесь — наоборот, хотят доказать, что Грузия вечный враг России. Это — огромная ошибка. Грузия не была вечным врагом России. И интерпретация описанных в книге событий точно не способствует сближению наших народов. Такого рода вещи встречаются достаточно часто.

Нам в ближайшее время очень важно получить от профессиональных историков, от людей, которые

занимаются этой работой, помощь в создании списка будущих конфликтных ситуаций, связанных с исторической проблематикой. Огромное спасибо тем, кто работает в этом направлении. Возьмите Полтавскую битву. Здесь мы прекрасно отработали, огромное количество материалов выпустили. Единственное — лучше бы, чтобы на полгода пораньше. А то у нас и книги, и фильмы вышли к тому времени, когда все уже практически было сделано. Такую работу нужно начинать заранее. Поэтому, такой список ключевых точек, ключевых тем очень важно иметь.

Одной из важнейших тем будет 65-летие Победы. Налицо замалчивание наших подвигов. Сейчас в Германии издается много материалов о зверствах советских солдат в Восточной Пруссии. Почему в Восточной Пруссии? Почему не в других местах? Не в Саксонии? Оказывается, все очень просто: Восточная Пруссия — это та часть территории Германии, которая ныне входит в состав Российской Федерации. По сути дела, через активное раскручивание «литературы» о зверствах советских солдат в Восточной Пруссии пытаются создать легитимное основание для последующего отторжения Калининградской области от Российской Федерации. Игнорировать эти факты мы не можем. У нас есть союзники. Будучи на Парламентской ассамблее Совета Европы, я убедился в том, что наши союзники есть везде: в составе латвийской, эстонской, польской делегаций, среди британских консерваторов и британских лейбористов, в делегации Венгрии и т.д. Конструктивно с ними работая, опираясь на их поддержку, мы вполне сможем добиться нормальной, человеческой интерпретации истории, добиться того, чтобы история была ориентирована на достижение главной цели — укрепление дружбы между народами, как внутри России, так и на общеевропейском пространстве.

**Исаак Иосифович Калина,
заместитель Министра образования и науки РФ, заместитель Председателя Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России**

Недавно прочитал большой анализ школьных учебников по истории, изданных в новых независимых государствах — бывших союзных республиках в составе СССР. Наверное, все знают, что есть только две страны, в которых хорошо про нас пишут. Это — Белоруссия, более-менее аккуратно — Армения. Все остальные учебники написаны так, что я подумал, когда мои внуки захотят съездить к внукам моего ровесника в какую-нибудь из этих стран, то вряд ли его будут встречать так же, как встречали меня в этих республиках и городах. Честно говоря, стало очень грустно. Я понимаю, что история — наука далеко не однозначная. Школьный урок истории — это всегда механизм, по крайней мере, попытка формирования отношения поколения детей и внуков к поколению

отцов и дедов, к своим сверстникам в другой стране.

Нас часто обвиняют серьезные историки: «У вас учебники плохие!». Теперь, слава Богу, они все прошли экспертизу Академии наук. И я могу сослаться на то, что они точно допущены Академией. Но не в этом суть. Я спрашиваю: «А что, разве там написана неправда?». «Нет, правда, но не вся».

На что у меня всегда есть ответ: «В учебниках физики тоже не вся физика, как и в учебниках математики — не вся математика! И никого это не огорчает».

Поэтому отбор содержания, даже интонаций учебника, интонаций урока определяется тем, что школьный урок истории формирует отношение наших потомков к нам и к нашим отцам. Очень не хотелось бы, чтобы взрослые, в поисках глубочайшей

научной истины, не сделали невозможным межпоколенческое единство в стране, не сделали невозможными нормальные отношения наших детей и внуков с детьми и внуками наших друзей в новых независимых государствах.

Я внимательно читаю, смотрю по телевидению дискуссии наших специалистов по истории. И при этом я все время думаю: ведь он же никогда бы не пришел в класс на урок и не сказал бы ученикам, отодвинув в сторону учительницу: «Она вам тут не всю правду сказала, сейчас я вам другую расскажу». Он не стал бы так поступать, потому что понимает, что этого нельзя делать. А почему-то, вещая с экрана телевизора, все считают, что дети их не смотрят и не слышат. Нет, смотрят и слышат! А потом приходят с этим на урок. По сути же, происходит вмешательство специалиста по истории или псевдоспециалиста, вещающего с экрана, в урок, который идет.

Прежде телевидение помогало школе, дополняло ее. Сегодня, к сожалению, — редко. Чаще всего эти векторы оказываются буквально перпендикулярными. А физика говорит, что работа — это произведение

вектора силы на вектор перемещения и на косинус угла между ними. А если угол равен 90°, то косинус равен нулю, и работа равна нулю. К сожалению, часто результаты исторического образования при перпендикулярности между тем, что пытается сделать учительница на уроке своими силами, и тем, что делает какой-нибудь популярнейший человек с экрана, становятся равны нулю.

Хорошо, что нет дискуссий по математике на экранах телевизоров. Там тоже очень много спорного, поверьте. Но когда на экране телевизора идут дискуссии по истории, мне все время хочется, чтобы кто-то предупредил выступающего: «Товарищ, говори все, что хочешь. Но помни, тебя смотрят и слушают дети!». Может, тогда бы многие вещи по-другому говорились и были бы ближе к исторической правде? И все-таки работали на межпоколенческое единство. Боюсь, туго нам от наших внуков придется, если они поверят в некоторые вещи, которые им рассказывают с экранов. Я очень надеюсь, что статьи, тексты, учебники по истории будут полезными для наших ребятишек и будут абсолютно правдивыми

Константин Константинович Провалов, директор Историко-документального департамента МИД РФ

МИД России и его заграничные учреждения рассматривают противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам страны как одно из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности. На это нацеливает подразделения ЦА, ЗУ, всех сотрудников развернутое постановление коллегии Министерства от 26 марта 2008 года, ставшее итогом подробного и всестороннего рассмотрения этой проблематики.

Ход этой работы отслеживается в рамках созданной в феврале 2008 года целевой междепартаментской рабочей группы Министерства, которая регулярно проводит свои заседания с привлечением как представителей заинтересованных подразделений МИД, так и общественных и научных организаций (состоялось 6 заседаний).

Министерство выступило одним из инициаторов и активных участников создания в мае 2009 года Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. МИД в составе Комиссии представляет зам министра В. Г. Титов. Министерство регулярно готовит и направляет в Комиссию соответствующие информационно-аналитические материалы, а также свои соображения и предложения. Придаем важное значение деятельности этой структуры в целях дальнейшего повышения эффективности и уровня скоординированности усилий на этом направлении, приданию им общегосударственного формата.

В практическом плане работа по борьбе с попытками ревизии истории, искаженными интерпретациями событий прошлого, продвижения объек-

тивных оценок и российских подходов по тем или иным спорным историческим темам является частью повседневной дипломатической деятельности. При этом используется широкий арсенал средств: контакты и переговоры с зарубежными партнерами, брифинги официального представителя МИД России, научные конференции, документальные выставки, выступления в различных зарубежных аудиториях, тематические публикации, кинопросмотры, мероприятия, проводимые по линии российских домов культуры и науки, деятельность двусторонних комиссий историков.

В последнее время основные усилия фокусировались на вопросах, связанных с 70-летием начала Второй мировой войны и подготовкой к 65-летию Победы. При участии или содействии МИД в 2009 году прошли три международных научно-практические конференции по предвоенной ситуации в Европе: в Варшаве (май), Берлине (июнь) и Москве (июль), заседания совместных комиссий историков с Польшей, Германией, Австрией, Чехией, Литвой. Содержательно прошел в марте организованный в Министерстве «круглый стол» на тему: «К 70-летию начала Второй мировой войны: актуальные задачи внешней политики России по противодействию фальсификации и переписыванию истории этого периода» (март), в котором приняли участие видные ученые-историки, представители ведущих научно-исследовательских учреждений. Директор ИДД в мае выступил с докладом на организованной Институтом военной истории МО РФ научной конференции «Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», а также на конференции ветеранов Великой Отече-

ственной войны стран СНГ 26 ноября. Сотрудники департамента выступили на тематическом заседании научного совета Института российской истории РАН 19 ноября, на конференции в Псковском государственном педагогическом университете 9–11 декабря.

Совместно с Центральным музеем Великой Отечественной войны 1941–1945 годов готовится документальная выставка для экспонирования как в центре, так и в загранпредставительствах России.

Подготовленные заместителем директора Департамента А. Г. Дульяном материалы о проблемах предвоенной ситуации в Европе и «пакте Молотова–Риббентропа» опубликованы в журнале «Международная жизнь», а также в тематическом документальном сборнике «Партитура Второй мировой войны». На основе архивной документации подготовлены и размещены на веб-сайте Министерства информационно-аналитические материалы о мюнхенскомговоре, «пакте Молотова–Риббентропа», событиях на Халхин-Голе.

Были растиражированы и разосланы для использования в нашей информационной работе за рубежом документальные фильмы российского ТВ по «пакту Молотова–Риббентропа», событиям на р. Халхин-Гол, предвоенной ситуации в Европе («Мог ли Сталин остановить Гитлера?»). Разослана также брошюра фонда «Историческая память» «Пакт Молотова–Риббентропа в вопросах и ответах».

В целях противодействия ревизии истории были использованы прошедшие в этом году в России, Белоруссии, целом ряде других стран и международных организаций мероприятия, посвященные памяти А. А. Громыко в связи со 100-летием со дня его рождения, а также соответствующие публикации. Ведь новейшая история международных отношений неотделима от имени этого выдающегося дипломата, ученого и политика.

Борьба с различного рода «историческими» искажениями велась и через исследовательско-публицистическую деятельность. В прошлом году выпущен документальный сборник «Советско-китайские отношения. 1949–1951». Велась работа по подготовке к печати XXV тома серийного издания «Документы внешней политики СССР» за 1942 год, реализации (в сотрудничестве с ИВИ РАН) проекта издания IV тома сборника документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949», а также подготовке двусторонних сборников «Советско-финляндские отношения. 1944–1948» (совместно с финнами) и «Советско-югославские отношения. 1945–1956» (совместно с сербами). Продолжается деятельность по осуществлению проекта многотомного фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» под эгидой Минобороны России с участием МИД России, МГИМО (У) и Дипакадемии.

Намерены и в дальнейшем уделять постоянное внимание отстаиванию и продвижению наших позиций по проблематике фальсификации и ревизии истории.

Вместе с тем, хотел бы подчеркнуть: это — задача не только МИД. Хотелось бы рассчитывать на более активную вовлеченность в эти усилия нашего научно-экспертного сообщества, общественных организаций, СМИ, особенно когда мы говорим о деполитизации истории. За рубежом эта работа ведется во взаимодействии с еврейскими, антивоенными, антифашистскими организациями.

Нашим объективным союзником на международной арене в том, что касается истории Второй мировой войны, является государство Израиль. Напомню, что теме противодействия ревизии истории, отрицания Холокоста, обеления нацистов было посвящено специальное заявление президентов наших стран от 18 августа 2009 года. Президент Ш. Перес недавно публично осудил попытки провести знак равенства между Сталиным и Гитлером. «Сталин победил Гитлера, сказал израильский лидер, а роль России в деле победы во Второй мировой войне огромна. Русские за эту войну заплатили ужасную цену, и, может быть, в таких обстоятельствах жестокость Сталина была необходима... Как Сталин, так и Гитлер как диктаторы похожи, однако их идеологии разные. Не нужно забывать тех вещей, которые имели место только в Германии. В России были концлагеря, однако газовых камер не было». Эти высказывания вызвали даже скандальную полемику между Израилем и Литвой, откуда родом Ш. Перес.

Примерно в схожем ключе комментируют эту проблему в МИД Израиля, а также лидер оппозиции, бывший министр иностранных дел страны Ц. Ливни. По словам начальника департамента Центральной Европы и Евразии МИД Израиля П. Авиви, «у нас есть постоянная проблема с этими (прибалтийскими) странами, которые пытаются переписать историю, потому что для них Сталин хуже Гитлера. В данном случае у нас с Россией общий интерес — не позволить им это сделать!». С учетом таких обстоятельств израильский фактор не стоит недооценивать в работе по противодействию переписыванию истории.

При этом представляется логичным и правильным, особенно в контексте предстоящего 65-летия Победы, делать акцент не на тех сюжетах, которые способны лишь спровоцировать новые расколы, волну взаимных обвинений и антагонизмов, а сконцентрироваться на объединительных усилиях, прежде всего связанных с темой приближающегося юбилея Победы и совместной борьбы с фашизмом и его идеологией, проявления которой, к сожалению, живучи и в наши дни. Не будем забывать, что Вторая мировая война стала общей трагедией для европейцев, а Победа была и остается их общим достоянием. Это столь же очевидно, как и то, что решающий вклад в достижение Победы и освобождение человечества от «коричневой чумы», как бы и кто бы ни пытался посеять сомнения на этот счет, внес Советский Союз, понесший самый тяжелый урон от гитлеровской агрессии.

**Георгий Львович Мурадов,
посол, руководитель Департамента внешнеэкономических
и международных связей г. Москвы**

Вопрос о противодействии попыткам фальсификации истории весьма актуален, так как имеет значение уже не только для России, но и для всего мира в целом. Недооценка этого явления, а тем более поощрение попыток провокационной фальсификации истории и пересмотра итогов Второй мировой войны накануне 65-летия со дня ее окончания в конечном счете могут обернуться мировой катастрофой. Если мы вступим на этот гибельный путь, то не успеем оглянуться, как окажемся втянутыми в Третью мировую войну, которая, уж точно, может стать для нас в буквальном смысле последней.

А ситуация на этом идеологическом фронте в последнее время довольно тревожная. Так, на Украине, используя придуманный фашистами миф о борьбе ОУН — УПА за независимость Украины и героизируя фашистских коллаборационистов в противовес соседним народам и государствам, прежде всего России, Президент Украины и новые «идеологи» стремятся построить националистическое, вождистское государство в самом центре Европы.

16 мая 2007 года В. Ющенко издал Указ «О праздновании 100-летия со дня рождения Романа Шухевича», командующего УПА и фашистского капитана, награжденного «Железным Крестом». Более того, 12 октября того же года Указом Президента Шухевич был награжден высшей наградой страны с присвоением ему звания Героя Украины, а 65-летие создания Украинской повстанческой армии было указано праздновать на государственном уровне.

Украинской национальной элитой целенаправленно формируется в общественном сознании образ врага, виновного во всех бедах украинцев. Кроме мифа о героях УПА, для этого агрессивно используется миф о погибших во время голодомора 1932–1933 годов 40 млн украинцев и якобы направленности голодомора на «истребление» украинцев. Возводятся в культ любые исторические конфликты с Россией, создавая из Украины образ жертвы, беспрерывно страдающей от враждебных и диких соседей, в первую очередь России. И в этом плане весьма характерна историческая реабилитация гетмана Мазепы, предавшего Петра I 300 лет назад в ходе Полтавской битвы.

Украинцам умышленно прививается комплекс неполноценности, чтобы затем трансформировать его в этническую ненависть и призывать к «воздаянию» всем тем, кто «столетиями унижал» украинский народ. «Над нами на протяжении... истории издевались, унижали, грабили наши города и села..., отбирали земли и выселяли из собственного дома — мы выжили и выстояли», — это страница из материалов для изучения истории в 5-м классе. Целью подобной «прокачки» мозгов со столь раннего детства является

создание такой «украинской идентичности», в основе которой лежит набор русофобских мифов.

Противодействуя этой губительной тенденции, чреватой конфликтами на национальной почве, мы энергично поддержали создание на Украине Всеукраинской общественной организации «Правозащитное общественное движение „Русскоязычная Украина“». Это новое явление в жизни наших соотечественников, когда на первый план общественного движения выходят правозащитные аспекты не только русского языка и русскоязычного населения, но и правдивого отображения истории наших братских народов. Считаем, что это направление перспективно для всех стран СНГ, и просили бы наших политологов повнимательнее присмотреться к этому движению и оказать ему необходимое содействие.

Однако героизация сотрудничавших с нацистами военных преступников, «война» с историческими памятниками и могилами советских воинов, факты переписывания общего исторического прошлого характерны не только для Украины, но и для целого ряда других стран. Стремление дать вольную интерпретацию историческим фактам можно наблюдать в Польше и Румынии, Молдавии и Грузии, Латвии, Литве и Эстонии. Специфические «изыскания» в этих и других странах особенно активизировались в последнее десятилетие и вовсе не случайно совпали с усилением влияния России на международном уровне и выстраиванием ею собственного независимого курса.

Чего стоят, например, такие пассажи в школьном учебнике «История Румынии. Новейшее время», изданном в 1999 году: «Поход Гитлера и Антонеску в 1941 году преследовал целью освобождение Бессарабии от русской оккупации». Вслед за румынскими «историками» авторы учебника для 4-го класса уже молдавской школы утверждают: «Гитлер и Сталин договорились поделить территории чужих государств, и в результате этого началась Вторая мировая война». С агрессивных позиций в отношении России освещается история в Польше и Грузии.

Но, пожалуй, дальше всех в очернении Советского Союза и России в историческом прошлом своих стран и мира в целом пошли прибалты. Не повторяя уже сказанного в отношении «вклада» историков стран Балтии в мировую историю, я хотел бы подробнее остановиться на частном примере так называемого «дела Кононова», которое, на наш взгляд, может иметь далеко идущие последствия.

Судебный процесс, затеянный в Латвии в 1998 году (спустя 53 года после окончания Второй мировой войны!), против 75-летнего участника Великой Отечественной войны, полковника милиции

в отставке Василия Макаровича Кононова, арестованного по обвинению в убийстве в 1944 году 9 полицейских по приговору партизанского трибунала, с самого начала носил заказной, политический, провокационный по отношению к России характер. Постоянное маневрирование и непрерывная смена мотивов обвинения, все больший перевод акцентов с уголовных аспектов на откровенную политику, демонстративное невмешательство западных стран, итоговое заявление о «несправедливости» Нюрнбергского суда — все это выявляет подлинные цели суда над ветераном войны В. М. Кононовым. Кому-то не только в Латвии, но и за ее рубежами, по-видимому, не нравится не только конфигурация сегодняшнего мира, но и сам мир, а потому и был запущен судебный процесс, преследующий конечную цель подтолкнуть западные страны к пересмотру итогов Второй мировой войны и оказать грубое давление на Россию — правопреемницу победившего в Великой Отечественной войне Советского Союза.

Мы с самого начала поддержали В. М. Кононова, выделив значительные средства на его процессуальную защиту не только в Латвии, но и в Европейском суде по правам человека. Первый этап мы выиграли — я имею в виду Малую палату Европейского суда. Но

под давлением латвийских властей дело было передано в Большую палату, вердикт которой ожидается в ближайшее время. По мнению специалистов, успех в ней вовсе не гарантирован.

Если В. М. Кононова все-таки осудят, тем самым на высшем судебном уровне не только государства Латвия, но и Европейского Союза будет создан международный прецедент правового осуждения, по сути, Советского Союза как государства-агрессора и советских людей за то, что в годы войны они выполняли свой патриотический долг. В равной степени можно будет при желании поднять и аналогичные дела героев Сопротивления и вынести им исторический приговор за их борьбу против гитлеровцев и их пособников.

Этого допустить нельзя. Правительство Москвы будет продолжать бороться за В. М. Кононова и за права россиян. Но надо, чтобы и наша общественность сказала свое веское слово, в том числе историки, социологи и политологи. Вместе с государственными органами Российской Федерации мы должны создать общественный резонанс такой силы, который отрезвляюще подействовал бы на всякого рода реваншистов, пособников фашизма и преступных фальсификаторов истории.

**Иеромонах Филипп (Рябых),
заместитель Председателя Отдела внешних церковных
связей Московского Патриархата РПЦ**

Тема фальсификации истории сегодня актуальна, как никогда, тем более в преддверии 65-летия празднования победы в Великой Отечественной войне. Есть над чем порассуждать. Потому что деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ), в том числе в контексте обсуждения вопросов Второй мировой войны и в более широком плане проблем XX века, сталкивается с неприятием как в Восточной Европе, так и вообще в европейском мире. Есть, с одной стороны, натяжки, есть откровенная политика. Но, в то же время, есть люди, которые настроены на серьезные размышления, хотят серьезного разговора. Не идеологически ангажированного, а спокойного, когда действительно можно сопоставить, теперь уже в условиях свободы, когда нет железного занавеса, разные позиции и выработать общий подход к истории XX века. Поэтому, я бы хотел ориентироваться на такой подход, постараться понять различные стороны, разных людей, которые оказались во враждебных лагерях в XX веке. Неоднократно приходилось слышать тезис о том, что писать историю очень легко, и каждое правительство делает это с успехом, особенно с помощью современных технологий. Создается впечатление некоего легкого подхода к истории, ее формированию, оформлению тех или иных взглядов, которые подходят для современной конъюнктуры, для того, чтобы достичь тех или иных политических

целей. Безусловно, это заблуждение. Мне кажется, что здесь историки и церковные деятели очень близки в своих оценках. Мы знаем из оценок прошлого, из того, что происходило в прошлом, что в историческом процессе действуют некие объективные нравственные законы. Так же, как в физическом мире, это законы физического мира, так же и в истории они присутствуют, несмотря на то, что кто-то может их отвергать. Есть воздаяния, есть уроки, есть заблуждения, есть правильный путь, правильные поступки. И действительно, важно понимать, как прошлое связано с настоящим и будущим. Если мы не делаем, не извлекаем правильных уроков из нашей жизни, из жизни всего человечества, мы рискуем опять впасть в те же ошибки, совершить те же серьезные преступления. Поэтому нам, безусловно, необходимо максимально придерживаться исторической правды для того, чтобы делать правильные уроки из прошлого.

В истории РПЦ, конечно, есть разные эпизоды, но то, что связано с Великой Отечественной войной, является ярким примером того, как РПЦ смогла возвыситься над обидами, несмотря на то что перед этим были пятилетки атеизма, а руководство Советского Союза планировало уничтожить церковь. Когда началась война с Германией, митрополит Сергей первым, можно сказать, из лидеров страны, когда политические лидеры еще молчали, возвысил свой

голос и призвал народ воевать с нацизмом, защищать свою Родину. Этот пример показывает степень исторического прозрения РПЦ, размах понимания ею истинных национальных интересов страны, независимо от того, при каком идеологическом режиме жил тогда народ, поскольку опасности тогда подверглись фундаментальные интересы народа, да и вообще само его существование. Можно рассуждать о том, в каком направлении должен идти народ в идеологическом смысле, но эти разговоры имеют смысл лишь тогда, когда народу ничего не угрожает, когда он может жить, спокойно развиваться, когда народ находится в мирных условиях. В период же Великой Отечественной войны само существование народа было поставлено под вопрос и нужно было, прежде всего, отстоять независимость, самостоятельность, мир, право на существование, а затем уже вести дебаты на идеологические темы, обсуждать то, с чем в тот период церковь могла быть не согласна.

Поддержка и участие РПЦ в борьбе с нацизмом, то, что церковь вносила свой пусть и небольшой, материальный вклад в победу — вспомним выделенные ею средства на бронепоезд, — вдохновляли людей на борьбу. Более того, православные общины, оказавшиеся на оккупированных территориях, которые немцы надеялись использовать в борьбе с советским режимом, с нашей страной, остались верны своему народу и Родине. Эта гитлеровская политика провалилась. Православные приходы, храмы, монастыри на оккупированных территориях постепенно становились центрами, вдохновляющими на сопротивление захватчикам. Есть примеры того, как эти приходы были связаны с партизанами, как священники укрывали людей, которых искали нацисты. Мы знаем, что к концу войны оккупационные власти получали из Берлина совершенно другие инструкции: нацисты как раз старались ограничить деятельность РПЦ на оккупированных территориях. Они поняли, что Русская православная церковь является носителем и защитницей национальных интересов русского народа, что она идет в авангарде борьбы с нацизмом, а не находится на его стороне.

Когда мы сегодня говорим о Великой Отечественной войне, пытаемся определить, что она значила для нашего народа, для многих народов нашей страны, для народов Европы, понимаем, что, прежде всего, это была народная война, война за свою независимость, самостоятельность, за свободу будущего развития. Оценивая так те события, ту войну, нам, конечно же, нужно оставаться последовательными в отстаивании исторической правды. Иногда приходится сталкиваться с крайностями: если в Восточной Европе налицо тенденция героизации нацистских пособников, нацистских деятелей, то у нас имеет место другая героизация, в частности, тогдашнего руководителя страны Иосифа Сталина. Наблюдается возрождение культа, хотя известно,

что советская система, в своих рамках, осудила этот культ, понимая все последствия такого правления, такого режима.

Иногда в нашей риторике, в нашей защите победы, имеющей огромное значение для нашего народа, для Европы, мы не разводим эти две темы: тему победы в Великой Отечественной войне и существование в Советском Союзе тоталитарного режима, который принес бедствия не только собственному народу, но и другим народам. Эти жертвы хорошо известны, их невозможно скрыть. Мне кажется, мы не должны здесь становиться фальсификаторами собственной истории и закрывать на это глаза. Мне кажется, наш Президент Д. А. Медведев очень мудро поступает: он был на годовщине падения Берлинской стены, сказал о том, как мы на это смотрим, а в день памяти политических репрессий 30 ноября в его интернет-блоге появилось прекрасное выступление с оценкой этих событий. Мы должны правильно расставлять акценты. Как мне кажется, это возможно. Кто-то утверждает, что невозможно добиться признания победы без оправдания всего советского времени, всех действий коммунистического режима. Мне же кажется, что это можно сделать. У нас есть другая задача — не впадать в крайности. Поэтому параллельно утверждению значения победы нужно помнить о жертвах репрессий, создавать мемориалы, чтобы память об этих людях не уходила из нашей истории.

Другой момент — нам нужно сегодня бороться с полуправдой, когда действительно открываются новые факты, их поднимают наружу, делают из них некие политические события, какие-то акции, но тем не менее не до конца эту правду вскрывают. В данном случае я имею в виду тему голодомора на Украине. Когда говорится только о голодоморе на Украине, это используется затем как антироссийская риторика. Это действительно пример полуправды. И нам в России нужно не спорить, не говорить о том, что этого не было. Нужно обращать внимание на то, что пострадали многие народы, и чтить их память. В этом отношении мудро поступил Святейший Патриарх Кирилл, когда был на Украине. Он посетил обелиск жертвам голодомора, сказал, что мы должны совместно помнить и чтить память людей, пострадавших не только на Украине, но и в Поволжье, Казахстане, вместе помнить об этой трагедии.

Сегодня мы прилагаем большие усилия по сплочению русского мира, для того чтобы вновь обрести наших соотечественников, хотя это люди совершенно разных взглядов, вплоть до потомков тех, кто сражался на стороне нацистов, в составе гитлеровских войск. Эти люди живут прежде всего в Латинской и Северной Америке. Они сегодня открыты для дискуссии. Недавно проходил Конгресс соотечественников. В рамках этого Конгресса была секция «Русская церковь и соотечественники». На ней священник из Канады, в частности, сказал: «Среди нашей эмиграции память о Великой Отечественной войне связана

только с одним событием — выдачей казаков Ленца». Вот это то, о чем они помнят и говорят. Но при этом он сказал, что он сам не пессимист, что люди открыты к восприятию каких-то фактов, дискуссий, просил прислать материалы о Великой Отечественной войне, особенно о том, как церковь в ней участвовала, чтобы они могли в приходах об этом рассказывать.

Мне кажется, что сегодня открывается возможность для дискуссии, особенно среди нашего русского мира. Здесь мы должны сделать акцент на том, чтобы выработать общие подходы, прежде всего

среди людей, ориентированных на русскую культуру, чтобы между собой, между людьми одной культуры, живущими в различных уголках мира, иметь какие-то общие оценки нашей истории. Мне кажется, это возможно, это можно сделать. Нам нужно приложить для этого усилия, устраивать конференции, проводить встречи, выпускать работы, приглашать людей, которые имеют разные точки зрения, чтобы вести обсуждения в спокойной дискуссии. Тогда у нас будет сильная позиция и в отношении людей других культур, других подходов.

Армен Гарникович Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь» МИД России

Хотел бы обратить внимание участников на специальный выпуск журнала «Международная жизнь» «История без купюр». Там раскрыты новые, малоизученные аспекты Второй мировой войны и очень интересна вводная статья академика Чубарьяна, в которой поднимается тема фальсификации и отмечается, что говорили на эту тему древние. Во многих толковых словарях трактуется, что термин «фальсификация» пришел в европейские языки из средневековой латыни. Впервые в европейских языках он появился во Франции, в середине XVI века. Англичане позаимствовали это слово у французов. Мы говорим об искажениях истории из корыстных или политических побуждений и это наиболее опасное направление или побудительный мотив.

На самом деле существует огромный пласт западноевропейской, западной историографии, где существует бессознательная фальсификация. Так что многие фальсификации, которые когда-то были сознательными искажениями, вошли в бессознательную часть менталитета Запада, стали стереотипами, которыми пользуются одни и те же многоуважаемые историки. Они опускают их на «более низкие этажи», распространяя в книгах, средствах массовой информации, учебниках. Поэтому для нас опасна как сознательная фальсификация, так и бессознательная. К тому же надо понимать, что у нас есть внутренний отряд «специалистов», занимающийся фальсификацией истории. Недавно один политолог, часто выступающий по телевидению со своим глобалистским подходом, заявил, что Россия — это новое государство, которому историческая память, по сути, только мешает.

Известно, что теория фальсификации очень популярна в научной среде, сознательной фальсификации. Все человеческое знание имеет теоретическое значение и абсолютной истины не может быть. Еще Понтий Пилат спрашивал стоящих пред ним: «Что есть истина?» Релятивизм, научная методика Запада, очень активно внедряется в сознание нашего молодого поколения. Вот знаменитый Сорос — и это прошло как-то незаметно — решил, что, если русские никак не могут придумать себе национальную идею,

давайте сделаем это за них. И что он стал делать? Он стал в России менять учебники истории. Он создал и стал финансировать структуры для изменения исторического сознания. А историческое сознание относительно.

Приведу одну цитату академика Д. С. Лихачева, который замечательно сказал, что, если вы хотите противодействовать фальсификации, надо убедительно показать цель, ради которой эта фальсификация совершается. В наше время представление об исторических источниках стоит на достаточно высоком уровне, и поэтому фальсификация не имеет никаких оправданий.

Так говорил академик Лихачев. Теперь же о современной теории и практике. В вводной статье к спецвыпуску журнала «Международная жизнь» академик Чубарьян рассуждает о том, как вообще «окружить» фальсификацию, как минимизировать ее влияние. Когда говорится «оставьте историю историкам», то здесь имеется в виду необходимость провести грань между политиком и историком.

Французское правительство, например, изъяло упоминание о французском колониализме из учебников. Интересно. Был предложен текст, как вообще интерпретировать те или иные исторические события.

В обиход вводится такое понятие, как многофакторность. Учет и введение в научный исторический оборот многофакторности — это, конечно, крайне важно. Если мы что-то утаиваем, то почему? Есть одна замечательная статья Л. Н. Толстого, эпиграфом к которой он написал: «Ничего не утаю». Но мало прямо не лгать, не надо умалчивать факты.

Соборное мышление в церкви введено для того, чтобы выбирать, чтобы из всей полноты учения, из всей полноты известных обстоятельств выбрать что-то конкретное. Это такой исторический дальтонизм — человек видит только определенные цвета. Требуется анализ и использование многофакторной методологии для освещения исторического события. Скромно замечу, что спецвыпуск «Международной жизни» этим отмечен. В нем вводятся совершенно новые темы, например, о наших военнопленных

в Норвегии. Должно быть стыдно, что там нет ни одного памятника 130 тысячам военнопленных, которые прошли сквозь кошмарные фашистские лагеря. У нас мало кто об этом знает. Знают специалисты. В Советском Союзе пытались скрыть эти факты. Даже не награждали членов норвежского сопротивления. Нельзя было скрыть, что среди них было много бежавших советских военнопленных. Надо, конечно, поставить им памятник.

Еще один вопрос, который сегодня очень важен. Это вопрос о вине солдат вермахта. Говорят, что все делали СС, разные карательные отряды. А что до вермахта, то солдаты просто выполняли свой долг. Вы знаете, что Нюрнбергский процесс обвинил и осудил верхушку вермахта. А те, кто участвовал в расстрелах, не обязательно все были людьми из СС. Зачастую носили простую солдатскую форму. Хотел бы особо обратить внимание на эту статью, и не только германистов.

Еще одна тема — судьба наших «остербайтеров». Правильно говорят исследователи, что мало только собрать всю массу интерпретаций. Это люди уходящей эпохи. Мы теряем возможность со всеми ними поговорить. Когда-то эта тема была закрытой. Герой войны, ветеран — да, уважение и почет. Военнопленный — плохо. А уж «остербайтеры» — это было совсем вне обсуждений. Люди, которые сегодня работают над документальным фильмом о них, которые этим занимались, сами возмущались и говорили, что многие факты были от них скрыты.

Думаю, что открытие этих новых тем, этих новых направлений, архивов, фактов, которые могут войти в общественное сознание, — это очень важно. На мой взгляд, это задача, в том числе и для Комиссии по фальсификации при Президенте РФ. Мне

понравилась высказанная здесь точка зрения, что необходимо помочь архиву, архивистам. Они делают огромную работу с минимальным количеством кадров. Надо помочь архивам, профинансировать их, помочь с подготовкой кадров. Очень важно добавлять новые факты, поскольку учебники имеют тенденцию надоедать и устаревать. У нас есть мощный ресурс для работы. Да, Израиль, несомненно, наш стратегический союзник в отстаивании правды о Второй мировой войне. Но есть у нас союзники и в Соединенных Штатах, и в других странах. Недавно я увидел опубликованную в США книгу, где на основе анализа дипломатической переписки английской автор показывает отношение к российским жертвам Второй мировой войны. «Каждый убитый русский — это спасенный американец или англичанин, — пишет Черчилль, — и мы должны подождать с открытием второго фронта». И это в то время, когда разворачивается битва под Курском и три миллиона советских, русских солдат в ней участвуют, полмиллиона в ней погибает.

Когда мы анализировали английские учебники истории по заданию МИДа, то увидели, что там написано, что Лондон виноват в том, что был подписан пакт Молотова–Риббентропа. Виноват вследствие того, что Лондон и Париж не пошли на подписание соглашения с СССР.

Есть положительные моменты, но их не очень много. Мы не должны рассматривать борьбу с фальсификацией истории как какую-то контрпропаганду. Мы должны рассматривать ее как важный вклад в наше общественное сознание, показать нашу историю как часть истории Европы, расширять круг контактов, приглашать публиковать статьи, приглашать на конференции, особенно молодых историков.

**Александр Владимирович Фоменко,
директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий
развития, Российский государственный торгово-экономический университет (РГТЭУ),
член ПАСЕ (2005–2008)**

Пересмотр учеными-историками как своих собственных взглядов, так и взглядов предшественников на самые важные, судьбоносные исторические события происходит постоянно и по самым разным поводам. Любые новые находки, собственно, являются поводами для новых интерпретаций — то есть для ревизии старых представлений.

С другой стороны, любые политические изменения в обществе ведут к изменению, в том числе, и правил научного поведения. Так, глубочайшую ревизию (вплоть до фальсификации) всего корпуса научных представлений об истории России и русского народа провели в свое время большевики-ленинцы. Позднее их представления, в свою очередь, подвергли серьезной ревизии (исправлению) большевики-сталинцы.

Разного рода ревизиями истории занимались и при Хрущеве, и при Горбачеве, и еще более — при Ельцине, после роспуска СССР.

Ревизия тех или иных взглядов на исторические события сама по себе может служить поводом для беспокойства государственной власти (если вопрос касается основополагающих политических мифов того или иного режима), но обычно не служит поводом для особого беспокойства.

В Соединенных Штатах, например, историки-ревизионисты (как Х. Элмер Барнс, например) уже в тридцатые годы прошлого столетия подвергали сомнению необходимость участия США в Первой мировой войне. И уже начиная с конца сороковых годов многие авторы сомневались, исходя из своего понимания национальных интересов страны,

в необходимости участия США во Второй мировой войне. Но это не привело к прекращению официальной и неофициальной героизации участников обеих мировых войн.

Более того, уже лет сорок в США (под защитой Первой поправки к американской конституции) другие ревизионисты издают целые тома разного рода исследований, ставящих под сомнение основополагающие представления о ходе и количестве жертв Второй мировой, включая Холокост. Но при этом США продолжают торжественно отмечать годовщины высадки в Нормандии, а Израиль оставался главным стратегическим союзником США на Ближнем Востоке.

Мы бы тоже могли, в свою очередь, вынести любые ревизии или даже фальсификации в печати, если бы наши «блокбастеры» были на высоте. Но они не на высоте. Хотя мы, разумеется, в отношении к истории двух мировых войн находимся в несколько ином положении, нежели Соединенные Штаты: градус нашего отношения к памяти о Второй мировой войне всегда будет выше американского.

Естественная ревизия исторических представлений задевает общество лишь тогда, когда она касается не национальной истории, а живой народной памяти, еще не ставшей собственно историей, как об этом в свое время говорил У. Черчилль. Строго говоря, ревизия может ощущаться обществом как «фальсификация» (становиться, так сказать, общественно признанной «фальсификацией») только в том случае, если исторические изыскания и уточнения начинают использоваться для пересмотра политических оценок в тот момент, когда политическая реальность не предполагает возможности такого пересмотра.

А сегодняшняя политическая реальность Европы явно не предполагает этого. Из-за того, что все существующие на современном Западе политические режимы легитимированы именно былой победой коалиции демократических наций, в «старой Европе» никто не ставит под сомнение роль англосаксонских солдат-освободителей, пришедших в Западную Европу в 1944–1945 годах. Все попытки пересмотра происходили и происходят только в «новой Европе».

При этом ссылки наших политических и государственных деятелей на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют большого смысла для их западных собеседников: времена «большой тройки» для континентальной Европы давно канули в лету. Европейцев не особенно греют воспоминания о том, как их судьбы в 1945 году определяли за столом переговоров прибывшие из-за Ла-Манша англосаксы и русские коммунисты.

Последствия исторической фальсификации — пересмотра политических оценок Второй мировой войны, производимого под видом и предлогом ревизии существующей версии истории, несут угрозу, не всегда осознаваемую, существующей системе международных отношений. Ибо означают восстановление, под тем или иным предлогом, старой парадигмы

внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами, уже дважды приведшей континент к военной катастрофе.

1945 год был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные в Версале под аккомпанемент мантр о «самоопределении» различных народов, были отомщены.

1945 год был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния: оказавшись зажатыми между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда почувствовали свою континентальную общность поверх блоковых барьеров. (Хотя этот результат, разумеется, не планировался ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Москве.)

Реактивная политика России в области *Soft Power* должна уступить место политике активной, инициативной. Мы сами должны заняться интеллектуальной ревизией «общепринятых» сегодня мнений и интерпретаций истории, даже недавней. Для этого, правда, нам самим придется расстаться — не в ущерб нам — с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие десятилетия.

Нужно прекратить замалчивание многогранной темы взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма — весьма неудобной для правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, кто оказался в 1945 году на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Пора нам, наконец, вдаваться в теоретические и практические различия между различными версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма первой половины прошлого века, а не обзывать всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», имея в виду при этом исключительно немецких национал-социалистов.

Это особенно забавно, если вспомнить, что в июле 1943 года именно Высший совет фашистской партии проголосовал за отставку Муссолини и некоторые его заслуженные члены, как Де Боно, заплатились за это головой. Но в итоге последовавших событий Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября даже объявило войну Германии.

Нет смысла продолжать неумеренное прославление «движения Сопrotивления», не имевшего сколько-нибудь большого значения для военных усилий антигитлеровской коалиции. *Сопrotивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер; более или менее масштабное партизанское движение существовало лишь на территории Сербии.

В целом, граждане западноевропейских государств поступали в ряды добровольцев *Waffen-SS* в гораздо большем количестве, нежели в ряды

Спротивления. И воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим берлинскую рейхс-канцелярию от наступавших советских частей, была рота именно французской дивизии СС «Шарлемань».

«Неизвестные страницы» существовали в послевоенные десятилетия не только для советских граждан. Не только в Москве, но и в Париже, Лондоне, Вашингтоне предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял из себя знаменитый «вишистский режим».

Маршала Филиппа Петэна законно избранный французский парламент в 1940 году, с соблюдением необходимых формальностей, наделил полномочиями главы *Французского государства*. И он был в глазах антигитлеровских союзников законным главой Французского государства до 1941 года — в случае с СССР, и до 1942 года — в случае с США и Великобританией. Он сам разорвал отношения как с Союзом ССР — после начала германо-советской войны, так и с англосаксами — вследствие явного нарушения ими французского суверенитета, вторжения их на территорию французской Северной Африки.

Французское государство не капитулировало перед Германией: военные действия на француско-немецком фронте были остановлены после подписания Петэном простого *перемирия*. И условия этого перемирия Парижа с Берлином были не тяжелее условий знаменитого Брестского мира, подписанного в 1918 году большевиками.

Глава Французского государства, как и вождь Испании — генерал Франко, так и не объявил войны ни США, ни СССР. То есть они так и не стали союзниками Гитлера. Берлин довольствовался возможностью использовать на Восточном фронте части французских и испанских добровольцев.

Десоветизация Российской Федерации не могла не привести к восстановлению, на какое-то время, идеологического противостояния прореволюционных и антиреволюционных взглядов — в самых разных областях.

В известном смысле закономерным было появление в постсоветской РФ таких экзотических персонажей, как священник Георгий Митрофанов (в своем заскорузлом антисоветизме дошедший до морального уравнивания царского генерала Краснова, не изменившего *двуглавному орлу*, — открытого врага *Красного Знамени*, и дважды предателя советского генерала Власова).

Хотя смешно сегодня говорить о *борьбе с коммунизмом*, а не с *Россией*, в применении к всеевропейскому походу против СССР 1941–1945 годов. Очевидно, что национал-революционер Гитлер не рассматривал для России никаких реставрационных проектов, а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие

европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане.

Не дожидаясь ничьих подсказок (совсем не всегда добросовестных), мы сами должны отвечать на вопрос, почему никогда ранее народы Российской империи не испытывали к своим управителям таких чувств, какие испытывали в 1920-е или 1930-е годы народы СССР?

Если в 1914 году латыши верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией¹, то в 1941 году национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах *Waffen-SS*.

Если в 1916 году Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте своих *славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в его армию, то в 1944 маршал Сталин вынужден был высылать тех же горцев, не будучи удовлетворен их лояльностью советскому режиму.

Русскую судьбу в XX веке можно, действительно, считать трагической. Потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии — катастрофа и катарсис.

Можно признать, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда в той войне. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского. И Шапошников, и Рокоссовский, кстати, были офицерами еще царского производства. Эта-то историческая правда, правда Шапошникова, а не Краснова и победила в 1945 году.

Важный для нас сегодня вопрос — ревизия советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне. Для ощущения законной гордости за страну и народ нам должно быть вполне достаточно сознания того, что это была *наша великая победа в нашей Отечественной войне*, что в такой войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*.

Именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя: англо-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие...» — *Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта*.

Комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенной в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944-го заключил с представителем де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 года. Это, действительно, была другая война, не наша.

Не следует забывать о том, что в окружающем нас мире никто, по большому счету, кроме самих британцев, не был столь уж заинтересован в победе союзников.

Едва освободившиеся от власти «коварного Альбиона» ирландцы в течение всей Второй мировой войны, например, явно предпочитали наблюдать победы немецкого оружия, а не британского. (Президент независимой Ирландии де Валера в последний раз поздравил рейхсканцлера Адольфа Гитлера с днем его рождения в апреле 1945 года.)

Для многих граждан США, особенно где-нибудь на Среднем Западе, тогдашняя европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) представлялась не более необходимой, нежели ведущаяся сейчас иракская кампания.

Та часть населения Индии и других азиатских и африканских британских колоний, что тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, тоже предпочла бы видеть победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона.

Иранские патриоты тоже вряд ли радовались тому, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что безо всякого спросу на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

**Евгений Михайлович Астахов,
профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол**

Геополитическая ситуация вокруг России остается сложной. Несмотря на новую риторику, линия на ослабление России продолжается. Впереди возможно усиление давления извне, в том числе в плане борьбы за природные ресурсы.

Ситуация в России в последнее время ухудшилась. Мировой кризис подтвердил слабость экономики, ее зависимость от внешней среды. Экономическая, следовательно, и политическая безопасность нашей страны не обеспечена. За последние 20 лет, по сути, ничего не построено, кроме элитного жилья, торговых сетей и фасадов банков. Страна фактически живет за счет советской экономики, в том числе и в нефтегазовой сфере. Естественная изношенность оборудования ведет к техногенным катастрофам. Теневой менталитет бизнеса в любой момент может вызвать массовый отток капиталов. «Африканский» разрыв в доходах подрывает социальную стабильность. На этом фоне попытки фальсификации истории — это не просто разные точки зрения, это еще одно направление прессинга против России. За, казалось бы, «невинной» полемикой историков стоят долгосрочные стратегические задачи.

Кроме геополитики здесь присутствуют и корыстные материальные интересы. Стоит начать процесс признаний и извинений, и мы сразу получим поток встречных претензий.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских «гринго». А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы разнообразные гитлеровцы.

Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-историческое значение нашей Победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши — территории Российской империи и СССР — 9 мая — великий день. Значение его для нас нельзя переоценить.

Именно по этой причине столь чувствительными для нас являются вопросы углубления (и, следовательно, ревизии) исторических знаний и представлений о войне.

И именно поэтому нам необходимо твердо противостоять попыткам злонамеренного интеллектуального и эмоционального воздействия на нашу историческую память.

Но целей своих мы можем достичь лишь в том случае, если сами будем предлагать просвещенному вниманию наших западных соседей собственные интерпретации истории, собственные версии устоявшихся представлений — не в ущерб, а на пользу России.

Сейчас упор делается на так называемой «равно-великой ответственности СССР и Германии» за начало Второй мировой войны. Если в этом вопросе занимать пассивную позицию, то неизбежно будут набирать силу требования отдать Курильские острова и Сахалин, Карельскую область и Калининград и т.д. Одновременно будут нарастать финансовые претензии за Катынь, «оккупацию» Прибалтики, за депортацию и репрессии.

В рамках этой общей линии есть и «страновые» нюансы. У Польши помимо исторической русофобии, есть чисто спекулятивные расчеты на «компенсацию». Украинское руководство стремится утвердить государственность. До вхождения в Российскую империю Украина в самостоятельном плавании существовала далеко не в нынешних границах, отсюда агрессивность украинской «оранжевой» элиты в решении следующих задач:

- демаркация границы с Россией;
- «украинизация» русскоязычного населения;
- автономизация православной церкви;
- вывод Черноморского флота из Крыма;
- инкорпорация в ЕС и НАТО.

Решение этих задач требует сплочения разношерстного населения на навязываемом национализме и русофобии.

«Странные» учебники истории в Закавказье и Средней Азии замешены на национализме

и заигрывании с Западом с целью получения дополнительных дивидендов. С Прибалтикой многое ясно: укрепление государственности в «опасном» соседстве с Россией, подавление русскоязычного населения, надежды на материальную компенсацию за «оккупацию» и депортацию, подыгрывание евроатлантистам.

Попытки фальсификации внутри России осуществляются под флагом свободы мнений, прав человека, чистоты академических исследований. Есть люди, которые искренне так считают. В ибероамериканском мире есть понятие о «полезной наивности». Это относится и к нашим прекраснородушным либералам, которые внесли свой вклад в расчленение России в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия.

Исторически российские либеральные круги всегда ориентировались на западные ценности, и они молча или открыто сочувствуют фальсификаторам. Эти круги считают, что надо покаяться за всю российскую историю. «Евроцентризм» характерен и для части российской политической элиты. Это явственно проявилось, в частности, в 90-х годах XX века.

Но есть организации и люди, которые поддерживают фальсификацию по политическим соображениям. Они явные противники режима и готовы ухватиться за все, что может подорвать позиции нынешнего руководства. В этом много намешано, но главное — стремление вернуться к власти, которой они владели или которую ранее поддерживали.

Есть и такие люди, которые считают Россию «неудачной страной» и хотели бы здесь ввести нечто вроде внешнего правления в форме полного инкорпорирования России в ЕС и НАТО. Такие настроения стимулируются, а подчас и финансируются извне.

Очень опасна полемика вокруг учебников истории. Либеральная часть общества выступает против «государственных» учебников. Они за их разнообразие и полную свободу преподавателей. Можно представить в качестве такого свободного учителя, например, Новодворскую. Результат ее преподавания будет очевиден.

Во многих странах такой «псевдосвободы» нет. Учебный день в школах начинается с подъема флага и исполнения гимна. Школы нацелены на патристическое воспитание и этого не стыдятся, как в нынешней России.

У наших либералов солнце встает на западе. Но попробуйте в этих западных странах преподавать их историю в негативном свете. Такой преподаватель будет выкинут из школы на следующий день.

После катаклизмов 80–90-х годов прошлого века Россия сейчас проводит политику компромисса. Во внешней сфере такая политика прагматична. Но когда эта прагматичность принимается за слабость, Россия дает жесткий ответ, как это было в августе 2008 года. Так же нужно действовать и с фальсификаторами. Попытки фальсификации истории — это не наследие «холодной войны». Это продолжение все той же политики времен Александра Невского, захвата по-

ляками Москвы, нашествий Наполеона и нацистской Германии. Сейчас НАТО продолжает продвигаться к границам России с перспективами выхода на линию Смоленск — Брянск.

В целом у внешних фальсификаторов ясная наступательная линия на твердой основе геополитических интересов. Противодействие России внешним фальсификаторам — робкое и не всегда внятное. Активность на этом фронте Д. А. Медведева и В. В. Путина во многом гасится мощной и фактически скоординированной пропагандистской машиной Запада.

На более низких уровнях, в том числе в академической науке и в СМИ, мы все время как бы извиняемся. Да, «мы поступаем нехорошо, мы сожалеем, но, видите ли, были такие обстоятельства...». Эти сожаления сглазывают и требуют дальнейших и более конкретных уступок.

Встает принципиальный вопрос: почему Россия постоянно в защите, а Запад в нападении? Потому что на Западе, мол, все со знаком «плюс», а у нас со знаком «минус»? Да нет же, все, в том числе на Западе, знают, что это не так.

Но Россия все равно в защите. Так было во времена Хельсинкского процесса, который мы, если судить по его результатам, проиграли вчистую. Советское руководство исходило из того, что главное — закрепить Ялтинскую систему, границы, а с «третьей корзиной» — права человека и демократические свободы — удастся справиться.

Где сегодня проходят границы России, за которые боролись на всем протяжении Хельсинкского процесса? Многие наши либералы, которые называют Россию «этой страной», считают, что границы не имеют существенного значения, чем меньше будет Россия, тем удобнее в ней будет жить. Найдите хоть одну страну в мире, в которой ее население думало бы подобным же образом о своей стране.

Уже не оборона, а беспрецедентное геополитическое отступление наблюдалось при Горбачеве и Ельцине, которые сделали все возможные уступки.

Наступление Запада продолжается и сейчас. Делать уступки мы перестали, но тональность остается оборонительной. Наступательная тактика присуща и нашим внутренним фальсификаторам. Объекты ударов: политический режим, армия, правоохранительные органы и права человека, демократия, Россия. Все те же цели, которые Запад обозначил во времена Хельсинкского процесса.

Что делать? Первый шаг сделан — создана Комиссия по противодействию фальсификации истории. Но пока ее работа носит консультативный, а по сути дела, оборонительный характер. С самого ее создания комиссия стала объектом нападков со стороны оппозиционных политиков, СМИ и историков, требующих отстранения государства от исторической науки. Лозунги все те же — демократические свободы и права человека.

Некоторые члены комиссии стали оправдываться: ее работа будет направлена против внешних фальсификаторов, участия государства в изучении истории не будет, пусть «расцветут сто учебников», а учитель, мол, «сам выберет, что преподавать».

Чего мы стесняемся? Почему государство не должно участвовать в воспитании молодежи? Вся политика вокруг фальсификации подтверждает необходимость качественного улучшения государственной пропаганды. А этого нельзя добиться без создания государственного органа, который бы координировал всю внешнюю и, я подчеркиваю, внутреннюю пропаганду.

Во времена СССР такой орган был, но его эффективность катастрофически ограничивалась идеологи-

ческими рамками. Сейчас таких рамок практически нет, но нет и координации.

Такой государственный орган необходим и для улучшения образа России за рубежом. Западные страны имеют государственные механизмы для такой работы. У нас, по существу, это только начинается с созданием телеканала Russia Today. Канал неплохой, но ему пока трудно соперничать с CNN, BBC и другими СМИ.

Финансовое положение страны сейчас сложное. Есть другие приоритеты. Но недоработки в пропаганде оборачиваются финансовыми потерями уже сейчас. В будущем эти потери могут стать еще более значительными.

Михаил Матвеевич Наринский, заведующий кафедрой МО и ВП России МГИМО (У) МИД России

Тема нашей сегодняшней конференции очень важна и актуальна. Здесь уже много сказано по различным аспектам этой важной проблемы, поэтому я осмелился принять участие в этом обсуждении только потому, что мне в 2007–2008 годах пришлось участвовать в дискуссиях, организованных Комиссией Европейских сообществ по вопросам преступлений тоталитарных режимов, в ходе которых я вплотную столкнулся с фальсификациями истории Второй мировой войны, роли Советского Союза, роли России, услышал аргументы, которые выдвигаются против Советского Союза, против современной России. Лейтмотив таких обвинений достаточно хорошо известен, это — агрессия, оккупация и геноцид. Вот набор стандартных обвинений, который предъявляется Советскому Союзу со стороны представителей государств Балтии, со стороны польских экспертов. Их иногда поддерживали некоторые другие участники дискуссий.

Почему это все происходит? И зачем нужны эти фальсификации? С моей точки зрения, есть две основные причины. С одной стороны, идет сложный процесс выработки какой-то новой идентичности во всех этих государствах. Вторая сторона дела — это то, что, включившись в евроатлантические структуры, государства Восточной Европы стремятся повысить в них свой собственный вес, всячески апеллируют к своему трудному прошлому, при этом часто обвиняя Россию или Советский Союз. Имеется в виду, что им должны все участники Европейского Союза сочувствовать, но, еще лучше, помочь материально. Соответственно, апелляции обращены зачастую не к России, а скорее к их партнерам по ЕС, к старой Европе.

Я бы не совсем согласился с К. К. Проваловым, который говорил, что вся Польша уже пропитана антироссийским духом, а с Прибалтикой дело обстоит лучше. Может быть, если изучать массовую психологию, это и так. Может быть, действительно, в Польше эти антироссийские настроения более укоренены. Но вот элита прибалтийских государств выступает с более

непримиримых позиций, делая на этом свою политику, свой собственный образ в рамках ЕС. Как противостоять нападкам на советскую политику, на политику России? Во-первых, мне кажется, что наши оппоненты очень многие события отрывают от контекста Второй мировой войны, рассматривают их изолированно. Хотя даже польские историки, которые не испытывают особых симпатий к Советскому Союзу, признают, что все-таки основным виновником Второй мировой войны, основным виновником слома территориально-политического устройства, которое существовало до 1939 года, была нацистская Германия, гитлеровская политика. Я думаю, что в этой связи нам очень важно отстаивать решения, которые были приняты в Нюрнберге, не допускать какого-то пересмотра или дополнения этих решений. Надо сказать, что эксперты и политики из стран Прибалтики все время стремятся именно модифицировать решения Нюрнберга, модифицировать и расширить то, что было в Нюрнберге зафиксировано.

Второй момент. Те эксперты, в частности, польские, которые обвиняют во всем Советский Союз и Россию, совершенно не учитывают внутривосточную борьбу в странах Балтии в 1939–1940 годах. Добавлю к этому, что польские историки, когда объективно рассматривают процессы, проходившие на территории Польши в 1939 году, вынуждены признать, что вступление Красной Армии в восточные области Польши и установление в этой части Польши советской власти было положительно встречено беднейшими слоями белорусского и украинского населения. На этих польских территориях, с точки зрения социально-политической борьбы, все обстояло не так просто. Игнорировать вот эти слои украинского и белорусского населения, которые действительно приветствовали приход Красной Армии, было бы методологической ошибкой.

Третий пункт, по которому, как мне кажется, идет очень острая борьба, это геноцид. В этом вопросе наша позиция достаточно уверенная. Она должна базироваться на Конвенции о предупреждении

преступления геноцида и наказания за него 1948 года. В этой Конвенции четко сказано, что под геноцидом понимается сознательное уничтожение определенной группы населения, или части этого населения, причем, под это определение подпадают действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, расовую, этническую, религиозную группу как таковую. В Конвенции определение геноцида дано достаточно четкое, и те факторы, по которым те или иные действия подходят под определение геноцида, — это именно стремление уничтожить определенную группу людей по национальному, этническому, расовому или религиозному принципу. С этой точки зрения даже такое сталинское преступление, как Катынь, расстрел польских офицеров, военнослужащих, оказавшихся в руках советских властей, не подпадает под определение геноцида, поскольку уничтожение этих людей осуществлялось по социально-политическим признакам, а не по принципу их расовой принадлежности. Их расстреливали не потому, что они — поляки, а из-за того, что они были решительно настроены против советской власти. Именно это обусловило их трагическую судьбу. Я думаю, что решение польского Сейма, в котором говорилось о признаках геноцида, является контрпродуктивным, и мы ни до чего не договоримся, не найдем никакой общей основы, если речь будет идти о каких-то признаках геноцида.

На мой взгляд, наше противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России целесообразно строить по нескольким направлениям. С одной стороны — расширять наши исторические исследования, расширять доступ к документам, вводить

в оборот новые архивные документы. Это не значит, что вводом в оборот новых документов мы кого-то из наших оппонентов переубедим. Но это позволит нам более аргументированно излагать нашу собственную точку зрения и более убежденно ее отстаивать. С другой стороны, необходимо отделить Великую Победу советского народа в Отечественной войне от тех преступлений сталинизма, которые имели место. Думаю, что отрицать эти преступления в виде массовых депортаций целых народов, расстрелов нецелесообразно. Хорошо, что указанные народы пока не поднимают вопрос о геноциде. Ведь это гораздо более серьезная вещь. Думаю, что сталинские преступления необходимо признать, как это недавно сделали и наш Президент Д. А. Медведев, и наш глава Правительства В. В. Путин, которые заявили, что никакими успехами в деле модернизации не могут быть оправданы те жертвы, которые имели место в период правления Сталина.

Что же касается наших союзников, в Старой Европе есть много людей, которые к нам относятся достаточно благожелательно, которые не поддерживают нападки на Советский Союз, на Россию со стороны стран Балтии, со стороны некоторых польских историков. Однако надо учитывать и «двойную дипломатию» представителей старой Европы. Когда беседуешь с ними в кулуарах, они говорят: «Да, да, мы все понимаем, это все комплексы прибалтов. Не обращайтесь на них внимания. Мы вам сочувствуем, понимаем вашу позицию». Потом, когда дело доходит до официального обсуждения, официального голосования, они голосуют за прибалтийские формулировки, их поддерживают. Здесь вступает в силу механизм солидарности в рамках ЕС. Тем не менее союзников можно и нужно искать.

**Ренальд Хикарович Симонян,
ведущий научный сотрудник Центра североевропейских и балтийских исследований
ИМИ МГИМО (У) МИД России**

Оккупационная доктрина, принятая в странах Балтии, служит юридическим основанием для решения целого ряда как практических, так и идеологических проблем. На ее основе происходит дискриминация сотен тысяч постоянных жителей этих стран (ограничения на занятие должностей, лишение права участвовать в парламентских выборах в Эстонии, а в Латвии, помимо этого, и в местных выборах), выдвигаются финансовые претензии к России.

Была ли оккупация или ее не было — вопрос, который сегодня активно дискутируется, во многом искусственный, противоречащий здравому смыслу. Действительно, что это за оккупация, когда власть не только никак не ущемила прав «оккупируемых» по сравнению с правами «оккупантов», не ввела никакого «оккупационного режима» на их территории, не назначила сюда своих генерал-губернаторов (как это делала, например, Германия, назначив на оккупированных территориях гауляйтеров), не

ввела других соответствующих оккупационному режиму атрибутов, а решение о вступлении в СССР приняли в 1940 году легитимные органы власти — парламенты Латвии, Литвы и Эстонии, избранные на основе существующих в этих странах государственных законов. В отличие, кстати, от решения о независимости этих республик в 1991 году, которое было принято их Верховными Советами, т.е. органами «оккупационного режима», что переводит дискуссию об оккупации в плоскость политического курьеза.

И, наконец, что это за оккупация, когда «оккупанты» последовательно осуществляют преимущественное инвестирование в оккупированные территории и повышение уровня жизни их населения в ущерб собственному народу, развивают там национальную культуру, не уделяя при этом должного внимания прогрессу собственной культуры? Например, «оккупированная» Латвия с населением в 2,5 млн человек полу-

чала в советское время из госбюджета в 4 раза больше, чем Воронежская область с населением в 2,8 млн человек. В советской Прибалтике был не только самый высокий уровень доходов, но и условия жизни здесь были более комфортными, чем в других регионах Советского Союза. Даже давление идеологического пресса ощущалось значительно меньше.

И это неудивительно, поскольку опережающее развитие национальных республик и автономий было стратегической линией Центра в Советском Союзе. Русские, приехавшие после войны в прибалтийские республики, прибыли сюда не как оккупанты, а как строители, производственники и другие специалисты, вложившие свой труд в развитие этих регионов.

Если СССР и был империей, то она была очень странная — «империя наоборот», в которой «колонии» питались соками, выжимаемыми из «метрополии». Это по существу.

В странах Балтии есть немало серьезных историков и юристов, которые имеют свой собственный взгляд на события 1940 года, во многом расходящийся с нынешней «генеральной линией». Но их голоса не так слышны в общем хоре. Более того, они могут быть подвергнуты санкциям.

Вот показательный пример. В конце 1991-го и начале 1992-го годов возник конфликт между будущим первым президентом Эстонии, а тогда министром иностранных дел Леннартом Мери и его заместителем — известным правоведом-международником профессором Рейном Мюллерсоном. Причина конфликта заключалась в том, что Р. Мюллерсон, анализируя документы, связанные с присоединением Эстонии к СССР, пришел к выводу, что юридически оккупации не было, все соглашения с Советским Союзом были подписаны президентом Константином Пятсом — легитимным тогда главой государства — без каких-либо оговорок, комментариев или последующих заявлений. Такой вывод не устраивал министра. Р. Мюллерсону был устроен разнос, и он был изгнан со своей должности.

Этот эпизод достаточно убедительно характеризует ситуацию, сложившуюся в Прибалтике после распада Союза. Здесь идея «оккупации» канонизирована, на ее основе построена вся система правового регулирования гражданских отношений в Эстонии и Латвии, на ней воспитано уже поколение молодых граждан этих стран, которые «оккупацию» впитали в себя с молоком матери.

Обстоятельства и процедура вхождения в состав Советского Союза уже никого здесь не интересуют. Сложилось устойчивое представление о событии, давно перешедшее в разряд сакрального. Это представление для балтийских народов является в высшем смысле реальным, так как воплощает коллективный опыт осмысления действительности несколькими поколениями. Подобный надежный опыт служит предметом веры, а не логики, а тем более критики.

Чувства прибалтийских этносов по отношению к трагедии 1940, 1941, 1945–1949 годов, как и по отношению к сталинским преступлениям вообще, можно и нужно понять и уважать, но при этом не следует романтизировать исторический процесс. Как это ни обидно для прибалтов, но подобная практика была обычным делом еще совсем недавно, на протяжении XIX–XX веков, когда малые и даже совсем не малые европейские государства — Бельгия, Австрия, Нидерланды, Венгрия, Чехия, Сербия, Польша и многие другие — насильственно включались то в одну европейскую империю, то в другую. Все происходившие события имели и свое пространство, и свое время, а политические нормы в Европе, даже в первой половине XX века, были именно таковы.

Балтийские народы в 1940 году стояли перед ситуацией выбора между СССР и Германией, а русские тогда воспринимались там как меньшее зло. При этом необходимо особенно подчеркнуть, что главный гарант безопасности стран Балтии — Великобритания к этому моменту отказалась от каких-либо политических и военных обязательств, касающихся гарантий безопасности для государств Балтии.

Одним из любимых аргументов адептов «оккупационной доктрины» является присутствие советских воинских частей в момент проведения парламентских выборов в июле 1940 года.

Действительно, во время парламентских выборов там находились части Красной Армии. Но они присутствовали на основе межправительственных соглашений. А вот во время парламентских выборов в 2005 году в Ираке там находилась 200-тысячная армия США и их союзников. И при этом не на основе межправительственных соглашений, а в результате военных действий, то есть оккупации в строгом и точном значении этой дефиниции. Но ведь мировое сообщество никогда не подвергало сомнению легитимность этих выборов. «Потеря странами Балтии независимости была следствием общеевропейского международного политического кризиса, — пишет упоминавшийся выше эстонский историк М. Ильмярьв, — порожденно Мюнхенским пактом, договорами между Советским Союзом и Германией, германским вероломством, искусной пропагандой и ожиданиями ниспровержения Советского Союза и Германии и, с другой стороны, отсутствием реалистичной и независимой внешней политики на Балтике в 1939–1940 годах, а также той внутренней политикой, которая была распространена в этих странах, тогда как кардинальные сдвиги в большой европейской политике подготовили поле для потери суверенитета балтийскими государствами... Таким образом, тихая потеря независимости балтийских государств и их полное исчезновение с европейской политической арены были результатом долгого процесса, хотя не единственно по причине совершенно безысходной ситуации и не только из-за вынужденных действий, вызванных подписанием пакта Молотова–Риббентропа».

**Андрей Владимирович Иванов,
старший научный сотрудник ЦИВА и ШОС ИМИ МГИМО (У) МИД России**

Процесс фальсификации истории, затрагивающий интересы России, можно наблюдать не только на Западе, но и на Востоке, в частности в Японии. Применительно к этой стране российская реакция на факты фальсификации должна быть предельно аккуратной. Связано это с тем, что в последние годы российско-японские отношения, особенно в области экономики, развиваются чрезвычайно динамично. Японские деловые круги почувствовали выгоду экономического сотрудничества с Россией. Их не смущает даже отсутствие мирного договора между Москвой и Токио и нерешенность территориального спора. Положительным событием можно считать и приход к власти в Японии в начале сентября 2009 года лидера Демократической партии Юкио Хатоямы. Он неоднократно говорил о важности доверительных отношений с Россией и своем намерении продолжить дело своего деда Итиро Хатоямы, который, будучи премьер-министром Японии, подписал в 1956 году Совместную советско-японскую декларацию, предусматривавшую, в частности, заключение мирного договора и решение территориальной проблемы путем возвращения лишь двух из четырех требуемых ею островов.

Правда, это вовсе не означает, что кабинет Ю. Хатоямы в ближайшее время решится на компромисс в решении территориальной проблемы на условиях, которые в последнее время предлагала российская сторона, то есть на основании Декларации 1956 года. Во время двусторонней встречи с президентом России Д. А. Медведевым в Сингапуре в рамках Саммита АТЭС Ю. Хатояма, как известно, заявил, что японский народ не поймет решения японского правительства, если оно согласится на подобную уступку.

Судя по неофициальным, частным высказываниям некоторых российских политиков, дипломатов и ученых, занимающихся вопросами российско-японских отношений, они не видят большой беды в том, что японцы пока не готовы к компромиссу по Южным Курилам. Они исходят из того, что острова, которые японцы называют «японской территорией, незаконно оккупированной Россией», находятся в российской юрисдикции, и поэтому Россия готова терпеливо ждать, когда японцы «дозреют» до понимания необходимости пойти на компромисс ради заключения мирного договора. При этом они полагают, что даже если этого не произойдет, то есть устраивающий обе стороны компромисс по территориальной проблеме найден не будет, Россия и Япония все равно смогут развивать двусторонние отношения в сфере экономики, науки, культуры и даже политики. Поводом для такого оптимизма служит, видимо, опыт российско-японских отношений последних лет, показывающий, что России практически удалось навязать Японии свою тактику выстраива-

ния отношений, которая заключалась в том, чтобы сначала создать благоприятную атмосферу для решения территориального спора путем, в том числе, и всестороннего развития взаимовыгодного экономического сотрудничества. Напомним, что японцы, никогда на деле не отказывавшиеся от принципа «неотделимости политики от экономики», говорили, что только после заключения мирного договора на основе решения территориального спора можно будет ожидать действительной активизации двусторонних экономических отношений. Развитие российско-японских отношений по российскому сценарию вызвало негативную реакцию у части японской элиты. В частности, политический совет авторитетного «Японского форума по международным отношениям» весной 2008 года по итогам годовой работы нескольких десятков специалистов обнародовал доклад под названием «Подлинная сущность Российского государства и стратегия Японии в отношении с Россией». В нем, в частности, отмечалось, что «за российским предложением создать предпосылки для подписания мирного договора путем развития двусторонних отношений, прежде всего в экономической сфере, стоит стремление отложить решение территориального спора в долгий ящик. Поэтому «Япония должна четко дать понять России, что: 1) отсутствие решения привело к серьезному чувству недоверия; 2) это недоверие ограничивает японские инвестиции в Россию и сотрудничество с ней; 3) только решение проблемы побудит Японию прилагать усилия для полномасштабного экономического сотрудничества».

Там же содержались рекомендации правительству Японии обратить внимание на стремление России восстановить статус сверхдержавы даже ценой противостояния с США и Западом, в целом означающее не перемены в российских подходах, а восстановление ее подлинной сущности, и присоединиться к критике со стороны мирового сообщества за отход России от демократических позиций. Кроме того, «правительству и политикам Японии» настоятельно рекомендовалось «сделать все, чтобы японский народ полностью осознал тот факт, что территориальная проблема затрагивает не только японско-российские отношения, но и «сам суверенитет нации», что оккупация Советским Союзом «северных территорий» является незаконной с точки зрения международного права. Поэтому, говорилось в документе, японская власть и нация в целом должны осознать, что стремление вернуть только четыре острова (не претендуя на Южный Сахалин и Курилы до Камчатки) само по себе является уступкой, японское правительство должно занять более жесткую позицию в отношении искажения Россией исторических фактов, касающихся спорных территорий, и не должно поспешно идти на компромисс вроде согласия на возвращение лишь

двух островов, поскольку это будет воспринято Россией как знак слабости. Напротив, правительство Японии должно готовить сильную и созидательную инициативу для подходящего момента и не ослаблять давления на Россию, чтобы приблизить момент достижения компромисса на японских условиях. Попытки добиваться возвращения сначала только двух островов, говорилось в документе, являются иррациональными.

Документ предназначался, в первую очередь, для правительства Японии, но благодаря СМИ стал достоянием широкой общественности. Очевидно, что этот и другие подобные ему документы и содержащие аналогичные мысли публикации в японской прессе формируют у японского народа достаточно негативное восприятие России. Как отмечал известный японский профессор Сигэки Хакамада, кстати, один из авторов цитированного выше доклада, «к сожалению, от 70 до 80% японцев не любят Россию. Число японцев, испытывающих теплые чувства к России, едва ли превышает 10%».

Что еще неприятнее, восприятию России как врага способствует даже школьное воспитание. Возьмем, например, скандально знаменитый учебник для средних школ «Новый учебник истории», созданный несколько лет назад коллективом ученых, объединенных в общественную организацию «Общество по созданию нового учебника истории».

Правда, в России, в частности в ее СМИ, на этот учебник обратили внимание в основном в связи с тем, что факт его одобрения Министерством образования Японии вызвал негодование в Китае, Республике Корея, КНДР и многих других странах Восточной и Юго-Восточной Азии, пострадавших от японской оккупации в годы Второй мировой войны. Особенно бурной реакция в Китае и Южной Корее на очередное переиздание этого учебника была в 2005 году. Сеул отзывал из Токио посла для консультаций. В Китае прошли массовые выступления, сопровождавшиеся закидыванием японского посольства в Пекине мусором, погромами офисов японских компаний и ресторанов и даже нападениями на японских граждан. Правда, гнев китайцев и корейцев был вызван не столько отказом японского Министерства образования запретить скандальный учебник, но и отказом премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми прекратить паломничество в храм Ясукуни, а также активизировавшимися попытками Японии обрести место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Не желая допустить этого, Китай воспользовался фактором Ясукуни и учебников, чтобы обвинить японское руководство в наличии у него стремления чуть ли не возродить милитаристский дух или, как минимум, в отсутствии желания снова, но теперь уже искренне покаяться в военных преступлениях конца XIX — первой половины XX века. Китайское руководство даже приняло решение прекратить контакты с Японией на высшем уровне до

тех пор, пока Коидзуми публично не откажется от посещений Ясукуни или не уйдет в отставку. Тем не менее учебник истории сам по себе тоже был достаточно раздражающим фактором в отношениях Японии с ее соседями.

Какие именно положения учебника вызвали раздражение в Пекине и Сеуле?

Во-первых, отсутствие упоминания о корейцах, насильственно мобилизованных в бордели императорской армии, и, во-вторых, пассаж о том, что по поводу факта Нанкинской резни в 1937 году существуют разные мнения относительно количества жертв.

Пекин и Сеул неоднократно призывали Токио запретить использование скандального учебника в школах, на что неизменно получали ответ: в Японии демократия, и каждая школа имеет право сама выбирать из нескольких десятков учебников, издающихся частными издательствами, тот учебник, какой сочтет наиболее подходящим. Кроме того, отвечали из Токио, по данным японского Министерства образования, этот учебник используется лишь в 0,039 японских школ, так что его воздействие на общественное сознание в Японии не слишком велико. Однако, как отмечали китайские и южнокорейские эксперты, шум, поднятый вокруг этого учебника (кстати, с подачи самих же китайцев и корейцев), вызвал к учебнику повышенный интерес и значительно расширил его читательскую аудиторию.

Какой же предстает в этом учебнике Россия и ее внешняя политика на японском направлении?

В главе «Угроза со стороны великих держав» читаем: «Прибытие кораблей Пэри и беспорядки эпохи конца правления сегуна, вмешательство во внутренние дела нашей страны со стороны Англии и Франции, устремление России в южном направлении — эти военные угрозы Японии со стороны великих держав вызывали страх у японцев в то время».

Россия упоминается в учебнике как одна из пяти великих держав, подписавших в 1855 году с Японией «неравноправные договоры», фактически превративших ее в полуколонию. По этому договору Япония лишалась права устанавливать размер налогов, взимаемых с иностранных торговцев, а также права судить иностранцев за преступления, совершаемые ими на территории Японии (принцип экстерриториальности). Это право передавалось иностранным консулам, которые нередко покрывали преступников. Таким образом, частичка возмущения по поводу колониалистской политики западных держав в отношении Японии переносится и на Россию.

В главе «Корейский полуостров и гарантии безопасности Японии» говорится: «...помимо Цинской династии, имевшей сюзеренитет в Корее, было и еще одно внушавшее страх государство — это Россия, только что обратившая свой взор на Восточную Азию в поисках незамерзающих портов. В 1891 году Россия приступила к строительству сибирской железной дороги, и эта угроза нависла [над Японией]».

Причина решения отдать России Сахалин в обмен на Курильские острова (острова Тисима), усилившего недобрые чувства японцев к России, объясняется так: в конце XIX века на Сахалине, находившемся по договору 1855 года в совместном пользовании России и Японии, начались столкновения между русскими и японскими поселенцами. «Америка и Англия предупредили правительство [императора] Мэйдзи, что в случае войны между Японией и Россией, [Россия] отнимет [у Японии] не только Карафуто [Сахалин], но и Хоккайдо», после чего Япония в 1875 году заключила с Россией новый договор, по которому признала российский суверенитет над Сахалином. А вот как объясняются причины, заставившие Японию начать в 1904 году войну с Россией: «Россия имела бюджет и военную силу в 10 раз больше, чем у Японии. Россия увеличила число солдат в Маньчжурии, создала военные базы в северной части Кореи. Стало очевидно, что, если это проигнорировать, российская военная мощь на Дальнем Востоке усилится настолько, что Япония уже не сможет скрестить с нею мечи».

Имеются у Японии претензии к России и по Второй мировой войне. Как отмечал в январе 2009 года в статье «Прошлое как оружие» в журнале «Россия в глобальной политике» Василий Головин, в Токио считают, что СССР в нарушение международного права расторг Пакт о нейтралитете с Японией и нанес ей 9 августа 1945 года коварный удар: советские войска начали военные действия против Японии, и теперь в этот день местные националисты ежегодно проводят акции протеста против «русского предательства». 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. США немедленно прекратили военные действия, а вот Советский Союз продолжал наступление в Маньчжурии и занял Южные Курилы уже после подписания акта о капитуляции. Эти действия в Токио называют нарушением договоренностей и грубым захватом чужих земель, указывая, что они противоречат провозглашенному союзниками по антигитлеровской коалиции принципу нерасширения территории по итогам войны.

Наличие территориальных и прочих претензий к России особенно опасно на фоне роста японского национализма. Эта тема была модной в российских и иностранных, особенно китайских и корейских, СМИ, в эпоху правления кабинета Д. Коидзуми (2001–2006 годы), ежегодно совершавшего паломничество в храм Ясукуни. Сменивший Д. Коидзуми на посту премьер-министра Синдзо Абэ отказался от визитов в храм и провозгласил курс на улучшение отношений с азиатскими соседями Японии, в значительной степени испортившихся в результате визитов в Ясукуни Д. Коидзуми. Однако тема японского национализма не потеряла актуальность. И не только потому, что в 2007 году С. Абэ демонстративно встретился с родственниками индийца Радхибинода Пала, который был единственным судьей трибунала, выступившим против казни главных японских

военных преступников. Кстати, в упоминавшемся выше скандальном «Новом учебнике истории» о Токийском трибунале и Р. Пале говорится буквально следующее: «Все судьи были выбраны из стран-победительниц, в ходе судебных слушаний многочисленные свидетельства следствия принимались как они есть, в то время как ходатайства защиты часто отклонялись. Являвшийся на Токийском трибунале единственным специалистом по международному праву судья Радхибинод Пал указывал, что этому трибуналу недоставало обоснований с точки зрения международного права. Однако штаб оккупационных войск запретил обнародование поданных в письменном виде соображений судьи Пала и не разрешал никакой критики в адрес суда». Таким образом, встретившись с родственниками индийского юриста, С. Абэ фактически дал понять, что разделяет его взгляды на нелегитимность Токийского трибунала и несправедливость вынесенных им приговоров в отношении японцев, признанных военными преступниками категории А.

А вот что писал в 2007 году в статье «Проблема с японским национализмом» известный американский политолог и философ японского происхождения Френсис Фукуяма: «Те, кто считает, что споры о Ясукуни были вызваны воспоминаниями о мрачных страницах истории, о которых Китай и Корея напомнили для того, чтобы получить от Японии политические уступки, возможно, никогда не жили долго в этом регионе. Проблема не в 12 преступниках класса А, прославленных в храме, а в находящемся по соседству военном музее Ясукуни (имеется в виду музей военной истории Юсюкан). Проходя мимо „Мицубиси Зеро“, танков и пулеметов, выставленных в музее, посетитель открывает историю войны в Тихом океане, которая раскрывает „правду о современной истории Японии“. Вы услышите рассказ с националистическим уклоном о том, как Япония — жертва европейского колониального могущества — стремилась защитить от него азиатские страны. Например, колониальная оккупация Японией Кореи описывается как „партнерство“; посетитель тщетно будет искать упоминания о жертвах японского милитаризма в Нанкине или Маниле».

Кто-то, может, и выступит в защиту такого музея как отражающего один из взглядов в демократическом государстве, но в Японии нет другого музея, который бы предлагал альтернативный взгляд на историю этой страны двадцатого века. Правительства Японии, спрятавшись за статус частной религиозной организации, присвоенный музею, сняли с себя ответственность за выраженные в нем взгляды.

Но такая позиция неубедительна. Япония, в отличие от Германии, никогда не брала на себя ответственность за войну в Тихом океане. Несмотря на то что социалистический премьер-министр Томиити Мурояма официально извинился за войну перед Китаем в 1995 году, в Японии никогда действительно

не обсуждался вопрос о степени ответственности за эту войну и не делалось попыток представить альтернативные взгляды на события этой войны, которые бы отличались от позиции Юсюкана.

Конечно, японские премьер-министры неоднократно приносили народам Азии извинения за страдания, причиненные им во время войны японской военщиной. Тем не менее, в отличие от Германии, Япония не осудила однозначно свое милитаристское прошлое и не отеклась от него. Поэтому периодически попытки обелить прошлое предпринимаются на достаточно высоком уровне. В 2008 году командующий ВВС Японии генерал Тосио Томогами принял участие в организованном националистически настроенным историком конкурсе на лучшее эссе по истории Японии, в котором он доказывал, что Япония не совершила ничего плохого во время Второй мировой войны. Когда его отправили в отставку, он заявил, что свободы слова в Японии не больше чем в Северной Корее, и предложил пересмотреть законы, запрещающие Японии иметь ядерное оружие, добавив, что, если бы во время войны Япония имела атомную бомбу, она бы применила ее против США. Комментируя этот эпизод, журналисты и эксперты отмечали, что, став частным лицом, Томогами может, конечно, нести любую чушь, но проблема в том, что подобные взгляды в Японии разделяют многие высокопоставленные военные и политики.

Представление о том, что с Японией обошлись несправедливо, что она ничего особо ужасного во время войны не сделала, достаточно широко распространены в японском обществе. Вот типичное высказывание, сделанное одним японским журналистом в дружеской беседе с российским коллегой: «Вы гордитесь тем, что ваши дедушки воевали во время Отечественной войны, и мы тоже имеем право гордиться нашими дедушками, воевавшими во Второй мировой войне».

15 ноября этого года премьер-министр Японии Юкио Хатояма выступил перед участниками саммита АТЭС в Сингапуре с речью «Новый подход Японии к Азии. К реализации концепции Восточноазиатского сообщества». Как следует из названия, речь была посвящена идее создания в Азии экономического сообщества, высказанной Хатоямой сразу после прихода к власти в сентябре этого года. Тем не менее премьер хоть и кратко, но затронул проблему исторической памяти о преступлениях японского милитаризма, осложняющую отношения Японии с соседями по Азии. «С момента, когда я стал политиком, я стал задумываться, можем ли мы создать узы дружбы и любви между Японией и другими азиатскими странами, и, шире, между странами Азиатско-Тихоокеанского региона? Дело в том, что не кто иной, как Япония, причинила огромные беды и страдания многим странам, и в частности азиатским странам. С того времени прошло 60 лет, однако нет оснований считать, что было достигнуто истинное примирение», — сказал Хатояма.

Истинное примирение невозможно, пока в Японии сильны позиции тех, кто отказывается признать преступными действия японского руководства, развязавшего войну в Азии. Точно так же весьма проблематичным представляется и заключение мирного договора между Россией и Японией, пока в Японии сильны позиции тех, кто склонен предъявлять претензии к России, пока в школьных учебниках истории Россия изображается коварным врагом Японии.

Провал попыток Китая и Южной Кореи заставить правительство Японии запретить использование в школах учебников, искажающих историю, вовсе не означает, что на эту проблему можно махнуть рукой. Рост и даже просто сохранение на одном уровне негативного отношения японцев к России, о котором писал упоминавшийся выше С. Хакамада, становится опасным в условиях общего роста национализма в Японии, в условиях, когда эта страна намеревается сделать свою внешнюю политику более независимой от США и расширить возможности применения своих Сил самообороны, которые скоро могут быть переименованы в Вооруженные силы самообороны, когда Япония может пересмотреть девятую, так называемую мирную статью своей конституции, запрещающую применение армии в целях, выходящих за рамки самообороны.

Российские эксперты и политики, занимающиеся вопросами фальсификации истории в странах бывшего советского блока, отмечают, что разговор с историками этих стран с фактами и цифрами в руках позволяет понизить градус дискуссий и остроту нападок на Россию, но проблемой часто остается нежелание высшего руководства этих стран менять антироссийский курс. В Японии мы имеем совершенно иную ситуацию: лидер страны Ю. Хатояма желает установить доверительные отношения с Россией. Японский бизнес проявляет все большую заинтересованность в сотрудничестве с Россией. Но японские политологи и историки, сделавшие себе имя на критике России, не изменят своих позиций, несмотря ни на какие аргументы. Хотя в интернет-блоге того же С. Хакамады рядом с рассуждениями о необходимости усиления давления на Россию с целью побудить ее согласиться на решение территориального спора на японских условиях содержатся и такие высказывания: «Я думаю, что частные оценки России как страны, которая необходима Японии, являются правильными. Если говорить о России, то она не смотрит на Японию с такой враждебностью, как Китай, она не желает поработить Японию. Конечно, нельзя отрицать, что она [Россия], рассматривая Японию как маленькую страну, проводит [в отношении нее] угрожающую внешнюю политику. Но она является более предпочтительной [для Японии], чем повторяющий злобные высказывания Китай. Имеющиеся у Китая сырьевые ресурсы есть и у России. И даже если считать огромный рынок

Китай важным для Японии, страной, к которой Японии следовало бы „прилепиться“ в первую очередь, является Россия».

Поиск Японией своего места в меняющемся мире, в частности, в меняющейся Азии, где все большую роль играет Китай, дает шанс России стать для Японии более важным партнером, чем она является сейчас. Избранная Россией тактика «создания благоприятной атмосферы путем развития сотрудничества» применима не только к решению территориального вопроса, но и для улучшения политических отношений с Японией. Превращение России в важного для Японии партнера лишит козырей тех политиков, политологов и журналистов, которые зарабатывают на изображении России врагом Японии.

**Владислав Петрович Терехов,
Профессор кафедры дипломатии МГИМО (У) МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посол**

В числе тем, вокруг которых в обществе распространяются разного рода мифы, проникающие порой и в научную литературу, свое место занимает и произошедшее после объединения Германии расширение НАТО. Звучат утверждения, что Запад, а точнее руководство США и ФРГ, преисполненные благородством и стремлением помочь СССР в отстаивании своих интересов, были готовы гарантировать нераспространение военных структур НАТО на восток и оформить соответствующее обязательство. Но советская сторона то ли по легкомыслию, то ли по недомыслию упустила этот шанс, и военный блок НАТО начал свое триумфальное шествие к границам России.

Опираясь на факты, попробуем прояснить, что же происходило двадцать лет тому назад и что в действительности обещал Запад.

Известно, что в течение сорока лет после окончания Второй мировой войны и возникновения на месте разгромленного рейха двух государств — ФРГ и ГДР — непрерывно, но безуспешно велись переговоры о возможности их объединения и создания единого германского государства. Этому мешало много обстоятельств, в том числе такое существенное, как противоположность социально-экономических и политических систем, на которых базировались эти два государства.

Но главное было все же в другом. Правительства ФРГ и ГДР, а также держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции, несших в соответствии с послевоенными урегулированиями ответственность за «Германию в целом» и обладавшие соответствующими контрольными правами, не могли договориться по ключевому вопросу: каким будет военно-политический статус объединенной Германии. Западные державы настаивали на ее интеграции в НАТО. Советский Союз по вполне понятным причинам не мог с этим согласиться и выступал за то,

Поэтому целесообразно создание специальных программ поддержки экономического сотрудничества с Японией, поддержки японского бизнеса в России. Японию необходимо активнее вовлекать в российские программы модернизации экономики, реанимации пришедших в упадок регионов. Это поможет России повысить ее конкурентоспособность и по отношению к ее стратегическому партнеру Китаю. Это важный процесс. Но, разумеется, он не должен совсем загораживать от взора российских политиков, дипломатов и экспертов того, какой Россию изображают японские политики, ученые и журналисты. Наиболее вопиющие фальсификации истории отношений России и Японии должны все же получать спокойный, но твердый отпор.

чтобы объединенная Германия не входила ни в какие военно-политические блоки и имела статус нейтрального или неприсоединившегося государства.

За сорок лет мир привык к параллельному существованию двух Германий и не особенно беспокоился по этому поводу. Более того, ближайшие соседи с трудом скрывали, что раскол Германии их вполне устраивает, а перспектива воссоздания мощной единой германской державы просто пугает. Но самих немцев состояние раскола все же не устраивало и тяготило, тем более что в условиях «холодной войны» ФРГ и ГДР были разделены «железным занавесом», делавшим невозможным нормальные человеческие контакты и связи.

Правительство ФРГ, ссылаясь на право на самоопределение, изобрело формулу, которая многие годы служила платформой ее политики в национальном вопросе: подчеркивалось стремление к «германскому единству» и выражалась надежда, что со временем сложатся такие международные условия, которые позволят немецкому народу обрести единство. В Бонне, впрочем, не скрывали, что имеют в виду объединение на основе политического строя в своей части Германии, а не в социалистической ГДР.

Пока Советский Союз оставался на пике своего могущества, надежды Бонна на возникновение подходящих условий для объединения Германии по своему сценарию не выходили за рамки чисто теоретических размышлений. Однако ситуация стала стремительно меняться, когда в СССР к концу восьмидесятых годов назрел острейший политический и экономический кризис, до предела ослабивший его международные позиции и его влияние даже на своих союзников, что привело к дестабилизации и последующему распаду Организации Варшавского Договора а затем и самого Советского Союза. В Бонне не без оснований сделали вывод, что долгожданный момент настал,

и приступили к реализации давно вынашиваемого плана объединения Германии.

Начавшиеся по этому вопросу переговоры между четырьмя державами-победительницами и двумя германскими государствами сразу же натолкнулись на главное препятствие: каким будет военно-политический статус объединенной Германии? В исходных позициях ничего не изменилось. ФРГ и ее западные союзники бескомпромиссно выступали за членство объединенной Германии в НАТО. СССР защищал свою прежнюю позицию — вариант с членством Германии в НАТО неприемлем. Однако сразу же стало заметно, что в твердости этих позиций у сторон имеются серьезные различия.

Если США и ФРГ не оставляли никаких сомнений в том, что не отступят от своего требования ни при каких обстоятельствах (за кулисами говорили: без членства в НАТО объединения не будет), то позиция СССР становилась все более шаткой. Нет, требование неучастия объединенной Германии в НАТО не снималось. Однако начавшийся подбор альтернатив для военно-политического статуса Германии демонстрировал отсутствие четкой линии, разброд и шатания в политическом руководстве страны в решении этого принципиального вопроса. Руководители СССР говорили на встречах и переговорах то о нейтралитете, то о статусе неприсоединения, то об одновременном членстве в Варшавском Договоре и в НАТО, то о роспуске обоих блоков и об одновременном выводе советских и американских войск, то о создании 150-километровой демилитаризованной зоны на границе ФРГ и ГДР, то предлагали своим коллегам дополнительно «подумать» над этим вопросом. Подобная неустойчивость позиции лишь укрепляла Запад в стремлении добиться своей цели.

В высших эшелонах США и ФРГ внимательно отслеживали развитие настроений в советском политическом руководстве и тенденций во внутривнутриполитической жизни страны. Накануне встречи М. С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте (2–3 декабря 1989 года) советники президента США (в их числе были П. Целиков и К. Райс, описавшие позже события того времени в своей книге) пришли к весьма примечательным выводам. По их оценкам, Советский Союз теряет контроль над Восточной Европой. У Москвы нет продуманной стратегии, она лишь спонтанно реагирует на происходящее. В принципе советское руководство должно было бы выступать против объединения Германии, поскольку при таком развитии из его концепции европейской безопасности изымалась бы сердцевина и сбывались наихудшие опасения — включение объединенной Германии в НАТО. С исчезновением ГДР Варшавский Договор теряет свой военно-политический якорь. Линия обороны СССР оказывается прорванной, утрачиваются преимущества, полученные в результате Второй мировой войны. С учетом этого надо нажимать на СССР и твердо настаивать на членстве Германии в НАТО.

На встрече с канцлером ФРГ Гельмутом Коелем в Кэмп-Дэвиде 24 февраля 1990 года президент Дж. Буш откровенно, хотя и несколько цинично определил свой подход к отношениям с СССР. Он подчеркнул, что «Советский Союз находится сейчас не в том положении, чтобы диктовать Западу, останется ли Германия в НАТО или нет... К Советскому Союзу будут относиться с уважением и помогать ему сохранять лицо. Однако при всей поддержке Советов нельзя позволить им свое поражение превратить в победу».

Слова президента могут служить ясным свидетельством того, что уже к началу переговоров об объединении Германии американское руководство считало свершившимся фактом победу США в тяжелой «холодной войне», в противоборстве с СССР. А победитель может диктовать свои условия, позволяя побежденному лишь сохранять лицо.

Именно поэтому на переговорах в формате 2+4 США ни на шаг не отступали от требования членства объединенной Германии в НАТО. В Вашингтоне считали, что это должно обеспечить контроль над политикой и действиями Германии, не позволить ей превратиться в самостоятельного игрока на международной арене. Но не только это. В той же беседе с Коелем в Кэмп-Дэвиде Дж. Буш подчеркивал стремление США сохранить свое военное присутствие в Европе, пребывание своих войск на территории ФРГ и после вывода советских войск из Германии. Более того, говорилось о том, что советские войска должны уйти из всех стран Восточной Европы без каких-либо исключений. При этом США сохраняют в Европе и, конечно, в Германии не только свои войска, но и ядерное оружие, поскольку, мол, американские сухопутные силы не могут оставаться за границей без ядерного прикрытия.

Германские политики не сразу решились поверить, что Советский Союз будет готов вывести свои войска из ГДР и открыть путь к объединению Германии. Многим в Бонне казалось нереальным требовать согласия СССР на членство объединенной Германии в НАТО, тем более без существенных компенсаций в сфере безопасности. Особенно заметны такие сомнения были в рядах социал-демократов и свободных демократов. Высказывались опасения, что выдвижение радикальных требований к СССР может привести к провалу политики реформ в Советском Союзе и к новому кризису в международных отношениях. Говорили о том, что та часть Германии (т.е. ГДР), которая входила в Организацию Варшавского Договора, должна иметь после объединения другой военный статус, не такой, как ФРГ. Отражая настроения в СДПГ по этому вопросу, Эгон Бар, внешнеполитический «гуру» партии, писал в своих мемуарах: «Без Советского Союза единство [Германии] невозможно. Поэтому НАТО и единство исключают друг друга, так как Москва не может согласиться с распространением НАТО до Одера».

Аналогичные мысли высказывал и председатель СвДП, министр иностранных дел ФРГ Ханс-Дитрих Геншер. Выступая 31 января 1990 года в евангелической академии в Тутцинге, он заявил: «Представление, что та часть Германии, которая образует сегодня ГДР, должна быть включена в военные структуры НАТО, блокировало бы германо-германское сближение».

Развивая свою позицию, он говорил в этом же выступлении:

«Задача НАТО — однозначно заявить: что бы ни происходило в Варшавском пакте, распространения сферы НАТО на восток, т.е. ближе к границам Советского Союза, не будет. Такие гарантии безопасности важны для Советского Союза и его поведения. На Западе следует понимать и учитывать, что изменения в Восточной Европе и процесс объединения Германии не должны нанести ущерб интересам безопасности СССР. Для создания необходимых предпосылок для этого потребуются высокая степень искусства в политике европейских государств».

Высказывания Геншера вызвали в то время большое недовольство у канцлера Коля и в ХДС/ХСС. В его словах, предполагавших установление особого режима для ГДР в рамках НАТО, усмотрели преждевременную, «превентивную» уступку Советскому Союзу. Однако сама идея установления особых условий для территории ГДР вошла в арсенал переговорной позиции Запада, а затем и Советского Союза.

В ходе последующих переговоров на высшем уровне между США и ФРГ с СССР тема включения объединенной Германии в НАТО обсуждалась многократно. Дж. Буш, Дж. Бейкер и Г. Коль настойчиво пытались убедить М. С. Горбачева в «преимуществах» членства всей объединенной Германии в НАТО. Обращали внимание на то, что в рамках Альянса Германия будет находиться под постоянным контролем и не сможет проводить политику, создающую угрозу для СССР и других стран. НАТО будет трансформироваться в исключительно политическую организацию, с окончанием «холодной войны» в Европе сложатся новые отношения, начнется строительство общего европейского дома, СБСЕ обретет новые институты, обеспечивающие широкое и равноправное взаимодействие всех государств континента, с подписанием ДОВСЕ произойдет существенное сокращение вооруженных сил стран НАТО, что позволит устранить какую-либо угрозу безопасности СССР.

В ответ на все эти декларации М. С. Горбачев давал уклончивые ответы и предлагал еще раз «подумать» над ситуацией. На встрече в Москве 9 февраля 1990 года Бейкер произнес, наконец, слова, которые и стали источником мифа о готовности Запада не распространять сферу НАТО на восток. Он задал М. С. Горбачеву вопрос: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО,

но при гарантии того, что юрисдикция НАТО ни на дюйм не распространится на восток от ее нынешней позиции?».

М. С. Горбачев не ответил на этот вопрос и лишь подтвердил, что расширение зоны НАТО является неприемлемым. В то же время он заметил, что «присутствие американских войск может сыграть сдерживающую роль» и вновь предложил «обо всем этом подумать».

Слова Бейкера о «нераспространении юрисдикции НАТО на восток» вызвали переполох в Бонне. Там сочли неприемлемым использование понятия «юрисдикция», поскольку это могло бы означать, что на территорию ГДР не будут распространяться гарантии статей 5 и 6 Вашингтонского договора. Уже на встрече с Бушем 24 февраля 1990 года Коль попросил уточнить, что имел в виду Бейкер. Госсекретарь США согласился, что термин «юрисдикция» не подходит и следует говорить о нераспространении военных структур, войск НАТО на территорию ГДР. Такое разъяснение было сделано и на последующей пресс-конференции.

Из высказываний политиков США и ФРГ со всей очевидностью следует, что понятие «нераспространение НАТО на восток» относится исключительно к территории ГДР. Это подтверждают и последующие беседы М. С. Горбачева с Бушем и Кодем, в том числе переговоры в Архызе 16 июля 1990 года. На этой заключительной встрече Коль и Геншер попытались сузить содержание договоренности о нераспространении подчиненных НАТО структур на территорию ГДР. Предлагалось применять это ограничение только на период, пока на этой территории будут находиться советские войска, а после их вывода ограничение должно было потерять свою силу. Однако согласие на это советская сторона не дала. В ходе завершающихся переговоров экспертов в тексте Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии было четко определено, что «иностранные войска и ядерное оружие или его носители не будут размещаться в данной части Германии и разворачиваться там».

Ни на какой стадии переговоров не возникал вопрос о нераспространении НАТО на восток за пределы территории ГДР. И американские, и немецкие представители вели речь исключительно о военном режиме для территории ГДР. Собственно говоря, они и не имели полномочий на что-либо другое. Решения о приеме в НАТО новых членов принимаются коллективно всеми членами Альянса. В 1990 году будущие кандидаты на вступление в НАТО из числа восточноевропейских стран были еще членами Варшавского Договора, хотя их стремление изменить свой статус просматривалось достаточно ясно. На существование Варшавского Договора ссылались впоследствии и М. С. Горбачев, отвечая на вопрос, почему он не добился письменной фиксации гарантий Запада о нерасширении НАТО. Он говорил, что в условиях суще-

ствования Варшавского Договора он не мог вести разговор о проникновении НАТО на территорию ОВД. Формально это было правильно. Но вести разговор о компенсациях нашего ухода из Восточной Европы в виде согласованных и документально зафиксированных мер по ограждению безопасности Советского Союза было не только можно, но и необходимо. Прав был Талейран, который говорил: «если мелодия не положена на ноты, то она ничего не стоит».

На бумагу ничего не было положено. Со стороны НАТО последовали лишь широковещательные заявления (пресловутые «сигналы из Тернбери», где в июне 1990 года заседали министры иностранных дел Альянса, и в июле из Лондона с саммита НАТО) о готовности осуществить широкие меры по укреплению взаимного доверия и сотрудничества, по предотвращению угрозы внезапного нападения, о создании специальных институтов сотрудничества в рамках СБСЕ и т.п. Это и были те «обещания», которые давали лидеры государств НАТО. И ничего более того. Даже в этих словесных заверениях нигде не звучала

тема нераспространения НАТО на восток. Никто на Западе и не собирался давать подобных обещаний.

Вся эта словесная шелуха служила одной-единственной цели, и об этом прямо говорили за кулисами лидеры США и ФРГ, — облегчить достижение соглашения с СССР о вхождении объединенной Германии в НАТО, помочь М. С. Горбачеву преодолеть сопротивление «консерваторов» в СССР такому решению. В действительности никто не собирался давать СССР какие-либо компенсации, тем более — зафиксированные в юридической форме. А с развалом СССР ушли в небытие звонкие обещания заняться строительством «общеевропейского дома».

Во время своего пребывания в ФРГ в мае 1989 года Дж. Буш-старший заявил в публичной речи в Майнце: «„Холодная война“ началась с разделения Европы, она может быть закончена в том случае, если раскол Европы будет преодолен».

Раскол Европы не преодолен до сих пор. Если следовать логике американского президента, то и «холодная война» еще не закончилась.

Станислав Иванович Чернявский, директор Центра постсоветских исследований ИМИ МГИМО (У) МИД России

Освещение событий нашей общей истории в бывших советских республиках носит далеко не всегда объективный характер. Чаще всего обращение к историческим событиям продиктовано внутриполитическими причинами и потому их трактовка имеет четко выраженный заказной характер.

Специфика получения независимости союзными республиками, когда «долгожданная свобода» пришла не в результате освободительной борьбы, а в качестве неожиданного подарка центральных властей, предопределила особенности создания идеологической платформы в новых независимых государствах. Этот процесс проходил весьма болезненно, поскольку строительство нового государства на понятиях общности исторических судеб оказалось невозможным, — необходимо было срочно создать негативный образ «угнетателя», против которого и велась национально-освободительная борьба. На эту неблагоприятную и незаслуженную роль был избран русский народ.

Новые государства начали активно создавать собственную идеологию, используя для этого по своему усмотрению события общего исторического прошлого наших народов. На волне ура-патриотизма началась повальная фальсификация действительной истории народов постсоветского пространства, стремление возвеличить свой народ, придать ему всеохватывающее историческое место и зачастую умалить заслуги и историческое значение других, соседних народов.

История на постсоветском пространстве давно уже превратилась из науки в идеологический инструмент власти. С учетом особенностей общественно-

политического развития государств Центральной Азии, в большинстве из которых гражданское общество так и не было создано, а трактовка демократии приобрела весьма своеобразные черты, обращение к истории официальными «интерпретаторами» направлено на идеологическое укрепление существующих режимов.

Кто сегодня выступает в роли новых официальных историографов, предлагающих собственные варианты пересмотра нашей совместной истории? Подавляющая часть этих «историков-демократов» ранее работала над темами «советского и партийного строительства», продвигала идеи «научного коммунизма». Все они, так или иначе, занимали определенные номенклатурные посты в академических или «научно-партийных» учреждениях. Поэтому, несмотря на различия в используемой ими аргументации, содержательная часть воззрений не оставляет сомнений относительно их перманентной конъюнктурности. Налицо реальный политический заказ, не признающий научно-исторические факты.

Если обратиться к истории формирования Российской империи, то следует отметить, что колонии — как источник сырья для ее промышленности — не имели жизненно важного значения. Из Средней Азии вывозились в основном продовольственные товары и не потому, что внутреннее производство уже не покрывало потребностей, как в Англии XVIII века, а ввиду получения большей прибыли за счет разницы цен. Промышленное развитие колоний было малозаметным. Русская колонизация XIX — начала XX века диктовалась не столько экономической

необходимостью, сколько традиционным стремлением к расширению своих территорий, характерным для более ранних периодов истории. В этом одно из ее отличий от колониальной политики других государств.

Старшины нескольких туркменских родов впервые обратились к России с просьбой о принятии их в подданство и установлении дружественных отношений в первой трети XVIII века; ряд казахских ханов вступили в переговоры с Московским государством еще раньше — в 1594 году, и присоединение произошло постепенно, вплоть до середины XIX века. Киргизские султаны приняли подданство России также в середине XIX века. При этом правители обещали сохранять мир между собой, не чинить препятствий русским купцам, не признавать власть Китая над степями Киргизской орды. Россия, среди прочего, представляла свободу от рекрутской повинности. 60–70-е годы XIX века были отмечены продвижением русских в Туркестане, взятием Ташкента (1865 г.), Самарканды (1868 г.), образованием Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.), протектората над Бухарским Эмиратом (1868 г.), Хивой (1873 г.).

Сразу же после присоединения Туркестана российские власти запретили рабство, от которого стонал весь край (в Ташкенте рабами торговали на базаре Чор-су; рынки рабов были в Самарканде, Бухаре, Хиве и большинстве других крупных городов), эксплуатацию детского гомосексуализма (институт мальчиков-бачей, бачабозство), прекратили бесконечные войны между тремя ханствами, сопровождавшиеся традиционной резней. Царское правительство сохраняло традиционные национальные системы управления. Государственная администрация не заменяла их, а становилась не более чем их частью. Отношения собственности определялись традициями и обычным правом.

Важное значение имеет тот факт, что колониальная экспансия России никак не влияла на материальное положение населения метрополии, не способствовала росту его благосостояния. Так, например, оставался нерешенным острый вопрос — малоземелье крестьян, что объяснялось невозможностью переселения в колонии из-за характера землепользования в них. В русском общественном сознании (в отличие от западного, где на приобретение колоний смотрят прагматически, как на шаг к увеличению достатка) сложился иной стереотип: новые земли — для укрепления величия государства, славы России. Отсюда разница в колониальной политике, выдвижение в России на первый план задач политического характера, в том числе укрепления границ.

В 1924–1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии, созданы Туркменская и Узбекская советские республики. Во время обсуждения вопроса о целесообразности размежевания высказывались сомнения по этому вопросу и предлагалось объединить все три респуб-

лики (Туркестан, Бухару и Хорезм), так как нет нации узбеков, туркмен и других, — все они относятся к тюркским племенам. Таджикская республика вошла на правах автономии в Узбекскую ССР, а в 1929 году стала союзной республикой. Каракиргизская автономная область в 1924 году вошла в состав РСФСР, в 1925 году была переименована в Киргизскую автономную область. В 1927 году она стала федеративной частью РСФСР.

К середине 1930-х годов созрели предпосылки для преобразования Казахской и Киргизской автономных республик в союзные республики. Укреплялась национальная государственность, создавались кадры госаппарата из коренных национальностей. К этому времени произошло воссоединение казахских земель в результате национально-государственного размежевания Средней Азии. Был осуществлен переход кочевников на оседлый образ жизни; огромные средства на этот процесс отпускались из союзного бюджета.

Размеры отчислений от дохода в бюджеты республик Совнарком Союза ССР устанавливал, исходя из необходимости оказания всемерной помощи национальным республикам. Так, в 1929 году было принято решение, согласно которому в бюджет РСФСР отчислялось 64,3% промыслового налога, а в бюджеты других республик — весь налог полностью; от сумм однократного обложения в бюджет РСФСР отчислялось 54%, БССР — 75, УССР — 100, ЗСФСР — 75, Туркменской ССР — 75, Узбекской — 57, Таджикской — 57.

В голодное время 1921 года Россия отправила 2 млн пудов хлеба в Туркестан. Неравноправие русского народа особенно ощущалось в бюджетной сфере. Общий бюджет СССР в 1932 году по сравнению с 1924 годом вырос на 851%, а в РСФСР — лишь на 570%.

В 1931–1934 годы Казахстан получил из бюджета более 2,5 млрд руб. на развитие промышленности, тогда как сам вложил только 121 млн руб. Благодаря таким финансовым инъекциям за первую пятилетку темпы развития Средней Азии были в 2,5 раза выше, чем в среднем по стране.

Разумеется, не стоит забывать о жестоком подавлении стремлений к национальному самоопределению в эпоху царизма и о депортации целых народов в Сибирь и Среднюю Азию в советское время. Однако непозволительно возлагать на российское государство и населяющие его народы ответственность за беды и просчеты прежних лет на территории бывших союзных республик. После создания СССР беда заключалась в том, что интернационалистская власть заботилась в основном об интересах других народов, а русская нация оказалась на втором плане, хотя и несла на себе львиную долю налогового бремени, осуществляла наибольшие трудовые усилия, проливала потоки крови в гражданской войне, в различных внутренних и внешних военных конфликтах.

Каковы основные исторические события, в обращении к которым допускается преднамеренный субъективизм и на трактовке которых строят свою националистическую идеологию в бывших советских республиках Центральной Азии?

Киргизские историки на протяжении всех лет независимости своей страны никогда не ставили под сомнение в целом положительный характер присутствия России на территории современной Кыргызстана.

Однако в конце 2005 года новое киргизское руководство, пришедшее к власти на волне бандитских антиправительственных выступлений, получивших романтическое наименование «тюльпановой революции», попыталось активно использовать в антироссийских целях события далекого 1916 года, когда местное население выступило против решения царского правительства о привлечении киргизов к военным тыловым работам.

О каком историческом факте идет речь?

Летом 1916 года начал реализовываться царский указ о призыве на тыловые работы «иностранцев» тогдашнего Русского Туркестана. Шла Первая мировая война. Как и прочие граждане Российской империи, киргизы (и другие народы Русского Туркестана) подлежали обязательной мобилизации. Речь, однако, шла не о призыве в действующую армию, а об использовании в военных тыловых работах.

Волнения (в советской историографии они получило название Среднеазиатского восстания) начались 4 июля 1916 года в Ходженте с нападений на посты русских таможенных стражников, препятствовавших контрабанде опиума на китайской границе. За этими действиями последовали нападения на русских поселенцев и массовые убийства мирного населения в Прииссыккулье. Многие русские деревни были вырезаны. Волнения перекинулись на Семиречье, затронули Ферганскую долину. И тогда Санкт-Петербург направил на подавление беспорядков казачьи и армейские части. По разным данным, в результате трагических событий 1916 года погибло до 100 тыс. мирных граждан.

Согласно Большой советской энциклопедии, «восстание в основном носило антиколониальный, национально-освободительный характер. Лишь в отдельных районах реакционные феодально-клерикальные круги пытались использовать восстание в своих классовых целях».

Правда, в советское время не публиковались имеющиеся документальные свидетельства того, что большинство киргизских баев, возглавивших восстание, заблаговременно вывезли свои семьи в Китай. В андижанском восстании того же 1916 года, охватившем и юг современной Киргизии, присутствует «турецкий след». В Первую мировую войну Турция была союзницей Германии и Австро-Венгрии, и в южной Киргизии под видом мулл действовали турецкие агенты. Есть и другие данные, говорящие о том, что

к восстанию 1916 года имеют прямое отношение агенты германского генерального штаба, действовавшие в Туркестане и склонявшие местное население выступить против России. Ни в коей мере не оправдывая действия царского правительства, напомним, что Первая мировая война была в разгаре и российские власти, принимая решение о подавлении восстания, действовали по законам военного времени.

Осенью 2005 года руководители некоторых националистических движений Киргизии обратились к руководству страны с запиской, в которой обращалось внимание на то, что восстание 1916 года было «самым грандиозным и трагичным событием» в истории народов Центральной Азии. В ней отмечалось, что царская администрация «всячески поощряла массовые убийства, давая прямые указания об истреблении коренного населения, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков». Утверждалось, что вся политика царского правительства была направлена на уничтожение киргизского народа. В записке подчеркивалось, что киргизы, похваливаясь своей древней 2200-летней историей, до сих пор не могут осмыслить события XIX–XX столетий, сделать для себя выводы, «находясь по-прежнему в тисках советской идеологии». По мнению авторов документа, «гордое название киргиз сегодня в упадке», а единой киргизской нации в настоящее время не существует.

Результатом этого обращения стал Указ президента Киргизии «О создании государственной комиссии по проведению 90-летней годовщины трагических событий 1916 года», принятый в декабре 2005 г. В Указе, в частности, предлагается «в связи с 90-летием исторической даты — национально-освободительного восстания 1916 года, а также в целях всестороннего объективного изучения героических и трагических страниц истории киргизского народа, увековечения памяти погибших предков» создать соответствующую государственную комиссию.

В апреле 2008 года парламент Киргизии — Жогорку Кенеш — пошел еще дальше, утвердив своим постановлением один из августовских дней Днем памяти жертв национального восстания киргизского народа в 1916 году.

О Казахстане. Вопросы истории «коренной нации» по-прежнему находятся в поле острой политической борьбы. Националистические силы пытаются использовать искажения и заведомые фальсификации для обоснования особого места и заслуг своей нации. При этом принижается или даже отрицается роль России в защите объединения и развития народов, проживающих на территории СССР. Задача «творить золотую розу своей истории и культуры» поставлена не только перед учеными, она — часть государственной политики.

В опубликованных работах Назарбаева, Муканова к «этническим территориям» отнесены Оренбуржье, Южное Приуралье, Южная Сибирь. Искажается история заселения северных районов. Действитель-

но крупные территории приобретены Казахстаном в годы Советской власти: Акмолинская, Семипалатинская, Сырдарьинская обл., Семиречье.

Казахский историк Татимов говорит, что «Россия провоцировала набеги на казахскую территорию из Китая, чтобы потом „спасать“ казахов», другой историк (Алимжанов) утверждает, что «русские никогда не занимались облагораживанием своих лесов и степей, а пытались урвать их у соседей». В учебниках для вузов говорится о военной аннексии России (автор Абилов). Радикальное национальное крыло элиты прямо заявляет, что хан Младшего жуза Абулхаир, принявший первым в 1713 году российское подданство, якобы совершил акт «национального предательства». При этом подвергается забвению тот факт, что молодая казахская нация находилась под угрозой уничтожения со стороны Джунгарии и Циньской империи. В XIX веке Россия продвигалась активно на юг с целью предотвращения проникновения туда британской агентуры. Старший жуз был присоединен силой, отсюда — негативное отношение к казачеству. Объективно политика России позволила казахам выжить, обрести единство территории и языка. Вплоть до октября 1917 года сохранялся традиционный уклад жизни. Не стоит забывать, что процветание нации началось в составе России, казахи начали приобщаться к мировой культуре, хозяйству всей страны. Проводя идеи о якобы превращении Казахстана в аграрно-сырьевой придаток России, националистические круги умалчивают, что развитие промышленности, транспорта, связи, космонавтики шло как раз в период, когда существовал единый хозяйственный комплекс и в Казахстан направлялись колоссальные потоки общесоюзных инвестиций, а также тысячи специалистов.

Взят на вооружение и тезис о том, что «казахский народ оказался в меньшинстве на земле своих предков», казахи вымирали от голода и якобы больше всего пострадали от сталинских репрессий.

Ключевая тема казахоязычной прессы в ноябре–декабре 2009 года — голодомор в Казахстане.

30 ноября опубликовано открытое письмо Союза писателей Казахстана, подписанное, в том числе, политологами, журналистами, общественными деятелями. В нем утверждается, что «страшные события голодомора не имеют никакой связи с „неготовностью кочевников к социализму“, как говорилось в те годы. Это была акция, направленная на истребление казахского народа, проводимая Сталиным, Голощекиным и партией большевиков. За беды нашего народа свою ответственность сегодня должны нести коммунистические партии республик СНГ, пришедшие на смену КПСС. Они должны ответить за геноцид».

Авторы письма предлагают дать политическую оценку событиям 1930-х годов, построить в Астане или в Алматы мемориал в Память о погибших. Кроме того, во всех областях страны должны быть воздвигнуты памятники или мемориальные комплексы, где

можно будет почтить память жертв, погибших от голода и политических репрессий.

На страницах газеты «Айкын», не так давно перешедшей под крыло президентской партии «Нур Отан», политолог Айдос Саримов и директор государственного исторического института Буркитбай Аяган настаивают на том, что «общество должно дать политическую оценку голодомору тридцатых годов. Необходимо назвать имя того, кто повинен в огромном количестве смертей. Требуется исследовать всевозможные документы, Москва должна просить прощения за свои кровавые злодеяния».

9 декабря 2009 года представители интеллигенции, оппозиции и патриотических движений обратились с требованием к президенту Н. А. Назарбаеву ввести мораторий на обсуждение выдвинутой им доктрины национального единства. Проект этого документа, по их мнению, ущемляет права титульной нации — казахов.

Казахстанская интеллигенция, а также национал-патриотические организации и оппозиция считают документ дискриминационным, не учитывающим интересы казахской нации и требуют приостановить его обсуждение. Они предлагают сконцентрироваться на этнической общности, а не на гражданской и переименовать страну из Республики Казахстан в Казахскую Республику.

В Узбекистане с момента создания независимого государства и особенно с 1993–1994 годов, когда интенсифицировался процесс становления авторитарной системы, национальная история выступала для официальных властей и лично президента И. Каримова в роли инструмента индоктринации общества и идеологической мобилизации его в собственных интересах. При этом акцент делается на гипертрофированном, основывающемся на мифологизации и селективности фактов отношении к завоевателю и покорителю Тимуру, оцениваемому как положительный политический деятель, воин, стоявший у истоков узбекской государственности.

Первый же учебник истории для 5-го класса Узбекистана объясняет школьникам, что «вступившие на территорию Средней Азии и отличившиеся жестокостью русские красноармейцы формировали свое воинство из уголовных элементов». В главе с поэтическим названием «Независимость, задуманная в колыбели» можно прочитать: «планомерные действия по уничтожению Коканда возглавил сам Ленин». После обучения пятиклассек в дело пускают учебник для девятиклассников, где в адрес России 292 раза употребляются такие эпитеты, как «русские захватчики», «русские колонизаторы» и «русские шпионы». Там же говорится, что «Россия — вор имущества в мировом масштабе» и «история сама наделила русский народ способностями колонизатора». В учебнике 11-го класса избавление от российского гнета называется «Переход от тоталитаризма к демократии».

В Музее памяти жертв репрессий (Ташкент) вот уже больше восьми лет в организованном порядке проводятся «пятиминутки ненависти» по отношению к России и всему от нее исходящему. Поскольку временной период, охватываемый экспозицией Музея памяти жертв репрессий, очерчен четкими рамками: Средняя Азия в составе России-СССР, — то получается, что, вопреки названию, это музей памяти не жертв репрессий вообще, а исключительно тех, что были во времена русских.

Вся экспозиция составлена так, чтобы вызвать чувство праведного гнева по отношению к злым русским захватчикам и угнетателям.

Басмаческое движение в Центральной Азии интерпретируется как национально-освободительное без учета его региональных, этнополитических и социальных особенностей. При этом подчеркивается роль узбекского этнического элемента в данном движении. «Хлопковое дело» рассматривается как фальсификация и оскорбление узбекского народа, а деятельность Шарафа Рашидова получила самое высокое официальное одобрение.

Создание узбекской государственности в годы существования СССР, включая территориальные очертания современного Узбекистана, сформированные в период Советского Союза, фактически не являются предметом специальных исследований.

В последнее время, после ухудшения отношений официального Ташкента с США и европейскими странами, осудившими действия властей в мае 2005 года в Андижане, власти Узбекистана во многом по конъюнктурным соображениям и с целью заручиться поддержкой российской стороны, отказались от наиболее одиозных «историко-пропагандистских» тезисов, носивших недоброжелательный характер в отношении России. Часть учебных пособий, содержащих открытые выпады и оскорбления, были изъяты из списка рекомендуемой литературы. Однако в действительности практически весь идеологический инструментарий режима в части «политической археологии» остался прежним. В то же время на региональном уровне полемика между узбекской стороной и соседями продолжается по этнонациональным и историко-географическим проблемам.

Таджикские историки в своих исследованиях и учебных пособиях, появившихся после окончания гражданской войны в 1997 году, роль России и СССР в восстановлении (именно так трактуется это явление) таджикской национальной государственности характеризуют в целом положительно, за исключением ряда событий, связанных, как они полагают, с покровительственной советской политикой в отношении Узбекистана, расширившего свои территориальные владения за счет исторических (по их мнению) таджикских земель. При этом основное внимание уделяется именно действиям узбекского руководства по денационализации таджикской истории как в период существования УзССР, так и на современном этапе.

В Туркменистане сложилась наиболее драматичная для истории и историков ситуация. В годы правления покойного президента С. Ниязова в стране был установлен авторитарно-тоталитарный режим, идеологом которого являлся сам глава государства. Интерпретация национальной истории кем-либо, кроме него самого, была исключена. В части, касающейся российско-туркменских отношений и роли СССР в процессе становления Туркменистана как государства, фактически вся тональность оценок носила жестко конфронтационный характер и не допускала никаких положительных утверждений. Усиленно насаждался культ Ниязова (Туркменбаши), которому приписывалось авторство компилятивного по своему характеру труда под названием «Рухнама». Именно на его основе велись пропагандистские разработки во всех гуманитарных науках.

Подводя итоги, следует признать, что субъективная интерпретация истории в государствах Центральной Азии является одной из важнейших идеологических проблем, способной на длительное время перессорить бывшие союзные республики, народы, еще недавно считавшие себя братьями. Спекуляция на преднамеренно выхваченных из исторического контекста фактах ведет к росту напряженности во взаимоотношениях между государствами, нарастанию конфликтного потенциала внутри региона, торможению региональной интеграции во всех ее аспектах.

Учебная литература по истории не должна превращаться в политический инструмент для правящих элит. История регионов, история народов, входящих в состав различных государств, история эмиграции и диаспоры, интернациональная история должны дополнять традиционную историю наций и государств. Это тем более важно в эпоху глобализации. Широкий исторический контекст подразумевает необходимость определенного дистанцирования историков от национальной идеи. Однако надо отдавать отчет в том, что наивно призывать к объективности, соблюдению научной этики тех специалистов, которые формируют новые мифологемы, создают новые образы истории, исходя из «национальных идей». Они делают это сознательно, в соответствии с социальным и политическим заказом.

Какой должна быть реакция России на тенденциозное освещение нашей совместной истории в государствах Центральной Азии?

Как нам представляется, в своих оценках исторической истины российская сторона должна вырваться из плена идеологических крайностей, взглянуть на общеизвестные события «взглядом человека со стороны», то есть более объективно. Эта необходимость подтверждается, в частности, анализом опубликованных учебных материалов и научно-исследовательских работ в государствах Центральной Азии по проблемам роли и места Российской империи, Советской России и СССР в истории.

Во-первых, обнаруживается слабое знакомство российской стороны с контекстной (а не селективной) интерпретацией конкретных исторических событий и фактов, диффамационный характер озвучиваемых в этой связи обвинений в адрес современной национальной историографии конкретных государств.

Во-вторых, демонстрируется попытка внедрения в общественное сознание искусственных, не соответствующих историческим реалиям схем, призванных обеспечить господство политизированных конъюнктурных концепций, рассчитанных на создание искаженного представления о подлинной истории народов региона в собственных политических интересах.

В-третьих, проявляется некомпетентность и профессиональная неподготовленность, обусловленная незнанием истории, исторической географии, этнологии, языка и традиций соответствующих народов региона, что порождает «политическое мифотворчество».

В-четвертых, выдвигаются на первый план политические конъюнктурные конфронтационные как по форме, так и по содержанию аргументы, призванные доказать истинность своей позиции при использовании недостоверных фактов.

С учетом того, что у каждой стороны своя логика национального интереса и каждый понимает ее по-своему, нам важно выбрать собственный вектор, четко разделив, в чем мы готовы пойти на уступки, а в чем — нет. В любом случае дискуссию надо выстраивать на позитиве, поскольку «исторические заблуждения» наших партнеров являются государственным заказом и нам важно, оставаясь на своих позициях, избегать негативного воздействия каких-либо споров на межгосударственные отношения.

При этом очевидно, что российская точка зрения должна формулироваться с учетом двух основных исторически обусловленных фактов.

Во-первых, нынешняя Российская Федерация не несет исторической ответственности за действия царской и Советской России, а также СССР. Это означает, что колониальные захватнические войны, насильственное присоединение территорий, т.е. несправедливые с точки зрения национальной истории народов Центральной Азии акты, не могут одобряться, оправдываться или объясняться в положительном тоне как некая защита современных

российских интересов и уж тем более как «славная страница российской истории». С научной точки зрения выдвижение подобных тезисов носит откровенно политический и необъективный характер.

Во-вторых, современная Россия не может использовать исторические события, к которым она не имеет прямого отношения, как политический аргумент во взаимоотношениях с другими странами, в связи с чем она не может прибегать к методу «обратного обвинения» и обсуждать на политическом уровне все так или иначе связанное с историческими реалиями царской России, Советской России и СССР в силу своего равенства со странами СНГ, существовавшими вместе с ней в рамках некогда единых государств.

Нам необходимо предпринимать активные шаги по государственной линии, направленные на то, чтобы усилить роль научного сообщества историков и институтов истории стран СНГ в подготовке учебников и в выработке подходов к освещению периодов «общего прошлого». Ее преподавание должно дать молодому поколению объективное представление обо всех сложностях и противоречиях в политической, социально-экономической и культурной жизни нашей истории.

В этих целях следует шире использовать возможности созданной в рамках СНГ сети таких гуманитарных структур, как Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, профильные отраслевые органы — Совет руководителей государственных и общественных телерадиоорганизаций, Совет руководителей информационных агентств, Межгосударственный совет по сотрудничеству в области периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии. Важно продолжать деятельность такой структуры, как Совещание руководителей институтов истории Академий наук стран СНГ.

Что касается Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО (У), то нами запланированы на следующий год совместные встречи с учеными-международниками и студентами вузов Казахстана и Таджикистана, в ходе которых будут обсуждаться, в том числе, вопросы объективного изучения нашего исторического прошлого.

**Владимир Ильич Цветков,
секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России**

Мое видение формулы «круглого стола» позволяет мне думать о том, что тема открывает некую возможность сформировать и открыть системный процесс восстановления исторической справедливости по отношению к России. Встать на системный путь подготовки интегральных материалов по истории России. И, может быть, изменить тенденции,

ориентируясь хотя бы на множество вопросов, возникающих при прочтении труда Мавро Орбини «Книга ИСТОРИОГРАФИЯ початия имене, славы, и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствами, Королевствами, и Провинциями. Собрана из многих книг исторических, чрез Господина Мавроурбина

Архимандрида Рагужского». Я вынужден привести фрагмент текста начала этого труда: «Также удивительно есть, что слава народа славянского, ныне не так ясна, как оно довлело разславиться по вселенной. Ежели бы сей народ, так достаточен был людьми учеными и книжными, как был доволен военными и превосходительным оружием, тоб ни един другой народ во вселенной, был в пример имени Славянскому. А что прочие народы, которые зело были ниже его, ныне себя прославляют, то не ради чего иного, токмо чрез бывших в их народе людей ученых».

Как видим, этот фрагмент итальянца, а не русского, иерарха католической церкви, а не православной, жившего во времена до Великой Смуты в России — в доромановские времена, и издавшего книгу в 1601 году, то есть в период активных действий по установлению единой мировой хронологии, заставляет о многом задуматься, и именно в рамках темы фальсификации истории.

Например: почему признали умалишенным Исаака Ньютона; за что (а точнее за кого) сожгли на костре поляка Воланского вместе с его трудами; почему Ломоносова лишили возможности работать с архивами, хотя с ними (даже дома) работали немцы; почему не изданы труды Ивана Забелина; почему Россия до сих пор не имеет доступа к Индексу запрещенных книг, хранящихся в Ватикане?

Даже не ставя перед собой задач о нахождении ответов на все эти вопросы (и многие другие), можно сделать главный вывод: был какой-то исторический период, когда Россия возмутила умы своими приобретениями и своим влиянием. И эти приобретения, и господство России Европа терпеть уже не могла.

Эти территориальные приобретения России хорошо просматриваются и, например, на французских географических картах, а о влиянии России можно составить представление по этому же критерию: размерам подвластных России территорий и письмах из России в адреса европейских владетелей.

Значит, все-таки Россия была самой большой страной в мире. Кстати, и осталась. Кстати, что, и сегодня, как и в шестнадцатом веке (по приведенным выше словам Орбини), нет в России людей ученых? Такие признания: и об умении распространяться; и об отсутствии достатка в людях ученых и книжных — дорогого стоят.

С первым (умение распространяться) понятно: зависть к достижениям России.

Со вторым — тоже понятно: не умели объединять научные усилия и популяризировать себя в интересах укрепления империи. Так и сейчас тоже не умеем.

Недаром Орбини предупредил в своем труде, что его труд католической церковью не признается. Это важно: когда не признают, а аргументов не приводят — значит, формируют условия для реальных действий по фальсификации выводов (в частности, Орбини).

Что не устраивало Запад в достижениях России? Наверное, сами достижения. А это уже признание. Что конкретно было максимально не устраивающим Запад? Полагаю, что максимально Запад не устраивала именно успешная политика России по объединению многочисленных народов под единым управлением. А что способствовало методологически устойчивому объединению многочисленных народов — наций и создало многонациональную империю? Православие того времени. А какое оно было и чем отличалось от нынешнего православия? Думается, что можно ответить и на этот вопрос: оно было интегральным (например, вид глав Казанского собора в Москве или собора Патриаршего двора в Переделкино), но уже без католичества.

Поэтому главным в истории России являются не территориальные приобретения, а сила православия, его каноны: доступные, терпимые и признанные. Эти каноны стали ментальностью России: церковь — Дом Христов; Россия — Дом Богородицы (Россия под Покровом Божьей матери).

Поэтому можно утверждать, что массовая патриотичность населения России — историческое национальное достояние, выращенное на духовной основе православия.

Отсюда и исторически обоснованное существование рыхлости патриотизма на западных и юго-западных границах, где было представительство разных религий. Это подтверждает история. И это всегда было предметом внимания и власти России, и агрессора. Граница есть граница. Это нормально для границы. И должно быть предметом особого внимания и по существу, и по форме.

Но православные каноны действовали и сформировали, и закрепили доминанты народов России. И, как это ни странно, получили развитие в так называемой «Брежневской» Конституции СССР, закрепив конституционно новую историческую общность — советский народ. Декларация? Конечно. Но и уже — стратегический ориентир развития СССР, закрепленный Конституцией.

Это чувствовал уже Сталин и применил силу православия в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, позволив возродиться Патриархии, уничтоженной Петром I и уничтоженной именно потому, что сам Петр боялся силы православия, боясь возрождения доромановской империи и позволяя себе оскорбительные действия по отношению к православия через своих императорских шутов.

Вот в какой точке рассуждений надо искать причины, по которым не только продолжаются попытки исказить взгляд на Россию, но и усиливать работу по унификации отрицательного восприятия самого такого исторического планетарного явления, как страна Россия, в умах мира.

Именно в связи с этим видится целесообразным привести высказывание Классена Егора Ивановича (1795–1862). Он перевел и издал исторический труд

Фадеев Воланского «Описание памятников, объясняющих славяно-русскую историю», кстати, объясняющего и упомянутый труд Мавро Орбини.

Е. И. Классен обобщил многие материалы Ф. Воланского в своей книге «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяноруссов дорюриковского периода в особенности, с легким очерком истории руссов до рождества Христова» (МГУ, 1854 год).

Классен писал: «Факты, служащие основанием для созиждения древнейшей Русской истории, долго лежали под спудом неразобранные... Между тем история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетшиеся в быт всех народов европейских».

Здесь же Классен отмечает, что отдельные германские историки честно занимались русской историей, но тут же говорит, что к «недобросовестным лицам относятся Байер, Мюллер, Шлецер, Гебгарди, Паррот, Галлинг, Георги и целая фаланга их последователей. Они все русское, характеристическое усвоили своему племени и даже покушались отнять у Славяно-Руссов не только их славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но даже и племенное имя их — имя Руссов, известное исстари, как Славянское, не только всем племенам Азийским, но и Израильтянам, со времени пришествия их в обетованную землю... Мы знаем (далее пишет Классен. — В. Ц.), что история не должна быть панегириком, но не дозволим же им обращать русскую историю в сатиру».

Вот на этой мысли Классена я хотел бы остановить ваше внимание: об обращении русской истории в сатиру с упоминанием в ряду авторов-сатириков и недобросовестных и Карамзина, и Добролюбова, и Салтыкова-Щедрина, развивающих систему Шлецера и отрицающих роль славян.

Получается, что сатирики от истории (иностранного и отечественного происхождения) занимаются уничтожением истории России. По принципу, если не получается оружием врагов, то надо разлагать чужой идеологией и силами соотечественников.

А оружием, и в самом деле, не получается.

А вот сатирой — фальсификацией, на рухлом поле учености, получается.

Но цель фальсификаторов в разные исторические времена одна — если не получается уничтожить Россию, то надо уничтожать Россию.

Об этом и писал и Мавро Орбини в XVI веке, и Егор Иванович Классен в XIX веке, и многие другие.

Одним из примеров формирования таких процессов уничтожения России являются процессы искажения итогов Второй мировой войны, роли и места СССР в той войне, во всем спектре вопросов войны.

И особенно велико воздействие на результаты Великой Отечественной войны в связи со сменой политического строя — уничтожением СССР.

Агрессивному воздействию (уничижению) история России стала подвергаться во всем ее методологическом спектре: состоянии, процессах и событиях, с помощью инструментов агрессивного и даже нормативного внедрения толерантности. Ну, так, например, отвергали «Домострой» и «Стоглав» в романовские времена как систему нравственности России. А теперь толерантностью пробуют подменить историческую объединяющую роль православия, знающего и умеющего действовать по воспитанию сознания, совместно с другими религиями. Толерантностью надеются обеспечить продвижение и католицизма (протестанства) в Россию. И получается. Россия прекрасно понимает, что католичество и православие (с Ферраро-Флорентийского собора) не объединятся, и в том числе, потому что католицизм исторически несет на Русь агрессию в разных видах и формах.

Такова природа взаимоотношений в католицизме. Вспомним период 1939 года и как США (Франклин Делано Рузвельт) и Великобритания (Уинстон Черчилль) строили свои отношения: за пятьдесят американских эсминцев периода Первой мировой войны для Англии, общей стоимостью 250 000 долларов, Рузвельт затребовал восемь военных баз Великобритании в Западном полушарии. И добился. А Рузвельт и Черчилль — родственники по Саре Белчер. Вот вам и родство, и дружба, и союзничество в рамках ленд-лиза двух католиков. Недаром Рузвельту включили в текст речи в 1940 году фразу «арсенал демократии», принадлежавшую французскому представителю в США Ж. Моне, и Рузвельт 29 декабря 1940 года на беседе «у камелька» сказал американцам, что «мы должны стать великим арсеналом демократии».

Так что же и как «делали» для СССР США в рамках ленд-лиза?

Вот на эту тему Великой Отечественной войны СССР — тему ленд-лиза я прошу обратить внимание.

Должен сказать, что в рамках государственной и общественных программ подготовки к Юбилею Победы СССР в Великой Отечественной войне данная тема отсутствует.

Такое у нас бывает: в частности, фальсификация процессов, определяемых международным правом (в частности, Европейской хартией местного самоуправления).

Например, в Уставе города Москвы записано, что «общегородские выборные органы местного самоуправления в городе Москве не создаются» (Устав Москвы, статья 6, пункт 5). И, как можно понять, из-за этого все процессы городского управления через систему местного самоуправления затухают к вящему восторгу перенасыщенной государственной власти в городе Москве. Но это — к примеру, но яркому в том отношении, как можно фальсифицировать демократические процессы вообще и по отношению к Москве в частности, их понимание. И способствовать разрушению коренного сообще-

ства. Что и наблюдаем: засилье миграции и государственной власти на фоне начавшегося процесса лишения прав юридического лица муниципальных собраний. Именно только наблюдаем — другого не дано. Еще Рузвельт в период Великой депрессии США и работы в рамках «нового курса» ссылался на слова американского деятеля XIX века Д. Вебстера: «Самое свободное государство на свете не может долго существовать, если законы имеют тенденцию создавать быстрое накопление капитала в немногих руках, оставляя большую часть населения в нищете». Далее слова Вебстера еще более прямолинейны: «В таком случае народ должен ударить по привилегиям богатства, иначе влияние богатства ограничит и поставит под контроль изъявление народной воли». Как можно понять, соотносясь с Москвой, в Москве именно такой случай — понятие коренного населения изъято из официального обращения и общегородские выборные органы местного самоуправления запрещены Уставом (Конституцией) Москвы.

Так вот и тема ленд-лиза отсутствует в программах: ну, неудобно как-то кому-то объясняться с США: как они своими товарами заменяли себя на войне.

Но мы наблюдаем, и уже долго, картину системного и откровенного нападения на итоги Второй мировой войны: роль и место в ней СССР; значение Великой Отечественной войны СССР для судьбы мира; масштаб и динамику взаимодействия союзников антигитлеровской коалиции; природа появления на свет божий ленд-лиза; история установления дипломатических отношений между СССР и США; «изоляциялизм»; «Закон о торговле»; политика «баланса сил» США и политика «невмешательства» Европы. Все это создало условия для агрессии Италии, Японии, Германии, позволило фашизму в Германии укреплять мышцы и готовить (в своих интересах) Европу для нападения на СССР.

Сейчас многое в мире изменилось: нет СССР, нет СЭВ и Варшавского Договора, нет лагеря социализма; мир в кризисе, который так и хочется назвать идеологическим, вместо финансово-экономического. И, наверное, идеологические кризисы в 1945 году уничтожили нацизм, в 1985 году — коммунизм, но

идут трудные процессы адаптации на фоне деформированных процессов национально-освободительных движений, превратившихся в террор. И это все, происходящее в мире, стали откровенно ставить в вину современной России как преемнице СССР.

Россия остается виновницей всех бед мира. Просто цена вины растет.

А наряду с США, с ее экономической политикой, повторяющей события Великой депрессии, мир акцентирует внимание, в анализе всех своих бед, на две страны: Россию и США. И Вторая мировая война, и Великая Отечественная война стали козырной картой для пересмотра новейшей истории.

Поэтому вашему вниманию предлагается идея подготовки и проведения Международной научно-практической конференции под названием: «Ленд-лиз — непредвзятый взгляд сквозь годы (сотрудничество СССР с США, Великобританией и Канадой в политической, военно-экономической и военно-технической сферах в годы Второй мировой войны».

Создание при Президенте России Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории можно назвать инновационным решением.

Однако надо иметь в виду:

- живущее поколение — наследники России и продолжатели России;
- не противодействие, а создание внутренней государственной системы по разработке состояния, процессов и событий истории России. План Комиссии должен предусматривать выделенные, но взаимодействующие между собой, следующие направления работы: изучение состояния истории; изучение внутренних и внешних национальных процессов; изучение внутренних и внешних событий; оценка событий; выдача рекомендаций.

В этой системе должны присутствовать представители доминирующих религий России; эта система должна быть пассивно открыта для зарубежья и должна суметь «встать» над мнением (слово «мнение» без кавычек) мира; во внутренние и внешние процессы государства системно внедряются функциональные фрагменты истории, как только поясняющие преемственность исторической стратегии России.

Александр Абрамович Фрейдсон,
доктор юридических наук, академик МАНЭБ, ветеран ВОВ,
участник боев за Ленинград, Кенигсберг, Будапешт и Берлин

Как ветеран Великой Отечественной войны (ВОВ) и член Латвийской ассоциации борцов антигитлеровской коалиции (LAKSA), я представляю интересы 12 000 ветеранов — инвалидов и участников ВОВ, постоянных жителей Латвии, не получающих материальной помощи от России.

По просьбе Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Латвийской Республике А. А. Вешнякова 27 октября 2009 года я принял

участие в заседании круглого стола на тему: «Дело В. М. Кононова как политико-правовой прецедент», который проводился в Государственной Думе РФ и был посвящен защите прав и свобод соотечественников в странах Балтии. Этот круглый стол состоялся при поддержке Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На заседании круглого стола присутствовали 56 различных госу-

дарственных деятелей РФ, а также представителей общественности.

В конце 2004 года совместно с бывшим в то время председателем LAKSA, ныне покойным Г. Минценбергом, от имени членов LAKSA — ветеранов ВОВ нами было направлено из Латвии обоснованное требование к президенту РФ В. В. Путину о необходимости распространения на членов LAKSA действия Федерального закона РФ «О ветеранах» от 16 декабря 1994 года с учетом изменений от 22 августа 2004 года № 122 ФЗ (в редакции от 29 декабря 2004 года, в дальнейшем в тексте — *Федеральный Закон*). Однако это требование не получило положительного решения.

В связи с бедственным положением ветеранов ВОВ, проживающих на территории Латвии, этот вопрос неоднократно обсуждался нами и с теперешним председателем LAKSA Г. Т. Шадриним. Речь идет о том, что инвалидам и ветеранам ВОВ — постоянным жителям Латвии, которые, несмотря на непосредственное участие в боевых действиях в составе Советской Армии, партизанских отрядов и подпольных организаций на временно оккупированной Гитлеровской Германией территории, не были обеспечены и не обеспечены до сего времени социальной защитой, а также не получают социальную поддержку как ветераны в соответствии с Федеральным Законом. Эта часть ветеранов ВОВ, получая мизерную пенсию по старости от Латвийского государства, не имеет достаточных средств для существования.

С целью оценки общей ситуации и потенциальных возможностей касательно социальной поддержки ветеранов ВОВ — «неграждан», проживающих на территории Латвийской Республики, были изучены документы соглашения правительств Российской Федерации и Латвийской Республики от 13 февраля 1993 года «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу и службу в органах внутренних дел и членов их семей». Выяснилось и подтвердилось то, что 15 000 военных пенсионеров, многие из которых не являются ни инвалидами, ни участниками ВОВ, пользуются всеми средствами социальной поддержки РФ, в то время как ветераны ВОВ — постоянные жители Латвии ее не получают.

В результате этих исследований и сделанных выводов Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Латвийской Республике А. А. Вешняков принял решение направить меня как юриста в г. Москву для участия в заседании этого круглого стола с целью защиты интересов ветеранов ВОВ, проживающих в Латвии. От имени LAKSA в заседании круглого стола принял участие председатель LAKSA Г. Т. Шадрин

Вопросы, интересовавшие нас как представителей LAKSA, были затронуты в выступлениях: зам. Директора департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ С. И. Толкалина, генерала В. К. Известного, первого заместителя председателя Совета ветеранов 130-го Латвийского стрелкового корпуса и партизанских бригад Латвии,

председателя правления национально-культурного общества «Светлояр» С. П. Пичугина и консультанта отдела внешних церковных связей Русской православной церкви, секретаря комиссии Московского патриарха по делам обрядческих приходов и по взаимодействию со старообрядчеством И. И. Миролюбова. Председатель LAKSA Г. Т. Шадрин в выступлении на тему: «О социально-правовом положении участников ВОВ Латвии» сообщил, что в Латвийской Республике насчитывается 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, которые не получали и не получают социальной поддержки. Учитывая это, он просил присутствовавших найти возможность оказать немедленную материальную помощь фактически бедствующим ветеранам ВОВ.

На заседании круглого стола было отмечено, что «дело Кононова проявило на практике ряд упущений российского законодательства по защите прав соотечественников за рубежом, особенно в части прав ВОВ». В пункте 1 рекомендаций круглого стола, адресованных органам государственной власти РФ, по проблеме проживающих за пределами РФ ветеранов ВОВ записали: «Предусмотреть в государственных целевых программах, касающихся работы с соотечественниками, статьи расходов, нацеленных на оказание материальной и моральной помощи ветеранам, проживающим за пределами РФ».

Несмотря на кажущуюся необходимость, благотворительность и полезность такого решения, подобные мероприятия, однако, не восстанавливают ущемленные права 12 000 инвалидов и участников ВОВ, ибо такие мероприятия все равно не обеспечивают этим ветеранам ВОВ равные условия и равную социальную поддержку в сравнении с ветеранами ВОВ, проживающими в России в контексте требований норм *Федерального Закона*. Правовой основой признания инвалидов и участников ВОВ — «неграждан» РФ ветеранами в соответствии со статьями 2–4 *Федерального Закона* является не их место жительства или гражданство в настоящее время, как это утверждается в статье 12 *Федерального Закона*, а их непосредственное участие в ВОВ. Этот юридический факт дает им полное право, приобретая специальную правоспособность, участвовать в правоотношениях по получению социальной поддержки в соответствии с требованиями статей 14 и 15 того же закона. В соответствии с частью 1 статьи 10 *Федерального Закона* «меры социальной поддержки, установленные статьями 14–19 и 21 настоящего *Федерального Закона* и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами правительства Российской Федерации, являются расходными обязательствами Российской Федерации». Не выполняя эти требования в отношении 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, правительство РФ не только не выполняет гарантии взятых на себя обязательств, но и нарушает требования норм международного права и конституционных

норм РФ. Запрет социальной поддержки в отношении инвалидов и участников ВОВ — неграждан РФ, проживающих за пределами РФ, установленный статьей 12 *Федерального Закона*, противоречит требованиям статей 14–19 и 21 *Федерального Закона*, а также статьям 19 и 55 Конституции РФ. В результате этого РФ в нарушение статьи 45 Конституции РФ не в состоянии гарантировать им защиту прав и свобод человека. В этих условиях применение статьи 12 *Федерального Закона* не может считаться легитимным. Таким образом, принятые в рамках заседания круглого стола рекомендации, по сути, не решают проблему на должном уровне и в долгосрочном действии.

Констатируя, что круглый стол не поможет полностью решить проблему, и принимая во внимание то обстоятельство, что возможность вос-

становления ущемленных прав 12 000 инвалидов и участников ВОВ — постоянных жителей Латвии, гарантируется государственной защитой, я решил обратиться к гаранту Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина — президенту РФ Д. А. Медведеву, в результате чего 15 декабря 2009 года я направил соответствующее письмо президенту РФ Д. Медведеву.

Как доктор юридических наук и как юрист-эксперт полагаю, что дальнейшее исследование круга проблем, связанных с темой конференции, необходимо было бы дополнить юридическими оценками соответствующих документов и действий фальсификаторов истории России. Это могло бы способствовать достижению положительного результата и эффективности исследований.

**Александр Арсеньевич Орлов,
Директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России**

Сегодняшняя конференция, организованная Институтом международных исследований, продолжает серию мероприятий по вопросам противодействия попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, проводимым МГИМО (У) в координации с одноименной Комиссией при Президенте РФ.

Дискуссии на историческую тему, в фокусе которых в наши дни находится период Второй мировой войны, вне всякого сомнения, являются частью глубоко продуманной и тщательно отстроенной кампании, суперзадача которой заключается в том, чтобы закрепить в массовом сознании на длительный период, фактически канонизировать некоторые постулаты, которые будут иметь определяющее значение при трактовке событий всего бурного, противоречивого, яркого и в то же время трагического XX века. Если схематично, то речь идет о выстраивании классического двухкомпонентного образа — хороший / плохой. В разряд «хороших», естественно, попадают США, а также их главные союзники и друзья. На протяжении всего века они самозабвенно боролись с любым злом и, в конце концов, всех победили. Со всем не случайной в этой связи выглядит трактовка событий Второй мировой войны, которая, в частности, предлагается таким мощным идеологическим оружием США, как голливудский кинематограф. Если провести социологическое исследование по итогам просмотров американских военных или околовоечных блокбастеров, то едва ли у современного «мирового» зрителя, как правило, мало знакомого с историей более чем полувековой давности, возникнет сомнение в том, что США внесли решающий вклад в победу над фашизмом.

Более полувека американская пропагандистская машина целенаправленно выстраивала негативный образ Советского Союза, который впоследствии без

значительных изменений был перенесен на Россию. При этом важно подчеркнуть, что роль СССР во Второй мировой войне, как правило, не ставилась под сомнение, хотя и не акцентировалась. Тому есть, вероятно, несколько причин. Во-первых, двадцать и более лет назад Вторая мировая война не была слишком далеким атрибутом истории, как она видится сегодня новому поколению. Во-вторых, Советский Союз являлся одним из столпов системы международных отношений, с которым нельзя было не считаться. Поэтому трактовки истории в том духе, что СССР и фашистская Германия несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны, были тогда абсолютно неприемлемыми ни для общества, ни для политического истеблишмента, в том числе и на Западе.

Теперь же у части (особо подчеркнем — *только части*) политического класса на Западе и обслуживающих интересы этих сил ученых и политологов возникло ощущение, что пришло время для того, чтобы «правильно» расставить акценты в вопросе о Второй мировой войне. Тем более что появился существенный «дополнительный ресурс» в виде ряда новых независимых государств, бывших союзных республик, а также части восточноевропейских стран. Речь, прежде всего, идет о Прибалтийских государствах, Украине, Грузии, а также Польше, где переписывание, извращение истории стало органической частью государственной политики. В сознании молодого поколения, за которое сейчас во многом и идет борьба, насаждается образ России как «генетического врага», захватчика и оккупанта, от которого нужно держаться подальше. При этом пособники фашистов объявляются национальными героями, а советские солдаты-освободители — поработителями. То есть полюса восприятия событий Второй мировой войны разом меняются. Черное становится белым, плохие — хорошими.

Борьба за историческую правду сегодня — это не просто спор об интерпретации тех или иных событий или документов. Ставки в ней неизмеримо более высокие. Для россиян это борьба за национальное самосознание. У нас хотят, по сути дела, отнять главный атрибут национальной гордости, то, что объединяет, цементирует наш народ, все наше общество, — победу в самой жестокой, самой кровавой из войн, от итога которой зависело — ни много ни мало — выживание человечества, судьба всей цивилизации планеты Земля.

Но это не все. Через историю, историческую правду идет борьба за наше будущее. Мы хотим открытой Европы, открытого мира, в котором Рос-

сия занимала бы достойное место, была равным и уважаемым партнером других стран и народов. Нас же опять хотят загнать за новый «железный занавес», возвести новую «берлинскую стену», разрушение старого образца которой двадцать лет назад Запад считает символом своей победы в «холодной войне». Такая перспектива нас абсолютно не устраивает.

МГИМО (У), Институт международных исследований будут уделять вопросам фальсификации истории в ущерб интересам России самое пристальное внимание, тем более в предверии новой крупной даты — 65-летия победы в Великой Отечественной войне.

О всего лишь двух фальсификациях

А. В. Серегин*

Время отсчитало 65 лет с момента, когда под ударами Красной Армии рухнули надежды агрессивнейшей из идеологий — германского фашизма на мировое господство на основе расового деления мира. Казалось бы, человечество получило вернейший шанс для устойчивого, успешного развития на основе состоявшегося единения в борьбе против сил зла. Однако воспользоваться этой возможностью до конца не удалось. Фундаментальными оказались противоречия между странами-победителями, слишком глубокими — их разнополюсные интересы по обустройству послевоенного мира. Именно они, в конечном итоге, преопределили развитие международных отношений по пути, как выразился известный отечественный историк Н. Н. Яковлев, «войны после войны».

Надо сказать, что сегодняшний день не в меньшей степени обременен «военным противостоянием». Но по разным сторонам фронта расположились недобросовестные историки воевавших стран, которые ведут нешуточные бои за свое понимание и толкование событий Второй мировой войны, ее результатов и «отцовства» Победы. Подгоняемые зачастую политическими интересами, допускаю, что в какой-то степени ими и разделяемыми, но в основном исходящими от высшей государственной элиты, представители исторической науки весьма агрессивно проводят в жизнь поручения сверху. Настолько, что российский Президент Медведев был вынужден обратить на них внимание, назвав такие попытки не только агрессивными, но и все более злобными.

Такова, в нескольких словах, атмосфера, в которой готовится празднование 65-летней годовщины Победы. По правде говоря, созданная и обостренная недобросовестными и даже лживыми, с позволения сказать, исследованиями антироссийской направленности и политиканствующей возней вокруг ключевых

событий войны и роли Советского Союза в ее победном завершении, эта атмосфера продолжает накаляться и извне, и, что удручает, в нашей же стране.

Не так давно, в конце февраля текущего года, в славном городе Прага, под эгидой ПАСЕ прошла международная конференция под названием «Преступления коммунистических режимов — взгляд историков и юристов». Организовал это действо чешский Институт изучения тоталитарных режимов. Однако основную организаторскую работу проделали «юристы и историки» чешского Сената и аппарата правительства республики. Их усилиями удалось собрать представителей 26 организаций из 19 стран.

Конечно же, интерес проявили представители Европарламента, где, как и в ПАСЕ, процент «заинтересованных юристов и историков», желающих развивать тему, неприлично выделяется среди подобного рода организаций. В конференции приняли участие представители фондов К. Аденауэра и Р. Шумана, «анти тоталитарных» институтов из скандинавских стран, государств Восточной Европы и Балтии, а также многочисленных научно-политических центров и объединений, включая российский «Мемориал», которые наперегонки рвутся участвовать в любом публичном мероприятии, чтобы застолбить свою антироссийскую позицию. Ну, не верится, что они делают это бескорыстно, сподвигаясь идеей улучшения мира через «улучшение» России. Наверное, все же существует источник поощрения такого рвения.

Форум открыл премьер-министр Чехии Я. Фишер. Признаться, из уст премьера весьма странным было услышать исторические и политические обобщения, из которых без каких-либо усилий, предназначенных для расшифровки дипломатически закамуфлированных формулировок, можно было догадаться о его убежденности в виновности России за коммунистическое прошлое СССР. Намеки и ли-

* Александр Васильевич Серегин — кандидат культурологии, директор Дирекции информационно-издательских программ.

митрофные недоговоренности премьера, понятно, не вписываются в контекст весьма приятных российско-чешских отношений. Однако и он, и председатель Сената Й. Лишка, и лидер демократов М. Тополанек, как «историки и юристы», слившись в едином взгляде на преступления коммунистических режимов, задали общий тон всему мероприятию.

Суть историко-юридических взглядов чешской политической элиты: настоящая конференция должна развить идеи, заложенные в недавних резолюциях по исторической проблематике Парламентской ассамблеи Совета Европы (25.01.06.) и Европарламента (02.04.09.), а также «Пражской декларации», принятой на другой международной конференции «Совесть Европы и коммунизм» (03.06.08.). Идеи, на развитии которых настаивали чешские «историки и юристы» от политики, известны и, в общем-то, сводятся к одной-единственной. Это уравнять нацизм и сталинизм, коммунизм и фашизм, объявить их одинаково преступными режимами, с тем чтобы впоследствии навязать России моральную вину за преступления сталинизма и далее добиваться «нового военного трибунала по преступлениям коммунистического режима» по подобию трибунала в Нюрнберге.

На строго научном уровне дискуссии ведутся о степени ответственности многих стран за развязывание мирового конфликта и его последствий для судеб народов и государств. По мере появления в научном обороте новых документов и их осмысления в международном историческом сообществе крепнет убеждение, что война в решающей степени стала результатом политики умиротворения агрессивного германского тоталитаризма и отсутствия консолидированной позиции сил, ему противостоящих. Уравнивать агрессора и жертву невозможно не только на историческом уровне рассмотрения предвоенного и военного противостояния. Одновременно и безнравственно считать агрессора и жертву одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Политика Советского Союза решала оборонительные задачи. Справедливости ради следует отметить, что методы их решения были достаточно спорными и порой грубыми. Это касается пакта Молотова–Риббентропа. Однако та же самая справедливость подсказывает, что Гитлер в любом случае — существовал бы этот пакт или нет — не отказался бы от нападения на Польшу. И с учетом просчитанной им ситуации, когда ни Франция, ни Англия на помощь Польше так никогда и не поспешили, несмотря на обязывающие их к этому существовавшие договоры, привел в действие механизм военного обеспечения своих агрессивных интересов.

Но, по мнению организаторов конференции, европейские государства просто обязаны на консенсусной основе признать преступность коммунистических режимов, уравненных с фашизмом, и их особую ответственность за Вторую мировую войну. Именно в этом состоит «цивилизационная миссия Чехии».

С точки зрения серьезных ученых, эта идея не выдерживает никакой критики и останавливаться на ней, чтобы в очередной раз разъяснять очевидные любому историку несоответствия унацизма и сталинизма, геополитических целей и средств их реализации, как-то даже неловко. (На эту тему размышляет Н. А. Нарочницкая, убедительно и не оставляя никаких сомнений и недоговоренностей). Но мотивированность конференции определялась политическими задачами, далекими от исторической науки и просто объективности.

Постановка проблемы весьма определенно нацелила дальнейшие выступления участников: преступления коммунистических режимов, как и преступления фашизма, следует интерпретировать как военные преступления, не имеющие срока давности. И для этого на площадке Европейского сообщества необходимо добиваться создания новой судебной структуры. Через ООН не пройдет. Россия вместе с Китаем заблокируют в Совете Безопасности подобные решения. Необходимо приложить все усилия, чтобы возложить ответственность за коммунистическое прошлое Европы на СССР, а на Россию, как его правопреемницу, — моральную ответственность.

Логика проста. Политически подвести вопрос к якобы справедливости выдвижения материальных претензий к России. Именно по такому пути и пошло дальнейшее обсуждение. Свою лепту в него внес представитель «Мемориала» Н. Петров, тоже и историк, и юрист в одном лице. Он свалил в одну большую кучу якобы искусственно созданный голодомор, откуда-то появившиеся массовые расправы над населением Прибалтики, Белоруссии и Польши, жестокость оккупантов, читай Красной Армии, и без излишней нагрузки аргументацией возложил все на Сталина. Ученая общественность конференции ликовала. Сами русские признают злодеяния фашистскими. Настало время понести им суровое наказание. И как-то и в голову никому не пришло, что наказывать-то придется избавителей мира от фашистской чумы и что в России выводы Н. Петрова могут, мягко говоря, не разделять.

Память о войне у разных народов разная и, пожалуй, напрямую зависит от степени их участия и понесенных потерь. В России память о войне, о цене, которую пришлось заплатить за победу, слишком остра и даже болезненна, так как прочно связывает болью каждую российскую семью с трагическими событиями тех лет. Организаторы конференции не захотели принять это в расчет. Что же до Н. Петрова, то его несло дальше. Россия движется в направлении авторитаризма, подавляя гражданскую активность правозащитных организаций.

Почему-то думается, что эти последние заключения Н. Петрова, кстати, никакого отношения к теме конференции не имеющие, были для него самыми главными. Ради них он претерпел мучения и докладывал, будучи не очень исторически просвещенным

по сути проблемы. Зато застолбил антироссийскую политическую позицию правозащитников и оттого их мученическую судьбу в России.

По итогам конференции была принята декларация, содержание которой по тому, как прошла конференция, можно было легко прописать и без ее проведения, в стиле «одобрямс». В документе, конечно же, нашла отражение необходимость создания «нового международного трибунала по преступлениям коммунистических режимов против человечества», содержится призыв к Еврокомиссии принять решение о запрете отрицания или постановки под сомнение преступлений коммунизма, как это сделано в отношении нацизма.

Спора нет. Тоталитаризм, коммунизм, сталинизм, гитлеризм и т.д. как научные и политические дефиниции могут и должны подвергаться научной и общественной экспертизе на новом, современном витке общественных представлений о последствиях их влияния на процесс цивилизационного развития. Но локомотивом их понимания и оценки не может и не должна быть политика. Сегодня отчетливо видно, как ряд государственных элит пытается в своих узкопрагматических интересах пересмотреть результаты Второй мировой войны за счет умаления роли России с тем, чтобы выторговать себе дивиденды, и не только политические, чтобы обелить свое, не всегда нравственно безукоризненное политическое прошлое, чтобы претендовать впоследствии на желаемые ими компенсации за «оккупацию» Россией их территорий в ходе войны.

Чувствуя поддержку и даже негласное одобрение со стороны общеевропейских структур и грандов мировой политической элиты, они по-шакальи (сравнение не мое, почерпнул его из прочитанного недавно исторического исследования, точность политических движений лимитрофов действительно напоминает повадки этих благородных животных) выстроились в очередь к различным общественным и политическим трибунам с целью принять участие в раздаче.

Неволен вопрос или даже вопросы, почему весьма значимые европейские структуры в своем похвальном стремлении глубже познать общее для континента и мира историческое прошлое, связанное с трагическими событиями Второй мировой войны, не хотят опираться на объективную историю без гнева и пристрастия? Почему на подобные форумы, проводимые под их эгидой, не приглашаются представители Российской Академии наук или ученые из признанных научных центров России? Почему российская общественность, и историческая в особенности, все больше приходит к выводу, что мнение России в отношении политизированного на Западе видения истории и результатов мировой войны зачастую остается без серьезного научного обсуждения? Почему ПАСЕ и Европарламент, выстраивая площадку для бесспорно необходимого человечеству более

глубокого осмысления ошибок общего европейского прошлого, на ней же роют новые политические окопы, сгравливая народы, расстреливая снарядами недобросовестно трактуемого прошлого общую историческую память, столь необходимую для устойчивого и успешного развития континента и мира?

А вот другой пример фальсификации истории в ущерб интересам России. Недавно состоялась презентация двухтомника «История России. XX век: 1894–1939. 1939–2007», опубликованного издательством «Астрель». Объемная работа — около 2000 страниц — подготовлена весьма широким коллективом авторов. Генеральным директором проекта и ответственным редактором в одном лице выступил профессор МГИМО — Университета А. Зубов, хотя издание это не имеет никакого отношения к МГИМО (У) и специалистами университета не просматривалось и не рецензировалось.

«Эта книга была написана за очень короткий период времени... Все недостатки — на мне», — признаёт ответственный редактор. Но скорость написания текстов отнюдь не защищает от вопросов к ним.

Известно, как остро в политических и научных кругах обсуждается тема фальсификации нашей истории, затрагивающей период Второй мировой войны. Не будем в очередной раз уточнять, что такое фальсификация, кому она нужна и какие цели она преследует: на эти вопросы легко ответит и сам читатель. Но вот почему генеральный директор проекта счёл возможным повествовать о предвоенной истории без объективного рассмотрения в контексте предшествующих ей событий Мюнхенского договора (или сговора, как его справедливо окрестили многие учёные), ответа в текстах мы не находим.

В книге этому договору отведено всего две строчки. «Захват Гитлером Чехословакии в нарушение Мюнхенского договора и его военные приготовления против Польши показали западным демократам тщетность политики умиротворения». И всё. А ведь нравственность, за которую так ратует генеральный директор в предисловии ответственного редактора, мол, исторические факты «требуют нравственного осмысления», как раз и была порушена Мюнхеном. Интересно, и почему договор этот, важнейший и краеугольный в истории довоенного противостояния, практически обойдён молчанием? Не с той ли целью, чтобы не подвергать его нравственному осмыслению?

«Для французов и особенно англичан, — читаем мы дальше, — переговоры с Москвой были, прежде всего, средством удержания Гитлера от войны с Польшей». Странно. Профессору должно быть известно, что таковым средством в международной политике, прежде всего, является договор и его исполнение. Подписали бы договор с Москвой, и, глядишь, остановили бы агрессию. Но не входило это в планы Парижа и Лондона, да и судьба Польши им была глубоко безразлична, что показали дальнейшие события. Главное,

что руководило их действиями, было оградить себя от гитлеровской агрессии, канализировать её на Восток, на СССР. И Бог с ней, с Польшей. Поэтому Лондон и Париж умышленно затягивали переговоры с Москвой. Даже делегацию на трёхсторонние переговоры направили туда на пассажирском пароходе (медленнее разве что на перекладных).

Или в книге звучит: «Сталин желал войны». Никаких документов, мало-мальски подтверждающих это утверждение, не приводится. А всё, что читаем мы дальше, свидетельствует совсем о другом. Сталин рассчитывал на выгодное вступление в войну, избежать которой к тому времени было уже невозможно. Но разве в Лондоне и Париже не считали точно так же и не «вели циничную игру сразу на двух шахматных досках, сравнивая возможные выгоды обоих вариантов», — как отмечается в книге только в адрес советского руководства. Неужели нравственность для одних — одна, а для других — другая?

И на бытовом, и на политическом уровнях стало традицией связывать историю с современностью. Во многом такое увязывание формирует представления об уроках истории, да и сами уроки. Мировой конфликт показал не только просчеты и преступления государственных элит и лидеров участвовавших в нем стран, но и страшную цену, уплаченную человечеством за эти просчеты. Именно политические и идеологические препятствия развели страны

антигитлеровской коалиции по окончании войны, разделив народы и государства новыми окопами «холодной войны». Наше время предоставляет новый уровень возможностей избежать того, что разъединяет народы. Историческая память может и должна служить всеобщему благу, предостерегая человечество от ошибок, совершенных и понятых.

К сожалению, сомнительные оценки и утверждения в двухтомной «Истории России» мешают не только историческому познанию. Они становятся неодолимой преградой и на пути нравственного осмысления событий, к чему стремится любой историк, любой преподаватель истории. В научных кругах это издание воспринято весьма неоднозначно и, полагаем, что серьёзное научное обсуждение этих книг и их оценки ещё впереди. Однако уже сейчас можно с уверенностью говорить, что рекомендовать это спорное издание для обучения было бы большой ошибкой.

Эти два примера — внутри и вне России — лишний раз свидетельствуют об огромном потенциале исторической науки в общественной жизни, о ее ответственности за будущее восприятие мира без политизированного и сознательного уничтожения стран и народов. Необходимо перешагнуть через искусственно возводимые политические преграды на пути исторического и общественного осмысления.

Советский Союз во французских учебниках

Ариньон Жан-Пьер*

Каждый человек знает, насколько образ другой страны, который у него сложился, основан на том, как эта страна была представлена в учебниках истории для средней школы и в учебниках на начальном этапе получения высшего образования.

Рассмотрим подход к России по трем учебникам истории — один из которых использовался в средней школе и 2 других — при получении высшего образования. Необходимо напомнить, что выбор учебников — прерогатива преподавателей истории и географии, которые адаптируют тот или иной учебник к своей методике преподавания. Назову учебники и охарактеризую их.

История для старших (выпускных) классов — под редакцией Гийома Буреля и Мариэль Шевалье, издательство HATIER, Париж 2009 г. — среди 9 авторов всего 2 преподавателя университета (с университетским образованием) и ни одного специалиста по России.

История для старших (выпускных) классов — под редакцией Жана-Мишель Ламбена (издательство HACHETTE, Париж, 2009 год) — Из 10 авторов меньшинство (4) с университетским образованием, среди которых Николя Верт, директор программ Национального Центра научных исследований (CNRS), специалист по истории СССР.

История для старших (выпускных) классов — под редакцией Гийома ле Кинтрека (издательство NATHAN, Париж, 2009 год). Из 9 авторов — ни одного с университетским образованием и ни одного специалиста по Советскому Союзу.

Но тем не менее ситуация во Франции имеет свою специфику — авторы почти все имеют статус *агреже* (т. е. лицо, прошедшее курс на замещение долж-

ности преподавателя в высшем учебном заведении) и преподают в крупных парижских или провинциальных лицеях. Таким образом, речь идет о коллегах, хорошо знакомых с методом преподавания истории. Помимо этого исторические подходы варьируются (сильно различаются) и особенны для каждого учебника. *Это мы сейчас и рассмотрим.*

Интересен выбор обложек для трех вышеназванных учебников. Все три издания выбрали для обложки сюжеты, связанные с Германией. [Издательство] АТЬЕ изобразило Бранденбургские ворота с толпой молодых людей, стоящих у Берлинской стены, как символа рухнувшего миропорядка. НАТАН предпочло выбрать изображение восточногерманского солдата, преодолевающего барьер, с тем чтобы покинуть коммунистический лагерь (мир) и вырваться на свободу. АШЕТТ изобразило толпу молодежи из Восточного Берлина, взобравшихся на стену, в которой большая дыра, олицетворяющая, что западная свобода распространяется теперь и на Восточный Берлин. Таким образом, *обложки трех учебников иллюстрируют триумф Запада и свободы, которую он (Запад) несет на Восток.*

Эти учебники написаны с соблюдением программы Министерства образования и включают в изучение: мировые вопросы, Европа и Франция с 1945 года по наши дни, о чем в изданиях АТЬЕ (с. 2–3) и Натан (с. 8–9) есть ссылки в преамбуле.

Анализ текстов и иллюстраций к ним, которые помогают сформировать у ученика образ СССР или США, например, которые мы дадим ниже, мне представляются очень информативными.

С 12-й страницы в своем издании АТЬЕ напоминает и выделяет **геополитический итог Второй мировой войны: США представлены как великие победители Второй мировой войны, которую**

* Ариньон Жан-Пьер — профессор истории университета г. Аррас, Франция.

Доклад сделан на конференции «Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации» 8–9 апреля 2010 г. в Российском институте стратегических исследований.

они выиграли экономически и получили прибыль. Красная армия освободила Европу, но Советский Союз, потеряв 20 миллионов погибшими, заплатил слишком дорого.

В данном тексте красной нитью проходит следующая мысль: США освободители, великие победители и экономически выигравшие. Советский Союз освободил Восточную Европу, но ценой колоссальных человеческих потерь. Позитивная лексика применяется исключительно к Соединенным Штатам.

Мир в 1945 году (с. 26). Авторы подчеркивают, что количество жертв среди гражданского населения сопоставимо (или даже одинаково) с жертвами среди солдат (военных): участники сопротивления не были защищены, две трети узников умерло в нацистских лагерях, 800 000 погибших в блокаде в Ленинграде, 30 миллионов были переселены за период с 1944 по 1946 гг. — к депортированным и заключенным, которые вернулись, добавилось 11 миллионов немцев, убегающих от Красной армии, поляки получили новые границы, советские люди на аннексированных территориях.

Таким образом, большая цена, которую заплатили за победу советские войска, упоминается, но негативный образ Советского Союза выражается такими глаголами (в тексте), как — спастись бегством, изгонять, аннексировать, перед лицом Советского Союза население спасалось бегством, были изгнаны с захваченных территорий. Вот и негативный образ Советского Союза.

С целью осудить выживших нацистских преступников, союзники провели Нюрнбергский процесс (трибунал), который дал определение «преступлению против человечества» В Японии США провели трибунал в Токио, чтобы судить военных преступников. Но массовое убийство в Катыни, совершенное советскими войсками, замалчивалось.

США провели трибунал в Токио, и они противопоставляются русским, которые умолчали о массовом убийстве в Катыни.

Параграф 2. Гарантировать мир путем нового мирового порядка. Представлены мирные конференции — Ялта (4–12 февраля 1945 года), Сталин, Черчилль и Рузвельт, потом Потсдам (июль–август 1945 г.), Сталин, Труман и Аттли. В Германии отрезано треть территории и разделено, как и Берлин на 4 зоны оккупации — между тремя великими державами и Францией. 30% европейских границ изменились — СССР присоединил 750 000 км² трех балтийских государств. Япония администрировалась только США. Корея разделена на две зоны оккупации — советскую на севере и американскую — на юге.

СССР аннексировали территории. США обещали административное управление в Японии (администрировали Японию (разница глаголов налицо).

Последний параграф: разногласия союзников проявились быстро по будущему Германии. Сталин

говорил о присутствии Красной Армии на освобожденных территориях восточной Европы, нарушил ялтинские договоренности — свободные выборы не состоятся. СССР навязывает свою модель Восточной Европы. Черчилль выступает в Фалтоне 5 марта 1946 года и говорит о «железном занавесе». Британцы и затем американцы противостоят попыткам СССР обеспечить контроль над проливами и Ираном.

Советский Союз обвиняют в использовании военного присутствия, нарушении ялтинских соглашений, навязывании своей политической модели. Такими представлены британцы и американцы. И ни одного слова про нарушение западными союзниками Потсдамских соглашений.

Документы

Есть большое количество текстов и иллюстраций.

Картинка, иллюстрирующая биполярность мира, на которой изображены американские и советские солдаты друг напротив друга перед Берлинской стеной (с. 12) которые смотрят на атаки 11 сентября на World Trade Center — Всемирный торговый центр.

Необходимо отметить, что изображение Берлинской стены дано со стороны американцев, а советские солдаты изображены как противники. Что касается торгового центра, никаких комментариев нет, которые позволили бы понять, что выше описанное изображение не имеет отношения к 11 сентября... Можно сделать вывод, что трагедия 11 сентября — результат «холодной войны», за которую русские (советские) несут ответственность...

Тематические карты показывают огромные потери Советского Союза по сравнению с США (с. 16).

Вот тексты, взятые из документов: Ялта, трибунал в Нюрнберге и устав ООН (с. 17, 21, 23). Все остальные тексты настроены против Советского Союза (с. 24, 25, 26). Ни один документ, говорящий о мощи и силе СССР, не представлен. Такой учебник дает негативное представление о СССР.

В отличие от других, в учебнике издательства АШЕТТ под редакцией Мишеля Ламбена, главы по Советскому Союзу написаны Николя Вертом, признанным специалистом по сталинскому периоду. Глава 1 — мир сразу после войны (с. 14–31). Там сделан вывод: 21 миллион советских граждан погибших, 13,5 миллионов китайцев, около 7 миллионов немцев.. Советский Союз потерял около половины от всех потерь в технике за период войны. Автор подчеркивает огромные потери, но и делает ссылку на то, что именно благодаря таким затратам Советского Союза стала возможна победа. (с. 20). Глава 2, где речь идет о Ялтинской (4–11 февраля 1945) и Потсдамской (июль–август 1945) конференциях. Автор подчеркивает разницу между этими двумя конференциями, «разделенными» атомной бомбой, которая дала американцам доминирующую позицию. Постоянно негативной лексики в адрес СССР нет.

Оттолкнуться от прошлого и пойти вперед

А. В. Мальгин*

Встреча премьер-министров России и Польши Владимира Путина и Дональда Туска в Катини показывает, как стремительно могут меняться к лучшему, казалось бы, устойчиво плохие отношения двух соседних стран. Этот опыт может стать моделью для разрешения других историко-психологических проблем в отношениях стран Восточной Европы.

Есть что-то неувлимо общее в русском и польском дипломатическом протоколе, общее, связанное с традициями средневековых «великих посольств», с их многоядностью, пышностью, некоторой бестолковостью, но при этом с обостренным вниманием к символическим деталям. Польская делегация, сопровождавшая премьера Дональда Туска в Катини, как раз всем этим и отличалась.

Из машин и автобусов высыпали несколько польских министров, депутаты, священнослужители, руководители ведущих СМИ, не говоря уже о таких знаковых фигурах, как первые некоммунистические руководители Польши — Тадеуш Мазовецкий и Лех Валенса, а также кинорежиссер Анджей Вайда, чей фильм «Катинь» несколькими днями ранее был показан по каналу «Культура».

Встреча Владимира Путина и Дональда Туска в Смоленске стала тем переломом в отношениях России и Польши, который делает возможным совершенно иной сценарий взаимодействия этих стран в европейских делах.

Механизм исторического примирения

Параллельное становление государственной и внешнеполитической идентичности России и Польши — стран, которые в XX веке примерили на себя все мундиры сколько-нибудь заметных идеологий и режимов, не могло идти без активного, а зачастую и агрессивного мифотворчества, тем более что ми-

фотворчество это опиралось на традиционно не критичное в обеих странах отношение к собственной истории, равно как и на действительно трагические, страшные страницы, среди которых была и Катинь.

Попытки выйти из тупика исторических предубеждений, предпринятые на излете эпохи социализма и в начале 1990-х годов, в силу ряда причин оказались незавершенными. Незавершенность эта проистекала из высокой динамики и нестабильности тогдашней жизни, что не способствовало закреплению в общественном сознании самых, казалось бы, правильных шагов. Действительно, кто за чередой бурных будней, связанных с распадом политических режимов и государств, помнит, что ровно двадцать лет назад, 13 апреля 1990 года, Михаил Горбачев передал Войцеху Ярузельскому поименные списки польских военных, приговоренных к расстрелу? Только историки. Кто помнит, что еще в 1992 году Борис Ельцин отдал все основные документы, избличающие Сталина и его сподвижников в совершении этого преступления? Опять только историки. Каждодневная жизнь была столь стремительной, а Россия и Польша решали столь разные и независимые друг от друга задачи, что в общественной памяти все это не отразилось.

Наверное, именно во внешнем контексте состоит принципиальное отличие российско-польского исторического диалога от польско-немецкого или франко-немецкого, которые начинались на фоне относительно спокойных 1960–1970-х годов.

Наши страны за последние два года приложили системные усилия к преодолению сложных проблем историко-психологического свойства. И большую роль в этом сыграла российско-польская Группа по сложным вопросам.

Политическое решение о формальном изменении статуса, а фактически о создании заново Группы

* **Артем Владимирович Мальгин** — советник ректора МГИМО, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России, член российско-польской Группы по сложным вопросам.

по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, принятое в 2007 году, стало первым вкладом в выстраивание взаимопонимания по чувствительным сюжетам, напрямую связанным, казалось бы, с сугубо национальной гордостью или сугубо национальной трагедией.

Когда группа создавалась, никто толком не представлял характера и процедуры ее работы, да и круга рассматриваемых проблем. Неких писанных полномочий и обязанностей у нее не было и нет. Группа выстраивала свою работу, основываясь на политической интуиции и взаимном внимательном восприятии сторон. При этом важно, что с самого начала, в отличие от многих других «исторических», «общественных» групп и комиссий, у Группы по сложным вопросам выстроились конструктивные, но далеко не сервильные отношения с внешнеполитическими ведомствами двух стран. Тем самым она могла лучше чувствовать внешнеполитическую ткань, сохраняя общую прагматическую логику своих действий.

Группа не ставила себе политических задач, но фактически их решала. Решала, делая свою работу, связанную с доведением до широкой общественности, а главное, до правящих элит двух стран истины, очевидные историкам-профессионалам. Взаимное признание исторических фактов стало краеугольным камнем деятельности группы. Да и относительно интерпретации событий между польскими и российскими участниками практически не было серьезных разногласий, речь шла о том, как сделать эту интерпретацию общим достоянием.

Было выбрано два принципиальных пути. Один — подготовка общего издания по совместной истории двух стран, которое охватывало бы весь период с 1917 года до наших дней. Парадоксально, но, постаравшись выделить наиболее дискутируемые проблемы, мы обнаружили, что фактически книга становится очерками истории отношений наших стран, так равномерно легли в хронологические рамки сюжеты, вызывающие либо споры либо взаимный интерес. По каждому из сюжетов авторы, круг которых несколько шире собственно участников группы, подготовили два очерка — российский и польский.

Что из этого получилось, можно будет увидеть уже летом, когда книга появится на прилавках книжных магазинов России и Польши. Однако можно смело сказать, что издание будет интересным. Его предвестник — книга, скомпонованная на основе двух точек зрения на один и тот же сюжет и посвященная генезису Второй мировой войны, получила и в России, и в Польше самые хорошие читательские отклики.

Стратегические «да», тактические «нет»

Более дискретный, непубличный характер носила другая сторона деятельности группы, выражавшаяся в продвижении инициатив, которые рождались внутри группы, на уровень внешнеполитических

ведомств и принятия политических решений. Огромная роль в этом принадлежит сопредседателям группы — ректору МГИМО (У), академику Анатолию Торкунову и экс-министру иностранных дел Польши профессору Адаму Даниэлю Ротфельду. Академический бэкграунд и весомый общественный статус этих людей позволил пробить брешь взаимной закомплексованности пропагандистов и снизить запал политиканов, паразитирующих на трагических страницах совместной истории.

Главная же задача сопредседателей была сугубо позитивной — разъяснять, рассказывать, убеждать тех людей, которые не злонамеренно, а просто в силу отвлеченности от политико-исторической проблематики не понимали остроты того или иного сюжета, правильности артикуляции своих мыслей по чувствительным историческим вопросам. Не понимали, что недосказанная история может мешать строить настоящее и будущее. Наверное, не совсем корректно использовать термин «коммуникатор» для характеристики уважаемых сопредседателей группы, но с содержательной точки зрения это абсолютно адекватный термин для обозначения того, что они делали.

Думается, трудно переоценить значимость тех множественных отсылок к деятельности группы, которые дали премьеры двух стран и в Сопоте, и в Смоленске. Дорогого стоит реплика Владимира Путина: «Как мне сказали наши историки».

Но гораздо более важно, что высшие руководители России и Польши (а России, наверное, в большей степени) оказались способными буквально впитывать новую для них информацию и гибко реагировать на проблемы, вроде бы далекие от их текущих забот.

Можно ли говорить, что после 7 апреля 2010 года мы сняли проблему Катыни, а по сути, и все исторические вопросы с политической повестки дня наших отношений?

Да — если принять во внимание действительно эмоциональные, искренние и, наверное, потребовавшие серьезной душевной работы жесты и слова Владимира Путина у мемориала в Катыни. Да — если исходить из того, что руководитель правительства современной России подтвердил все сказанное его предшественниками, но гораздо более сильными и яркими словами. Да — если исходить из того, что два премьера, одновременно присутствуя на мемориальной церемонии, подтвердили абсолютно идентичный подход к пониманию того, кто жертва, а кто преступник. Да — если вникнуть в более широкий, нежели только польский, вопрос, антисталинский контекст и пафос выступлений Путина. Да — потому что с участием польского католического епископа была заложена православная церковь в Катыни. Да — если мы увидим, как обещано, парадный расчет Войска Польского на параде на Красной площади в Москве 9 мая.

Но, к сожалению, можно обозначить и несколько тактических «нет». Нет — потому что вот-вот начнет-

ся рассмотрение нескольких исков в Европейском суде по правам человека, связанных с неудовлетворенностью истцов решением российских судебных инстанций в отношении «катынских дел». Нет — потому что исторический рефрен стал привычным для внутривосточной политической борьбы. Нет — потому что российские радикалы по-прежнему, вопреки фактам, повторяют версию катынских событий, изложенную прокурором Вышинским.

Но, к счастью, это вопросы тактические, их достаточно быстро перемелет время, здравый смысл и политическая воля. Возможно, все эти три элемента сумеют должным образом задействовать в своей работе создаваемые по решению премьеров общие для двух стран мемориальные центры, которые займутся нашей совместной историей.

Владимир Путин в своем выступлении на пресс-конференции сказал, что со времени встречи двух премьеров в Сопоте в прошлом году произошла некая задержка с созданием этих центров, но сейчас работа будет форсирована и конкретные задачи будут поставлены министерствам культуры двух стран.

Заметить перемены

«Современная» часть встречи Владимира Путина и Дональда Туска одновременно и являлась логическим продолжением части «исторической», и контрастировала с ней.

Несмотря на постоянно повторяемую «мантру» о том, что у нас сложные отношения, Россия и Польша за последние три года эти отношения развивали предельно динамично. Тезис об их сложности скорее некий штамп, подтверждающий медлительность общественного сознания и средств массовой информации.

У нас не может быть плохих отношений хотя бы потому, что для Польши Россия является вторым после Германии внешнеторговым партнером. Варшава для Москвы — ведущий экономический партнер в регионе Центральной и Восточной Европы и в целом один из ведущих внешнеэкономических партнеров. Польша занимает девятое место во внешнеэкономическом обороте России. Да, кризисный 2009 год несколько снизил объемы взаимного товарооборота. Но ничего драматического не произошло. Нужно сделать скидку на то, что упали цены на энергоносители, которые и испортили статистику. Равно как улучшение отношений Варшавы и Минска несколько скорректировало схемы поставки польских товаров в Россию. Вместе с тем Россия и Польша сейчас переходят на качественно новый этап экономических отношений, когда будет возрастать роль более комплексных схем внешнеэкономического взаимодействия, основанных на взаимном инвестировании. Последнее является императивом в силу того, что относительно простой, хотя и качественный польский потребительский импорт все больше будет заменяться российской продукцией аналогичных ценовых и качественных ха-

рактеристик. Польские производители это начинают понимать. Не менее важны для польской экономики, которая практически лучше всех в Европе пережила кризис, внешние инвестиции, способные поддержать экономический рост. Избавление от политических фобий открывает российским деньгам дорогу в польскую экономику. Не случайно премьеры значительную часть своей встречи посвятили — а потом рассказали об этом на пресс-конференции — именно вопросам взаимного инвестирования.

Другое важное направление двусторонних отношений — энергетическое сотрудничество. Опять-таки здесь сильно разнятся реальное положение дел и различные спекуляции относительно «русского энергетического шантажа». И с точки зрения закупок российских углеводородов, и в плане сотрудничества в сфере транзита, где, в отличие от той же Украины или Белоруссии, у нас устойчиво работают схемы совместного управления транзитными трубопроводами, Польша — практически образцовая страна в регионе ЦВЕ. Подтверждением этому стало объявленное премьером достижение договоренностей о закупках природного газа на период до 2037 года и по транзиту — до 2045 года.

Новыми направлениями, которые стали обсуждать еще в Гданьске в сентябре 2009 года, а продолжились в Смоленске, стали перспективы объединения электрических сетей для более стабильного обеспечения приграничных регионов и возможностей сотрудничества в сфере атомной энергетики. Другими словами, по линии двусторонних отношений в Балтийском регионе фактически начинается формирование новых очертаний объединенной с Россией энергетической системы.

На этом фоне сообщение Владимира Путина на пресс-конференции о начале строительства морского участка «Северного потока» выглядело еще одним логичным шагом на пути создания объединенного энергетического комплекса Европы и никаких возражений его польского коллеги не вызвало.

Изменим ЕС вместе?

В период после сентябрьской встречи активно велся российско-польский диалог по региональному сотрудничеству и местному приграничному передвижению. Взаимодействие Москвы и Варшавы в этом вопросе оказалось столь плодотворным, что позволило подготовить беспрецедентный документ — Совместное обращение к Европейской комиссии с призывом о совершенствовании действующих внутренних правил ЕС. Буквально за день до смоленской встречи премьеров представители двух стран передали его в Еврокомиссию.

Речь идет о предельно упрощенном порядке поездок жителей Калининградской области на сопредельные польские территории и обратно на глубину до 50 километров. По большому же счету, мы видим, что страна — член ЕС, Польша, фактически

солидаризуется с Россией и предлагает Еврокомиссии внести изменения в незыблемый, казалось бы, шенгенский режим.

Кстати, Польша, а за ней и Литва стали постепенно размывать ригоризм Шенгена именно через такие договоренности со своими соседями — Белоруссией и Украиной. Польша же пытается легализовать еще одно вполне справедливое и достойное подражание в России новшество для своих соотечественников, не имеющих польского гражданства, — «карту поляка». Такая карта дает определенные как визовые, так и внутристрановые льготы тем, кто исторически связан с Польшей и попадает в категорию, аналогичную российским «соотечественникам».

Взаимодействие с Польшей по европейским сюжетам, будь то энергетика, визы, общеполитические вопросы, важно развивать именно сейчас, в преддверии польского председательства в Европейском союзе, которое выпадет на 2011 год.

Москва и Варшава, думается, должны заранее «пробежать» по всей повестке, чтобы не решать вопросы в спешном режиме. Очевидно, что будущее польское председательство будет больше, чем любое другое, сконцентрировано на проблематике постсоветского пространства. Поэтому нам уже сейчас надо думать о том, как можно коадаптировать, приблизить друг к другу такие измерения европейской политики, как партнерство Россия — ЕС и «Восточное партнерство». Тем более что последнее имеет «польские корни».

На самом деле вопросов и задач европейской политики России, которые можно поставить и решить по линии контактов с Польшей, очень много. Если об этом серьезно задуматься, а потом научиться этим пользоваться, то мы логично придем к осознанию того, что в российском активе оказался один из важнейших, динамичных игроков европейской системы.

Главный шаг на этом пути мы сделали — оттолкнулись от прошлого.

Об истоках опережающего развития России

А. И. Подберёзкин*

Что ждет Россию? Глобализация и идеология. Идеологические приоритеты России и мировое развитие. Алгоритм стратегии развития. Выбор элитой идеологии развития. Стратегический прогноз как определяющий элемент выбора будущего российской элитой. Ресурсы как условие реализации идеологии. Вглядываясь в будущее: прогнозы и идеи. Кто формулирует идеи? Университеты — кузница идей. Пирамида власти: право и идеология.

Если бы Россия достигла внутренней стабильности, избежала разорительных этнических конфликтов и гражданских войн, она была бы готова вступить в постиндустриальный век раньше, чем любая другая страна»¹

Д. Белл

Ко второй половине первого десятилетия XXI столетия в значительной части общественного мнения России сложилось убеждение, что нация нуждается в стратегии развития, которую не может заменить «всесильная рука рынка». Именно к 2005–2007 годам относится и возвращение государственного интереса к стратегическому прогнозу и планированию. Это проявилось в шквале появлявшихся различных стратегических концепций — отраслевых, региональных, корпоративных. В это же время стали готовиться и документы общенационального значения — Концепция социально-экономического развития до 2020 года, Стратегия национальной безопасности России до 2020 года (в редакции от 2009 г.), концепции внешней политики, информационной безопасности и т.д., — которые имели

не только декларативное, но и нормативное значение. Наконец, все большее значение стали приобретать послания Президентов России Федеральному Собранию Российской Федерации, где В. В. Путин, а затем Д. А. Медведев декларировали свои оценки и формулировали сигналы общественному мнению.

Проблема, однако, состояла в том, что это множество документов (появление которых я приветствовал и даже пытался инспирировать в своих трудах начиная с 1990 года) так и не сложилось в идеологию как систему общепринятых взглядов, ценностей и принципов. А ведь именно такого рода идеология только и могла породить долгожданную стратегию эффективного развития России. Можно даже сказать, что долгосрочная стратегия в таком случае играет роль прикладной идеологии. Между тем

* **Алексей Иванович Подберёзкин** — доктор исторических наук, проректор МГИМО (У) МИД России по научной работе.

сегодня, как и 20 лет назад, многие политики и ученые больше всего боятся оперировать понятиями «идеология» и «социализм». И происходит это по разным причинам: кто-то из них до сих пор напуган гонениями 1990-х годов; кто-то так и не освободился от влияния неолиберальных догматов; а кто-то пря-

чется под маской «прагматизма», пытаясь угодить и левым, и правым, и центристам. В данной работе я попытаюсь реабилитировать идеологию, доказав, что без нее все экономические, социальные и прочие прикладные стратегии таковыми, по сути дела, не могут быть и не являются.

Что ждет Россию?

«Деидеологизация политики выхолостила ее душу, вместе с этим и интерес к ней больших, масштабных людей»²

А. Владиславлев

«Ученые — это те, кто много знают, умные — это те, кто понимают»

М. Задорнов

Ответ на вопрос о будущем России сегодня, как правило, дается с точки зрения перспектив экономического и технологического (а иногда даже финансового) развития страны. Между тем ответ надо искать в совсем другой области, а именно — в духовной и идеологической. Самоидентификация нации означает, прежде всего, выбор между приоритетами и путями их достижения, а этот выбор может быть только **идеологическим выбором**. Как и в прежней российской истории, современная политическая история страны предполагает вполне **конкретный идеологический выбор**.

Если в XIII веке, как писал Г. В. Вернадский, «латинство было воинствующей религиозной системой, стремившейся подчинить себе и по своему образцу переделать православную веру русского народа»³, так и в XXI веке выбор алгоритма развития общества и государства предполагает в первую очередь идеологический выбор. Без ответа на этот вопрос бессмысленно, даже вредно, принимать любые социально-экономические, политические и пр. концепции развития, которые массово стали предлагаться и приниматься во второй половине первого десятилетия XXI века в России.

Формально такой выбор может быть сделан среди 5 основных идеологий, сложившихся еще в XIX веке: либеральной; консервативной; социалистической (коммунистической); анархической; националистической. Но это — только формально, ибо у этих идеологий есть множество разновидностей. Если взять, например, идеологию анархизма, то ее представляют сегодня и как политическую философию, в основе которой лежит идея о том, что общество «может и должно быть организовано без государственного принуждения. При этом существует множество различных направлений, типов и традиций анархизма. Они часто расходятся между собой во множестве вопросов, от второстепенных и вплоть до основополагающих. В частности, в таких, как взгляды на частную собственность, рыночные отношения, межнациональные проблемы и т.п.»⁴ Разнообразие форм, течений и тенденций существует и внутри социалистической (базовой) идеологии. Сегодня это

три основных течения (разбавленные различными видами): марксизм, реформизм и анархизм.

Аналогичная ситуация наблюдается и в базовой идеологии консерватизма, которая сегодня имеет множество разновидностей. Среди них есть, на мой взгляд, и весьма перспективные. Это, например, идеология социального консерватизма. Только в условиях порядка, по мнению социал-консерваторов, могут быть обеспечены подлинная свобода и подлинный прогресс, который несёт не только рост производства качественных товаров и услуг, но и прогресс в социальной, нравственной, духовной сфере. Это подразумевает улучшение качества жизни людей путём отказа от количественных показателей мнимых благ, путём разумного потребления качественных товаров и услуг, с помощью приверженности к подлинным христианским ценностям, что сделает саму человеческую жизнь более достойной и обеспечит главные основы физического и морального здоровья общества.

Социальный консерватизм не изолирует себя от всего мира, не противостоит революционному развитию, как это делают другие разновидности этой идеологии, а старается способствовать укреплению православных христианских ценностей, демократических принципов на глобальной политической сцене, содействовать прогрессивному развитию всех стран. По мнению социал-консерваторов, несоблюдение перечисленных выше задач, например, Россией, способствовало бы превращению её в сырьевую колонию⁵.

В то же время идеологическая идентификация России — задача сложная, которая многократно усложняется, по крайней мере, двумя другими обстоятельствами, а именно:

- во-первых, сложившейся в российском обществе устойчивой привычкой к **конформизму**, откровенному приспособленчеству элиты к любой власти;
- во-вторых, откровенному **антиидеологизму**, прагматизму, который стал сначала «идеологией КПСС», провозгласившей устами своего главного идеолога А. Н. Яковлева «деидеологизацию идеологии», а затем стал «идеологией прагматизма» В. В. Путина.

Следует подчеркнуть, что понимаемый таким образом антиидеологизм подразумевает, прежде всего, всяческий отказ от какой-либо устойчивой идеологической идентификации с теми или иными сложившимися частями идейно-политического спектра страны. Чаще всего подобный антиидеологизм используется для достижения сугубо прагматических целей — привлечения дополнительных политических ресурсов, включения в ряды своих сторонников как можно больше числа людей с самыми разными политическими взглядами и, в конечном счёте, получения максимально возможного процента голосов избирателей на выборах. В 90-е годы XX века подобный идеологический прагматизм стал модным для постсоветской элиты, которая его открыто пропагандировала. «Отсутствие идеологий было своего рода страховкой» на случай, если бы на выборах победили представители какой-нибудь одной из идеологий — либеральной либо коммунистической.

В XXI веке, в годы президентства В. В. Путина и Д. А. Медведева, прагматизм стал способом консолидации нации и элиты, включения в процесс укрепления государства либералов, консерваторов, социал-демократов и коммунистов, но, прежде всего, чиновников и силовиков как главного социального слоя — носителя «антиидеологии». Соответственно, практически все политические партии, даже те из них, которые назывались «идеологическими» (КПРФ, «Выбор России», НДР и т.д.), испытали на себе отчетливое влияние прагматизма и антиидеологии. Так, в 1995 году выборы КПРФ в Государственную Думу проходили под вполне прагматическими лозунгами, а в головную часть федерального списка были включены не члены партии (5 из 12). То же самое было характерно и для списка НДР. Более того, сегодня лидер «Единой России» В. В. Путин и Президент Д. А. Медведев не являются членами партии.

Отсутствие национальной идентификации и превалирующей идеологии ведет не только к хаосу в управлении (известно, что идеология — лучший из элементов общественного управления), но и к хаосу в в головах российских граждан. Подчеркну, что я отнюдь не являюсь сторонником закрепления какой-либо идеологии в качестве государственной формально, а тем более законодательно, как это было при КПСС. Речь идет о том, чтобы создать (принять, предложить) в обществе общие идеологические рамки, ценности, принципы, как это очевидно есть в США, Китае, Великобритании, Франции. До тех пор, пока этого не будет и у нас, в России, хаос в управлении, хаос в головах, хаос в разработке стратегий, концепций развития, антикризисных планов любых правительственных и общественных концептуальных разработках будет сохраняться и проявляться в той или иной степени. Но, главное, сохранится пессимизм, неверие в благополучное будущее российского общества. Приведу только два типичных примера этого, взятые из интернета.

«Философ»: «Куда мы катимся, что происходит с миром? Уже 100 лет только война сплошная. Россия так и не вылезает из военного положения, после войны и революции начала XX века. Ближний Восток, ну, тут ладно — у них натура такая. А вот Европа и Штаты — так те с ума сошли. Воюют все время, да воюют. Нет, не стреляют, но воюют. То экономические блокады, то миграция, то просто военные действия. И все затем, чтобы получить доступ к нефти или ценным камушкам, или еще чего-то, что мне лично не понятно. А стоит ли это все слез твоей мамы? У меня такое чувство, что я не отсюда. Как будто, когда моя душа выбирала, куда попасть, выбрала не тот туннель. Как можно быть настолько глупыми, чтобы уничтожать себе подобных?»

«Инженер»: «Законы рынка неумолимы. Невыгодно делать хорошие вещи высокого качества. Давай, гони одноразовый ширпотреб. И дальше все реже и реже мы будем видеть в продаже качественные вещи (современные, серийно выпускаемые). Времена изменились, и к управлению фирмами, вместо инженеров пришли менеджеры по продажам. Престиж фирмы стал определяться не качеством выпускаемой продукции, а объемами продаж и прибылями, предоставляемыми в ежегодных отчетах акционерам. Что печально, подобную тенденцию можно проследить и в оставшихся сегментах рынка, в частности, на рынке программного обеспечения. Вот сижу себе за компом и думаю: „А куда наш мир катится???“»

Это неприятные и откровенные выдержки из чатовых диалогов, на мой взгляд, наглядно иллюстрируют примерный фон обыденного уровня дискуссии на поднятую мною тему, т.е. уровня бытовой философии и идеологии. Ведь компьютерные диалоги (чаты) — лакмусовая бумажка «продвинутого» общественного сознания. И для того, чтобы в нем сложился консолидированный ответ на вопрос о том, какое будущее ждет Россию, должен быть создан ее **будущий образ**. Когда строится здание, то существует его проект. Как минимум, в голове строителя, но лучше — формализованный «на бумаге», со всеми согласованиями и печатями. В противном случае можно ожидать (даже неизбежно это случится), что результат не совпадет с замыслом.

Для государства и общества тем более важно иметь такую модель, которая, конечно же, многократно сложнее, чем любое архитектурное решение. Для формирования будущего образа государства, нации, общества, экономики необходимо учитывать множество факторов:

- **внешних** (соотношение сил в мире, политика субъектов международных отношений, мировая конъюнктура рынков, качество мировой политики, темпы развития экономик, а главное, совпадение и противоречивость **интересов** России и других стран);
- **внутренних** (экономических, политических, социальных, культурных).

Среди внешних факторов в последние десятилетия мы видим значительное число неблагоприятных для России, требующих, прежде всего, **идеологических объяснений**. Академик А. В. Торкунов справедливо отмечал в этой связи: «...В политическом (я бы сказал, все-таки, идеологическом. — А. П.) плане мы ещё не все объяснили сами себе, а тем более окружающему миру... Действительно, в силу несостоявшейся победы либерализма «конец истории» не наступил, а теория «столкновения цивилизаций мрачна и операционно малопригодна»⁶.

Основные изменения, которые произошли в связи с нарастающей глобализацией после 1980-х годов, в принципе, известны всем. Как, впрочем, и их последствия. Их великое множество: в политике, экономике, международных отношениях и др. Оценки тех или иных политиков и ученых иногда во многом схожи, иногда противоречивы и полярны. Но все же в 2010 году мы можем говорить о некоем экспертном консенсусе относительно последствий глобализации. К наиболее взвешенным (но, все-таки, излишне оптимистичным, на мой взгляд) можно отнести оценки российских экономистов последних лет. Например, по оценкам экспертов Высшей школы экономики⁷, важнейшие изменения глобального масштаба, произошедшие в **мировой экономике** с конца 1980-х гг., можно обобщенно свести в четыре группы:

- **во-первых**, после падения СССР произошла фактическая ликвидация мировой экономической системы социализма и централизованно-административного хозяйственного порядка, противостоящего рыночному порядку. Это открыло возможность для рыночной трансформации бывших социалистических стран Европы. Добавлю, что эти же изменения породили и эйфорию относительно либеральной экономики, её «универсальности», что отчетливо проявилось в период кризиса 2008–2010 годов. В частности, как оказалось, очевидно недооценивалась роль государства, а также необходимость совершенствования международных финансовых институтов, как, впрочем, и всей финансовой системы в мире;
- **во-вторых**, ускоренными темпами нарастала глобализация мировой экономики. Этот процесс приобретал новое качество благодаря расширению инновационной составляющей глобализации, а также развитию региональной интеграции. Создавая новые возможности, глобализационные и интеграционные процессы порождают и проблемы, приобретающие временами острую (кризисную) форму. В любом случае общее мнение о росте взаимозависимости, невозможности изоляционизма, доминирует. Это, в частности, подметил С. Караганов. «Рывок последних лет был легче, чем предстоящий путь, отмечал этот исследователь. — Мы стартовали

из развала конца 1990-х, когда и государства-то почти не было. Чтобы принимать верные решения, сегодня необходимо, как никогда, хорошо знать и понимать внешний мир, от которого Россия будет все больше зависеть»⁸.

Вместе с тем — мировой кризис это ясно показал — глобализация отнюдь не стала абсолютным процессом. Как только государства столкнулись с реальными финансово-экономическими проблемами, масштабно и быстро этими государствами (прежде всего в странах — лидерах глобализации — США, Франции, Германии) были предприняты меры откровенно протекционистского характера, которые в целом продемонстрировали эффективность государственных институтов. Миф об «отмирании» государства стал очевидным уже в самые первые месяцы кризиса;

- **в-третьих**, мировой экономический рост в целом ускоряется. Об этом говорят и долгосрочные прогнозы. Однако сохраняется (и даже усиливается) его неравномерность, в том числе и различие качества роста, отмечается региональная дифференциация. Доля «старых» развитых стран в мировом производстве устойчиво сокращается, появляются новые лидеры в Азии и Восточной Европе. При этом усугубляется социально-экономическая деградация большого числа отсталых государств, прежде всего в Африке.

Согласно оценкам экспертов Института мировой экономики и международных отношений РАН, «примерно 60% увеличения мирового ВВП в ближайшие 15 лет будет произведено в развивающихся странах. В том числе 1/3 его — в КНР». Среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2006–2020 годы составят 4,2–4,4% по сравнению с 4% в 2001–2005 годах⁹. В 2010 году впервые четыре страны — Китай, Индия, Россия и Бразилия — добавят к своему валовому национальному продукту больше, чем все страны «великолепной семерки» — самые могучие страны Запада. И к 2025 году валовой продукт БРИК будет в два раза большим, чем у стран «семерки». Это будет означать, что изменился весь ход мировой истории. Шесть столетий человечество жило в мире, где господствовал Запад, но в настоящее время оно вступает в мир, в котором будет господствовать Восточная Азия¹⁰.

Напомню, что среднегодовые темпы развития до 2025 г. для России пока оцениваются в 6%. Очевидно, что при таких темпах роста российского ВВП догонять развитые страны придется не одно десятилетие. Вопрос заключается в том, есть ли у нас это время? Мировой кризис и здесь внес коррективы в оценки последствий глобализации. В частности, он продемонстрировал, что крупнейшие развивающиеся экономики — Китая, Индии, Бразилии, ряда других государств — **почти не пострадали** от кризиса, а экономики развитых стран в целом обошлись минимальными потерями и стагнацией, тогда как

экономики России, Украины и ряда других государств продемонстрировали самые высокие темпы падения производства в 2008–2010 годы.

Это произошло, на мой взгляд, по многим причинам, но прежде всего потому, что и у Китая, и у Индии были адекватные концепции и ресурсы развития, т.е. адекватный экономический алгоритм развития. В развитых странах кризис продемонстрировал пределы развития существующих моделей (а не их идеальность, как утверждали до этого на Западе), а в России и на Украине — отсутствие адекватных моделей развития, слабые и малоэффективные антикризисные стратегии. Это, в конечном счете, объясняется отсутствием внятной идеологии и механизмов ее реализации;

— **в-четвертых**, в полной мере проявился тот факт, что социально-экономические модели, разработанные промышленно развитыми странами в XX в., **не соответствуют в условиях глобализирующегося мира** и новому постиндустриальному этапу. Расхождения были заметны уже в конце XX века, но попытки приспособить их к реалиям — неоконсервативные, нелиберальные, неосоциалистические — дали временный эффект. Это привело к началу реформирования этих моделей, прежде всего, их политико-экономических и социальных элементов. Эту особенность отчетливо выделил В. В. Путин, выступая в феврале 2007 года на конференции в Мюнхене: «Известно, что проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога»¹¹.

Действительно, можно согласиться с этими основными выводами экономистов, но при условии учета **еще нескольких важных** научно-технических, социальных, военно-политических и иных тенденций. Главное же, что за скобками таких оценок, как правило, остается **идеологическая** сторона глобализации и, как следствие, ее **политические последствия**. А они, на наш взгляд, являются, как минимум, не менее важными, чем финансовые, экономические и другие. Несомненно, прав А. В. Торкунов, считающий, что «первое десятилетие XXI века — время наиболее крупных мировоззренческих сдвигов не плане с момента разрушения биполярности и распада Советского Союза».

Во-первых, непредвиденным образом некоторые ведущие страны мира стали заметно чаще и откровенней прибегать к силе и угрозе ее применения (пример — Ирак), хотя еще десять лет назад казалось, что с уходом противостояния коммунизма и либерализма в международных отношениях наступит хотя бы относительное всеобщее замирение.

Во-вторых, в мире появились новые по своим масштабам и глубине угрозы, главными из которых

являются неконтролируемый процесс распространения ядерного оружия и ОМУ в целом, а также международный терроризм.

В-третьих, в международные отношения вернулась идеологизация, которая, вопреки романтическим ожиданиям конца 1980-х и начала 1990-х годов, по-видимому, из них никогда не исчезала. Вместо противоборства коммунистической идеи и либерализма в мире угрожающе обострилось противостояние традиций и ценностей более фундаментального характера: между западным образом жизни и культурно-религиозным укладом мира, в частности, исламского»¹².

Приведу простой пример. К 1987 году Государственным комитетом по науке и технике СССР были разработаны научно-технические программы, имевшие приоритетное значение для развития экономики и общества. Они касались ресурсосберегающего и энергосберегающего машиностроения, нанотехнологий, материаловедения, информационных технологий (включая искусственный интеллект, высокоскоростную передачу данных, оптико-волоконную технику и т.д.) и др.¹³ Однако политико-идеологические события, которые последовали затем, привели к тому, что об этих программах «забыли». Вернулись к некоторым из них только в 2006–2007 годах, т.е. **через 20 лет**. Надо ли говорить, что за это время другие страны ушли далеко вперед?

Собственно, в них и кроются те практические противоречия, которые очевидны, например, во внешней политике России по отношению к целому ряду крупнейших проблем — от проблемы вступления в ВТО до взаимоотношений с США и странами Западной Европы. «Прагматизм» российской внешней политики первого десятилетия XXI века уже малоэффективен. Нужны **принципы и ценности**, которые свойственны политической стратегии и являются атрибутами идеологии. А этого-то пока явно не хватает, хотя, повторюсь, в 2006–2007 годы и обозначилось формирование этой тенденции.

Это хорошо видно во внешней политике, где Россия так и не смогла себя пока до конца **идеологически** позиционировать. Хотя этого очевидно ждут и в Западной Европе, и в Китае, и в США. Отсутствие подобного ясного позиционирования ведет к подозрениям в непредсказуемости внешней политики России, что хуже, чем самая плохая политика. Опыт и история показывают, что политические лидеры могут смириться с самой, казалось бы, неприемлемой идеологией и политикой, но непредсказуемость, неясность для них оказывается хуже, чем реальность. Такую предсказуемость может дать только внешняя политика, основанная на базовых ценностях и национальных интересах, публично декларируемых и реализуемых во внешнеполитической стратегии страны, т.е. на идеологии.

«Прагматизм» оказывается, таким образом, не таким уж и прагматичным во внешней политике,

если он сам по себе не является идеологической категорией. Все это говорится для того, чтобы поставить вопрос о необходимости идеологии и, как следствие, — внешнеполитической стратегии России, опирающейся на собственную систему идеологических взглядов, ценностей и принципов, даже если они и не разделяются другими странами. Скорее всего, подобная идеологическая система и не будет пониматься и приниматься другими странами, так как у западных государств существует свой набор ценностей, у Индии, Китая, Ирана, Ирака и других государств — тоже свои собственные. Поэтому крайне важно сформулировать стратегический внешнеполитический курс, соответствующий национальным интересам России, и последовательно реализовывать его на практике.

Иными словами, глобальные тенденции мирового развития ведут к идеологии, а не к прагматизму внешнеполитического и внутривнутриполитического курсов государства. Соответственно, чем быстрее это будет осознано и чем лучше подведен идеологический фундамент под национальные стратегии, тем органичнее и эффективнее государство будет участвовать в процессах глобализации. Опыт Китая и Индии — лучшие примеры такой политики. Он позволяет вместе с тем предположить, что и та Россия, какой мы хотели бы ее увидеть в 2020–2030 годы, ее образ зависит, прежде всего:

- от конечной цели, которую мы себе поставим;
- от того проекта, который в этой связи составим;
- от тех приоритетных ценностей, которыми будем руководствоваться в этой созидательной деятельности.

Речь идет, таким образом, о системе идеологических взглядов на приоритеты, цели и способы развития Российской Федерации. Отрицая в принципе вопрос о государственной идеологии, правящая элита России вынуждена так или иначе ее формулировать в документах стратегического характера. Так, в утвержденной Президентом 12 мая 2009 года «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» признается: «Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, ... уважения семейных традиций, патриотизма»¹⁴.

Вместе с тем представляется весьма странным, что стратегия как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики» не признается следствием более широкой системы идеологических взглядов. Ее можно было бы назвать политической философией, все той же идеологией и/или национальной доктриной. Стратегия государства всегда должна проистекать из национальной стратегии, а последняя, в свою очередь, основываться на национальной системе ценностей и приоритетов.

От того, какую политико-идеологическую цель мы сформулируем, какой образ будущего государства мы выработаем, в решающей степени зависит, какие методы и средства его достижения мы выберем, какие ресурсы затратим, какой конечный результат мы получим. Так, если в 30-е годы XX века советское руководство полагало неизбежной войну с гитлеровской Германией и ее союзниками, то практически все ресурсы государства (более 60% ВВП) были брошены на подготовку страны к войне. Страна фактически превратилась в единый военный лагерь, где ресурсы были милитаризованы, а общество руководилось авторитарными решениями. И Великая Победа в войне была достигнута за счет предельной мобилизации всех экономических, демографических и идеологических ресурсов страны.

При формулировании будущего образа Российской Федерации очень важно определить способы достижения поставленной цели. Как показывает опыт, элита может существенно расходиться во мнении о способе решения тех или иных проблем, методах достижения сформулированных целей. Так, государство, где поставлена цель достижения «всеобщего благоденствия», может выбрать разные, даже прямо противоположные способы решения этой задачи, опираться на разные идеологии. Некоторые отечественные политики свято верят, что этой цели можно достигнуть либеральными методами, другие отдают предпочтение консервативным, а кто-то — социалистическим. В любом случае, как представляется, необходимо четко артикулировать как цель (образ будущего), так и средства ее реализации, т.е. идеологию.

Я, например, полагаю, что главной целью развития государства и общества должно быть создание максимально благоприятных условий для реализации потенциала человеческой личности, т.е. государство может считаться эффективным постольку, поскольку оно может стать такого рода инструментом. С другой стороны, максимально полная реализация потенциала личности неизбежно будет вести к появлению невиданного прежде по своей эффективности государства. Оно сможет обладать мощной экономикой, достаточным для защиты своего суверенитета военным потенциалом, будет контролироваться современным гражданским обществом. Ставка и в управлении, и в экономике, и общественно-политической жизни будет делаться на развитие всех компонентов, составляющих потенциал человеческой личности, — демографического, образовательного, творческого, социально-экономического. А это означает, что власть, т.е. возможность распоряжаться общественными ресурсами, должна принадлежать представителям того социального слоя граждан, которые прямо заинтересованы в этом, творческому, или, иначе, креативному классу.

Глобализация и идеология

«... основой глобального терроризма является современная форма идеомании, спровоцированная западной цивилизацией потребления ...»¹⁵

«... главная задача государства в условиях глобализации — производство человеческого капитала в нужном количестве и современном качестве»¹⁶

Идеология является не только самым эффективным инструментом государственного управления. Она — самое мощное оружие, самый сильный государственный инструмент влияния. И не только государственного, а и общественного, а также религиозного воздействия на людей. И оно нередко оказывается значительно сильнее, чем военная сила, финансовая или экономическая мощь, дипломатия. Отказываясь от идеологии, общество и государство **отказываются от самых сильных инструментов влияния**. Вспомним СССР, который был мировым лидером, прежде всего, лидером идеологическим. Сегодня такого рода лидеры — это Китай, Япония, США — страны, в которых идеология остается в центре внимания правящей элиты. Особенно в эпоху глобализации.

К началу 2007 года в России сложились условия для превращения формировавшихся при В. В. Путине идей развития государства и общества в новую идеологию, т. е. систему взглядов, которую условно можно назвать «социально-консервативной» идеологией. Эта внешне мировоззренческая, даже теоретическая задача имеет огромное значение для современной России. Наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится **абсолютно невозможным без решения идеологических задач**, то есть без ясного определения приоритетов и целей развития, методов их достижения, национальной самоидентификации в глобальном мире. В свою очередь, эти задачи могут быть решены только в рамках доминирующей в обществе идеологии. В данном случае, на мой взгляд, идеологии социального консерватизма.

Как справедливо отмечал академик А. В. Торкунов, «стабилизация экономической и социально-политической ситуации позволяет по-новому формулировать задачи общественных наук в России. Период освоения и популяризации западного знания — время «догоняющего интеллектуального развития в российских общественных науках» — закончился. Приоритетом современного этапа общественных наук должно быть производство теоретических обобщений на базе анализа реального опыта российской жизни после 1991 года в контексте глобальных тенденций мирового развития»¹⁷.

«Изучение всемирной истории в нашей стране пора выводить за рамки парадигм Тойнби и Броделя — при всем уважении к их интеллектуальному вкладу, — пишет он далее. — Имеющиеся версии всемирной истории были написаны как истории преимущественно западных частей мира и тако-

выми остались. В то же время работы по истории Востока, в том числе вышедшие в России, при всей их важности, по сути, написаны „вне мирового контекста“. Образно говоря, остаются ненаписанными „незападные части“ свода всемирной истории как истории подлинно глобальной. Затянувшийся „пат“ ветвей исторического знания является препятствием для развития истории России, а значит — для понимания ее своеобразия. Очень важно понять это своеобразие нам самим и объяснить его внешнему миру. Необходим новый методологический аппарат, который, возможно, поможет и историкам из бывших советских республик создать более достоверные, методологически и фактологически выверенные версии реконструкции их истории. Философские науки остаются важнейшим средством упорядочения знания о действительности — российской и международной. Если принять за данность тезис о том, что ключевой идеей XIX века была идея свободы, а XX века — идея власти, то какой окажется ключевая идея века нынешнего?»¹⁸.

Действительно, именно «ключевой идеи» не хватало и сегодня еще не хватает для формирования общенациональной идеологии в России, идеологии, которая бы объединяла все многочисленные федеральные, отраслевые и региональные концепции развития, появившиеся в огромном количестве в 2006–2010 годах. Между тем такая идея есть. Более того, она очевидна. Это **идея опережающего развития человеческого потенциала**. Напомню в этой связи, что на каждом этапе развития человеческого общества и экономики всегда находилось «ключевое звено», фактор, определяющий темпы развития экономики и общества. Для первой половины XX века это было промышленное развитие, начиная с 60-х годов — информационные технологии и связь, а с начала XXI века — качество человеческого потенциала.

Соответственно, наиболее успешными идеологиями были те, которые не просто учитывали, но были прямо нацелены на максимально эффективное использование этого фактора в экономической и общественной жизни. Если для периода индустриализации в XX веке главную роль в качестве такого фактора играли темпы промышленного развития, а главным классом был пролетариат, то для периода информационного развития — информационные технологии и технологии связи. Сегодня, в период возрастающего значения фактора человеческого потенциала, это будут науки и технологии, связанные с человеком, а в общественном развитии таким классом станут креативные группы. Поэтому на современном этапе

развития общества и экономики на первый план должна выходить идеология, в центре внимания которой будет находиться человек, его творческие, интеллектуальные и иные возможности и потребности.

Особо хотел бы оговорить одну важнейшую особенность современной идеологии вообще и социально консерватизма в особенности — её **исключительно прикладной, даже прагматический характер**. К сожалению, провозглашенные Б. Грызловым принципы социального консерватизма — консерватизм, прагматизм, центризм, наднациональность и т.д., — хороши именно как принципы, но не как прикладная идеология. Последняя выполняет две важнейшие функции: обеспечение лидерства государства и общества, реализуемое в лидерстве идеологическом, и реализация эффективного государственного и общественного управления. А вот этого-то у «Единой России» и нет. Как нет и понимания главного условия развития современной экономики, общества и государства — опережающего развития потенциала человеческой личности.

Характеристику идеологии «Единой России» вполне точно описал А. Казаков: «К идеологическому самоопределению партия шла долго и непросто. Уже на второй съезд, на котором был принят программный манифест «Путь к национальному успеху», «Единая Россия» вышла с серьёзной, хотя и неожиданной идеологической заявкой. По существу, партия экспроприировала весь нерадикальный идеологический спектр и, тем самым, сделала заявку на монопольное право формировать и формулировать общенациональную, а не только партийную идеологию. В этом своём предприятии партия опиралась на политическую философию Владимира Путина — ту самую, с которой он пришёл к власти в последний день прошлого тысячелетия. В основе политической философии Путина лежат такие ценности, как государственничество, державность, свобода, солидарность, справедливость. Эти ценности объединены в едином поле патриотического мирозерцания. Таким образом, «Единая Россия» была призвана выполнить сверхсложную задачу — объединение общества вокруг фундаментальных ценностей, поскольку «невозможно удерживать административно то, что должно удерживаться образом будущего, идеалами, ценностями, верой»¹⁹.

Как видим, того, что нужно России, в социально-консервативной идеологии правящей партии нет. Общие правильные принципы и понятия остаются таковыми без их переноса в общество, управление им и отношения внутри государства. Складывается очевидный разрыв между декларируемыми принципами и идеологической практикой. Идеология «не работает», хотя она и может быть одним из самых эффективных инструментов управления. Естественно, этого не могут не видеть не только оппозиционные критики власти, но и вполне беспристрастные зарубежные наблюдатели.

При этом следует выделить несколько особенностей формирования социально-консервативной идеологии в последнее время. Из них главными являются:

— **во-первых**, идеология социального консерватизма — это российская, специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей, **форма идеологии социального консерватизма**. Она становится ведущей и в развитых странах, стремительно вытесняя как неолиберализм или неоконсерватизм, так и «чистый» социализм. Похоже, что в начале XXI века именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. По мере развития глобализации, особенно в условиях кризиса 2008–2010 годов, отчетливо обозначились тенденции возвращения государства в экономику и общественную жизнь, сохранение национальной системы ценностей, но, главное, развитие человеческого потенциала с учетом национальной специфики. Объективно эти тенденции совпадают с этапом культурно-духовного развития человечества, что, естественно, взаимно усиливает обе тенденции;

— **во-вторых**, основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложились за годы В. В. Путина. Думается, что будущие годы станут периодом ее формализации, а может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину. Попытки сделать это у «Единой России» уже наблюдаются. Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы этой идеологии **уже существуют**, но пока что в полной мере не осознаны и не сформулированы. Поэтому неверно расхожее утверждение о том, что у В. В. Путина и Д. А. Медведева нет идеологии и долгосрочной стратегии. Все последние послания президентов Федеральному Собранию, а главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития страны. Такой фундамент не может не быть идеологическим. Даже если В. В. Путин как «главный идеолог» это и отрицает.

Другое дело, что до сих пор такая идеологическая работа ведется бессистемно, рефлексивно, опираясь на «сигналы, посылаемые элите». Кризис 2008–2010 годов показал, что отсутствие такой идеологической системы и рефлекторность поведения правящих кругов ведут к неэффективности принимаемых управленческих решений. **Идеология не участвует в управлении**, т.е. элита не использует самый эффективный механизм управления. Более того, уже сформировавшиеся элементы идеологии нередко превращаются в политическую риторику, которая очень далека от реальной политики.

На современном этапе сложился прагматический взгляд на идеологию, заключенный в следующей формуле: чем прогрессивней исторический субъект, тем больше его идеология включает **положительных знаний**; чем он реакционнее, тем **иллюзорнее его идеология**. Прогрессивные силы общества всегда направлены в будущее, поэтому их идеология мобилизует на прогрессивную трансформацию общества. При этом отнюдь не отрицается, а предполагается сохранение традиций. Отрицательно влияет на людей идеология социального субъекта, который утратил или исчерпал свою историческую перспективу. Например, интересы носителей идей либерализма или коммунизма начинают противоречить общим интересам общества. Поэтому такие субъекты начинают средствами идеологии скрывать свою бесперспективность, вынуждены искаженно отображать социальную действительность, которая приводит к массовому созданию мифов — будь то коммунистические или либеральные — в их представлениях хода истории в XX веке. Это очень хорошо видно на примере истории России 2000–2010 годов, когда потерявшие эвристичность идеологии пытались искусственно реанимировать старые и создавать новые собственные мифы;

— **в-третьих**, в основной социально-консервативной идеологии, её стержнем является главная идея развития человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую роль цели и, одновременно, средства развития. Эта ключевая идея повторно стала общепринятой в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться и в сознании правящего класса России в 2005–2010 годы. Мы можем признать, что в этот период произошло переосмысление правящей элитой приоритетов развития. Может быть, этот процесс в 2010 году еще не завершился, но совершенно ясна общая тенденция, направленность движения. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал оказались в центре внимания элиты, действий власти, а не стали следствием какой-то иной стратегии.

Парадоксально, но факт: в социальном консерватизме «Единой России», в практических действиях власти эта особенность современного этапа развития **практически игнорируется**. Можно назвать многочисленные инициативы Д. А. Медведева и В. В. Путина, так и не превратившиеся в жизнь и не ставшие поэтому элементами общенациональной идеологии и стратегии. Кроме того, социальные стороны жизнедеятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становятся ведущими областями, определяющими темпы не только социального, но и экономического развития. Этот процесс пока что находится в стадии постепенного перехода от политических деклараций к конкретным действиям, которые предпринимаются бессистемно и недопустимо медленно. Деятельность В. В. Путина

и Д. А. Медведева по реализации национальных проектов — пример того, как в 2005–2010 годы власть настойчиво, иногда не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

Очень схожая ситуация наблюдалась и во внешней политике России, где подчеркнутый прагматизм, отрицание идеологии сопровождалось процессом переосмысления старых схем мироустройства и национальных интересов России, т. е. наблюдался очевидный поиск самоидентификации России во внешнем мире. Как справедливо заметил академик А. В. Торкунов, «осмысление современного международного контекста заставляет нас отказаться от статичных схем биполярности, многополярности с заведомо известными полюсами и схемами центросиловых отношений. Более адекватными представляются утверждения о «плавающей», «меняющейся» геометрии современной мироструктуры. Изначально термин «variable geometry» был применен для характеристики европейских процессов первой половины 1990-х годов, когда стало ясно, что на пути к полноценному Европейскому союзу внутри самого ЕС возникают различные скорости движения, различные специализированные полюса влияния — экономический, финансовый, военно-политический, а также различные конstellляции этих полюсов»²⁰.

Отнюдь не случайно стали обретать большое значение разного рода обострения в 2007–2010 г. в области «исторической политики», т. е. критики со стороны ряда западных стран и российских политологов исторического прошлого Российской империи, СССР, современной России. Историю попытались не просто переписывать и переосмысливать, но и, главное, навязать российскому народу и его элите новую трактовку многих исторических событий. Такие попытки обрели столь перманентный и масштабный характер, что возникла необходимость противодействия им, в связи с чем в мае 2009 года была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, которой пришлось фактически не только начинать с нуля этап идеологического осмысления истории, но и столкнуться с откровенно организованной идеологической кампанией по ее фальсификации.

Эти и другие положения социального консерватизма — суть новой идеологемы, которая сформировалась в последние годы в условиях глобализации в развитых странах и в России, т. е. это вполне объективная тенденция, которая сдерживалась в нашей стране в силу известных факторов. Можно сказать и проще: плутая последние десятилетия по «временному бездорожью», Россия постепенно начала выходить на твердую почву — магистральный путь развития. Проблема заключалась только в том, чтобы, во-первых, как можно быстрее по нему двигаться, а во-вторых, чтобы очередные идеологические шаманы не столкнулись с этого пути российское общество.

Глобализация и идеология — два тесно взаимосвязанных процесса, что обнаруживается (либо её не хотят замечать) далеко не всегда. Позитивные аспекты глобализации в России оставались без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во многом объясняется именно **новыми идеологическими установками**, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В. Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже сам определяет его. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»²¹. Идет, уже на технологической основе, мирная мировая экспансия КНР.

Именно синтез позитива глобализации и национальных традиций, как показывает опыт Китая и Индии дает лучший политический и экономический эффект. Но для этого такой синтез должен стать частью новой национальной идеологии. В настоящей работе собственно глобальным процессам уделяется мало внимания. Во-первых, они описаны достаточно обстоятельно, в том числе и российскими авторами²², а во-вторых, меня интересует, прежде всего, отдельный, а именно идеологический аспект глобализации. Причем применительно именно к России, для которой **идеологический аспект глобализации** стал особенно актуальным в последнее десятилетие, в период президентства В. В. Путина и Д. А. Медведева.

Эта актуальность имеет вполне конкретное международно-политическое значение, что мы нередко обнаруживаем в явно недружественных жестах применительно к России. Факт, как говорится, «на лицо»: именно в последние 5–7 лет мы видим, что по отношению к России складывается — настойчиво, систематически и даже агрессивно, — недружественная политика, целью которой является насильно «встроить» Россию в чужую систему ценностей, отражающую иные, но вполне прагматические, национальные интересы. Основная аргументация при этом сводится к тезису о том, что глобализация вырабатывает некие «универсальные» мировоззренческие, политические и идеологические стандарты.

Впрочем, ничего особенно нового в этом нет. В 50-е годы XX века, например, США, провозгласив «доктрину Эйзенхауэра», а затем в 1970-е, декларировав «доктрину Никсона», также пытались насильно внедрить в мире свои «универсальные» идеологические ценности. Сейчас уже нет господствовавшего в СССР коммунизма, однако стратегия США не изменилась: **самой эффективной считается победа**, когда другая нация воспринимает американскую систему ценностей, американские нормы и правила поведения. В отличие от военной, такая победа может считаться абсолютной.

Объективные глобальные процессы и проблемы нередко сводятся к идеологическим, мировоззренческим, причем не абстрактным, а вполне определенно отражающим ценности и национальные интересы ведущих стран мира. Весь их «универсализм» сводится, в конечном счете, к навязыванию «наиболее передовых» (но чужих) идеологических моделей и ценностей, которые отнюдь не случайно оказываются удивительно соответствующими чужим национальным интересам. В этом смысле можно согласиться с утверждением А. А. Кокошина, считающего, что «в наиболее общем виде глобализацию можно различать как процесс и как идеологию, последняя часто носит весьма агрессивный характер...»²³. Это, собственно, мы отчетливо наблюдаем в последние десятилетия. Агрессивной идеологии оказывается иногда вполне достаточно, чтобы не только подменять чужие национальные интересы собственными, но и менять правительства и даже общественный строй суверенных государств. Эта «мягкая сила» (soft power), однако, вполне легально поддерживается всей экономической и военной мощью, когда ее оказывается уже недостаточно. Так было, например, в Югославии, Грузии, на Украине и в других странах.

Глобализация «как идеология», имеющая часто «агрессивный характер», неизбежно должна была вызывать ответную реакцию. И не только России. Многие национальные государства поставлены перед выбором — либо оказаться втянутыми в орбиту этой агрессивной идеологии, отказавшись, в конечном счете, от суверенитета, либо противопоставить ей свою, иногда не менее агрессивную. Этот феномен можно наблюдать на многочисленных примерах. Нередко на практике он выражается в радикализме противопоставления одной идеологии другой, посредством исламского радикализма либо крайнего национализма, проявляющихся и в развитых странах, где не любят признавать наличие таких проблем.

Исключением в этом ряду противопоставлений не стала и Россия. В ней свойственные глобализации объективные экономические и социальные процессы накрепко связаны с деятельностью доморощенных российских либералов. Речь в данном случае может идти и о других идеологических течениях, которые, напротив, декларативно противопоставляют себя глобализации как идеологии. Обе эти крайности, по сути своей, являются идеологическими концепциями, имеющими мало общего с реальными тенденциями глобализации и решением задач общественного развития.

В этом смысле борьба идеологий — это не только противоборство идей, политических философий. Это сегодня даже не только политическая борьба, а и борьба экономик, борьба национальных укладов, суверенитетов, национальных стратегий, даже прогнозов и планов социально-экономического развития, которые не только вполне укладываются в идеологические рамки, но и являются прямо производными

от них. Таким образом, в основе всего этого лежит идеология как **система взаимосвязанных идей и концепций**, которая, в свою очередь, служит фундаментом, базой для конкретной политики и конкретной экономики, в том числе политики экономической, финансовой, социальной и, конечно же, военной. Политика в таком случае является искусством практической реализации идеологических целей и приоритетов в любой области.

Так, неэффективная приватизация в России может быть понята только в том случае, если признать, что ее целью было не повышение экономической эффективности или улучшение структуры экономики (как формально декларировалось), а решение сугубо идеологической задачи — смены собственника. Любым путем. Даже через огромные экономические и социальные потери. А «политика приватизации» была искусством быстрой организации перераспределения собственности. Ни получения денег в бюджет, ни повышения эффективности, ни решения социально-экономических задач не требовалось. Только, повторю, смена собственника. Поэтому не стоит сегодня удивляться, что эта идеологическая задача была решена такими грубыми политическими средствами и с такой низкой экономической эффективностью. По-своему, в идеологическом отношении, эти действия оказались даже очень эффективными, что, кстати, признавалось самими реформаторами в частных беседах.

В этом и заключается весь секрет. Идеология ставит задачи политике, а политика, используя выражение известного британского политолога Д. Хельда, является «борьбой за организацию человеческих возможностей»²⁴. Добавим, всех возможностей, направленных на достижение фундаментальных целей, но прежде всего идеологических. Иными словами, с помощью идеологии, управляющей не только людьми, отдельными странами, но и всеми частями мира, правящий класс выстраивает **систему управления** обществом, экономикой и государством. Идеология — синоним власти, даже если сама власть это и пытается иногда отрицать. Когда же власть (как в позднем СССР) имеет глупость «отказаться от идеологии», то, в конечном счете, происходит ее отказ и от функций управления обществом и государством, что неизбежно ведет к ослаблению и развалу государства, экономики и деградации общества. Наступает хаос, и «поздний» СССР, а также «ранняя Россия» — очевидные тому примеры.

Ликвидация В. В. Путиным управленческого хаоса в начале десятилетия потребовала, естественно, восстановления основных идеологических принципов, связанных с ролью государства и функциями власти. Эти принципы отличались высокой степенью прагматизма. Иначе и не могло быть — восстановление государства и внутривнутриполитической стабильности требовало максимального прагматизма в подходах к решению сугубо практических задач. Подобная

прагматическая идеология «кризисного управляющего» требовала, во-первых, минимальных теоретических изысков из-за отсутствия времени, а во-вторых, исключения идеологических конфликтов по той простой причине, что восстановление управления и без того вело к столкновению интересов с различными группами влияния. Вот почему В. В. Путин пытался консолидировать общество, привлекая к работе всех — от А. Проханова и Г. Зюганова до неолибералов гайдаровского толка, за исключением антигосударственников, т.е. в ситуации тогдашней России — откровенных противников восстановления управляемости.

Эта идеология «кризисного управления», однако, себя изживала по мере решения задач стабилизации. Более того, по мере нормализации ситуации в стране становилось все яснее, что, исключая идеологические методы управления, власть лишается мощных средств влияния и управления. Можно сказать еще категоричнее: опережающее развитие, консолидация общества, формирование политической системы оказывались невозможными без идеологии, причем идеологии активной, амбициозной, даже в некотором роде агрессивной. Идеологии, носителем которой становилась бы совершенно новая социальная группа — творческий (креативный) класс, который в первом десятилетии XXI века стал главной силой общественного и экономического развития в мире.

Исследованию этого феномена посвящено в последние годы немало работ. Среди них особое место занимает монография Р. Флориды «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», переведенная на русский язык в 2005 году²⁵. Один из отечественных исследователей этой темы справедливо заметил: основная ценность книги Флориды для новой российской элиты заключается, пожалуй, в части «Взросление креативного класса». В ней Флорида критикует креативный класс за **инфантилизм, безответственность и пренебрежение в исполнении своих лидерских обязательств**. Если свободный и активный выбор места жизни и работы на основании собственных интересов является одной из базовых особенностей представителей новой общественной формации, то ее стремительно растущий разрыв с так называемым обслуживающим классом превращается, пожалуй, в важнейшую социальную проблему.

Как ни режет слух свободолобивых «творцов»-индивидуалистов это выражение, но Флорида призывает представителей «креативного класса» к выработке классового сознания: «Любая концепция персональной идентичности требует продуманного представления о том, как человек соотносится с другими людьми, в чем его обязанности перед ними и что он ожидает от них. Боюсь, что об этом у членов креативного класса самые расплывчатые представления». И далее: «Мы должны превратиться из аморфного сборища самодеятельных, пусть и преуспевающих, индивидов в более сплоченную, более ответственную группу»²⁶.

Новую политическую роль нового класса, конечно же, отмечают, но она пока не стала **частью новой идеологии**. Между тем именно креативный класс не противопоставляет себя другим классам и социальным группам. Он — часть, причем значительная (тот же Р. Флорида оценивает его в 15 млн. человек для России и 35 млн. — для США) всех социальных групп и классов. Единственный его противник — бюрократия, находящаяся во власти. Может быть, это объясняет то обстоятельство, что в России идеи развития человеческого капитала и креативного класса натываются на такое жесткое сопротивление?

Идеология — один из самых эффективных способов управления и развития общества, государства и нации (либо ее деградации), мощный ресурс, который, при умелом использовании, может дать сильнейший эффект. Всегда ради какой-то цели, «идеала». Без ясной цели любая идеология (как и политика) бессмысленна. Она просто не существует. В этом смысле все насмешки по поводу поиска «национальной идеи» последних лет — беспочвенны. Общество без цели, т.е. идеи, вообще-то вряд ли может существовать, а тем более развиваться. В том или ином виде такие «национальные идеи» существуют во всех нациях, даже в тех, интеллектуальные представители которых пытаются это отрицать. Проблема — в формулировании этой идеи на публичном и вербальном уровнях, ведь «идеи» могут существовать и внутри нации, не оформленные ясными лозунгами, в скрытой, даже личной форме.

Сегодня понимание этого явления становится особенно важным потому, что в основе любой национальной идеи стоит человек, личность. Формы этой идеи могут быть разными, но предмет один — человек. Более того, именно сегодня становится ясно, что в основе борьбы различных идеологий лежит **борьба за человека, его политическую поддержку**, его душу, мышление. В одном случае это идеология (идеологии), направленная против человека (даже если они и утверждают обратное), в другом — выступающая за него и его интересы. Конфликт опять выходит на духовный уровень борьбы Добра и Зла. На новом этапе мирового развития этот конфликт будет определяющим.

Вообще-то социокультурный фактор идеологии, о котором до сих пор избегали говорить в России, — базовый. С. Говорухин, цитируя А. Солженицына, вполне определенно раскрыл **политический смысл культуры и духовности**: «Если духовные силы нации иссякли, никакое наилучшее государственное устройство и никакое наилучшее промышленное устройство не спасут ее от смерти. С гнилым дуплом дерево не стоит. А где нация черпает свои духовные силы? В своей истории, в своей литературе, искусстве, вообще в культуре. Вот как только убедить в этом руководителей государства?! Ни в одном еще послании обоих президентов Федеральному Собранию проблемы культуры не были затронуты глубоко. А это означает, что главной опасности не видим!»²⁷.

Символично, что это далеко не первое публичное обращение общественных и политических деятелей к базовым ценностям (вспомним хотя бы движение «Духовное наследие» и многочисленные публикации его участников в период 1991–2003 годов). Буквально через несколько дней после выступления С. Говорухина, 26 апреля того же 2007 года, в Федеральном послании Президента России прямо было признано: «... Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность»²⁸. Подчеркнем, что в этом же послании не случайно главной целью деятельности был объявлен человек, развитие его потенциала. К сожалению, на этот аспект послания В. В. Путина средства массовой информации не обратили внимания. И элита тоже. А зря!

Д. А. Медведев в период своего президентства, а ещё раньше, когда он был первым заместителем Председателя Правительства, неоднократно обращался к теме развития потенциала человеческой личности в связи с сохранением базовых национальных ценностей. Но пора сказать, что эти публичные высказывания В. В. Путина и Д. А. Медведева так и не стали практикой, нормой для правящей элиты. Эти сигналы «прошли» на уровне основных документов — «Стратегии национальной безопасности до 2020 года», «Концепции внешней политики» и т.д., — но не были внедрены в реальную жизнь.

Таким образом, в мировоззрении политической элиты России к середине 2007 года по 2010 год произошел перелом, который, коротко говоря, можно характеризовать простыми словами: все, наконец-то, встало на свои места. Базовые интересы и ценности, отодвигавшиеся десятилетиями искусственно, снова стали базовыми, а реальные политические цели — человек и его жизнь — реальными целями. Недооценивать значение этого перелома нельзя. По сути, он означал начало процесса пересмотра всей политики государства, который займет, конечно же, какое-то время. Но новый подход, новые по масштабу ресурсы, появившиеся в результате стабилизации 2000–2008 годов, дают надежду на дальнейший прогресс начавшегося процесса — уже не стабилизации, а ускоренного развития. Этим объяснялись многие практические политические решения В. В. Путина и Д. А. Медведева в 2007–2010 годы.

Наступивший в 2008 году кризис пресек не только процесс ускоренного экстенсивного роста, но и идеологического развития, заменив его, при отсутствии внятно сформулированной идеологии, частными мерами по стабилизации финансово-экономической системы. Опыт такой антикризисной политики 2008–2010 годов оказался скорее негативным: у России зафиксирован глубокий спад ВВП, высокие темпы инфляции, наблюдался высокий темп роста цен и тарифов, падение доходов населения и т.д. Все это свидетельствовало о неэффективной анти-

кризисной политике, которая была ориентирована, прежде всего, на стабилизацию финансовой системы и поддержку, часто бессмысленную, крупных товаропроизводителей.

На мой взгляд, кризис 2008–2010 годов возник в первую очередь как **кризис идеологический**. И таковым он стал не только для России, но и для всего мира, а уж потом стал ощущаться как кризис управленческий, финансовый, биржевой, экономический, социальный и т.д. Этот кризис показал, что у стран — лидеров глобализации иссякли ресурсы развития в рамках той неolibеральной модели, которая казалась идеальной последние десятилетия. Но если кризис, в том числе идеологический, то и лечить его нужно было идейно-политическими, а не только финансовыми средствами.

И все-таки главным, что произошло во время этого кризиса, были перемены в головах представителей российской элиты. При любых внешних политических обстоятельствах идеологическая борьба — хотят того или нет ее участники — выходит на первый план, ибо ценности, приоритеты, убеждения — это категории идеологические. Известный русский военный мыслитель Е. И. Мартынов в своей ставшей классической работе «Обязанности политики по отношению к стратегии», определенно высказал следующую мысль: «Каждый народ в известную эпоху имеет **свой политический идеал** (выделено мною. — А. П.). Для одного народа он заключается в национальном объединении, для другого — в завоевании прочных естественных границ, для третьего — в овладении морем, для четвертого — в приобретении выгодных рынков.

Эти идеалы так же разнообразны, как бесконечно разнообразны условия жизни различных государств, потребности и вкусы его населения. Народы живут и борются, достигают своих заветных целей в борьбе за них; но всегда на место осуществленного уже идеала становится новый. Без этого условия немисливо существование здорового и свежего государственного организма. Если мы видим народ, который не имеет уже более никаких политических целей впереди, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены, что он уже выполнил свою роль в истории... находится в периоде вырождения»²⁹.

Сказанное 100 лет назад имеет прямое отношение к нынешней России и осознанию ее места в глобализирующемся мире. Прежде всего, идеологического, связанного с самоидентификацией общества и его элиты, что мы и наблюдаем сегодня в современной России. Но не только. Ниже я буду еще не раз повторять мысль о том, что выбор стратегии развития, включая частные, отраслевые, даже региональные стратегии (которые стали активно появляться в 2006–2010 годах), неизбежно связан с **идеологическим выбором**. Повседневная жизнь, ежедневное принятие решений **на всех уровнях** — от президентского до поселкового — требуют высокой

степени координации конкретных административных и политических действий, обычно достигаемой только при участии идеологии.

Простой пример, подтверждающий этот вывод: в апреле 2007 года в послании В. В. Путина была, по сути, озвучена идеология развития страны. Но примечательно, что в это же самое время в Лондоне И. Юргенс выдвигал частные сценарии и прогнозы развития России на 2008–2016 годы. Их было четыре: первый представлял собой мобилизационный проект, второй — превращение РФ в государство-рантье, третий содержал в себе анализ постепенных, «аккуратных» изменений в сторону модернизации, четвертый был по-настоящему модернизационным. По мнению Юргенса, реальный выбор мог происходить между государством-рантье с упором на социальные программы и «аккуратными» шагами в сторону модернизации³⁰.

Примерно в это же время выходит и книга будущего премьера В. Зубкова, работы других авторов. Совпадение по времени — не случайно. Оно свидетельствует о том, что разные представители российской элиты **одновременно размышляют в одном и том же направлении**. А именно: стратегическое (идеологическое) мышление и планирование осознается в 2007 году как практическая потребность. Осознается, но не становится им. Последующие годы — период дальнейшего осознания необходимости идеологии, вплоть до признания такой необходимости Б. Грызловым и «Единой Россией» в 2009–2010. Но одновременно в эти же годы мы видим, что практическая деятельность так и не стала следствием формирования идеологии. «Ручное управление», «рефлексия», субъективизм и спонтанность — это черты кризисного периода 2008–2010 годов.

При этом очень важно, чтобы субъекты, формирующие идеологию, **не устранялись от этого процесса**. В противном случае обществу могут быть навязаны заведомо вредные и устаревшие идеологемы, как это было в СССР и до недавнего времени — в России. Другими словами, «цель», «историческая перспектива» — синонимы идеологии и база для формирования системы практического управления страной и нацией, что было особенно важно в период развития России до 2001 года и выбора алгоритма развития после 2006 года. Но не только. У идеологии много и других функций, среди них важнейшая (прямо вытекающая из задачи формулирования цели) — стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование, координация частных, отраслевых концепций развития, которые невозможны без определения базовых идеологических ценностей и приоритетов.

Важнейшая функция идеологии — систематизация форм общественного сознания, которая, вместе с тем, выступает как сознательно определенная форма духовной жизни. Таким образом, идеология является конкретно-историческим системным отражением существенных сторон социальной действительности

и выступает формой национального, классового или группового сознания и самосознания. Характеризуя складывающуюся идеологию В. В. Путина, В. Никитин писал: «Идеология, сочетающая в себе либеральную экономику, жесткую власть, опору на силу, патриотизм, открытую, но независимую, активную внешнюю политику „отца нации“, скорее всего, может быть охарактеризована как консерватизм в его голлистской разновидности»³¹.

Не лишним представляется добавление к этой характеристике тезиса об очевидной социальной направленности политики В. В. Путина последних лет его президентства, особенно ясно прозвучавшей в его послании Федеральному Собранию от 26 апреля 2006 года. В этом документе прямо заявлялось о том, что в государственной политике РФ «... главная цель — инвестиции в человека, в повышении качества жизни»³². Надо сказать, что такие заявления подкрепляются в последние годы некоторыми практическими результатами, что благоприятно отражается на соотношении оптимистов и пессимистов в стране, т.е. данный социальный аспект идеологии имеет определенную оптимистическую направленность. Как видно из соцопросов, соотношение в пользу оптимистов в России медленно, но неуклонно менялось³³. К середине 2007 года число умеренных оптимистов впервые превысило половину населения (по сравнению с менее чем четвертью в 2000 году).

Подобные практические результаты, как правило, влияют на формирование идеологии, демонстрируя эффект катализатора. Прагматизм стал идеологией. Мы и дальше увидим, что практическая политика президента В. В. Путина шла нередко впереди идеологии. Это, конечно же, российский феномен. Но даже и здесь прагматизм был идеологичным. К этому можно добавить, что современные идеологи, опираясь на информационные технологии, владеют методами влияния на сознание людей, в том числе в интересах как сохранения устаревших идей, так и продвижения новых, но ошибочных концепций.

Индустрия и технологии PR могут быть использованы реакционными идеологиями (шовинизмом, расизмом, фанатизмом) как средство манипулирования поведением масс, провоцирования национальных, религиозных, групповых и межнациональных конфликтов. К сожалению, современных примеров таких очень немало. И не только в странах, отстаивающих фундаменталистские ценности, но и в развитых государствах. Волна неонацизма и национализма — следует это признать — охватила всю современную Европу, не оставив в стороне и Россию.

Таким образом, у идеологий сохраняется огромный ресурс влияния, который в ряде случаев обеспечивает им политический реванш. Победа неолиберализма в России в 1990-е годы, коммунизма — в ряде стран Латинской Америки, фундаментализма — на Ближнем и Среднем Востоке, национализма — во многих странах на разных континентах — все это

свидетельствует о том, что «уходящие» идеологии отнюдь не исчезают добровольно. Вырождающиеся в России КПРФ и СПС — типичные примеры этого процесса. Они вытесняются более современными гуманистическими идеологиями постепенно, с большим трудом, трансформируются в более современные идеологии, имеющие социальную и национальную направленность.

В целом прогрессивные идеологии в лице своих идеологов осуществляют распространение идей в интересах общества и личности. С этой точки зрения национальное возрождение — это также и внесение прогрессивных идей в массы, вооружение их системным видением общественных задач. В социальный пакет прерогатив идеологии входит также показ путей и средств разрешения исторических вызовов, выявление преград, которые мешают прогрессивному развитию общества. Необходимо сказать, что в 2005–2010 годы этим аспектам уделялось немало внимания на различных научных форумах.

Есть все основания полагать, что современные доминирующие идеологии себя изжили, находятся на стадии вырождения, или как минимум перестали быть эффективными и отражать современные реалии, в т.ч. и в развитых странах, которые, как считается, находятся сегодня на подъеме. По мнению, например, Г. Кархина, «двести лет человеческой истории прошли в соперничестве трех идеологий: либерализма, консерватизма и социализма. За этот период они полностью раскрыли свой общественно значимый потенциал и подготовили переход в эру интеллектуализма»³⁴.

Это ведет, с одной стороны, к кризису идеологий (что мы и наблюдаем), а с другой — к попыткам адептов прежних идеологий модифицировать свои устаревшие взгляды. Причем подобный переход объясняется, прежде всего, самой сменой материальной основы бытия, которая происходит в экономике и обществе в информационную эпоху. Меняется не только структура экономики, но и социальные функции общества и государства, которые были на протяжении столетий весьма консервативными. Таким образом, само экономическое и социальное развитие готовит смену доминирующих идеологий. Так, например, капитал, лежащий в основе существования капиталистического способа производства и соответствующей ему (с разными вариантами) либеральной идеологии, вытесняется таким фактором развития, как знания. Капиталистическая экономика и общество превращаются в экономику и общество знаний. Соответственно, происходят изменения и в идеологии. Новые субъекты, новые носители этих идеологий должны активно внедрять их в общественное сознание, бороться за реализацию своих приоритетов.

В России периода 2000–2005 годов этого не происходило. Занятые прагматической работой по укреплению внутривластной стабильности и макроэкономической ситуации, новые идеологические субъекты фактически дистанцировались

от идеологической работы. Произошел «провис», когда вакуум, образованный в результате кризиса старых идеологий, оказался не заполненным новыми. И только в 2006 году ситуация начала меняться по инициативе власти, конкретно — В. В. Путина, Д. А. Медведева, В. Суркова.

Пока этот период перехода в полной мере недооценен. Существует разница в том, что происходит на уровне экономики (где элита уже признала необходимость перехода к экономике знаний) и на социальном уровне, где элита и гражданское общество еще только начинают осознавать само это явление. Но этого нет пока в идеологии, где обозначился лишь очевидный отход от примитивного неоллиберализма. Пока что только отход, но не переход к новому качеству. Этот отход и провозглашение перехода на официальном уровне впервые прозвучали в последнем (2007 года) послании В. В. Путина Федеральному Собранию, когда были ясно обозначены стратегические (идеологические) ориентиры развития нации.

Другими словами, после апреля 2007 года Россия оказалась вновь в переходном периоде, но уже не от коммунизма к либерально-рыночной стихии, а от либерально-государственного капитализма к социально ориентированному обществу, которое опирается на ясные национальные интересы и ценности. Этот переход неизбежно займет какое-то время и не будет простым. Как и всегда, будут и «забегания вперед», и «откаты», но вектор, идеология движения уже понятны. Как справедливо признает профессор Г. Константинов, «проблема в том, что на уровне фундаментальных позиций существует некий разрыв — эти позиции называют и обсуждают в теоретическом контексте, но не принимают в практической деятельности. Касается это и новой экономики — экономики знаний. Разговоры о ней ведутся пятьдесят лет: теория постиндустриальной экономики, затем «информационная эпоха» Кастельса, новая экономика.

Они ведутся на уровне политических деятелей, правительств. Официальные лица заявляют, что деньги будут зарабатывать в сфере новой экономики, что нефть — подозрительная вещь. Все в теории понимают, что социально-экономическая трансформация происходит. Но не принимают по одной простой причине: предполагая, что ничего, по большому счету, не изменится, что капитализм просто недоразвился, что на самом деле капитал как был главным, так главным и останется. Но им нужно возразить, во-первых, что так было не всегда, и, во-вторых, если мы сами признаем, что в экономике и обществе в информационную эпоху произойдут радикальные изменения, то почему мы считаем, что роль капитала останется прежней? Это не так. Более того, мы можем увидеть, что все уже, действительно, меняется, и очень сильно»³⁵.

У России, как всегда, есть и своя специфика. Она связана не только с общим идеологическим кризисом, но и с кризисом системным, захватившим постсо-

ветские государства, — кризисом социально-экономическим, политическим, финансовым. Новая геополитическая реальность — Россия — также часть этого кризиса. Поиск соотношения национальных интересов и ценностей с международными интересами и реалиями глобального мира — ключевая проблема не только международной, но и современной российской идеологии. Как «для себя», так и «вовне». При этом сохраняется соблазн внешнего «ухода из идеологии».

Свою трактовку этой проблемы дает, например, министр иностранных дел России С. Лавров: «Логика идеологизированных подходов к международным делам прямо противостоит императивам глобализации. Глобализируются не только возможности, но и угрозы. Вывод отсюда только один — эффективно противостоять новым вызовам и угрозам безопасности и устойчивому развитию можно только сообща, коллективными усилиями всего мирового сообщества. Неделимость безопасности и процветания не дает нам разумной альтернативы. В свою очередь, для этого требуется общий знаменатель, который даст нам возможность развести практическую политику, основанную на законных интересах государств, и приверженности ценностям, трактовки которых неизбежно разнятся»³⁶.

«Развести» практическую политику и идеологию, как предлагает С. Лавров, представляется наивным, хотя конъюнктурно — для Запада — и оправданным. По сути дела, эта политика уже не раз проваливалась в недавнем прошлом. Реальность показывает, что не «убегание» от идеологии, а «поиск» идеологии является перспективным направлением, в том числе и для самой прагматической внешней политики. Можно сколько угодно пытаться убеждать США, страны Западной Европы или Китай, а тем более Индию, в необходимости «деидеологизации». Из этого ничего не получалось прежде, не получится и сейчас. Нужен поиск «точек совместимости» идеологий и систем ценностей, а не попытки универсализации внешней политики. Этого не получилось даже в международном праве. Тем более не получится в идеологии.

«Разведение» практической политики на международной арене при сохранении национальных ценностей — такова не только внешняя, но и внутренняя задача, стоящая перед российской властью. Сочетание прагматизма в международных делах с национальными интересами, однако, будет неизбежно сталкиваться с теми доминирующими представлениями о ценностях, которые сегодня господствуют в США и Европе. И преодолеть это расхождение без собственной идеологии все равно не удастся. Необходима самоидентификация страны. Сказать, что Россия «не Запад» — мало. Надо сказать, что такое Россия, каковы ее интересы и как они соотносятся с интересами других государств, но, главное, как эти государственные интересы соотносятся с общенациональными интересами народа, конкретного человека.

Принципиальное признание было, наконец-то, сделано В. В. Путиным в его послании 2007 года: государство для человека (а не наоборот, как это чаще всего случалось в русской истории).

Думается, что на эту эволюцию оказало влияние много объективных факторов, среди которых немалая роль принадлежала идее и процессу реализации приоритетных национальных проектов, выдвинутых президентом в 2005 году. Не случайно В. В. Путин в послании отметил, что «их главная цель — инвестиции в человека». Закономерно и то, что весь период

с осени 2005 года по весну 2007 года в стране шла идеологическая кампания, которая стала по своей сути **мобилизацией элиты** для «обслуживания» нового этапа развития страны. Этапа, который должен был стать естественным продолжением курса В. В. Путина последних лет, но уже на долгосрочной, идеологической основе. Задача — явно стратегическая, но имеющая огромное практическое значение. Как предупреждал еще в позапрошлом веке Ф. Бэкон, «как в природе, так и в государстве, легче изменить сразу многое, чем что-то одно».

Идеологические приоритеты России и мировое развитие

«Мы живем в таком мире, где действуют волчьи законы»³⁷

Т. М. Фрэнк, главный редактор Американского журнала международного права

*«Чтобы добиться реального успеха, России, подобно многим другим развитым странам, необходимо научиться использовать глобальные потоки таланта»
Р. Флорида — автор книги «Креативный класс: люди, которые меняют будущее»*

Основная мысль этого раздела заключается в том, что никакое государство и никакая нация не смогут стать мировыми лидерами в экономике, социальной сфере, науке и технике, военной области, **не став мировыми идеологическими лидерами**. Поэтому, говоря о возвращении России в число мировых держав, формулируя такую задачу в стратегии развития, необходимо четко ответить на вопрос: готовы ли мы стать мировым идеологическим лидером? Ответ на этот вопрос важен еще и потому, что процесс «возвращения» в мировые лидеры вполне последователен: сначала **лидерство идей**, а только потом — экономическое, социальное и военное лидерство. Причем идей своих, а не заимствованных извне — будь-то в экономике, финансах либо научной области.

Если вы считаете, что Россия не может либо ей не нужно быть мировым лидером (сторонники такой точки зрения весьма активны, особенно среди нелиберальной части интеллигенции), то вопрос об идеологическом лидерстве отпадает сам собой.

Если же сторонник той точки зрения, что Россия не может не быть мировым лидером, что это её единственно возможное стабильное существование, то вы должны признать, что необходимо решить задачу превращения страны в мирового лидера идей. Таково, какими сегодня выступают США, Китай, Индия, Европейский союз.

В настоящее время уже вполне ясно, что оригинальные идеи и открытия являются продуктом синтеза национального, исторического, культурного и духовного наследия, с одной стороны, и современных реалий глобализации — с другой. И стать мировым идеологическим лидером может только та нация, которая изначально обладает этими двумя группами предпосылок. Именно поэтому сохранение национального культурного и духовного наследия играет исключительно важную роль. Как показывают соцопросы, сделанные по заказу Министерства культуры России в декабре 2005 года, ситуация выглядит следующим образом³⁸.

Интересует ли Вас история российского государства и народа?

Очень интересует	27.9
Скорее интересует, чем нет	49.0
Мало интересует	17.0
Совсем не интересует	3.4
Затруднились ответить	2.7

Иными словами, почти 95% граждан нашей страны в различной степени интересуются историей Родины, которая как минимум ей **небезразлична**. Это, безусловно, очень хороший показатель, который говорит не только об огромном культурно-историческом наследии, но и о высокой степени патриотизма наших граждан. Этот ресурс, безусловно, существ-

ует. Другое дело, **как** он используется в интересах развития. Отдельная тема — восприимчивость и готовность использовать современные мировые достижения глобализации, ибо без них наше огромное историческое наследие не может быть реализовано. В этом заключается смысл стратегии опережающего развития и механизмов её обеспечения.

Оцените, пожалуйста, по пятибалльной шкале, важны ли лично для Вас следующие ценности?

Ценности	Баллы					Не ответили
	1	2	3	4	5	
Законопослушание	1,2	2,3	10,8	26,1	59,1	0,5
Образованность	0,5	1,6	7,7	20,7	69,1	0,4
Терпимость к представителям других национальностей	2,4	4,9	17,4	29,6	45,3	0,4
Патриотизм	2,3	2,5	13,1	25,5	56,0	0,6
Религиозность	9,9	12,0	30,2	24,4	22,9	0,6
Гуманизм	3,8	4,7	16,4	32,7	41,9	0,5
Свобода	2,2	2,8	8,8	20,7	65,1	0,4

Другой важной вопрос — какие базовые ценности имеют значения для граждан страны. Тот же соцопрос показывает, что среди таких ценностей лидирует образованность, патриотизм, терпимость и законопослушание, а также свобода³⁹.

Приведенные примеры вполне очевидно иллюстрируют, что идеологические основы российской нации основываются не на умозаключениях философов и политологов, а на фундаментальных ценностях и историческом наследии, которые разделяет абсолютное большинство граждан России. Эти ценности — объективная реальность, которую может исказить только неадекватное восприятие правящей элиты, что, к сожалению, в России часто и происходило. Поэтому игнорирование базовых ценностей, их искажение правящей элитой является главной причиной появления неверных, даже вредных идей, главной причиной отставания в развитии.

В 2008–2010 годы в России наблюдался очевидный «технологический» бум в риторике и действиях правящей элиты. Президент, Председатель Правительства, многие министры, губернаторы, законодатели без устали говорили о новых технологиях, инновациях, наукоемких и ресурсосберегающих изобретениях и т.п. Это стало не просто модным направлением общественно-политической мысли, но и заставило кое-кого насторожиться: уж очень вся эта риторика напоминала очередную кампанию. С одной стороны, очень хорошо, что наконец-то к концу первого десятилетия XXI века власть реально озаботилась проблемами научно-технического и технологического развития, хотя в остальных развитых странах этот пик пришелся на 80-е годы прошлого века. СССР–Россия «пропустила» этот период, потратив 25 лет на псевдоидею «перестройки», «демократизации», «вхождения в рынок» и т.п. Теперь страна в очередной раз вынуждена догонять «передовиков прогресса».

С другой стороны, излишнее увлечение новейшими технологиями в ущерб социогуманитарной сфере жизни ведет к тому, что цена новых идей, особенно в области общественного строительства,

резко обесценивается, хотя на практике именно такие идеи являются фундаментальными, постановочными по отношению к естественно-научным, а тем более — к технологическим. Страна в который раз оказалась в положении догоняющей, и не только в экономике и технологиях, но и в общественных знаниях. Мир за последние 25 лет уже прошел инновационно-технологический этап развития, перейдя к этапу, на котором приоритетное значение имеют науки о человеке, обществе. Мы же по-прежнему последовательно пытаемся ликвидировать этот разрыв, не понимая, что нужно совершить рывок через этапы развития, сразу же перейти к тому этапу, который сегодня определяет уровень развития общества и государства.

Идеи движут миром. Это утверждение воспринимается многими почему-то как абстрактная фраза, а не реальность, тем более когда речь идет о политической действительности. А ведь определение приоритетов, ценностей и целей развития, в основе которых лежат качественные идеи, имеет ключевое значение в жизни людей, государств и наций. «Не короли правят миром и даже не олигархи. И не доллар, как на полном серьезе уверяют экономисты. Мир заставляют двигаться в ту или иную сторону, останавливаться или топтаться на месте — идеи. Их рождают люди... там, где этого меньше всего ожидают», — эта мысль Ю. Никитина, на мой взгляд, имеет принципиальное значение.

История свидетельствует: многие идеи возвышали государства, а многие — сокрушали их. Разрушение стран и уничтожение наций всегда начиналось и сопровождалось кризисом их идеологий и систем ценностей. Именно поэтому «деидеологизация», «прагматизм» и конформизм во внешней и внутренней политике в долгосрочной перспективе всегда вели к поражению, как правило, катастрофическому. И наоборот, восстановление, а тем более подъем государства, его опережающее развитие невозможны без соответствующей идеологии. Более того, идеология первична по отношению к такому подъему, хотя бы потому, что изначально она должна четко

обозначить цели и приоритеты развития, причем не только национального, но и мирового, глобального, оценить его перспективы.

Как справедливо считает академик А. В. Торкунов, «другой из этого же ряда — вопрос о конечной цели глобализации. Какой рисуется картина будущего мира, „мирового общества“, „всемирной демократической империи“ или чего-то еще? Ожидаемым итогом глобальных процессов некоторые считают создание однородной всемирной общности западного типа. Но можно и нужно себе представить нечто совсем иное — тот или иной вариант „гармонии разнородностей“, при которой Запад не сможет и не станет стремиться растворить в себе Незапад. Это, казалось бы, отвлеченные вопросы всемирного бытия. На деле за ними — прикладные политические проблемы: какую перспективу мы задаем своему народу, какой ее видят народы других стран»⁴⁰.

Те страны, которые хотя бы на время демонстрировали привлекательную идеологию, становились мировыми и региональными лидерами, доказывали, в конечном счете, свои экономические и политические преимущества. Сегодня это справедливо для Китая и Индии, которые сохранили свою самобытную культуру, создав, по сути, новую идеологию опережающего развития. Естественно, это позитивно сказалось на их экономических и технологических позициях. Подчеркну, что сначала все-таки были идеи синтеза национальной культуры (в широком смысле этого слова) и новейших научно-технических достижений, а только **после** — экономические и технологические успехи.

Мне представляется, что это универсальное правило справедливо не только для отдельных стран, но и для целых групп государств и наций, объединенных какой-то идеей. Не всегда, кстати, позитивной. Подъем — политический и экономический — гитлеровской Германии в 1930-е годы был связан с тоталитарной фашистской идеологией. В те же годы СССР продемонстрировал бурные темпы индустриального развития благодаря лидерству в коммунистической идеологии. Сегодня, например, трудно отрицать жизнеспособность исламских идей, в том числе и радикальных, которые противостоят всей мощи Запада.

Рассмотрим в этой связи более близкий нам пример — СССР. Советский Союз большую часть XX века являлся одним из безусловных идеологических лидеров мира, значительно влияя на социально-экономическую и политическую жизнь других государств, причем не только развивающихся. Напомню, что коммунистические идеи были популярны во многих развитых странах Запада, в особенности во Франции, Италии, в меньшей степени — в Великобритании и США. В XX веке СССР был не только военным или экономическим, но, прежде всего, **идеологическим лидером**. Можно спорить сегодня о правильности идей, о тех или иных издержках

реального социализма, но то, что их поддерживала значительная часть интеллектуалов Запада, — исторический факт.

Эта тема требует особого изучения, но можно констатировать, что общественные достижения и результаты — экономические, технологические, культурные, даже спортивные (как показала зимняя Олимпиада 2010 года в Ванкувере) обычно становятся следствием существования эффективной (привлекательной) идеологии, некоей национальной сверхидеи. И, наоборот, отказ от такого рода сверхидей, а тем более идеологического лидерства, ведет сначала к стагнации, а затем — к потере не только лидерства, но и самого государства. СССР в этом смысле стал типичным примером того, когда потеря, точнее — отказ от идеологического лидерства, завершился «геополитической катастрофой». Что-то подобное мы сегодня наблюдаем и в современной России, где власть **сознательно** отказывается от идеологического лидерства, т.е. продвижения национальных идей и систем ценностей, в пользу технологических и прочих инновационных решений. Иными словами, правящая элита России **из постановщика задач превращается в их исполнителя**. Вопрос только в том, кто вместо нее становится постановщиком таких задач?

Другая сторона данной проблемы заключается в том, что идеология как система идей и ценностей неизбежно выступает в качестве основы для любой **стратегии развития или общественного поведения**. Реальные цели — всегда идеологические, даже если они и выражаются прагматичными терминами и понятиями. Так, в качестве примера можно привести вроде бы далекую от идеологии тему (напомню, что внешняя политика у нас подчеркнута прагматична) сотрудничества России, Бразилии, Индии и Китая в рамках концепции БРИК. Речь идет об огромном рынке (40% населения планеты), совокупном ВВП, превышающем ВВП США, влиянии трех ядерных держав на обстановку в мире и о многом другом. При этом все четыре государства обладают самобытной культурой и историей. Но главное, что в основе концепции БРИК находится новая идеология: новые методы многосторонней дипломатии, механизм наращивания политического веса в мире, наконец, противодействие крупнейшим финансово-экономическим центрам в мире⁴¹.

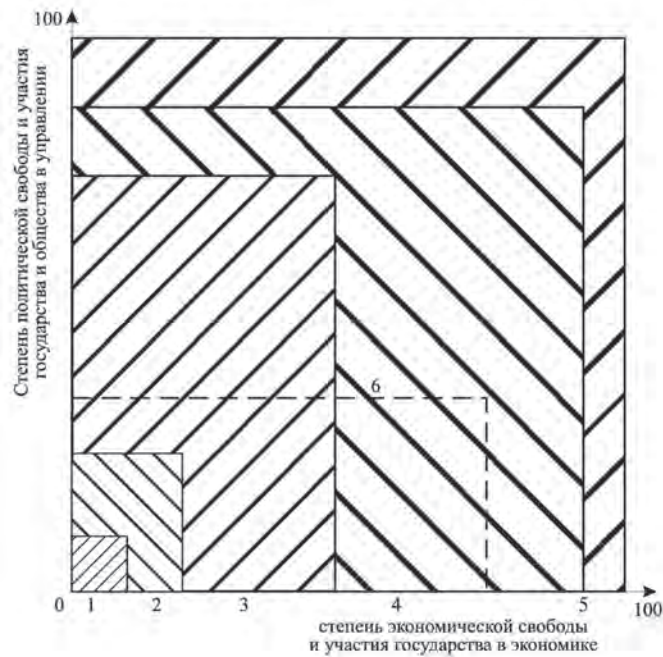
Тем более идеология, ее ценности лежат в основе формирования целей и механизмов их достижения во внутренней политике. При этом особенно важно не забывать, что фундаментом любой идеологии всегда являются история и культура, а также те или иные системы ценностей. Поэтому адекватное восприятие и применение исторического опыта и знаний являются одновременно обязательными условиями формирования национальной идеологии. Как свидетельствует академик А. В. Торкунов, «к чему бы ни располагали исторические аналогии

и исторический опыт — к оптимизму или к пессимизму, — никакого другого, более ценного учебного пособия у современных политиков нет. Захотят ли, сумеют ли они верно распознать тайные или явные письма истории и использовать эти знания во благо общества — зависит только от их интеллекта и воли»⁴².

Поэтому искажение истории, культуры и неверная трактовка сложившейся национальной системы ценностей, а тем более их сознательная фальсификация, становятся самым мощным оружием против той или иной нации и государства. Не случайно в мае 2009 года в России была создана специальная президентская Комиссия по противодействию попыткам фальсификации отечественной истории. Уже первый год работы Комиссии показал, что, к сожалению, у государства и общества еще нет полного понимания важности этой задачи. Даже внутри самой Комиссии звучали не просто разные, но порой и полярные точки зрения. Вместе

с тем Комиссии с самого начала своей деятельности удалось нейтрализовать серьезные идеологические выпады против России, которые основывались на заведомо ложных политико-идеологических трактовках исторических событий, прежде всего, периода 1938–1945 годов.

Идеология, базирующаяся на фундаментальных исторических и культурных ценностях, становится в современности уже базовой концепцией восприятия действительности, включая в себя в качестве составной части все возможные прикладные концепции развития общества, государства, его политической системы. В несколько упрощенном виде нынешнюю систему политико-идеологических координат России можно увидеть на нижеследующем рисунке. Он в самом общем плане представляет идеологические ценности основных политических сил и социальных групп, расположенные по осям «политической свободы» и «участия государства в экономике».

1. КПРФ
2. «Справедливая Россия»
3. «Единая Россия»
4. «Яблоко», «Гражданская сила»
5. СПС, Г. Каспаров, М. Касьянов
6. «Идеальный вариант»

В этом рисунке цифра «100» означает максимальную степень политической и экономической свободы, при которой роль государства — минимальна. И напротив, «0» означает абсолютную роль государства в определении политического и экономического курса. Исходя из таких идеологических приоритетов, стратегия выживаемости и развития государства представляется неизбежно различной. В представлениях сторонников КПРФ стратегии раз-

вития экономики и общества должны определяться стратегией государства, практически не оставляя места институтам гражданского общества и самостоятельной экономической активности. Для СПС, М. Касьянова и Г. Каспарова государство просто обязано минимизировать свои функции, практически самоустранившись от определения стратегии развития общества и экономики.

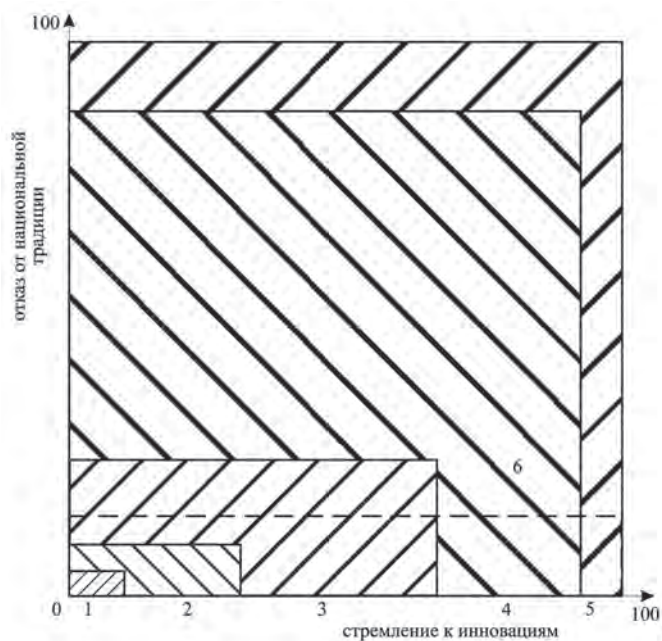
На этой же схеме прерывистой линией (под № 6) обозначен, на мой взгляд, идеальный вариант, то есть та идеологическая концепция, в рамках которой формируется алгоритм развития государства и его политической системы. Существенную роль в экономике при этом играют механизмы государственного регулирования (при сохранении высокой

степени свободы для творческих действий креативных социальных групп). Преобладающая роль государства сохраняется в формировании политической системы страны.

Высокая степень «управляемости» обществом нужна для России не абсолютно, но исторически — именно в начале XXI века, когда требуется мобилизация общественно-политических сил для преодоления управленческого и экономического кризисов. Но это пока, так как уже в ближайшем будущем ситуация должна неизбежно измениться. Развитие креативных групп российских граждан должно привести к тому, что роль институтов гражданского общества, особенно местного самоуправления, будет стремительно расти, вытесняя и замещая функции государства. «В идеале» идеологический алгоритм

развития — это высокая степень сохранения национальных традиций и системы ценностей в условиях глобализации при максимальной восприимчивости инноваций. При этом важно подчеркнуть, что **инновации в идеологии необходимы**, но этот модернизационный процесс не должен затрагивать фундаментальные ценности.

Из размещенного ниже рисунка видно, что КПРФ не только консервирует, «идеализирует» традиции, но и фактически отказывается от модернизации. Во всяком случае, видит ее только в рамках прошлых идеологием. И наоборот, либеральные партии предпочитают модернизацию национальным традициям, что также ведет не только к краху национальной идентичности, но и к неэффективным алгоритмам экономического и политического развития.

1. КПРФ
2. «Справедливая Россия»
3. «Единая Россия»
4. «Яблоко», Демпартия, «Гражданская сила»
5. СПС, Г. Каспаров, М. Касьянов
6. «Идеальный вариант»

В любом из рассматриваемых вариантов мы видим, что идеологические мотивы **первичны по отношению к политике и стратегии**, а их отрицание неизбежно ведет и к отрицанию эффективной стратегии и последующему кризису и коллапсу. В определенном смысле любая идеология может привести к формированию стратегии и осознанной политики, но ее дефицит — лишь к отсутствию внятного политического курса, хаосу и развалу. Наконец, идеология, не соответствующая базовым интересам всего общества и государства, неизбежно приведет к выбору ошибочной стратегии. Категория «базовый интерес» — объективна и первична.

Но ее восприятие правящей элитой может быть адекватным или неадекватным. При этом разброс может быть чрезвычайно широким: когда элита воспринимает национальные интересы с адекватностью, близкой к 100%, т.е. почти идеально, то и цели формулируются предельно точно. Более того, адекватно оцениваются и возможности, и ресурсы, имеющиеся у государства. Это очень важно, ведь переоценить свои возможности так же опасно, как и недооценить.

И наоборот, если элита не способна адекватно оценить объективные интересы нации, то формулируемые цели **изначально будут некорректными либо неверными**. Так, в 90-е годы XX века у российской элиты по целому ряду вопросов отсутствовало адекватное восприятие национальных интересов. Например, приватизация (естественный процесс, необходимый для повышения эффективности экономики) расценивалась как политико-идеологический

■

комплекс мероприятий, конечной целью которого являлось перераспределение собственности. Неудивительно, что результат такой приватизации был плачевным: экономическая эффективность стала хуже, собственность в массовом порядке была разворована, а деньги от приватизации ушли в офшорные зоны.

Ошибочные трактовки национальных интересов и разработанные на такой основе стратегии отнюдь не безобидны. Так, неолиберальная идеология, например, идеализирует глобализацию и деятельность международных институтов — ВТО, МВФ, Всемирный банк и т.д. В это же время нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц признает, что в реальности правила ВТО создают значительный дисбаланс в мировом экономическом развитии, защищая в первую очередь интересы развитых стран. Этот баланс был разрушен, прежде всего, в результате кризиса все той же идеологии. Все другие факторы — экономические, финансовые и т.д. стали лишь следствием кризиса идеологии и вытекающей из этого неспособности к стратегическому развитию.

Идеологический кризис в СССР, наступивший в результате стойкой неспособности его элиты приспособиться к реалиям научно-технической революции и скорректировать алгоритм социального и экономического развития, привел не к появлению новой, современной идеологии, а к формальному отказу от нее — «деидеологизации идеологии». Система советских ценностей рухнула (или была обрушена), но вместе с ней рухнул и механизм управления обществом (сначала) и государством (чуть позже). Последующий политико-экономический кризис, а также развал ОВД и СЭВ, наконец, самого СССР, — лишь следствие такой политики. Что же необходимо было делать КПСС в конце 1980-х годов, когда стало явным, что курс на перестройку определенно ведет к развалу не только экономической системы страны, но и самого государства?

Ответ, на мой взгляд, очевиден. Необходимо было не отказываться от идеологии, а сформулировать **ясные новые идеологические приоритеты**, которые можно было бы сгруппировать следующим образом:

- **во-первых**, а) предельно четко определить социально-политический характер и особенности нового этапа научно-технического и экономического развития человечества, на котором главной движущей силой становится не промышленный пролетариат, а лица интеллектуальных и творческих профессий; б) сконцентрировать свою деятельность на формировании благоприятных условий для развития этих социальных групп;
- **во-вторых**, в качестве **идеологического приоритета** сделать ставку на опережающие темпы развития НТР в стране, а также изменение структуры экономики, повышение эффективности науки и образования;

- **в-третьих**, изменить приоритет интернациональной солидарности на **приоритет развития единой советской нации**, базирующейся на огромном культурном и историческом наследии русского и других народов, что позволило бы не только выбить почву у националистических элит, но и изменить статус союзных республик в СССР;

- **в-четвертых**, главным приоритетом заявить **приоритет развития потенциала человеческой личности**, поставив его выше приоритета государства и общества, скорректировав тем самым планы социально-экономического и политического развития.

Этот минимальный набор приоритетов был бы вполне достаточен для модернизации идеологии и, как следствие, изменения политической и экономической стратегии СССР. Вместо этого партийно-советское руководство объявило приоритетами абстрактные термины — «перестройку», «гласность», «плюрализм» и др., что фактически уничтожило одну идеологию, не создав другой.

Совершенно иной результат демонстрирует Китай, где реформировали коммунистическую систему, не только не отказавшись от традиционных ценностей и не уничтожив систему управления страной, но и добились высоких и устойчивых темпов экономического роста. Как считают эксперты, «успех Китая базируется не столько на экономической либерализации, сколько на продуманной социально-экономической стратегии⁴³», которая, добавлю, является частью общекитайской (а не только КПК) идеологической доктрины «социальной гармонии».

Советская номенклатура не смогла (в отличие от китайской элиты) ответить на новые вызовы и сформулировать новые идеологические приоритеты, а предпочла приспособиться к ним в рамках собственной идеологии. Простой пример: подготовленный в июне 1985 года Пленум ЦК КПСС (названный Советанием), посвященный НТР, в принципе верно расставил все акценты. Появился реальный шанс вписаться в новый, информационный этап научно-технической революции, пожертвовав, естественно, старыми идеологическими догмами и ценностями либо пересмотрев к ним отношение.

Пример кумира советских коммунистов В. И. Ленина, кстати, весьма показателен. Он мог по два раза в год (в зависимости от политической целесообразности) менять политическую и экономическую стратегию, идеологические принципы, приоритеты. Но советская элита не проявила мужества и мудрости. Похоже, что приверженность старым идеям оказалась сильнее потребностей новой экономики и общества. Неизбежные идеологические решения столкнулись с неспособностью их восприятия элитой.

Аналогичную ситуацию мы сегодня наблюдаем в КПРФ, руководство которой не хочет (или не может) пересмотреть идеологические догмы, не соответствующие современным реалиям. Соответственно, и избранная стратегия — опоры на приверженцев этих догм, ради сохранения электорального ядра — бесперспективна. Сроки ее существования, видимо, ограничены стремлением партийной верхушки удержаться у власти в партии. Не более того. Понятно, что привлекательность ее минимальна. Она может какое-то время продержаться только до тех пор, пока другие политические силы допускают серьезные ошибки. Например, наспех сколоченная «Справедливая Россия».

В 2006–2010 годах стал актуальным и вопрос о конфликте идеологических интересов между Россией и Западом. Это показывают, например, опросы общественного мнения в США, где доля лиц, считающих Россию потенциальным врагом, за последние годы неуклонно растет. К середине 2007 года эта доля стала устойчиво превышать 50%, что свидетельствует о серьезном сдвиге в общественном сознании США, так как примерно такая же часть американцев относится негативно к Колумбии, Ирану и Северной Корее. Ради справедливости следует признать, что в последнее время и в России все большее число людей видят в США своего потенциального противника.

В целом же базовые идеологические расхождения реализуются не только в конкретных политических акциях, но и сдвигах в общественном мнении. Нередко эти противоречия приобретают острые формы. Не случайно поведение некоторых бывших советских республик, достаточно агрессивно выступающих против России, не только фактически, но и публично поддерживается США, а нередко и странами ЕС. Именно этим объясняется во многом антироссийская политика Украины, Грузии, Эстонии, Литвы, Латвии и других государств. Но также очевидно, что идеологические мотивы в поведении этих стран являются той базой, на которой строится долгосрочная внешнеполитическая стратегия Запада по отношению к России.

Особенно отчетливо это стало заметно в период грузинской агрессии в августе 2009 года против Южной Осетии. Идеологическая кампания, связанная в Грузии, совершенно определенно согласовывалась с политико-идеологическими установками стран Евросоюза и США. Западные СМИ отчетливо «отрабатывали» полученное задание. Настолько отчетливо, что любые попытки России изменить ситуацию в информационном пространстве оказывались безуспешными. Ни политические договоренности, ни личные связи, ни деньги России не смогли помешать тому, что у Грузии и Запада накануне агрессии сложились **единая идеологическая позиция, единые приоритеты**. В эти идеологические приоритеты, как известно, были «упакованы»

вполне конкретные политические и экономические интересы.

Важно отметить и то, что, в отличие от политических и экономических интересов и приоритетов, которые могут быть и нестратегическими, идеологические интересы и приоритеты всегда имеют стратегический характер. Они формируются и сохраняются иногда на протяжении даже не десятков, а сотен лет. Так, идеологические приоритеты, сформулированные Великобританией в августе 2009 года по поводу событий на Кавказе, уходили своими корнями в глубь истории, в XVIII век, став для британской дипломатии традиционными. Как подчеркнул А. В. Торкунов, традиционно «...Россию изображали агрессивной, деспотичной, варварской державой, исторически предрасположенной к захватам. Она, как утверждалось, не достойна права на цивилизаторскую миссию на Кавказе, где обитают горцы, которые, хотя пока и являются „детьми природы“, все же обладают врожденной тягой к свободе, демократии, равенству и справедливости, то есть к западным ценностям. Поэтому данную миссию обречена была выполнять Англия.

Причину столь трогательного попечительства никто и не скрывал — превратить Кавказ в барьер на пути „русской экспансии“ в сторону Турции, Ирана, Персидского залива, Афганистана и, самое главное, Индии. Горцы должны были стать „стражами у ворот“ британской колонии, хорошо вооруженными и хорошо организованными. Примечательно, что почти никто из британских политиков и военных экспертов не верил в реальность „русской угрозы“ Индии, но откровенничать на сей счет они позволяли себе лишь в служебных меморандумах. Публично же отказываться от очень удобного лозунга „Индия в опасности!“ лондонский кабинет не спешил. Чем еще, как незаконными оборонительными целями, оправдывать наступательную стратегию выставления заградительных аванпостов против России в тысячах километров от индийских границ?»⁴⁴.

Вместе с тем реалии растущей взаимозависимости России и Запада нельзя и недооценивать. С. Ястржембский отмечал в этой связи, что «хочет или не хочет Запад это признавать, но Россия стала уже во многом частью глобализирующего мира и отказывать России в этом — что называется, себе дороже. А там, где „себе дороже“, Запад (особенно европейцы, обожающие комфорт) уже вряд ли решится на какие-либо обострения»⁴⁵. Вопрос, на мой взгляд, заключается в том, до какой степени обострения готов идти Запад. Заключение Договора об СНВ в апреле 2010 года и грузинская агрессия в августе 2009 года показывают очень широкий спектр возможного сотрудничества и противостояния.

Позиция России в этих, во многом идеологических, спорах (как, например, по поводу переноса памятника в Эстонии) имеет огромное значение.

Именно **идеологическое позиционирование** новой, окрепшей России, которая преодолела кризис 1990-х годов и преодолевает кризис 2008–2010 годов, будет иметь решающее значение. Бесконечные уступки прежнего руководства СССР и современной России приучили нынешнее поколение западных политиков к тому, что Россия поддается политико-идеологическому давлению, «восприимчива» к учету интересов Запада в ущерб своим национальным интересам.

Ситуация меняется и неизбежно будет меняться еще больше в будущем, но будет осложняться двумя основными обстоятельствами. С субъективной точки зрения, правящая российская элита должна ясно идеологически **самоидентифицироваться**, осознать место и роль России в мире и научиться отстаивать свои национальные интересы, чего пока еще не произошло. У нас все еще продолжаются споры о том, насколько мы «Европа» или «Азия», а насколько собственно Россия. До тех пор пока мы не поймем, что Россия — «не Европа» и «не Азия», а Россия — суверенный субъект со своей спецификой, традициями, путем развития, мы так и будем самоопределяться.

С объективной точки зрения, есть серьезные пределы, до которых могут идти национальная самоидентификация и внешнеполитические амбиции. Они вызваны, прежде всего, существующим реальным соотношением сил в мире и между Россией и Западом. Для того чтобы лучше понять эту взаимозависимость и масштабы, соотношение этих потенциалов, можно привести лишь один пример. По оптимистичным оценкам, к 2015 году российская нефтехимическая промышленность будет производить продукции на 40 млрд. долларов. В то же время уже сегодня аналогичный показатель у стран Евросоюза — 1619 млрд. (т.е. в 40 раз больше), а у США — 405 млрд. (т.е. в 10 раз больше)⁴⁶. Иными словами, будучи крупнейшим экспортером, Россия в десятки раз уступает и, вероятно, будет уступать основным переработчикам даже в долгосрочной перспективе, тем более что потребности развитых стран в углеводородах, возможно, сократятся на 30–40%.

Такое же соотношение сил и в других областях экономики, политики, военной области. Главный вопрос: до каких пределов Россия может позволить себе быть самостоятельной и проводить независимую политику? Любая независимость в эпоху глобализации имеет свои пределы. Даже у США. **Найти идеологически реальное разрешение этого противоречия** — ближайшая задача российской элиты. Это противоречие, на мой взгляд, прежде всего мировоззренческое, идеологическое, а не экономическое. В первую очередь нам нужно понять, как Россия, учитывая существующие реалии, может вписаться в систему международных отношений, сохраняя свой суверенитет. Далее, как, развиваясь, одновременно «вписываться» в реальность глобализирующегося мира, которую некоторые политические силы в со-

временной России просто не хотят замечать, признать, что идеологический вопрос в возникающем новом мире становится вопросом экономическим.

Именно поэтому в настоящее время идеология и системы ценностей стали предметом самой острой политической, а иногда и вооруженной борьбы. Даже история в современном мире стала политикой. Обратно на этот счет высказался А. В. Торкунов: «Призраки прошлого становятся полноправными участниками текущей политической дискуссии, незримо присутствуют на парламентских слушаниях и даже в каждодневной дипломатической практике, по крайней мере, некоторых стран. Но если твой партнер хочет обсуждать раны, нанесенные историей, ты не можешь просто сказать ему «нет». Иначе он с тобой не будет обсуждать то, что интересно тебе. Таким образом, невольно историческая повестка втягивает в свой круг все новых и новых участников.

Не случайно президент Дмитрий Медведев часть своего доклада на совещании послов в МИДе посвятил «исторической» теме в политике. Он заметил, в частности, что «мы просто не можем принять имеющее место в отдельных странах попытки (причем в условиях государственной поддержки) вытаскивать на свет тезисы „цивилизаторской, освободительной миссии“ фашистов и их пособников»⁴⁷.

Такая современная идеологическая борьба ведется агрессивно, в т.ч. государственными, а иногда и террористическими методами. В определенном смысле формы такой борьбы — «силовая демократизация» (бомбардировки, оккупация) и терроризм исламского радикализма — суть одного и того же явления — объективного роста агрессивности идеологий в эпоху глобализации. Примечательно, что все это происходит на общем фоне лозунгов гуманизации международной жизни и межнациональной толерантности. В этом смысле дискуссия о суверенной демократии в России, начатая в 2006 году В. Сурковым и поддержанная в 2007–2010 годах Д. А. Медведевым, отнюдь не терминологический спор. Это спор о том, как органически вписаться в глобализацию, сохранив свою идентичность и суверенитет.

По сути, в 2007–2010 годах Россия стоит перед таким же идеологическим выбором, перед которым она стояла в 1917 году и в конце 1980-х годов, когда были сделаны **неверные идеологические и политические выводы** из очевидной потребности в модернизации страны и общества. Уместно здесь привести мысль В. Никонова относительно февраля 1917 года, которая адекватно отражает не только ту историческую ситуацию, но и вполне подходит к описанию нынешней ситуации в России: «Нигде в мире интеллектуалы („мы“) так не противопоставляли себя власти („они“), как в России. Распространению подобных настроений способствовала и сама власть, не подпуская интеллигентов к административной деятельности (впрочем, они и сами к этому мало стремились), что превращало их в антисистемную силу.

Интеллигенция не думала о том, чтобы улучшить, модернизировать государственный строй, — она стремилась его свергнуть. Прогресс, демократия представлялись не как результат эволюционного развития и реформаторских усилий, а как естественное для человека состояние, стремление, реализации которых препятствует только самодержавный строй. Большое значение для мировоззрения российской интеллигенции, которое в основе своей было если не западным, то космополитичным и беспочвенным, имела трансплантация на русскую почву некритически заимствованных идей французских просветителей XVIII века и немецких материалистов XIX века. Западные абстрактные теории, интересные только самим философам, в России становились руководством к действию»⁴⁸.

Эти же «абстрактные теории» в 90-е годы XX века привели к крупнейшему социально-экономическому кризису в России, демографической катастрофе и развалу государства. Сегодня это, кажется, признается уже большинством. И не только в России. Но это лишь одна часть правды. Другая же заключается в том, что, отрицая чужие идеологии («абстрактные теории»), неизбежно придется опираться на свою, «доморощенную», ту, над которой заранее, изначально уже иронизируют отечественные интеллектуалы-западники.

В который уже раз мы пытаемся заимствовать не только чужие философские концепции, но и идеологические приоритеты, опираясь на ошибочные представления о роли интеллигенции и творческого класса, их взаимоотношение с властью. Происходит смещение понятий: общий, критический настрой интеллигенции по отношению к власти, прежде всего властной элите, характерный во все времена, в российских условиях превращается в **противопоставление** творческого класса государству и остальному обществу. Как справедливо заметил ректор МГИМО (У) А. В. Торкунов, «для решения этих задач важно осмыслить привычные представления о роли интеллигенции в современном российском обществе. Российская интеллигенция, во всяком случае, ее часть, всегда любила отстраняться от власти. Такая отстраненность считалась залогом беспристрастности, без которой не может быть подлинного знания, справедливости и мудрости, хранителем и носителем которых интеллигенция себя представляла.

Отстраненность от власти части интеллигенции в советские годы стала отстраненностью и от государства. С тех пор многое изменилось. 1990–2000-е годы показали, что без эффективного государства в условиях российской жизни сложно обеспечить человеку и свободу, и справедливое воздаяние за его труд, и даже безопасность. Наша политическая система — все еще в стадии становления, она остается хрупкой.

Интеллигент не может не играть особой роли в укреплении демократических основ и суверените-

та России. Это не только эмоциональная, психологическая и этическая базы фундаментальности для тех, кто занимается общественными науками. Это универсальный угол зрения, метаметодология производства знаний, способных не только объяснить противоречия русской жизни, но и найти пути их преодоления»⁴⁹.

Приходится признать, что не только философские и идеологические заимствования становятся модой в России, но и, как следствие, модели социально-экономического развития, способы решения проблем, стоящих перед обществом и государством. Между идеологическими заимствованиями и поведением элиты, процессом принятия решений наблюдается самая прямая, непосредственная связь. И наоборот, опыт производственной и коммерческой деятельности («менеджеризм») пытаются перенести (особенно в России первого десятилетия) в государственную и общественную деятельность. Как правило, из этого ничего путного не выходит — менеджеры, приглашенные во власть, оказываются неэффективными управленцами, а часто просто жуликами. Но тенденция такая существует.

Г. В. Сорина отмечает в этой связи: «Многие современные производители каких-то обыденных товаров и услуг, а вовсе не интеллектуальных продуктов, претендуют на то, что они не просто продают эти товары и услуги, но предлагают целую философию жизни, т.е. взгляд на мир и свое место в мире. Более того, они предлагают инструменты изменения мира, в качестве которых как раз и выступают, с их точки зрения, рекламируемые ими товары и услуги. Новый мир, по их мнению, должен быть наполнен множеством предлагаемых ими предметов. При этом каждый человек индивидуально должен решать, насколько выстроенный другими мир соответствует его мироощущениям и мировоззрению, насколько этот мир достижим для него и т.д. Подобный подход к обыденности является, с одной стороны, своеобразным основанием для нового витка прагматической интерпретации философии, с другой — для построения различных философских концепций обыденности во множестве ее прагматических и семиотических контекстов»⁵⁰.

Нынешние модели политического устройства и идеологии, существующие на Западе, почему-то считаются по-прежнему идеальными и универсальными, а их критика (если такая и есть) касается лишь отдельных, частных аспектов (хотя и на Западе есть немало критиков). Типичный пример такого подхода дается во введении к работе «Концепции и определения демократии. Антология», где автор, известный политолог, пишет: «В настоящее время либеральная демократия остается наиболее эффективной моделью экономического и политического развития. Однако еще в 1920-е годы немецкий философ Освальд Шпенглер предупреждал: попытки механически пересадить на германское общество англосаксонские порядки

в момент, когда в Германии идет напряженная борьба различных групп, приведут к тому, что демократия разорвет тело нации»⁵¹.

Признавая за либеральными демократиями «наибольшую политическую и экономическую эффективность», автор изначално уходит от ответа на вопросы о необходимости и возможности существования более эффективных и современных моделей. Он умалчивает, что либеральные модели совершенны для узкого круга избранных развитых стран, паразитирующих, по сути, на отсталости остальных. Так, по оценке специалистов Международного института исследований экономического развития, 90% всех мировых богатств находятся в странах Северной Америки (34%), Европы (30%) и «Азиатских тигров» (24%). При этом два процента населения владеют более чем половиной всех мировых богатств⁵².

Профессор Гарвардского университета Роберт Бэрроу так суммировал результаты своих исследований этой проблемы: «Мысль о том, что демократия необходима для экономического роста, так же неверна, как и утверждение, что бедным странам непременно нужна диктатура, чтобы вырваться из бедности. Для страны со слабыми институтами развитие демократии менее важно, чем укрепление правопорядка»⁵³. Наши расчеты и исторический анализ подтверждают его заключение.

Наконец, есть и еще более фундаментальные причины. Капитализм и его ведущая идеология — либерализм — отнюдь не вечны. Они, развиваясь на протяжении столетий, к началу XXI века достигли той точки, где развитие уже может быть прекращено или замедлено как минимум, что в условиях ускорения мировых темпов развития равнозначно отставанию. На это указывает ряд признаков, которые, безусловно, говорят о необходимости смены идеологических приоритетов в мире и — что для нас особенно важно — в России:

— **во-первых**, радикальные изменения в экономике, которая за короткое время прошла постиндустриальную и информационно-технологическую стадии развития, вплотную перейдя к **эпохе экономики знаний**. Можно даже говорить о периоде, определяющей чертой которого является культурная и духовная сфера, наука о человеке и развитии его психологических, психических и нравственных качеств. Здесь все большее значение приобретает уже не капитал, а знания и навыки, интеллектуальная собственность, а главное, — **творческий потенциал личности**. Именно эти качества сегодня не только наиболее востребованы на рынке, но и дают наибольший относительный и абсолютный прирост ВВП.

И наоборот, ресурсная экономика себя практически исчерпала. По оценке многих экспертов, важнейшим ресурсом через 15–20 лет станет питьевая вода. Не только ее запасы, но и эффективность использования уже определяют современность эко-

номических и социальных систем. По подсчетам российских специалистов, в 2000 году удельная водоемкость экономики в м³/год на 1 доллар ВВП составляла: в России — 0,3 м³/год, в Швеции — 0,012 м³/год, в Великобритании — 0,007 м³/год, в Белоруссии — 0,22 м³/год. Относительно уровня 1990 года удельная водоемкость экономики России выросла в два раза, Швеции — осталась на том же уровне, а Великобритании — в два раза уменьшилась⁵⁴. Если сегодня такая ситуация для богатых водными ресурсами стран еще терпима, то через 20–25 лет она неизбежно приведет к острейшему кризису. Причем, кризис будет тем острее, чем ниже эффективность использования пресной воды;

— **во-вторых**, такая же радикальная трансформация происходит и с человеком, когда потенциал его личности, прежде всего интеллектуальный, а теперь уже и духовный, нравственный, становится определяющим фактором. Обладание финансовым капиталом продолжает играть определенное, но уже не решающее значение. «Просто» финансовый капитал без творческого его использования превращает личность в обычного рантье, который постепенно вытесняется из лидеров, определяющих экономические и финансовые позиции. Это означает, с политической точки зрения, что реальное богатство — человеческий потенциал — будет определять в решающей степени соотношение сил в мире, степень безопасности, уровень суверенитета и государственного могущества, как, впрочем, и военного тоже. Прежние эквиваленты мощи — золотовалютные резервы, запасы природных ископаемых, численность населения, эффективность вооруженных сил и т.д. — стремительно теряют свое значение;

— **в-третьих**, стремительные изменения происходят как в социальной структуре общества, так и в его роли в политической и экономической жизни страны, когда институты гражданского общества объективно начинают вытеснять и замещать институты государства и бизнеса. Это сказывается, прежде всего, на эффективности государственного управления. Неизбежное вытеснение творческим классом из управления бюрократии — общая тенденция. Противостоять ей бюрократической инерцией, «менеджеризмом», всякого рода «ручным управлением» и другими **неидеологическими методами** не только бесперспективно, но и, в конечном счете, трагично. Пример тому — крайне низкий коэффициент эффективности (особенно в условиях кризиса) действий власти.

Как признает В. Дымарский, «если верить помощнику президента, а заодно и начальнику контрольного управления главы государства Константину Чуйченко, за прошлый год его непосредственный начальник дал 1753 поручения (аж на 30% больше,

чем в 2008 году). По словам Чуйченко, из них снято с контроля (то есть выполнено) 1084, а рост по выполнению по сравнению с 2008 г. составил 15%. 1084 выполненных поручения из 1753 составляют всего-то около 62%. Отечественные чиновники, спаянные общими (не путать с общественными) интересами, таким образом сводят „к нулю“ более трети всей работы Президента. А в 2008 году все выглядело еще хуже: выполнены только 47%. (62–15=47) поручений президента, тогда как 53% его усилий, согласно несложному подсчету, потонули в бюрократическом болоте»⁵⁵.

Крайне низкая эффективность государственного управления современной России — системная болезнь. Она связана с непониманием того, что эффективно у власти должны находиться не бюрократы, менеджеры или финансисты, а креативные группы граждан. Так, принятое в марте 2010 года Д. А. Медведевым решение о том, что «Силиконовую долину» в Сколково «будет строить» В. Вексельберг, а спортивными федерациями — руководить другие финансисты, — иллюстрация того, что вместо бюрократов, проваливших проекты, приходят не профессионалы, а представители финансовой элиты. Можно заранее предположить, что результаты будут аналогичными. Не помогут и практикуемые методы «сигналов», подаваемых обществу и элите Д. А. Медведевым и В. В. Путиным, и регулярные «накачки», семинары и совещания, проводимые с губернаторами, активом «Единой России» и т. д. «Качество управления низкое и снижается»⁵⁶.

В этих условиях финансовый капитал начинает стремительно терять свое значение. Без его «социализации» он практически не применим, становится просто криминальным капиталом. Этому способствуют как налоговая политика ведущих государств (в особенности скандинавских стран), так и социально-политическая система, общественное устройство. Но еще хуже обстоит дело с бюрократией, которая во власти становится **антисоциальной силой**. Необходимо признать, что **до определенной степени** люди, находящиеся на «государственной службе», — дружинники, дворяне, госслужащие вообще — выполняли позитивную функцию. Иногда даже, как показывает история, — в решающей степени влияли на сохранение государства и его функций, причем не только в прошлые столетия, но и в современной истории. Так, ослабление государственных институтов и роли «государевых людей» в 80-е годы прошлого столетия привело к анархии и развалу государства, и наоборот, при В. В. Путине (до определенного момента) усиление их роли было крайне необходимо.

Но только до определенной степени. Всевластие дворянства в XVIII веке привело Россию к бесконечной череде переворотов, когда гвардия ставила нужного императора и снимала неудобного. Царская бюрократия на рубеже XX века реально правила Россией и не смогла предотвратить революции, а бреж-

невская — обеспечить оптимальные темпы развития. Нынешнее всевластие бюрократии ведет не только к низкому качеству управления, но и к коррупции, антисоциальным явлениям.

Антисоциальность элиты заключается в том, что в системе ее **идеологических приоритетов** в реальности отсутствуют приоритет социальной справедливости и приоритет развития креативного класса, но сохраняются приоритеты неолиберальных элементов. Надо понимать при этом, что правящая бюрократия добровольно власти не отдаст. Для нее власть — это система официального и неофициального обогащения:

- официального (зарплаты, льготы, дополнительные возможности, о которой говорилось выше) — как статусного фиксирования роли в политической системе;
- неофициального — тех реальных денежных ресурсов, которые появляются при условии сохранения власти.

Так, почти 90% дел по экономическим преступлениям заводятся напрасно⁵⁷, т. е. для того, чтобы, по словам Д. А. Медведева, «кошмарить» бизнес. У этой проблемы есть очевидная экономическая составляющая: деньги, изъятые из экономики, уходят в офшоры. Они обескровливают всю экономическую систему, легализуются и изымаются из экономики. Подобная «теневая» составляющая, как утверждают некоторые аналитики, достигает 40% ВВП. По моим представлениям, эта цифра на деле много больше.

Для борьбы с этим явлением необходима, прежде всего, **смена в стране идеологических приоритетов**. Ни объявленная Д. А. Медведевым война коррупции, ни «наказания» министров и губернаторов, ни «ручное управление», ни что-либо ещё другое не дадут эффекта, пока не будут сменены идеологические приоритеты элиты. В свою очередь, эти приоритеты должны быть зафиксированы в реальных программах развития, реальной (в том числе финансовой) политике, реальных, а не паркетно-пиаровских, действиях администрации.

Эта «детонация» неизбежно окончательно изменит не только экономические и социальные модели, но и алгоритмы развития государств и, конечно же, всю идеологическую картину мира — господствующими, неизбежно, станут социально ориентированные идеологии и модели развития. Очевидно, что, чем скорее то или иное общество и государство откажутся от бесперспективных идеологических моделей и перейдут к новым социально-экономическим моделям развития, тем выше будут их темпы роста, лучше качество экономики и общества, крепче безопасность.

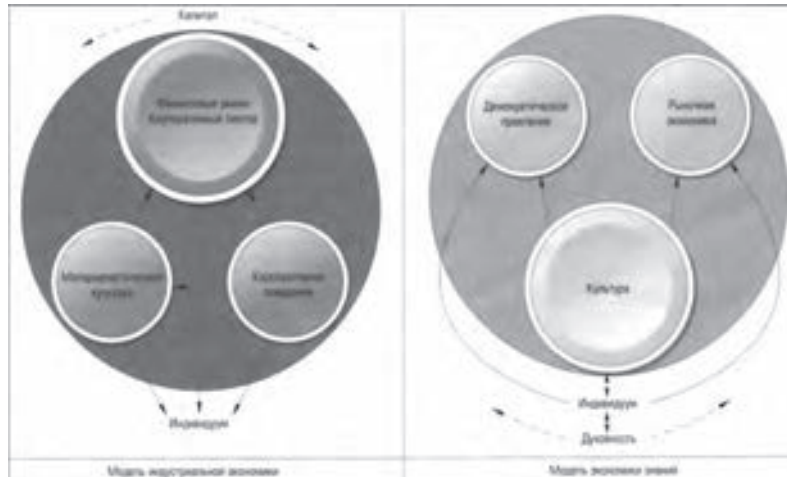
И наоборот: замедленность, инерционность, а тем более стремление сохранить абстрактные идеологические схемы, приведут не только к сокращению темпов роста, но и к **неизбежным социально-политическим катаклизмам**. Более того, в подобных

случаях возможны и революционные политические потрясения. Как справедливо признает профессор Г. Константинов, «я думаю, что экономические потрясения неизбежны. Раз роль капитала изменится и он перейдет на вторые позиции, значит, во время перехода, в промежутке, будет очень неприятный процесс. На самом деле, наверное, механизмом, который будет подталкивать к новой экономике, и должны быть финансовые кризисы. Люди будут терять огромные деньги, кто-то их будет приобретать и снова терять. Одно из очевидных предсказаний, на мой взгляд, состоит в том, что финансовой стабильности в мире в ближайшее время принципиально не будет. И через это придется пройти»⁵⁸.

Действительно, идеологическая и социально-политическая «картины мира» в среднесрочной перспективе могут радикально измениться вслед за изменением модели экономического развития. Как видно, например, из трудов западных политологов, главными факторами, которые будут определять со-

стояние экономики и общества через полтора–два десятилетия, станут культура и духовность. Вслед за информационным этапом развития современного человечества придет черед культурно-духовной эры, в центре которой окажутся проблемы наиболее полной самореализации человека.

Этот вывод имеет принципиальное значение, в том числе и для России. Весной 2007 года, когда стало ясно, что российское правительство переходит от кризисного управления к среднесрочному планированию, особое значение приобрела фраза, «оброненная» премьером на одном из заседаний правительства о том, что «президент потребовал подумать о стратегии». Но современный выбор стратегии — это неизбежный выбор между неолиберальными моделями и развитием, между стабильностью, высокими темпами роста и неизбежными социально-политическими катаклизмами и экономической стагнацией, то есть, прежде всего, это идеологический выбор.

Как видно из рисунка западных политологов, модель экономики знаний предполагает (в отличие от индустриальной модели), что экономика и общество станут производными от качества человеческой личности, а в более узком смысле — от общекультурного потенциала. Это, в свою очередь, означает, что экономически, финансово, материально и политически новое общество и новое государство станут следствием развития человеческого потенциала. Иными словами, мы видим, что идеология и стратегия развития будущих лидеров глобализации не имеют ничего общего ни с классическим неолиберализмом XX века, ни с коммунизмом, ни с национализмом. Новая идеология должна обеспечить базовыми принципами и приоритетами такую же новую стратегию.

В этой связи с неизбежностью встает вопрос о создании идеологических органов управления государством. Кто-то ведь должен не только формулировать идеологические приоритеты, но и реализовывать их на практике. Сегодня такого органа ни в администрации, ни в правительстве нет. Речь

не идет, конечно, о воссоздании Идеологического отдела ЦК КПСС, который строго следил за идеологической монополией, речь не идет и об органе, который бы координировал пропагандистскую активность администрации и правительства — такие структуры есть. Речь идет именно об органе, который был бы ответственным именно за формирование идеологических приоритетов властной элиты и их реализацию (отнюдь не выступая цензором и регулятором работы СМИ и других институтов гражданского общества).

Не случайным, а даже симптоматичным оказалось создание в мае 2009 года президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Опыт ее работы, даже с учетом её общественного характера, показал, что как дискуссии между ее членами, так и конкретные результаты (фильмы, телепередачи, десятки книг и сотни статей) оказались не просто нужными обществу, но и смогли в ряде случаев даже заблокировать политико-исторические наскоки.

Алгоритм стратегии развития⁵⁹

«Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти!»⁶⁰

«Стратегическая задача Китая — построение социалистического гармоничного общества...»⁶¹

Ху Цзиньтао

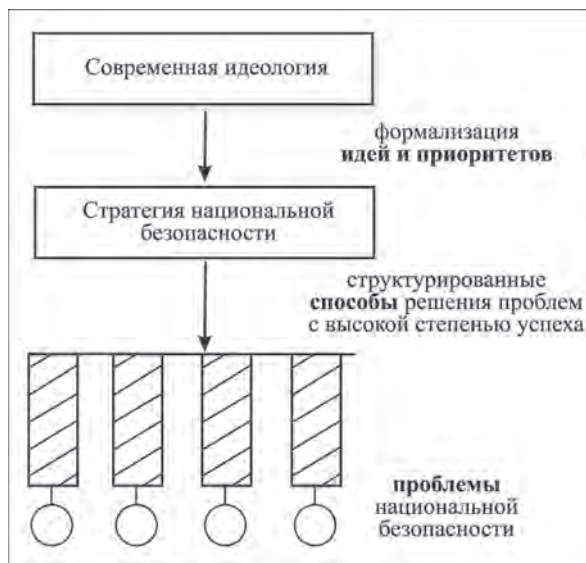
Алгоритм стратегии развития⁶² (т.е. идеологии как системы приоритетов и средств их реализации, развития) формулируется в целом наборе законодательных и нормативных документов, утвержденных высшими органами власти России. Прежде всего, в Стратегии национальной безопасности (до 2009 года — Концепции), которая, на мой взгляд, **в конкретизированном и формализованном виде должна содержать собственно идеологию развития страны.** Эти документы отражают уровень понимания правящей элитой существа стоящих проблем и способов их решения. Адекватность элиты, ее профессионализм, либо их отсутствие (что случалось в недавней советской и российской истории), во многом предопределяют качество анализа реально (объективно) существующих проблем и национальных интересов.

От этого во многом зависит эффективность избранной стратегии, степень мобилизации всех ресурсов общества и государства для их решения. Справедливо утверждение (и понимание этой задачи) академика А. В. Торкунова: «Перед Россией стоит задача всесторонней модернизации, которая во многом будет определять ее место в посткризисном мире. Для ее осуществления необходимы не только новые проекты, финансовая, техническая и научная база, но и **создание целенаправленных мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания**»⁶³. Показательно,

что ректор МГИМО выдвигает в качестве важнейшей проблему «создания мотиваций» и «творческой атмосферы» (с чем я совершенно согласен).

Фундаментальные, базовые идеологические приоритеты и ценности должны лежать в основе такой Стратегии, т.е. она должна быть достаточно идеологизированной, а не примитивно прагматичной. С другой стороны, пытаясь сформулировать алгоритм стратегии развития, надо понимать, что алгоритм сам по себе должен быть достаточно формализованным. Но вообще-то никого не должно пугать название этого приема. Не обязательно даже знать, как говорится в одной из статей⁶⁴, что такое алгоритм, для использования этого способа (что очень приятно для нашей малочитающей правящей элиты. — А. П.). И далее — одно из многих определений понятия алгоритм, которое мне больше всего нравится: «алгоритм — это **структурированный способ нахождения решения проблемы с высокой надежностью успеха**».

Таким образом, современная идеология России должна быть формализована в нормативном документе, например Стратегии национальной безопасности России. Этот документ, в свою очередь, должен представлять собой «структурированный способ решения проблемы (проблем) с высокой степенью надежности». Графически это можно представить следующим образом.

Используя эту формальную логику, мы неизбежно должны сделать важный вывод: создавать и развивать надо идеологию в следующей последовательности:

- описание и анализ проблем, их приоритетности, значимости и масштабности;
- выбор максимально эффективных способов их решения;

- объединение их в **систему, стратегию**;
- и лишь затем — описание системы ценностей, приоритетов и идей, объединенных в понятие «идеология».

Важно отметить, **во-первых**, последовательность действий, а именно: первично описание «проблем», угроз, вызовов национальной безопасности»; затем — методы и способы их решения, и **только потом можно переходить** собственно к идеологии и философии. **Во-вторых**, неизбежно следует вывод о прикладном характере идеологии, даже её прагматизме, а не о некой отвлеченной субстанции, «мешающей жить» серьезным государственным мужам.

Правильная постановка проблемы, таким образом, становится ключом («эффективным алгоритмом») к успеху, а неправильная — обречена на провал. Приведу пример. В 2009–2010 годах Д. А. Медведев неоднократно и много говорил об инновациях и технологиях, формулируя **проблему** их скорейшего внедрения в экономику России. При этом в качестве главного средства (алгоритма), как правило, выступали организационно-финансовые решения. Типичный пример — мартовская (2010 г.) инициатива по созданию в Сколково «Силиконовой долины» — строительство центра, формирование инфраструктуры и т.д. Между тем алгоритм решения этой проблемы иной, а именно: главный способ решения этой задачи — **создание атмосферы и возможностей** (в т.ч. материальных) для **российских научных школ и ученых**. Как справедливо отметил политолог Н. Злобин, «создание правильной творческой атмосферы является главной задачей российской технологической революции».

Конечно, важны научные города, нужны ученые из-за границы и т.д., но без свободной творческой атмосферы все это будет только имитацией инновационного развития, в лучшем случае способного, как это было в свое время в Японии, доводить до совершенства чужие купленные разработки и идеи. Это совсем не то, о чем говорит Д. А. Медведев. Для формирования такой атмосферы России важнее не привоз ученых из-за рубежа или новые стройки, а, скажем, создание гарантий надежной правовой защиты интеллектуального продукта, прав на изобретения и инновации, а также **возможностей для ученых хорошо заработать на результатах своего труда**.

Так, практически у каждой исследовательской группы в Америке **есть в соседнем помещении своя частная компания**, работающая по модели «стартапа», задача которой в случае успеха исследовательского этапа немедленно капитализовать его и начать приносить доход. **То есть преобразовать науку в бизнес**. Там нет государственных чиновников, но работают юристы, защищающие права ученых, а также эксперты, тщательно отслеживающие ситуацию на рынке инвестиций. Там находятся компании, которые моментально из своих денег готовы обеспечить любые лаборатории и экспериментальные площад-

ки, любые материалы и приборы для ученых. Кого там точно нет — это бюрократов. Там нет откатов и взяток, людей с печатями и машин с мигалками»⁶⁵.

Итак, необходимо изначально обратиться:

- **во-первых**, к проблемам, стоящим перед нацией (вызовам, угрозам);
- **во-вторых**, определить их приоритетность;
- **в-третьих**, «взвесить» их значение для существования нации и государства.

Попробую их сформулировать, но предварительно следует сделать очень важную, принципиальную оговорку. Идеология — субъективна с точки зрения отражения интересов тех или иных социальных групп граждан, а значит, субъективными будут и представления о характере существующих перед нацией проблем. В этом смысле классовый подход марксистов правилен (хотя К. Маркс и не любил сам термин «идеология», ставший марксистской наукой при советской власти). Так, для неолибералов и «оффшорной аристократии» угроза распространения НАТО на восток, потеря национального суверенитета, сырьевой характер экономики и другие угрозы и проблемы не видятся критичными либо вообще не признаются в качестве таковых, тогда как для нации они — самые важные, приоритетные проблемы.

Вот почему принципиально важно изначально определить позицию, угол зрения, под которым мы смотрим на анализ существующих и потенциальных проблем. На мой взгляд, мы должны анализировать эти проблемы, исходя из интересов наиболее передового класса современности — национальных творческих социальных групп населения России, составляющих более 10% от всего числа граждан страны, или, как считает Р. Флорида, 15 млн. человек. Именно эти группы являются в наиболее развитых зарубежных странах той силой, которая создает более 90% ВВП и новейшие научные и технические достижения. Именно они — наиболее активны в общественной и политической жизни страны. И именно они отражают в достаточно полной мере интересы других социальных групп. Кроме того, именно эти социальные группы развиваются наиболее динамично, а их численность и влияние (что очень важно с точки зрения стратегической перспективы) стремительно растет. В отличие от партийных программ, их интересы четко обозначены.

Другое важное замечание. Стратегия развития (социальная, экономическая, военная, антикризисная и пр.) — прямое следствие идеологии. Она, таким образом, **невозможна без идеологического выбора**, т.е. выбора базовых ценностей и принципов. Практическую ценность этого вывода, кстати, продемонстрировал Китай, чья успешная стратегия развития является производной от идеологии, а та, в свою очередь, не только формулирует проблемы, но и формирует средства их решения. В настоящее время китайское руководство продолжает разработку и пропаганду политико-идеологической и культурно-

цивилизационной доктрины китайской модели развития, которая оставляет за компартией Китая (КПК) все функции руководства и согласования интересов различных слоев общества, а также защиты социально-политической стабильности в стране⁶⁶.

При разработке любой модели, любого алгоритма национальной стратегии особое значение уделяется **выделению проблем и угроз национальной безопасности** и их оценке и поиску вариантов их решения. «Чистая идеологическая доктрина не существует (разве что в умах философов и политологов), строго говоря, абстрактные схемы, а тем более алгоритмы, не очень-то и нужны: они могут **либо исходить из прикладного анализа** предоставляющего изначальный эмпирический материал, либо служит его теоретическим и методологическим обоснованием. Тем более что оценки проблем, их приоритетность и даже значение могут быть предметом серьезной политической дискуссии. Как писал в этой связи А.В. Торкунов, «широкое осознание перечисленных... угроз, вызовов и опасностей не сопровождается до сих пор выработкой **единых представлений** о порождающих их причинах, способах и стратегиях борьбы с ними»⁶⁷.

Действительно, этот процесс явно затянулся. Еще в 2003–2005 годах я писал о необходимости создания такого алгоритма. В частности, в специальной главе «В поиске эффективного алгоритма развития» книги «Глобализация и гражданское общество» я отмечал: «Эта книга — обращение к российской элите и экспертному сообществу. Накануне перехода развитых стран-лидеров глобализации от информационно-технологической стадии развития к интеллектуально-духовной стремительно усиливается роль эффективности руководства страной и обществом. Параллельно должны возрастать ответственность, политическая и нравственная, элиты общества за принятие решений, а также профессионализм и способность к стратегическому прогнозу. От того, насколько российская элита сумеет справиться с этим вызовом, зависит будущее нашей страны»⁶⁸.

Эффективная социально-экономическая стратегия Китая является производной от долгосрочной идеологической доктрины, которая, следует признать, обладает как бесспорной преемственностью (несмотря на смену четырех поколений лидеров) и гибкостью. Декларируя главную идеологическую цель — «построение гармоничного общества», китайское руководство основной упор делает на реализацию ведущего принципа китайской модели развития — «человек как основа». Принципа, кстати, вполне универсального, в т.ч. и для западных государств, однако с безусловной китайской спецификой как в правовом, так и в социально-экономическом отношении.

Начинать надо с оценки ситуации в мире, тех условий, в которых находится страна. Россия в 2010 году находится в относительно выгодном положении. Сложилась ситуация, когда нам впервые не грозит большая война, нам не нужно тратить ог-

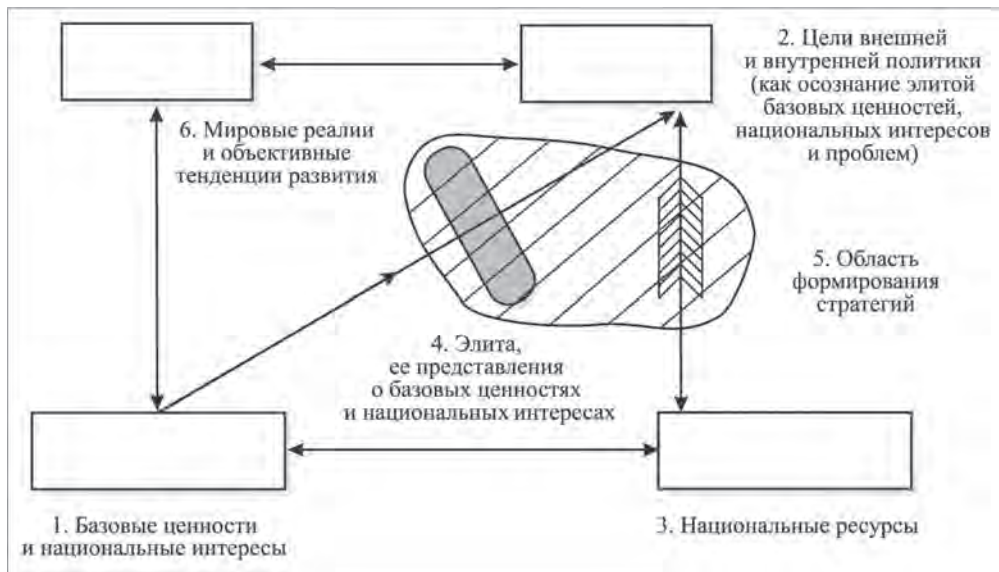
ромные ресурсы на поддержание военно-промышленного комплекса и мы впервые освободились от обязательств политического характера, наносящих ущерб экономике. И у нас нет безумных и разорительных проектов типа поворота северных рек на юг или строительства авианосных соединений. Эти «пирамиды XX века» как бы сброшены с плеч российской экономики. Проблема состоит в том, как мы воспользуемся предоставленным шансом для эффективного развития экономики, что можем извлечь из этой ситуации, пишет директор Института рынка РАН академик Николай Петраков. В этой мысли, по сути, сконцентрирована идеология использования ресурсов при реализации современной стратегии России.

Но это одна оценка внешних условий, существования, один взгляд, один подход к использованию ресурсов нации для реализации поставленных задач. На мой взгляд, излишне оптимистичная, благостная, недооценивающая масштаба возможных угроз. Как показал конфликт с Грузией, подтвердивший известную для специалистов в военно-политической области аксиому — военно-политическая обстановка может меняться стремительно, в течение месяцев, недель, иногда дней и часов, а стратегия, материальная база военной силы — годами, иногда десятилетиями. Поэтому недооценка внешней угрозы также опасна, как и ее переоценка: переоценил — не осталось ресурсов для развития; недооценил — можешь проиграть конфликт, войну, потерять государство, нацию.

В этом смысле совершенно справедливо, что в Стратегии национальной безопасности до 2020 года оценке внешней угрозы посвящается самый первый (после «Общих положений») раздел, который так и называется: «Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития». В нем достаточно подробно перечислены проблемы и угрозы, стоящие перед страной сегодня и на перспективу до 2020⁶⁹. Это описание, на мой взгляд, излишне детализировано и абстрактно, в нем нет ясной приоритетности проблем и угроз, хотя в целом можно сказать, что Стратегия вполне адекватна (чего нельзя было сказать, например, о первой Концепции национальной безопасности 1996 года).

Главное — в Стратегии указывается на сохраняющуюся возможность и вероятность использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Как известно, именно это с конца 80-х годов XX века ставили без конца под сомнение российские политики. В документе обозначен и основной внешнеполитический приоритет — развитие отношений со странами Содружества (хотя я бы поставил его значительно выше по тексту, а также подчеркнул, что это именно главный приоритет).

С теоретической точки зрения взаимосвязь идеологии и стратегии выражается в **ясном алгоритме**. Он может быть представлен на следующем рисунке, в простой форме иллюстрирующем самые основные элементы идеологии и стратегии, где⁷⁰:

1. Базовые ценности и национальные интересы могут быть формализованы как по отдельным категориям (военные, экономические, социокультурные и т.д.), так и по временному (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные) и пространственному (глобальные, региональные, национальные) показателям. Ценности и интересы как категории принципиально важны, ибо именно они позволяют **нации оставаться нацией, а государству — государством.**
2. Цели внутренней и внешней политики — как осознанные (с разной степенью адекватности) национальные интересы, базовые ценности и, соответственно, проблемы — внешние и внутренние. Как видно из рисунка, на формирование целей решающее значение оказывают четыре группы факторов:
 - национальные интересы, базовые национальные ценности;
 - ресурсы и возможности государства и нации;
 - мировые реалии и объективные тенденции развития в мире;
 - адекватность и профессионализм элиты, ее способность разработать эффективную стратегию.
3. Национальные ресурсы и возможности, к которым относится весь спектр ресурсов (от демографических до сырьевых, а также интеллектуальных, образовательных и др.). При этом особое значение сегодня приобретает такой ресурс, как человеческий потенциал, накопленный нацией. При этом надо изначально понимать, что ресурсы **всегда ограничены.** Не может в принципе быть такого, чтобы ресурсов хватало «всегда и на всё», поэтому при попытках решить те или иные проблемы, достичь поставленных целей, важно правильно распределить имеющиеся и будущие ресурсы.
4. Качество, адекватность и эффективность национальной элиты. Ее **способность к стратегиче-**

- скому прогнозу и планированию,** к эффективному государственному управлению.
5. Область формирования национальной стратегии (социально-экономической, военной доктрины, финансовой и т.д.), которая, как видно на рисунке, является **производной от заявленных целей и проблем, а также имеющихся ресурсов.**
6. Наконец, внешние факторы — мировые реалии и объективные мировые тенденции, которые сегодня во многом связаны с глобализацией. Это прежде всего военно-политическая ситуация в мире (наличие или отсутствие угрозы), экономическая ситуация (экономический подъем, спад или стагнация), мировые цены, научно-технические тенденции и пр.

Понятно, что формулировать проблемы, стоящие перед нацией, без учета этих составляющих просто невозможно. Более того, иногда эти факторы начинают доминировать, даже предопределять стратегию государства (постановку проблем и целей, а также распределение ресурсов). Так, в конце 1930-х годов, накануне и в начале Второй мировой войны, СССР был вынужден направлять на подготовку к войне до 80% своих ресурсов, экономика была милитаризована, а возможностей для социально-экономического развития практически не оставалось.

К сожалению, в последние десятилетия мировые реалии и тенденции оценивались российской элитой не до конца адекватно. Так, в 1980-е и 1990-е годы существовала эйфория относительно готовности США и Запада использовать военную силу против других государств, даже утверждалось, что «наступил вечный мир». Во всяком случае, до нападения Североатлантического альянса на Югославию. Немалые иллюзии существовали и по отношению к России, когда считалось, что посткоммунистическая страна стала частью и союзником западных стран. Подобная неадекватность привела к существенным ошибкам, даже преступлениям во внешней и внутренней

политике страны — неоправданным уступкам, развалу армии и силовых структур, уходу государства из экономики и идеологии.

Нации и государства существуют не в вакууме, а во вполне конкретной исторической реальности, в которой происходят жизненно важные для них процессы. Глобализация существенно усиливает это влияние, в ряде случаев и для многих стран делает его решающим. Так, мировые цены, военно-политическая ситуация, научно-технический прогресс и др. стали в последние годы важнейшими факторами, которые должны не только учитываться, но и заранее приниматься во внимание при принятии тех или иных решений. При формировании российских бюджетов, например, прогнозные оценки цен на нефть имеют важнейшее значение.

Наконец, достижение этих целей зависит от искусства стратегии, включая искусство использования имеющихся ресурсов, учет международных факторов. В этом искусстве аккумулируются как знания по широкому, даже практически неограниченному спектру вопросов, так и опыт — политический, военный, экономический, идеологический — и талант управленцев и политиков. Так, если цели не подкреплены соответствующим ресурсом, то стратегия — авантюристична. С другой стороны, если цели не амбициозны, значительно недооценивают собственные возможности и объемы ресурсов, то они не просто не амбициозны (как порой происходит в сегодняшней России), но ведут к стагнации.

В современной России мы сплошь и рядом видим и то и другое. Мы нередко заявляем об амбициозных проектах, не осознавая до конца необходимый объем ресурсов (в том числе и ресурса времени). Или обращаемся для достижения поставленных целей к другим ресурсам, пытаемся решить эти задачи заведомо неэффективными методами. Но чаще мы наблюдаем отсутствие амбициозных, «масштабных», как не раз говорили Д. А. Медведев и В. В. Путин, целей. Мы нередко заведомо низко ставим планку, не используем все свои резервы, ресурсы и возможности. Это, естественно, делает наши стратегии неконкурентными, ибо чего-то значительного добиться без мобилизации всех ресурсов в интересах опережающего развития невозможно.

Таким образом, изначально базовые ценности и национальные интересы являются основной, фундаментом любой стратегии, которая, в свою очередь, также прямо зависит от формулируемых элитой целей. Все вместе — ценности, национальные интересы и цели — как система выступают в качестве идеологии и становятся фундаментом для стратегии. Выбор той или иной стратегии зависит в конечном счете от базовых основ идеологии. Но не только. На этот выбор оказывают серьезное воздействие два других, также идеологических, но уже вполне субъективных, фактора:

— во-первых, это субъективное восприятие элитой существующих реалий, прежде всего национальных интересов, а также ценностей. Это

восприятие иногда может не только не отражать потребностей нации, но и прямо противопоставляться им. Прежде всего из-за корыстных, как правило, экономических интересов либо простого непрофессионализма. Но чаще — из-за ошибочных превалирующих идеологических постулатов.

Кроме того, возможна, даже вероятна, недооценка или переоценка элитой собственных ресурсов. И это — тоже элементы субъективизма в идеологии. И то и другое одинаково плохо, ибо влияет на реальность формулирования внутривнутриполитических и внешнеполитических целей. Иногда самобичевание и уничижение в отношении собственного прошлого, реальных и мнимых ошибок ведет к тому, что превалирующей идеологической тенденцией становится недооценка собственных культурных, исторических, интеллектуальных и политических ресурсов. Требования «покаяния» в 1980-е годы, огульная критика советского опыта, разговоры о «вечном русском пьянстве и лени», как это ни покажется странным, находятся в одном русле с вполне прагматическими требованиями переоценки итогов Второй мировой войны (и роли СССР в послевоенном мироустройстве), от которых совсем уже недалеко до заявлений о выплате Россией компенсаций за «оккупацию».

Между тем культурный, духовный и исторический потенциал России не просто огромен, но имеет и особое значение на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации. Этот потенциал стремительно превращается в фактор развития, мощный ресурс. Связано это прежде всего с главной тенденцией мирового развития — превращением творческого потенциала личности в ведущий фактор развития как экономики, так и общества. Но ведь основу этого человеческого потенциала составляет культура, образование и духовность. Соответственно, их недооценка, а тем более пренебрежение к этим ресурсам, неизбежно ведет и к недооценке ресурсов всей нации;

— во-вторых, на идеологию и на стратегию оказывают влияние внешние факторы, как объективные (тенденции развития научно-технического прогресса, экономические тенденции, развитие мировых рынков и т.д.), так и субъективные (политика тех или иных государств, их союзов и коалиций, негосударственные акторы международных отношений). Подготовка фашистской Германии к войне во второй половине 30-х годов XX века, например, заставила СССР всерьез, радикально изменить не только свои долгосрочные планы развития (включая пятилетки), но и повлияла на фундаментальные идеологические ценности ВКП(б), заставила изменить иерархию внешнеполитических целей, скорректировать политику в отношении ресурсов, повлияла на социальную политику (отмена выходных, введение мобилизационной готовности и т.п.).

В России с 2006 года мы находимся на стадии **переоценки как наших национальных интересов и базовых ценностей, так и разработки стратегии**. Происходит это по двум основным причинам:

- **во-первых**, в прежние десятилетия мы (точнее наша элита) — и «коммунисты», и «демократы» — часто неадекватно относились к находившимся в их распоряжении ценностям и некорректно формулировали интересы страны. Сегодня требуется не только вернуться к истокам наших национальных интересов, но и переосмыслить реальное место России в мире, выработать стратегию развития. Строго говоря, многочисленные выступления 2006–2010 годов В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова, В. Суркова были посвящены именно этому. В. В. Путин сказал об этих ценностях весной 2007 года в своем послании Федеральному Собранию буквально следующее: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это **такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность**»⁷¹.

К 2007–2008 годам завершился период экономического восстановления страны, одновременно, и об этом мало ещё говорят и пишут, закончилось время самобичевания, недооценки собственных возможностей, неоправданного и некритического оптимизма в отношении западных стран и их намерений. Страна устала не только от экономики неолибералов, но и от их идеологии, причем настолько, что даже трудности кризиса 2008–2010 годов заметно не отразились на новом курсе, заявленном В. В. Путиным и продолженном Д. А. Медведевым. Идеология (точнее — неидеология) периода развала стала уступать место идеям (ещё не идеологии) развития и восстановления национальной идентичности;

- **во-вторых**, как видно из рисунка, описывающего алгоритм стратегии, определение национальных интересов зависит во многом и от имеющихся ресурсов. Повторю — как материальных, так и не материальных. Их, конечно же, в России стало больше, а значит, и заявленные цели могут быть иными, более амбициозными. Напомним, что к 2007 году ВВП России достиг уровня РСФСР 1990 года, а кризис 2008–2010 годов качественно не изменил этой ситуации. Но главное, мы начинаем учиться использовать не только материальные ресурсы, но и ресурсы человеческого потенциала — интеллектуальные, духовные, нравственные. Пока ещё плохо, и во многом потому, что о них заявлено в многочисленных стратегиях, но в реальности ещё мало сделано для использования таких ресурсов. Кстати, в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года о развитии человеческого потенциала говорится на удивление мало. Этот фактор даже не выступает в качестве главной цели **развития общества и экономики**. Так, в разделе III

этого документа, где речь идет о национальных интересах Российской Федерации и ее стратегических приоритетах, человеческий потенциал упоминается только как объект инвестиций. .

Недооценка ресурса человеческого потенциала — прямое следствие недооценки идеологии в последние десятилетия. Страна почти 20 лет не только не участвовала в идеологических спорах и в разработке собственных моделей опережающего развития, но и сама «добровольно» превратилась в «рынок» для агрессивной экспансии чужих идеологий. За этот период на российском идеологическом и мировоззренческом рынке появилось множество чуждых идей и систем. Не стоит думать, что это произошло случайно: кто-то ведь финансировал исследования и публикации, заботился о «своих» СМИ и организациях, выступавших от имени гражданского общества.

Пока в СССР и России ликвидировались средства идеологической борьбы, созданные в годы конфронтации, в целом ряде стран создавались новые и модернизировались старые государственные и общественные институты, предназначавшиеся для этих целей, т.е. мы не только обезоружили себя перед чужими идеологиями, но и сами интеллектуально разоружились. Отчетливо это стало видно в 2008–2009 годы, когда внешняя и внутренняя политика России стала «вызывать беспокойство» и, соответственно, ответную реакцию Запада.

Нации, чьи элиты не знают и не защищают свои национальные интересы и не могут сформулировать внятных целей, стратегий, — обречены на небытие. Но часть современной российской элиты во многом формировалась в 1990-е годы, когда категории «национальные интересы» и «ценности» не только не признавались, но даже высмеивались. Эти люди во многом воспитывались на наднациональных и безнравственных, в том числе неолиберальных, ценностях, заменивших коммунистическую идеологию в процессе официально объявленной «деидеологизации».

Создание Комиссии по противодействию фальсификации истории в мае 2009 года стало первой публичной попыткой государства «вернуться в идеологию», хотя и до этого В. В. Путин, Д. А. Медведев говорили об этом. Не случайно появившаяся «идеология» «Единой России» прямо отсылает своих членов к идеологическим сигналам В. Путина. Так, в документе «Ценности и приоритеты партии», подготовленном алтайскими единосотцами в 2006 году, этой теме был посвящен специальный раздел. Он так и назывался: «Идеология президента — идеология партии». Этот документ декларировал: «„Единая Россия“ за основу своей деятельности принимает основополагающие ценности, изложенные в выступлениях Президента. Главной ценностью для партии является человек. Вот почему „Единая Россия“ поддерживает предложенные В. В. Путиным приоритетные национальные проекты: здоровье, качественное

образование, доступное жильё, развитие АПК. Именно от успешного развития этих сфер зависит будущее каждого конкретного человека, а значит, и страны в целом.

Непосредственно вопросам приоритетных национальных проектов посвящено выступление Президента РФ В. В. Путина на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами Президиума Государственного совета (05.09.05).

Партия выступила с предложениями всесторонней поддержки президентских инициатив, внесла свои конкретные предложения по их осуществлению и взяла на себя ответственность за их реализацию на местах⁷².

Также не случайным было и то, что антикризисная стратегия России в 2008–2010 годах не основывалась ни на стратегии развития (хотя иногда и появлялись дежурные объявления о сохранении Концепции социально-экономического развития 2020 в условиях кризиса), ни на идеологии. Сами антикризисные мероприятия имели явно неидеологизированный, бессистемный характер. В многочисленных выступлениях официальных деятелей государства идеология развития оставалась, как правило, за скобками общих рассуждений об антикризисных мерах⁷³.

Попытки заменить национальную идеологию «общечеловеческими ценностями», «прагматизмом» и другими искусственными всеидеологическими конструкциями привели не просто к провалу, а к поражению России в идеологической борьбе, утрате ею большинства позиций в этой сфере. И многие наши нынешние беды — запутанные национальные и федеративные отношения, экономическая дезинтеграция, «суверенитеты» и т.д. — лишь следствие «идеологического разоружения», поставившего нацию и государство на грань тотального поражения. Мы не успели (или не смогли) трансформировать идеологию СССР, принадлежавшую индустриальной эпохе, в идеологию информационно-технологического этапа развития человечества. Мы вообще «забыли» об идеологии, созидании и развитии, занятые разрушением советского общества и государства. Сегодня важно ещё раз вспомнить о причинах и годах «возвращения идеологии».

Более того, первый период правления В. В. Путина — период внутривнутриполитической стабилизации и восстановления экономики — также по разным причинам не способствовал разработке перспективных идей и моделей. Отчасти — по объективным причинам (было не до этого), но отчасти и из-за того, что главный политик (и он же должен был быть идеологом) — В. В. Путин, видимо, вплоть до 2006 года сознательно не хотел брать на себя откровенно идеологические функции.

Между тем уже после завершения восстановительного периода 2000–2007 годов объективно возникла потребность и сформировался общественный

запрос на идеологию как во внешней среде (необходимость идентификации себя в мире, своих интересов и целей), так и во внутренней (российскому обществу нужна была цель развития). Причем чем лучше обстояли дела в социально-экономической области, тем неотложнее, актуальнее становилось задача принятия стратегии и обязательная в этой связи задача формулирования идеологических приоритетов. Примечательно, что ускорение темпов развития России в первой половине 2007 года совпало с ускорением роста доходов населения: темпы промышленного роста и ВВП превысили 7%, а доходов граждан и реальной зарплаты — 13% и 18,4% соответственно⁷⁴.

В этот же период был сформирован прогноз и бюджет на 2008–2010 годы. В целом эту ситуацию весны 2007 года хорошо описал бывший посол Великобритании в Москве Р. Брейтэйт: «Российские политики снова обрели необходимую уверенность в себе, чтобы высказывать свое видение национальных интересов России независимо от того, совпадает ли оно с мнением Запада. Но эта уверенность до сих пор зыбка, слишком зависима от цен на нефть, от внутренней политической стабильности, основанной на централизации и жесткой дисциплине. Чувство агрессивной уязвимости до сих пор сквозит во всех смелых речах»⁷⁵.

Это признание английского дипломата, на мой взгляд, говорит одновременно о непонимании Западом мотивов российской элиты, с одной стороны, но одновременно и о том, что сами эти мотивы не до конца были сформулированы — с другой. Ибо было ясно, что усиление государства без объявления его идеологической составляющей привело к росту настороженности за рубежом, усилению враждебной критики в адрес России. Проблемки идеологии, в основе которых находилась не доктрина, а выступления лидера, его «сигналы» обществу неизбежно вызывали обеспокоенность как за рубежом, так и внутри страны. Ведь многим было не ясно, куда в конечном счете могут завести страну эти «сигналы». Как отмечал в декабре 2006 года министр иностранных дел РФ С. Лавров, «нарастание такой критики происходит по мере того, как Россия становится более уверенной в своих силах. Наверное, всегда есть желание у конкурентов постараться своего партнера-конкурента как-то ослабить»⁷⁶.

Наверное, это самое простое объяснение, но не обязательно самое верное. Дело в том, что сильное, независимое государство, которым становится Россия, должно четко себя позиционировать в мире. И прежде всего идеологически. Наши партнеры и союзники, а тем более оппоненты, должны ясно знать, чего мы хотим и что мы готовы за это заплатить, а за что — платить не будем. На мой взгляд, наши соседи и партнеры будут готовы смириться даже с нашими завышенными амбициями, если мы их толком сможем заявить и аргументировать. Но с чем они определенно не готовы соглашаться, так это с нашей непрогнозируемостью, завуалированностью целей, вытекающей из отсутствия внятной идеологии и стратегии.

Важно, на мой взгляд, осознавать, что в эпоху глобализации, не имея своей ясной идеологии, мы ставим под угрозу как свою национальную идентичность и суверенитет, так и отказываем себе в продуманной долгосрочной стратегии инновационного и ускоренного развития. В конечном счете, таким образом, мы лишаем себя будущего. Простой пример. На встрече с представителями крупного бизнеса 6 февраля 2007 года Владимир Путин призвал создать условия для диверсификации экономики, чтобы обеспечить «инновационный путь развития». И хотя эксперты оценили этот тезис как программный для последнего года президентства Путина, его выполнение столкнется с большими предвыборными трудностями⁷⁷, с неготовностью бизнеса и государства к реальному переходу на инновационный путь развития.

Собственно, это и произошло в последующие три года: заявления и инновационные программы, не подкрепленные реальными механизмами реализации, причем механизмами системными, идеологическими, а не разовыми решениями, привели практически к нулевому результату к 2010 году. Горькая оценка неспособности к инновациям, прозвучавшая в 2010 году у Д. А. Медведева, во многом была предопределена всеми предыдущими действиями власти. Если вновь обратиться к рисунку, на котором изображен алгоритм стратегии, то мы увидим, что обязательная роль в нем предполагается не только декларированию и даже нормативно-правовому оформлению цели, но и обеспечению такой стратегии необходимыми ресурсами. А необходимых ресурсов для развития человеческого потенциала и инноваций выделено не было. Так, только весной 2010 года было сказано о льготном налогообложении инноваций и образования, но при этом кредитная политика как была, так и осталась антиинновационной. В целом же можно констатировать, что в 2009–2010 годах власть только начала процесс обеспечения своей инновационной стратегии необходимыми ресурсами. Вопрос о том, насколько быстро пойдет этот процесс в условиях кризиса, остается открытым.

Но нам необходимо исходить еще и из того, что в 2010 году в США, например, свыше 90% прироста ВВП обеспечивается за счет экономики знаний и развития человеческого потенциала, а более 60% всех предприятий имеют инновационный характер (в России этот показатель равен 5%). Этот та реальная точка отсчета, от которой мы должны исходить при реализации стратегии опережающего развития. И начинать надо было с системного анализа самой проблемы развития, хотя бы самого простого, в котором раскрывался бы алгоритм стратегии.

Алгоритм раскрытия экономического развития страны, общества⁷⁸:

1. Влияние географического положения страны на развитие хозяйства.
2. Направления государственной экономической политики.

3. Развитие промышленности: районы; специализация регионов; виды, характер и особенности организации производства; типы промышленных предприятий; технические достижения; объем выпускаемой продукции и пути ее реализации.
4. Развитие торговли.
5. Развитие сельского хозяйства: земледелие (разновидности культур, развитие орудий труда и сельскохозяйственной техники, урожайность); скотоводство; промыслы; объем производимой продукции и пути ее реализации.
6. Развитие форм собственности.
7. Финансовое развитие страны (состояние денежной системы; банки, ростовщичество); финансовая политика государства.
8. Роль экономики в социально-политическом развитии страны.
9. Место страны в мировом производстве.

Действительно, сегодня не надо никому доказывать, что без инновационного взлета наша экономика обречена на прозябание, на вечное сохранение статуса сырьевого придатка ведущих мировых держав. Но кому сегодня в России реально нужна инновационная модель развития экономики? Как пессимистически считает начальник инспекции контроля расходов федерального бюджета на науку и образование Счетной палаты Вениамин Соколов, правительство замораживанием в различных фондах гигантских средств показывает, что федеральных чиновников эта идея, несмотря на декларации, мало волнует. Инновационная экономика не очень интересна и нашему бизнесу — он не предъявляет спроса на инновационный продукт. И уж тем более мы не нужны с нашими инновациями на международных рынках, там их и без того хватает. То есть отсутствуют три основных фактора, способных поднять инновационную среду. А потому в наших условиях инновационная модель развития изначально конфликтна. Поэтому для ее продвижения нужны **политическая воля и создание соответствующих институтов⁷⁹**.

Но не только. Сами по себе эти приоритеты идеологически до конца не выстроены, а тем более не подкреплены реальными, значимыми ресурсами. Так, в послании 2007 года Федеральному Собранию В. В. Путин декларировал выделение 180 млрд. рублей (7 млрд. долл.) на развитие нанотехнологий. США на четыре года выделили 3,7 млрд., а ЕЭС на 3 года — 1,3 млрд. евро. При этом не вполне ясно, почему эти расходы (сопоставимые со всеми расходами на фундаментальную науку) идут только на нанотехнологии. Как отмечают российские эксперты, «приравнивание всего научного бюджета РФ к объему отдельно взятой nanoинициативы — сильное решение. Даже во времена советского атомного или космического проектов пропорции были иными. Впрочем, эксперты уже устали повторять, что по всему НТП-фронту нынешняя Россия атаковать не в состоянии и стоит определиться с приоритетами. Вот вам и приоритет⁸⁰».

По меньшей мере, это решение Президента РФ должно быть объяснено в рамках не только стратегии развития науки и экономики, **но и идеологически**. Так как это было в свое время с космическими и ядерными программами, ведь недофинансирование остальных областей фундаментальной науки и НИ-ОКР — очевидно. Тем более непонятно, почему из инновационной политики властью в 2007–2010 годах «выпала» социо-гуманитарная сфера. Инновации — это прежде всего люди, развитие человеческого потенциала, а затем уже технологии. Эта приоритетность в деятельности власти спутана.

Мода на инновации и модернизацию, появившаяся в 2007–2010 годы в риторике руководителей разного уровня, — явление не плохое. Но эта мода может остаться только риторикой, если не последуют результаты. Пока мы этого не наблюдаем, что вынудило даже Д. А. Медведева и В. В. Путина не раз в 2009–2010 годы говорить о том, что инициативы тонут в бюрократической пучине. Алгоритм стратегии опережающего развития предполагает, что, **во-первых**, правильно, адекватно сформулированы проблемы и цели, **во-вторых**, они выстроены в приоритетном порядке, **в-третьих**, что они учитывают и используют мировые тенденции развития, наконец, **в-четвертых**, что эти приоритеты обеспечены **всеми** необходимыми ресурсами государства и общества.

Последнее обстоятельство следует конкретизировать. Ресурсы — это не только финансы, но и весь спектр потенциальных возможностей. Причем не только государства, но и всего общества. От ресурса времени до административного, организационного и прочих ресурсов, среди которых особое значение имеют моральный и психологический ресурсы (потенциалы). Не будучи мобилизованы (а в отсутствии идеологии этого сделать нельзя), эти ресурсы не используются. И, наоборот, когда власть и общество понимают значение этих ресурсов для достижения желаемой цели, способны и хотят их мобилизовать, то получается феноменальный результат. В качестве примера можно вспомнить, как проходила мобилизация советского потенциала в начальный период Великой Отечественной войны. Если в 1939–1941 годы

Германия и ее союзники имели примерно в 2–3 раза больший ВВП и производственные мощности, чем Советский Союз, то к концу 1942 года СССР стал производить танков, самолётов, орудий разного калибра значительно больше, чем вся покоренная Гитлером Европа.

Кроме того, и это нужно особо отметить, за инновации надо платить. Реальными деньгами и временем, не ожидая немедленной отдачи. Но ни бизнес, ни правительство пока не готовы платить масштабные деньги за перспективные разработки. Бизнес — потому что ему выгодно вкладываться в короткие и высококорентабельные проекты, а правительство — потому что чиновник в принципе не думает о перспективе более года. Для изменения этого такой чиновник должен стать государственным деятелем, т. е. **идеологом**. Да и сама правительственная команда должна быть спаяна **идеологией опережающего развития**. Пока что этот процесс ещё только начинается.

У этой идеологической проблемы, таким образом, есть прикладное, вполне экономическое значение: 2006–2009 годы завершили **стабилизационный**, восстановительный, «переходный» этап развития России, неизбежно и неотложно ставя проблему выбора дальнейшей экономической стратегии страны в XXI веке. Период «стабилизации», о котором В. В. Путин говорил еще в 2004 году, заканчивается. Уже сегодня заметны элементы нового периода — развития. Кризис 2008–2010 годов помешал этому процессу, в т. ч. и потому, что страна осталась со слабой структурой экономики и без идеологии развития, роль которой, конечно же, не смогла выполнить «Концепция 2020».

Вот почему важно представить не только власти, «для себя», но и для всей элиты и нации максимально адекватное **будущее России**⁸¹. А это уже **идеологический выбор**, причем общенациональный. Это обязательное условие при принятии сегодняшних важнейших политико-экономических решений. Нужно ясное направление, вектор, ошибка в выборе которого сейчас на крошечную величину приведет в будущем — лет так через 10–15 — к огромным отклонениям. Иногда уже непоправимым.

Выбор элитой идеологии развития⁸²

«Самое главное — это идеология развития. Когда она есть, все остальные вопросы носят технический характер»⁸³

Член-корреспондент РАН М. В. Ковальчук

«Духовность и креативность делают человека реальной силой, наиболее значимой составляющей не только социума, но вселенной»⁸⁴

В. А. Петровский

На формировании целей, понимание проблем, стоящих перед нацией, как уже говорилось, влияет адекватность восприятия элитой страны, ее руководством базовых национальных интересов и ценностей, учет международных реалий и эффектив-

ное использование ресурсов. Именно адекватное восприятие элитой страны этих составляющих позволяет говорить о возможности формирования эффективной **идеологии и стратегии развития**, без которой, в свою очередь, как справедливо говорил

М. В. Ковальчук, «все остальные вопросы носят технический характер».

Уместно в этой связи напомнить еще раз о том, что понимается под идеологией. Определений этому понятию уже проводилось много, но в данном контексте, а именно: «понимания элитой идеологии развития», полезно использовать характеристику покойного философа А. А. Зиновьева, который писал в своей книге «Идеология партии будущего» следующее: «Предварительно идеологию можно определить как совокупность понятий, суждений, идей, учений, концепций, убеждений, мнений и т.п. людей обо всём том, что в данных условиях и в данной человеческой общности считается важным для осознания человеком самого себя и своего природного и социального окружения»⁸⁵.

Эту «совокупность понятий» элиты необходимо прокомментировать, ибо от нее сегодня слишком много зависит не только для разработки идеологии стратегии опережающего развития, но и совершенно конкретных, практически даже жизненно важных действий. Например, взрывы в московском метро, прозвучавшие в марте 2010 года, как и многие другие террористические акты до этого, свидетельствуют о том, что против России ведется война, в основе которой находится **идеологическая мотивация** (создание исламского государства на Кавказе, борьба на смерть с неверными). Противостоять агрессивной идеологии может **только система политико-идеологических мер**, в которую входят и экономические, и военные меры, но в качестве дополнительных инструментов.

В России, однако, похоже, этого не понимает правящая элита, так как предлагает исключительно силовые или экономические способы противодействия, которые будут **заведомо не эффективными против агрессивной идеологии**. Так, создание «единого антитеррористического центра» на Кавказе в дополнение к уже имеющимся силовым возможностям мало что дает, ибо действия **террористов происходят по всей территории России**. Также неэффективны и только экономические «вливания» в кавказский регион, во-первых, потому что часть этих средств уходит террористам, а, во-вторых, потому что среди террористов находятся не только обездоленные, малообразованные и бедные, но и вполне благополучные и образованные граждане. Не подходят и меры, ориентированные на этнический характер преступности. Так, уничтоженный в марте 2010 года лидер террористов Бурятский, был наполовину русский, а наполовину — бурят.

Таким образом, выбор эффективных антитеррористических мер прямо зависит от идеологического выбора элиты, в частности, от создания эффективной идеологической системы, в которую органично входили бы как экономические, социальные, так и силовые компоненты. В этой связи можно согласиться с Ю. Латыниной, которая пишет о том, что «касается того, что хотят наши террори-

сты. Они хотели, начиная с 1999 г., (на мой взгляд, значительно раньше. — А. П.) освобождения всего Северного Кавказа, это полностью укладывалось как в их идеологию, так и в более широкую идеологию оборонительного джихада, который они ведут на земле, которая когда-то была Землей Ислама. „Оборонительный джихад“ — это такой ключевой момент всего, что происходит, — допустим, нельзя говорить о большевиках, не говоря о диктатуре пролетариата. Нельзя говорить о ваххабитах, не говоря о доктрине „оборонительного джихада“.

В этой связи можно процитировать Мусу Мукожева, одного из лидеров кабардино-балкарского Джамаата: „Каково положение мусульманина, который живет сегодня в кяфирском государстве? Как ему правильно жить, что надо делать, чтобы не впасть в заблуждение или грех? Ответ только один: вступить в войну против кофров, выходить в джихад, сражаться с кяфирами и унафиками. Каково положение мусульманина, живущего сегодня среди неверных и не принимающего участия в джихаде? Ответ — он грешник, который не только не помогает мусульманам, но и поддерживает государство кяфиров, уплачивая налоги“.

Или вот другое высказывание Мукожева: „Идет война, а мусульмане заняты строительством мечетей. Вопрос — зачем нам сейчас мечети? Чтобы нашим врагам было удобно нас пересчитать и составить списки ваххабитов?“ Чтобы было понятно, что для воинствующих мусульман мусульмане мирные являются одним из главных объектов атаки, цитирую Анзора Астемирова: „Если мусульманин выступает против мусульман на стороне неверных, то отношение к нему такое же, как к неверным, то есть, его кровь больше не является запретной и его можно убить. Признание конкретного человека ‚неверным‘ означает, что его следует убить, его имущество — халаль, его жены сразу считаются разведенными, его дети не наследуют от него, и родители не оставляют ему наследства“: „Мусульмане, которые словом или делом помогают неверным против мусульман, — с ними следует сражаться так же, как и с неверными“, — поэтому не ополчайтесь на мечети, на них уже достаточно ополчаются сами ваххабиты»⁸⁶.

Думаю, что именно реакция патриарха Кирилла на террористические акции шахидов в московском метро (на станциях «Лубянка» и «Парк культуры») была самой адекватной. Святейший призвал сограждан не паниковать и быть солидарными друг с другом. «К несчастью, это не первый за последние месяцы теракт, совершенный в России. И мы отчетливо видим, что опасность подстерегает каждого из нас в любую минуту», — сказал глава РПЦ. Его слова передала актуальным комментариям пресс-служба патриарха. Как подчеркнул Кирилл, «отвечать на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением». «Пусть нашим ответом станет единство нашего народа, его твердая воля к тому, чтобы

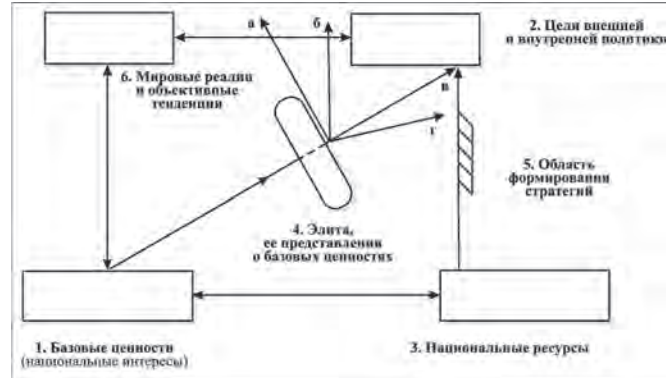
остановить террористов и тех, кто их поддерживает, финансирует или оправдывает. Их настигнет Божия кара. Верю, что не замедлит и человеческая справедливость»⁸⁷, — сказал он.

Повторю еще раз: идеологический выбор элиты имеет принципиальное значение не только для экономики и планов развития, но и повсеместной деятельности государства и общества, деятельности сегодняшней и завтрашней во всех областях. Этот выбор — начало любой политики, любого процесса. От законодательного и информационного до силового и экономического. В случае с терроризмом этот выбор означает, **во-первых**, что в России, на всей ее территории, а не только на Кавказе, **много лет идет война**. И наши действия должны быть адекватными, такими же как у любого государства, которое находится в состоянии войны. **Во-вторых**, противодействовать терроризму только военными действиями на Кавказе или экономическими вливаниями, как показывает история, означает продолжение войны на условиях противника. Нужна идеология, выбор элитой стратегии войны.

Сказанное об идеологическом выборе элите в полной мере относится и к реформированию политической системы и государственного устройства России, так как мы еще до конца не определились, по какому пути пойдём: часть элиты полагает, что нам ничего не нужно изобретать и можно довольство-

ваться западным опытом; другая ее часть считает, что нам нужно вернуться «к истокам» — традиционным ценностям Российской империи, третья — вернуть советское прошлое. Элита должна сделать свой идеологический выбор, который, на мой взгляд, синтезирует как традиционные российские и советские ценности, так и опыт западных государств. Но при этом, как подчеркивает академик А. В. Торкунов, «никто не должен обладать монопольным правом на вынесение оценки демократичности»⁸⁸.

Исторически для России субъективный фактор — роль лидера и политика элиты — всегда имел огромное значение. Вспомним хотя бы роль Петра I, В. И. Ленина, И. В. Сталина, М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, деятельность которых привела к глубоким, системным изменениям государства и общества. В отличие от развитых стран, чьи элиты ограничены в масштабе своих действий, российская элита, как показывает опыт, может радикально, даже революционно влиять на судьбу страны как в положительном, так и в отрицательном смысле. Если вернуться к указанному выше рисунку, то мы увидим, что именно элита должна придти по основным идеологическим вопросам если не к консенсусу, то к взаимопониманию, ясно обозначать как проблемы, так и цели развития. В противном случае расхождения в заявленных целях и методах их достижения окажутся непреодолимыми.

Такой разницей в формулировании элитой целей может привести к тому, что ее часть может предлагать неадекватно завышенные (слишком амбициозные) цели — вариант «а», — не соответствующие ресурсам страны и международным реалиям. В то же время другая часть элиты будет предлагать (как это существует сегодня в финансовой части элиты) заниженные цели, также не адекватные потребностям и интересам страны — вариант «г». Но и это не всё. Разницей внутри элиты относительно целей развития усугубляется неизбежным расхождением относительно средств, ресурсов и в конечном счете самой стратегии. В отсутствии единого представления эта «совокупность понятий», по Зиновьеву, может привести к прямо противоположным подходам, ведь споры, даже противоборство из-за

ресурсов — обычное явление. Действительно, если взять, например, процесс формирования бюджета, то на всех его стадиях — от определения приоритетов до голосования в Федеральном Собрании и итоговой подписи президента — происходит борьба не только концептуальная, идеологическая, политическая, но и аппаратная, ресурсная, наконец, просто личная.

В любом случае требуется относительное единство внутри элиты по идеологии, т.е. всей «совокупности понятий», которого сейчас нет. Причем его нет даже по принципиальным вопросам. Так, определяя в качестве приоритетной цели инновационное развитие, в т.ч. энергосбережение, экономию ресурсов и т.д., значительная часть правящей элиты игнорирует эту совокупность задач, что в конечном счете при-

водит к абсолютной невосприимчивости экономики к инновациям. Одно из объяснений этому дает депутат ГД РФ А. Савельев: «У нас есть органы, которые отвечают за определение стратегии развития России. Даже есть документы, в которых эта стратегия сформулирована. Например, военная доктрина, доктрина национальной безопасности страны, ежегодное послание президента РФ, где называются основные направления стратегического развития страны. То есть что касается выражения стратегии на бумаге, то она обозначена. Не видно только главного — ее реализации.

Вместо обозначенной стратегии у нас проводится в жизнь **идеологическая доктрина**. Она либеральная, ультралиберальная или, как ее в последнее время стали называть, «либертатная». Она не имеет никакого отношения к классическому и современному западному либерализму. В российской почве находят отражение лишь своеобразно интерпретированные положения либерализма. Их суть буквально можно свести к одному: пусть страна погибает, лишь бы принцип действовал. На мой взгляд, эти либертатные положения и являются сегодня той самой стратегией развития, которую реализовывают государственные органы»⁸⁹.

Другими словами, в нынешней России у элиты есть две стратегии, две идеологии — «на бумаге» и в выступлениях Д. А. Медведева, и В. В. Путина и в реальной, в т.ч. экономической, жизни. Поэтому сегодня важнейшей задачей является **ликвидация второй, неолиберальной (а на деле — коррупционной и безнравственной) идеологии** с тем, чтобы «бумажная» идеология стала реальной. Элита, конечно же, и сама может сделать выбор между двумя противоположными идеологиями, но для этого многие ее представители будут вынуждены «наступить на горло собственной песне» — доходам, поведению, образу мышления. Такой выбор российской элиты (в основной ее массе) практически нереален. Поэтому остается только один выход: как не раз бывало в истории России, власти придется сделать этот выбор с помощью административно-силовых методов, заставив непокорную часть элиты подчиниться своей воле либо отказаться от ее услуг. Как это случилось с В. Гусинским, Б. Березовским, М. Ходорковским и сотнями чиновников, против которых в последние годы была возбуждена масса уголовных дел.

Понятно, что такие шаги должны сопровождаться массовой идеологической кампанией, а не отдельными решениями, созданием **идеологической атмосферы** нетерпимости к коррупции, казнокрадству и бюрократической вольнице. Однажды В. Сурков сделал примечательное замечание на форуме «Стратегия 2020»: «Нужно учитывать немаловажный аспект русской политической и управленческой традиции, что „элита“ — это не пожизненное звание, — заметил он. — Когда мы видим людей, которые руководят тер-

риториями или партиями, — вот сколько существует новая Россия, столько они ими руководят, — от этой нацеленности на пожизненное присутствие на своих постах тоже надо избавляться. Здесь проблема не в костности системы, а в нашей ментальности. Никто не хочет уходить, потому что каждый считает, что заслуживает своего руководящего положения, хотя, возможно, это не так»⁹⁰.

Идеологическая система нетерпения — это часть идеологии развития, без которой само развитие невозможно. Как **невозможно развитие и без смены значительной части элиты**, которая в принципе может не быть заинтересованной в дальнейшем развитии России: ни в опережающем, ни в сырьевом — никак. О. Маслов отмечал в этой связи, что «необходимо признать, что технология возникновения российской элиты также базируется на принципе отделения собственной судьбы от судьбы своего народа и своего государства»⁹¹.

Говоря об этом же, В. Найшуль подчеркивал: «Если мы посмотрим на нашу нынешнюю элиту, то можно сказать, что она ведет себя отвязно. Отвязно не в смысле — плохо, а в смысле — независимо. Ее стиль состоит в том, что „мы никому ничего не должны“. Подавляющее большинство состоятельных людей в России искренне считают, что они не получили свое богатство от народа, что в их нынешних состояниях нет труда предыдущих поколений граждан нашей страны, и именно это позволяет утверждать, что принципиальной разницы между „оффшорной аристократией“ и „национальной буржуазией“ нет»⁹².

Ключевыми для понимания элитного взгляда на реальность являются слова А. Коха о том, что государственная собственность до приватизации 90-х годов прошлого века была «ничьей»⁹⁴. Таким образом, выбор элитой идеологии и стратегии развития может оказаться либо добровольным, либо вынужденным, когда не исключается и ликвидация части элиты. В этом случае произойдет не просто **выбор идеологии**, но и выбор элиты, т.е. революция в той или иной форме — сверху или снизу.

Без ясной идеологии нет и ясного отношения к **стратегическому прогнозу**, а тем более — к стратегическому планированию. Поэтому идеологический выбор (пусть и навязанный) в конечном счете означает выбор оптимальной стратегии развития страны (включая социально-экономическую), а также во многом предопределяет стратегический прогноз и качество стратегического планирования. К сожалению, такой способностью сегодня не могут похвастаться многие в России. Мы часто яростно спорим о настоящем, стремительно переписываем историю (нередко неправильно, плохо), но при этом мало говорим **о будущем**. А между тем такой разговор очень важен и нужен. Мы должны представлять, не только **каким** будет мир через 15–20 лет, но и **каким мы хотим** его видеть в России.

Общественный запрос на такого рода прогнозы в России сформировался к 2007 году, когда они стали появляться повсеместно. Среди отечественных можно особо выделить прогноз, подготовленный к конференции в РИО-Центре 16 мая 2007 года, проходившей под руководством Д. А. Медведева⁹⁴. В нем коллектив авторов из ВШЭ-СВОП, анализируя тенденции мирового развития, сделал следующий обобщающий вывод: «Основным сценарием до 2017 г. мы считаем умеренное общемировое развитие на основе продолжающейся глобализации и сочетания на национальном уровне стратегий приспособления, эволюционного совершенствования и радикального реформирования»⁹⁵.

Строго говоря, выбор элитой стратегии развития был связан не только с теми или иными прогнозными предпочтения, но по сути своей был **политическим**, даже **личностным выбором**: жить ли в России или за рубежом, связывать судьбу своих детей с «этой страной» либо с другой. В зависимости от такого политического и личного выбора будущего образа России могут формулироваться предложения о соответствующей стратегии, даже идеологии страны. В конечном счете речь шла о выборе судьбы страны, ее существовании в «глобальном» или национальном мире. Так, если принять этот вывод за основу, то в стратегии развития признается не только ведущая роль глобализации, но и «национальных стратегий приспособления» к ней, а также «эволюционного совершенствования» и «радикального реформирования», т.е. предлагается целый набор идеологических принципов.

Можно было принять эти не бесспорные, на мой взгляд, принципы или предложения, например, национализма (изоляциялизма) или неолиберализма (открытости), но в любом случае необходимо было сделать **идеологический выбор**. То есть, признавая ведущей тенденцией «умеренное общемировое развитие», считаем ли мы и для России «умеренные» темпы единственно возможными и приемлемыми? Или делаем для нас (а также Китая, Индии, Бразилии) исключение, формулируя общенациональную задачу «опережающего», а не умеренного развития? Другая тема — сочетаемость «стратегий приспособления» с глобализацией. Понятно, что России предстоит вписаться в общемировые тенденции глобализации. Не ясно, однако, до какой степени. Например, насколько это «вписывание» ведет к отказу от традиционных ценностей? Или от существующих правовых, нравственных норм и правил?

Сегодня эта тема — актуальный предмет дискуссий. Ежедневно и ежечасно мы пытаемся решить собственные проблемы, используя для этого западный опыт. Иногда с пользой, но чаще — нет. Прежде всего потому что воспринимаем его как идеал, некритично, без учета российской специфики. Без идеологического самоопределения элиты этот процесс может продолжаться бесконечно и столь же бесконечно

повторяться одни и те же ошибки. Принципиальный ответ на этот вопрос становится самым важным при выборе стратегии развития. Можно согласиться с В. В. Путиным, который не случайно акцентировал в своем послании 2007 года мысль о том, что сегодняшний мир — это не только противостояние военно-политических систем (как в XIX — первой половине XX века), и уже даже не только финансово-экономических (как в конце XX века).

Действительно, сегодня, наряду с геополитикой и геоэкономикой, важнейшим фактором является геокультурная экспансия, геокультурное противостояние. Русская культура, в основе которой лежит русский язык, — по своей сути имперская, имеющая мощный потенциал притягательности и влияния. У такой культуры и истории просто не может не быть, даже **обязана быть своя национальная идея и своя идеология**. Другой — чужой, не национальной — граждане России просто не воспримут.

Теперь о привязке национальной идеи к конкретному историческому моменту, а именно — периоду 2010–2012 годов. Если разговор об идеологии был актуален всегда и остается таковым, то конкретный исторический период, в котором такой разговор ведется, имеет важнейшее значение. Так, в начале 1990-х годов, когда большинство отказалось от марксизма, стояла проблема выбора развития СССР (СНГ) — России в посткоммунистический период. После 1990-х — выбора в условиях развала экономики и государства. Сегодня — в кризисных условиях, которым, однако, предшествовал период подъема. Оценки, возможно, во все эти периоды серьезно не отличались, но **отношение**, эмоциональное прежде всего, отличается серьезно. Об этом справедливо говорил в своей лекции в МГИМО (У) 26 марта 2010 года директор ВЦИОМ В. Федоров: «...„Мы стали богаче, самостоятельнее, самокритичнее, менее тревожны, стали менее искать причины и проблемы вовне... Сегодня россияне больше опираются на собственные силы“. Сегодня мы живем на границе эпох (смена случилась осенью 2008 года — вспоминаем тогдашние экономические и политические перемены). Теперь есть смысл вести сравнение не с „лихими 1990-и, а с успешными 2000-и. Люди строят стратегии, ориентируясь на эти годы“. Что может означать этот подъем планки? Вероятнее всего **рост критического восприятия действительности**. Главное, чтоб он вырос в желание изменять порядок деятельности в существующих институтах, а не в бунтарские позы или пустопорожнюю критику»⁹⁶ (т.е. В. Федоров выделил чисто идеологическую идею целеполагания в качестве ключевой. — А. П.).

Политическими и даже экономическими (при всей мощи „Газпрома“) средствами удержать постсоветское пространство в качестве сферы российского влияния становится все труднее. Однако на культурно-языковом уровне — это по-прежнему пространство именно „русского мира“, то есть русской культу-

ры и русского языка. И никого не удивляет тот факт, что на конкурсе «Евровидения» граждане и Грузии, и Украины, и Молдавии, и даже прибалтийских стран (государств, с которыми у России непросто складываются межгосударственные отношения) дружно голосуют за песни на русском языке и российских исполнителей»⁹⁷.

Выбор элитой идеологии предполагает признание того, что сохранение и развитие традиционных культурных и духовных ценностей является в XXI веке мощным идеологическим инструментом. Такой выбор — не только обязательное условие сохранения национальной идентичности, но и важнейшее условие опережающего экономического и социального развития, а также инструмент внешнеполитического влияния. Качественно новый продукт — идеи, технологии, товары, услуги — могут быть созданы

только самостоятельно, на основе существующих научных, культурных и духовных традиций. На чужой почве можно создать только компиляцию, развить чьи-то идеи, что по определению не дает возможности претендовать на первенство, опережающее развитие. Признание этого — **тоже идеологический выбор стратегии**.

Важно понимать при этом, что только адекватно представляя контуры будущего и делая осознанный идеологический выбор, можно начинать формировать осознанную социально-экономическую политику, ибо само будущее может преподнести неожиданные угрозы и вызовы. Способность представить, а лучше — спрогнозировать, будущее — важнейшее условие для правильного выбора, для разработки современной идеологии, эффективной и долгосрочной стратегии развития страны.

Стратегический прогноз как определяющий элемент выбора будущего российской элиты

«Перед Россией в несколько новом свете стоит задача всесторонней модернизации, от исхода которой во многом может зависеть ее место в посткризисном мире»⁹⁸

А. Торкунов

«Россию охватила новая страсть — долгосрочное стратегическое планирование и прогнозирование»⁹⁹

Е. Соболева

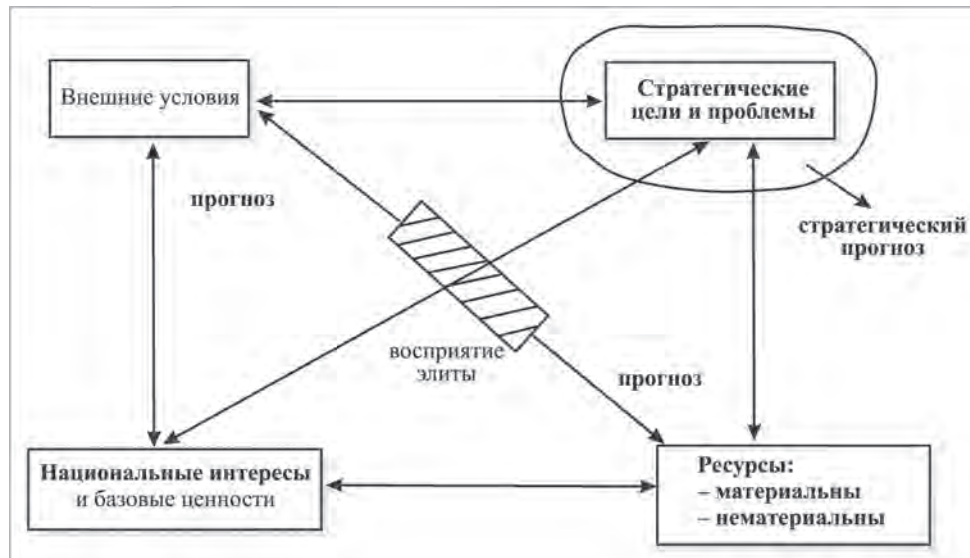
Следует сразу же оговориться, что существует принципиальная разница между различными представлениями о стратегическом прогнозе в российской элите. Сегодня, как правило, под этим термином понимается долгосрочный социально-экономический прогноз или какой-то другой (климатический, отраслевой, региональный), который зачастую выступает простой экстраполяцией существующих тенденций на 10–15 лет¹⁰⁰.

В действительности стратегический прогноз — это прежде всего влияние идеологии, т.е. в достаточной степени согласованное представление правящей элиты в данное время и в данном месте о будущем страны и мира. Это представление должно основываться на объективных и реальных национальных интересах, видении мира, адекватной оценке ресурсов и являться **важнейшим условием** точного целеполагания и стратегического планирования. Так, в своё время, при разработке стратегических прогнозов регионального развития в СССР исходили из идеологического принципа наличия в стране единого народнохозяйственного комплекса. Этот принцип рассматривался в качестве «главнейшего резерва национальной экономики»¹⁰¹.

С развалом СССР исчез, естественно, не только принцип единого комплекса, но и сам комплекс. Более того, по сути дела, был поставлен под сомнение и принцип единого народнохозяйственного комплекса в России, что также может иметь дале-

ко идущие экономические и политические последствия — регионализацию и «самостийность» субъектов РФ, с угрозой которой столкнулся В. В. Путин в 1999–2000 годах. Реформирование РАО ЕЭС, РЖД, Минатоммаша и других важных элементов и структур единого народнохозяйственного комплекса, как и проведенная до этого приватизация, основывались отнюдь не на принципе сохранения единого народнохозяйственного организма. Более того, А. Чубайс прямо говорил о том, что приватизация преследовала прежде всего идеологические, а отнюдь не экономические цели. «Вместо стабилизации экономики реформаторы в центр своих усилий выдвинули приватизацию государственной и муниципальной собственности. «...Экономическая составляющая этого феномена была отодвинута на второй план, так как сами приватизационные мероприятия были подчинены в первую очередь нуждам закрепления у власти так называемых „демократических“ сил во главе с Б. Н. Ельциным»¹⁰².

Выбор элитой страны целей развития изначально во многом предопределяет и выбор стратегий. Если, например, элита сформулировала в качестве приоритетной цели развитие военно-промышленного комплекса (как это было во времена СССР), то, соответственно, огромные ресурсы страны направлялись для достижения именно этой цели. Возвратившись к схеме соотношения интересов — целей — ресурсов, в которой была формализована идеология

правлящей элиты, мы увидим, что стратегический научный прогноз играет важную роль, прежде всего с точки зрения формирования потенциального «коридора возможностей».

В зависимости от стратегического прогноза влияния внешних условий, ресурсного обеспечения и других факторов правящая элита формулирует возможные проблемы и свои действия на долгосрочную перспективу. Понятно, что такой прогноз может очень различаться по своей методике и амбициозности. Так, стратегический прогноз может включать множество факторов и учитывать большое количество возможностей, но может и не учитывать их (как в реальности происходит, когда фактически учитываются только макроэкономические показатели).

Влияние прогнозов огромно, ибо они нередко формируют позицию правящей элиты по отношению к будущему, становятся отправной точкой для всего процесса стратегического планирования. Неполные, неточные или ошибочные стратегические прогнозы могут серьезно повлиять на политику, в т.ч. экономическую, власть. Особенно наглядно это видно на примере военной истории, когда неверный прогноз приводил к поражению страны или наносил ей огромный ущерб. Так, прогноз И. В. Сталина о возможном начале войны с Германией в 1942–1943 годах привел к поражению Красной Армии в ходе летне-осенней кампании 1941 года.

Нередко стратегические прогнозы имеют характер дезинформации, сделанный в расчете на возможные — политические, военные, экономические или иные — выгоды. Так, стратегический прогноз относительно так называемых озоновых дыр, сделанный в 70-е годы XX века, был, как считают некоторые специалисты, направлен на навязывание ряда технологий другим странам. Во многом аналогичная ситуация складывается и со стратегическим прогнозом относительно потепления климата и вредных выбросов, который оспаривается многими экспертами¹⁰³.

Что крайне важно, правящая элита в ряде случаев делает **принципиальный выбор** в пользу того или иного приоритета, цели в зависимости от прогноза развития событий. Так, прогнозы развития мировой экономики до 2025 года показывают, что к этому времени произойдет решительное изменение **соотношения сил в мире**. Согласно докладу Национального совета США по разведке, уже к 2025 году на ведущие позиции в мировой экономике выйдут Китай и Индия. К ним, вероятно, присоединится и Россия. В этом документе указывается, что в ближайшие годы мир ждет беспрецедентный «переток богатства и экономического влияния с Запада на Восток». Авторы приходят к выводу, что в 2025 году восьмерка ведущих экономик будет выглядеть так: США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Россия.

Если анализ, сделанный в докладе Нацсовета США по разведке верен, то из него вытекают серьезные выводы, игнорировать которые — ни в политике, ни в экономике, ни в военном деле — мы не можем **уже сегодня**. Подписав, например, Договор по ограничению СНВ в апреле 2010 года, мы тем самым, взяли на себя обязательства, которые будут простирались даже дальше чем до 2025: ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы не позволят нам превысить эти уровни к тому периоду. Вместе с тем российские эксперты, готовившие этот договор, конечно же просчитали и то, какого уровня достигнут ядерные потенциалы быстро развивающихся Китая и Индии к 2025 году. Кроме того, эти эксперты, конечно же, должны были оценить и возможности российской экономики (причем не абстрактные, а конкретные, по отраслям, заводам, КБ) по поддержанию принимаемых уровней.

Даже на относительно простом примере Договора СНВ–3 видно, что в стратегическом прогнозе далеко не всё можно просчитать, хотя он предельно просто устанавливает количественные ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы.

Например, трудно оценить их качество (точность, защищенность, мобильность, эффективность систем управления и прочие характеристики), а также систему зачёта¹⁰⁴. Еще сложнее это сделать в экономике, где трудно (если вообще возможно) оценить темпы развития научно-технической революции, появляющиеся технологии, мировую конъюнктуру цен, социальную структуру общества и т.п. Вообще относительно всего, что касается человека, общества, в целом социально-гуманитарной сферы, долгосрочный научный прогноз сделать крайне трудно. Но и отказываться от него нельзя, ведь мы же должны хотя бы попытаться представить себе, что будет через 15–20 лет. Поэтому огромное значение приобретает точная **оценка существующих тенденций**, которая является единственной реальной базой для прогнозных рассуждений. При обязательной оговорке — в стратегических прогнозах простая экстраполяция таких тенденций (которая сегодня сплошь и рядом практикуется макроэкономистами) недопустима: наука, общество, человек, как и экономика и даже политика, развиваются не только последовательно, но и скачкообразно — бывают как «перескакивания» через этапы развития, так и «откаты», деградация.

В этой связи огромное значение имеет учёт базовых критериев — исторического и культурного наследия, нравственного и духовного потенциала нации, широких (и объективных) национальных интересов и ценностей. Именно они дают дополнительную и самую стабильную информацию для стратегических прогнозов. Так, сложившиеся научные школы в России, высокий образовательный потенциал, огромное культурное и духовное наследие нации позволяют рассчитывать нашей стране на быстрое, даже опережающее развитие, «перескакивание» через экономические и технологические этапы, а не простое следование за лидерами мирового развития.

Из этого следует, что если правящая элита делает выбор и ставку на опережающее развитие человеческого потенциала, то стратегический прогноз для России может быть очень оптимистичным, даже амбициозным. Он будет мало связан с экстраполяцией динамики развития нынешней экономики и общества. Если элитой будет сделан **выбор в пользу развития человеческого потенциала**, то ресурсы должны перераспределиться в соответствии с этим приоритетом, т.е. от выбора элиты (в основу которого должен быть положен стратегический прогноз как **обоснование** этого выбора) зависит распределение ресурсов нации.

В целом стратегический прогноз для нации принципиально отличается от многочисленных разновидностей отраслевых, региональных и иных прогнозов прежде всего **своей идеологичностью**. Так, для сравнения рассмотрим условия для стратегического прогноза предприятия (организации)¹⁰⁵. Как считается, составление стратегических прогнозов, или прогнозирование, состоит:

- **во-первых**, в анализе экономических, социальных, технических и других процессов, происходящих в организации и ее окружении, связей между ними, оценке сложившейся ситуации и выявлении узловых проблем;
- **во-вторых**, в формировании видения будущего организации и условий ее функционирования, трудностей и практических задач;
- **в-третьих**, в обосновании, сопоставлении и анализе различных вариантов развития организации, ее кадрового, производственного и научно-технического потенциала, желательных результатов деятельности и возможных стратегий в различных сферах.

Прогнозирование — это научный способ выявления будущего состояния общества, государства, организации и определения стратегии их развития в условиях неопределенности внешней и внутренней ситуации. Прогнозы разрабатываются в виде совокупности качественных характеристик объекта, количественных (точечных или интервальных) оценок; показателей степени вероятности их достижения. Интервальный прогноз представляет собой «вилку», ширина которой прямо пропорциональна вероятности его исполнения. В самом простом случае прогноз представляет собой утверждение о возможности или невозможности того или иного события.

На практике применяется несколько методов прогнозирования. Наиболее простой из них — экстраполяция, или проекция в будущее, суть которой состоит в автоматическом перенесении в него существовавших в прошлом и продолжающих действовать тенденций развития объекта прогнозирования, например темпов и направленности роста производства, доли на рынках сбыта, рентабельности и т.д. Однако этот метод пригоден только для стабильных, контролируемых условий, которые в обозримом будущем меняться не должны, и требует изучения ситуации не менее чем за десятилетие.

На мой взгляд, элита России своей идеологической и стратегической выбор еще не сделала. С одной стороны, сохраняются значительные военные расходы (более 2,5% ВВП), которые выглядят вполне разумными по сравнению с развитыми странами, но, может быть, чрезмерны, если приоритет сегодня отдавать развитию человеческого потенциала. С другой стороны, не сформулированы четко **цели развития**, а именно: в качестве основной цели не поставлен человек. Соответственно, не вполне ясны и стратегия, прогнозы и планы МЭР и Минфина, включая и трехлетний бюджет, которые, по сути, остаются простой инерционной макроэкономической экстраполяцией на будущее докризисной ситуации.

Следует в этой связи только приветствовать попытки долгосрочного прогноза развития науки и технологии до 2030 года, сделанные в докладе Академии наук России, подготовленном в декабре 2008 года по поручению Д. А. Медведева. По мне-

нию академика А. Некипелова, «план Путина» подразумевал отход от топливно-сырьевого сценария, в связи с чем «проблема технологического прогнозирования вышла на первый план»¹⁰⁶. Она стала уже банальной задачей, решением которой занимается более 70 стран. Но далеко не всегда из этих оценок делаются правильные выводы. В частности, мало учитываются базовые приоритеты и ценности, например, российской науки. Примечательно, что при обсуждении доклада академик А. Дынкин справедливо отметил, что «Россия выбрала ошибочный путь (стратегию. — А. П.) — приобретать высокие технологии за рубежом и сокращать едва ли ни до нуля вложения в собственную науку»¹⁰⁷.

На стратегический прогноз влияют прежде всего фундаментальные факторы — интересы национальной безопасности, система ценностей и национальные приоритеты, которые могут осознаться национальной элитой либо нет. Говоря о будущем России, эксперты американо-израильского центра по стратегическому прогнозированию прямо указывают: «Спад России и использование этой ситуации со стороны США привели нас к водоразделу. В случае если Украина потеряна Москвой, Грузия становится доминирующей страной на Кавказе, а события в Киргизии перекинутся на всю Центральную Азию (все это очень легко представить), создав, таким образом, проблему выживания самой Российской Федерации. Мы будем очевидцами второй деволуции: часть Российской Федерации отсоединится от нее. Россия, которую мы знаем сегодня, больше не будет существовать»¹⁰⁸.

Фактическое отрицание в России идеологического прогноза свидетельствует об отставании не только в идеологии, но и в реализации стратегии, которое может привести к невыполнению даже той псевдостратегии, которая существует сегодня. Это выражается в отсутствии реального стратегического планирования, которое может быть только идеологическим. Но как подсказывает теория и подтверждает практика, основу для всех управленческих решений обеспечивает стратегическое планирование. Здесь можно возразить и поспорить о том, есть ли смысл в стратегическом планировании в такое нестабильное во всех отношениях время. Мне показалось очень показательным в этой связи высказывание новосибирского губернатора по поводу необходимости стратегического планирования. Он сказал примерно следующее: «Если бы мы пять лет тому назад предвидели, что на дорогах так быстро появится большое количество машин, мы бы построили совсем другие дороги»¹⁰⁹.

Объективно потребность в идеологии, стратегическом планировании и прогнозе существовала всегда. Но субъективно советская и российская элиты (как это ни покажется диким сегодня) эту потребность отрицали. Неолибералы 1990-х годов исходили из того, что «невидимая рука рынка»отрегулирует не только экономические, но и социальные отношения. И тем не менее, даже отрицая ее необходимость

в 1990-е годы, российская неолиберальная элита все равно была вынуждена действовать в соответствии с этой объективной потребностью: просто научное видение в политико-экономической области подменялось чуждыми идеологическими штампами, а иногда просто самовлюбленным отношением к действительности. Никто ведь в элите не вел публичных дискуссий о будущем страны, стараясь «просто» сделать «как там» — на либеральном, свободном и богатом Западе. Главное — давалось почувствовать, чтобы все было «не так как здесь», «в этой стране», где «все не как у людей». И в целом это получилось на какое-то время: общество, оказавшись деидеологизированным, послушно терпело выходки неолибералов и их абстрактные истины.

Сложнее для неолибералов было использовать чужие идеологические штампы (хотя и пытались) в области национальной безопасности, там, где речь шла о военно-технической составляющей. Приведем для подтверждения пример из военно-стратегической области, где был сделан точный стратегический прогноз. Заклучая в 2002 году Договор о сокращении стратегических вооружений (СНВ), мы не только брали обязательство сократить к 2012 году количество ядерных боеприпасов до 2200 единиц, но и прогнозировали (с разной степенью эффективности) как развитие американской системы ПРО, так и собственных ядерных вооружений. Причем конкретно, до отдельных единиц ядерного оружия, размещенных на всех трех компонентах нашей ядерной триады.

Таким образом, был сделан точный прогноз развития систем СНВ и ПРО на долгосрочную перспективу и соответствующие выводы. По признанию директора 4-го ЦНИИ Минобороны В. Василенко, «на основе анализа публикуемых результатов экспериментальной отработки комплексов ПРО США имеются основания предполагать, что до 2015–2020 гг. ограничения Договора СНП не войдут в противоречие с условиями, необходимыми для обеспечения ядерного сдерживания. При этом, однако, потребуются качественное совершенствование группировки СЯС РФ в части наращивания ее возможностей по преодолению противоракетной обороны, повышения живучести ударных средств СЯС, а также оперативных и технических характеристик информационно-разведывательных и управляющих систем СЯС»¹¹⁰.

Из этого прогноза можно сделать несколько принципиальных выводов, имеющих решающее значение для всех сфер деятельности государства. Так, если прогноз верен, то мы можем рассчитывать, по меньшей мере, до 2020 года на то, что во внешней политике России сохранится ее наиболее эффективный инструмент — ядерное сдерживание, т.е. способность противостоять силовому давлению со стороны США и других стран. Соответственно, следуя логике, Россия во внешней политике до 2020 года отчасти этим могла компенсировать свою относительную экономическую и технологическую слабость. В целом

же вывод, следующий из прогноза, означал: у России, по крайней мере, до 2015 года создаются условия для относительно безопасного экономического развития, концентрации значительных ресурсов на целях развития. Другое дело, что в этот прогноз вносились и будут вноситься коррективы. Прежде всего, в пользу его меньшей оптимистичности (что привело, в частности, к быстрому росту военных расходов в 2003–2007 годы). Но в целом прогноз не привел к катастрофическим ошибкам.

Другой пример, иллюстрирующий важность стратегического прогноза, показывает, что в области неядерных вооружений выделяемые сегодня Россией ресурсы недостаточны для обеспечения национальной безопасности. Так, планируя увеличение поставок вооружений (которое сегодня пока в несколько раз ниже необходимого уровня), российские специалисты считают, что «...даже такое радикальное увеличение объемов закупок позволит переоснастить весь парк вооружений и военной техники... **только к 2030 году**. При этом будет реализован лишь так называемый „компромиссный“ вариант: 50% — на содержание и техническое оснащение Вооруженных Сил и 50% — на их развитие. Как показывают предварительные расчеты, для обеспечения реализуемости „компромиссного“ варианта развития начиная с 2006 г. расходы по разделу бюджета „Национальная оборона“ должны составлять не менее 3,5% от ВВП. Данный прогноз основан на макроэкономических проектировках Минэкономразвития РФ на период до 2015 г.»¹¹¹.

Подобный вывод, который следует из стратегического прогноза, означает, по сути, не только экономический, но и политический выбор, который предстоит сделать власти: либо ослабление безопасности, фактическая потеря боеспособности неядерных сил, либо рост оборонных расходов, а значит, отвлечение средств от целей социально-экономического развития, снижение в конечном счете темпов развития. Речь идет о сотнях миллиардов рублей, а «цена ошибки» — безопасность страны или социальное благополучие граждан, ослабление усилий по развитию потенциала человеческой личности. Этот выбор, надо сказать, всегда стоит перед любым правительством. Так, США в конечном счете (несмотря на всю свою милитаризацию) выбрали **социальную модель бюджета**. Согласно расчетам Бюджетного управления конгресса США, в 2000 г. 43,2% федеральных расходов непосредственно шло старикам и детям, а в 2010 г. эта доля должна превысить 50% федерального бюджета¹¹².

Стратегический прогноз для России на первую четверть XXI века

Важность такого прогноза — очевидна. И хорошо, что в самые последние годы в России не только осознали его значение, но и предприняли некоторые попытки реализации. В качестве примера можно привести прогноз, подготовленный Центром макроэкономического анализа и прогнозирования под

руководством А. Р. Белоусова в 2005 году¹¹³. Целесообразно подробно привести основные положения долгосрочных сценариев и их прокомментировать, ибо они на сегодня позволяют сделать вывод в целом об уровне стратегических прогнозов в России:

Анализ возникающих в перспективе возможностей и «кризисных узлов» позволил коллективу А. Р. Белоусова выделить **четыре фундаментальных фактора**, лежащих в основе долгосрочных сценариев развития российской экономики:

- реализация сравнительных преимуществ российской экономики — энергетического, научно-исследовательского, транзитного и сельскохозяйственного потенциала — за счет ее рационального включения в мировое хозяйство и привлечения капиталов;
- модернизация массовых производств, производящих продукцию средней степени сложности, что дает возможность использовать преимущества емких внутренних рынков;
- формирование массового среднего класса, позволяющее развернуть модернизацию социальной инфраструктуры и развивать образование и здравоохранение;
- формирование «рублевой зоны» и интеграция евроазиатского экономического пространства вокруг России.

Самостоятельными предстают первые два фактора, которые определяли качество долгосрочного социально-экономического развития страны. Вторые два фактора — в известной степени являются производными от первых, хотя их влияние на долгосрочные процессы весьма велико. Именно такой подход позволил сформировать **четыре базовых сценария**, в зависимости от включения перечисленных выше факторов.

Сценарий «сверхиндустриальной модернизации» предполагал:

- разворачивание долгосрочных проектов, реализующих энергетический, научно-исследовательский, транспортный (транзитный) и сельскохозяйственный потенциал российской экономики;
- модернизацию перерабатывающих производств, в т.ч. на основе иностранных инвестиций и «технологического трансферта», обеспечивающую рост их конкурентоспособности на внутренних рынках;
- формирование массового среднего класса, предъявляющего спрос на жилье, услуги образования и здравоохранения;
- формирование «рублевой зоны», интегрирующей экономики России, Украины, Казахстана, Белоруссии и других сопредельных стран «ближнего зарубежья».

Сценарий «бросок в глобализацию» предусматривал:

- разворачивание долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества российской экономики;

- форсированное открытие внутренних рынков, сопряженное с ростом импорта готовых товаров и свертыванием недостаточно конкурентоспособных перерабатывающих производств;
- сохранение высокой экономической дифференциации населения, препятствующей формированию массового среднего класса и модернизации социальной инфраструктуры;
- формирование «рублевой зоны» и усиление интеграционных процессов на основе реализации крупномасштабных проектов в сфере энергетики и транспорта.

Сценарий «экономического изоляционизма» исходил из:

- в силу объективных или субъективных причин — отказа от ускоренной интеграции в мировую экономику, позволявшего реализовать сравнительные преимущества российской экономики;
- ставки на модернизацию перерабатывающих производств в рамках «опоры на собственные силы» — на основе рационального импортозамещения и привлечения иностранных инвестиций при сдерживании открытия внутренних рынков;
- выравнивания экономической дифференциации населения в рамках проведения активной социальной политики и развертывания модернизации социальной сферы;
- вероятного усиления дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве вследствие пассивности России в реализации международных энергетических и транспортных проектов.

Сценарий «энергетического аутизма» представлял собой:

- отказ от реализации долгосрочных проектов, реализующих сравнительные преимущества экономики;
- консервацию экспортно-сырьевой модели развития при сужении ее потенциала в связи с: а) замедлением роста экспорта углеводородов; б) открытием внутренних рынков готовых товаров; в) снижением ценовой конкурентоспособности перерабатывающих производств;
- усиление экономической дифференциации населения, отказ от модернизации социальной инфраструктуры;
- усиление дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, отказ от формирования «рублевой зоны».

Несмотря на очевидность и достоинств, и недостатков этих сценариев, они так и не стали объектами серьезных научных или общественных дискуссий, как не удостоились и сколько-нибудь заметного внимания со стороны государственных органов.

Стратегический прогноз для России во многом зависит от общемировых тенденций. Только зная реальное или вероятное направление движения раз-

вития мирового сообщества народов, его основные закономерности, можно и нужно определять **приоритеты политического и экономического развития страны**. Например, очевидно, что быстро растущее производство, особенно в США, Китае и Индии, потребует значительного увеличения добычи углеводородного сырья. Собственно, этим сегодня и объясняется устойчивый рост цен на энергоносители, сказывающийся в том числе и на российской экономике¹¹⁴.

Хочется подчеркнуть, что Россия и сегодня развивается по сценарию распродажи ресурсов, как бы не понимая, что временная финансовая стабилизация **ничего не дает для развития**. А мощь современного государства определяется прежде всего **качеством и структурой его экономического потенциала**, что измеряется **уровнем наукоемкости и конкурентоспособности**. И по одному, и по другому показателю страна **не развивается**, а это значит, что по отношению к другим государствам она **слабеет**. Отстает она и по другим показателям, среди которых наиболее трагичные — демографический, уровень здоровья населения, заболевания СПИДом, наркоманией, число погибших в авариях.

Для граждан России старшего поколения привычно представление об огромном научном и образовательном потенциале России. По количеству ученых (но не по результатам их работы) он действительно большой и сопоставим с аналогичными показателями других государств. Но, во-первых, он уже значительно (в несколько раз) уступает советскому, во-вторых, он очевидно **не соответствует стандартам современной науки**. Просто его отставание в этой сфере не так заметно. Поэтому складывается устойчивое впечатление, что человечество уверенно идет в одном направлении, а именно — в направлении развития экономики знаний, а Россия — в другом. И с этим **принципиальным выводом** пока что трудно спорить.

Огромная роль здесь принадлежит **качеству правящего класса**, точнее качеству принимаемых им решений. Увидеть главную цель, отмобилизовать ресурсы нации на ее достижение, добиться ее реализации — все эти свойства, похоже, отсутствуют у значительной части современной политической элиты России. Цели развития не сформулированы, ресурсы не выделены, исполнение — очевидно скверное. Поэтому вопрос о том, куда идет человечество, это прежде всего вопрос о том, куда **ведут правящие круги этих стран человечество**, а заодно и весь мир. И кто ведет.

Продолжение поступательного развития технологической цивилизации, игнорирующей человека, уже не просто исчерпало свои ресурсы. Оно ведет к биологической катастрофе. На повестке дня иной — социально ориентированный — алгоритм развития государств. Примечательно, что российские экономические и социально-экономические прогнозы фактически игнорируют эту ведущую тенденцию.

В лучшем случае к ней относятся как к социальной (по привычке — затратной) составляющей, хотя эмпирически в передовых странах уже пришли к выводу о том, что социальная политика становится фактором экономического развития, а не торможения.

Так, например, своевременный учет приоритетности фактора образования Соединенными Штатами в 80-е годы прошлого столетия, роли информационных и коммуникационных систем в 90-е годы привел к тому, что США именно в этот период сделали **мощный рывок в экономическом и военном развитии**. В результате они не только оправались от «вьетнамского синдрома», но и стали доминировать в мире. Аналогичная ситуация происходила и в других странах. И не только в часто упоминаемых в этой связи Японии, Китае, Сингапуре. Ирландия, которая еще в середине 1980-х годов (когда в СССР началась «перестройка») была беднейшей страной Европы, сделала ставку на образование, объявив его **важнейшей экономической отраслью**. Результат — через 20 лет она вплотную приблизилась к европейским и мировым лидерам — скандинавским государствам. Подчеркнем, **не имея** серьезных сырьевых и иных ресурсов, **не находясь** в райских климатических условиях. Более того, внутренние и внешние проблемы, в т.ч. в Ольстере, серьезно осложняли развитие этой страны. Очевидные успехи — результат **дальновидности, ответственности и профессионализма ирландской элиты**.

Так куда же идет человечество? Какие основные результаты его развития можно прогнозировать? Речь, конечно, не идет о точном прогнозе, хотя он возможен и, безусловно, необходим. Моя задача гораздо скромнее: привлечь внимание к **необходимости**, даже крайней необходимости для России **стратегического прогноза**. Пусть не как в Китае — на 50 лет, — а хотя бы на 20. Ведь именно прогноз лежит в основе **любой стратегии и любого планирования** — социально-экономического, демографического, финансового и т.д.

На мой взгляд, в этой сфере уверенно можно говорить о следующих тенденциях:

- государство **не исчезнет**, оно **усилится** за счет **концентрации сил на исключительно важных для нации направлениях** — национальной безопасности (правоохранительная система также «спустится» на местный уровень): военной, экономической, политической, информационной. Возможности государств, в т.ч. и в мире, резко возрастут, а **усиление военной силы станет более реальной**. Всеобщего мира и благоденствия не наступит. Будет **жесткая конкурентная борьба** за ресурсы, за распространение своего образа жизни, наконец, за контроль над демографическим развитием;
- нации еще больше разделятся на «передовые» (сверхбогатые) и «отсталые» (бедные). Но, как говорится в Евангелие, «никто не забыт у Отца Небесного в Его великом семействе. Он Бог не

Иудеев только, но и язычников. Он — Бог и Спаситель всех сынов адовых». Вопиющее разделение государств и социальное неравенство не могут привести к миру. Значит, будет оставаться актуальной угроза войн;

- вероятно, исчезнет и классическая партийная демократия, уступив место общественным организациям и органам местного самоуправления. Вообще идет процесс **стремительного усиления институтов гражданского общества**. Эти институты гражданского общества смогут эффективно — в режиме on-line — участвовать в управлении страной. Точнее — фактически управлять ею. Соответственно те страны, **которые смогут быстрее других создать систему институтов общественного самоуправления**, смогут значительно усилить эффективность управления и темпы социально-экономического развития;
- создаваемая уже сегодня международная сеть, даже система институтов гражданского общества, сможет стать **эффективным инструментом внешней политики** ведущих стран, через которую они будут навязывать свою волю прежде всего тем странам, которые **не успеют** создать эффективное гражданское общество;
- похоже, что в США и других высокоразвитых странах осознали фактор социального развития и расчищают ему дорогу сознательно. Их политика по укреплению прав человека, «силовой демократизации», навязываемая нередко силой другим государствам, является не только идеологически искренней (хотя и, безусловно, несущей черты двойных стандартов), но и **прагматичной**. Обладая колоссальным преимуществом в соотношении экономических факторов и общественных институтов, им не приходится без крайней необходимости прибегать к военной силе. «Soft power» оказывается более эффективной, дешевой и результативной. Она завоевывают народы и **пространства** примерами своего применения;
- важно подчеркнуть, что **чем активнее** будет идти процесс социализации современных государств, **чем меньше функций** будет оставаться у центральных правительств, тем **быстрее станет развиваться** экономика, совершенствоваться общественное и государственное устройство. И — что важно знать россиянам — тем быстрее будут нарастать разрывы между неэлитскими образованиями информационной эпохи с их сетевыми общественными структурами и традиционными государствами-нациями. Это означает, в частности, что распределение бюджета у неэлитских образований кардинально сместится на местный уровень, доля которого будет доходить до 90%, в то время как центральным и региональным органам власти будет достаться 10–15% бюджетных денег;

- уже в ближайшие 15–20 лет в развитых странах (в какой-то степени — и в России) произойдет социальный перелом. На смену служащим придут интеллектуалы-производители, которые могут работать как по найму, так и самостоятельно. Состоится класс собственников-менеджеров, обладающих высоким уровнем образования, материальным достатком и социальным статусом. **Структура современного общества** радикально изменится: фактически исчезнет рабочий класс и с/х рабочие в их классическом восприятии. Практически все население будет иметь высшее образование, включающее постоянную (не прерываемую) систему переподготовки. Общество станет практически целиком **интеллектуальным**. При этом:
 - вероятно, все потребности общества и государства могут быть обеспечены усилиями 20–30% трудоспособного населения, занятого в экономике знаний. Остальная часть будет учиться, заниматься общественным трудом и т.д. Значительно увеличится доля лиц, занятых в области культуры, искусства, духовной сфере;
 - знания, информация, став главной частью любой отрасли экономики, приведут к **доминированию** социального слоя интеллектуалов и деятелей культуры в обществе. Это доминирование будет включать **не только участие в управлении**, т.е. в политике, но и **контроль над собственностью**. Вероятность смыкания интеллекта, управленческого ресурса и прав собственности становится чрезвычайно высока;
- сегодня практически во всех создающихся стратегических прогнозах доминируют оценки быстрого роста национальных ВВП в будущем 15–20 лет. Например, в докладе Национального комитета по разведке США этот рост оценивается в 80%. Но важно подчеркнуть следующее:
 - **во-первых**, это будет совершенно иная, чем сейчас, более технологичная, более социальная экономика, ориентированная на человека;
 - **во-вторых**, она будет радикально менее ресурсоемкой и энергоемкой, экологичной;
 - **в-третьих**, ее структура радикально изменится;
 - **в-четвертых**, если все это удастся реализовать, то собственно количественные оценки, например душевого ВВП, будут значительно выше, быть может, даже на сотни процентов.
- в государствах-лидерах интеллектуальная собственность станет **господствующей формой**, вытеснив собственность на средства производства, ресурсы, недвижимость на далекую периферию. Ее соотношение с другими формами собственности изменится в десятки, а вскоре — и в сотни раз. Очень высока вероятность того, что технологический этап развития приведет как к синтезу

имеющихся наукоемких технологий, так и **появлению принципиально новых передовых технологий**. Очевидно уже сегодня, что те государства, которые будут лидерами в создании, освоении или заимствовании этих достижений, станут не только технологическими, но и экономическими, финансовыми и политическими лидерами, в т.ч. и по уровню технологического и военного развития. Сегодня представляется бесспорным, что таким лидером будут США. В несколько меньшей степени — объединенная Европа, Китай и Индия. Но вполне вероятно, что и новые растущие гиганты — Пакистан, Бразилия, Индонезия — смогут приблизиться к лидерам.

Место России в этом будущем мире будет непосредственно зависеть как от возможности самостоятельного создания или заимствования, так и внедрения этих достижений. В первом послании президента России Б. Н. Ельцина 1994 года две главы были посвящены задачам освоения наукоемких технологий и развитию образования. За прошедшее с того момента 16 лет по этим направлениям **практически ничего так и не было сделано**. Это сегодняшняя реальность. Хотя есть и очень скромные обнадеживающие моменты.

Надо отчетливо видеть, что если России удастся в полной мере уяснить и конструктивно учесть сегодняшние тенденции (т.е. радикально изменить курс), то возможно не просто сокращение имеющегося разрыва, но и совершение «скачка» **через этапы технологического развития**. Можно прогнозировать, что в этом случае на отдельных направлениях научно-технического прогресса и развития наукоемких технологий можно не только догнать, но и **опередить ведущие страны мира**. И это должно стать сверхидеей, главной задачей не только МЭР, но и Федерального Собрания, всей России. В определенной степени это должно стать стержнем программ всех партий, общественных организаций и других институтов гражданского общества. Естественно, что при реализации скачка в новой расстановке мировых сил роль России, ее экономика — качественно и по объему — будет иная, а именно — **Россия вернется в клуб великих держав**, сохранит суверенитет и национальную идентичность.

Основные стратегические направления для сверхшения скачка известны — это наука, образование и все, что связано с развитием человека. Но проблема заключается не только в том, чтобы эти направления сделать приоритетными, с реальным отражением в бюджетном планировании всех уровней. Проблема в том, **как создать эффективные институциональные механизмы**, как задействовать этот имеющийся потенциал не на 1–2%, а хотя бы на 50–70%? Решение, на наш взгляд, может быть одним — все тот же пресловутый план развития, когда перед отраслями ставятся задачи достижения конкретных и очень высоких рубежей. Например, за год увеличить инновационную активность на 50%. И последнее по поряд-

ку, но **первое по значению**. Никакого рывка сделано не будет, если общество, все ветви власти **не будут объединены этой идеей**. Сама по себе эта идея может возникнуть только в объединенном обществе — **нравственно, духовно и социально справедливом**. Строго говоря, это и есть главное условие развития.

В становящемся глобальном мире страны-лидеры станут определять мировую политику не только в традиционных областях — внешней и военной политике, — но и с информационной, культурной, духовной сферах. Конечно, речь идет прежде всего о США. Очевидно усиление Китая, Индии, их превращение в глобальные державы, что не может не остаться без определенных последствий. Первое и самое главное для России: если она останется слабой, то соседи-гиганты так или иначе будут стараться решать свои проблемы за ее счет. В этом вопросе не следует быть наивными — огромные пространства и ресурсы не могут принадлежать слабой нации и слабому государству. Можно предсказывать, что Европейский союз также станет одним из важнейших центров силы, сопоставимым с США, Китаем и Индией. В этой связи можно допустить возникновение проблем, даже конфликтов в трансатлантических отношениях. Прогнозируемые перемены могут произойти в ближайшие 15–25 лет. Их темпы могут и будут, по всей видимости, разными. Более того, неизбежны появления новых обстоятельств и факторов, иногда весьма влиятельных, которые будут позитивно либо негативно влиять на перемены в мире. И тем не менее динамика и содержание перемен может и должна **прогнозироваться Российским государством и обществом**. Особенно важны в такого рода прогнозах критерии используемых оценок. Иногда от их правильного выбора зависит сама суть определяемого направления развития.

К примеру, если говорить об эффективности развития в экономических терминах, то в начале нынешнего века для многих стало ясно, что прежние макроэкономические количественные показатели **стремительно теряют свое значение**. В современном обществе, например, объем ВВП, темпы его роста, показатели торгового баланса, дефицитности бюджета уступили место качественным **показателям развития человеческого потенциала (ИРЧП)**, «информвооруженности», а в целом показателям, характеризующим **уровень и темпы развития личности**. Современное правительство России **так не думает**. Очевидно несоответствие, **неадекватность** реакции российской исполнительной власти на существующие реалии информационного общества. Это, естественно, не может оставаться без последствий, так как реальные действия государственной власти — формирование бюджета, принимаемые решения и многое другое — обосновываются устаревшими количественными макроэкономическими критериями, характерными для 80-х годов прошлого века.

Выбор стратегии развития России на ближайшую и долгосрочную перспективы прямо зависит от

того, насколько верно правящий класс страны представляет себе истинные движущие силы современного прогресса и способно выразить их в терминах и в **критериях развития**. Именно поэтому цена ошибки сегодня чрезвычайно высока: теряется время, ресурсы, снижается динамизм развития. Так, определение правящей элитой СССР будущего международных отношений как наивно-безоблачного, основанное исключительно на общечеловеческих ценностях, а не на национальных интересах, привело к отходу во внешней политике не только от классовых принципов, но и от принципа защиты национальных интересов. Результат хорошо известен — развал СССР, Организации Варшавского Договора, Совета Экономической Взаимопомощи, потеря союзников.

Примечательно, даже очень, признание президента американского Совета по исследованию социальных проблем Крейта Калхуна: «Капиталистическая экономика провоцирует рост неравенства, открывает двери преступности, особенно связанной с наркотиками и проституцией, — это явления, которые были практически полностью изжиты в коммунистическом Китае. Теперь они возвращаются обратно. Китайская версия модернизации, да и почти все ранее упомянутые версии, повторяет центральную ошибку теории модернизации. Они воображают, что развитие, происходящее внутри их страны, целиком и полностью зависит от того, хорошо или плохо управляется и развивается эта страна. В то время как на самом деле успешное или неуспешное развитие отдельной страны во многом определяется не ее собственной волей к победе, а тем, чего от нее хочет остальной мир и насколько он позволяет ей успешно развиваться»¹¹⁵.

Приходится с сожалением констатировать, что сегодня в среде российской политической элиты нет даже относительного единства в понимании закономерностей развития современного мира, критериях оценки эффективности социально-экономического развития. Причем речь идет не о тактических, партийных или социальных расхождениях, а **об отсутствии самого общего понимания стратегии развития мира, общества и государства**. Мы до сих пор спорим ,кто мы, как мы соотносимся с другими странами, что мы хотим. Это наносит серьезный ущерб практическим действиям исполнительной и законодательной власти России. Концептуальные расхождения настолько серьезны, что не могут не сказаться, например, на разработке законопроектов или планов социально-экономического развития, не говоря уже о частных решениях в области внешней, внутренней, экономической или военной политики.

Расхождения точек зрения различных групп политиков выходят далеко **за пределы допустимого**, если речь идет о единых стратегических и принципиальных основах **государственной** политики. В очередной раз российские политики предпочли классовые и личные цели общенациональным и государственным.

Ресурсы как условие реализации идеологии

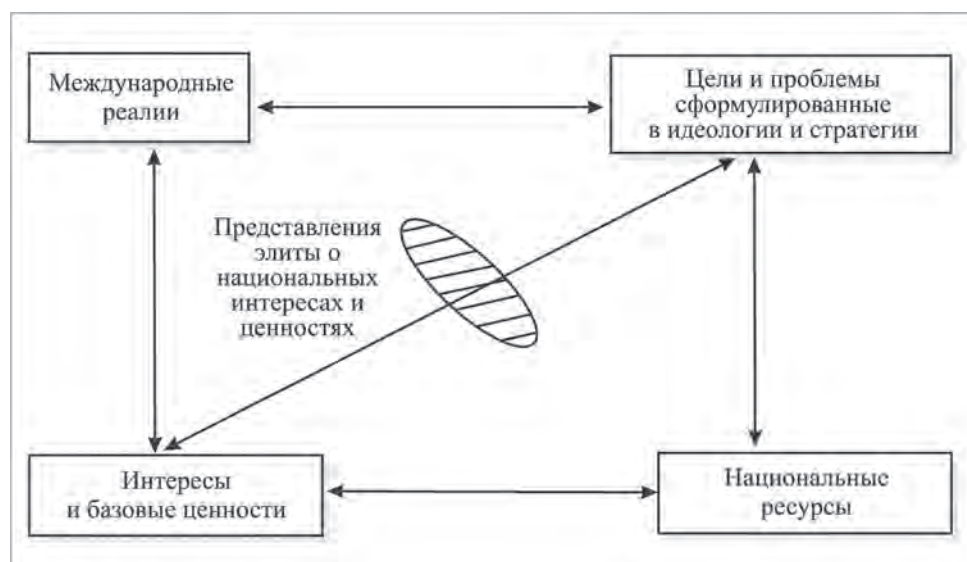
«Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского общества, направленных на отстаивание национальных интересов Российской Федерации путем комплексного использования политических, организационных, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации»¹¹⁶
 Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года

«Одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем. Очевидно, что обозначилась задача формирования такого типа социально-исторического знания, которое бы с полной мерой ответственности перед будущим России отражало ее богатейший и очень разный исторический опыт, российские цивилизационные и гуманитарные ценности и национальные интересы»¹¹⁷
 А. Торкунов

При формировании любой идеологии, а в ещё большей мере национальной стратегии огромное значение имеет полный учет всех имеющихся у нации ресурсов. На мой взгляд, прежде всего сведенных в категорию «идеологических», о которых сегодня как-то забывают. То ли по недомыслию, то ли скорее всего из-за желания «уйти из идеологии» в прагматику. Повторю в этой связи, что реализация идеологических целей, решение проблем и задач национальной безопасности зависит, как уже говорилось, от адекватности формулирования таких целей, верного стратегического прогноза, учета мировых реалий, а также **эффективного использования имеющихся**

национальны ресурсов. Под термином «эффективное использование» я понимаю, во-первых, точную и полную оценку существующих и потенциальных ресурсов, а во-вторых, их максимально эффективную реализацию для достижения обозначенных в идеологии и стратегии целей.

Возвращаясь к алгоритму идеологии, мы должны ясно представлять себе и то, что существует взаимозависимость между ресурсами и базовыми интересами и ценностями, с одной стороны, и целями и проблемами, сформулированными в идеологии, — с другой. На рисунке это может выглядеть следующим образом.

Цели и сформулированные проблемы могут быть неадекватными имеющимся ресурсам, либо завышенными, либо заниженными. И то и другое плохо. Также и интересы, и базовые ценности могут в разной степени учитывать имеющиеся у нации ресурсы. Поэтому важно еще раз остановиться на более подробном анализе категории «национальные ресурсы».

Наиболее часто встречающееся определение гласит: «Ресурсы (от франц. resource — вспомогательное средство), ценности, запасы, возможности, денежные средства, источники средств, доходов (например, природные ресурсы, экономические ресурсы)»¹¹⁸. Согласно другому определению, «ресурсы — это источники, предпосылки получения необходимых лю-

дям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях». Определяемые таким образом ресурсы в самом общем плане можно подразделять на три основные группы: а) материальные; б) трудовые, в том числе интеллектуальные; в) природные (естественные)¹¹⁹.

Сравнивая приведенные выше два определения, можно легко обнаружить одно **принципиальное**

различие: во втором определении под категорию ресурсов попадают те из них, которые «можно реализовать», т.е. ресурсы заведомо делятся на потенциальные и используемые. Иначе говоря, речь идет о «потенциале» и том, что мы обычно называем «факторами», понимая под этим используемый потенциал. Поэтому я предлагаю простую формализацию категории «ресурсы» в матричной форме, которая позволит лучше оценить эффективность их использования:

Формализованная матрица категории «национальные ресурсы»

Вид национального ресурса (новизна)	Потенциальный (потенциал)	Используемый (фактор)
I. Материальные ресурсы		
1. Экономический потенциал	ВВП	ВВП на уровне 1990 г., мощи потребления — 50% от 1990 г., структура экономики и экспорта
2. Финансовый потенциал	ЗВР, внешние займы	Хуже
3. Технологический потенциал	Слабый	Ухудшается
II. Нематериальные ресурсы		
1. Образование	Ухудшается, сокращается	Количество студентов сокращается, качество ухудшается
2. Наука	Сокращается	40% от численности ученых 1990 г.
3. Творческий потенциал	Не учитывается	Не работает, только 5% предприятий внедряет ежегодно инновации
4. Социальная активность	До 20% от всей численности, не стимулируется	Менее 2%
5. Духовные ресурсы	Малоактивны	Низкое: членство в партиях, институтах Гражданского общества, в т.ч. профсоюзов, низкое
6. Моральные	Не используется	
III. Природные ресурсы		
1. Энергетические		
2. Пресная вода		
3. Металлы		
4. Лесные, рыбные запасы		
5. Воздух, экология		
IV. Демографические ресурсы		
1. Численность населения	142.0 млн. чел.	Сокращается. Темпы сокращения падают 2007–2008 годов
2. Численность активного населения	70–80 млн. чел.	90%
3. Численность занятого населения	60–65 млн. чел.	80–85%

Даже самая простая формализация имеющихся потенциальных и используемых ресурсов позволяет сделать следующие выводы:

1. Нация, прежде всего правящая элита, в целом крайне неэффективно использует все виды ресурсов. Причем если природные ресурсы используются относительно полно, но затратно, то материальные — не более чем на 50%, а нематериальные — либо на очень незначительную долю, либо вообще не учитываются. Не случайно в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. эти ресурсы как потенциальные, а тем более реальные возможности государства и общества даже не упоминаются.
2. Главный ресурс и фактор развития современной экономики и общества — человеческий потенциал — не только не является в России фактором развития, но и не учитывается в числе потенциалов. О нем лишь известно из вполне абстрактных рассуждений и политических за-

явлений. Это видно на примере характеристики человеческого ресурса в отечественных исследованиях и разработках¹²⁰.

Динамика численности занятых в сфере ИиР, баланс оттока человеческих ресурсов (в частности, «утечка умов» из страны, и их приток, в том числе и за счет иммиграции) определенно свидетельствуют о резком сокращении (количественном убывании) человеческих ресурсов. Сокращение касается всех фиксируемых государственной статистикой групп, занятых в сфере ИиР (см. табл. 1).

За период с 1990 по 2005 год численность занятых в сфере ИиР сократилась более чем на один миллион сто тридцать тысяч человек (с 1943,4 тыс. чел. до 813,2 тыс. чел.). Даже без учета качественных показателей совершенно очевидно резкое, если не катастрофическое, сокращение человеческих ресурсов в сфере ИиР. Численность исследователей за тот же период сократилась более чем на шестьсот тысяч человек (с 992,6 тыс. чел. до 391,1 тыс. чел.).

Численность занятых в сфере ИиР (на конец года, тыс. человек)

Год	Всего	В т.ч. исследователи	Техники	Вспомогательный персонал	Прочие
1990	1943,4	992,6	234,8	512,5	203,5
1991	1677,8	878,5	200,6	416,6	182,1
1992	1532,6	804,0	180,7	382,2	165,7
1993	1315	644,9	133,9	379,4	156,9
1994	1106,3	525,3	115,5	291,3	174,1
1995	1051	518,7	101,4	274,9	166,0
1996	990,7	484,8	87,8	260,0	158,2
1997	934,6	455,1	80,3	244,9	154,3
1998	855,2	417,0	74,8	220,1	143,3
1999	872,4	420,2	72,4	235,8	143,9
2000	887,7	426,0	75,2	240,5	146,1
2001	885,6	422,2	75,4	238,9	149,0
2002	870,9	414,7	74,6	232,6	149,0
2003	858,5	409,8	71,7	229,2	147,8
2004	839,3	401,4	70,0	223,4	144,6
2005	813,2	391,1	66,0	215,6	140,6

Выбор идеологии и стратегии, кроме того, предполагает, что элита выбирает приоритеты для расходования своих ресурсов: достижение тех или иных целей невозможно без соответствующего ресурсного обеспечения. Под ресурсными приоритетами здесь понимается совокупность возможностей — экономических, демографических, финансовых, политических, военных, природных, нравственных, духовных и пр. — государства-нации, которые могут быть

направлены на приоритетное достижение тех или иных целей. Очевидна взаимосвязь: приоритетные цели — приоритетное выделение ресурсов. Можно декларировать приоритеты, как, например, развитие потенциала человеческой личности, но не обеспечить эти приоритеты в полной мере ресурсами. Так, в современной России наблюдается нарушенная взаимосвязь между заявленным приоритетом на развитие потенциала человеческой личности

и фактическим сокращением выделяемых ресурсов на фундаментальную и прикладную науку, образование и культуру.

Другой важный аспект заключается в том, что некоторые из ресурсов (территория, природные ресурсы) — величины достаточно постоянные; другие, к примеру демографические, меняются медленно; некоторые ресурсы (ВВП, ЗВР) исчерпываются в гораздо более короткие сроки. В идеологии и стратегии эти качества должны учитываться в полной мере. Так, для эффективного долгосрочного использования природных ресурсов необходима такая же долгосрочная политика, учитывающая многие факторы — перспективные геологоразведочные работы, будущее ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий, климатические последствия и т.д.

Для демографических ресурсов нужна идеология и стратегия, которая рассчитана на несколько десятилетий. Это, в частности, относится к процессам рождаемости и смертности (где существует множество факторов), иммиграционным процессам, но, главное — в условиях роста значения потенциала человеческой личности — к **качеству человеческого потенциала**, ведь принципиально важна не столько численность населения будущей России, сколько такие показатели, как образованность, культурность, духовность, способность к творчеству и инновациям.

Наконец, третья группа — там, где тактические изменения происходят относительно быстро, за 3–5 лет. Их место в идеологии нельзя недооценивать потому, что они могут стать мощным ресурсом для реализации долгосрочных идеологических целей и задач национальной стратегии. Либо эти ресурсы — как в сегодняшней России — так и остаются потенциалом, т.е. нереализованным фактором развития. Так, выгодная для России конъюнктура мировых цен на энергоносители в 2001–2007 годах не была использована в долгосрочных интересах. Накопленные резервы не стали ресурсами развития, превратившись всего лишь в «резерв безопасности», ресурс, который не спас Россию от резкого падения ВВП и спада промышленного производства в первые же кризисные моменты. Этот резерв не был использован ни в интересах промышленной политики, ни для изменения отсталой экономической и социальной структуры.

Новая, эффективная идеология предполагает эффективное использование в идеологических целях всех имеющихся ресурсов при общем понимании принципов, приоритетов и целей развития. В этой связи российская элита должна:

- **во-первых**, полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т.ч. и неиспользуемые идеологические ресурсы, такие как творческий, моральный и нравственный потенциал, духовные ресурсы, волю, патриотизм (что далеко не всегда делалось в России);
- **во-вторых**, распределять ресурсы адекватно намеченным политическим целям.

Если в качестве приоритетной политико-идеологической цели ставится развитие потенциала человеческой личности, то и ресурсы должны распределяться также в приоритетном порядке, прежде всего на науку, образование, здравоохранение. Если, например, выдвигается в качестве приоритетной политической цели социальное благополучие, то, соответственно, на ее реализацию и должны выделяться ресурсы в приоритетном порядке.

Отдельная тема — внешнеполитические и оборонные проблемы национальной безопасности. Ныне — политически и стратегически — правящий класс России формулирует относительно «скромные» или даже «очень скромные» внешнеполитические амбиции (что проявляется, например, в отказе от приоритетного влияния на постсоветском пространстве, что требует избыточного финансирования). Соответственно, и военные расходы сохраняются на уровне 2,5–2,7% ВВП, что соответствует уровню развитых стран. Но это чревато тем, что в **долгосрочной перспективе стране** может быть нанесен серьезный внешнеполитический и экономический ущерб. Восстановить влияние в этих странах России будет сложнее и дороже. Укрепление собственной безопасности обойдется еще дороже. Является ли указанная экономия эффективной тратой ресурсов?

В свое время, в 1920–1950-е годы, советское руководство также стояло перед таким выбором: либо танки, либо масло. В 1920-е годы выбрали «масло», сократив армию, а в 1950-е — «пушки». В конечном счете гонка вооружений стала одним из основных факторов, сделавших советскую экономику неэффективной. Поэтому, выбирая приоритетные цели, мы должны тщательно взвешивать свои ресурсные возможности, соотнося их с приоритетами развития.

Если мы говорим о сохранении позиций России на постсоветском пространстве и в мире, то такие позиции можно эффективно обеспечить не за счет военной силы или экономических затрат, а используя главный ресурс XXI века — идеологическое лидерство, реализуемое высоким качеством человеческого потенциала. Уверен, что в XXI веке культурное, интеллектуальное, творческое, образовательное, духовное и другие формы идеологического влияния и лидерства уже стали самыми эффективными средствами внешней политики. В свое время военные расходы Японии составляли 1% ВВП, что позволило ей не только сделать технологический и экономический рывок в 1960–1970-е годы, но и заявить об идеологическом лидерстве, имея в виду японскую модель развития.

Но позволят ли нам интересы национальной безопасности в будущем подобные расходы? Понятно, что если они будут сокращены до 1% ВВП, то огромные средства могут быть направлены на развитие потенциала личности (что, на мой взгляд, укрепит обороноспособность лучше, чем авианесущий крейсер,

покупаемый у Франции). Но, с другой стороны, не приведет ли это к тому, что у России не останется через 10 лет собственного военного потенциала? Ответить на этот вопрос может только комплексный, идеологический (военный, экономический, социальный, научно-технический и т.д.), а не макроэкономический стратегический прогноз. Понятно, что такой стратегический прогноз потребует от власти идеологического обеспечения: выбор целей и приоритетов — функция идеологии. Как и обеспечение в полной мере этих целей необходимыми ресурсами. Но главное все-таки **идеологический выбор**. И его необходимо ясно сформулировать.

Если в качестве приоритетной цели мы формулируем обеспечение интересов национальной безопасности, т.е. суверенитета, территориальной целостности, национальной специфики, языковой и культурной общности и самобытности, то исключать возможность, даже неизбежность защиты таких

интересов с помощью военной силы невозможно. Последние десятилетия продемонстрировали, что все разговоры 70-х и 80-х годов прошлого века об «исчезновении фактора военной силы в международных отношениях» — не просто наивные, но и вредные. Войны, тем более военные конфликты, из международных отношений исключать никак нельзя. Но — и это очень важно — можно и нужно определить, во-первых, ту реальную роль, которую может играть военная сила в ее различных формах: политической (шантаж, угроза, сдерживание); для ведения глобальной войны; для ведения локальных войн.

Исходя из признания этой идеологической роли, необходимо определить такую военную доктрину, которая обеспечила бы максимально эффективную политику военного строительства и развития военного искусства, способную защитить интересы безопасности России при минимальной затрате ресурсов. Это можно изобразить на следующем рисунке.

Цели внешней и военной политики, вытекающие из идеологических целей и национальной стратегии

Из этого рисунка видно, что обеспечение идеологических интересов и целей России возможно с использованием множества средств и способов, которые в конечном счете вытекают и замыкаются на потенциале человеческой личности. Именно этот потенциал является базовым не только для целей развития нации, но и для обеспечения ее безопасности военными средствами.

По большому счету, в XXI веке собственно военных расходов при реализации эффективной идеологии **не бывает**. Любые военные инвестиции — это

инвестиции прежде всего в идеи людей, технологии, где собственно военные издержки стремятся к нулю, а именно: к серийному производству вооружений и военной техники (которые, будучи качественными, легко находят выгодный сбыт на внешнем рынке). Если, конечно же, такое серийное производство основано на национальной научно-технической базе.

Даже информационная политика перестает быть обособленной частью, а становится разделом единой идеологии. Если, например, прогнозируется неизбежная война, то требуются определенные ресур-

сы, усилия и время, чтобы подготовить собственное население и общественное мнение к предстоящим военным действиям и вероятным потерям. Известно в этой связи, что вооруженным действиям НАТО против Югославии предшествовала целенаправленная шестимесячная идеологическая кампания. В этих целях в Североатлантическом альянсе даже был создан специальный орган. Для ведения военных действий, управления ими, освещения их, как правило, требуются заранее выделенные общенациональные информационные ресурсы, так как в основном используются не военные, а гражданские спутники и СМИ.

Новые образцы вооружений и военной техники создаются десятилетиями. В случае ошибки в прогнозе — последствия для государства неизбежно будут катастрофическими. Поэтому отказываться от собственной военной политики нельзя. Вот почему, кстати, огромные деньги тратятся на «возможную» войну (которой может никогда и не быть). Так, например, создание системы ПРО для России потребовало бы 15–20 лет и сотни миллиардов долларов. Но, с другой стороны, если ее не будет, то созданный к 2020 году, возможно, наступательно-оборонительный комплекс ядерных сил США сможет нанести «разрушающий» удар по России, что, разумеется, обесценивает любую экономию на военных расходах. И отнюдь не случайно американская программа «звездных войн» начала 80-х годов была не столько военной программой, сколько комплексом научно-технических программ.

Поэтому решение элитой вопроса приоритетности ресурсов — важнейшая функция управления, связанная как со стратегией, так и с доминирующей идеологией. Нужно отметить, что с точки зрения затрат ресурсов «уход из идеологии», официально декларированный советским, а позже и российским руководством, отнюдь не означал, что сама «идеология ушла», а тем более «исчезла» идеологическая борьба, что перестали действовать ее механизмы —

стратегические прогнозы, концепции и планы развития. Просто их составление в эти годы было серьезно затруднено, искусственно сдерживалось, что, естественно, отразилось на качестве принимаемых политических решений, которые, как правило, носили бессистемный, рефлекторный, а иногда и алогичный характер (что было характерным прежде всего для периодов правления М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина).

«Возвращение идеологии» наступает параллельно с внутривластной стабилизацией в России. Объективно рождению новых идей способствовали и частичное оздоровление экономики, освобождение от внешней финансовой зависимости, и появление определенных **свободных ресурсов**. Наличие «излишков» оживило разговоры о возможности и необходимости развития в т.ч., как сформулировал В. В. Путин, «опережающего». Эти разговоры были переведены в практическое русло осенью 2005 года, когда обществу была предложена идея приоритетных национальных проектов. С точки зрения опережающего развития нацпроекты стали первой крупномасштабной инициативой в политике власти по **созданию механизмов развития**. Да и сама власть рассматривала их именно как «пилотные», пробные, но одновременно и крупные, общенациональные мероприятия.

С точки зрения расходования появившихся ресурсов нацпроекты стали попыткой, **частным случаем** их использования в условиях, когда не было ни идеологии, ни стратегии развития, ни эффективных механизмов их реализации. Нужно сказать, что во многом эта идея оправдала себя уже в 2007 году. Первый год реализации нацпроекта «Доступное жилье», например, показал, что темпы роста строительной отрасли превысили 15% (по сравнению с 5% ростом всего промышленного производства в стране). 2007 год продемонстрировал 25-процентный рост жилищного строительства, что стало лучшим доказательством возможности опережающего экономического развития.

Вглядываясь в будущее: прогнозы и идеи¹²¹

«Сегодня на российской политической арене мы не наблюдаем... идеологии, которая бы завлекала умы людей в неведомые дали и радужные перспективы»¹²²

Неизвестный блогер

«... нельзя верить в „безбожную науку“, и „безбожная наука“ хромает»¹²³
А. Эйнштейн

Ничто не создается человеком прежде, чем формируется будущий образ. Человек — это архитектор, который, в отличие от пчелы, знает, чего он хочет хотя бы в виде самого общего плана. Причем формирование будущего образа страны нельзя ограничить даже самым точным стратегическим прогнозом. Этот образ — продукт воображения, воли, действий вполне конкретных людей и социальных групп. «Убежден, — говорил В. В. Путин, — что наше будущее будет таковым, какой образ сформируется в сердцах большинства россиян»¹²⁴.

Формулируя приоритеты и цели идеологии и основанной на ней стратегии, необходимо помнить, что ничто так не влияет на эффективность государственного управления и само будущее государства, как ясное представление граждан о его перспективах и будущем. Н. Н. Большова, исследуя это явление, отмечала, что «большое значение для эффективности государства имеет наличие перспективного и долгосрочного проекта общества, объединяющего всех его членов»¹²⁵. Такой проект следует оценивать не абстрактно, а исходя из реальных, объективных критериев, таких как

национальные интересы и ценности, международные реалии, ресурсы. Важна также адекватная оценка элитой этих критериев, в том числе выдвижение новых идей и формирование стратегического прогноза и планирования. Это, так сказать, вполне научный, хотя и несколько упрощенный подход.

Но кроме научного метода могут быть и иные, основанные на вере, интуиции, предположениях, фторологических и иных принципах, которые можно отнести уже к области **политического искусства**. Эти врожденные идеи, описанные в философии, тоже крайне важны для понимания самого процесса возникновения идеологии или национальной идеи как ее разновидности. Нередко именно они оказываются более точными и содержательными, чем чисто научные оценки, анализы и экстраполяции. История знает множество примеров такого точного ненаучного «стратегического прогноза». Так, по признанию Г. Коля, он был уверен, что станет канцлером Германии еще в возрасте 17 лет, а В. Жириновский — что будет министром в 20 лет.

По моим наблюдениям, такой долгосрочный прогноз, подкрепленный работой и верой в его точность, как правило, завершается положительным результатом. В этом заключается одна из глубинных загадок человеческого мышления, хотя никто ведь не удивляется, если писатель «заглядывает в будущее» и описывает его точнее, чем его современник — ученый. Думаю, формулирование идеологических целей должно происходить обязательно с использованием методов, которые я бы назвал «творческим воображением». Образ будущего должен быть не только научно обоснованным, но и **творчески представлен** как желательный. Вслед за этим уже идеология должна заставить в него **поверить** и **организовать** напряженную работу по его реализации. Поэтому очень важно, чтобы созданный образ получил **позитивное идеологическое обоснование** и обеспечение.

Парадоксально, но вполне объяснимо и то, что точность стратегических прогнозов, созданных при помощи количественных методов, как правило, уступает идеологическому, творческому воображению. Никто, например, не мог предсказать развал СССР, а до этого Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, ведь еще за год до этого подписывались «эпохальные» документы. Тем более никто из советских ученых еще в 80-е годы XX века не предполагал, что в недалеком будущем произойдет переход от планового хозяйства к рынку и многопартийности. Любопытно в этой связи читать сегодня документы, принятые правящей элитой СССР и России в конце 80-х — начале 90-х годов XX века¹²⁶.

Конечно, кризис 1990-х годов катастрофически отразился на состоянии всей советской экономики, уровне прогнозирования и планирования, который был сведен практически к нулю (за исключением, как уже говорилось, военных областей). Но главное,

в конце XX и начале XXI века в России господствовала неolibеральная установка, отрицавшая возможность и необходимость как научного стратегического прогноза, так и вообще формулирования модели развития и образа будущего. Однако оздоровление экономики, стабилизация социально-политической сферы жизни страны вызвала потребность в прогнозировании и отчасти стратегическом планировании. Но не в масштабе всей страны, когда прогноз неизбежно приобретал бы идеологический характер, подменив Концепцию социально-экономического развития страны до 2020 года.

Изначально, как я себе это представляю, в реализации общественной потребности в долгосрочном прогнозе были допущены, по меньшей мере, пять принципиальных ошибок:

- **во-первых**, из-за отсутствия идеологии развития множество появившихся прогнозов **не были скоординированы**. Они «выхватывали» отдельные экономические отрасли и социальные области, некоторые частные сферы деятельности и регионы из общего контекста жизни Российской Федерации без соответствующей взаимосвязи между ними;
- **во-вторых**, не было **государственного органа**, способного соотнести эти прогнозы между собой, сделать их совместимыми и не взаимоисключающими. Больше всего в то время боялись упреков в «возврате к ГОСПЛАНу», поручив фактически прогнозные разработки одному из департаментов Министерства экономического развития и торговли;
- **в-третьих**, все отраслевые прогнозы изначально были инерционными, они фактически экстраполировали существовавшие тенденции на перспективу 15–20 и даже 30 лет;
- **в-четвертых**, эти прогнозы не вытекали, не являлись следствием общей идеологии развития и единой стратегии, которых просто не было. Соответственно, как приоритеты, так и цели подобных прогнозов формировались произвольно;
- **в-пятых**, не было прорывных творческих идей, смелой постановки проблем, попыток сформулировать возможные угрозы России и способы их решения.

В таком виде и при таких системных просчетах и недостатках от стратегических прогнозов было мало толку: они не только не воспринимались как установки, требующие определенных действий, но и не задавали темпов развития, в связи с чем нередко были просто вредными. Несколько позднее Д. А. Медведев точно подметит эту слабую сторону в деятельности российских властей, заявив: «Благополучие России в будущем будет напрямую зависеть от наших успехов в развитии рынка идей, изобретений, открытий»¹²⁷.

Перед интеллектуальной элитой страны встала задача найти и выдвинуть на общественное обсуждение верные идеи и представления о будущем,

сформулировать национальный проект продвижения в будущее. Такие идеи должны были не только обеспечить выживание и развитие России, но и лечь в основу адекватной национальной идеологии, которая также служила бы инструментом, **механизмом соби- рания и реализации глобальных прогрессивных идей**. М. В. Сухарев следующим образом отзывался о значимости подобных идей: «Материя, как известно, не возникает из ничего и не исчезает. Поэтому

перед материей не стоит проблема существования. Эта проблема стоит именно перед идеями. Идеи, не способные сохраняться в материи, исчезают, а эту материю захватывают другие идеи. Именно поэтому вся история Вселенной является историей борьбы идей за обладание материей. Великолепной иллюстрацией является биологическая эволюция, в которой удачная идея биологического вида тиражируется в миллионах живых существ»¹²⁸.

Кто формулирует идеи?

«Идеи и предложения существуют в форме „невыраженных“ знаний»¹²⁹

«Учит ли нас история? Если да, то чему? Если нет, то почему?»¹³⁰

А. Торкунов, ректор МГИМО

Ответ на вопрос о том, кто **генерирует идеи**, отличается от ответа на вопрос о том, кто **их формулирует** на общественно-политическом уровне. Ответ на первый вопрос ясен: идеи генерируют творческие (креативные) социальные группы, иногда называемые креативным классом. Этот класс в развитых странах составляет, по оценкам экспертов, 10–15% населения. Этот же класс является сегодня в развитых странах главным создателем идей, инноваций и обеспечивает до 35% прироста ВВП.

Креативный класс составляет **часть всего общества**. Он не определяется только доходами, уровнем образования или только психологическими, лидерскими, творческими качествами. Его представители есть и среди богатых, и нищих, и бедных, но самая

большая определяющая доля его среди представителей среднего класса. Можно сказать, что средний класс является основой для формирования творческих социальных групп. Соответственно, чем больше доля среднего класса в социальной структуре общества, тем выше доля креативных слоев.

В свою очередь, общепризнано, что к среднему классу относятся те, кто по уровню доходов, образования и самоидентификации соответствуют этому параметру. Для нынешней России характерно то, что средний класс, а тем более креативные социальные слои, составляют неоправданно низкую долю в социальной структуре общества. Соответственно их **влияние** на политическую, экономическую и культурную жизнь страны значительно ниже, чем в развитых странах¹³¹.

Как Вы оцениваете уровень своего материального положения?

Высокий, материальных затруднений нет	1,3
Сравнительно высокий, хотя некоторые покупки не по карману	17,1
Средний, денег хватает лишь на основные продукты и одежду	57,6
Денег не хватает на продукты и одежды	16,4
Очень низкий, живу в крайней нужде	3,4
Затруднились ответить	4,2

Задача политического руководства — систематизировать, обобщать и продвигать идеи и знания креативных групп, делать их механизмом управления обществом и экономикой в виде обобщенной идеологии и вытекающей из нее стратегии развития¹³². Но политическое руководство не может и не должно заменять собой общество и креативный класс. В противном случае оно превращается в самодовольный бюрократический механизм, требующий слепого подчинения и исполнительской дисциплины. Надо признать, что иногда складывается именно такое впечатление: принимаемые решения — запоздалые и не всегда адекватные — характеризуются нередко мнимой простотой и отсутствием креативности. Да и исполнение этих решений оставляет желать лучшего. Даже по признанию президента Д. Медведева, сделанного в марте 2010 года, только чуть более 50% его поручений выполняются в срок.

Происходит это потому, что политический лидер, «начальник» (как иногда в аппарате называют высших руководителей), должен быть и **идеологическим лидером**, стоять на вершине идеологической пирамиды управления обществом. В этом случае его «сигналы» проходят напрямую к исполнителям, минуя **неизбежную бюрократическую нормативную процедуру**, т.е. процесс реализации решений резко ускоряется. Так, существующая ныне процедура принятия и исполнения решений занимает в лучшем случае 9–10 месяцев (оформление поручения Президента / Премьера — согласование в Аппарате Правительства и Администрации — согласование в департаментах отдельных ведомств и т.д.), а в отношении регионов — лет.

Парадоксально, но факт: сегодня в России нет не только признанной общенациональной идеологии и признаваемой всеми системы ценностей, но

и органа, который бы отвечал за ее формулирование. Отчасти за нормативное оформление идеологии отвечает Совет безопасности, точнее его аппарат, который подготовил Стратегию национальной безопасности России до 2020 года. Частично это же входит в функции департамента Министерства экономического развития, который подготовил Концепцию социально-экономического развития до 2020 года; в этом принимает участие МИД, который подготовил Концепцию внешней политики России (подчеркнуто деидеологизированную). Но **единого органа**, который отвечал бы за нормативное оформление идеологии в государстве или в Администрации Президента РФ нет. Единственная идеологическая структура — Комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам Российской Федерации, да и та в большей части функционирует на общественных началах.

Эта Комиссия была создана в мае 2009 года как общественный орган при Президенте РФ, перед которым стояла идеологическая, но в целом **частная задача** — противодействовать кампаниям, развязанным в некоторых странах (преимущественно странах Балтии, Польше, Чехии и ряде других), по искажению российской истории разных периодов. Но уже с самого начала работы Комиссии стало ясно, что за историческими спорами стоят вполне конкретные идеологические и политические цели, прежде всего пересмотр итогов Второй мировой войны. Можно даже было выделить еще более частные идеологические задачи¹³³:

- сконцентрировать внимание общественности на «пакте Молотова–Риббентропа», превратить это событие в главное условие для начала нацистской агрессии в Европе;
- уравнивать фашистский режим Гитлера и авторитарный режим Сталина;
- принизить роль СССР в разгроме фашистских держав, возложив на него ответственность за войну и тем самым лишив его прав государств-победителей;
- перенести недостатки сталинского режима на нынешний политический режим в России, объединив их в едином представлении о тоталитаризме;
- в целом ослабить тот громадный политико-культурный потенциал, который достался в результате победы СССР нынешней России как правопреемнице Советского Союза.

Но кроме идеологических мотивов развязанная против России кампания имела и вполне прагматические политические и даже экономические цели. Определенные круги на Западе рассчитывали, что ослабление идеологического капитала России приведет к тому, что ее можно будет заставить платить за так называемую «оккупацию»; стало интерпретироваться освобождение Советской Армией народов Северной, Восточной и Центральной Европы от нацистского ига.

За 2009–2010 годы Комиссии удалось серьезно активизировать интеллектуальный и медийный потенциал России и нацелить его на защиту исторической правды и справедливости. Удалось также отбить идеологические атаки, которые предпринимались в августе 2009 года в связи с 70-летием советско-германского договора и в сентябре в связи с годовщиной советско-финской войны. Но главное, Комиссия показала, что у власти есть ресурсы для противодействия недругам и что, когда проявляется политическая воля, эти ресурсы используются вполне эффективно. Не случайно и то, что Комиссия нашла серьезную поддержку в общественном мнении России уже через полгода после начала своей деятельности. Так, по соцопросу, проведенному Министерством культуры Российской Федерации, ее работу оценили положительно в той или иной степени почти 70% респондентов — граждан Российской Федерации¹³⁴.

Таким образом, Комиссия продемонстрировала способность государства отстаивать и формулировать свои исторические ценности и идеологические задачи, с одной стороны, и то, что в этой области существует огромное поле возможностей — с другой. Аналогичный результат, кстати, продемонстрировали и другие инициативы власти, прежде всего, поездка В. В. Путина в Катынь в апреле 2010 года, а также работа российско-польской Комиссии по сложным вопросам. Но в целом ясно ощущается недостаток присутствия государства и власти в идеологии. Периодически с идеологическими сигналами выступают Д. Медведев, В. Путин, В. Сурков, но надо признать, что это только спорадические, частные сигналы, которые **не сводятся в единую систему взглядов**, то есть идеологию.

Отсутствие системы в идеологической работе власти ведет к тому, что такие «сигналы» общественное мнение не только часто просто не слышит, но и перестает их воспринимать тогда, когда они доходят до него. Это происходит, на мой взгляд, по двум основным причинам:

- **во-первых**, бессистемные, частные идеологические сигналы неизбежно вскоре «забываются», вытесняются реальными или медийными событиями уже через несколько дней;
- **во-вторых**, сказывается отсутствие единого идеологического центра, который бы координировал, планировал, осуществляя мониторинг и реализовывал бы эти идеологические установки не только в течение нескольких месяцев, но и на протяжении нескольких лет, а в идеале — десятилетий. Более того, отсутствие такого центра ведет к противоречиям, в том числе идеологическим, принципиальным, не только внутри элиты, но и самой власти. Полярные утверждения Б. Грызлова и С. Миронова по принципиальным вопросам известны, но элита, внимательно наблюдающая за идеологическими нюансами, видит и другие противоречия принципиаль-

ного порядка и по принципиальным вопросам, которые выходят за рамки общеполитической дискуссии.

Вот почему, на мой взгляд, назрел вопрос о создании структуры, которая **координировала бы идеологическую активность государства**. Такая функция всегда являлась важнейшей для политического руководства любой страны, но в России, где существует множество всяких властных и управленческих органов, эту функцию реализовывать некому. Речь не идет, конечно же, о создании еще одной пресс-службы, которая решала бы тактические задачи, но именно структуры, отвечающей за идеологию, т.е. за формулирование целей, долгосрочное планирование и координацию использования идеологических ресурсов государства.

В качестве «поставщика идей» в таком случае выступали бы творческие социальные группы нации — креативный класс, которые бы использовали для этого разнообразные институты гражданского общества — политические партии, экспертные сообщества, СМИ и т.д. Отсюда следует неизбежный вывод: чем многочисленнее креативный класс и эффективнее институты гражданского общества, тем качественнее должны быть выдвигаемые ими полезные для общества идеи. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Креативные слои и личности имеются в любой социальной группе. Но их наивысшая «плотность» наблюдается среди лиц творческих профессий — ученых, профессорско-преподавательского состава, деятелей культуры, средств массовой информации, — которые обладают не только профессиональными знаниями и навыками, но и набором психологических и психических качеств. Абсолютное большинство их представителей относится к среднему классу (около 20% населения) и тем, кто в России относится к бедным слоям населения (около 40%). Привлечь эту часть общества к творческой активности, которая является в XXI веке основным ресурсом экономического и социального развития, можно в основном лишь **идеологическими мерами**, т.е. идеология может стать средством мобилизации творческого ресурса нации.

Конечно, и среди правящей элиты, даже бюрократии, есть креативные личности. Все зависит от их психологических и психических особенностей, которые проявляются в том числе в идеологии в разные исторические периоды. С идеологическими концепциями, например, регулярно выступает Ю. Лужков¹³⁵, В. Якунин, С. Иванов и другие высокопоставленные чиновники, фиксирующие свои идеологические позиции, в том числе и по принципиальным вопросам. Так, в 2009–2010 годы Ю. Лужков неоднократно выдвигал и обосновывал тезис о том, что «экономические теории монетаризма стали идеологической базой спекулятивного капитализма», т.е., в основе нынешней общественно-экономической формации капитализма лежит нелиберальная идеология.

Огромное значение для развития страны, формирования ее идеологии и стратегии имеют **социально-гуманитарные науки**. Именно они формируют не только философскую и эмпирическую основу для любых общественно-политических и идеологических концепций, ту «среду», в которой они могут развиваться, но и профессиональные подходы, квалифицированную экспертизу. К сожалению, в последние десятилетия эта основа сознательно разрушается. Причем не только из-за последствий социально-экономического кризиса и влияния извне, но прежде всего из-за игнорирования значения социально-гуманитарных знаний вообще и идеологии в частности.

Примечательно, что даже поворот властной элиты к науке, произошедший в последние годы, **не повлиял на область гуманитарных наук в положительном плане**. Можно только приветствовать наконец-то внимание власти к достижениям научно-технической революции, новым технологиям и их носителям, но этот процесс протекает при полном игнорировании значения социально-гуманитарных знаний. Это проявляется и в развале соответствующих институтов РАН, и в политике Министерства образования, которое признает только естественно-научные дисциплины, и, к сожалению, в отношении к науке Президента РФ и Председателя Правительства. По их инициативе, например, среди формируемых исследовательских университетов и других структур научной деятельности не просто доминируют, но абсолютно представлены только естественно-научные центры. Это, конечно же, в корне неверно, ибо профессионально подготовленные идеи и концепции общественно-политического и экономического развития не могут появиться без масштабных национальных социогуманитарных исследований.

Наконец, следующая проблема, которая также остра в нашей стране, — это профессиональная социогуманитарная подготовка элиты и сопровождение принимаемых ею решений. У этой проблемы есть два аспекта:

- **во-первых**, слабая гуманитарная подготовка элиты, которая в основном сформирована из хозяйственников и силовиков, а не идеологов с соответствующим образованием и знаниями. Это привело к тому, что в последние десятилетия появилось множество «специалистов» — обществоведов, «политологов» и профессиональных комментаторов, не имеющих даже не очень хорошего, но вообще гуманитарного образования. Поэтому качество такой элиты сегодня крайне низкое, как и уровень принимаемых ею решений;
- **во-вторых**, в России сегодня отсутствуют идеологические органы. И не только в Администрации Президента или Аппарате Правительства, но и в СМИ, министерствах и ведомствах. Это — прямое последствие проводившейся со времен А. Н. Яковлева «деидеологизации». Соответственно, некому предлагать для руководства и идеологические

рекомендации, заниматься целеполаганием, стратегическим планированием, координацией идеологических ресурсов и т.д. Эти функции возлагаются на соответствующие информационные управления и пресс-службы, т.е. структуры, занимающиеся не идеологией, а **продвижением готовых идей в СМИ.**

Тогда встает вопрос, кто же «готовит», то есть выдвигает идеи? Кто их отбирает, систематизирует, предлагает руководству страны? Поступающие в Кремль, Белый дом, ведомства инициативы и идеи, тем не менее, кому-то надо обобщать, систематизировать и готовить проекты решений для лиц, принимающих такие решения. Прежде, при ЦК КПСС, это были Идеологический отдел ЦК и группы консультантов, а теперь не ясно, кто этим занимается, да и есть ли вообще такой функциональный орган?

Пока что в этой идеологической области, как ни странно, активно ведут себя неолибералы, прежде всего макроэкономисты, которые в действительности и формулируют идеологию развития страны. В настоящее время в этой сфере сложилась неправильная ситуация, при которой реальные приоритеты социально-экономического развития формирует не элита страны и высшие органы власти, а **финансово-экономический блок правительства** в лице Министерства экономического развития и Министерства финансов. И хотя в МЭРе делают **основную ставку на государство** как на главного инвестора и инициатора разнообразных социальных «нацпроектов», реальную программу и распределение ресурсов предлагают именно российские «денежные власти». Соответственно, и предлагаемые ими способы решения всех финансово-экономических проблем связаны с монетаризмом. Как показал кризис 2008–2010 годов, все его аспекты — а их было великое множество — в нашей стране были сведены почти исключительно к финансовой стабилизации.

Таким образом, ключевые стратегические и идеологические проблемы в современной России пытаются ставить и решать МЭР и Минфин, т.е. всего лишь министерства, пусть и сверхкрупные, но всего лишь министерства, а не Президент, Госсовет или Совет безопасности.

На мой взгляд, идеологические документы должны готовиться и решения по идеологическим вопросам должны приниматься отдельным органом (Советом безопасности, например, с участием представителей правительства, Федерального Собрания, общественных и политических институтов). В этом органе должны формулироваться и формироваться разного рода национальные стратегии, которые становились бы нормативной базой оформления идеологии нации. Стратегия национальной безопасности, думается, должна иметь **обязательный — с политической и нормативной точки зрения** — характер для подготовки бюджетов, других законов и решений, т.е. для деятельности всех министерств, ведомств, регио-

нальных властей. Сегодня нет общенациональной идеологии, а стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, принятая в мае 2009 года, только отдаленно напоминает обязательный документ, на который должны ориентироваться исполнительная, законодательная и судебная власть.

Элита, прежде всего политическая, включающая высшее руководство страны, должна, опираясь на идеологию и на ее формализованное изложение в Стратегии национальной безопасности, принимать обязательные для исполнения всеми ветвями власти решения. На практике это означает в сегодняшней России, что элита должна формулировать политико-идеологические задачи финансовым органам, **а не наоборот.** Так, если в президентском послании 2007 года была поставлена задача строить в перспективе по 1 кв.м жилья ежегодно на 1 человека, т.е. 140 млн. кв.м в год, то эту задачу должно было решать федеральное правительство и региональные власти, так как она была выдвинута высшим **политическим руководителем России.**

Сегодня такие масштабные и долгосрочные, т.е. стратегические, задачи должны в реальности стать прерогативой политического руководства страны, действующего в рамках некоей идеологии, разделяемой большинством граждан. Из-за того, что МЭР или Минфин берет за выполнение не свойственных им (идеологических) функций, они и выполняют их по-своему, «неидеологически», как министерства финансов и экономики, где-то лучше, где-то хуже, но в целом — всегда плохо. Простой пример. Все прогнозы МЭР — инерционные. В них нет не только идеологической «сверхзадачи», но даже учета внешних факторов и стимулов развития, что подтверждает и последующая неизбежная корректировка, которая делается, как правило, уже через несколько месяцев.

Главная проблема всех существующих прогнозов МЭР, долгосрочных в особенности, это то, что они деидеологизированы, просто экстраполируют существующие экономические тенденции и факторы на будущее. Эти прогнозы не ставят перед нацией сверхзадачи по выводу страны на передовые рубежи современного социально-экономического прогресса, которые вытекают бы из общей национальной идеи. Они не учитывают многих важнейших факторов, а главное, не направлены на решение проблем, сформулированных руководством страны, что в итоге гарантирует — такой прогноз наверняка не будет соответствовать действительности и появление новых факторов, открытий, проблем неизбежно приведет к необходимости их серьезной качественной корректировке.

Так, практически не поддаются прогнозированию открытия в фундаментальной науке, а ведь Россия принадлежит к очень узкому клубу стран, занимающихся этой сферой. Открытия в этой области имеют решающее значение. Дело в том, что фундаментальная наука — это особый «организм», очень

хрупкий и своеобразный. Создать ее крайне сложно, разрушить легче легкого. Причем в науке действуют свои нравственные и моральные законы, выработанные научным сообществом за несколько веков, которые экономически невозможно просчитать. Впервые этот своеобразный кодекс чести ученых, стоящих на четырех принципах, был сформулирован известным американским социологом Робертом Мертоном¹³⁶.

При этом попытки коммерциализировать, приспособить фундаментальную науку (именно науку, а не результаты) к экономическим потребностям МЭР, — бессмысленны. По данным соцопросов, проведенных в МГУ, ученых, желающих заниматься внедрением своих результатов в бизнес, — менее 1%. Это означает, что коммерциализация науки не только бесполезна, но и обесценивает главный ресурс современного развития — науку, образование, культуру, знания и духовность вообще. Весь этот огромный неэкономический ресурс знаний остается за пределами потребностей «практической экономики». Но это же лишает и профессиональные прогнозы и планы МЭР реального смысла. Достаточно сказать, что при составлении комплексных стратегических прогнозов, таких, например, как в США и Китае, работают коллективы из тысяч исследователей, представляющих самые различные области знаний. И, кстати, не только научных знаний, но и культуры, искусства, духовности.

Подобная методологическая ошибка ведет не только к ошибкам политическим, идеологическим, но даже экономическим: узкие специалисты-эко-

номисты не могут выйти за рамки такого же узкого коридора своих знаний и опыта, что неизбежно ведет к крупным ошибкам. Таким, например, как недофинансирование культуры, науки и образования в принятом бюджете на 2008–2010 годы. Вот почему важна именно идеология, которая оперирует качественными характеристиками высшего порядка по отношению к экономике. Она помогает не только уйти от экономического детерминизма, но и сделать прогноз и стратегию менее ошибочной. Кроме того, с политической точки зрения именно идеология формулирует задачи перед всеми исполнителями, а не только теми, кому непосредственно поручена их реализация. Так, если политически будет сформулирована задача опережающего развития (как следствие соответствующей идеологемы), то ее выполнять должны будут **все регионы**, а не только несколько областей, которые обеспечивают сегодня прирост ВВП в 12–15%, **все отрасли**, а не только строительная и энергетического машиностроения.

Простая экстраполяция полезна и необходима на начальном этапе формирования стратегии, ибо позволяет сделать сравнение, рассмотреть реальное (сегодняшнее) соотношение сил в мире и место в нем России. Так, динамика последних 7 лет подъема экономики при В. В. Путине выражена отчетливо в следующих данных¹³⁷, которые были просто экстраполированы правительством на следующие три года — 2008–2010. Подобная экстраполяция, конечно же, не учитывала многих факторов.

Основные показатели мировой экономики

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006п
Рост ВВП, %							
Мир	4,7	2,4	3,0	4,0	5,1	4,3	4,3
Развитые страны	3,9	1,2	1,5	1,9	3,3	2,5	2,7
США	3,7	0,8	1,6	2,7	4,2	3,5	3,3
Канада	5,2	1,8	3,1	2,0	2,9	2,9	3,2
Великобритания	4,0	2,2	2,0	2,5	3,2	1,9	2,2
Германия	3,1	1,2	0,1	-0,2	1,6	0,8	1,2
Франция	4,1	2,1	1,3	0,9	2,0	1,5	1,8
Италия	3,0	1,8	0,4	0,3	1,2	0,0	1,4
Япония	2,4	0,2	-0,3	1,4	2,7	2,0	2,0
Развивающиеся страны	5,8	4,1	4,8	6,5	7,3	6,4	6,1
Бразилия	4,4	1,3	1,9	0,5	4,9	3,3	3,5
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	5,5	5,3
Индия	5,4	3,9	4,7	7,4	7,3	7,1	6,3
Китай	8,0	7,5	8,3	9,5	9,5	9,0	8,2

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006п
Инфляция (ИПЦ),%							
Развитые страны	2,2	2,1	1,5	1,8	2,0	2,0	1,9
США	3,4	2,8	1,6	2,3	2,7	2,7	2,4
ЕС-15	2,1	2,4	2,3	2,1	2,2	1,9	1,7
Япония	-0,9	-0,7	-1,0	-0,2	0,0	-0,2	0,3
Развивающиеся страны	7,1	6,7	6,0	6,0	5,7	5,5	4,6
Бразилия	7,1	6,8	8,4	14,8	6,6	6,5	4,6
Россия	20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	11,8	9,7
Индия	4,0	3,8	4,3	3,8	3,8	4,0	3,6
Китай	0,4	0,7	-0,8	1,2	3,9	3,0	2,5
Внешняя торговля, млрд. долл.							
США							
Экспорт	782	729	693	725	819	908	-
Импорт	1259	1179	1200	1303	1526	1733	-
ЕС-15							
Экспорт	2252	2263	2403	2845	3370	3589	-
Импорт	2257	2215	2293	2752	3299	3561	-
Япония							
Экспорт	479	404	417	472	566	600	-
Импорт	380	349	337	383	455	522	-
Бразилия							
Экспорт	55	58	60	73	96	н\д	-
Импорт	58	58	49	50	65	н\д	-
Россия							
Экспорт	106	102	107	136	183	247	-
Импорт	49	59	67	84	106	123	-

И не только кризис 2008–2010 годов (который вообще мало кто прогнозировал) или цены на энергоносители (которые также никто не может с уверенностью прогнозировать), но и такие долгосрочные тенденции в мире, как снижение энергоемкости и материалоемкости производств, увеличение доли наукоемкой продукции, наконец, рост значения потенциала человеческой личности в экономике и обществе.

На самом деле эти и другие тенденции изначально должны были быть заложены не только в стратегических прогнозах, но и в планах социально-экономического развития, бюджетных посланиях, наконец, в самих бюджетах не только как экономические, но и как устойчивые идеологические и политические тенденции. Это, естественно, не могут себе позволить ни МЭР, ни Минфин, но это должно быть обязательно заложено в стратегии развития государства как ми-

нимум в качестве идей и тенденций, которых, кстати, российская наука и общественность во все времена выдвигали немало.

Приведу собственный пример. Еще в 1991–1994 годах было подготовлено большое количество записок, проектов законов и даже больших монографий, которые предупреждали власть о многих проблемах, ставших на повестку дня только недавно. Так, например, в книге «Национальная доктрина России»¹³⁸ я писал о необходимости выделения в программах Президента и партий ясных идеологических приоритетов, которые бы и означали фактический выбор власти.

В этой же работе я писал о том, что в 1992 году смертность впервые превысила рождаемость в стране и прогнозировал дальнейшее развитие этой тенденции, о том, что необходимо использовать собственные ресурсы, прежде всего культурный, об-

разовательный и духовный потенциалы нации, а не рассчитывать на помощь Запада. Эти и другие такого же плана идеи в большинстве своем были восприняты властью с опозданием в 10–16 лет, а некоторые до сих пор так и остаются идеями. Разрыв между новыми идеями в фундаментальной науке и реальной экономике, составляющей в России десятки лет, стал традицией, которая была перенесена и в общественно-политическую реальность, где, как оказалось, нет вообще связи между идеями, генерируемыми представителями креативного класса, и представителями политического класса России.

Примечательно, что при этом на уровне организации общественных наук происходят прямо противоположные тенденции. С одной стороны, сокращается количество исследователей, умирают целые школы в РАН, университетах и институтах, а с другой — появляется множество независимых исследовательских и псевдоисследовательских институтов, центров и служб, часть из которых могут предлагать вполне конкурентоспособную научную продукцию для лиц, принимающих решения. Проблема, как представляется, состоит в том, чтобы **организовать взаимодействие** между властью и генераторами идей не на личном уровне (как это есть, например, у Г. Павловского, В. Фадеева и еще нескольких человек), а на постоянной систематической и **формализованной** основе.

В этих целях могут быть использованы, естественно, советы и комиссии при Президенте России, деятельность которых необходимо переводить с общественной на общественно-профессиональную основу. Их потенциал — как показал опыт Комиссии по противодействию фальсификации истории России — может быть очень высоким, но для этого такой потенциал должен стать фактором, т.е. быть реализованным, что, к сожалению, не всегда происходит.

Главное в прогнозах даже не господствующая в них экстраполяция, а то, что она становится уже не экономической тенденцией, а превращается в политико-идеологическое целеполагание, т.е. формулирует цели развития государства и общества, не только как в данном случае на среднесрочную, но и на стратегическую перспективу. При этом возникает множество вопросов, на которые МЭР, Минфин и другие ведомства не способны ответить в принципе. Тем, что инициатива выдвижения идей, их оформления в стратегические прогнозы и планирование отдается финансово-экономическим ведомствам, изначально закладывается долгосрочная ошибка. Так, например, учитывая, что каждый процент прироста крупных экономик «весит» значительно больше, чем процент российского прироста (только прирост экономики США в 2005 году был равен всему ВВП России), становится понятным, что, сохраняя нынешний алгоритм развития, догнать ведущие державы мира нам удастся только в очень отдаленной перспективе. Если вообще удастся.

Вопрос — политический и идеологический — в том, **насколько** отдаленной? Если нам потребуется 30 лет, чтобы догнать Германию, и 70 лет — Китай и США, то главный вопрос для России будет таким: а сможет ли выжить в эти годы нация и государство? Хватит ли нам ресурсов обеспечить суверенитет и национальную безопасность? Ответ на эти вопросы лежит в политической и идеологической областях, а не в финансово-экономической. Так, рассчитывать на спокойное, мирное развитие Россия вряд ли может. Заместитель директора Центра анализа, стратегии и технологий Константин Макиенко отмечал в свое время: «США с их полутратриллионным военным бюджетом более чем какое-либо иное государство в мире, закупают вооружение в количествах, которые, выражаясь языком господина Кейси, „значительно превосходят потребности их обороны“ и не способны не только региональной, но и глобальной стабильности»¹³⁹.

Подписание в апреле 2010 года Д. А. Медведевым и Б. Обамой Договора о сокращении стратегических вооружений является хорошим примером для стратегического прогноза в военно-технической области. Действительно, в ходе реализации этих договоренностей в ближайшие годы предполагается сокращение ядерных боеприпасов и их носителей у России и США, что должно укрепить стратегическую стабильность. Но в этой связи возникает ряд других вопросов, которые не являлись предметом договоренностей, а именно:

- как быть с тем, что многие функции стратегического потенциала будут выполняться неядерным оружием и системами боевого управления;
- как учитывать рост ядерных потенциалов других стран, чей удельный вес в 2010 году составлял 10% от российско-американского, но неизбежно увеличится в результате сокращений США и России и развития их ядерных сил;
- как быть с развитием систем противоракетной обороны и боевого управления, которые де-факто уже стали частью наступательно-оборонительного комплекса стратегических сил США;
- наконец, как быть с тем фактом, что растущая военная мощь США, которая прежде компенсировалась российским потенциалом, станет доминирующей в мире.

Представляется неслучайным и тот факт, что подписание Договора о сокращении стратегических вооружений состоялось в Праге, где за год до этого Б. Обама заявил о необходимости ядерного разоружения.

Эти и другие соображения не находят и не могут находить своего отражения в концепциях и планах, разрабатываемых в Минфине и МЭР, но такие планы в принципе должны быть следствием более общей концепции развития страны. На эту роль не может претендовать и стратегия национальной безопасности до 2020 года, утвержденная в мае 2009 года Пре-

зидентом РФ, именно в силу своего относительно частного, неидеологического характера, где нет ни сверхзадачи и сверхидеи развития России, ни национальной идеи. Конечно, в качестве такой «сверхидеи» можно сформулировать, как это сделано в Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, цели экономического роста:

«53. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются вхождение России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижение необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах.

54. Обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений в Российской Федерации»¹⁴⁰.

В этой «идее» есть только одна конкретная задача — «войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП». Но она, **во-первых**, не является бесспорной. Например, почему не ВВП на душу населения или по индексу развития человеческого потенциала? Или доли России в мировой наукоемкой продукции, в расходах на образование и науку? **Во-вторых**, эта идея и **главная цель развития** не обсуждалась широко ни экспертным сообществом, ни обществом. Она, в том числе и поэтому, не стала национальной идеей, оставшись одной из идей очередного нормативного документа, о котором забыли все после его принятия. Любопытно, а сколько же раз за год — с мая 2009 года по май 2010 года — ссылались на эту Стратегию руководители страны и представители ее элиты?

Отсутствие механизма «продвижения идей» во властную элиту опасно и потому, что сама по себе властная элита в ее нынешнем виде концентрирует в основном представителей власти, а не креативных групп граждан. Но у таких представителей власти, как правило, нет времени и возможности осмыслить, проанализировать ситуацию, они действуют в режиме постоянного цейтнота и форс-мажора. Отсюда — на стратегические решения банально не остается времени и сил.

В любом случае многие факторы рисков остаются за скобками правительственных прогнозов и оценок руководителей страны. В лучшем случае принимается во внимание фактор цены на углеводороды и темпы развития (падения) мировой экономики, т.е. самые общие макроэкономические показатели. Хотя в условиях кризиса 2008–2010 годов основными показателями в развитых странах стали **социальные** (безработица, уровень доходов), а не финансовые.

Что же касается внешнеполитических или внутривнутриполитических факторов, то они не только не учитываются, но и вообще игнорируются. Как, например, объяснить отказ учитывать в годы правления республиканской администрации возможные действия США, вызванных в частности, приходом на пост министра обороны Р. Гейтса (посвятившего свою жизнь развалу СССР)¹⁴¹? Или резкий рост в 2007 году расходов США на «защиту демократии» в мире, что совпало с активизацией антироссийских сил на Кавказе, в Осетии, Абхазии, на Украине и в других постсоветских государствах?

Сегодня требуется скрупулезный анализ идеологических основ всей предыдущей политики России — экономической, финансовой, социальной. Не только за 90-е годы прошлого столетия, но и за первое десятилетие нынешнего. Как в условиях относительно благоприятного фона развития, так и в условиях кризиса 2008–2010 годов. И не случайно такой анализ делается не только оппозицией (политической — Г. Зюганов, С. Миронов, В. Жириновский, Г. Семитин), но и представителями самой правящей элиты. Так, только в 2009 году Ю. М. Лужковым были опубликованы две книги, посвященные этой теме¹⁴². В одной из них он сформулировал весьма примечательный и сугубо идеологический вывод: «Связанные с этим кризисом (2008–2009 г. — А. П.) основные выводы для человечества только кажутся финансовыми и экономическими, тогда как их масштаб в разы превосходит сферу экономики»¹⁴³.

В. Якунин, другой представитель управляющей элиты, даже создал специальный центр для анализа стратегических проблем развития России под руководством С. Султаншина, который подготовил десятки критических работ и провел несколько «резонансных» научно-практических конференций. Примечательно, что и Ю. М. Лужков, и другие авторы **избегают идеологической оценки** положения дел в стране (за исключением С. Миронова, заявившего, что он «не будет строить капитализм»), но неизбежно подталкивают своих слушателей и читателей к выводам такого рода. И можно вне всякого сомнения утверждать, что главная идея, которая в том или ином виде обсуждается сегодня интеллектуальной элитой — **идеологическая**, ибо речь идет о том, каким должен стать алгоритм развития общества, экономики и государства, который могла бы предложить современная элита.

Спор идей на самом деле имеет не философское (кого сегодня в России волнует философия?), а вполне даже экономическое основание. Дело в том, что российское общество и часть элиты в принципе перестал устраивать нынешний алгоритм развития, который ни в период «тучных лет», ни в период кризиса так и не смог продемонстрировать свою эффективность. Причин, как уже понимают многие, немало, но главная заключается в том, что отставание России по всем направлениям не сокращается, а увеличивается.

Темпы роста ведущих стран мира за последние десятилетия — как в благоприятные, так и кризисные годы — были достаточно высокими, а США, Индии и Китая — даже очень высокими. Если же добавить, что и в предыдущие 15–20 лет (т.е. в годы, когда экономика России деградировала или развивалась экстенсивно) в этих странах были устойчивые и высокие темпы развития, то это означает, что Россия смогла лишь отчасти присоединиться в последние годы к «рывку» США, Китая и Индии

во многом благодаря изменению цен на рынке сырья. «Стремительный» рост экономики России объясняется просто: после обвала 1990–1997 годов и кризиса 1998 года все показатели России снизились до уровня 50-х годов. «Рывок» лишь отчасти (на 80–85%) восстановил к 2006 году экономику страны до уровня РСФСР 1990 года и сравнял ее с этим уровнем в 2007 году. Именно с 2007 года начался **рост, а не восстановление**. О чем свидетельствуют данные из следующей таблицы.

Основные показатели экономики России

	2000	2001	2002	2003	2004	2005о	2006 к 2000
ВВП в текущих ценах, млрд. руб.	7306	8944	10818	13243	16752	21280	300%
ВВП на душу населения. Долл.	1772	2100	2374	2984	4041	5264	300%
% к предыдущему периоду, в постоянных ценах							
ВВП	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,0	
Конечное потребление	5,6	6,8	7,0	6,2	9,2	9,0	
Инвестиционный спрос	18,1	10,2	2,8	12,8	10,8	9,9	
Промышленное производство	11,9	4,9	3,7	7,0	6,1	4,0	
млрд. руб.							
Доходы фед. бюджета	1132	1594	2205	2586	3426	4239	400%
Расходы фед. бюджета	1051	1355	2063	2372	2706	3237	300%
Профицит фед. бюджета	81	240	142	214	720	1002	1200%
Первичный профицит	365	424	378	438	935	1345	350%
% ВВП							
Доходы фед. бюджета	15,5	17,8	20,4	19,6	20,4	21,1	
Расходы фед. бюджета	14,1	14,8	19,0	17,9	16,1	16,1	
Профицит фед. бюджета	1,1	3,0	1,4	1,7	4,4	5,0	500%
Первичный профицит	5,0	3,2	3,5	3,3	5,6	6,3	

Подчеркну, речь идет о росте, а не о развитии. Развитие экономики в России так и не началось, даже в условиях сверхблагоприятной мировой конъюнктуры 2007 — начала 2008 года. Что же касается экстенсивного роста, то он немедленно прекратился, более того, превратился в самое стремительное падение из всех развитых экономик мира (кроме Украины) в 2008–2010 годах. К этому времени сложилась ситуация, когда даже представители властной элиты стали говорить о системных недостатках стратегии развития (которая на самом деле не была ни стратегией, ни развитием, а в лучшем случае — попытками финансовой элиты использовать благоприятную конъюнктуру мировых цен для накопления валютных резервов).

Другой аспект признанных правящей элитой в 2010 году недостатков — неэффективность управленческих решений бюрократии, более того, их заведомо коррупционный характер. Именно

в 2009–2010 годах Д. А. Медведев попытался внести очередные коррективы в систему управления экономикой, обществом и государством, носившие в ряде случаев подчеркнута идеологический характер. Так, назначения Т. Хлопонина полпредом Президента Российской Федерации на Кавказе, а В. Вексельберга — «куратором» проекта в Сколково можно считать весьма символическими. Когда решался кадровый вопрос о Сколково, как свидетельствовал источник в Администрации Президента, олигарха выбрали потому, что «чиновнику это лучше не поручать»¹⁴⁴.

На самом деле я сомневаюсь в эффективности подобной кадровой стратегии. Разочарование в эффективности государственных чиновников не должно закрывать глаза на то, что и бизнес в России имеет весьма спорные неэкономические источники своего существования и развития. Мне кажется, что мировой опыт уже давно демонстрирует — лучший управленец XXI века это человек, обладающий:

- а) профессиональными знаниями (в данном случае — ученый);
- б) не только организационными, но и творческими способностями;
- в) способностями к стратегическому прогнозированию и умением планирования сложных и масштабных процессов.

К 2010 году стало очевидным, что необходима широкая научная и общественная дискуссия, в результате которой уже не только оппозиция, но и элита пришла бы к пониманию современных новых идей в сфере стратегических прогнозов и идеологии развития. Иначе несогласованность между отраслевыми стратегиями, федеральными и региональными планами будет продолжать тормозить развитие страны. Так, энергетическая стратегия России на период до 2020 года исходит из роста ВВП страны к тому времени в 2,2–3 раза. Это прямо противоречит задаче, сформулированной Президентом РФ, а также создает возможность катастрофической ошибки: если ВВП будет расти быстрее, то экономика будет поставлена в условия энергетического кризиса еще задолго до 2020 года. Отсутствие общенациональной идеологии развития уже больно бьет по экономике. Вот почему послание В. Путина 2007 года выглядело как эквивалент среднесрочного прогноза и стратегии, которые были подкреплены бюджетом страны на 2008–2010 годы.

Последующие послания, уже президента Д. А. Медведева, имели политико-идеологический характер, но они еще не являлись завершенной идеологической системой, а скорее представляли собой эмпирический набор «сигналов» обществу и его элите, связанных со стратегией управления развитием страны. Между тем ученые и специалисты уже выдвигают и более сложные, комплексные идеи и стратегические прогнозы, учитывающие огромное количество факторов и, главное, связанные с социально-экономической эмпирикой страны. Так, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) обосновал вывод о том, что в ближайшие 15 лет страну ждет целый ряд кризисов. Другой пример можно взять из сферы образования. Почему-то в 2001–2010 годы сложилось представление (причем не только у Министерства образования, но и правительства в целом) о том, что в России уже достаточно людей с высшим образованием. Отчасти это вытекало из объективного факта роста числа студентов в России в последнее десятилетие, но в большей части объяснялось тем, что руководство страны неправомерно противопоставило качество высшего образования его доступности. Эта идея и легла в основу всей политики Министерства образования в 2005–2010 годы.

Между тем в России число людей с высшим образованием заметно отстает от уровня стран-лидеров, где высшее образование имеют 22% граждан (в России — 20,8%, в США — 30%). В то же время страте-

гическая перспектива мирового развития уже через 15 лет потребует, по мнению ректора СГА М. Карпенко, чтобы 60% граждан обладали высшим образованием¹⁴⁵. И если сегодня не предпринять очень серьезных усилий по повышению доступности образования, то через полтора десятилетия Россия уже не сможет обеспечить себя высококвалифицированной рабочей силой. Более того, стратегическая идея России должна заключаться в превращении к 2030 году высшего образования **во всеобщее**, как это уже сейчас реализовано в Японии.

Российская проблема заключается в том, что отставание в выдвигании новых идей, в решении идеологических задач и осмысленном формулировании целей развития общества и государства ведет к появлению ложных идей, созданию **неточных, неверных прогнозов и планов развития**. Такой подход, например, долгие годы господствовал в Правительстве РФ при формировании проектов бюджетов и планов социально-экономического развития, когда международные факторы учитывались в минимальной степени (цена на нефть, темпы развития ВВП), а внутривластные задачи вообще не были сформулированы. Они «просто» подменялись макроэкономической экстраполяцией.

Типичный пример тому — добросовестный прогноз экономического развития России до 2020 года, подготовленный экономическим советником премьер-министра РФ М. Фрадкова Андреем Белоусовым. Экономист констатировал, что при сохранении цен на нефть в пределах 45–50 долларов за баррель у России «есть еще 6–7 лет, чтобы перестроить экономику и вписаться в те риски, которые мы видим». Однако этот и аналогичные прогнозы и идеи так и не были услышаны Минфином. Вместо создания нормального инвестиционного климата, кредитной политики, инвестиций свободных ресурсов в экономику, все ресурсы отправлялись «в кубышку», а затем, в период кризиса 2008–2010 годов, тупо тратились.

Ни первая, ни вторая разновидности политики не требовали особых усилий или творческих способностей для их реализации, но в результате к 2010 году Россия вновь вернулась к уровню развития... 1990 года. Более того, о некоторых отраслях, как справедливо заметил Ю. Лужков в апреле 2010 года в своем выступлении в Дипломатической академии, уже «поздно говорить как об отраслях, которые можно восстановить. Их нужно создавать заново».

Практически все отечественное экспертное сообщество и многие зарубежные наблюдатели прогнозируют, что в 2010–2020 годах российская экономика столкнется со сложными проблемами, которые вызваны не только кризисом. В первую очередь речь идет о структурных и демографических факторах — существенном сокращении трудоспособного населения, что создаст сильное давление на систему пенсионного обеспечения, падении доходов, инфля-

ции, росте цен и тарифов, в массе своей отражающих ошибочность существующего алгоритма развития. К 2015–2020 годам риски, как считают ученые, могут достигнуть максимальных значений за счет обострения социально-экономических проблем и нарастания неэффективности государственного управления. Обострятся к тому времени и медико-социальные проблемы (скажется рост числа ВИЧ-инфицированных

и наркоманов), и проблема истощения природных ресурсов (нефтяных месторождений Поволжья, например). Не исключено, что к этому периоду в результате эффективной энергосберегающей политики может снизиться спрос на энергоресурсы у развитых стран. Все эти вызовы требуют от российской элиты выдвижения принципиально новых идей и стратегий развития страны.

Университеты — кузница идей

«Вплоть до середины XIX века слово „просвещение“ употреблялось в самом широком смысле, заменяя термин „культура“ ...»¹⁴⁶

«Для осуществления модернизации необходимы не только новые идеи, проекты, финансовая, техническая и научная база, но и создание целеполагающих мотиваций у всех слоев российского общества, формирование атмосферы созидания»¹⁴⁷

А. Торкунов

Новые научные идеи, как правило, не появляются сами по себе, если, конечно, они не рождаются в головах психопатов. Тем более когда дело касается идей общественно-политических и идеологических. На мой взгляд, для их появления нужны следующие предпосылки.

- культурное, историческое национальное наследие, которое создает «питательную среду» для развития идей;
- научные национальные школы, способные обеспечить все этапы образовательно-исследовательского развития — от бакалавра и магистра до аспирантуры и последующего научного взросления;
- качественный человеческий потенциал, определяемый такими известными критериями, как образование, здоровье, социально-экономические условия, информационная оснащенность, научное и культурное общение;
- создание государством и обществом условий для развития научного знания — как материальных, так и моральных, психологических.

Для развития и появления общественно-политических и социогуманитарных идей в России последние десятилетия стали непростым временем. С одной стороны, именно эта область после отмены официальной идеологии получила максимально широкие возможности для творческого развития. Но, с другой стороны, продолжающиеся и сегодня игнорирование государством этой области знаний привело к разрушению научных школ, массовому уходу специалистов и, — в качестве ответной реакции — появлению огромного числа непрофессионалов и активному вмешательству в научный процесс внешних сил, государственных и общественных, по-своему заинтересованных в этом процессе. К 2010 году сложилась ситуация, которая позволяет говорить о глубоком кризисе в социогуманитарной науке, которая должна обеспечивать элиту необходимой информацией для принятия решений.

Так, например, идеологическое влияние на экономическую политику России в Сибири отчетливо выражено в работе известных американских специалистов Ф. Хилла и К. Гадди «Сибирское бремя. Прочеты советского планирования и будущее России», где, в частности, говорится: «Самой серьезной из всех помех на пути изменения российской экономической географии является то, что Сибирь продолжает рассматриваться в качестве основы развития России в будущем»¹⁴⁸.

Этот кризис в социогуманитарной науке имеет очень важные идеологические и политические последствия:

- **во-первых**, правящая элита очевидно недополучает **качественную научную информацию о состоянии государства, общества и экономики**, прежде всего анализ происходящих процессов в стране. Сегодня можно говорить о том, что в России реально существует тысячи исследовательских центров и учебных заведений, среди которых, может быть, десяток–другой в состоянии профессионально проанализировать те или иные процессы. Следует констатировать в этой связи:
 - система исследовательских институтов РАН стремительно деградирует, а высшие учебные заведения заняты преимущественно платными образовательными услугами;
 - отраслевые и региональные научно-исследовательские институты фактически исчезли, а негосударственные исследовательские центры ориентированы не на фундаментальную науку, а на заказ — PR-сопровождение или личные амбиции состоятельных граждан.

В этих условиях только лучшие российские университеты способны сохранить и даже несколько развить социогуманитарные знания, печатать свои издания, готовить инициативные записки и т.д.

- **во-вторых**, правящая российская элита очевидно недооценивает роль социогуманитарных

наук и знаний. Это видно из многих заявляемых и занимаемых Министерством образования позиций, высказываний высших руководителей страны. Так, среди победивших на конкурсе 12 исследовательских университетов в августе 2009 года, только 1 был гуманитарный — ВШЭ. Это означает, что деградация общественных наук будет продолжаться. Хочу подчеркнуть в этой связи, что использование заимствованных инноваций и технологий, приглашение зарубежных специалистов, о чем стало модным говорить в 2009–2010 годы, не может и не должно становиться государственной политикой. Общество и государство не могут в принципе развиваться опережающими темпами, а тем более стать лиде-

рами, используя заимствования и чужие знания. Можно только догонять, что иногда и оправдано. Но использование чужих гуманитарных знаний в качестве основы для исследований — уже опасно, ведь они не учитывают ни культурной, ни исторической специфики России, а тем более ее устоявшихся реалий. Как, например, можно ответить, опираясь на чужие знания, на такой ценностный вопрос: **в какие исторические периоды, на Ваш взгляд, Россия имела или имеет статус великой мировой державы?** Сумма приведенных в таблице ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания количества ответивших¹⁴⁹.

После Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (в составе СССР)	67,8
В годы правления Петра I	56,1
В настоящее время	23,3
После Отечественной войны 1812 г.	18,8
В XX веке до Октябрьской революции	13,0
В 80–90-е годы XX века, когда начались горбачевская перестройка и ельцинские реформы	3,8
Никогда не была великой мировой державой	4,4
Другое	2,4

Или как объективно можно определить, опираясь только на западные исследования, национальные интересы, ценности и приоритеты развития России? Нужно все же признать, что такие попытки предпринимались в 90-е годы прошлого века, в частности, во внешней и военной политике, когда российские интересы безопасности «путались» с интересами США и НАТО, а в экономической области проводилась приватизация по американским рецептам. К чему это привело, хорошо известно. Но, что примечательно, эти попытки не прекратились и сегодня, особенно если речь идет об экономике и финансах, где господствуют (а не просто существуют) неolibеральные научные школы.

Известно, что место того или иного государства в мире сегодня во многом определяется уже не только традиционными критериями — величиной ВВП, превосходством в военной мощи или финансовых ресурсах, — но прежде всего **качеством человеческого капитала**. В свою очередь, качество человеческого капитала, как известно, измеряется следующими критериями:

- качеством полученного образования;
- уровнем развития интеллекта;
- жизненным уровнем;
- количеством и характером международных связей и контактов;
- использованием Интернета в профессиональной деятельности и обыденной жизни;
- высокими образцами нравственности, духовности, культуры.

Все эти показатели, кроме одного, как мы видим, относятся к нематериальным ресурсам нации и государства которые играют все более важную роль на нынешней ступени развития человечества. Что характерно, эти же критерии определяют статус человека, получившего университетское образование¹⁵⁰. Подобное совпадение, как представляется, не случайно. Можно сказать, что университет как учреждение становится моделью, интегральной мини-характеристикой состояния экономики и общества любого развитого государства. Не случайно и то, что различные рейтинги государств коррелируются с рейтингами их университетов.

Это, в частности, объясняется тем, что одним из важнейших критериев человеческого капитала является **качество образования**, которое определяется позициями ведущих национальных университетов на международном уровне. Высокие места в наиболее популярных мировых рейтингах, таким образом, становятся своеобразной визитной карточкой не только государств, но и для любого университета, поскольку они характеризуют лидерство страны, а также на них ориентируется все больше абитуриентов и инвесторов как внутри страны, так и за рубежом. Поэтому проблема мировых критериев государств и университетов и их рейтингов выходит далеко за пределы собственно проблемы оценки качества университетов или даже национального образования. Можно сказать, что сегодня рейтинг университетов отражает рейтинг страны.

Не случайно на Западе, прежде всего в США, рейтингам университетов уделяется очень много внимания: ведущие издания проводят дорогостоящие исследования и публикуют их результаты в ведущих СМИ. Так, в октябре 2009 года издание «Times Higher Education» опубликовало рейтинг 200 ведущих университетов мира, а в феврале 2010 года журнал «US News and World Report» расширил этот рейтинг до 400 ведущих мировых университетов¹⁵¹. Составители этих рейтингов не скрывают цели такой работы. По мнению «US News and World Report», «расширенные списки наглядным образом демонстрируют хорошие позиции американских учебных заведений в сравнении с вузами других стран. Так, среди лучших 400 университетов мира 62% составляют вузы семи стран»:

США — 87 университетов (22%);
 Великобритания — 47 университетов (12%);
 Германия — 32 университета (8%);
 Австралия — 22 университета (6%);
 Япония — 19 университетов (5%);
 Канада — 19 университетов (5%);
 Франция — 17 университетов (4%)¹⁵².

Авторы указанного рейтинга признают, что «американская модель высшего образования сегодня копируется университетами и системами высшего образования во многих других странах»¹⁵³. Они подчеркивают, что в данном случае речь идет не только о превосходстве американской модели образования, но и о лидерстве американцев в организации науки, экономики и общественно-политической жизни. Главный же вывод заключается в констатации превосходства «американского образа жизни».

Мы, в России, оказались перед принципиально новыми для нас проблемами адекватной оценки страны и общества, которые проявляются в рейтинговании национальных университетов уже на международном уровне. Собственные оценки отечественного высшего образования (которые и прежде были для нас неоднозначными) перестали выполнять свою функцию. Мы должны либо согласиться с методикой рейтингов, разработанной за рубежом, и перестроить в соответствии с ее требованиями свою высшую школу, либо разработать свои подходы, которые стали бы авторитетными для мирового образовательного сообщества. Этот выбор необходимо сделать уже сегодня, ибо результаты можно будет получить лишь через много лет. Так, рейтинг «Times» и «US News and World Report», например, основывается преимущественно на опросах, проводившихся за последние 3 года.

Необходимо отметить, что прошли тяжелые времена, когда российская наука и образование, хотя и серьезно пострадали, но все же выстояли. Сегодня перед ними стоят задачи обеспечить наукоемкую, инновационную экономику лучшими кадрами, а общество — гражданами, обладающими высоким качеством человеческого потенциала. Поэтому российским

университетам, всей высшей школе необходимо не только ускоренно развиваться, но и настойчиво фиксировать свои позиции на мировом конкурентоспособном уровне, в том числе и с помощью авторитетных рейтингов. К сожалению, в настоящее время это не так. Простой пример — пока что менее 10 российских университетов вошли в мировой рейтинг лучших 500, причем только МГУ — в первую сотню¹⁵⁴. Такое восприятие российских университетов и нашей страны в целом, на мой взгляд, не соответствует действительности.

В настоящее время существуют как минимум две весьма спорные точки зрения в российской элите и образовательном сообществе относительно качества российского образования вообще и университетского в частности. Не секрет, что многие, в том числе и во властной элите, считают российское высшее образование неконкурентоспособным. Иногда даже говорят о необходимости его принципиальной замены некими новыми структурами, будто бы доказавшими свою эффективность. И в качестве аргументов приводятся относительно низкие рейтинги российских университетов в мировом «табели о рангах». В том числе речь идет, например, и о МГИМО (У).

Не секрет, что рейтинги университетов и высшего образования обычно «совпадают» с рейтингами самих стран. Если обратиться к России, то по «рейтингу счастья» она занимает 57 место, по экономическим показателям — 34-е, по уровню жизни — 82-е¹⁵⁵, по показателям уровня коррупции — 147-е из 180¹⁵⁶. Большое значение имеют также инвестиционные рейтинги. Так, кризис 2008 года привел к тому, что впервые за 10 лет кредитные рейтинги России по итогам развития ухудшились. Агентство «Standard & Poor's» (S&P) понизило сразу несколько оценок. Долгосрочный и краткосрочный кредитные рейтинги по обязательствам в иностранной валюте понижены с BBB+/A-2 до BBB/A-3. Кроме этого, уменьшен долгосрочный кредитный рейтинг по обязательствам в национальной валюте — с A- до BBB+ (краткосрочный рейтинг подтвержден на уровне A-2). Понижена также оценка риска перевода и конвертации валюты для российских неуверенных заемщиков — с BBB до BBB¹⁵⁷.

Рейтинги России — тема специальной работы, но для нас сегодня принципиально важно:

- показать, что между рейтингами страны и ведущих университетов существует непосредственная связь и зависимость;
- у России сохранился интеллектуальный и общественный ресурс в виде ведущих гуманитарных университетов;
- что такие университеты способны в полной мере обеспечить национальную элиту собственными исследованиями и идеями;
- что такие университеты в состоянии в полной мере участвовать и реализовывать национальную идеологию и стратегию;

— что рейтинги российских гуманитарных университетов сознательно искажаются, чтобы не только снизить их конкурентоспособность, но и показать отсталость социальных и гуманитарных наук, их неспособность обеспечить элиту новыми качественными идеями.

Между тем есть серьезные аргументы против подобной точки зрения. Для начала я попробую сравнить, например, МГИМО (У) с двумя «безусловными» лидерами мировых университетских рейтингов — Принстонским и Гарвардским университетами, — стабильно занимающими 1–3 места в мировых рейтингах. На мой взгляд, было бы полезно, чтобы ведущие российские университеты также проделали эту работу. Выбор МГИМО (У) объясняется тем, что для меня доступна реальная информация об Университете. Кроме того, эти три университета, как оказалось, объективно выглядят вполне сопоставимыми.

Понятно, что критерии для сравнения нередко выбираются западными экспертами произвольно. Но еще хуже то, что эти критерии очевидно субъективны и не отражают ни специфики университетов, ни национальных особенностей образования. Так, например, решающее значение для «Times» и «US News

and World Report» имеют опросы академического сообщества и работодателей (более 60% окончательного результата). Однако любой социолог подтвердит, что результаты таких опросов во многом предопределены тем, к кому вы обращаетесь, а также тем, в какой области работает опрашиваемый, в каком регионе проживает и многими другими факторами.

Сравнение трех университетов — Принстона, Гарварда и МГИМО (У) возможно и (при всех условностях) даже необходимо. Прежде всего, потому, что по своей численности и элитарности они вполне сопоставимы, как и по своему влиянию на формирование национальной элиты и уровень гуманитарного знания в стране. Конечно, у них есть и два принципиальных различия: история американских университетов насчитывает сотни лет, а МГИМО — 65 лет. Да и по масштабам финансирования разрыв между ними отличается в сотни раз. Однако если внимательно посмотреть на отдельные показатели по трем университетам, то между данными американскими университетами и МГИМО (У) можно увидеть не только огромные различия, но и схожие черты (см. сводную таблицу основных рейтинговых показателей для университетов).

Сводная таблица основных рейтинговых критериев для университетов

№	Показатели	Принстонский университет, США	Гарвардский университет, США	МГИМО (У), Россия
1.	Соотношение преподавателей и студентов	5 : 1	7 : 1	4,8 : 1
2.	Количество студентов, бакалавров и магистрантов (тыс. чел.)	4,9 — бакалавры 2,0 — магистры	6,7 — бакалавры 12,5 — магистры	4,0 — бакалавры 2,0 — специалисты и магистры
3.	Количество аспирантов (тыс. чел.)	1,9	13,0	0,5
4.	Количество специальностей	34	45	11
5.	Конкурс при поступлении	1 : 9,6	1 : 13	1 : 9
6.	Объем эндаумента (млрд. долл.)	16,0	34,9	0,03
7.	Количество печатных работ (тыс. ед. в год)	2,3	~ 10,0	~1,0
8.	Доля иностранных студентов (%)	20%	20 %	~20%
9.	Количество изучаемых официальных языков	17	40	53
10.	Годовые расходы (млрд. долл.)	—	3,0	0,05
11.	Стоимость обучения (тыс. долл.)	47,4	43,6	7,0–10,0
12.	Расходы на науку (млн. долл.)	140,0	более 600	~1,0
13.	Место в рейтинге веб-сайтов вузов (данные «Вебометрикс» — январь 2010 г.), в т.ч.:			
	В мире (World Rank) —	40	1	1456
	В регионе(Continent Rank) —	37	1	74
	(1)Размер сайта, общее число страниц на сайте (Size)	74	2	1444

№	Показатели	Принстонский университет, США	Гарвардский университет, США	МГИМО (У), Россия
(2)	Число гипертекстовых ссылок на сайт с других ресурсов, преимущественно академических (Visibility)	25	3	1926
(3)	Число размещенных на веб-сайте файлов для скачивания в форматах .pdf (Adobe Acrobat PDF), .ps (Adobe Postscript), .doc (MS Word) и .ppt (MS PowerPoint) (Rich files)	66	20	2101
(4)	Количество размещенных на сайте научных публикаций преподавателей и сотрудников вуза и ссылок на публикации (Scholar)	136	1	903

Как видно из этих сравнений, по основным критериям МГИМО (У) вполне сопоставим с двумя мировыми лидерами в университетских рейтингах. Более того, по некоторым критериям он их даже опережает. Но, главное, на мой взгляд, это то, что многие важнейшие критерии просто не учитываются. Также можно утверждать, что несмотря на значительно более низкую плату за обучение (в 5–6 раз), расходы на науку (сотни раз!) и расходы университетов в целом (почти в сто раз) **качество образования в МГИМО** не уступает качеству образования в Принстонском и Гарвардском университетах, то есть по критерию «стоимость — эффективность» МГИМО (У) опережает американские университеты. О лидерстве МГИМО (У) свидетельствует, например, то, что доля выпускников МГИМО в элите страны вполне сопоставима с долей выпускников американских университетов. В российском рейтинге вузов, составленном НРА РейтОП по количеству выпускников, отнесенных к элите государственного управления и получивших в этих вузах свое первое высшее образование, МГИМО (У) находится на третьем месте (30 выпускников), уступая только СПбГУ (55 выпускников) и МГУ (91 выпускник)¹⁵⁸. МГИМО (У) занимает также первое место по количеству выпускников (российских и иностранных граждан), работающих в системе ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях, в том числе на руководящих должностях.

Важно также и то, что преподаватели и студенты МГИМО (У) регулярно занимают первые места среди победителей различных международных и российских конкурсов. Причем не только по языковым и страноведческим дисциплинам, но и по математике, праву, экономике. Так, например, в 2009 году лучшей книгой в области гуманитарных наук в номинации «Философия» стала книга профессора МГИМО (У) В. Д. Соловей «Несостоявшаяся революция». Студенты МГИМО (У) становились только в последние месяцы абсолютными победителями в:

- олимпиаде по персидскому языку;
- конкурсе по международному праву им. Ф. Джесопа;
- международной деловой игре на базе использования корпоративной информационной систе-

- мы SAP (где в финал вышли только две европейские команды, причем обе — из МГИМО (У));
- налоговом конкурсе, проводимом компанией КРМГ;
- международном конкурсе «Золотой резерв Нефтегаза»;
- всероссийской олимпиаде по корейскому языку;
- международном конкурсе по китайскому языку;
- олимпиаде переводчиков АBBYU Lingvo;
- 4-й межвузовской олимпиаде по арабскому языку;
- всероссийском правовом конкурсе «Правовая Россия»;
- международном конкурсе ученых-монголоведов.

При этом и в социальной жизни, и в области физкультуры корпоративный дух МГИМО (У) доказывал высокое качество студентов. Они становились лучшими в конкурсах среди команд КВН, стройотрядов, самбистов, стрелков, пловцов, волейболистов, фотохудожников и т. д. Указанные результаты свидетельствуют о таких ценных качествах студентов, как способность к лидерству, творчеству, самостоятельному принятию решений. Эти качества становятся главными критериями в оценке качества человеческого потенциала в современном мире.

О высоком статусе выпускников свидетельствует и то, что среди них немало руководителей государств, правительств, министерств, более 500 Чрезвычайных и Полномочных Послов России, 20 действительных членов и членов-корреспондентов РАН, в том числе ректор МГИМО (У) А. В. Торкунов, который был признан «Персоной года 2009» в российском образовании.

А учитывая тот факт, что в МГУ общее количество студентов, и, следовательно, выпускников в несколько десятков раз больше, чем в МГИМО, можно утверждать, что это очень и очень высокий результат. Если к этому добавить, что выпускники МГИМО (У) стабильно занимают первое место по уровню зарплаты после окончания Университета среди других выпускников вузов, то можно констатировать, что **качество образования в нашем Университете ценится очень высоко**. Более того, многие ведущие корпорации России, как, например, ГК «Ростехнологии»,

НК «Роснефть», «Ильюшин Финанс Ко.», ОАО «Газпром» и др., заключили договоры о целевой подготовке специалистов и магистров.

Другое обстоятельство. По итогам последнего рейтинга аналитических центров Центральной и Восточной Европы, подготовленного для ООН, МГИМО (У) занимает 8-е место в тридцатке лучших аналитических центров (причем 1-е место среди учебных заведений), опережая такие авторитетные институты РАН, как Институт мировой экономики и международных отношений (12-е место), Институт США и Канады (16-е место) и Фонд ИНДЕМ (29)¹⁵⁹.

Это, естественно, положительно сказывается и на популярности Университета. По рейтингу Google МГИМО находится на 2-м месте (после МГУ) среди всех университетов страны по количеству запросов по вузам¹⁶⁰. Уместно напомнить и тот факт, что более 10% всех победителей общероссийских олимпиад ежегодно становятся студентами Университета. Этот показатель — один из ярких примеров не только качества поступающих в МГИМО (У) абитуриентов, но и его популярности среди лучших выпускников школ.

Наконец, МГИМО (У) выступает по некоторым критериям вообще как уникальный университет, не имеющий аналогов. В феврале 2010 г. он был внесен в «Книгу рекордов Гиннеса» по количеству изучаемых государственных иностранных языков среди ведущих мировых вузов — 53 языка¹⁶¹. Аналогичное место МГИМО (У) занимает и по страноведению и регионоведению, а также международному праву.

Важно подчеркнуть, что по другим дисциплинам МГИМО также входит в число ведущих университетов России. Так, МГИМО занял четвертое место в рейтинге лучших юридических вузов России с оценкой в 75 баллов из 100 возможных. Первые три строчки рейтинга достались соответственно МГУ им. Ломоносова (100 баллов), СПбГУ (82 балла) и Московской государственной юридической академии (76 баллов)¹⁶².

Лидирует МГИМО и по рейтингам, составленным независимыми организациями. Так, благотворительный фонд В. Потанина составил ежегодный собственный комплексный рейтинг ведущих российских вузов по итогам Федеральной стипендиальной программы в 2008/2009 учебном году. Его особенность состоит в том, что в качестве критериев оценки вузов берутся интеллектуальный и личностный потенциал студентов-отличников и профессиональный уровень лучших молодых преподавателей. Конкурсные состязания проводились в течение учебного года по одним и тем же методикам, что позволило сравнить студентов и преподавателей из разных вузов. Высшие позиции рейтинга заняли: 1) Новосибирский государственный университет; 2) Воронежский государственный университет; 3) МГИМО (Университет) МИД России; 4) МГУ им. М. В. Ломоносова; 5) Московский физико-технический (государственный университет)¹⁶³.

Другой пример. В 2007–2008 г. Женевский университет международных исследований составил свой рейтинг ведущих центров по подготовке политических деятелей современности. МГИМО (У) занял в этом рейтинге место в первой четверке (наряду с Йельским, Гарвардским и др.) и первое место в России.

Высокий статус МГИМО (У) в мировой образовательной системе поддерживается прежде всего высоким уровнем профессиональной квалификации профессорско-преподавательского состава и развития международной деятельности. Так, по оценкам НРА «РейтОР», МГИМО (У) находится на втором месте среди российских вузов в рейтинге ведущих университетов мира по такому ключевому критерию, как «международная деятельность», уступая в этом блоке лишь РУДН¹⁶⁴.

Между тем недавно британская «Times» вновь опубликовала рейтинг ведущих университетов мира, где мы снова не видим российских университетов, в том числе и МГИМО (У)¹⁶⁵. Вполне понятен и прост вопрос: почему? В основу рейтинга «Times» положен в качестве главного критерия — индекс цитируемости. Он прямо зависит не от того, сколько работ публикуется в том или ином университете и какого они качества, а от того, сколько из них переведено на иностранные языки (прежде всего, английский) и сколько из них напечатано в зарубежных англоязычных изданиях. Вывод очевиден: рейтинг субъективен.

В качестве иллюстрации приведу еще пример рейтинга 430 ведущих университетов мира по версии НРА «Рейтор», в котором МГИМО (У) оказался на 281 месте. Удивительно, но самые низкие оценки МГИМО (У) получил по таким показателям, как научно-исследовательская деятельность (423) и качество профессорско-преподавательского состава (380)¹⁶⁶. При составлении рейтинга в основу этих показателей были положены такие критерии:

- (1) число свидетельств об открытиях и патентов на изобретения;
- (2) число профессоров (докторов), являющихся нобелевскими лауреатами, лауреатами медали Филдса и т.д.;
- (3) общее число публикаций профессорско-преподавательского состава;
- (4) средний индекс цитируемости публикаций одного преподавателя Университета зарубежными авторами;
- (5) доля в профессорско-преподавательском составе лиц, имеющих ученые степени.

Очевидно, что первые два критерия пригодны для сравнения университетов, имеющих естественнонаучные факультеты и кафедры, а следующие два, как уже говорилось, зависят от количества переводных статей, т.е. данные критерии непригодны для сравнения гуманитарных университетов, где преподавание ведется в основном на национальных языках.

Существует также российская система подсчета показателей и рейтингов научной цитируемости —

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)¹⁶⁷. С недавних пор, чтобы журнал был признан ваковским, необходимо включение его в систему РИНЦ. На сегодняшний день МГИМО (У) занимает в рейтинге РИНЦ всего лишь 125 место с 683 научными статьями в реферируемых журналах и 172 цитированиями на них¹⁶⁸. На это существуют объективные и субъективные причины. Объективные причины — авторы не всегда указывают свою принадлежность к организации. В результате при подсчете показателей автор или его/ее статья не учитывается. Субъективные причины — недоработки системы РИНЦ. Необходимо осознать, что, во-первых, неизбежно придется переводить статьи российских авторов на английский язык и, во-вторых, публиковать их в англоязычных изданиях (своих и зарубежных).

Помимо этого необходимо отметить также, что слабым звеном российских университетов, в том числе МГИМО (У), считается скромное в сравнении с мировыми лидерами представление университета в глобальной сети интернет: МГИМО (У) находится лишь во второй тысяче в рейтинге «Вебометрикс» (см. таблицу). В последнее время значение этого показателя играет все более существенную роль, учитывая рост популярности мировых рейтингов университетов, формируемых на основе анализа их веб-сайтов. В отличие от других показателей, отражающих отдельные характеристики университета, оценка веб-сайта дает наиболее полное и объективное представление о вузе, поскольку кроме научной и педагогической работы на сайте отражены и другие направления деятельности как преподавателей, так и студентов.

Относительно портала МГИМО (У), занимающего более чем скромное место в международном рейтинге, могу сказать следующее.

1. Совершенно очевидно, что сайты трех сравниваемых университетов несопоставимы:
 - по количеству денег, потраченных на их разработку и расходуемых на поддержку;
 - по количеству специалистов и волонтеров, участвующих в создании технической инфраструктуры и наполнении контентом;
 - по технологической базе и используемым технологиям.
2. Число ссылок на сайт с других ресурсов — показатель, аналогичный количеству цитирования научных статей ученого. При рейтинговании страниц интернета они учитывают не просто количество ссылок на данный сайт со всех остальных сайтов скопом, а с учетом веса ссылающихся страниц. Таким образом, достигается большая точность измерения влиятельности интернет-ресурса. Не берусь определять, как изменится разница между тремя университетами при пересчете по этой методике.
3. Количественные показатели размера сайта и его составляющих, сдерживаются у нас тремя группами причин:

- технологическими (лечится просто финансовыми инъекциями);
- человеческими/психологическими (лечится налаженной работой с персоналом — обучением, пропагандой, мотивацией);
- юридическими/бюрократическими.

При всем этом могу отметить, что портал МГИМО (У) — один из лучших среди российских университетских интернет-ресурсов. На мой взгляд, по основным критериям он четко входит в первую тройку. Его посещаемость (более 10 тыс. в день), цитируемость и другие характеристики отражают то общее состояние развития информационных технологий, которое существует в современной России. Думается, что если бы затраты на его развитие были бы хотя бы в 10 раз меньше (а не в 100), чем в Гарварде, то он стал бы вполне сопоставим с порталами американских университетов. Более того, принятая Университетом программа долгосрочного развития информационных технологий, включая и сеть сайтов, как ожидается, даст результат даже при этих скромных ресурсах.

А теперь несколько выводов, не претендующих ни в коей мере на окончательный вердикт:

1. Существующая система высшего образования, представленная лучшими российскими университетами (речь идет, конечно же, не только о МГИМО (У)), **вполне конкурентоспособна** в сравнении с лучшими мировыми университетами. Более этого, с точки зрения критерия «стоимость — эффективность» она получает результаты, аналогичные результатам лучших мировых университетов, затрачивая в сотни раз меньше средств. Пример: относительно хорошо финансируемый университет в России — МГУ — тратит порядка 30 тыс. долл. на подготовку одного человека в год, МГИМО (У) — порядка 10 тыс. долл. Для сравнения: Калифорнийский технологический институт — 1 млн., т.е. в 100 раз больше, а Стэнфорд — 300 тыс., т.е. в 30 раз больше. Поэтому речь необходимо вести не о сломе или замене на искусственно создаваемые образцы — это, по сути, одно и то же, а о совершенствовании российской системы высшего образования, в том числе об элементарно нормальном финансировании.
2. Основные направления такой модернизации также очевидны. Это, коротко говоря, обеспечение нормального финансирования научно-исследовательских работ, их перевод на иностранные языки, развитие информационных и полиграфических возможностей. Эти направления ни в СССР в последние годы, ни в России практически не финансировались. Более того, они не стояли даже в системе национальных приоритетов образования. В связи с этим инициатива президента Д. А. Медведева по созданию исследовательских университетов выглядит очень и очень своевременной. Именно этих целевых денег на исследования ждут лучшие российские университеты.

3. Превращение образовательных университетов в исследовательские университеты потребует серьезных институциональных и законодательных изменений, которые должны, во-первых, привести к переоценке приоритетов внутри образовательного сообщества и, во-вторых, придать таким университетам больше экономической самостоятельности.

Поясню примером. За последние 20 лет общие расходы американских университетов выросли в 7 раз. При этом финансирование из госбюджета или местных бюджетов осталось практически на прежнем уровне. Незначительно вырос объем частных пожертвований и плата за образование. Основной же прирост дают собственные доходы (инвестиции, собственные предприятия, продажа товаров и услуг), то есть те статьи доходов, которые российским университетам практически запрещены. В прошлом году было разрешено создавать так называемые инновационные предприятия, но, во-первых, по этому закону сохранилась масса ограничений, а, во-вторых, гуманитарные университеты этот закон практически не затронул.

4. Мы должны разработать и внедрить на национальном уровне собственную систему критериев оценки эффективности университетов вообще и рейтингования в частности. Нам самим необходимо знать качество наших университетов,

которое во многом предопределяет темпы научно-технического и технологического развития страны. Это — объективная потребность, и в этих целях западные критерии малоприменимы. Это равнозначно тому, как если бы мы стали измерять протяженность собственных дорог милями, а вес — фунтами.

5. Мы должны понимать, что глобализации, в том числе в образовании, не избежать. Поэтому мы просто обязаны учитывать существующие критерии и особенности в развитии лучших мировых университетов, которые существуют. И учет этих особенностей должен привести к корректировке во всей образовательной политике страны. Мы не можем игнорировать ни такие критерии, как «международные обмены», ни «интернет-аудиторию», ни «приглашение иностранных специалистов». Как и перевод, и издание научных работ на иностранных языках, а главное — превращение наших университетов в исследовательские центры мирового значения. Но пока у нас эти виды деятельности практически не финансируются. Они отнесены в категорию «непрофильных», что, конечно же, абсолютно неверно. Поэтому — хотим мы того или нет — придется принимать непростое решение как о финансировании этих видов деятельности, так и о структурных изменениях в самих университетах.

Пирамида власти: право и идеология

«Ресурсы власти — возможности, используемые субъектом власти для влияния на объект в соответствии с поставленными целями»¹⁶⁹

«...идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма»¹⁷⁰

Ю. Лужков

Говоря сегодня об эффективном управлении, борьбе с коррупцией, бюрократией и совершенствовании социально-политической системы общества, как правило, апеллируют к созданию некоего «правового государства», в котором, как пытаются нас уверить за время существования этой легенды (т.е. более 20 лет), все эти проблемы будто бы решены. На самом деле правовое государство — не условие развития государства и общества, а его **прямое следствие**. Как, впрочем, и само право, которое может лишь с опозданием и разной степенью адекватности фиксировать уже фактически сложившиеся отношения.

Иногда, идеализируя абстрактное правовое государство, его представляют в качестве некоего универсального властного ресурса, способного решить большинство проблем. Отсюда — преувеличенные надежды на независимые суды, следствие, сверхчестные правоохранительные органы и прочие государственные институты, которые в действительности являются (как и все государственные институты) лишь слепком с существующего общества. Отсюда

следует, что в обществе, где **система** существования и управления коррупционна, не может быть «белого и пушистого» суда, МВД, парламента либо иного другого органа государственной власти. На самом деле право и институты, его обеспечивающие, являются лишь одним из нескольких, причем не самых важных, ресурсов влияния и управления. Б. Н. Ельцин в августе 1993 года указом 1400 попытался развалить всю политико-правовую систему страны, отменив Конституцию РСФСР, но ему затем потребовались все ресурсы — идеологические, «военные, административные, — чтобы заставить страну жить „по указу“».

Другой актуальный пример. В международных отношениях до сих пор не решен вопрос о том, какой из двух принципов обладает приоритетом — принцип национального самоопределения или принцип территориальной целостности. В зависимости от политической целесообразности и соотношения ресурсов влияния эта правовая коллизия решается каждый раз по-разному. Лучше всего это демонстрируется отношением западных государств к проблеме

независимости Косово, с одной стороны, и Абхазии и Южной Осетии — с другой.

Действительно, управление как функция власти может быть эффективным только в том случае, когда используются все властные ресурсы для достижения поставленных властью целей, а не один ресурс, пусть даже если он и кажется «самым-самым». Такие ресурсы влияния могут быть весьма разнообразными, но в принципе их можно свести в четыре основные группы:

- во-первых, **принудительные** (под страхом наказания или применения насилия);
- во-вторых, **утилитарные**, когда влияние обеспечивается предоставлением материальных благ (дотаций, трансферов и т.п.);
- в-третьих, **нормативно-правовые**, которые обеспечивают влияние в силу установленных законом и обществом норм;
- в-четвертых, это **идеология** — самый эффективный, но странным образом игнорируемый пока в России ресурс влияния.

В этой части работы я хотел бы рассмотреть последние два ресурса влияния, а также взаимосвязи между ними. При этом сознательно оставляю «за скобками» принудительные и утилитарные ресурсы власти, хотя, как известно из истории, они нередко являлись не только основными, но даже единственными ресурсами управления. Представляется, что именно сегодня важно рассмотреть значение идеологии во взаимосвязи с нормативно-правовыми нормами именно потому, что стратегия развития предполагает не только экономическое, но прежде всего общественное, социальное и политическое развитие общества. Идеология выражается в формировании и совершенствовании институтов гражданского общества, а те, как считается, жестко и непосредственно зависят от нормативно-правовых ресурсов влияния. Дискуссии на этот счет, особенно в связи с реформами избирательной системы, созданием Общественной палаты, а в целом — с взаимоотношениями власти и общества стали во второй половине нынешнего десятилетия центральной для СМИ темой.

На мой взгляд, это не совсем корректно отражает реальную действительность. Развитие общественных институтов — очень важное условие для реализации стратегии опережающего развития, но оно может быть выполнено, только когда в обществе уже созрели **идеологические предпосылки**, определены цели развития общества, роль и место его институтов, средства обеспечения общественного прогресса. Так, для нации, государства, власти значение институтов гражданского общества определяется не правовыми и нормативными актами, а **реальной политикой** правящей элиты, **идеологическим обоснованием** значения и роли общественных институтов. Так, создание Комиссии по содействию развитию институтов гражданского общества при Президенте РФ, как показали несколько лет ее деятельности, мало

что изменило в сфере ее компетенции. Как, впрочем, и создание Общественной палаты. Эти решения руководства страны были, безусловно, положительными, но весьма слабо приживались на российской почве.

И, наоборот, **идеологические сигналы**, которые подал обществу Д. А. Медведев в 2009–2010 годах, даже не оформленные указами и распоряжениями, имели действительно реальное значение. В России и за рубежом стали говорить о «смене политического курса» в начале 2010 года. Это произошло потому, что идеология лежит не только в основе избранных приоритетов и целей, а также стратегии развития, но и в основе **всей системы управления обществом и государством**. Именно поэтому идеологические «сигналы» Д. А. Медведева были услышаны и позитивно восприняты общественным мнением вне зависимости от того, какой проблемы они касались, будь то контроль за выборами в регионах, борьба с коррупцией или реорганизация МВД.

К сожалению, идеологическое значение решения целого ряда острых проблем до сих пор недооценивается. Это видно, например, из той реакции властей, которая последовала в связи с террористическими актами в марте 2010 года в Москве. На мой взгляд, проблемы терроризма являются прежде всего **проблемами идеологическими**, поэтому и решать ее надо также прежде всего идеологическими методами. Необходимо понимать, что ни решение социально-экономических проблем кавказского региона («утилитарные» ресурсы влияния), ни усиление спецслужб («принудительные» ресурсы влияния), ни исправление в сторону ужесточения законодательства («нормативно-правовые» ресурсы влияния) не способны нейтрализовать сами по себе террористическую угрозу, которая, повторю, в своей основе имеет идеологический характер.

Более того, использование этих ресурсов влияния до решения идеологических проблем может даже осложнить ситуацию. На мой взгляд, следует прежде всего сформулировать эти проблемы:

- **во-первых**, необходимо признать, что террористы ставят перед собой глобальную идеологическую задачу создания исламского государства, в которое входил бы не только Северный Кавказ, но и другие регионы России. Это — цель, а террор лишь средство ее достижения. Поэтому необходимы меры идеологического противодействия, прежде всего пропагандистско-разъяснительные, которые четко разделяют ислам и лояльных граждан России, с одной стороны, и террористов — с другой;
- **во-вторых**, идеология терроризма — это не этническая идеология. Среди исламских террористов могут и есть не только жители Кавказа, но и буряты, татары, русские. Борьба против этнического терроризма означает идти на поводу у организаторов террора. Они именно этого и добиваются, противопоставляя один этнос другим;

- **в-третьих**, необходимо признать, что действия террористов — это военные действия по своему охвату и продолжительности, а не отдельные проявления. Соответственно строить всю политико-идеологическую работу, которая должна охватывать всю территорию России и носить долгосрочный и системный характер;
- **в-четвертых**, противостояние терроризму — это, прежде всего противостояние его системе ценностей — нравственных, экономических, политических и др. Но для этого в России должна быть воссоздана **своя национальная система ценностей**, которая сможет быть противопоставлена системе ценностей радикального исламизма, своя идеология. Можно согласиться с В. Аксютчицем, полагающим, что «в настоящее время наиболее распространенной в мире идеологией терроризма является **радикальный исламизм**, противостоящий транснациональной экспансии, своего рода антикрестовый поход. Основной мобилизующей силой, толкающей многих людей в разных концах земного шара в **чёрную дыру мирового террора**, является **исламская идеологическая мания** — объединение всех мусульманских стран в единый халифат, создание исламских халифатов в Европе, на территории России. Главное же — не только борьба с западными странами, но создание всемирного халифата. Поистине глобальный ответ глобализации. Эта утопия оказалась подходящей для радикальных слоев исламской диаспоры в западных странах. Свидетельством того, что терроризм основывается не на материальных мотивах, а на идеалах, является феномен мучеников-шахидов. Готовность смертника пожертвовать собой ради интересов группы единомышленников, во имя идеалов, обличающих пороки разложившегося западного общества, — это тотальная форма идеализма, но идеализма ложного, утопического»¹⁷¹.
- **в-пятых**, современный терроризм — это терроризм сетевых структур, терроризм «самовербовки» и терроризм on-line. Этот новый характер международного терроризма требует разработки принципиально новых методов борьбы, в основе которых должны находиться методики идеологического и психологического противодействия. Другие ресурсы влияния против такого терроризма просто бессильны.

Выше уже говорилось о том, что распределение ресурсов — важнейшая идеологическая функция (действительно, в 2006–2010 годах вопрос о судьбе Стабилизационного фонда стал центром идеологической дискуссии в России), от которой зависит **практическая реализация сформулированных целей** развития. К сожалению, эту идеологическую функцию распределения ресурсов недооценивают в современной России. Казалось бы, чего проще: сформули-

рованы приоритеты и цели развития, в соответствии с которыми распределяются и ресурсы.

Но на деле все происходит совсем иначе. Приоритеты и цели российских президентов, заявленные в доктринах, стратегиях и концепциях, не находят соответствующего подкрепления ресурсами. Так, сформулированные Д. А. Медведевым приоритет развития потенциала человека и В. В. Путиным приоритетность национальных проектов в период кризиса 2008–2010 годов были обеспечены ресурсами на порядок (в 10, даже в 100 раз) хуже, чем приоритеты финансовой стабильности, сформулированные министром финансов А. Кудриным.

Это ставит под сомнение, даже угрозу, существование самого государства. Его эффективность сегодня справедливо начинается «с качества предоставляемых им социальных услуг (через механизм перераспределения доходов) и адекватности ответов на современные вызовы»¹⁷³. Разрыв между объективными представлениями элиты о роли государства, с одной стороны, и политикой российских финансовых властей — с другой, неизбежно создает предпосылку для социального взрыва. Как еще раз показали события в Киргизии в апреле 2010 года, он может произойти практически мгновенно, без всякого внешнего толчка и совершенно неожиданно для правящей элиты.

Другая сторона идеологии и государственного управления — это формирование правовой и нравственной базы государства, тех «правил игры», по которым должно жить общество и которые должны обеспечиваться всеми институтами государства, а не только правоохранительной системой. С нравственной базой все относительно ясно: она вытекает из фундаментальных национальных ценностей (если их не искажает элита), которые трансформируются в общественные нормы жизни и поведения. Сложнее — с правовыми нормами, значение которых в России элитой переоценивается. Правовая база лишь фиксирует и формализует те ценности, идеи, приоритеты и принципы, которые сформулированы в идеологии, т.е. она изначально **вторична** по отношению к идеологии.

Действительно, право **формализует** в своих нормах и принципах базовые национальные ценности (если они совпадают, то и международные), идеологические принципы, идеи и приоритеты, а не наоборот. Провозглашая абстрактное «правовое государство», мы должны ясно понимать, что эти правовые нормы **лишь фиксируют** (в лучшем случае с небольшим опозданием) идеологические ценности. Поэтому очень важно, чтобы правовые нормы совпадали с общепринятыми идеологическими нормами и принципами. Когда этого нет, то происходит то, что мы все наблюдали в 1991–1993 годах: либеральная элита исправляла Конституцию РСФСР и законы до тех пор, пока не пришла к выводу о необходимости её полной замены.

Сегодня принципиально важно именно первичная идеологическая идентификация России потому, что вслед за этим неизбежно должна произойти и смена правовых норм. Здесь важен сам порядок действий: сначала идеология, а затем — право. Если в центре новой идеологии России будет находиться развитие потенциала человеческой личности и создание условий для самореализации креативного класса и развития институтов гражданского общества, то неизбежно должны быть внесены и серьезные изменения во всю правовую систему страны. Вместе с тем необходимо понимать, что создание благоприятной нормативно-правовой среды (условий) для развития потенциала человеческого общества — трудный, важный и неизбежный, но все же второстепенный процесс, если сравнить его с созданием идеологических условий.

Конечно, субъективный фактор имеет огромное значение, а именно: В. В. Путин и Д. А. Медведев — профессиональные юристы, а это накладывает неизбежно отпечаток на приоритеты в их действиях. Между тем лидер страны — это прежде всего идеологический лидер, а лишь затем — юрист. С точки зрения идеологии, в центре которой находится развитие человеческого потенциала, вся правовая база государства должна быть **ясно ориентирована на достижение этой цели**: от Конституции РФ до подзаконных актов, чего сегодня, конечно же, нет. Даже наоборот: вся правовая и нормативная база деятельности всех органов власти и ее институтов направлена ...

против человека, развития его потенциала. В экономике — это система налогообложения, приравнивающая интеллектуальную и духовную деятельность к торговле; в кредитной политике — запретительные кредиты; в государственном управлении — исключение творческих личностей из системы госслужбы и т.д. Поэтому сегодня крайне остро встает проблема правового обеспечения, законодательного и нормативного **закрепления идеологического приоритета** развития всего, что составляет потенциал человеческой личности.

Учитывая традиционную медлительность и сложность прохождения законов в России, а также то, что мы уже очевидно запоздали с этим процессом, необходимо осознать масштабность такой задачи. Ведь в этом случае необходимо внести коррективы, поправки, подготовить новые документы по всей «вертикали» — от концепции социально-экономического развития, Стратегии национальной безопасности, федеральных законов до нормативных актов министерств и органов местного самоуправления, численность которых возможно, превышает миллион. Сделать это в короткие сроки нереально, но чем раньше мы приступим к этому неизбежному процессу, чем энергичнее его реализуем, тем более ощутимыми будут темпы развития экономики и общества. Причем количество этих документов от этапа к этапу стремительно растет, достигая на нижнем уровне сотен тысяч¹⁷³.

Из рисунка становится понятно, что механизм государственного управления (включая региональный и местный уровни) должен **опираться на идеологическую основу**, ибо управлять через миллионы,

даже десятки миллионов документов — непостижимо. Согласование сотен и десятков тысяч, миллионов документов, да еще в оперативном режиме, просто невозможно. Это означает, что управлять только на

правовой основе также затруднительно, что, собственно, мы и наблюдаем, когда Президент и Правительство вынуждены **ежедневно корректировать действия** федеральных, региональных и местных властей. Пример этому ЖКХ, когда в марте 2010 года Президент потребовал ограничить рост тарифов на 25%. Маловероятно, что это поручение, как, впрочем, и другие, будет выполнено полностью и везде, а тем более в срок.

Проблема эффективного управления страной особенно остро встала к 2000 году, когда федеральные ресурсы влияния, в первую очередь **идеологические и правовые**, практически перестали существовать, а другие — силовые и утилитарные — себя во многом исчерпали. И в первом, и во втором случаях виновата федеральная власть, которая провозгласила еще в начале 1990-х годов лозунг «берите суверенитета сколько хотите», а до этого всячески дискредитировала государственные институты. Сначала — «деидеологизацией», а затем — борьбой с «этатизмом». В результате — совершенно естественный результат: отсутствие идеологии и практически неэффективные институты власти. К 2000 году страна оказалась на грани развала. Поэтому с приходом к власти В. В. Путина во всей остроте стала задача, которая в начале его правления была самой приоритетной, — восстановление системы управления страной.

В этих условиях В. В. Путин активно использовал нормативно-правовые ресурсы влияния, а также был вынужден прибегнуть к ресурсам принудительного влияния по отношению к отдельным гражданам (Б. Березовский, М. Ходорковский, В. Гусинский) и чиновникам федерального и регионального масштаба. Он с самого начала укрепил с этой целью силовой блок государства. Однако он был использован весьма ограниченно, но зато психологически воздействовал на те объекты управления, которые были вынуждены принять условия сосуществования в рамках устанавливаемой В. В. Путиным властной системы. Исключением, причем ярким, даже демонстративным, стал Северный Кавказ, где принудительные ресурсы влияния были использованы с максимальной силой.

Вот как описывает положение России того времени один из авторов фундаментального труда «Государственная безопасность России: история и современность»: «На территории бывшего СССР в последнем десятилетии XX века произошло 5 региональных войн, около 20 кратковременных вооруженных столкновений, а также более 100 невооруженных конфликтов. В районах конфликтов проживало 14 млн. человек; численность убитых... составила свыше 600 тыс. человек. На территории России проживало более 10 млн. мигрантов, из которых 1 млн. находился на нелегальном положении»¹⁷⁴.

В. В. Путин в этот период не мог использовать идеологический ресурс влияния просто потому, что у него не было времени. Он находился в режиме ответных, реактивных действий. Его назначение

премьером, а затем — и.о. президента, было сделано в форс-мажорных условиях: везде царил управленческий хаос, вызванный потерей контроля со стороны Б. Н. Ельцина, шла война на Кавказе, страна тяжело выползала из кризиса 1998 года. Соответственно, правовой ресурс влияния вышел на первый план. К 2000-му году сложилась правовая и нормативная база, которая, следует подчеркнуть, потребовала от Путина **немедленной модернизации**, прежде всего приведения в соответствие региональных и федеральных законов. Именно для этого и были созданы институт полпредов Президента (фактически сразу же после вступления В. В. Путина в должность), Госсовет и другие принудительно-организационные ресурсы влияния.

Принципиально сегодня вопрос стоит так: Россия должна быть правовым или идеологическим государством? Точнее — преимущественно правовым или преимущественно идеологическим? Отвечать на эти вопросы нужно, учитывая целый ряд факторов, а именно:

- нормативно-правовое закрепление производственных отношений происходит **после того**, как они сложились;
- развитие потенциала человеческой личности и креативного класса не может быть обеспечено только правовыми и нормативными актами, но прежде всего идеологическими;
- реакция на возможные вызовы и угрозы, а тем более стратегический прогноз, не может базироваться только на правовых актах, им необходима идеологическая база, и следует сделать вывод: в интересах развития России, в его основе должны лежать **идеология**.

Иначе говоря, тезис о «правовом государстве», формально продвигаемый с конца 1980-х годов и не случайно не работающий до сих пор, — ошибочен. Он потому и не работает, что не может работать в стране, основу мировоззрения которой всегда формировала власть. Тем более в условиях, когда необходимо опережающее развитие, которое в принципе не совместимо с «опережающим развитием норм права». Поэтому весь процесс принятия решений, опирающийся преимущественно на правовую и нормативную базу, у нас неэффективен. В целях иллюстрации этого тезиса вернемся к теме эффективности стратегического прогноза и стратегического планирования, которые в принципе не ставят перед властью проблемы принятия крупных политико-идеологических решений. Экстраполируя существующие тенденции в экономике, стратегический прогноз не учитывает, например, не только возможности кризисных явлений, но и оценки темпов роста ведущих государств мира.

Что теряется при этом, видно из следующего сравнения: ВВП Индии в настоящее время сопоставим с российским, а по паритету покупательной способности (ППС) он составляет 30% ВВП США. Менее чем через 50 лет по первому показателю Индия

достигнет 58% американского ВВП, а по ППС она вообще сравняется с уровнем североамериканского экономического гиганта¹⁷⁵. Россия при использовании нынешнего типа развития в этот же период уступит в экономическом росте Индии и Китаю, а также Бразилии, Индонезии и Мексике, не говоря уже о странах «большой семерки». Вопрос, который неизбежно вытекает из подобного прогноза, но на который ответ дает только идеология: а устраивает ли нас **такое** будущее? И что нужно сделать (если идеологически признается неприемлемость подобного развития событий), чтобы это предотвратить? Примечательно, что право и любые нормы не дают в принципе ответа на этот вопрос, ведь не применишь же закон о «хорошем прогнозе».

Таким образом, говорить о реалистичном долгосрочной стратегии развития государства, стратегическом прогнозе и стратегическом планировании можно **только при условии существования общих ценностей**, базовых принципов, долгосрочных целей и методов их достижения. То есть всего того, что **входит в понятие идеология**. Связь между идеологией и стратегией прямая и непосредственная — стратегия может формироваться только на базе идеологии. Соответственно, «отказываясь от идеологии», мы не сможем непосредственно приступить к разработке стратегии и заняться стратегическим планированием, ибо частные задачи (даже крупные, как, например, развитие нанотехнологий) должны быть «вписаны» в более общие. В данном случае — в научно-техническую стратегию, а та, в свою очередь, в еще более общую — стратегию развития государства, нации и общества, т.е. идеологию.

В противном случае мы без конца будем допускать системные ошибки, как это происходит с сегодняшней Россией, штамповать или тиражировать разного рода глобальные проекты. О. Сергеев прокомментировал в марте 2010 года новую инициативу следующим образом: «За неимением системы планирования, программирования и разработки бюджета, Россия встала на путь тиражирования проектов. Без внятной цели, но под звучным брэндом, они поглоща-

ют и закапывают в песок деньги налогоплательщиков. К глобальным проектам „Электронная Россия“, „Урал Северный“, „Урал полярный“ прибавился еще один, — „Силиконовая долина“ в Сколково»¹⁷⁶.

Подобные крупные (но частные) проекты при отсутствии внятной сформулированной цели допустимы как частная, пилотная инициатива, такая, например, как приоритетные национальные проекты в редакции 2005–2008 годов, когда требовалось апробировать отдельные инициативы в отсутствие дееспособной системы экономического развития. Но позже, через несколько лет после старта пилотных ПНП, подобные глобальные проекты лишь свидетельствуют о неспособности сформулировать внятную стратегию развития. Это означает, что успех Сколково или нанопрокта отнюдь не отразится на общем состоянии российской науки и экономики, ибо этот успех (не факт, что гарантированный) не устранит системных недостатков, неизбежно вытекающих из-за отсутствия идеологии и стратегии развития.

Послания президентов В. В. Путина и Д. А. Медведева заложили определенную идеологическую основу, которую, однако, так и не сумели собрать в единую идеологическую систему за 2007–2010 годы ни в Администрации Президента, ни в «Единой России». Хотя сказать, что такие попытки не предпринимались, нельзя. Большую роль сыграла и реализация идеологических принципов в пилотных приоритетных национальных проектах, которые расширили и конкретизировали как социальную составляющую, так и идеологическую составляющую политики 2000–2010 годов. В определенном смысле нацпроекты стали **конкретными элементами новой идеологии**, а Д. А. Медведев выполнял роль их координатора в политике и в идеологии. Но только до определенного предела. Как только этот предел достигался, дальше механизм развития идеологической системы почему-то «отключался». Наверное, из-за страха «перейти черту» и назвать вещи своими именами. Но рано или поздно это придется все-таки сделать. И чем раньше, тем лучше и для элиты, и для нации, и для Государства Российского.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. пер. с англ. М., 1999. С. СXXXI.

² Владиславлев А. Давний новый век // Московские Новости. 2006. № 11(1326). С. 19.

³ Торкунов А. К читателю. Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Валент, 2010. С. 11.

⁴ Анархизм. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

⁵ Основные принципы социального консерватизма. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

⁶ Торкунов А. Европейский выбор и национальный интерес // Космополис. 2007–2008. № 3(19). С. 34.

⁷ Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. И.: ВШЭ-РИО-Центр, 2007. С. 12–13.

⁸ Караганов С. Податливый и опасный мир // Ведомости. 26 февраля 2007 г. С. А4.

⁹ Мировая экономика: прогноз до 2020 год / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2007. С. 13.

¹⁰ Уткин А. И. Американцы переориентируются на Индию и Китай // Политический журнал, 23 июля 2007 г. С. 57.

¹¹ Путин В. Выступление президента В. Путина 10 февраля 2007 г. // Известия. 12 февраля 2007 г. С. 4.

¹² Торкунов А. «Изменчивая геометрия» и российская демократия // Российская Федерация сегодня. 2007. № 2. С. 60.

¹³ Государственные научно-технические программы. Перечень, состав, содержание. ГКНТ СССР, 1987. С. 4–50.

¹⁴ Стратегия национальной безопасности до 2020 года. Утверждена 12 мая 2009 г., Указом Президента РФ № 537.

- ¹⁵ Аксуючиц В. Использование террористами оружия массового поражения — только вопрос времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/>. 07.04.2010.
- ¹⁶ Сухнев В. Проблема России — человек // *Стратегия России*. 2007 г., № 2. С. 94.
- ¹⁷ Торкунов А. Фундаментальность в общественных науках // *Независимая газета*, 07.12.2007.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Казаков А. Выбор и модель [Электронный ресурс]. URL: <http://edinros.er.ru>. 03.02.2010.
- ²⁰ Торкунов А. Европейский выбор и национальный интерес // *Космополис* № 3(19), зима 2007–2008 г.
- ²¹ Малявин В. Стратегическое подполье Китая // *Ведомости*. 28 марта 2007 г. С. А4.
- ²² См., например: Булатов Ю., Подберезкин А. Некоторые методологические проблемы глобализации. М.: Наука. 2003 г.; А. И. Подберезкин. С. А. Абакумов. Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития. М.: Имидж-Пресс, 2004 г.
- ²³ Кокошин А. Реальный суверенитет. М.: Европа, 2006 г. С. 10.
- ²⁴ Категории политической науки. Учебник. М.: МГИМО, 2002 г. С. 17.
- ²⁵ Флориды Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2005 г.
- ²⁶ Не кольцо в носу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/culture/2005/11/03>.
- ²⁷ Говорухин С. Как нам не прогалдеть Россию // *Известия*. 24 апреля 2007 г. С. 6.
- ²⁹ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // *Российская газета*. 27 апреля 2007 г. С. 3.
- ²⁹ Мартынов Е. И. Политика и стратегия. — М.: Издательский дом «Финансовый контроль». 2003 г. с. 15.
- ³⁰ Кремлю надоел Лондон // *Газета*. 23 апреля 2007 г. С. 13.
- ³¹ Никонов В. А. Код политики. М.: Вагриус, 2006 г. С. 210.
- ³² Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // *Российская газета*. 27 апреля 2007 г. С. 3.
- ³³ Федоров В. Марш согласных // *Итоги*. 30 апреля 2007 г. С. 19.
- ³⁴ Хромченко Т. Впереди новая эра — эра интеллектуализма // *Российская газета*. 22 июня 2006 г. С. 17.
- ³⁵ Краснова В. Когда демократия соберется с духом // *Эксперт*. 2007 г., № 3. С. 22.
- ³⁶ Лавров С. Уроки «холодной войны» // *Российская газета*. 2006 г. 7 марта. С. 8.
- ³⁷ Лазарев М. И., Абашидзе А. Х. Казусы (международно-правовые из практики стран Америки XX века). М.: Изд-во «Современная экономика и право», 2001 г. С. 135.
- ³⁸ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.
- ³⁹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г.
- ⁴⁰ Торкунов А. Фундаментальность в общественных науках // *Независимая газета*, 07.12.2007 г.
- ⁴¹ БРИК как новая концепция многовекторной дипломатии // *Вестник МГИМО — Университета*, № 1(10), 2010. С. 38–41.
- ⁴² Торкунов А. Письмена истории в реалиях современности // *Российская газета*, 16.02.2009 г.
- ⁴³ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // *политический журнал*. 23 июля 2007 г. С. 63.
- ⁴⁴ Торкунов А. Письмена истории в реалиях современности // *Российская газета*, 16.02.2009 г.
- ⁴⁵ Дымарский Е. Сергей Ястржембский: Господа, Россия вернулась! // *Российская газета*. 22 февраля 2007 г. С. 7.
- ⁴⁶ *Российская газета*. 22 февраля 2007 г., Экономика. С. А5.
- ⁴⁷ Торкунов А. О парадоксах и опасностях «исторической политики» // *Независимая газета*, 18.07.2008 г.
- ⁴⁸ Никонов В. Мартовские тезисы // *Стратегия России*. 2007 г., № 3(39). С. 13.
- ⁴⁹ Торкунов А. Фундаментальность в общественных науках // *Независимая газета*. 07.12.2007 г.
- ⁵⁰ Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / 2-е издание. М.: «Канон+», 2009 г. с. 15.
- ⁵¹ Концепции определения демократии. Антология. М.: КомКнига. 2006 г. С. 42.
- ⁵² Полтерович В., Попов В. Демократия без материализма // *Коммерсант*. 15 декабря 2006 г. С. 8.
- ⁵³ Доброхотов Р. Мировая олигархия // *Новые Известия*. 7 декабря 2006 г. С. 3.
- ⁵⁴ Данилов-Данильян В. Ключевой фактор развития экономики // *Стратегия России*. 2007 г., № 3(39). С. 69.
- ⁵⁵ Дымарский В. Неисполнительная исполнительная власть // *Российская газета*, 25.03.2010 г. С. 3.
- ⁵⁶ Цветкова М. Кремлевская наука // *Ведомости*, 25.03.2010. С. 2.
- ⁵⁷ «Белые воротнички» в тени погон // *Российская газета*, 25.03.2010 г. С. 8.
- ⁵⁸ Краснова В. Когда демократия соберется с духом // *Эксперт*. 2007 г., № 3. С. 32.
- ⁵⁹ Есть множество определений понятия «алгоритм», причем каждое из них отражает его важную особенность. Например, «Алгоритм — система правил, сформулированная на понятном исполнителю языке, которая определяет процесс перехода от допустимых исходных данных к некоторому результату и обладает свойствами массовости, конечности, определенности, детерминированности. Само слово «алгоритм» происходит от имени великого среднеазиатского ученого VIII–IX вв. Аль-Хорезми. Оно вновь стало употребительным с появлением электронных вычислительных машин для обо-

значения совокупности действий, составляющих некоторый процесс. Здесь подразумевается не только процесс решения некоторой математической задачи, но и кулинарный рецепт и инструкция по использованию стиральной машины, и многие другие последовательные правила, не имеющие отношения к математике, — все эти правила являются алгоритмами. В этом определении для меня важен вывод «на понятном исполнителю языке», ибо идеология должна быть изложена понятным языком для широкого круга граждан, а не «птичьими» макроэкономическими терминами. Следующее определение (ru.wikipedia.org): «Алгоритм — это последовательность действий, направленных на получение определённого результата за конечное число шагов», — на мой взгляд, очень важно. Именно такой последовательности нам сегодня и не хватает. Впрочем, как и конечного результата.

⁶⁰ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г., № 537.

⁶¹ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // Политический журнал. 23 июля 2007 г. № 21\22. С. 62.

⁶² За последние полтора–два десятилетия компьютер стал неотъемлемым атрибутом нашей жизни, компьютерная лексика становится всё более привычной. Слово «алгоритм» в наши дни известно, вероятно, каждому. Оно уверенно шагнуло даже в разговорную речь, и сегодня мы нередко встречаем в газетах и слышим в выступлениях политиков выражения вроде «алгоритм поведения», «алгоритм успеха» или даже «алгоритм предательства». Академик Н. Н. Моисеев назвал свою книгу «Алгоритмы развития», а известный врач Н. М. Амосов — «Алгоритм здоровья» и «Алгоритмы разума». А это означает, что слово живёт, обогащаясь всё новыми значениями и смысловыми оттенками (<http://ru.wikibooks.org>).

⁶³ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета, 14.10.2009 г.

⁶⁴ Связывающие Алгоритмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.superidea.ru/2006/05/12>.

⁶⁵ Злобин Н. Модернизация в минималистском стиле // Российская газета, 24.03.2010 г. С. 3.

⁶⁶ Подолько Е. Гармония превыше Мамоны // Политический журнал. 23 июля 2007 г. № 21\22. С. 61.

⁶⁷ Торкунов А. Мир становится другим // Мир и политика, № 1(28), январь 2009 г.

⁶⁸ Подберезкин А., Абакумов С. Глобализация и Гражданское общество...

⁶⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом от 12 мая 2009 г.

⁷⁰ В основу этого рисунка положены материалы спецкурса, проводимого ещё в 1970-е годы в МГИМО (У) М. А. Хрустаевым и Н. А. Злобиным.

⁷¹ Путин В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 27 апреля 2007 г. С. 3.

⁷² Altay Daily Review. 15.05.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bankfax.ru>

⁷³ См., например. И. Родин, Путин готовится к отчету // Независимая газета, 25.03.2010. С. 3.

⁷⁴ Население сдалось росту доходов // Коммерсант. 4 мая 2007 г. С. 2.

⁷⁵ Брейтуэйт Р. Хватит раскачивать лодку // Ведомости. 4 мая 2007 г. С. А4.

⁷⁶ Зыгарь М. Великодержавный оптимизм // Коммерсант. 21 декабря 2006 г. С. 9.

⁷⁷ Дискурс кубышки // Ведомости. 15 февраля 2007 г. С. 1.

⁷⁸ [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagog-novator.ru>, May 14th, 2009.

⁷⁹ Гурвич В. Подайте на инновации! // Политический журнал. 23 июля 2007 г. С. 46.

⁸⁰ Громов А. и др. Стратегия на настоящее // Эксперт. 2007 г., № 17. С. 61.

⁸¹ С удовлетворением хочу отметить, что в 2006 году проблема разработки стратегии страны стала уже не только очевидной, но и предметом для обсуждения. В 2000 году, когда была опубликована книга «Стратегия для будущего Президента России», это еще не было столь очевидным. Целые группы авторов, включая коллективы внутри ветвей власти в 2004–2005 годах занимались этой проблемой. Приведем лишь один пример — книгу коллектива ученых Института экономики РАН под руководством Л. Абалкина «Взгляд в завтрашний день», где в предисловии делается примечательное замечание: «Вопрос о будущем России, о завтрашнем дне страны волнует миллионы россиян. Ответ на него имеет не только политический и социально-экономический смысл, но и духовно-нравственное содержание. Без четкого видения контуров будущего усилия по преобразованию общества бессмысленны. Нарастают апатия и пассивность, усиливается стремление урвать у жизни какие-то блага уже сейчас. Для четкого взгляда в будущее нужна долгосрочная стратегия. Ее разработка и принятие — это составное звено самоопределения России». (Абалкин Л. Взгляд в завтрашний день. М.: Институт экономики РАН, 2005. С. 1).

⁸³ В качестве рабочего определения термина «элита» можно использовать следующее: «Элита» в переводе с французского означает «лучшее», «отборное». В словарях она обычно определяется следующим образом: «лучшие, отборные семена, растения или животные, полученные в результате селекции и предназначенные для дальнейшего размножения или разведения; наиболее видные представители какой-либо части общества, группировки и т. п.; верхний слой господствующего класса или отдельных его групп; в некоторых иностранных армиях — отборные воинские формирования». Под элитой, как правило, понимают высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры. Теория элиты развивалась еще Платоном, Карлейлем, Ницше, но как система взглядов была сформулирована в XX в. Парето, Москвой, Михельсом, Миллсом и др. Все названные мыслители, говоря об элите, имели в виду небольшую группу наиболее активных, компетентных, влиятельных людей, определяющих в конечном счете поведение многих социальных структур, общества в целом. Именно данные личности преимущественно «производят» идеи, меняют характер общественных отношений, создают новые возможности, что называется, творят историю. И в этом смысле вполне можно согласиться со следующими словами Г. Лебона: «Изучение цивилизаций показывает, что в действительности только очень незначительной кучке избранных мы обязаны всеми завоеванными успехами... Благоприятствовать их появлению и их развитию, значит благоприятствовать расцветанию прогресса, которым будет пользоваться все человечество». (Современная политико-административная элита России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.erudition.ru>)

- ⁸³ Идеология технологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fasi.gov.ru/news/press/>
- ⁸⁴ Духовность. Креативность. Воображение. Творчество. [Электронный ресурс]. URL: <http://detstvo.ru>.
- ⁸⁵ Зиновьев А. А. Идеология партии будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b>.
- ⁸⁶ Латынина Ю. Взрывы в московском метро [Электронный ресурс]. URL: www.echo.msk.ru. 30.03.2010 г.
- ⁸⁷ Столица выдержала атаку [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomment.ru>. 29.03.2010 г.
- ⁸⁸ Торкунов А. Инициатива Медведева сильна амбициями // Русский журнал. 21.10.2009 г.
- ⁸⁹ Савельев А. Стратегия политической элиты — «закатать» Россию «в асфальт» [Электронный ресурс]. URL: www.savelev.ru. 16.05.2006 г.
- ⁹⁰ Без лифтов / Российская газета. 24 июня 2008 г.
- ⁹¹ Маслов О. Российская элита начала XXI века в оценках современников и будущее российской элиты // <http://www.polit.pnov.ru/2006/10/09>
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Россия в 2008–2016 гг.: сценарии экономического развития. Материалы конференции. 16 мая 2007 г. РИО-Центр.
- ⁹⁵ Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: ВШЭ — РИО-Центр. 2007 г. С. 17.
- ⁹⁶ Федоров В. [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.yandex.ru>
- ⁹⁷ Громов А. и др. Стратегия на настоящее // Эксперт. 2007 г., № 17. С. 60.
- ⁹⁸ Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество / «Международные процессы», № 3(21), сентябрь–декабрь 2009 г.
- ⁹⁹ Соболева Е. Макроэкономические сценарии и прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finam.ru>. 03.08.2007 г.
- ¹⁰⁰ См. например: Стратегический прогноз (<http://strategiplan.ru>), где, в частности, говорится: Под стратегическим прогнозом понимается эмпирическое или научно обоснованное суждение, гипотеза о возможных состояниях объекта прогнозирования в будущем, характеризующих это состояние показателях об альтернативных путях развития и сроках его существования. Таким образом, национальный прогноз отражает комплекс аргументированных предположений, выраженных в качественной и количественной формах, о будущих параметрах развития национальной экономики. Стратегическое прогнозирование выступает в качестве важнейшего связующего звена между теорией и практикой регулирования всех областей жизни общества. Оно выполняет две функции. Первая из них — предсказательная или описательная. Вторая, непосредственно связанная с первой, — предписательная, или предугадательная, способствующая оформлению прогноза в план деятельности. Предсказательная функция состоит в описании возможных или желательных перспектив, состояний прогнозирования в будущем. Предписательная, или предугадательная, функция стратегического прогнозирования состоит в подготовке проектов решения различных проблем планирования, использовании информации о будущем в целенаправленной деятельности различных субъектов управления.

Классификация прогнозов может строиться в зависимости от различных критериев и признаков, целей, задач, объектов прогнозирования и методов его организации. К числу наиболее важных из них относятся: масштаб прогнозирования, время и характер решаемых проблем, характер объекта, функция прогноза.

По масштабу прогнозирования выделяют:

- а) макроэкономические (развитие национальной экономики в целом) и структурные (межотраслевые и межрегиональные) прогнозы;
- б) прогнозы развития отдельных комплексов национальной экономики (топливно-энергетического, агропромышленного, инвестиционного, производственной и социальной инфраструктуры, финансово-кредитного и т.д.);
- в) прогнозы отраслевые и региональные;
- г) прогнозы деятельности хозяйствующих субъектов и их ассоциаций, а также отдельных производств и продуктов.

По времени и характеру решаемых проблем прогнозы подразделяются на: а) стратегические и тактические; б) оперативные; в) краткосрочные; г) среднесрочные; д) долгосрочные. Стратегические прогнозы имеют своей целью предвидение важнейших характеристик (параметров) формирования управляемых объектов в среднесрочной и далее перспективах. Оперативные предназначены для выявления возможностей по решению конкретных проблем стратегических прогнозов в текущей деятельности и краткосрочных перспективах. Оперативный прогноз имеет период упреждения до одного месяца; краткосрочный — от 1 месяца до 1 года; среднесрочный — от года до пяти лет; долгосрочный — от 5 до 15–20 лет и свыше.

¹⁰¹ См., подробнее: Э. Исаев, А. Ярлыканов. Факторы долгосрочной, модернизации финансов регионов // Вестник аналитика, № 1 (39), 2010 г. С. 90–91.

¹⁰² Мунтян М. А., Подберезкин А. И., Стреляев С. П. Приватизация и приватизаторы (теория и практика российской приватизации). М., Воскресенье, 2005. С. 113.

¹⁰³ См. подробнее: Стратегический прогноз изменений климата Российской Федерации на период до 2010–2015 гг. и их влияния на отрасли экономики России (www.topnews.ru/news), где, в частности, говорится, что, проводимые учеными различных стран мира с помощью климатических моделей исследования позволяют строить прогнозы изменений климата на длительный срок (вплоть до конца XXI в.), рассматривая при этом различные сценарии природных и антропогенных воздействий на климатическую систему и оценивая в качестве предполагаемой реакции на эти воздействия изменения в ней. Признавая важность таких исследований, следует, однако, отметить, что остается открытым вопрос о первоочередных мерах реагирования на те изменения климата, которые наблюдаются уже сейчас и ожидаются в ближайшей перспективе.

Наблюдаемые изменения климата на территории Российской Федерации характеризуются значительным ростом температуры холодных сезонов года, ростом испаряемости при сохранении и даже при снижении количества атмосферных

осадков за теплый период года, возрастанием повторяемости засух, изменением годового стока рек и его сезонным перераспределением, изменением условий ледовитости в бассейне Северного Ледовитого океана и в устьях северных рек. Перечисленные тенденции, как и многие другие особенности меняющегося климата различных частей территории России, оказывают существенные воздействия на условия жизни граждан и социально-экономическую деятельность».

- ¹⁰⁴ См., пример: А. Терехов. Нетрадиционная арифметика Москвы и Вашингтона // Независимая газета, 1 апреля 2010 г.
- ¹⁰⁵ Стратегический прогноз. Управленческая стратегия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pragmatist.ru/ upravlencheskaya-strategiya/strategicheskij-prognoz.html>
- ¹⁰⁶ Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008 г.
- ¹⁰⁷ Стратегический прогноз развития России до 2030 года. 16.12.2008 г.
- ¹⁰⁸ Американско-израильский стратегический прогноз: России больше не будет [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/452480.html
- ¹⁰⁹ Кукатова Г.И. Стратегическое планирование [Электронный ресурс]. URL: http://www.bgunb.ru/links/master/school/doc_2001/kukatova1.html.
- ¹¹⁰ Умнов С. СЯС России: наращивание возможностей по преодолению противоракетной обороны // ВПК. 2006 г. 6–14 марта. С. 9.
- ¹¹¹ Михайлов В. Состояние армии все еще критическое // ВПК. 2006 г. 4–14 марта. С. 7.
- ¹¹² Травкина Н.М. Политические факторы роста социальных расходов правительства США // США и Канада: экономика, политика и культура. Отдельный оттиск. С. 3–5.
- ¹¹³ Белоусов А.Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года. М.: Центр макроэкономического анализа и прогнозов, 2005 г. С. 141.
- ¹¹⁴ На прошедшей осенью 2005 года в Москве конференции «Россия через четверть века — стратегия развития» были представлены три опровергающих друг друга прогноза развития России в ближайшие десятилетия. Самый пессимистичный из них принадлежал гендиректору ЦМАКП Андрею Белоусову. По нему «уже в ближайшие десять лет России предстояло пройти через целый ряд локальных кризисов». По словам Белоусова, в мире возникают новые риски и угрозы, связанные с перерастанием локальных кризисов в новый системный кризис, аналогичный тому, который Россия пережила в 1990-е годы. «Это может привести к нарастаю хаоса, потере управляемости и, в конечном счете, — распаду страны», — прогнозировал эксперт. В наилучшем варианте Россия к 2020 году интегрируется в мировое сообщество и одновременно модернизирует перерабатывающую промышленность, что позволит ей стать достаточно стабильной страной. Благополучие населения (которое оценивается по величине ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) приблизится к уровню современных Франции и Германии — 30 тыс. долл. Темпы роста ВВП при этом составят не более 6% в год. При худшем варианте Россия будет жить за счет экспорта энергоносителей, жестко защищая внутренний рынок от импорта. При этом темпы роста экономики уменьшатся до 2%, население сократится до 130–131 млн. человек, общество резко расслоится, а ВВП на душу населения едва превысит 20 тыс. долл. В этом случае, по словам Белоусова, «Россия откажется на периферии мирового развития как стагнирующая страна, генератор неопределенности и кризисных процессов».
- Другие аналитики смотрели в будущее с куда большим оптимизмом. Президент «Леонтьевского центра» Сергей Васильев напомнил о прогнозе развития мировой экономики до 2025 года, обнародованном инвестиционным банком Goldman Sachs. Зарубежные аналитики исходили из того, что нефтяные цены в ближайшие четверть века останутся высокими из-за увеличивающегося спроса со стороны активно развивающихся Индии и Китая. При таком сценарии Россия могла увеличить ВВП на душу населения с 8 тыс. долл. до почти 23 тыс. долл. и превратиться в «экономического середнячка», выйдя на уровень Индонезии и Турции. В это же время показатели Японии и Германии останутся на неизменном уровне (около 30 тыс. долл.), в мировой экономике не произойдет смены лидера: Китай и Индия значительно обгонят по объемам ВВП ныне крупнейшую экономику мира — США, хотя в целом китайцы и индийцы будут жить сравнительно бедно: на каждого жителя этих стран придется соответственно 7,3 тыс. долл. и 16,3 тыс. долл. ВВП.
- Еще более оптимистичным проявил себя замдиректора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Александр Дынкин. По его прогнозу, в 2011–2020 годах рост мировой экономики увеличится с 2,9% до 4,2%. При этом Россия по объему валового экономического продукта должна была подняться с 10-го на 6-е место в мире, а Китай — возглавить этот список, незначительно обогнав США.
- ¹¹⁵ Власова О. Теория развитого капитализма // Эксперт. 2006. № 7(501). С. 75.
- ¹¹⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.
- ¹¹⁷ Торкунов А. Школа российской идентичности // Независимая газета, 14 октября 2009 г.
- ¹¹⁸ Краткая российская энциклопедия. Т. 3. С. 3.
- ¹¹⁹ Ресурсы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glossary.ru/cgi-bin/>
- ¹²⁰ Семенов Е. В. Человеческий капитал в российской науке // <http://emag.iits.ru/arc/>.
- ¹²¹ Идеи — мысленный прообраз какого-то явления, предмета, выделяющий его главные, существенные черты [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
- ¹²² Идеология отсутствия идеологии [Электронный ресурс]. URL: <http://p-development.narod.ru>
- ¹²³ Подберезкин А. Человеческий капитал. Т. I. М.: Европа 2007 г. С. 205.
- ¹²⁴ Выбери свое будущее [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic/>.
- ¹²⁵ Большова Н.Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству — нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) // Вестник МГИМО (У), № 5 (8). 2009 г. С. 94.

- ¹²⁶ См., например: Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) в 2 т. Том I. Под общ. ред. С. М. Шахрая. М.: 2009.
- ¹²⁷ Медведев Д. Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г.
- ¹²⁸ Сухарев М. В. Эволюция общества, как движение идей // Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии: сб. Петрозаводск, 2001. С. 34.
- ¹²⁹ Управление идеями: как организовать процесс // www.management.com.ua/strategy
- ¹³⁰ Торкунов А. Письмена истории в реалиях современности // Российская газета, 16 февраля 2009 г.
- ¹³¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010.
- ¹³² При этом нужно помнить, что такая идеология должна быть применима как для «столичной», так и «провинциальной» элит, «ведь в России сосуществуют две социокультурные цивилизации». См., подробнее: А. А. Овсянников. «Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО (У), № 5 (8), 2009. С. 110–115.
- ¹³³ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010.
- ¹³⁴ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010.
- ¹³⁵ См., например: Ю. Лужков. Транскапитализм и Россия. М.: Московские учебники и картография, 2009. С. 72; Его же. Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? М.: Московские учебники и картография, 2009. С. 136.
- ¹³⁶ Медведев Ю. В академики по расчету // Российская газета. 26 июля 2006 г. С. 10.
- ¹³⁷ Экономическое обозрение / Институт энергетики и финансов. 2006. Январь. № 2. С. 2–3.
- ¹³⁸ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты) / А. И. Подберезкин [и др.]. М.: РАУ-Корпорация 1994. С. 21–23.
- ¹³⁹ Родин И. Чавес обсудил с Путиным проблем многополярности // Независимая газета. 28 июля 2006 г. С. 3.
- ¹⁴⁰ Стратегии национальной безопасности России до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.
- ¹⁴¹ Сычева В. Рыцарь секретного образа // Итоги. 20 ноября 2006. С. 40.
- ¹⁴² Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М.: 2009.; Его же. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009.
- ¹⁴³ Лужков Ю. Капитализм и Россия (Выпадение из будущего?), М.: 2009 г. С. 6.
- ¹⁴⁴ Человек-кремний // Коммерсант, 24 марта 2010 г. С. 1.
- ¹⁴⁵ Карпенко М. Вуз для всех // Завтра. 2006. № 49. С. 4.
- ¹⁴⁶ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010.
- ¹⁴⁷ Торкунов А. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Сентябрь–декабрь, № 3 (27).
- ¹⁴⁸ Зилли Ф., Гадди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России: пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям 2007. С. 193.
- ¹⁴⁹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010. С. 9.
- ¹⁵⁰ См., например, Рейтинг 430 ведущих университетов мира по версии АНО НРА «РейтОр» по состоянию на 15.09.2009.
- ¹⁵¹ World's Best Universities: Top 400. — U. S. News & World Report, February 25, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usnews.com/sections/education/worlds-best-universities/index.html>
- ¹⁵² Рейтинг лучших университетов мира от US News & World Report — 27.02.2010, [Электронный ресурс]. URL: <http://eduabroad.ru/journal/27.02.2010/6>
- ¹⁵³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usnews.com/articles/education/2010/02/25/>
- ¹⁵⁴ См. Общий академический рейтинг 500 университетов мира (ARWU). Academic Ranking of World Universities — 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arwu.org>
- ¹⁵⁵ Уровень жизни Рейтинги стран мира: рейтинги России, Украины ... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.7sekretov.ru/world-ranking>
- ¹⁵⁶ Наумов И. Рейтинги России опять испортила коррупция // Независимая газета, 24 октября 2008 г. С. 1.
- ¹⁵⁷ Камара С. Россия теряет резервы и рейтинги. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2008/12/08>.
- ¹⁵⁸ См. Рейтинг вузов по первому в/о управленческой элиты (сводная таблица, включающая представителей всех блоков). АНО НРА «РейтОр». Июль 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: http://reitor.ru/common/img/uploaded/files/table1_3.pdf http://reitor.ru/ru/observatory/raitings/reit_elits2009/?id19=99&i19=1
- ¹⁵⁹ См. McGann James G. THE GLOBAL «GO-TO THINK TANKS». The Leading Public Policy Research Organizations In The World. — University of Pennsylvania. January 25, 2010. p. 39. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20\(TT%20Index\)%20last%20version.pdf](http://www.ony.unu.edu/2009%20Global%20Go%20To%20Think%20Tank%20Rankings%20(TT%20Index)%20last%20version.pdf)
- ¹⁶⁰ Google составил рейтинг популярности вузов столицы. ИА Росбалт, 02.07.2009. URL-адрес статьи: <http://www.rosbalt.ru/2009/07/02/652037.html>
- ¹⁶¹ Торкунов А. О мировом рекорде МГИМО. [Электронный ресурс]. URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document143787.phtml>
- ¹⁶² Общий рейтинг вузов юриспруденции (2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.univer-rating.ru/rating_branch.asp

- ¹⁶³ Полностью рейтинг опубликован на следующих сайтах [Электронный ресурс]. URL: www.stipendia.ru, www.fond.potantin.ru
- ¹⁶⁴ Global universities ranking. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globaluniversitiesranking.org>
- ¹⁶⁵ Times Higher Education-QS World University Rankings 2009. Social sciences. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/hybrid.asp?typeCode=421>
- ¹⁶⁶ «Рейтинг 430 ведущих университетов мира по версии АНО НРА „РейтОр“» по состоянию на 15.09.2009.
¹⁶⁷ www.e-library.ru
- ¹⁶⁸ См. Рейтинги 3939 вузов России по версии РИНЦ по состоянию на 16.09.2009.
- ¹⁶⁹ Ресурсы власти. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emc.komi.com/02/16/01>.
- ¹⁷⁰ Лужков Ю. Транскапитализм и Россия. М.: 2009.; Его же. Капитализм и Россия (выпадение из будущего?). М.: 2009. С. 18.
- ¹⁷¹ Аксютин В. Использование террористами оружия массового поражения — только вопрос времени // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/> . (07.04.2010).
- ¹⁷² Большова Н. Н. Кризис «социального государства» и массовая миграция как вызовы государству — нации в условиях глобализации (на пример ФРГ) // Вестник МГИМО (У), № 5 (8), 2009. С. 95.
- ¹⁷³ Постановка задачи разработки концепции экономической политики России (приглашение к сотрудничеству) М.: Научный эксперт, 2006. С. 12.
- ¹⁷⁴ Государственная безопасность России: история и современность / Под общ. ред. Р.Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 701.
- ¹⁷⁵ Сляров С. Грефа будут вспоминать как героя // Независимая газета. 2006. 13 марта. С. 1, 4.
- ¹⁷⁶ Сергеев О. Нью Сколково в Силиконовой долине // [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru> . (08.04.2010).

Книга восемнадцатая

**МГНОВЕНИЯ
ВОЕННЫХ ЛЕТ**

Мгновения военных лет

ФОТОГРАФИИ КАК ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

фотогалерея, посвященная 65-летию Великой Победы

Публикуемые в этой книге фотодокументы — это часть выставки Федерального Архивного агентства России «Советское общество и война. 1941–1945 гг.». В последние два десятилетия изучение истории Великой Отечественной войны получило новый импульс в российской и зарубежной историографии. Опубликовано немало фундаментальных исследований, опирающихся на вновь вводимые в научный оборот документы. В тоже время, появились публикации, в которых пересматриваются итоги Второй мировой войны, принижается роль нашей страны в победе над фашизмом. Среди экспонатов выставки центральное место занимают уникальные архивные фотодокументы, которые сохранились в Российском государственном архиве кино-фотодокументов.

В формирование этой подборки, посвященной 65-летию Великой Победы, огромный свой вклад ве-

дущие федеральные и ведомственные архивы и музеи, общественные организации России и Республики Беларусь. Экспозиция интересных и уникальных документов призвана не только закреплять и развивать народную историческую память, но открывает новые перспективные направления исследования социальной политики в годы войны; воссоздания «повседневной жизни» на фронте и в тылу; анализа особенностей общественного сознания. Она вносит важный вклад в сохранение памяти о Великой Победе, открывает новые перспективные направления исследования социальной политики в годы войны, повседневной жизни на фронте и в тылу, особенностей общественного и индивидуального сознания, что позволит точнее объяснить истоки великого подвига наших соотечественников в Великой и Отечественной войне 1941–1945 гг.

Фотодокументы
Российского Государственного
архива кинофотодокументов
НАЧАЛО ВОЙНЫ

Советские беженцы.
1941 г.
Фотограф Бауман

Библиотека Л. Н. Толстого в музее-усадьбе «Ясная Поляна», уничтоженная немецкими войсками в 1941 г. Тульская обл. 1941 г. Фотограф О. Кнорринг

Митинг на заводе «Серп и Молот» в первый день войны в связи с заявлением Советского Правительства. Москва, 22 июня 1941 г. Фотограф не установлен

76-мм зенитные орудия образца 1932 г. на военном параде на Красной площади. Москва, 7 ноября 1941 г. Кадр из кинолетописи «24-й Октябрь». Производство ЦСДФ

Москвичи на строительстве баррикад на окраине города. Москва, 1941 г. Фотограф не установлен

Руины Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря, взорванного немецкими войсками 10 декабря 1941 г. Истра, Московская обл., декабрь 1941 г. Фотограф С. Иванов-Аллилуев

Вид музея Бородинской битвы 1812 г., разграбленного и сожженного немцами при отступлении
Московская обл., январь 1942 г. Фотограф Д. Чернов

Аэростаты воздушного заграждения на Москворецком мосту. Москва, 1941 г.
Фотограф не установлен

Командир 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии Герой Советского Союза полковник А. И. Лизюков (1-й справа), полковой комиссар В. Мешков и полковник Д. Бахметьев на наблюдательном пункте. Западный фронт, ноябрь 1941 г.
Фотографы Д. Чернов, Л. Великжанин

Бывший кучер Л. Н. Толстого И. В. Егоров выносит из дома писателя музея-усадьбы «Ясная Поляна» вещи, оставленные немецкими солдатами. Тульская обл. 1941 г. Фотограф О. Кнорринг

Отправка эшелона с танками Т-40 на фронт. Лето 1941 г.
Фотограф А. Шайхет

Разрушенная белорусская деревня. 1941 г.
Фотограф Шплек

Немецкие бронемшины, брошенные при отступлении, у разрушенного Дома-музея П. И. Чайковского. Клин, Московская обл., март 1942 г. Фотограф не установлен

Внутренний вид одной из комнат Дома-музея П. И. Чайковского, в которой немцами был устроен гараж для мотоциклов. Клин, Московская обл., декабрь 1941 г. Фотограф С. Гурарий

Еврейская семья по дороге в гетто. Белоруссия, 1941 г.
Фотограф Кесслер

Повозка с беженцами на одной из дорог 1941–1944 гг.
Фотограф Эллерброк

1942–1944

Протоиерей Алексей Вышгородский читает прихожанам послание Митрополита Ленинградского Алексея к жителям временно оккупированных районов с призывом бороться с врагом и помогать партизанам. Калининская обл. 1943 г. Фотограф М. Трахман

Беженцы из Сталинграда во время привала. Сентябрь 1942 г.
Фотограф Ессе

Жители одного из населенных пунктов возле стенда с антисоветской пропагандой. 1942–1944 гг.
Фотограф Дрейер

Жительница села Высокое О. Кононихина с детьми Виктором, Иваном, Владимиром и Николаем у сожженного немцами дома. Харьковская обл. 1942 г. Фотограф Г. Капустянский

Использование коров в обработке пашни в колхозе «Привет Октябрю». Ростовская обл., апрель 1942 г. Фотограф не установлен

Жители одного из украинских городов перед отправкой в Германию. 1942–1944 гг.
Фотограф Гримм

Митрополит Киевский и Галицкий Николай произносит проповедь в храме Преображения Господня, призывая верующих на борьбу с врагом. Москва, 1942 г. Фотограф не установлен

Женщины и дети встречают воинов-освободителей. Р-он Сталинграда, 1943 г.
Фотограф В. Темин

Население Вязмы приветствует советские войска, вступающие в город. Западный фронт, 13 марта 1943 г.
Фотограф В. Кинеловский

Генерал-фельдмаршал Ф. фон Паулюс
и офицеры вермахта, взятые в плен под Сталинградом.
Февраль, 1943 г.
Фотограф Г. Липскеров

Доставка советских раненых автомобилями в полевой госпиталь. Калининский фронт, 1943 г.
Фотограф не установлен

Врачебный персонал Калининского госпиталя разбирает медикаменты, доставленные из Великобритании.
Калинин, октябрь 1944 г. Фотограф Г. Коновалов

Партизаны отряда им. Котовского возвращаются с боевого задания. Белоруссия, 1943 г.
Фотограф М. Трахман

Санструктор Н. Курганова оказывает помощь раненому бойцу во время боя. Ленинградский фронт,
июнь 1942 г. Фотограф Г. Коновалов

Оркестр заключенных Яновского концлагеря исполняет «Танго смерти» во время расстрела советских граждан Р-он Львова. Фотограф не установлен

Жители г. Ставрополя ведут работы по восстановлению разрушенного в годы Великой Отечественной войны театра. 1944 г. Фотограф М. Грачев

Жители, возвращающиеся в свои дома, разрушенные немцами. Вязьма, Смоленская обл., апрель 1943 г.
Фотограф С. Тартаковский

Партизанки, участвовавшие в освобождении Крыма. 1944 г.
Фотограф не установлен

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

Физическая подготовка личного состава
в одной из частей действующей армии. 1943 г.
Фотограф не установлен

Футбольный матч между командами кораблей в часы досуга. Северный флот, 1942 г.
Фотограф Е. Халдей

Получение корреспонденции на полевой почте. 1942 г.
Фотограф Д. Чернов

Лидия Русланова в составе фронтовой бригады московских артистов выступает перед бойцами. Южный фронт, 1941 г. Фотограф Иванов

Выступление на фронте Л. О. Утесова. 1942 г.
Фотограф не установлен

Фельдфебель немецкой санитарной службы за примеркой соломенной обуви, изготовленной украинским крестьянином.
Февраль 1942 г.
Фотограф не установлен

Немецкие солдаты гонят свиней, изъятых у местного населения. Р-он Воронежа, 1942 г.
Фотограф не установлен

Немецкие солдаты пилят замерзшую кислую капусту. Восточный фронт, 1941–1944 г.
Фотограф Гётце

ТЫЛ ФРОНТУ

Разгрузка капусты работниками Октябрьской железной дороги
в Московском речном порту. Москва, октябрь 1942 г.
Фотограф С. Тартаковский

Герой Социалистического Труда, конструктор С. А. Лавочкин (слева), беседует с представителями Н-ского авиастроительного завода: парторгом А. В. Андреевым и директором Р. И. Агадуановым. 1943 г. Фотограф Можухин

Гвардии подполковник Н. Т. Соболев принимает самолет, приобретенный на средства, перечисленные колхозницей К. С. Шумковой. Красноярский край, 1943 г. Фотограф Маноицкий

Члены колхоза «Борьба» вносят личные сбережения на постройку авиаэскадрильи. Слева направо: С. И. Васютин (10000 р.), Г. С. Болтунов (5000 р.), М. Е. Иванова (7000 р.), С. С. Аксенова (5000 р.), П. В. Братчикова (6000 р.), Г. И. Растопчин (8000 р.). Новосибирская обл. 1943 г. Фотограф С. Зильберман

Авиабомбы в цехе оборонного завода в Сибири. Июнь 1942 г.
Фотограф не установлен

Передача одной из воинских частей танка «Боевая подруга», построенного на средства жён фронтовиков Орджоникидзевского района г. Свердловска. 1944 г. Фотограф Берланд

Обоз с хлебом от колхоза «Вперед» в фонд Красной Армии. Ярославская обл., 1944 г. Фотограф не установлен

Лучшая стахановка жирового комбината Х. Х. Хайруллина за упаковкой сверхплановой продукции для фронта. Казань, 1944 г. Фотограф Невзоров

Ученицы школы №1 Пермской железной дороги готовят подарки бойцам Красной Армии. Пермь, октябрь 1943 г. Фотограф А. Фатеев

Бойцы Красной Армии помогают колхозникам убирать урожай в прифронтовой полосе. 1941 г. Фотограф Э. Хайкин

Вице-президент Академии архитектуры К. С. Алабян подписывается на 3-й Государственный военный заем. Москва, 1944 г. Фотограф Фавилович

ДЕТИ ВОЙНЫ

Воспитанники детского дома Г. Сухарев и Т. Хабаева ухаживают за рассадой.
Ленинград, 1942 г.
Фотограф не установлен

Шестилетний Толя Воронов, прошедший боевой путь с одной из гвардейских дивизий, знакомится со своими новыми товарищами в Детском доме № 9. Московская обл., май 1945 г. Фотограф В. Зунин

Воспитанники детских яслей за обедом в бомбоубежище. Сентябрь 1941 г. Фотограф не установлен

Новорожденные дети Ленинграда. 1942 г.
Фотограф не установлен

Жительница деревни Рябовка, варит похлебку из мха.
Калининская обл., 1943 г. Фотограф не установлен

Дети играют во дворе своего дома. Ленинград, 1942 г.
Фотограф не установлен

Наводчик артиллерийской батареи А. Ошурко с юным воспитанником гвардейцев К. Степановым.
Западный фронт, январь 1942 г.
Фотограф В. Минкевич

Кадровый рабочий Н-ского завода обучает подростка работе на станке.
Урал, 1941–1945 гг.
Фотограф П. Оцуп

1945

Разведчики 756-го полка М. Егоров и М. Кантария со Знаменем Победы.
Берлин, 2 мая 1945 г.
Фотограф А. Морозов

Жители Берлина в очереди за водой. Германия, 1945 г.
Фотограф Г. Самсонов

Встреча первого специального поезда с демобилизованными. Москва, июль 1945 г.
Фотограф Н. Ситников

Немецкий мальчик на развалинах в Берлине.
Германия, 1945 г.
Фотограф Е. Тиханов

Главный инженер Кировского тракторного завода генерал-майор Махонин и главный конструктор завода, лауреат Сталинской премии генерал-майор Духов — разработчики новых образцов танков и самоходных установок. Челябинск, 1945 г. Фотограф Чернышева

Сводный полк 3-го Белорусского фронта на Параде Победы. Москва, 24 июня 1945 г.
Фотограф не установлен

СТОЛИЦЫ

Москвичи на Красной Площади в День Победы.
Москва, 9 мая 1945 г.
Фотограф А. Гаранин

В освобожденной Вене. Австрия, 1945 г.
Фотограф не установлен

Советские солдаты на мосту через р. Влтаву. Прага, Чехословакия, май 1945 г.
Фотограф Г. Хомзор

Советские штурмовики в небе над Берлином. Германия, 1945 г.
Фотограф М. Редькин

Жители Бухареста приветствуют советские войска, вступившие в город. Румыния, 1945 г.
Фотограф А. Новиков

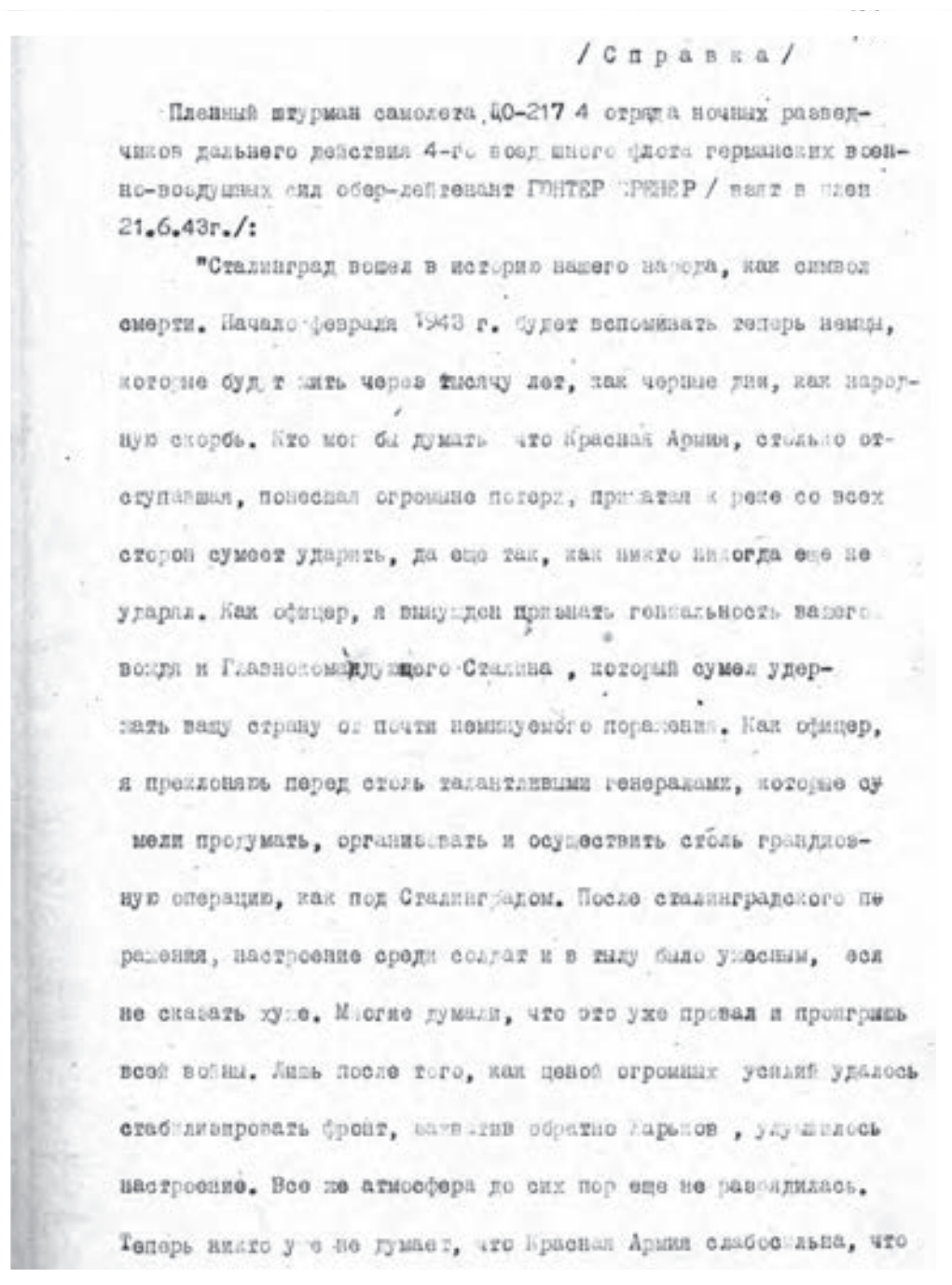

Войска Красной Армии на улицах освобожденного Белграда. Югославия, 1945 г.
Фотограф Е. Халдей

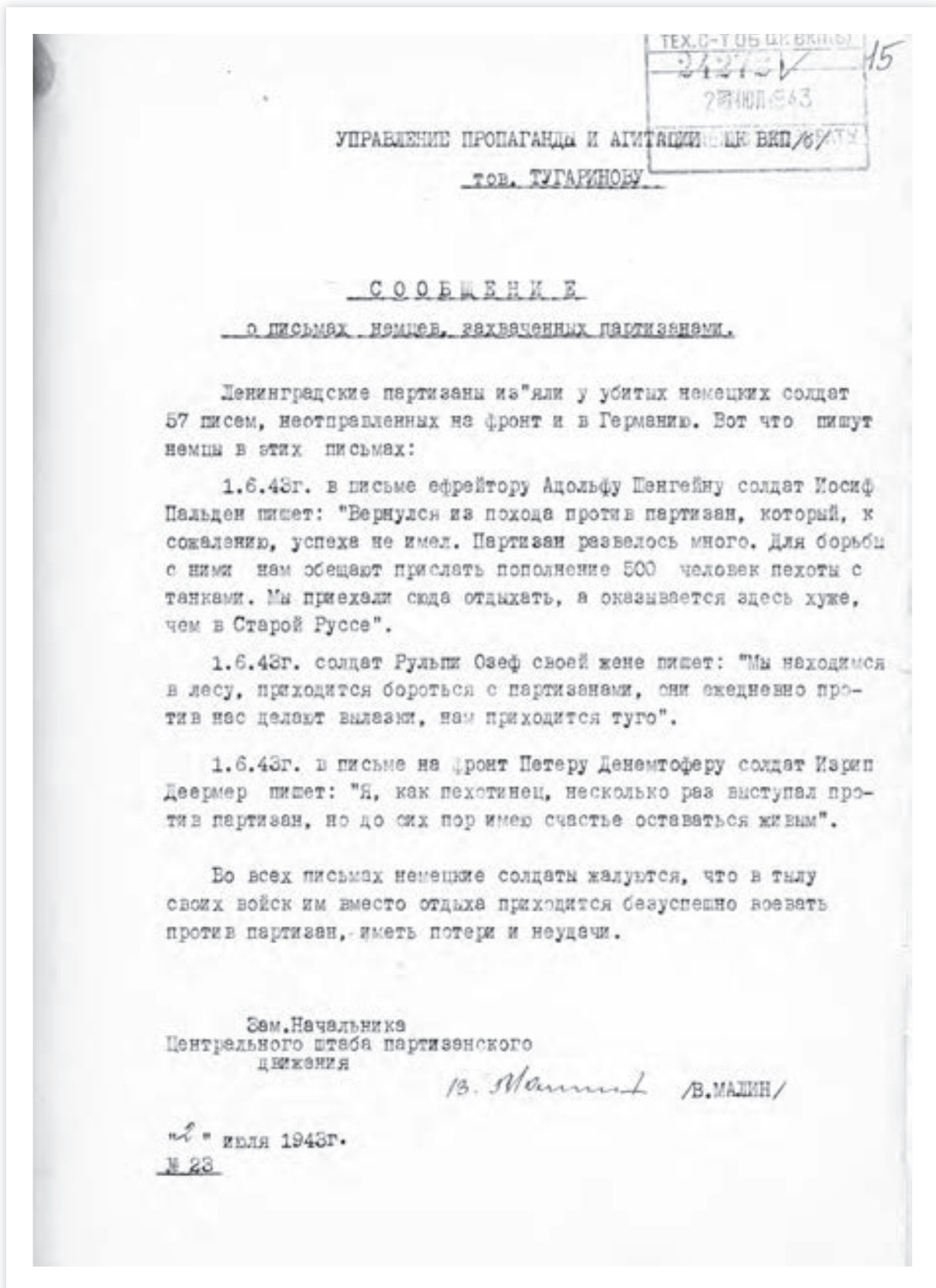

Ликующие жители Софии на улицах города в день вступления частей Красной Армии Болгария, 15 сентября 1944 г. Фотограф не установлен

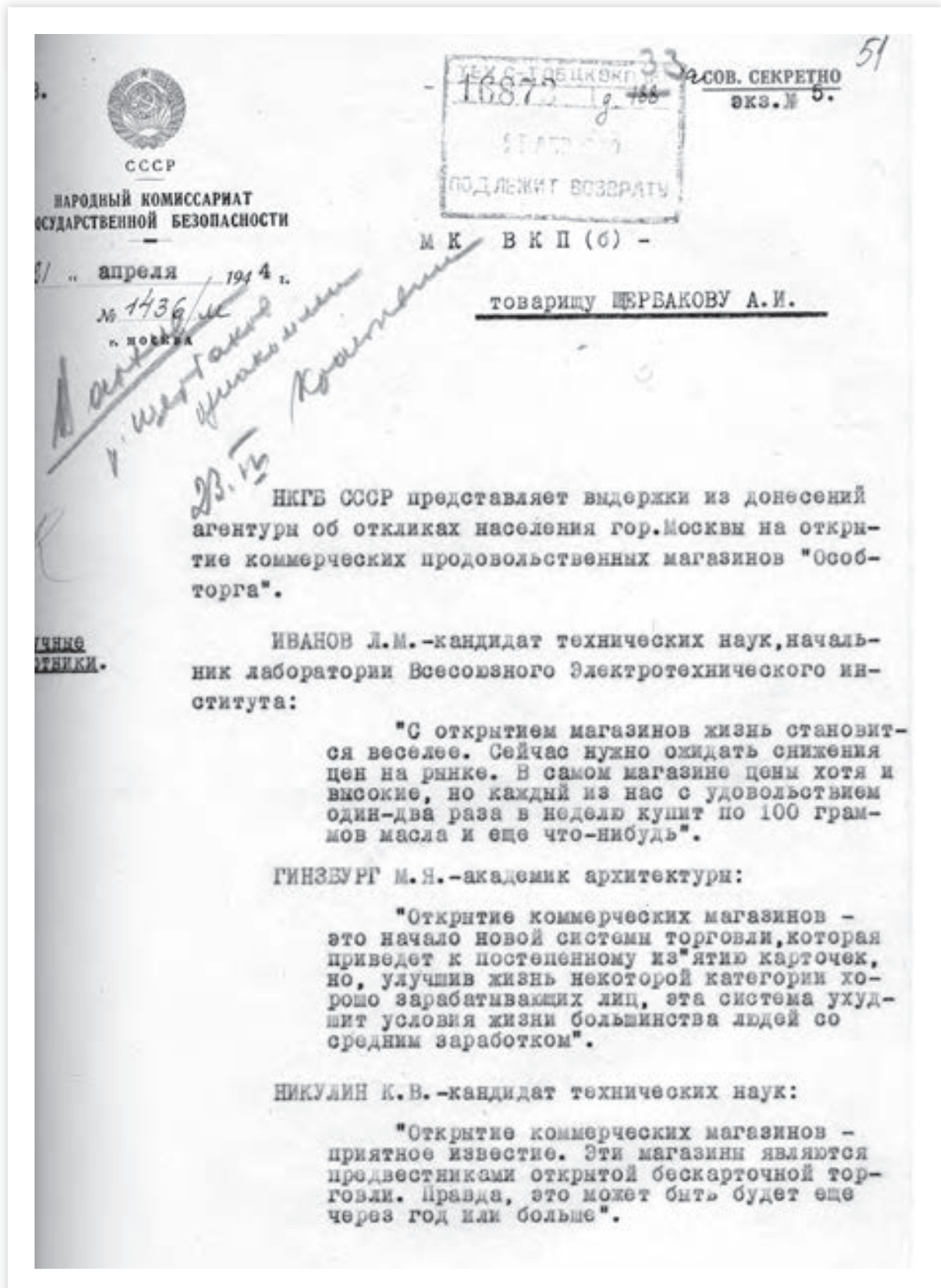
Фотодокументы Российского Государственного архива социально-политической истории

Справка о показаниях немецкого штурмана,
взятого в плен в июне 1943 г.

Сообщение зам. начальника Центрального штаба партизанского движения В. Н. Малина в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) о письмах немцев, захваченных партизанами. 2 июля 1943 г.

Информация Народного комиссариата государственной безопасности СССР в МК ВКП(б) об откликах населения г. Москвы на открытие коммерческих продовольственных магазинов «Особторга». 21 апреля 1944 г.

- 2 -

БУТКЕВИЧ Ю. В. - профессор, начальник Особого конструкторского бюро № 2 Всесоюзного электротехнического института:

"Коммерческие магазины имеют большое значение в деле мобилизации средств. Конечно, они не рассчитаны на большинство городского населения. Рабочие и служащие будут прибегать к услугам этих магазинов гораздо меньше, чем это смогут сделать наши колхозники, у которых скопились за время войны громадные средства".

ПАВЛОВ Н. Т. - профессор Московского Текстильного института:

"Конечно, цены в коммерческих магазинах слишком высоки. Я думаю, что постепенно цены будут снижаться, однако, сразу этого сделать нельзя. Сейчас и так магазины полны, а если бы открыли их сразу с низкими ценами, то нельзя было бы установить никакого порядка из-за колоссального наплыва народа.

Радует еще и то, что в магазинах весь товар наш, а не привозной, - значит у нас еще есть запасы.

Теперь вместо того, чтобы идти на рынок и покупать продукты с грязных рук, а может быть и ворованные, - можно спокойно пойти в магазин и купить все необходимое. Денег мы для этого имеем достаточно".

ТАРТАКОВСКИЙ М. С. - доцент кафедры искусственного волокна Химико-технологического института им. Менделеева:

"Для научных работников, имеющих сейчас преимущественное питание, открытие магазинов явится отрицательным фактом, так как постепенно преимущественные льготы будут стираться, а пользоваться коммерческими магазинами научные работники не смогут, так как получают гроши. И выходит, что коммерческие магазины приносят пользу только тем, кто пользуется рынком".

Информация Народного комиссариата государственной безопасности СССР в МК ВКП(б) об откликах населения г. Москвы на открытие коммерческих продовольственных магазинов «Обобторга». 21 апреля 1944 г.

59

- 9 -

КОХАНОВ - столяр ст. Москва Октябрьской ж.д.:

"Цены в магазинах дорогие, нам там мало придется покупать, но это приведет к снижению цен на рынке. Придет время, все станет дешевле, положение наше улучшится, поэтому правильно сделали, что открыли магазины."

ЛАЗАРЬЕВ - электромонтер паровозного депо ст. Москва Октябрьской ж.д.:

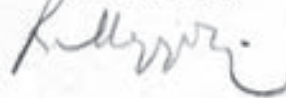
"С нашим заработком в коммерческие магазины не ходить, но это есть борьба с рынком, цены, безусловно, упадут, а в дальнейшем и в магазинах будут дешевле, тогда и мы заживем."

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР -

Послано:

Сталину
Молотову
Вери
Микояну
Варфоломееву.

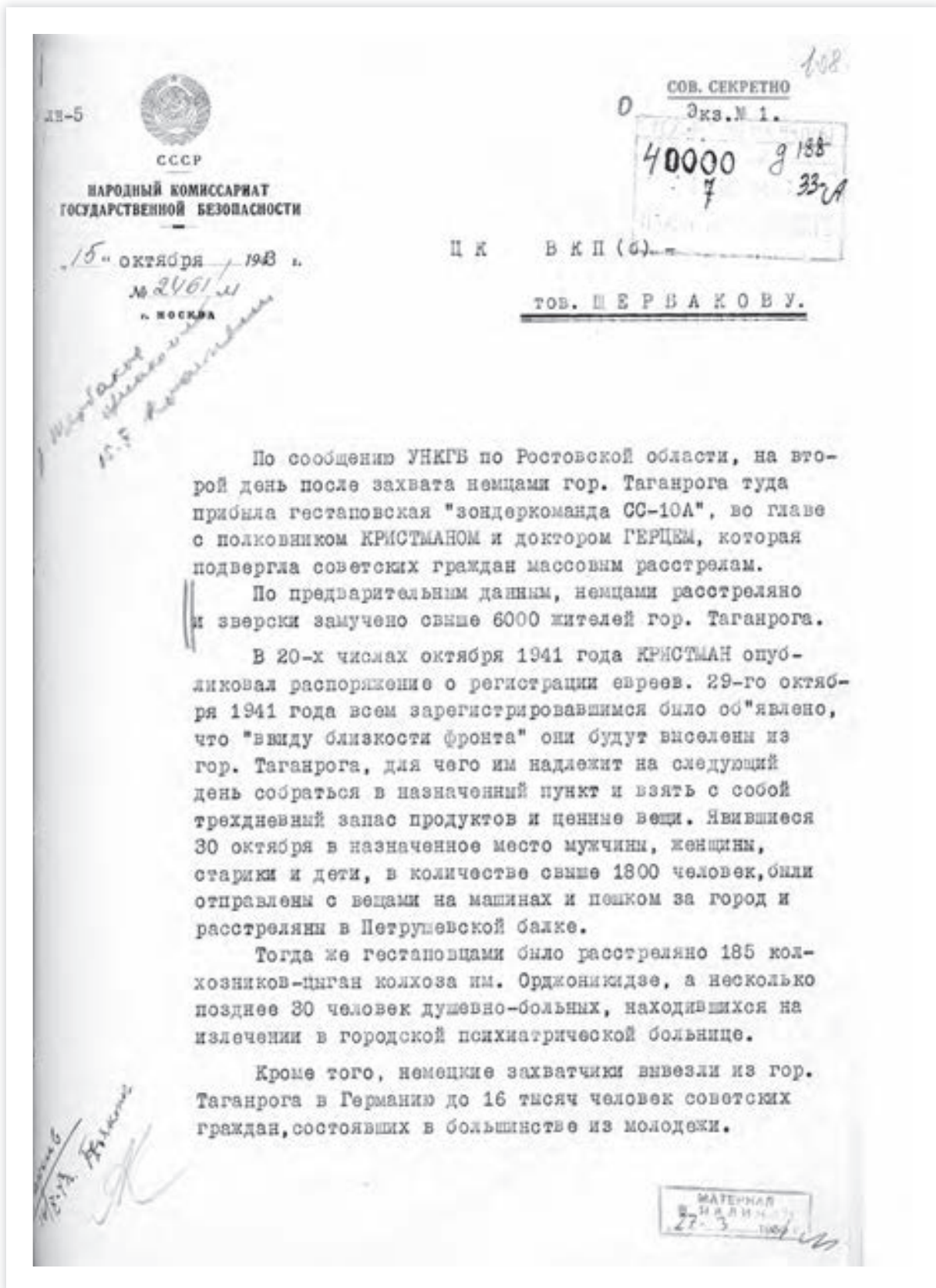
(МЕРКУЛОВ)

В НАЛИЧИИ

13/IV-531.мч

Информация Народного комиссариата государственной безопасности СССР в МК ВКП(б) об откликах населения г. Москвы на открытие коммерческих продовольственных магазинов «Особторга». 21 апреля 1944 г.

Информация заместителя народного комиссара государственной безопасности СССР Б. З. Кобулова в ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову о расстреле жителей г. Таганрога и других злодеяниях, совершенных немцами. 15 октября 1943 г.

109

2.

При отступлении из Таганрога, немцы разрушили или сожгли 16 школ, 18 детских садов и ясель, дворец пионеров и 5 техникумов института механизации сельского хозяйства, два корпуса 5-й городской больницы, корпус санатория на Миусе, 4 клуба и 65 жилых зданий.

Проводится дополнительное расследование и документация фактов зверств оккупантов в гор. Таганроге.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР -

Кобулов (КОБУЛОВ)

Информация заместителя народного комиссара государственной безопасности СССР Б. З. Кобулова в ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову о расстреле жителей г. Таганрога и других злодеяниях, совершенных немцами. 15 октября 1943 г.

OAD

OSTRAUM-ARTIKELDIENTST 5

Herausgegeben vom

OSTWELT-VERLAG G. M. B. H., BERLIN SW68

Hauptschriftleitung: Wilm Stein, Berlin

Anschrift der Schriftleitung: Berlin W 8, Kanonierstr. 40

Sonderausgabe

Доброволец!

Двадцать с лишним лет СССР, говоря о мире, готовился к войне, к коварному и неожиданному нападению на Европу. Большевик-цита Европы и, в первую очередь, Германия, а затем и всего мира, во замыслах мирового еврейства должна была быть проведена ценою крови и жизни русских людей, Трудищихся народов СССР и испоконном принудительном и потопившем труде, от молодых до старых, в рабских условиях создавал гражданское вооружение для предстоящего нападения на Европу. Естественное внутреннее сопротивление, оказываемое русским народом власти самозванцев наездников, подавлялось беспримерным в истории человечества истреблением миллионов народных масс. Расстрели, ссылка, лагеря Чка-НКВД, концентрационные лагеря и самый бесчеловечный террор — вот то, что принесла с собой большевика русскому народу. Кучка предателей, жидов, представителей уголовного мира, руководимая теми же силами мирового еврейского заговора, воспользовалась великой народной русской революцией и, захватив обманчивым путем власть в свои руки, обратила все народное сопротивление, омытое кровью лучших людей, в инструмент позорной и преступной работы против созидательного труда народов Европы и всего мира. Ставлинник мирового еврейства — Сталин отнял у русских людей их Родину, Отечество. Он надругался над русской историей и культурой, над народными героями, над народной верой и ее святынями. Ныне, чувствуя свою неизбежную гибель, Сталин кощунственно хвастается своей грязной и обгащенной кровью рукой за реликвию прои-

лого, приняла русских людей и сопротивлению для сохранения некажественного всем режима.

И то же время, он безжалостно бросает на фронт, в качестве дущенного мяса, миллионы русских людей. Он отдает приказ о поголовном истреблении населения в тех областях, которые были освобождены силой германского оружия от его сталинского владычества и которые — по волеизъявлению кремлевского десанта должны быть вновь захвачены. Сталин не признает потраченных в германский плак бойцов, но его приказу злостью приговоренных и поголовному истреблению, независимо от того, при каких условиях или в каком состоянии они оказались в плену. Мало того, он приказал НКВД репрессировать семьи всех тех, кто с начала настоящей войны числился пропавшим без вести, независимо от того, находится ли человек в германском плену или убит на поле сражения.

Это значит, что многие десятки миллионов ни в тех неповинных женщин, детей и стариков найдут свою смерть в ужасных условиях сталинского застенка и ссылки. Сталин ненавидит русский народ. Сталин, на время владычества большевика в России уничтоживший более 45 миллионов населения, способен истребить еще большее количество людей и за более короткий срок, лишь бы отнять час своей и своих приспешников неизбежной гибели. Во имя этой ослепченности им поставлено теперь на карту все: кощунство, обман и кощунственный еще по своей сиротности террор.

Доброволец! Можно ли быть русскому человеку безучастным к страданиям Родины, родных и

близких? Можно ли хладнокровно наблюдать, как массовый убийца русского народа — Сталин будет истязать и убивать ни в чем повинных женов, детей, родителей, братьев, сестер, твоих родных, близких и друзей?! Неужели предположения чаша твоих собственных страданий не пробудит в тебе жерны и великому гнету и сароделливой ненависти к поработителям твоей Родины, твоего народа?!

Конечно, нет!!!

Ты, верный сын своей Родины, с бесприкормым перьяком и отрягой истинно на борьбу с оружием в руках против самозванческого большевика, Сталина и его плуки андлоустуварих изуверов.

Плечом к плечу, вместе с твоим другом — германским солдатом, который первый протянул тебе руку британской помощи в борьбе за светлое будущее и сотрудничество народов Новой Европы и твоего народа — смело в бой против общего врага!

За новую национальную Россию без большевиков и капитализма!

За новую Европу, братство и сотрудничество всех ее народов!

Смерть Сталину и его режиму, поработившему русский народ!

Пусть высоко поднимется знамя Отечественной Освободительной войны, несущей русскому народу и его Родине национальное возрождение и освобождение от сталинского зла!

Пусть все способные носить оружие возьмутся в доблестные ряды Русской Освободительной Армии, дружественной по иде братской Германской Армии!

Пусть навсегда возвратит единение и вечная дружба великого германского и русского народов!

OAD

OSTRAUM-ARTIKELDIENT

Herausgegeben vom

OSTWELT-VERLAG G. M. B. H., BERLIN SW68

Hauptschriftleitung: Wilm Stein, Berlin

Anschrift der Schriftleitung: Berlin W 8, Kanonierstr. 40

Sonderausgabe

Maximilian Kämpfer 1945

Почему я буду бороться с большевизмом?

Прежде, чем рассказать, что привело меня к неизбежному решению до последнего выстоять бороться с большевизмом, я должен сказать несколько слов о самом себе... Кто я? ... Я самый заурядный человек, но русский человек. Не стыдись, я могу назвать себя радным колхозником обыкновенным, т. е. представителем большевизма населения. Мне тридцать девять лет и большая часть моей жизни прошла под советской властью. Я был и рабочим, и служащим, и служил в войсковом строительном. Биография моя серая. Все тяготы и муки, которые выпали на долю русского народа, нес и я на своих плечах. Народ ходил разутый и раздетый и в холода и в последние времена пшеницы. Народ стоял в очередях за хлебом и сахаром и в стоял с женой. Жил я с семьей в казенной коммуналке, на ужин жарилось картофоль и жила мы на таком изголодавшем, при котором мои старые штаны перетранжили старшему сыну, а через несколько лет их девицкивал отец и младший. И жена моя — та немученная женщина из под земли сироты, спящими из очереди. Вот и все, что могу сказать о себе... Теперь о советской власти и своем твердом решении...

Так, совсем грубо и совсем коротко сформулировать почему я буду бороться с большевизмом — я могу ответить на этот вопрос несколькими словами: «Потому, что я хорошо знаю большевизм. Да, это самое главное. И буду с ним бороться, ибо да двадцать пять лет я его познал изнутри. Если Москва и дух слыхов передать, что же такое представляет собой большевизм? — то эти два слова будут: «Ложь и жестокость». Да, ложь и жестокость была всегда «генеральной линией» партии большевиков. Все, что и не вспомню на длинной, острой и мучительной жизни моей при со-

ветской власти — во всех двух двадцать пять страшных лет — я всегда обнаруживал ложь и жестокость. На этих двух словах стоило и стоило большевизмская власть. Когда партия и советское правительство сначала одурманяют массы людей, а потом жестоко и хронично наскакивает народ. Так было в самом начале, в 1917 году, так продолжалось и 1945 году. Метод большевиков не изменился.

Раньше они не одурманили нас в 1917 году, когда обещали, что если мы позволим им взять власть, то они никогда дадут нам: мир, землю, свободу и хлеб.

Народ поверил этим лживым подделкам, а они, взяв власть, вместо мира, утопили русский народ во многократной войне гражданской войны, вместо земли дали карательные экспедиции в деревню, расстреляли за невыполнение «сподраверств» и крестьянские «колхозы». Вместо свободы они дали НКВД и концентрационные лагеря. Вместо хлеба — вечную нужду, голод и бесмертные очереди.

На какое большевистское слово ты не наткнулся — везде обнаруживалась ложь и некомпьютерная кровь, насилие и расстрелы. Все, на что натравливал большевизм народ, все за что делались пачки нечистоты и крови — все, только и побоев и деновек вяде, — воскресил Сталин. Вотекку, из большевизма могли могут вестись миллионы «расстрельных», «спиритизма», «расстрельных» и «спиритизма» — и движутся к стенам Кремля с женой: «За что борелась? За что вижу кровь проливала?!» Теперь настало для населения дни Сталина. Тот самый Сталин, который разорвал все храмы, сгинул и лагеря Соловков и Сибирь тысячи священников и сотни тысяч верующих — а один день превращает чуть ли не и патриарха русский церкви.

Уничтожили до тла старую, великую русскую армию и ее волей через двадцать лет — этот убийца русской национальной армии хочет превратиться в строителя всего «Русского». Неужели все мы такие слепые Иудушка-дурочки и ослепать поверили? Нет, нет. И во черт. На сегодня, на завтра, никогда.

Почему я буду бороться с большевизмом?

Потому, что я ему больше не верю.

Потому, что я не хочу поладить со своей семьей. Не хочу жить в казенной коммуналке. Не хочу стоять в очередях. Не хочу жить и жить дрожать от страха и прислушиваться, не кричала ли НКВД. Пусть забьются очереди или меня. И не хочу служить на заводах, где жена прикована, как арестанта, на всю жизнь к одному месту. Я не хочу, чтобы мои братья и друзья гнали в лагеря Колымы и Соловков.

И не хочу, во вид нашей крахоты в стране демонстрация: «Ура великому Сталину!» и в страхе глядеть на расстрелы казенных людей. И не хочу больше, чтобы русский народ миллионами погибал на «сподравах», казенных крепостных пачках, казенными себе «сподравами».

И не хочу, чтобы мое лицо забрызгивали грязью на вид казенных расстрелов НКВД, на которых по русской земле разлетается разжаренный дым.

И не хочу, чтобы моих детей превращали в школы и трудовые подкалужен и «спиритизма» выдержанных неучей.

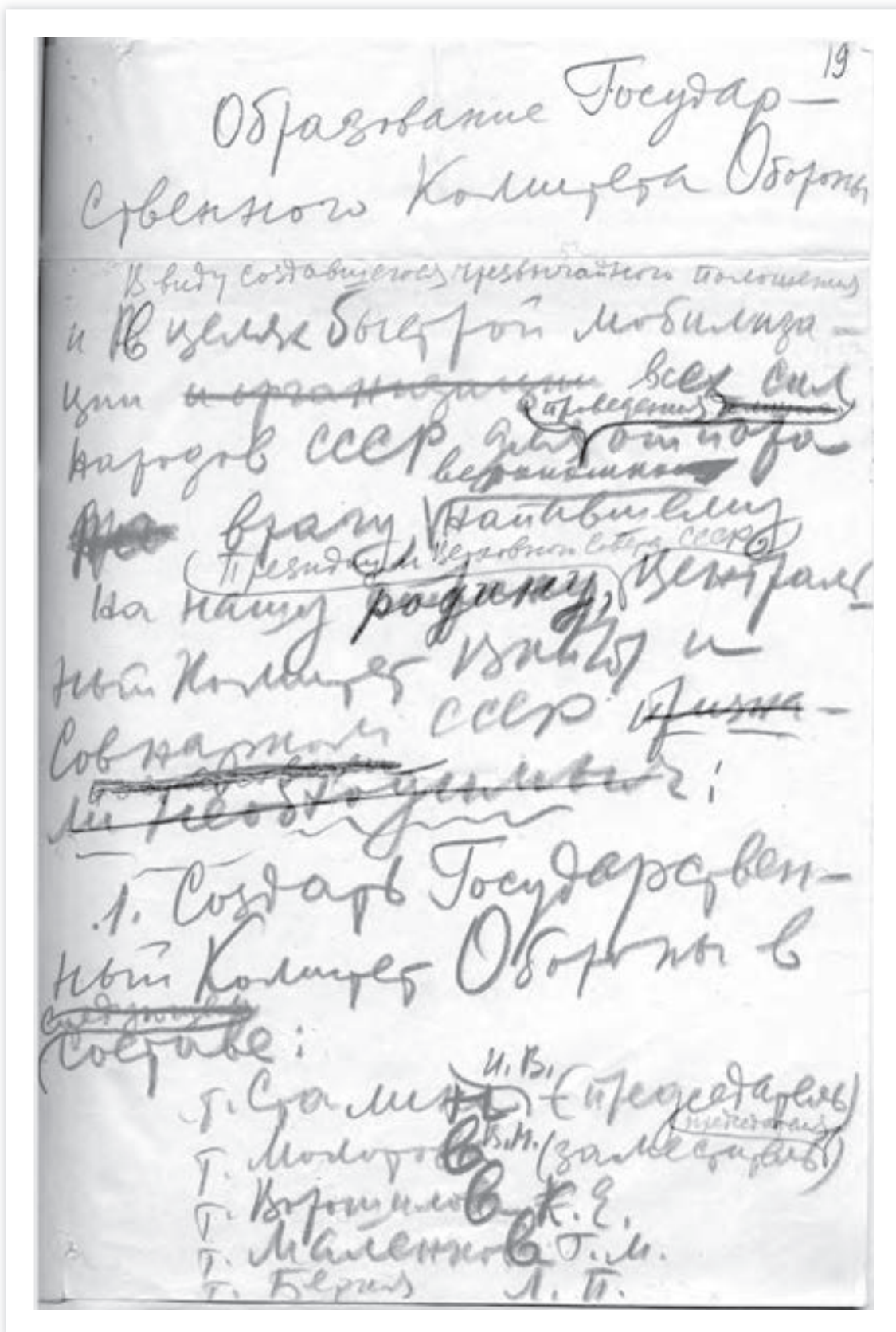
И не хочу вечной нищеты — этого прославляемого «раба голды-дима».

И так, как я не хочу всего этого — я буду бороться с большевизмом до последнего выстоять и моей труду.

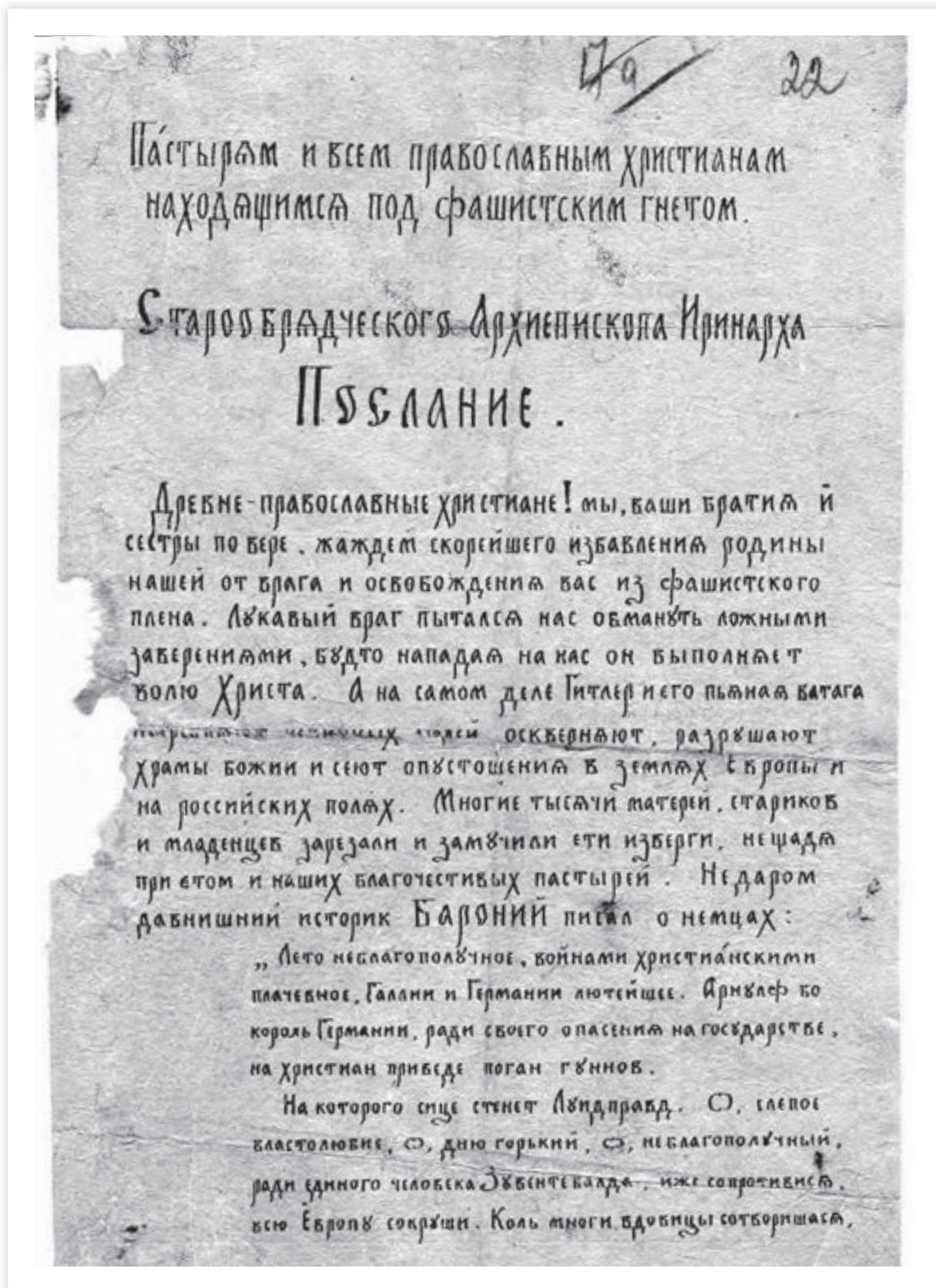
Ф. Шатилов.

слеп

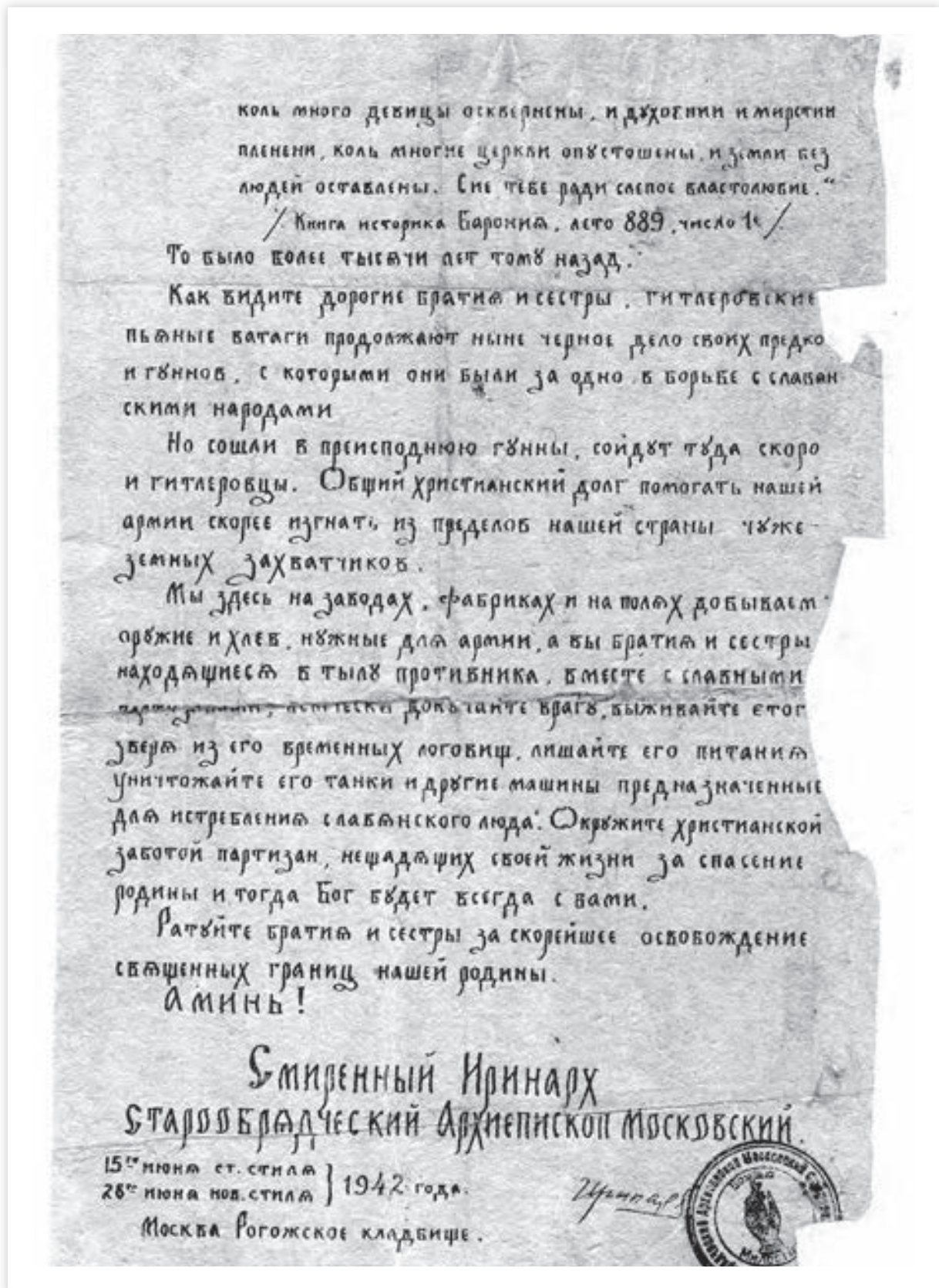
1 e

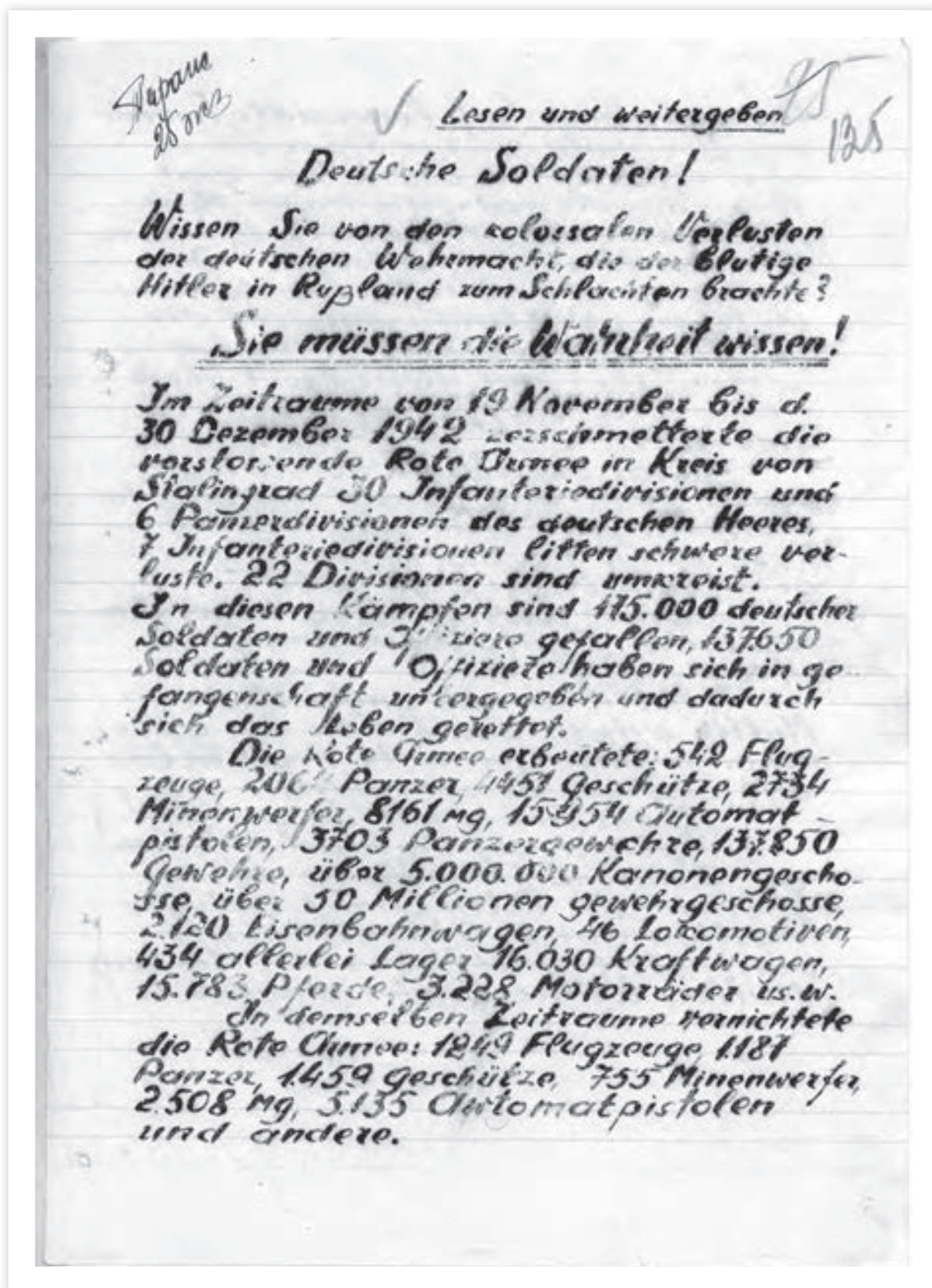
Проект постановления Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б), Совнаркома СССР об образовании Комитета Государственной обороны. 30 июня 1941 г. Рукописный текст — автограф Г. М. Маленкова, правка простым карандашом — И. В. Сталина.

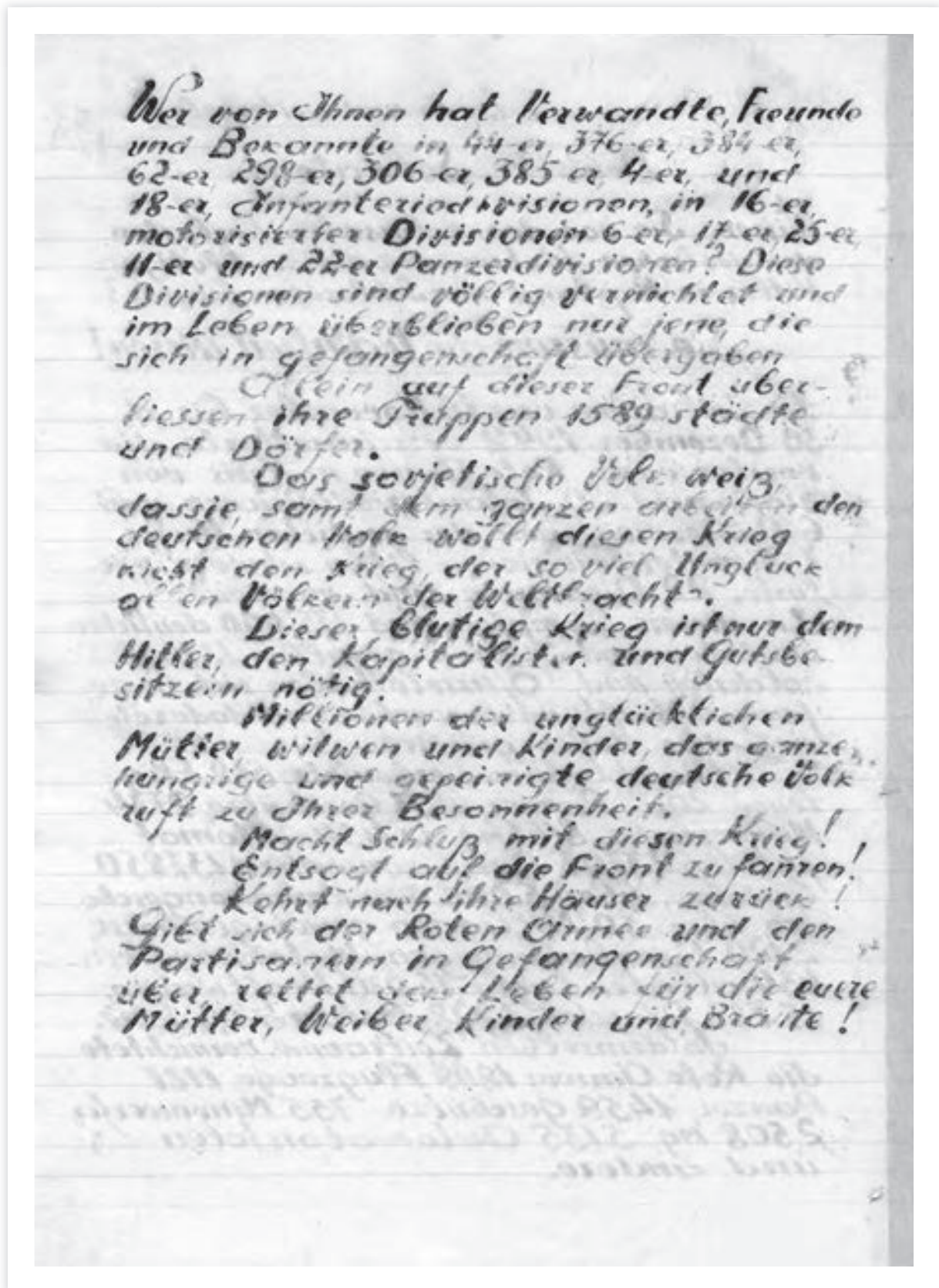
Листовки, изданные в Белоруссии подпольными гражданскими и церковными организациями. 1942 г.

Листовки, изданные в Белоруссии подпольными гражданскими и церковными организациями. 1942 г. Обратная сторона.

Листовки, изданные в Белоруссии подпольными гражданскими и церковными организациями. 1942 г.

Листовки, изданные в Белоруссии подпольными гражданскими и церковными организациями. 1942 г. Обратная сторона.

Фотография. Партизан М. Кабанов закладывает тол для подрыва телеграфного столба.
Ленинградский штаб партизанского движения. Август 1942 г.
Фотограф М. Трахман.

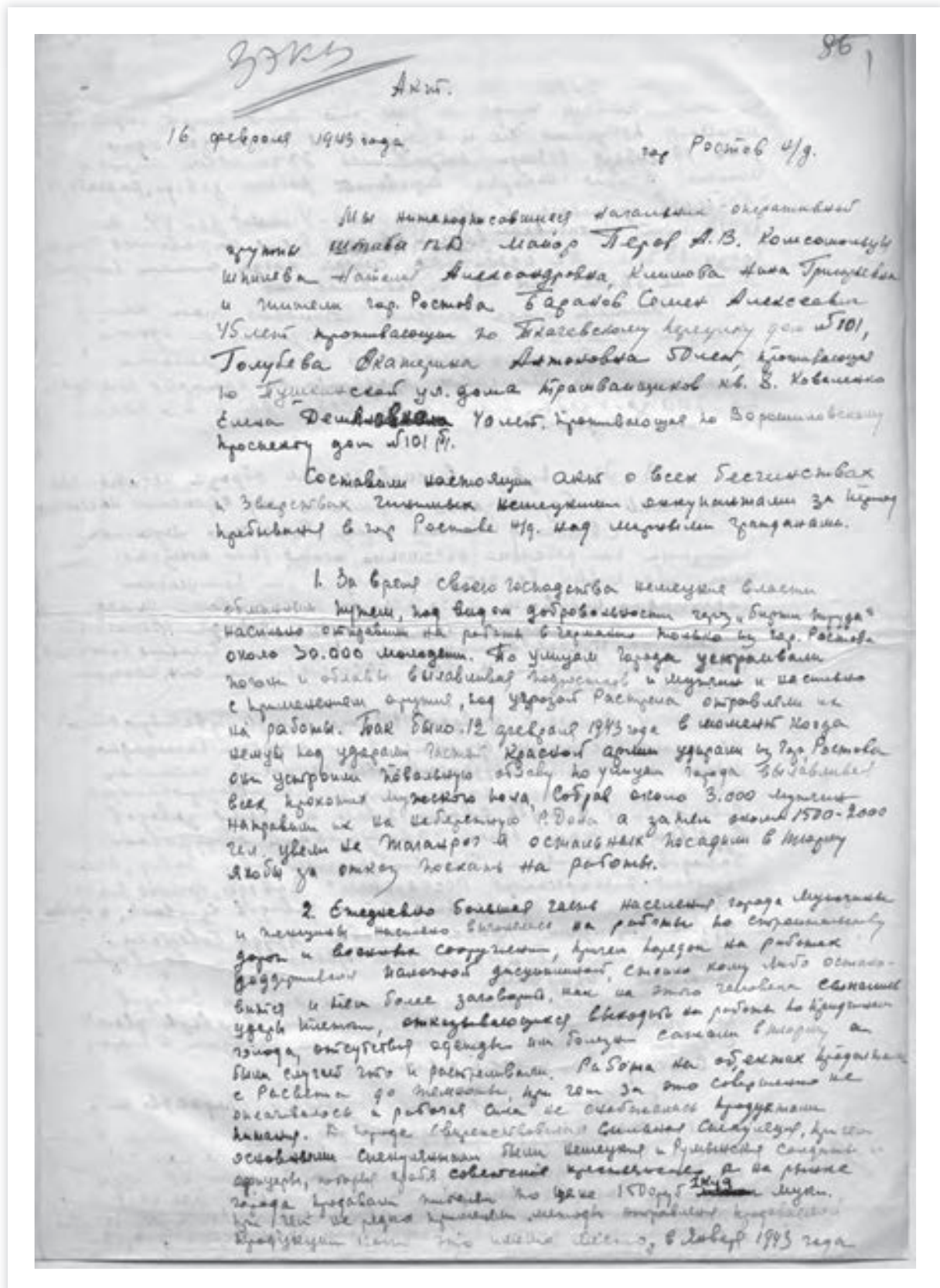
Фотография. В тылу врага. Ленинградская комсомолка Маша Дмитриева.
Ленинградский штаб партизанского движения. Август 1942 г.
Фотограф М. Трахман.

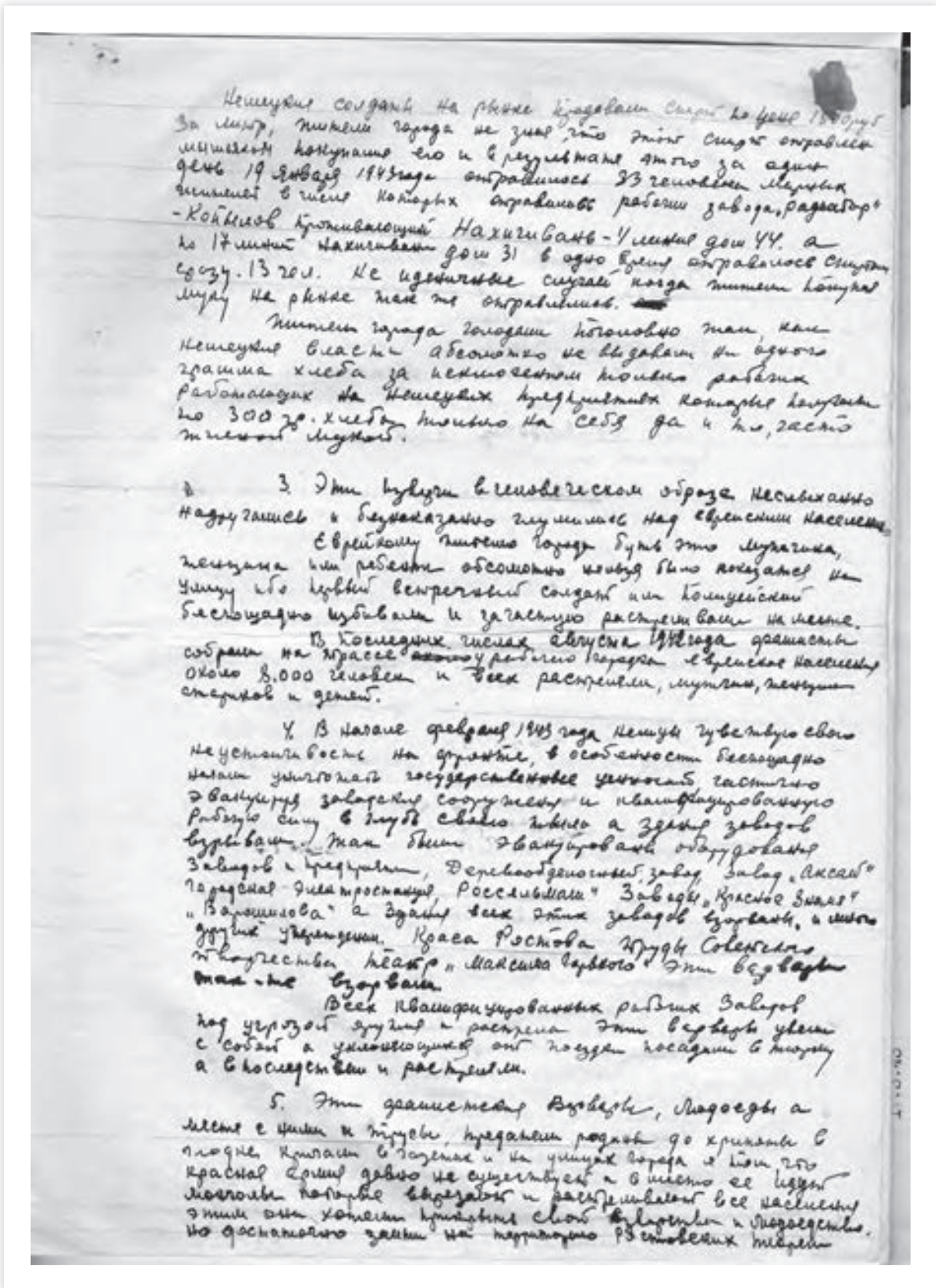
Фотография. Молодой партизан Вася Орлов.
(1928 г.р. Отец и мать убиты немцами).
Ленинградский штаб партизанского
движения. Август 1942 г.
Фотограф М. Трахман.

Фотография. Партизаны выбивают из деревни немецкий карательный отряд.
Ленинградский штаб партизанского движения. Август 1942 г.
Фотограф М. Трахман.

Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков
 на территории г. Ростова-на-Дону.
 16 февраля 1943 г.

Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории г. Ростова-на-Дону. 16 февраля 1943 г. Обратная сторона.

87

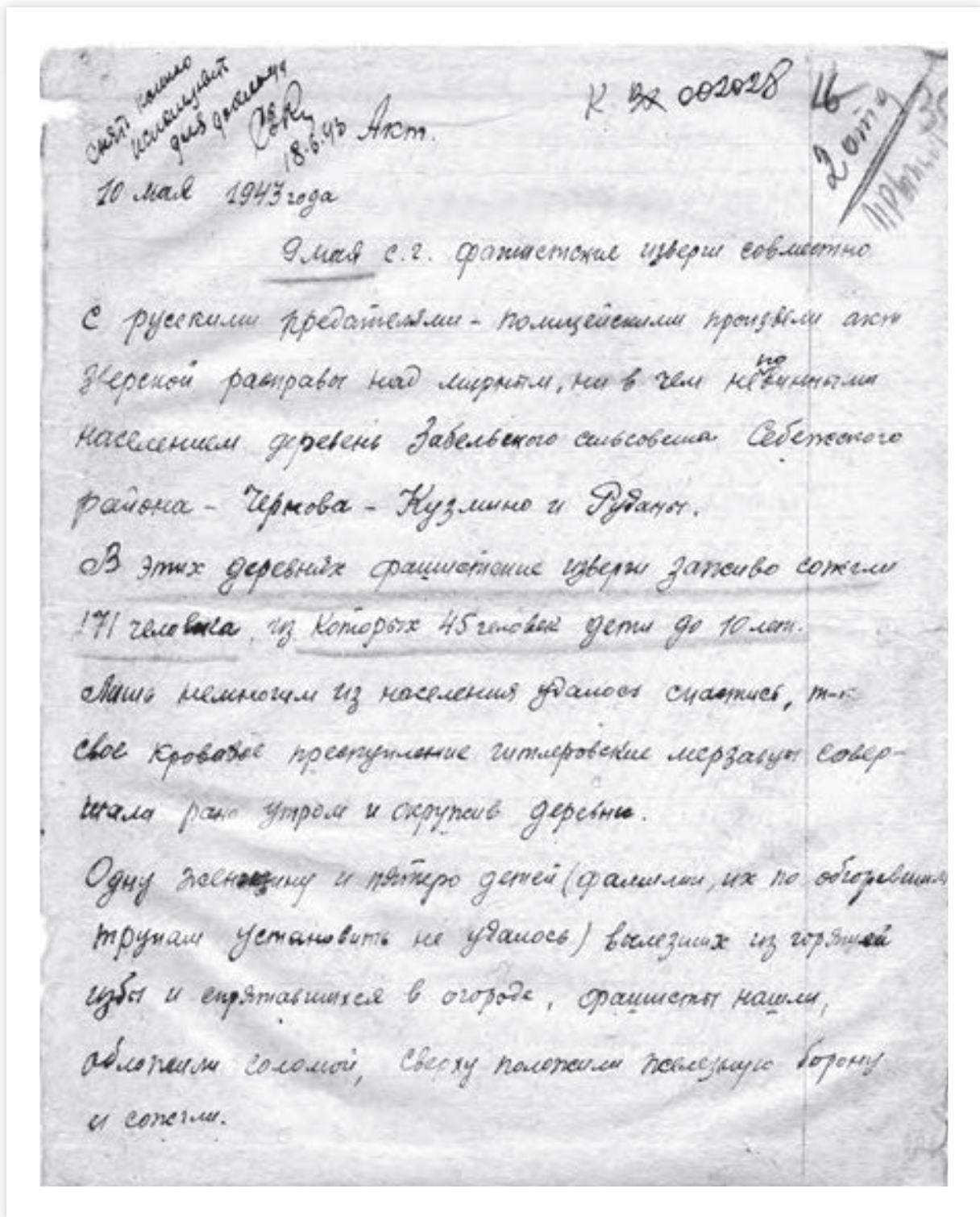
Нижиговскую, Центральную, Работно-Защитную и
 Узбекскую в лагере. Досадно было наблюдать казни
 всех заключенных и безжалостность. За один день в лагере
 во дворах было убито 3.000 русских людей. Ростава в
 лагере работала: Бондарев Иван Павлович - 42 лет председателем
 местного, Барзи Терентий Макаевич - 46 лет директор
 промышленной бригады, Ковалев Федор Елисеевич - 48 лет
 Калашниковым, Баранова Лукья - 46 лет работница
 зав. бригады, Абрамов Артем - 44 лет зав. магазином
 Нижне-Волжского Канала, Понякин Федор - 48 лет работ
 завода, Рагунцов, Родион Васильевич - 48 лет работ
 завода, Рагунцов и много других в лагере которых было около
 2.000 местных коммунистов.
 Когда немцы вернулись из лагеря много трудностей
 случалось во время ухода немцев из лагера, они вывозили с
 собой много вещей для заключенных. При выезде
 немцы вывозили все вещи на завод, на завод
 вывозили завод и все основное имущество в лагере
 и оставили там образы когребно палки на одушевленных
 стенах и колоннах завод Центральная Антонид.

Всем и составлен Настоящим Актом.

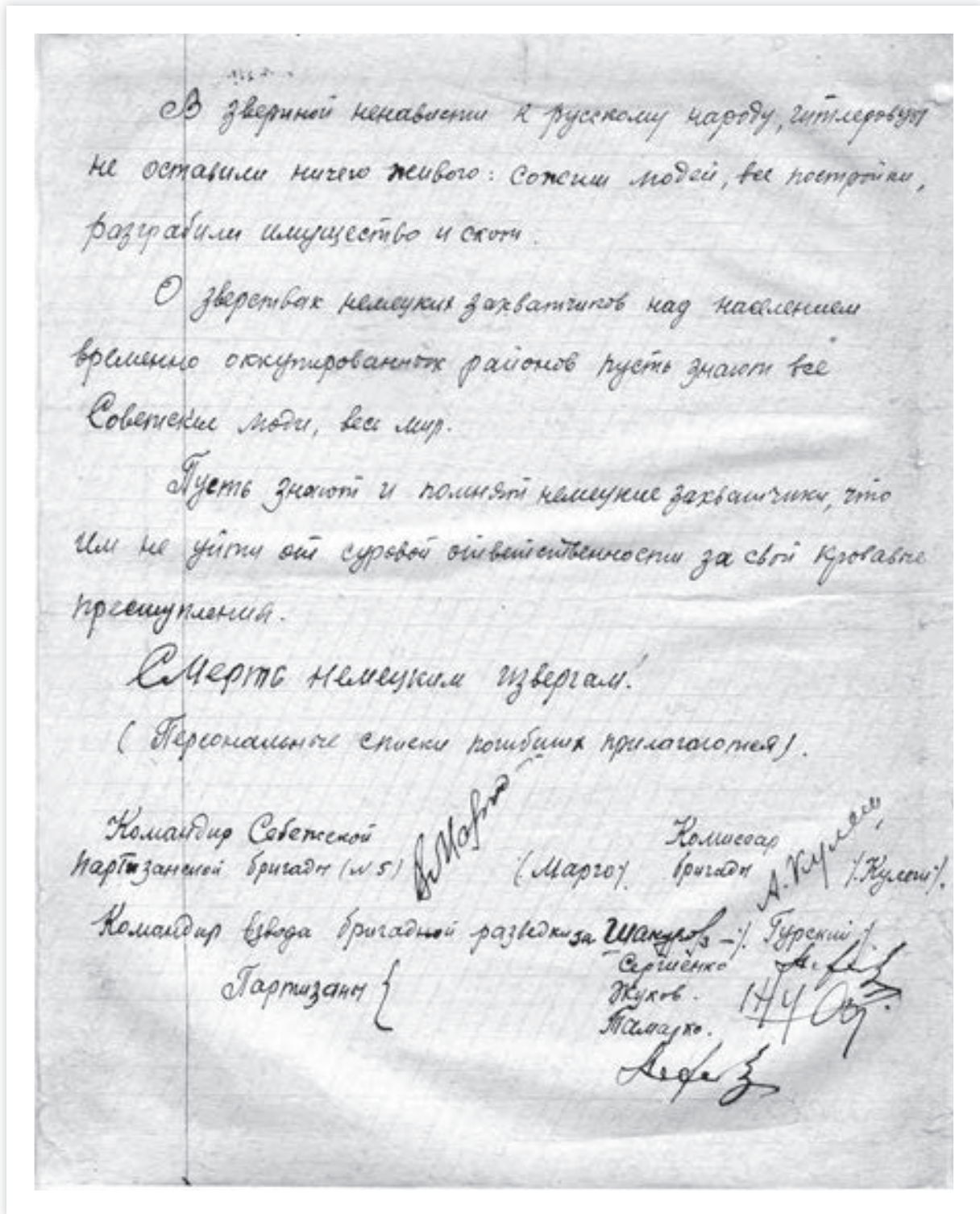
Подпись:

Над. округом Малого А. Керов / Керов /
 Комсомолец / Уманова / Уманова /
 Комсомолец / Ш. Ковалев / Ковалев /
 Председ. зав. завод. / Баранов / Баранов /
 Председ. зав. завод. / Толубова / Толубова /
 / Ковалев / Ковалев /

Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории г. Ростова-на-Дону. 16 февраля 1943 г.

Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Себежского района Калининской области. 1943 г.

Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Себежского района Калининской области. 1943 г.

Памятка партизана, действующего в тылу у врага.

**Товарищи партизаны! В своей борьбе
помните следующее:**

1. Враг, вступивший на землю нашей родины, должен погибнуть на ней.

2. Организуйте отряды в тылу у врага и, укрываясь в леса и болота, наносите врагу неожиданный смертельный удар:

режьте провода,

сжигайте мосты,

разрушайте железно-дорожные пути,

устраивайте крушения поездов,

уничтожайте запасы продовольствия и горючего,

сжигайте склады и магазины,

уничтожайте живую силу врага, особенно офицеров,

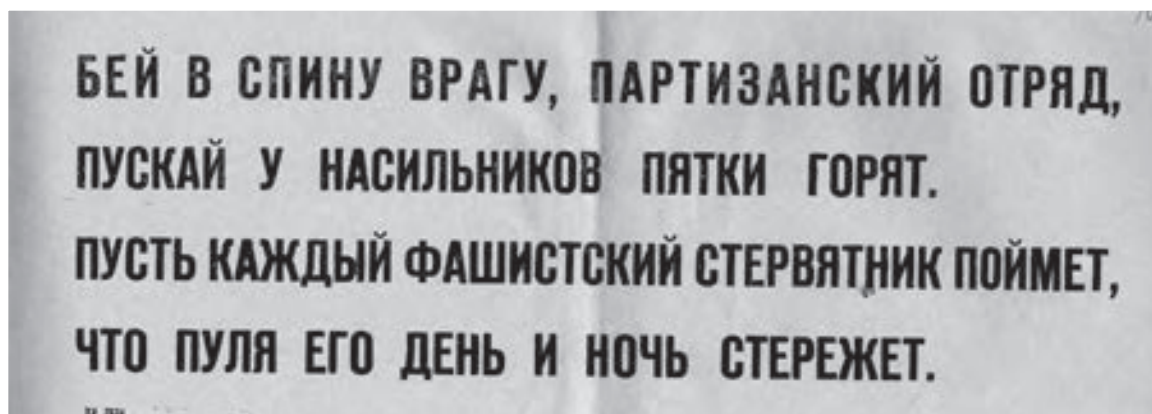
уничтожайте одиночек и небольшие группы,

неожиданно обстреливайте из засады и большие отряды.

3. Сжигайте танки. Верное средство для этого—бутылка с бензином, заткнутая паклей. Зажги паклю, бросай на танк. Еще легче сжечь таким способом автомобиль.

4. Действуйте незаметно, быстро, решительно. В этом залог успеха. С врагами поступайте по-вражески. Пусть почувствует враг, как горит под ним наша земля. Пусть узнает, что нет той силы, которая могла бы покорить наш советский народ.

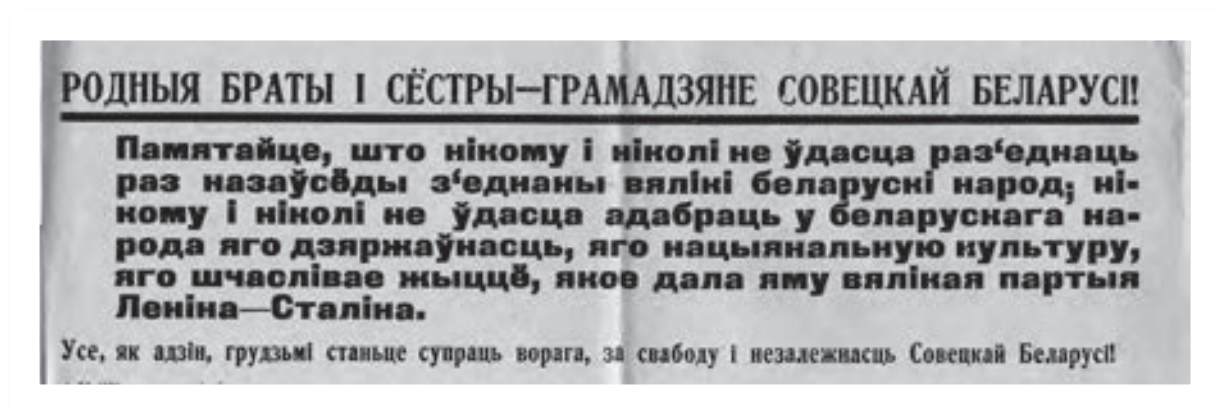
Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника.
1941 г.

Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника. 1941 г.

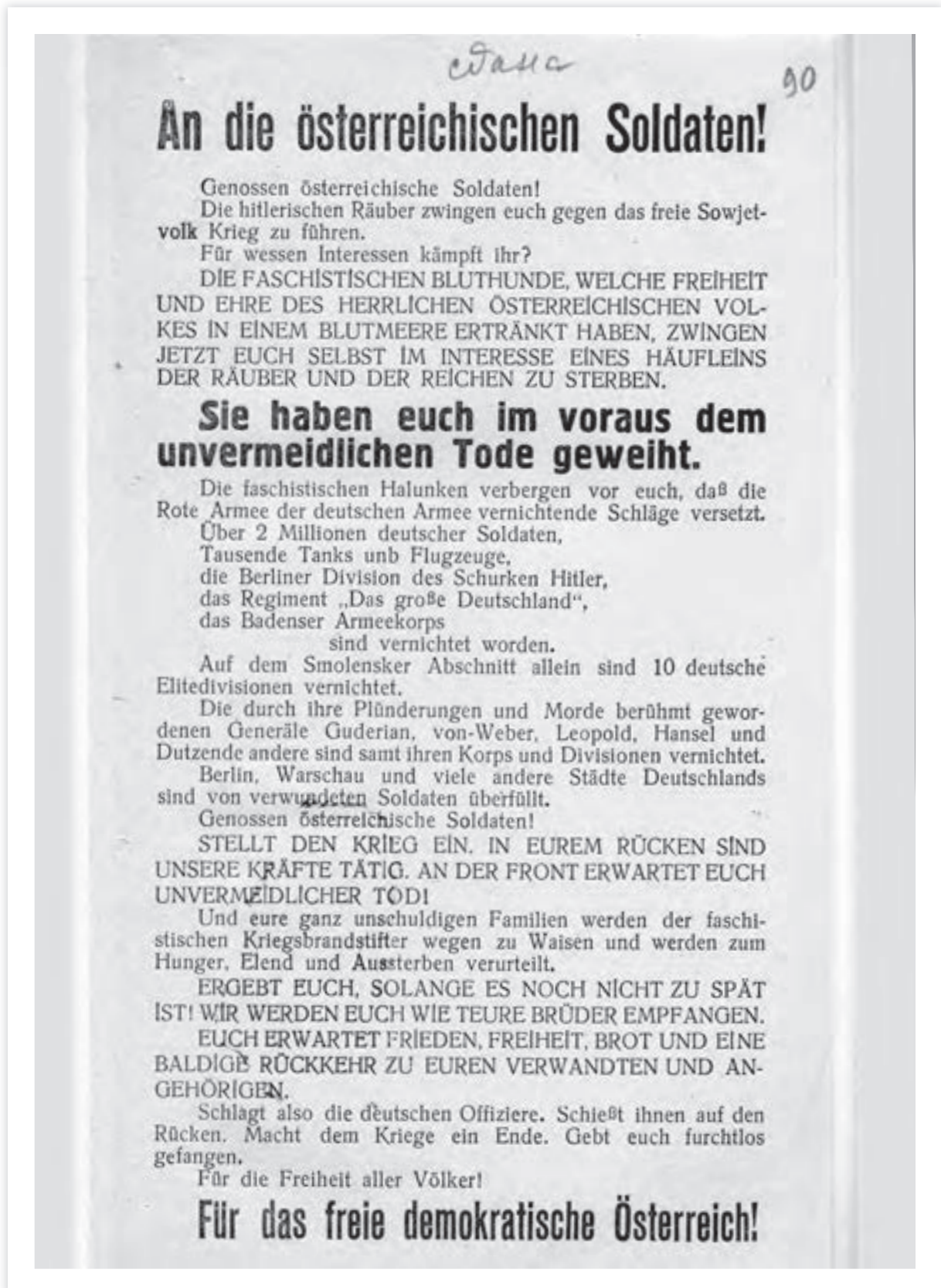
Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника. 1941 г.

Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника.
1941 г.

Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника.
1941 г.

Советские листовки с обращением к населению оккупированной территории СССР и солдатам противника. 1941 г.

**БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
СМИРЕННЫЙ СЕРГИЙ**

**ПРЕОСВЯЩЕННЫМ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ВСЕМ
ВЕРНЫМ ЧАДАМ СВЯТОЙ НАШЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ**

**БЛАГОДАТЬ ВАМ И МИР ОТ БОГА ОТЦА И ГОСПОДА
НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА И СВЯТОГО ДУХА ДА
УМНОЖИТСЯ**

В рождественскую ночь ангел Господень явился вифлеемским пастухам и возвестил им «радость велию» для всего человечества: сегодня в Вифлееме родился всем вам Спаситель — Христос Господь. Идите в Вифлеем и сами будете очевидцами этого события. Но ищите новорожденного младенца Христа не в царских палатах, не в дворцах у богатей, даже не в жилых помещениях. Для Пречистой Девы-Матери Господа с Ее Божественным Младенцем не оказалось «места во обители». Им пришлось приютиться в убогом вертепе, куда на ночь загонялся скот, и «в яслях скотных» Христос-младенец нашел Свою первую колыбель. «Что хуже вертепа? Что смиреннее младенческих пелен?» — поется в рождественской службе. Но в этом крайнем убожестве и в совершенной беззащитности Новорожденного воссияла вся полнота и все бесконечное богатство Христова Божества.

Уже сам этот внешний образ сошествия на землю Спасителя мира говорил, что он пришел к людям не судить их за грехи, накопленные ими за прожитые тысячелетия (Иоан. 3, 17), а чтобы спасти их от этих грехов (Мф. 1, 21). Сын Божий в Своей младенческой беспомощности уже не повелевает грешникам, а, как нищий богатого, «молит: примиритесь с Богом» (2 Кор. 5, 20). Естественно ожидать, что пред таким самоуничтожением Сына Божия смирится человеческая гордость и люди, как сказано в притче, «постыдятся Сына Моего» (Мф. 21, 37). Предвкушая эту великую перемену в человечестве, небесные Силы и воспели «Слава в вышних Богу» за то, что, вместо звериной борьбы между людьми, водворился «на земле мир, в человецех благоволение», взаимное благожелательство, самоотверженное сотрудничество на общее благо.

Однако земная действительность самым грубым образом рассеяла эти светлые ожидания. Ответом на Рождество Христово было не общее примирение людей с Богом, а избивание Иродом 14 тысяч вифлеемских

Записка Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (Г. Г. Карпова) об обращении патриарха Московского Сергия к духовенству и верующим русской православной церкви в СССР и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к верующим временно оккупированных немцами районов Ленинградской области (с приложением обращений). 4 января 1944 г.

24.05

младенцев. Этим беспримерным злодеянием человечество показало, чем оно тогда жило, как глубоко человеческая природа заражена была канцовой заразой и как много было правды в горестном восклицании апостола: «Бедный я человек! Кто мя избавит от сего тела смерти?» (Рим. 7, 24). Но Сын Божий и пришел на землю для такого избавления, для того, чтобы «разрушить дела дьявола» (I Иоан. 3, 8). И самое то, что «Слово плоть бысть и вселися в ны» (Иоан. 1, 17), что Сын Божий родился на земле беззащитным младенцем и обитал с нами, мог прожить среди нас Свою земную жизнь, это самое служит ручательством, что, как бы ни восставали на Церковь Христову «врата адовы, никогда они не одолеют ее» (Мф. 16, 18). Временами тьма как будто торжествует над светом. Так могло казаться, например, современникам Ирода при избииении вифлеемских младенцев. Так, вероятно, думали и противники Христовы при Голгофе... Но в конечном итоге всегда исполняется пророчество Христово апостолам: «В мире скорбни будете, но держайте, яко Аз победих мир» (Иоан. 16, 33).

То же и с фашизмом. На наших глазах фашизм выступил с великими претензиями против христианства. Смотрел на него сверху вниз, представляя его уже поверженным во прах. Поспешил даже на своем знамени заменить Христов крест языческой свастикой. Но вот прошли годы дикого фашистского неистовства над мирными народами в Европе и некоторых областях нашей страны, оккупированных немцами. И теперь для всех очевидно, что немцам уже не победить нашей Красной Армии; следовательно, не выиграть им и этой войны, ими же навязанной человечеству, а это дает нам уверенность, что и после войны судьбой человечества будут распоряжаться не фашисты с их маньер деспотического господства над народами. Они и сами окажутся в распоряжении держав-победительниц, которые включили в программу своей послевоенной деятельности упомянутые выше светлые надежды, принесенные человечеству новорожденным в Вифлееме младенцем Христом.

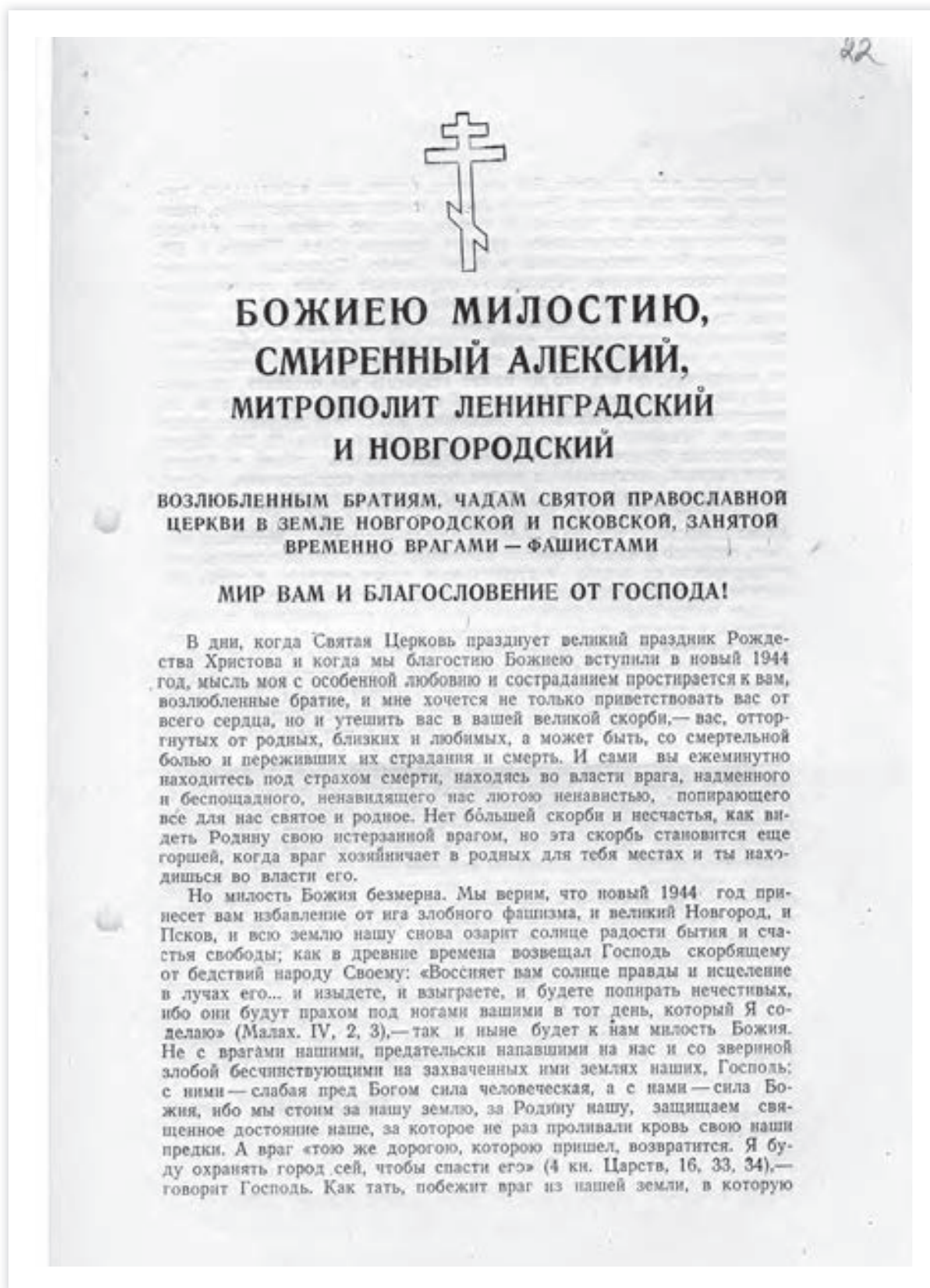
Присоединим же и мы свои грешные голоса к победному хору святых небесных Сил: «Слава в вышних Богу во веки!» Да увенчает Господь конечной победой доблестные подвиги наших воинов с их Вождем во главе, а после войны да утвердит Своею всеильною десницею на земле незабываемый мир и всеобщее благоволение в человецех, при искренней самоотверженной готовности каждого работать на общее благо.

— Благословение Господне да сндет на всех вас. Аминь

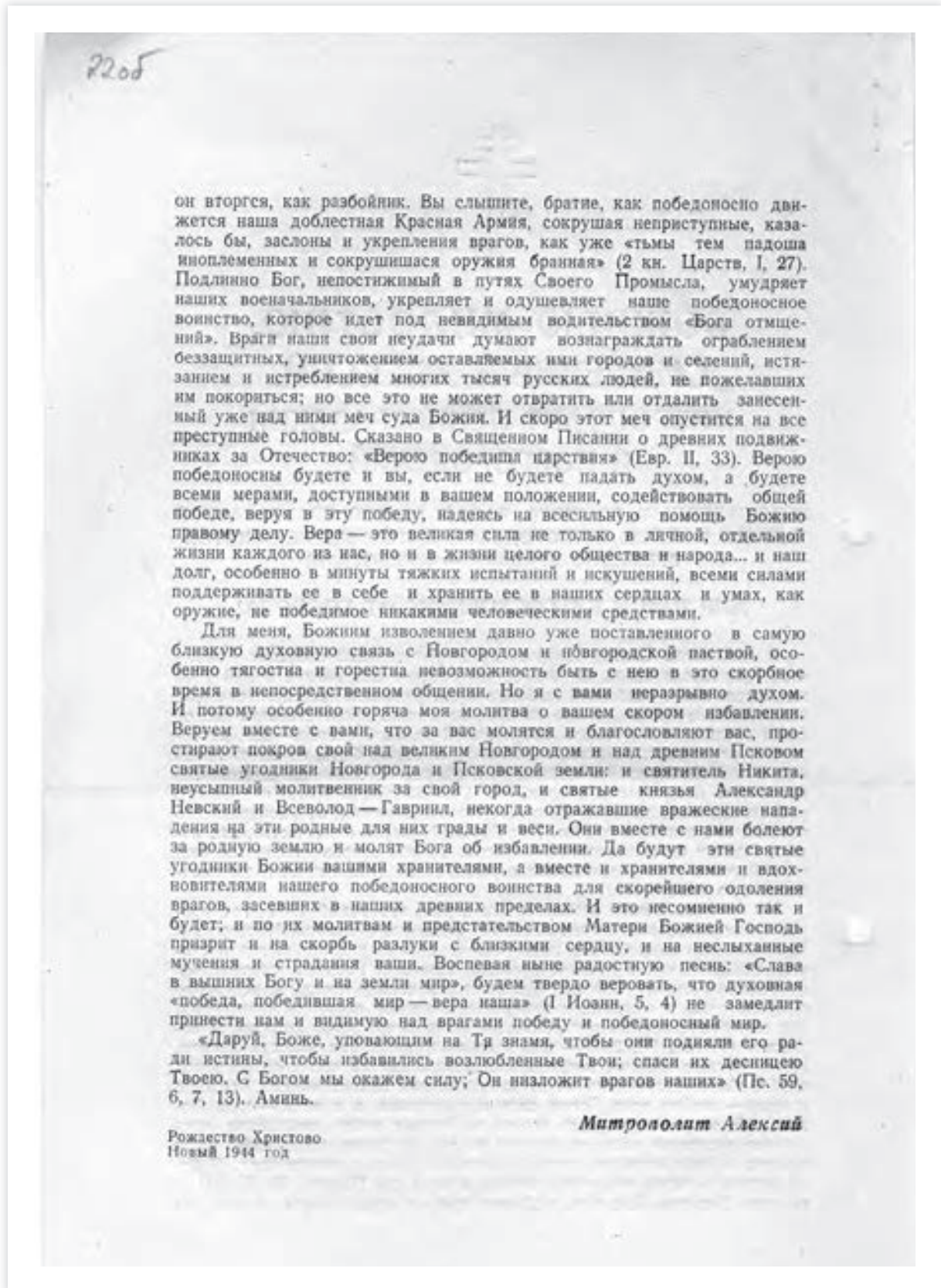
*Сергий, Патриарх
Московский и всея Руси*

День Рождества Христова

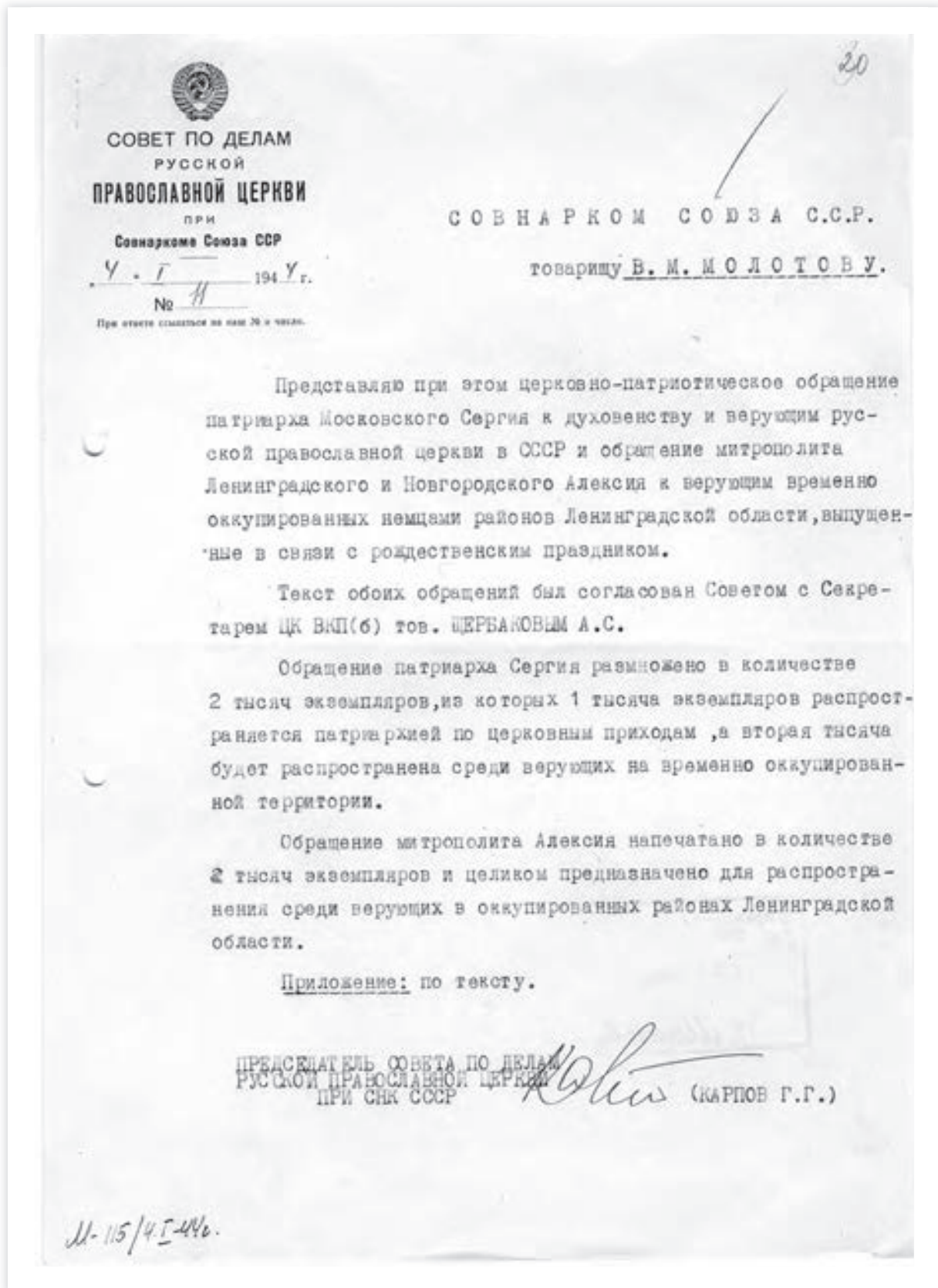
Записка Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (Г. Г. Карпова) об обращении патриарха Московского Сергия к духовенству и верующим русской православной церкви в СССР и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к верующим временно оккупированных немцами районов Ленинградской области (с приложением обращений). 4 января 1944 г. Обратная сторона.

Записка Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (Г. Г. Карпова) об обращениях патриарха Московского Сергия к духовенству и верующим русской православной церкви в СССР и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к верующим временно оккупированных немцами районов Ленинградской области (с приложением обращений). 4 января 1944 г.

Записка Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (Г. Г. Карпова) об обращениях патриарха Московского Сергия к духовенству и верующим русской православной церкви в СССР и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексея к верующим временно оккупированных немцами районов Ленинградской области (с приложением обращений). 4 января 1944 г. Обратная сторона.

Записка Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР (Г. Г. Карпова) об обращениях патриарха Московского Сергия к духовенству и верующим русской православной церкви в СССР и митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к верующим временно оккупированных немцами районов Ленинградской области (с приложением обращений). 4 января 1944 г.

8

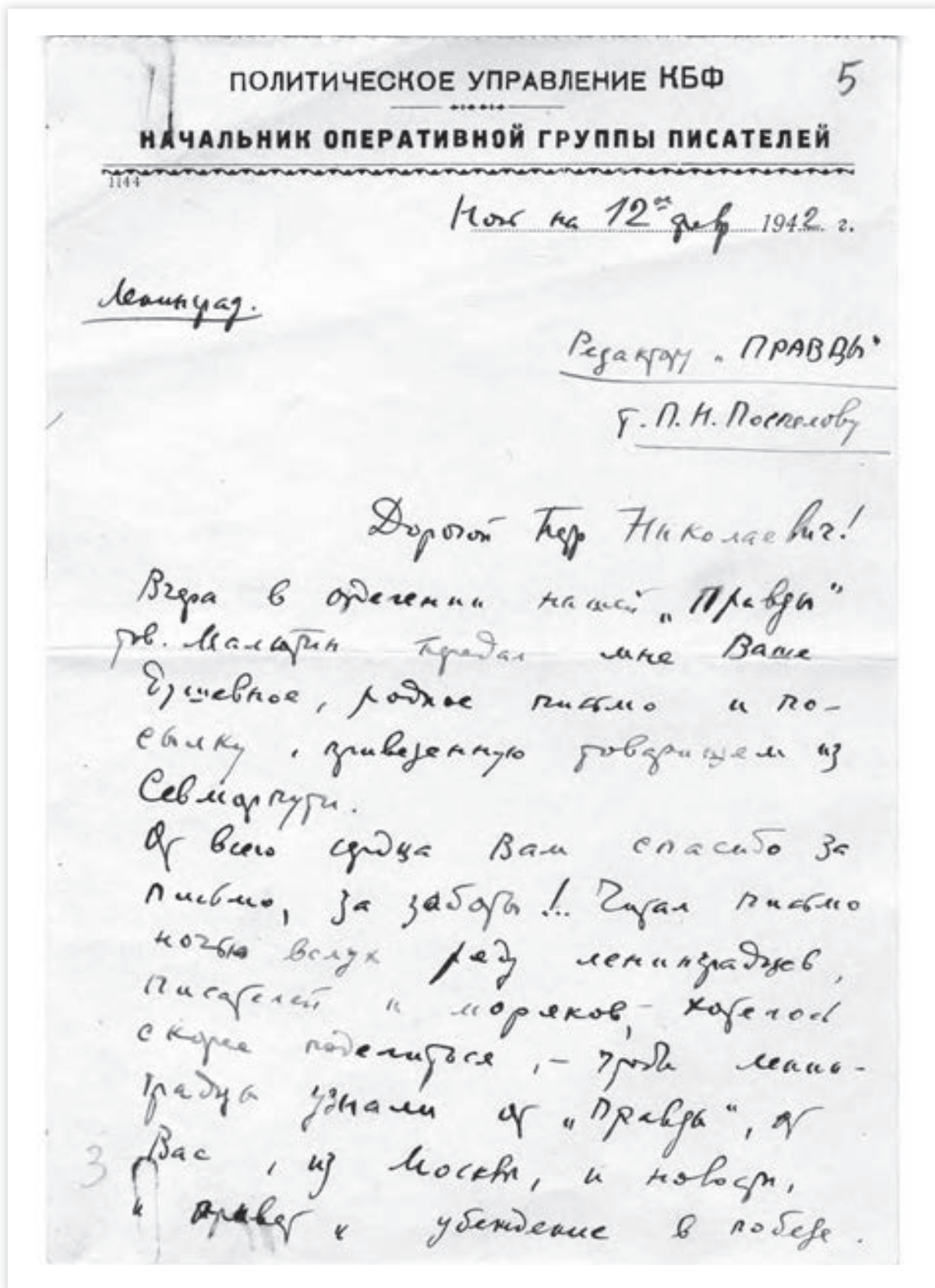
ВЗНОСЫ В ФОНД ОБОРОНЫ ОТ ВЕРУЮЩИХ И ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ

1. Архиепископ Кировский Вениамин	- 10.000 руб.
2. Серафимовская церковь /г.Киров/	= 50.000 "
3. Муфтий центр. духов.Упр.Расулев	= 50.000 "
4. Рудне - Никитская церковь /Моск.обл./	7.800 "
5. Грузинский Католикос Каллистрат	- 85.000 "
6. Архиепископ Горьковский Сергей	- 3.500.000 руб.
7. Настоятель Блоховского Собора /Москва/	- 100.000 руб.
8. Блоховский собор	- 300.000 "
9. Московская патриархия	- 100.000 "
10. Протоиерей Архангельский /г.Горький/	- 200.000 "
11. Верующие г. Горького	- 2.500.000 руб.
12. Священник Троицкий /Молотов.обл./	- 130.000 руб.
13. Священник Стефанов /г.Ижевск/	- 273.000 "
14. Протоиерей Михайлов /Пенз.обл./	- 115.000 "
15. Церковная община г.Кузнецка /Пенз.обл/	- 250.000 "
16. Митрополит Алекс.Введенский	- 500.000 "
17. Председатель Моск.Еврейск.общины Чобруцкий	- 50.000 рубл.
18. Ленинградская Епархия	- 3.700.000 руб.
19. Эчмиадзинский католикосат	850.000 руб.
15.000 долларов и 1000 англ. фунтов стерлингов	
20. Верующие Москвы	- 2.000.000 руб.
21. Верующие г.Куйбышева	- 650.000 "

Всего 850 000

По карткам Саварский.

Сведения о взносах в Фонд обороны от верующих и церковнослужителей. 1943 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ

6

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ

1144

2)

194... 2.

Впечатительно воспринимали все это писатели. Ленинградцы как раз в изредка поре: не келье уцелев карабли, на дрово, (за Кировским заводом и др) боевые фатки, разведки; драки на льду; Кронштадт истребляет немецких автоматов. (Скучились, даю, коготю... "не ходи по братским местам!")

Сейчас многое решается для Ленинграда. Действуем в полную меру.

Скоро полтора осады... И как да брат ни пугался сложившегося ленинградцев, какие да "дикие" абсурды ни устраивал, — ничего не выйдет! Боремся с голодом, усиливаем заготовки топлива; морские воссоединения вооружения; дадим городу тем. вою; ледовая дорога ("дорога жизни") потянется

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ

7

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ

1144

3

194 г.

Подвоз и ежедневка даёт 120-135%
 планов. Дорогу прокладывает морем! /
 население мерзнет, волей нево-
 левной, афосевае шутку, юмор, смех...
 Зисгар протарь, скредт, удрают
 смет... Должен быть порядок! Марш с
 восточной, земледелия мучали... (Па-
 лада без овощей, мяса, жиров, сахара...
 Афанасьев из организации все резервы. Оус-
 лавь гильда русская, большевистская
 воля, неопределённая, скромная упор-
 сть... ~~Она~~ Она завела подлинников
 на кострах; муреников. полицарства,
 царств России... / На себе, на соло-
 каш гонят забурские грузы. Славят
 на 400⁰⁰ морозе без касок, без ин-
 струментов 12-дюймовые орудия; строят
 без зуржент нов. корабли / сами мо-
 реки; приказ Г. Сталина орд. Арло...
 даёт 200-300% корабль... Холодные
 ипога трое "добавки" (соль и мука)
 Пароли трихарт: на тов. комиссар,
 афанасьев, а по подумает, зо поларко.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ

8

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ

1144

4)

194 г.

Меральное не в порядке... Справу ^{РККА} фронт,
 (по дележке ^{идею} только машинками)... без
 срез харонет умерших... Их очень
 много... Внимает союз писателей; - умирают
 эпически - проза, шматт придет рафинэ,
 великому своему городу...
 Мир не знает "союз" доли
 это, по происхождению в Ленинграде.
 И с лица духа своею мода
 много скажет Ленинград союзни-
 кам за морями, этим негоропли-
 вам, скупко-распределителю мифам... - Ш.Б.
 - в разлуке слов Гов Швертикака - Ган
 происходила да обит Ленинградские
 военных чехов, где даны про-
 дукцию - под огнем гуде-медики,
 в холоде, холодные и зносно-
 работающие русские рабочие
 инженерии... О, как я хотел бы
 дабы в эту же "Таймас" и "Нико-
 Марк Таймас" готные ордит, как
 рабуют в Ленинграде. Дабы эту же

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ

12

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПИСАТЕЛЕЙ

1144

разно / это у нас главн. в. и индивидуализм ^{194 г.}
— огромное дело. — Говорил Писа, ^{роств.} Говорил
мож. а. б. с. ... Како даж мого
и Ленинград. Очень прошу...

Дорогой Г. Михайлович
" В. Савельев
спасибо!

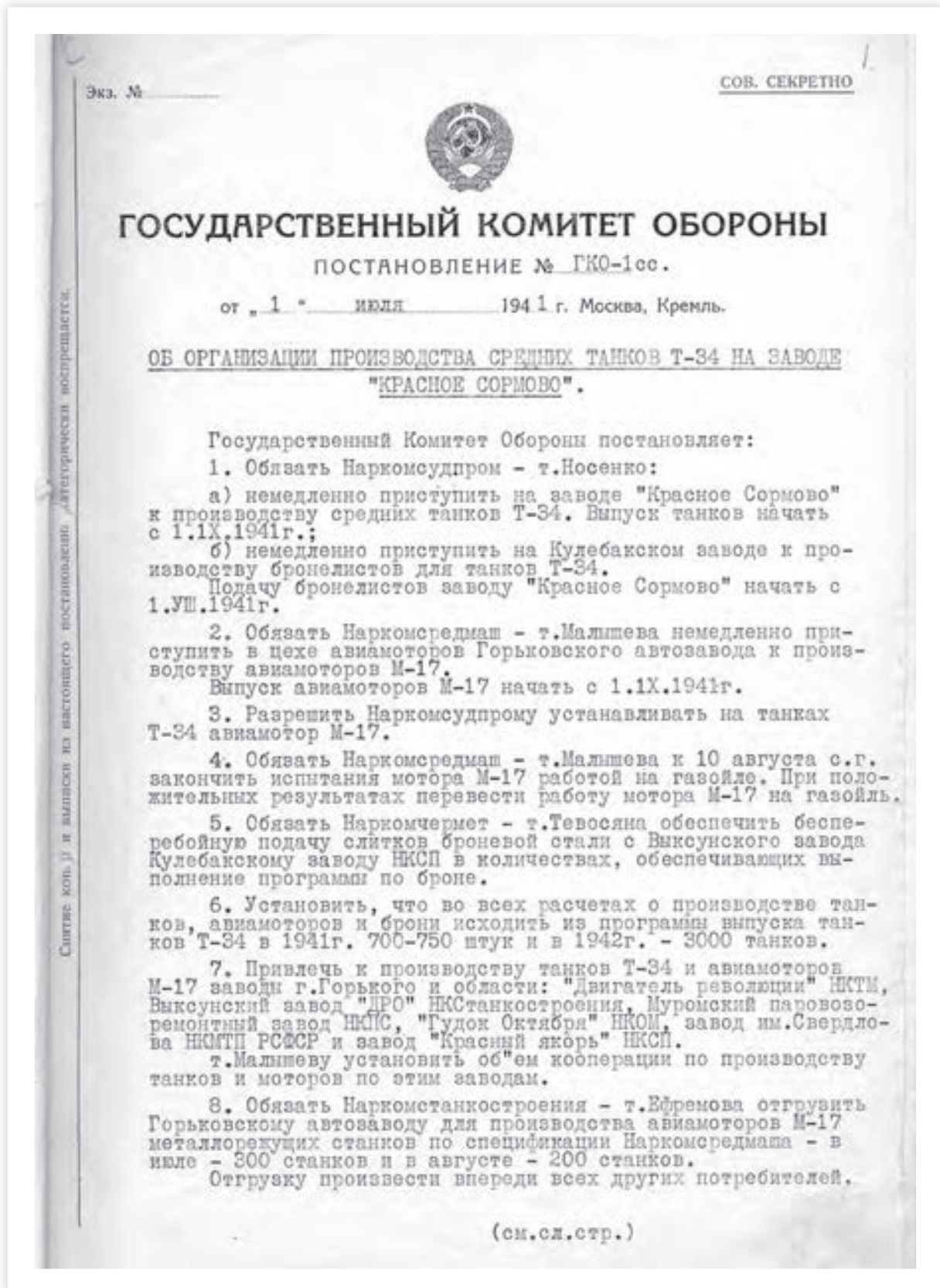
Служи из делами Союза Сов. Пи-
сателей... Жизнь делая естеств. оубор,
пробудку...

М. Соболев, ^{из Ленинграда} нагр, уехал в абуфе, видимо
заключившись. / Кетан, наверно, — как да
заменил удалевшего мореко, мушкину,
стала ^{председатель} В. М. Икбар... — Уо-го поф Миди
когда вернулись... ^{Они} Мне хочется побуд
в Председатели... ^{«Они»} А я хочу даж в Ленин-
граде... —

Исрине да, полагаю, ^{везде} в сфено-
граммы 2^ю звезда Сов. писателей...

Но до сих дней — еще хважу
дел, боев... — Прошу Вас помочь Г. Н.
Михайловскому ^{в деле издания наших Архивов.}
Журно по Вашему 196

Ваш А. В. Шневерт

Постановление ГКО № 1.1 июля 1941 г.

Об организации производства средних танков Т-34 на заводе «Красное Сормово».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-10

от 4 июля 1941 г. Москва, Кремль.

НЕ ОПУБЛИКОВЫВАТЬ.

О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения.

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области, Государственный Комитет Обороня постановляет:

1. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области - 70 тысяч человек.

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе т. т. Соколова - Секретари МК ВКП(б), Яковлева - секретаря МК ВКП(б), Пегова - секретаря МК и МК ВЛКСМ, Филиппова - начальника Управления Продовольственных товаров Горторготдела, Онуфриенко - Комбрига и Престова - подполковника.

II. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию Штаба МВО в дивизии гор. Москвы.

III. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создает запасный полк, из состава которого идет пополнение на убыль.

IV. Для руководства работой по мобилизации трудящихся дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов: райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

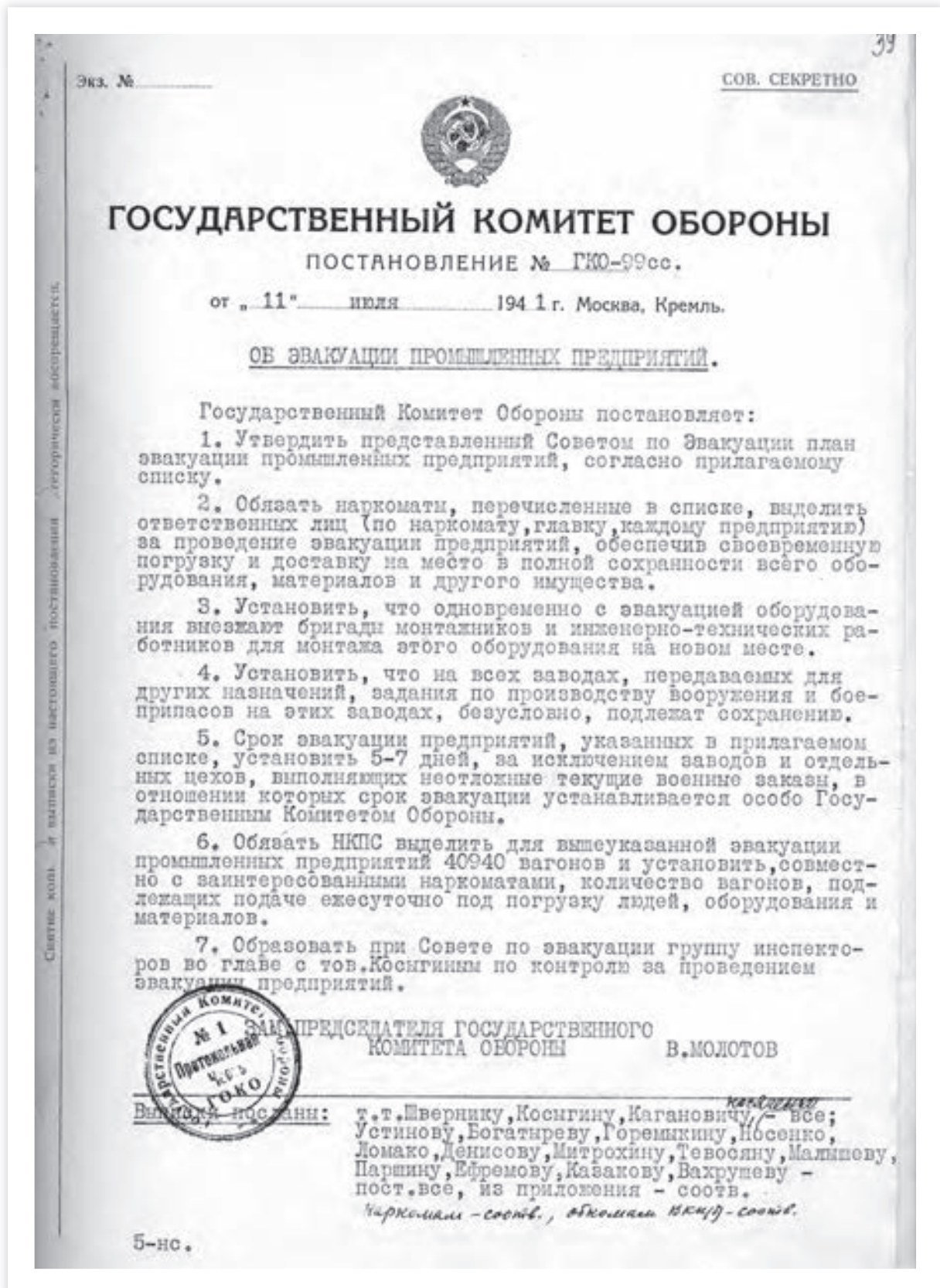
Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

V. Формирование дивизий производится за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военно-обязанные 1-ой категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов Наркомавиапрома, Наркомата Вооружения, Наркомата Боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по

(см. сл. стр.)

Постановление ГКО № 10. 4 июля 1941 г.

О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения.

Постановление ГКО №99.

11 июля 1941 г.

Об эвакуации промышленных предприятий.

Постановление ГКО №326. 29 июля 1941 г. О денежном обеспечении личного состава партизанских отрядов.

Постановление ГКО № 4504. 6 ноября 1943 г. О тяжелой самоходной артиллерийской установке.

Подлежит возврату в Секретариат
ГКО (В часть)

СОВ. СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-876сс

от 9 ноября 1941 г. Москва, Кремль.

О ВОССТАНОВЛЕНИИ ТАНКОВЫХ ЗАВОДОВ, ЭВАКУИРОВАННЫХ ИЗ ХАРЬКОВА, МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА.

Государственный Комитет Обороня постановляет:

1. Обязать Наркомтанкопром т. Малышева восстановить танковые заводы на Волге и Урале в следующие сроки:

Наименование изделия	Наименование завода	Срок ус- тановки оборудо- вания	Начало выпуска изделий	План на декабрь	Срок восста- новления прежнего еже- дневного уровня произ- водства.
Танки "КВ"	Кировский з-д (ЧТЗ)	-	ноябрь - 220 шт.	280 шт.	30.XI-10 шт.
Бронекорпуса танков "КВ"	Ижорский з-д (Уралмашзавод)	-	ноябрь- 200 шт.	280 шт.	30.XI-10 шт.
Танки "Т-34"	№ 183 (Уралва- гонзавод)	15.XII	ноябрь- 20 шт.	100 шт.	15.1-42г. - 10 шт.
Танки "Т-50"	№ 174 (ИВРЗ Чкалов)	1.XII	ноябрь- 5 шт.	25 шт.	1.П-42г. - 4-5 шт.
Бронекорпуса танков "Т-50"	Ижорский з-д (ВРЗ Саратов)	1.XII	ноябрь - 10 шт.	25 шт.	1.П-42г. - 4-5 шт.
Танки "Т-60"	ХТЗ (№ 264)	1.XII	ноябрь- 30 шт.	150 шт.	15.1-42г. - 10 шт.
Танки "Т-60"	№ 37 (ВРЗ Свердловск)	20.1- 1942г.	ноябрь- 10 шт.	150 шт.	1.П-42г. - 10-12 шт.
Бронекорпуса танков "Т-60"	Подольский з-д (з-д "Метал- лист" Сверд- ловск)	20.1- 1942г.	ноябрь- 50 шт.	200 шт.	15.1-42г. - 12 шт.
Дизель-мото- ры В-2	№ 75 (ЧТЗ)	15.XII	ноябрь- 150 шт.	350 шт.	20.1-42г. 22 шт.

2. Обязать Наркомтанкопром т. Малышева обеспечить к моменту запуска оборудования подготовку необходимого количества квалифи- цированных рабочих.

(см. сл. стр.)

Постановление ГКО № 876. 9 ноября 1941 г. О восстановлении танковых заводов, эвакуированных из Харькова, Москвы и Ленинграда.

- 2 -

3. Обязать Госплан т.Сабурова в 5-дневный срок выделить Наркомтанкопрому котлы (из числа эвакуированных) для электростанции завода № 174 в г.Чкалове.

4. Поручить т.Малышеву и Свердловскому обкому партии тов.Андреанову в 5-дневный срок обеспечить выделение 10.000 кв.мтр. дополнительной производственной площади для размещения заводов № 37 и "КИМ".

5. Обязать ГУГВФ т.Молокова к 10 ноября 1941 г. прикрепить к Наркомтанкопрому 2 самолета "Дуглас" для постоянной работы по перевозке грузов для танковых заводов.

6. Возложить контроль за выполнением настоящего постановления на Наркомат Госконтроля т.Попова.

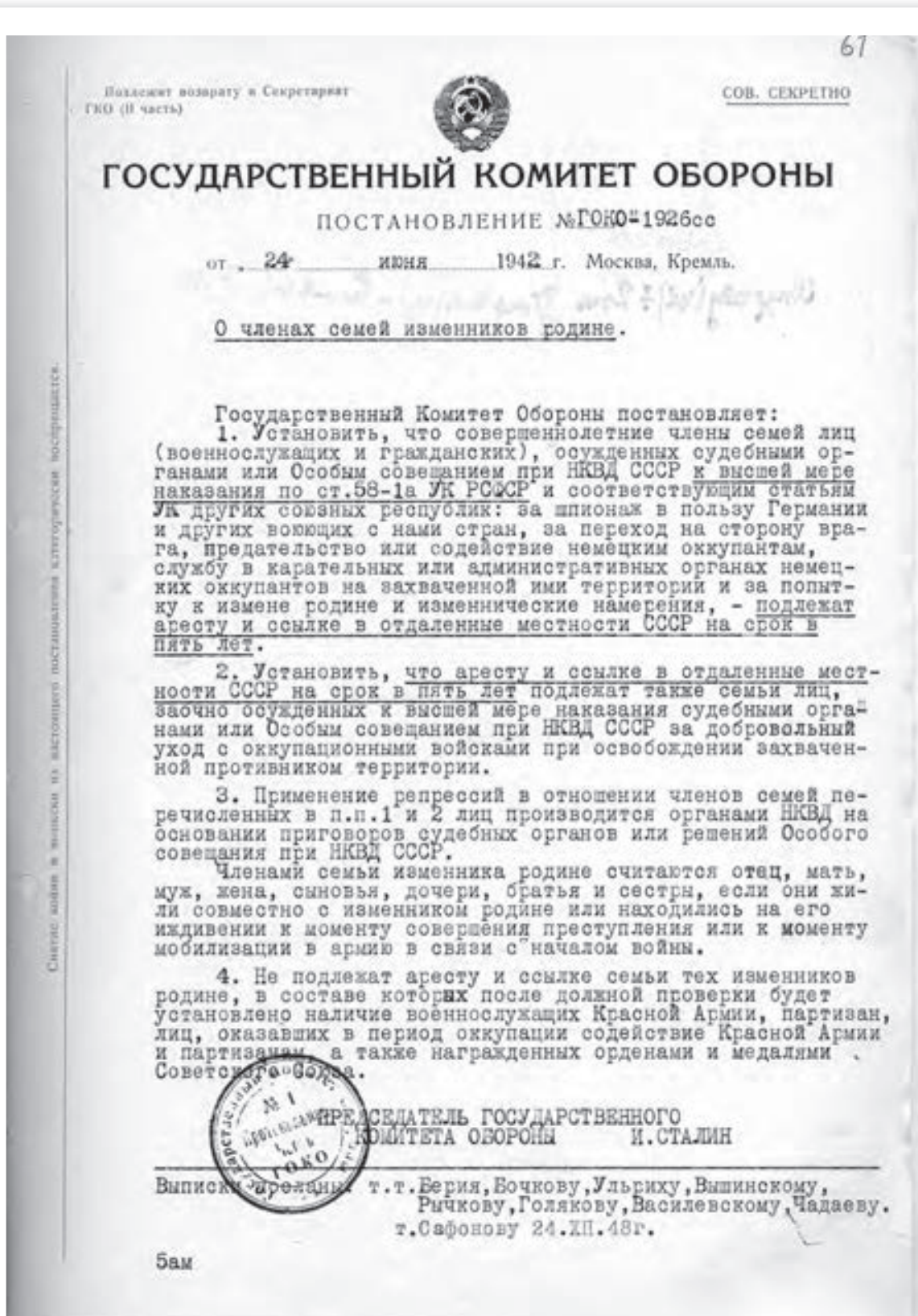
7. Обязать Наркомтанкопром т.Малышева представлять в Совнарком СССР один раз в пятидневку отчет о ходе восстановления танковых заводов.

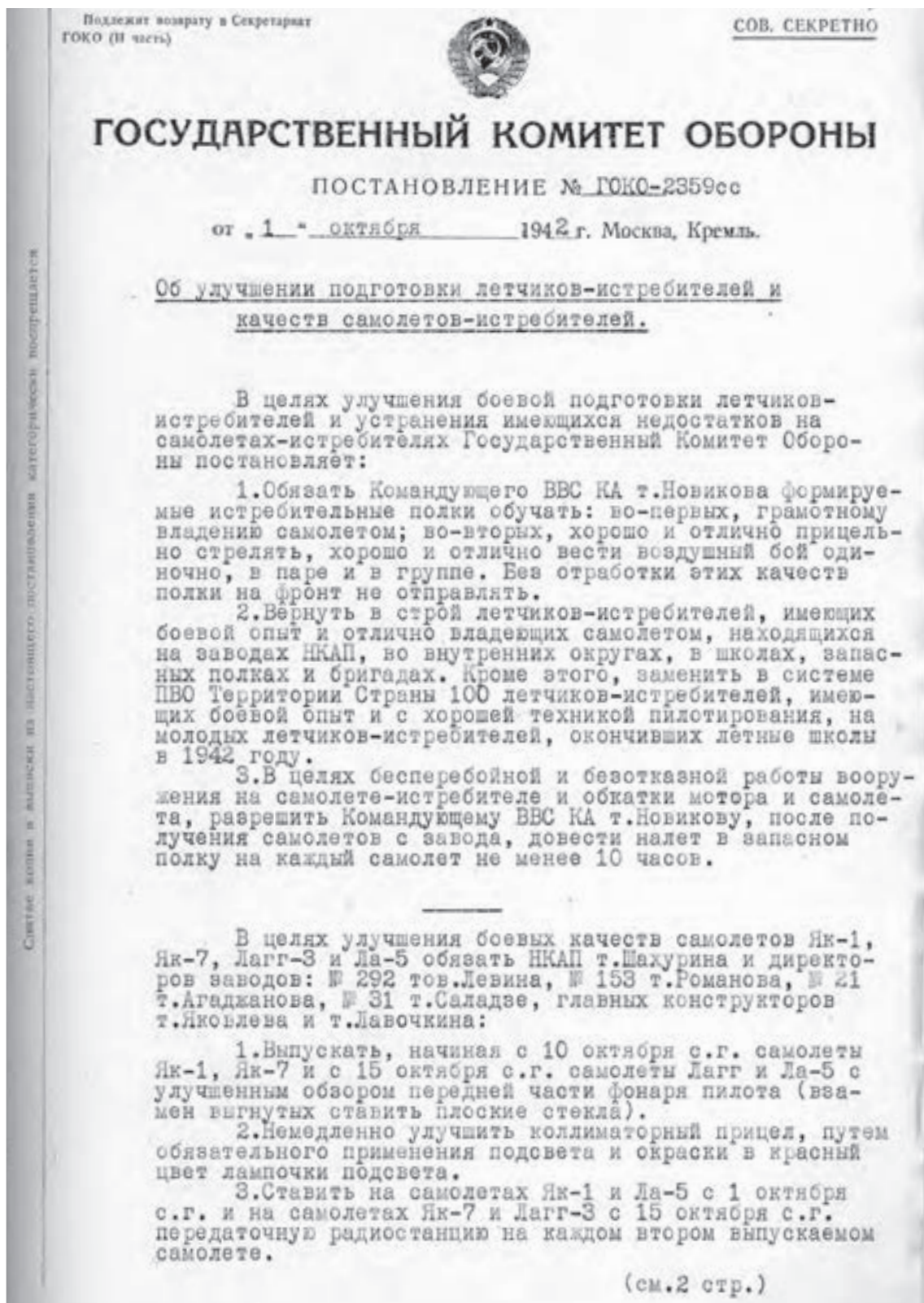
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН.

Выписки посланы: т.т. Вознесенскому, Малышеву, Попову, Чадаеву,
Федоренко - все; Сабурову - 3,
Свердловскому обкому - 4; Молокову - 5.

6-ас

Постановление ГКО № 1926 24 июня 1942 г.
О членах семей изменников Родине.

Постановление ГКО № 2359. Об улучшении подготовки летчиков-истребителей и качеств самолетов-истребителей. 1 октября 1942 г.

81

- 2 -

4. В целях облегчения управления огнем ввести с 10 ноября на самолетах Як-7 и Ла-5 взамен существующего пневмомеханического спуска - пневмоэлектрический спуск, заменив гашеточное управление на кнопочное по типу самолета "Мессершмит".

Первые 20 самолетов Як-7 и 20 самолетов Ла-5 с пневмоэлектрическим спуском дать в строевые части к 20 октября с.г.

5. Устранить забрызгивание маслом козырька фонаря пилота на самолетах Як-1, Як-7 и Лагг-3 путем установки предохранительных сальников конструкции ЛИИ НКАП на самолетах, имеющих винты ВИШ-61, и установкой дренажной трубки для самолетов, имеющих винты ВИШ-105.

6. К 20 октября передать для испытаний в НИИ ВВС КА самолеты Як-7 и Лагг-3, оборудованные совмещенным управлением ручкой газа и винта.

7. Установку дополнительного бака в фюзеляже самолета Як-7 прекратить, а на самолетах, находящихся в строевых частях ВВС КА, дополнительные фюзеляжные бензобаки снять.

8. Отработать до 12 октября на самолете Пе-2 пикировочную сирену.

С 1 ноября с.г. самолеты Пе-2, выпускаемые заводом № 22, оборудовать пикировочными сиренами.

9. Обязать Командующего ВВС КА т.Новикова к 4 октября с.г. доложить результаты испытаний в НИИ ВВС КА двухместных штурмовиков Ил-2.

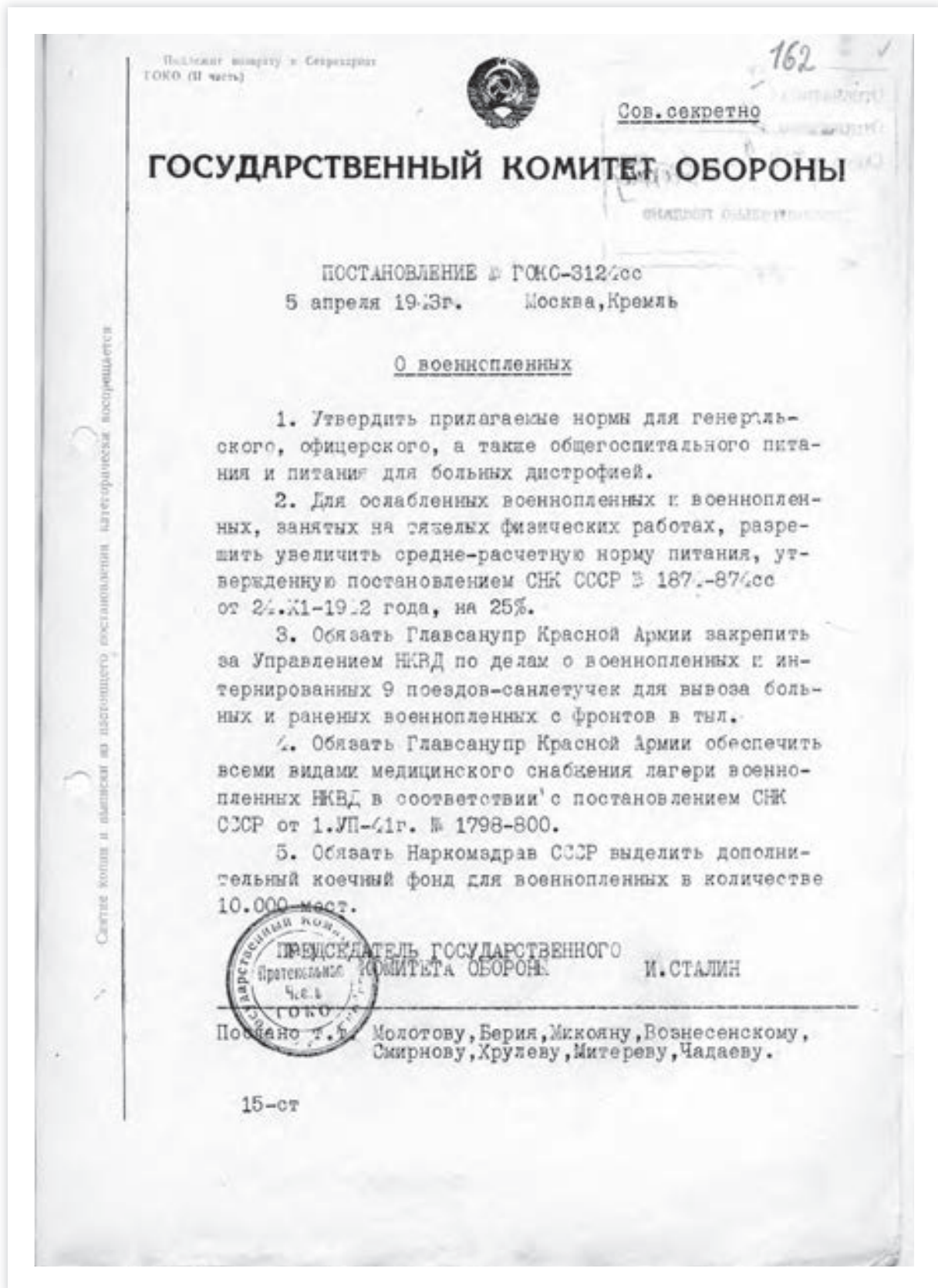

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И.СТАЛИН

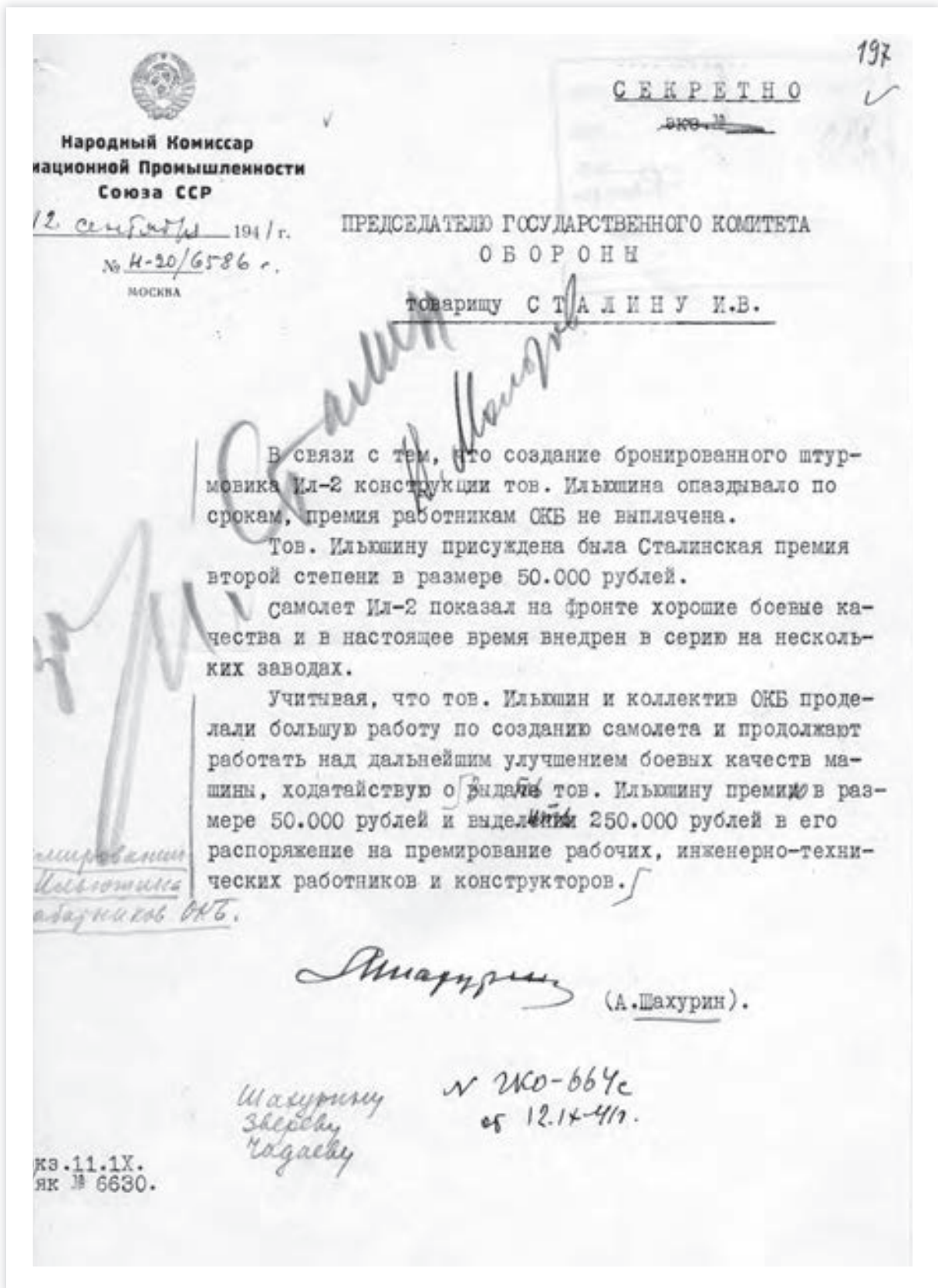
Выписки посланы: т.т. Маленкову, Новикову, Шахурину, Ворожейкину, Жукову - все;

Громадину - 2;
Яковлеву, Лавочкину, Левину,
Романову, Агаджанову, Саладзе - 1, 2, 3,
4, 5, 6, 7.

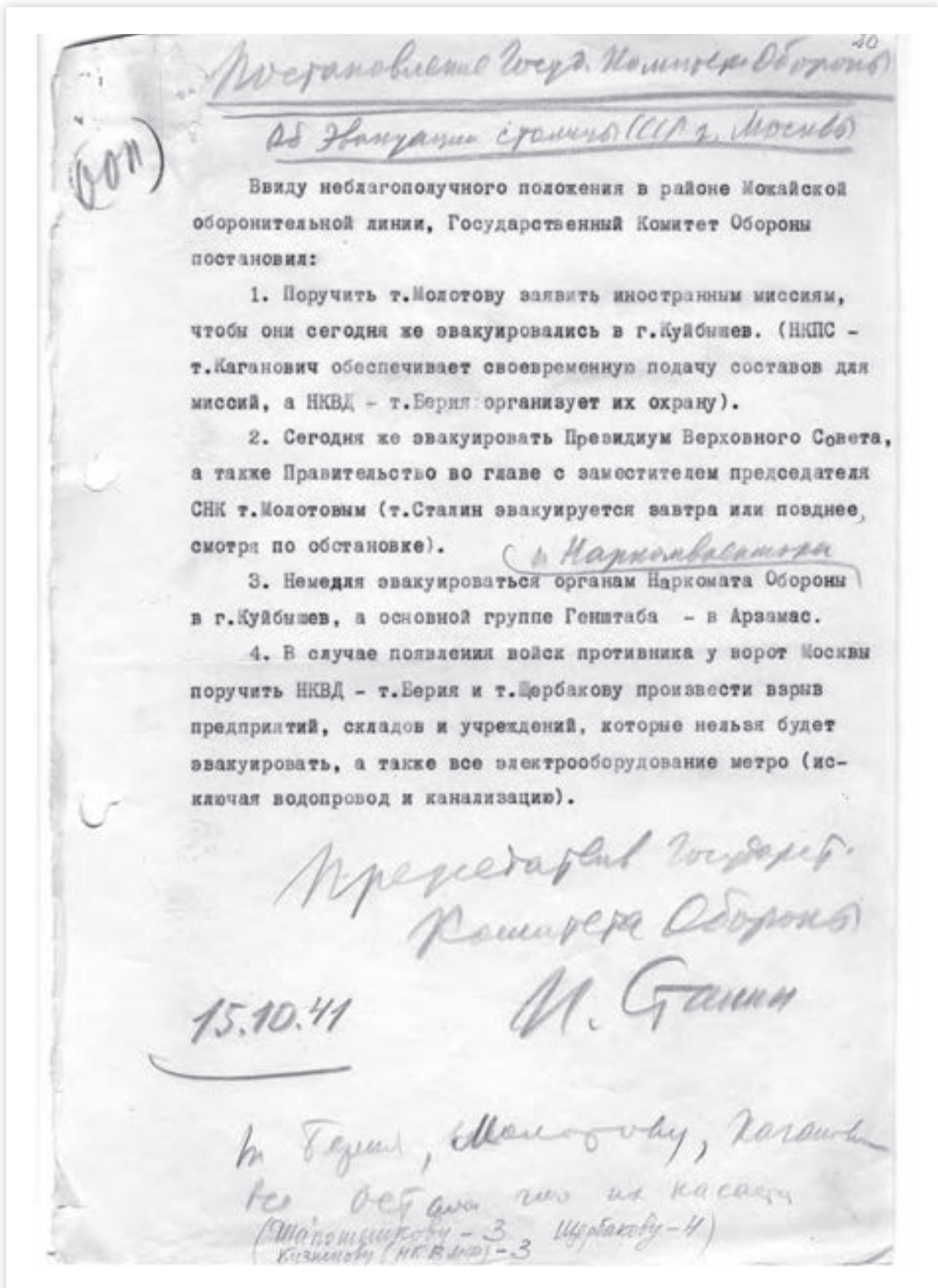
б/аф

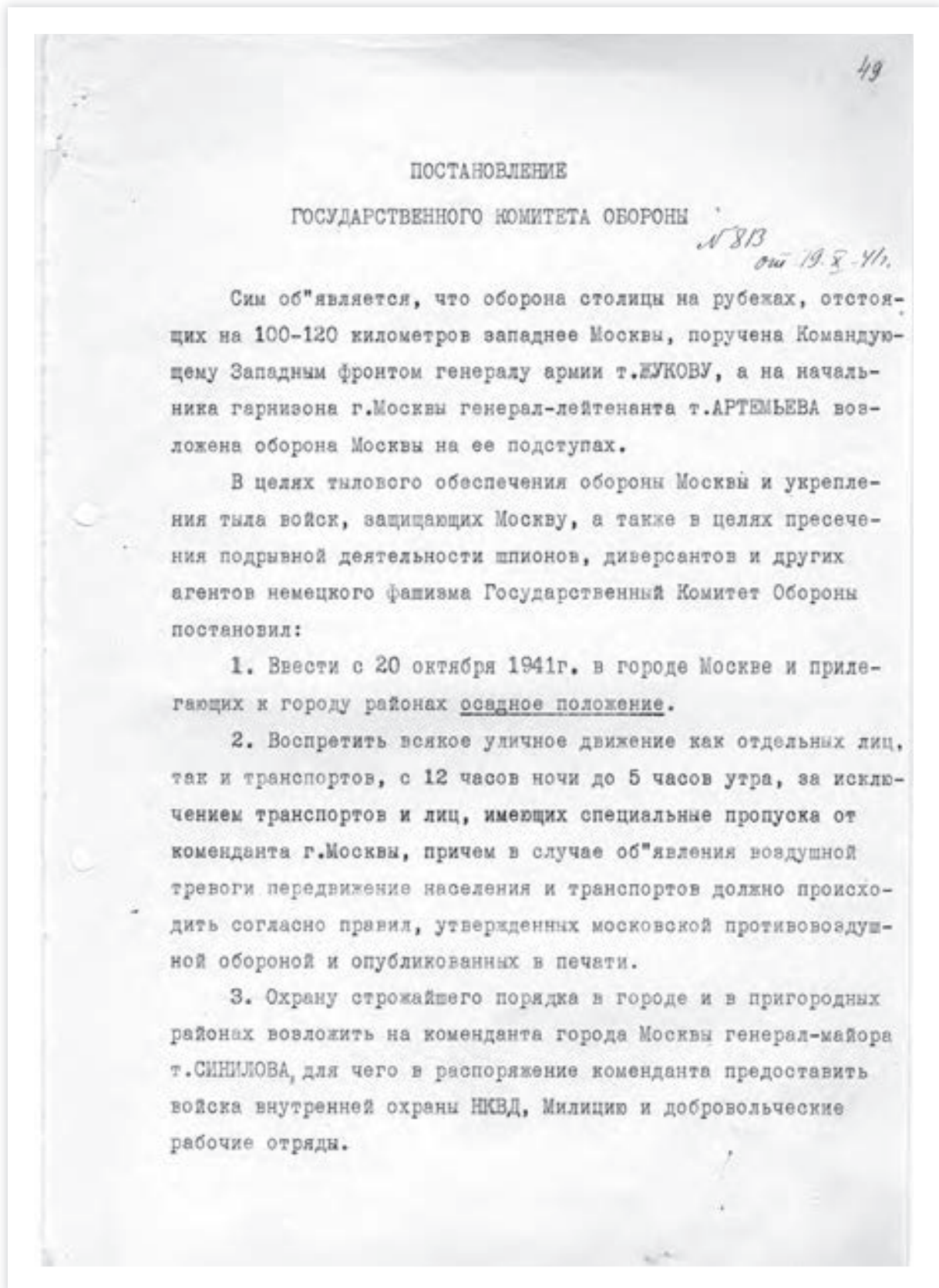
Постановление ГКО № 3124. 5 апреля 1943 г.
О военнопленных.

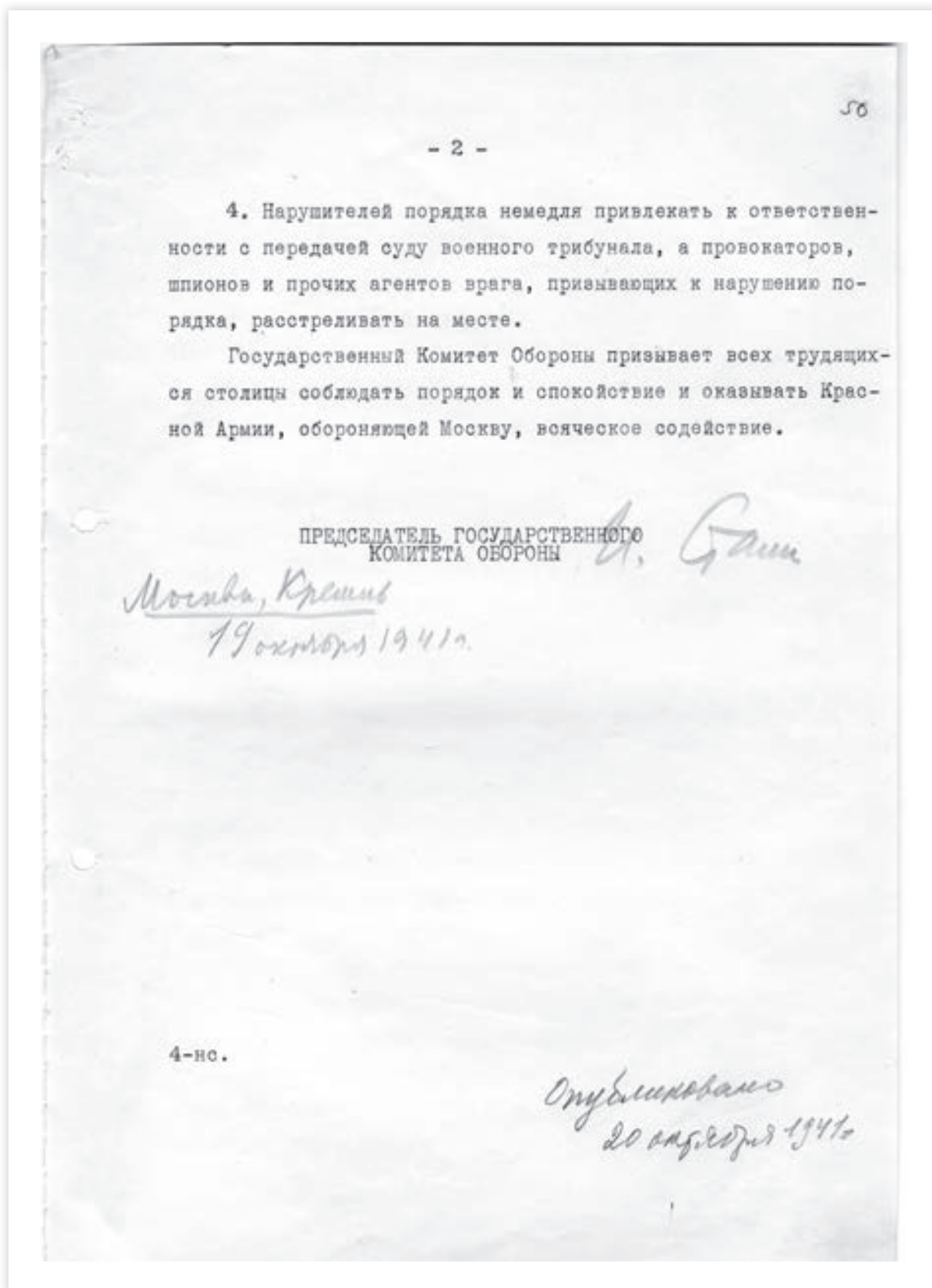
Докладная записка Народного комиссара авиационной промышленности СССР А. И. Шахурин
И. В. Сталину. 12 сентября 1941 г.

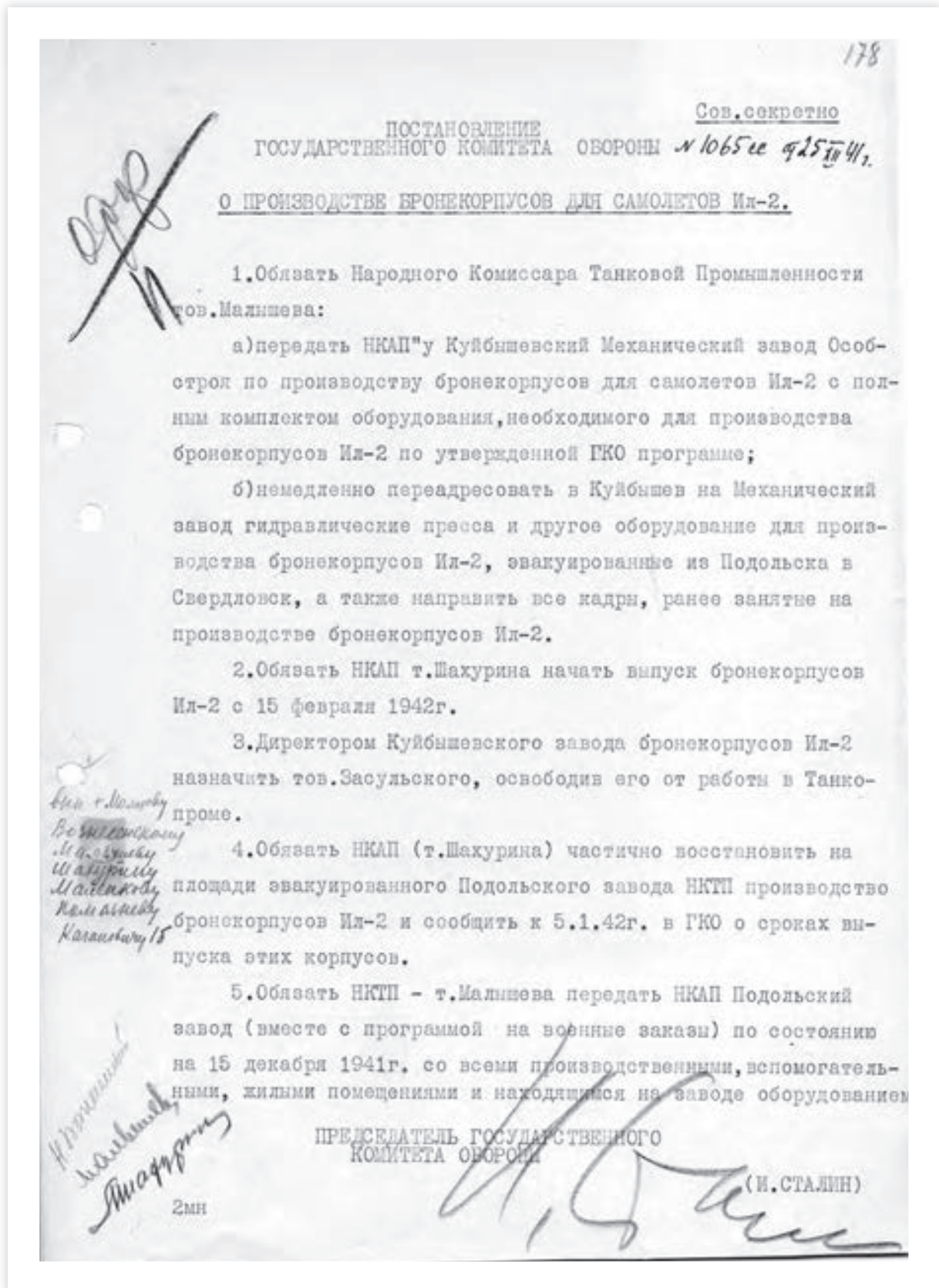
Постановление ГКО № 801. Об эвакуации столицы СССР г. Москвы.
15 октября 1941 г.

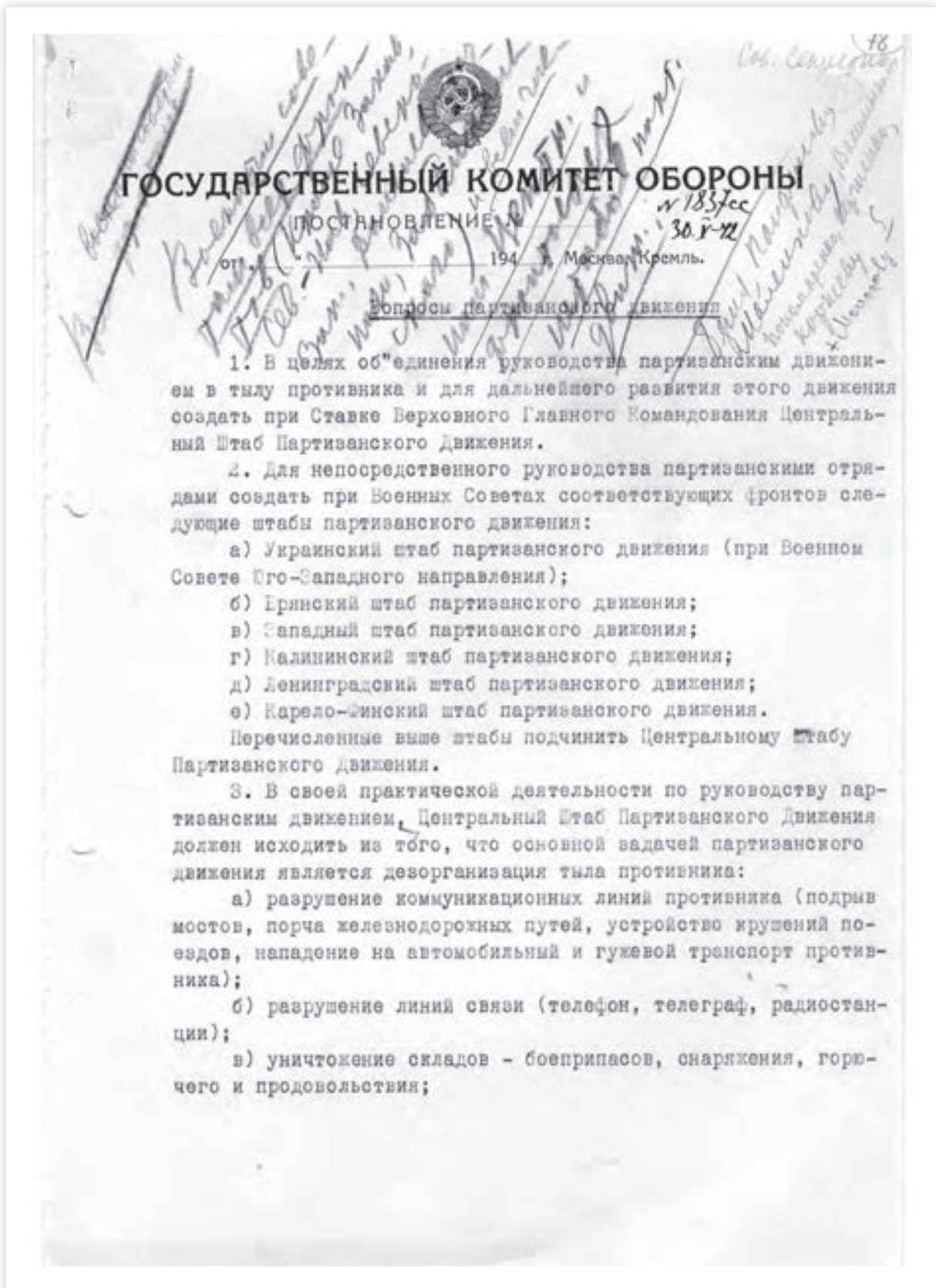
Постановление ГКО №813.06 об"явлении в Москве осадного положения.
19 октября 1941 г.

Постановление ГКО №813.06 об объявлении в Москве осадного положения.
19 октября 1941 г.

Постановление ГКО № 1065.0 производстве бронекорпусов для самолетов Ил-2.
25 декабря 1941 г.

Постановление ГКО № 1837. Вопросы партизанского движения.
30 мая 1942 г.

- 2 -

79

г) нападение на штабы и другие войсковые учреждения в тылу противника;

д) уничтожение материальной части на аэродромах противника;

е) осведомление частей Красной Армии о расположении, численности и передвижениях войск противника.

4. В состав Центрального Штаба Партизанского Движения ввести т.т. Пономаренко П.К. (ЦК ВКП/б/) - начальник Штаба, Сергиенко В.Т. (НКВД), Корнеева Т.Ф. (Разведупр НКО).

5. В состав штабов партизанского движения при фронтах ввести следующих т.т.:

а) Украинский штаб - т.т. Строкача (НКВД) - начальник Штаба, Спивака (ЦК КПбУ), Виноградова (нач. Разведотдела ЮЗ направления);

б) Брянский штаб - т.т. Матвеева (секретарь Орловского обкома партии) - начальник штаба, Горшкова (НКВД), Чекмазова (нач. Разведотдела Брянского фронта);

в) Западный штаб - т.т. Бельченко (НКВД) - начальник штаба, Калинина (ЦК КП/б/В), Ильницкого (нач. Разведотдела Западного фронта);

г) Калининский штаб - т.т. Раценко (НКВД) - начальник штаба, Рыжикова (ЦК КП(б)В), Алешина (нач. Разведотдела Калининского фронта);

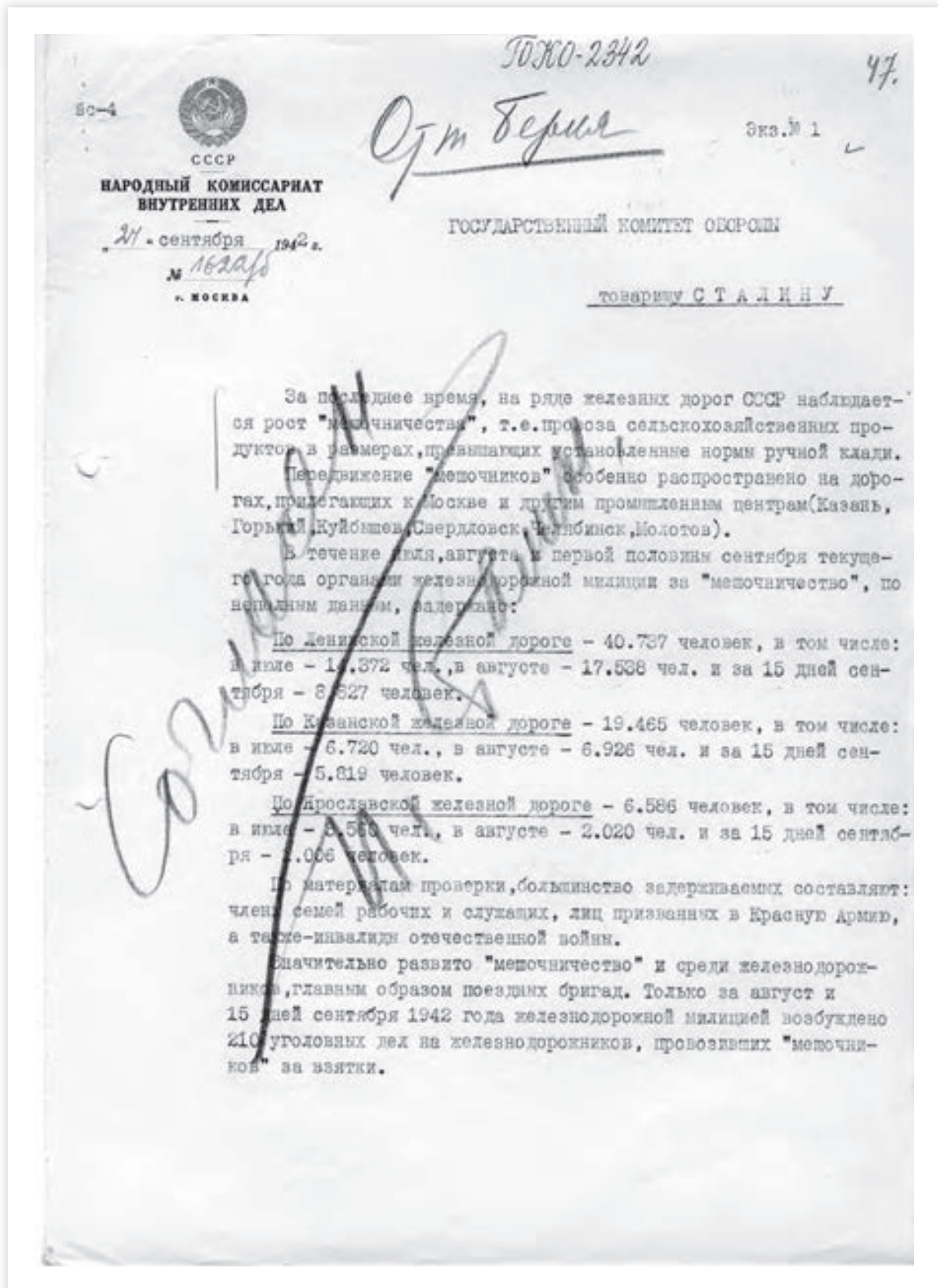
д) Ленинградский штаб - т.т. Никитина (Ленинградский ОК ВКП/б/) - начальник штаба, Алмазова (НКВД), Евстигнеева (нач. Разведотдела Ленинградской группы войск);

е) Карело-Финский штаб - т.т. Вершинина (НКВД) - начальник штаба, Хоршаева (ЦК КП/б/КФ ССР), Поветкина (нач. Разведотдела Карельского фронта).

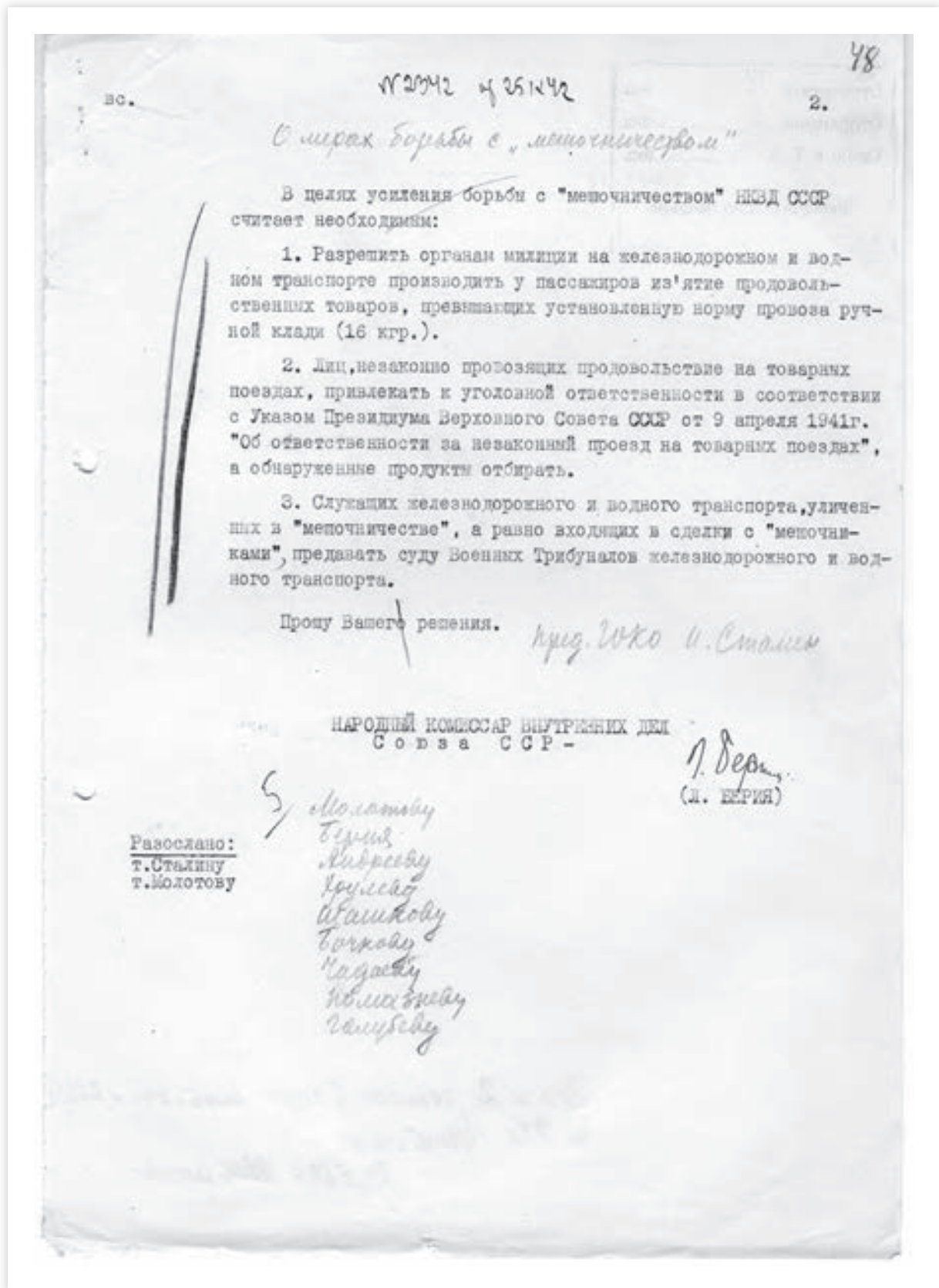
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ И. СТАЛИН

2мн

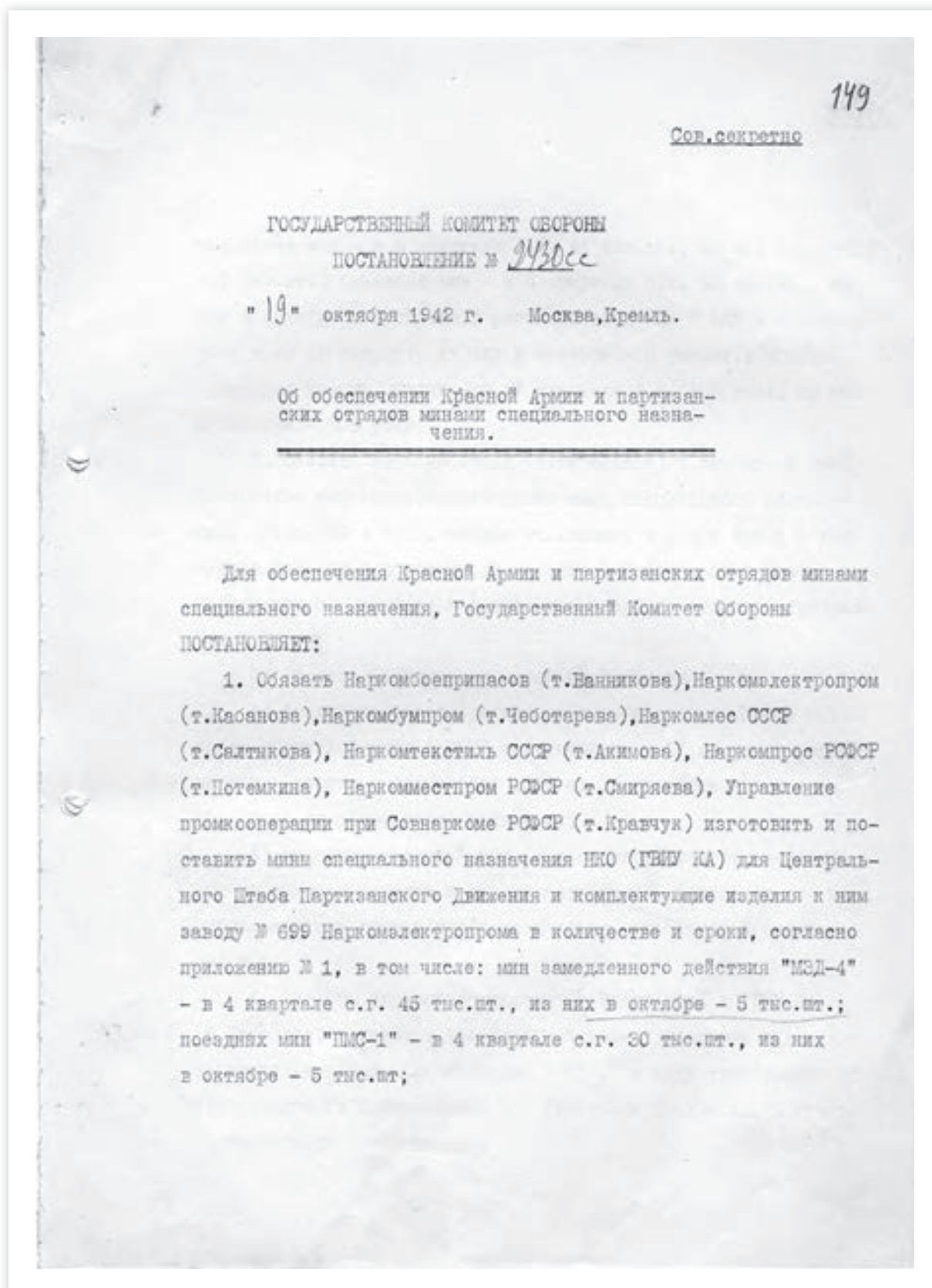
И. Сталин

Докладная записка Народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину о мерах борьбы с «мешочничеством». 24 сентября 1942 г.

Докладная записка Народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину о мерах борьбы с «мешочничеством». 24 сентября 1942 г. Стр. 2.

Постановление ГКО № 2430.06 об обеспечении Красной Армии партизанских отрядов минами специального назначения. 19 октября 1942 г.

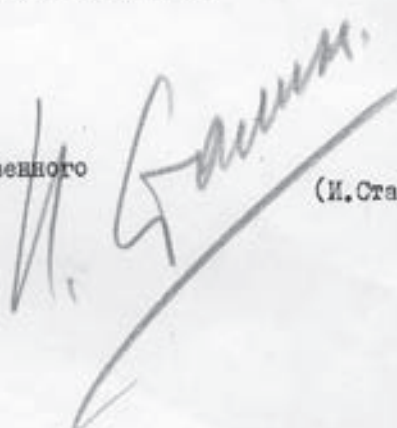
153

5.

18. Обязать Наркомлегпром СССР (т.Лукина), Наркомпрос РСФСР (т.Потемкина) поставить для сборки заводу № 699 Наркомэлектропрома изделия авиационной гранаты "АГ-2", (переданных к производству с заводом № 8 Наркомпроса РСФСР) в количестве и сроки, согласно приложению № 3.

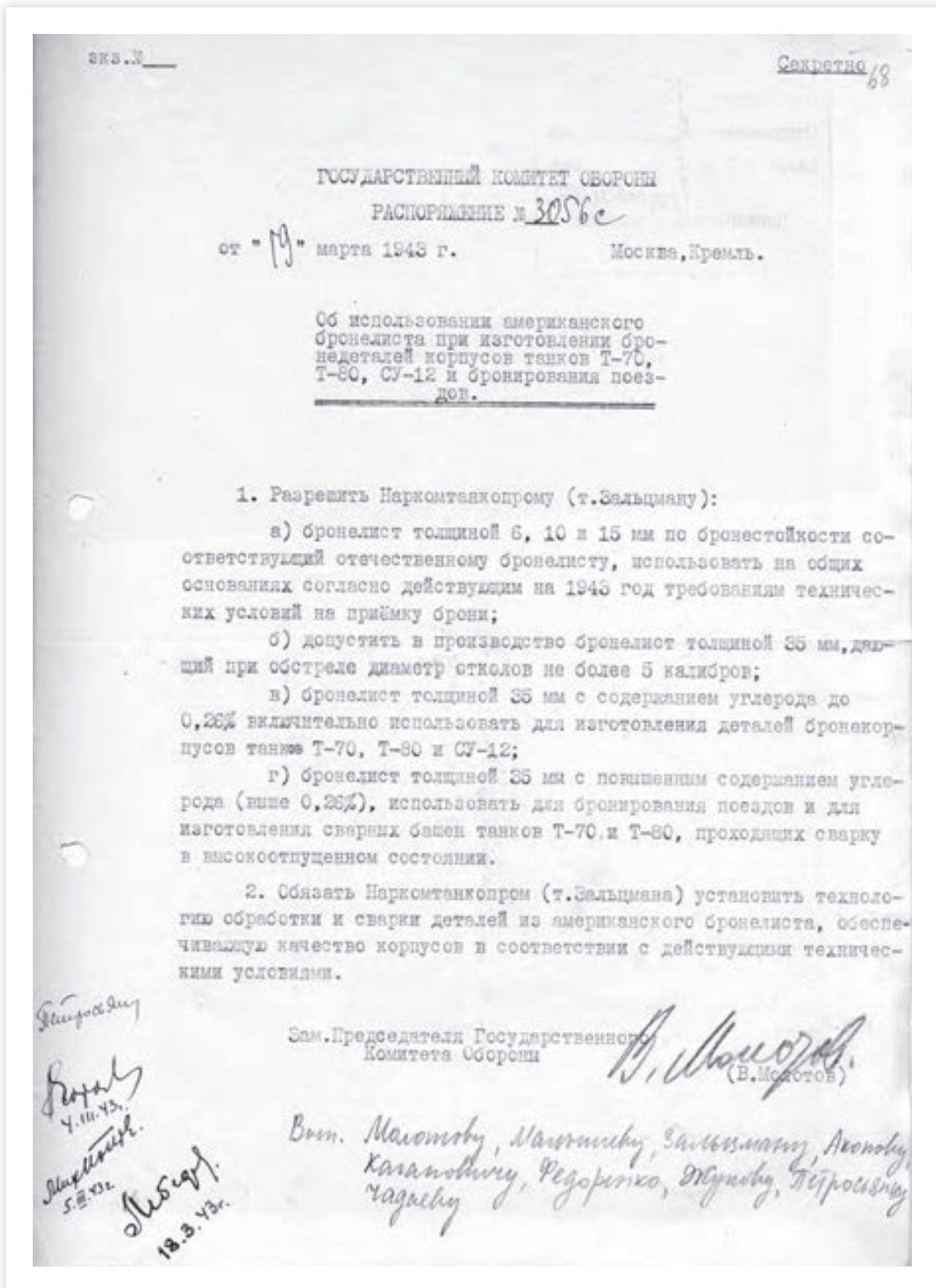
19. Поручить Наркомгосконтроля СССР (т.Попову) взять под контроль настоящее Постановление и о ходе выполнения его доложить ГОКО к 1 ноября 1942 года.

Председатель Государственного
Комитета Обороны

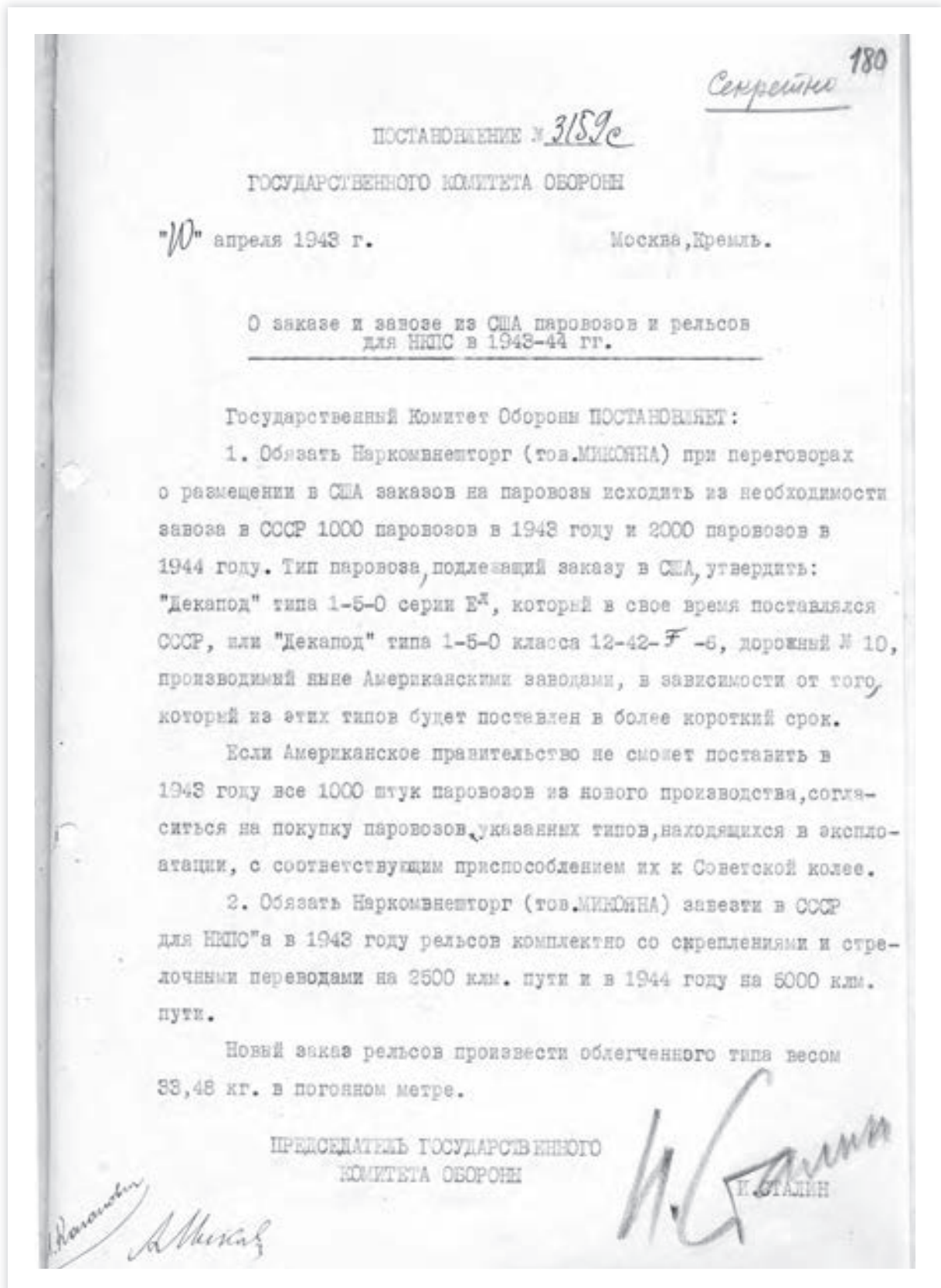

(И. Сталин)

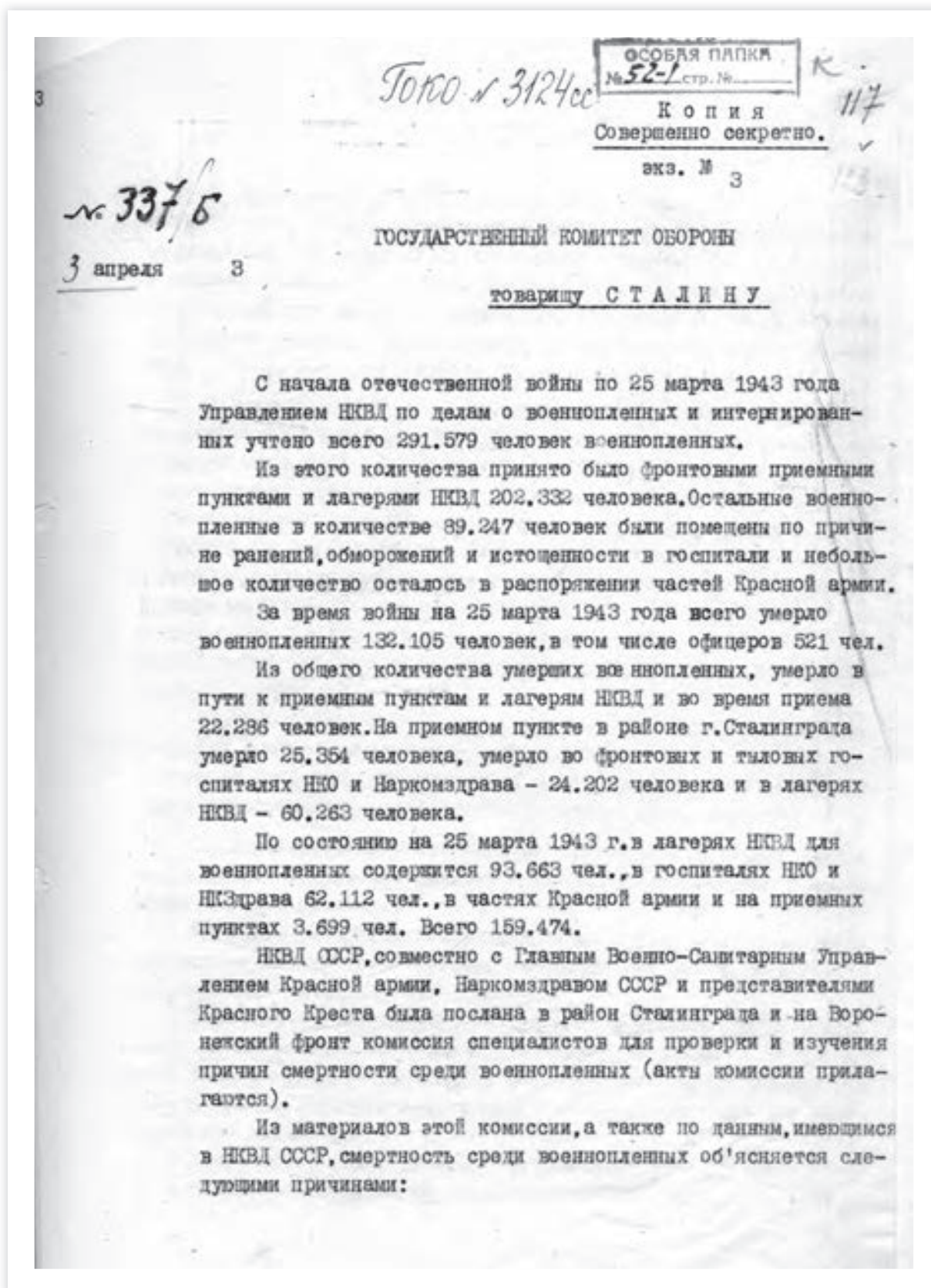
Постановление ГОКО № 2430.06 обеспечении Красной Армии партизанских отрядов минами специального назначения. 19 октября 1942 г.

Постановление ГКО № 3056.06 использования американского бронелиста для изготовления бронедеталей для корпусов танков и бронирования поездов. 19 марта 1943 г.

Постановление ГКО № 3159.
О заказе и завозе из США паровозов и рельсов.
10 апреля 1943 г.

Докладная записка Народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину о военнопленных и интернированных. 3 апреля 1943 г.

118
2.

1. Длительным недоеданием солдат противника в период окружения и почти полным прекращением питания солдат Сталинградской группировки в течение 15-20 дней перед пленением. В результате к моменту пленения в составе военнопленных оказалось значительное большинство лиц резко истощенных и страдавших перерождением внутренних органов (алиментарная дистрофия необратимого характера). 79,3% смертных случаев произошли по этой причине.

2. Из об'яснений ряда военнопленных установлено, что среди солдат противника на Сталинградском и Воронежском фронтах и в период зимы 1942-1943 г.г. смертность была очень высокой, а в ряде частей противника под Сталинградом более одной трети личного состава не принимали участия в боях, вследствие резкого истощения и обморожения. Захваченные в плен на Воронежском фронте солдаты из рабочих батальонов венгерской армии (евреи и русины) получали до пленения 100 граммов хлеба на три дня и длительное время вовсе не получали горячей пищи, в результате чего за последние три месяца до пленения умерло до 40% личного состава этих батальонов.

Из-за отсутствия в период окружения доброкачественной воды, немецкие солдаты употребляли непригодную для питья воду или добывали ее из снега, что привело к значительному заболеванию солдат и офицеров острыми желудочно-кишечными заболеваниями.

3. Непривычные для большинства солдат климатические условия и плохая экипировка привели к массовому обморожению и смертности по этим причинам.

На приемные пункты военнопленные поступали с отмороженными верхними и нижними конечностями, частично без обуви, головных уборов, шинелей и в летней одежде.

Одной из причин смертности является поголовная завшивленность военнопленных из-за того, что солдаты противника по 3-4 месяца не подвергались санитарной обработке. Это снизило сопротивляемость военнопленных всевозможным заболеваниям общего и эпидемического характера.

Кроме того, военнопленные, захваченные в районе Сталинграда и на Воронежском фронте, совершали длительные пешие переходы

кн.

119
3.

от места пленения до сборных пунктов и лагерей при недоста- точно налаженном, в условиях фронта, питания и медицинской помощи.

Следует отметить, что смертность среди офицеров значи- тельно ниже смертности рядового состава. За все время из об- щего количества 7.208 человек офицеров умерло 521 человек, главным образом, в результате ранений и обморожений. Из груп- пы высшего и старшего офицерского состава 6-й немецкой ар- мии (236 человек) после пленения умерло в госпитале 2 полков- ника во время ампутации ног и один майор — ветврач в результа- те пулевого ранения в голову.

Для борьбы с заболеваемостью и смертностью среди военно- пленных НКВД СССР проведены следующие мероприятия:

1) В течение февраля и марта 1943 года вывезено в тыло- вые лагеря 49.525 военнопленных, 62.112 военнопленных раненых, обмороженных и больных помещены в госпитали. 19.450 военно- плененных больных, находящихся в лагерях для военнопленных, по- мещены в специально оборудованные на территории этих лагерей госпитали и стационары, где им оказывается медицинская помощь.

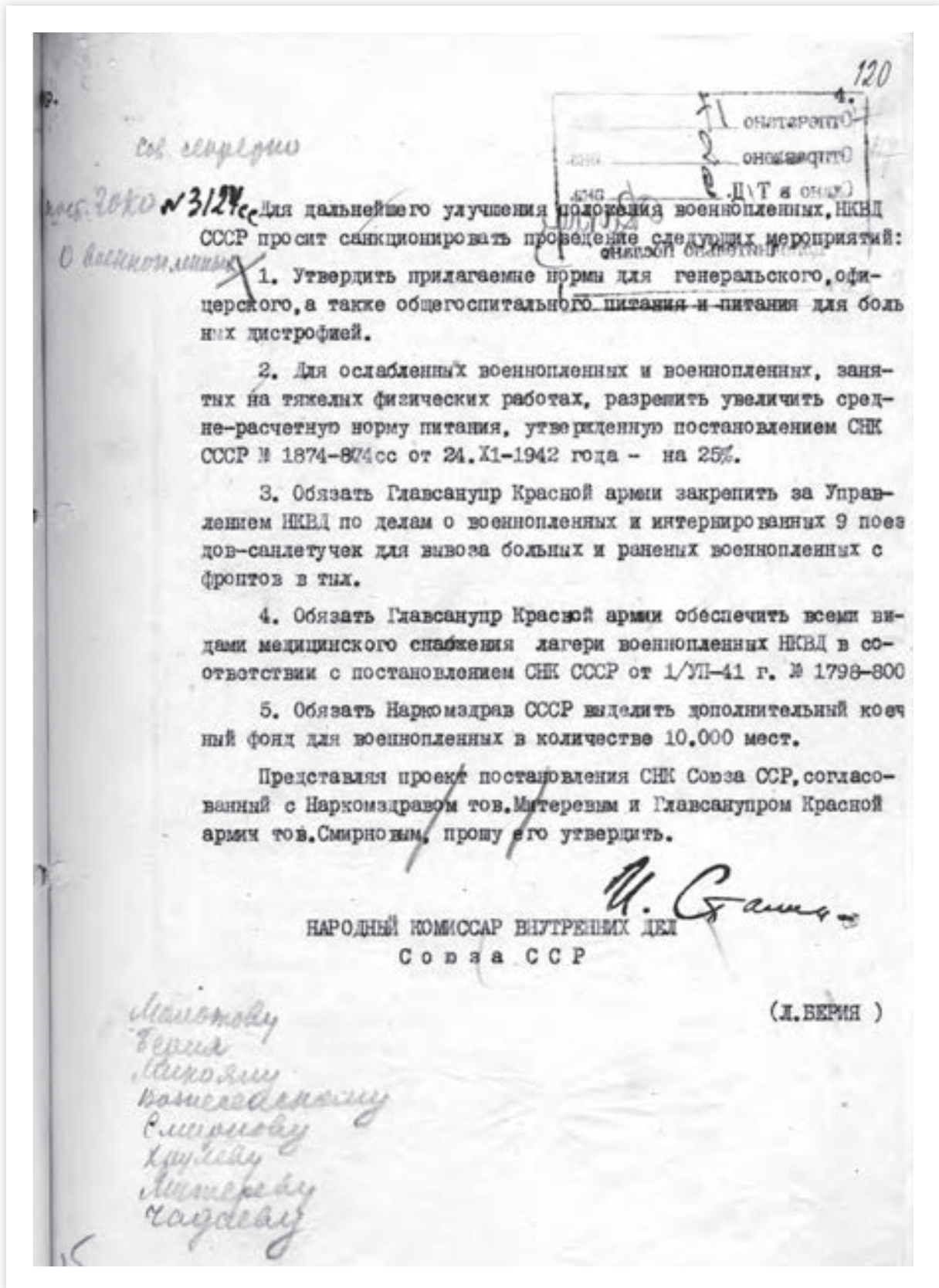
Для медицинского обслуживания военнопленных в лагеря на- правлено 282 человека медицинских работников и необходимые ме- дикаменты и медицинские средства.

2) Упорядочено снабжение военнопленных продовольствием, бельем и хозяйственным. Во всех лагерях и госпиталях для воен-нопленных в настоящее время продукты выдаются по норме и еже- дневно выдается не менее двух раз горячая пища. Больные пи- таются по нормам больничного пайка, получая три раза в день горячую пищу и два раза — чай.

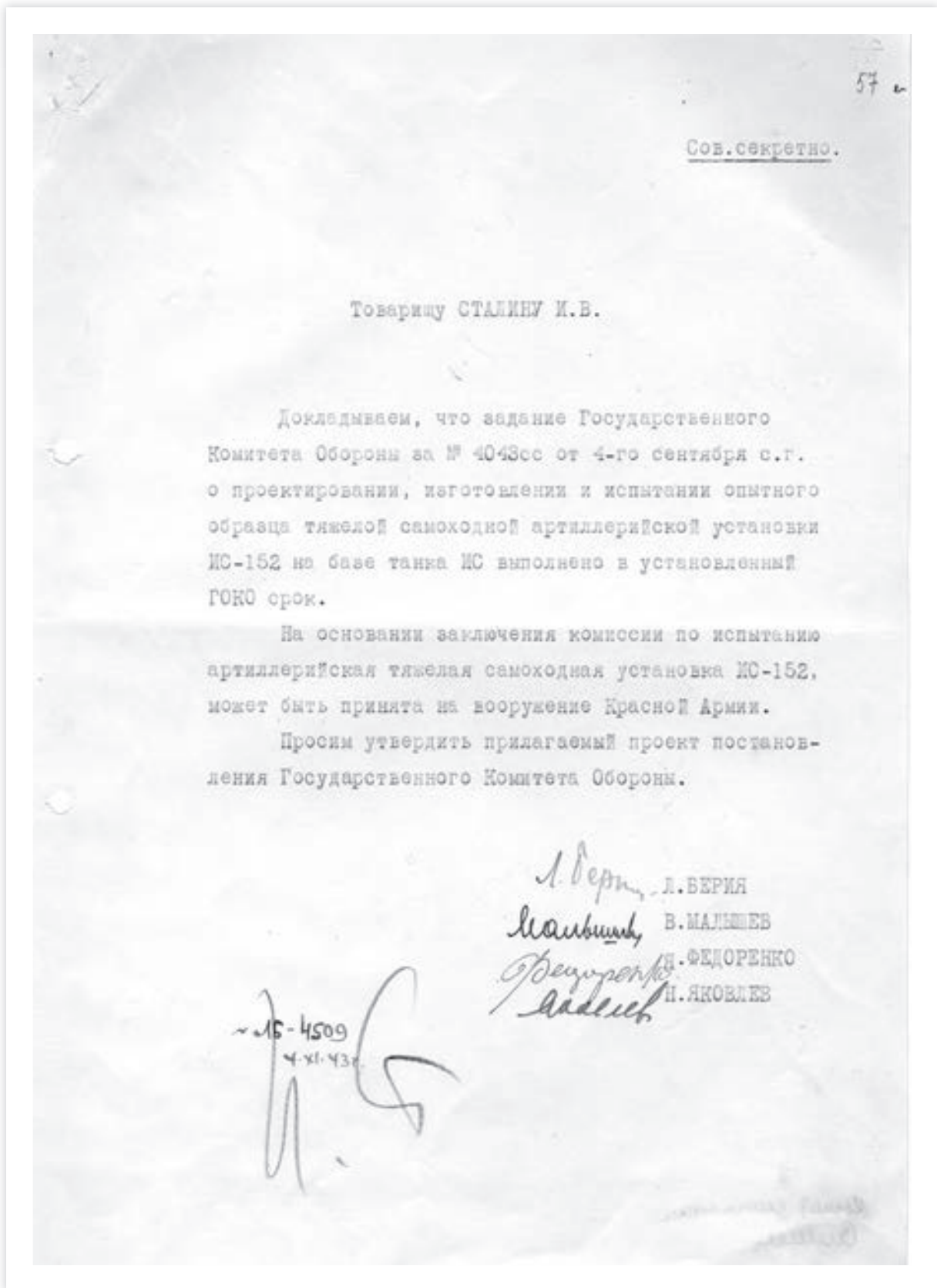
3) Для содержания военнопленных офицеров создано четыре специальных офицерских лагеря.

Физическое состояние военнопленных оказалось настолько тяжелым, что в отношении значительной части проводимые меро-приятия не дают положительных результатов и смертность среди военнопленных продолжает оставаться на высоком уровне.

Докладная записка Народного комиссара внутренних дел СССР
Л. П. Берия И. В. Сталину о военнопленных и интернированных.
3 апреля 1943 г. Стр. 3.

Докладная записка Народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину о военнопленных и интернированных. 3 апреля 1943 г. Стр. 4.

Докладная записка Л. П. Берия, В. А. Малышева, Я. Н. Федоренко, Н. Д. Яковлева
И. В. Сталину об успешном испытании самоходной артиллерийской установки.
4 ноября 1943 г.

Сов. секретноПроек

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 5509сс

от 29 м 44

О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году.

В связи с полным снятием блокады г. Ленинграда, созданы условия для восстановления его промышленности и городского хозяйства.

Государственный Комитет Обороне считает центральной задачей Ленинградской организации ВМ(б) и всех ленинградских рабочих и инженерно-технических кадров в 1944 году всемерное развитие в Ленинграде военной промышленности, в том числе военного судостроения, производства вооружения, боеприпасов, организации производства танков и самолетов, а также ремонта военной техники.

Наряду с этим Государственный Комитет Обороне считает необходимым приступить к восстановлению в г. Ленинграде энергетического хозяйства, малой металлургии, турбостроения, электропромышленности, станкостроения, приборостроения, промышленности строительных материалов и осуществлению восстановительных работ по городскому хозяйству.

В целях проведения первоочередных мероприятий по всемерному развитию военной промышленности и гражданского машиностроения, а также городского хозяйства г. Ленинграда в 1944 году, Государственный Комитет Обороне ПОСТАНОВЛЯЕТ:

По промышленности.

1. Для обеспечения всемерного развития военной промышленности в г. Ленинграде, объявить Ленинградский Городской Комитет ВМ(б) (т. Едвцова), Наркомсудостроения (т. Посенко), Наркомвооружения (т. Устинова), Наркомбсеприпасов (т. Ванинкова), Наркомтанкопром (т. Малышева) и Наркомавиапром (т. Шахурин) сосредоточить все силы на выполнении в 1944 году следующих задач:

а) в области судостроения - на строительстве военного флота в соответствии с постановлением ГОКО от 22 января 1944 года "О плане военного судостроения и судоремонта по ленинградским заводам Наркомсудпрома на 1944 год", ремонте кораблей на сумму 17 млн. рублей и подготовке производства судовых турбин, судовой арматуры и специальных приборов для Красной Армии и Военно-Морского Флота;

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.
29 марта 1944 г.

б) в области производства вооружения - на освоении серийного производства пушек БС-3 на заводе № 232, с доведением в июле 1944 года производственной мощности до 300 единиц в квартал и выпуском во II квартале 1944 года 100 пушек, пушек ЗИС-3 на заводе № 7 с доведением в июле 1944 года производственной мощности до 600 единиц в квартал и выпуском во II квартале 1944г. - 80 единиц, а также выпуска пулеметов Максим, пистолетов-пулеметов ППС и ремонте артиллерии;

в) в области производства боеприпасов - на дальнейшем расширении производства боеприпасов и в первую очередь артиллерийских снарядов 76 мм., 122 мм и 152 мм, реактивных снарядов М-13 и М-31, морских снарядов 130 мм и мм и минометам 120 мм, организации выпуска бронебойных снарядов 85 мм к танковым пушкам, а также обеспечении нужд ленинградских заводов, производящих боеприпасы, собственной штамповкой и литьем;

г) в области производства танков - на освоении производства танков "ИС" на Кировском заводе с выпуском, начиная с июля 1944 года, 10 танков в месяц и достижения к концу 1944 года выпуска 50 танков ежемесячно, организации выпуска запасных частей к танкам "ИС" и ремонте танков "ИС" в количестве 20 единиц в месяц;

д) в области авиационной промышленности - на организации производства истребителей, учебных самолетов и авиамоторов, а также ремонте самолетов для ВВС Красной Армии.

В соответствии с указанными выше заданиями по развитию военной промышленности объявить:

2. Наркомтяжпром (т.Малышев) к 1.1V-1944 года представить в ГОКО мероприятия по организации производства танков "ИС" на Кировском и Ижорском заводах НКТП.

3. Наркомавиапром (т.Шакурин) представить к 15.1V-1944 года в ГОКО мероприятия об организации в г.Ленинграде производства истребителей, учебных самолетов и авиамоторов.

4. Утвердить задания по военному судостроению, производству вооружения, боеприпасов и запасных частей к танкам на II квартал 1944 г. согласно приложениям № 1, 2, 3 и 4 и обязать наркомати и ведомства обеспечить выполнение установленного плана производства, а также сохранить существующую кооперацию в ленинградской промышленности по всем видам боеприпасов.

5. Утвердить об"ем производства валовой продукции всей промышленности г.Ленинграда на 1944 год в размере 3,5 млрд. рублей и план производства основных видов промышленной продукции в натуральном выражении государственной промышленности, промышленности и кооперации инвалидов г.Ленинграда на 1944 год согласно приложениям № 5, 6, 7 и 8 и обязать наркомати и ведомства обеспечить выполнение программы в об"еме, установленном настоящим постановлением.

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 2.

6. Предредить восстановление заводов Кировского, Ижорского и им. Сталина на производство:

Кировского - танков ИС, запасных частей к танкам ИВ, стационарных паровых турбин мощностью до 12 тыс. квт. и ремонт тяжелых танков;

Ижорского - корпусов башен танков, броневых листов для судостроения и поковок для турбин;

им. Сталина - паровых и гидравлических турбин и морских артиллерийских башен.

7. В целях обеспечения установленного плана военного судостроения обязать Наркомсудпром (т. Носенко) осуществить в 1944 году восстановительные работы по ленинградским заводам судостроительной промышленности в объеме 35 млн. рублей силами стробтрестов № 16 и № 53 НКСП и вернуть в течение II и III кварталов 1944 г. из числа ранее вывезенных 150 станков, главным образом, уникальных, судостроительных и специальных.

8. Обязать Наркомтанкпром (т. Малишова) передать Наркомсудпрому арматурный завод им. Молотова (филиал Кировского завода), ранее принадлежавший НКСП, по состоянию на 1. II. 1944 г..

9. Обязать Наркомсудпром (т. Носенко) совместно с Наркомвоенморфлотом (т. Кузнецовым), Наркомморфлотом (т. Ширшовым) и Наркоммашфлотом (т. Шаликовым) к 1 августа 1944 года представить в ГОКО предложения по обьему и номенклатуре строительства флота на ленинградских заводах НКСП в 1945 году.

10. Придавая большое значение восстановлению и развитию в Ленинграде квалифицированного приборостроения, обязать НКМАП (т. Шахурин), НКВ (т. Устинова), НКСП (т. Носенко), Комитет по делам кинематографии при СНК СССР (т. Вольшикова), Комитет по делам мер и измерительных приборов при СНК СССР (т. Кузнецова) представить в ГОКО в месячный срок предложения о восстановлении и дальнейшем увеличении производства приборов в Ленинграде.

11. В целях создания надежной энергетической базы по энергоснабжению промышленности, транспорта и городского хозяйства Ленинграда и Ленинградской области, установить, что рост рабочих мощностей электростанций системы Ленэнерго должен опережать уровень потребления энергии не менее чем на 15-20%.

12. Утвердить на 1944 год план выработки электроэнергии по системе Ленэнерго в размере 800,0 млн. квтч и отпуск теплоты в количестве 620 тыс. мккалорий.

Постановление ГОКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 3.

13. Обязать Наркомат электростанций (т.Зимерина):

а) восстановить в 1944г. электростанции в г.Ленинграде по рабочей мощности: 1 ЛГЭС до 55 мвт, 2 ЛГЭС - до 25 мвт, 5 ЛГЭС до 100 мвт, а также восстановить линии электропередачи и подстанции;

б) немедленно приступить к восстановлению 8 ЛГЭС и обеспечить ввод в эксплуатацию первой очереди (имеющихся в наличии 2 котлов пропускательностью по 100 тонн пара в час и 1 турбинной мощностью 50 тыс.мвт) в 1 квартале 1945 года.

14. Придавая большое значение созданию собственной металлургической базы в г.Ленинграде (малая металлургия) для машиностроительных заводов Ленинградской промышленности:

а) установить план производства на предприятиях г.Ленинграда на 1944г. - жидкой стали 114 тыс.тонн, чугуна - 174 тыс.тонн и проката 92,5 тыс.тонн с разбивкой по наркоматам согласно приложению № 9;

б) обязать Наркомтизмаш (т.Кесякова), Наркомтанкопром (т.Малышева), Наркоммашиностроения (т.Устинова), Наркомчермет (т.Тевосяна), Наркомсудпром (т.Носенко), Наркоминвентуростроения (т.Паршина), Наркомоборудования (т.Занникова), Наркомавиапром (т.Шахурина), Наркомстайкостроения (т.Ефремова), Наркомэлектропром (т.Кабанова), Наркомцветмет (т.Ломако), НКПС (т.Кагановича) и Наркомсредмаш (т.Акопова) восстановить мартеновские печи, электропечи, заготовки и прокатные станы и довести в 1945 году производственную мощность заводов и цехов малой металлургии, обеспечивая выпуск в этом году жидкой стали до 520 тыс.тонн, чугуна до 350 тыс.тонн и проката до 310 тыс.тонн с распределением по наркоматам согласно приложениям №№ 10, 11, 12 и 13.

15. Обязать Наркомавиапром (т.Шахурина) восстановить на заводе № 496 производство стального литья, для чего вернуть обратно на завод эвакуированное и еще не смонтированное оборудование.

16. Обязать Наркомтанкопром (т.Малышева) и Наркомчермет (т.Тевосяна) вернуть на Изорский завод эвакуированный и еще не смонтированный толстолистовой стан с диаметром валков 1200 мм, а Наркомтанкопром (т.Малышева) установить его и пустить в эксплуатацию в течение 1 квартала 1944 года.

17. Обязать Наркомчермет (т.Тевосяна) восстановить производство сварных газовых труб на Ленинградском заводе "Трубо-сталь", установив пуск завода в две очереди: первая очередь - цех № 2 к концу 1944 года с годовой мощностью 10.000 тонн, и вторая очередь - цех № 1 - 1 квартал 1945 года, с достижением довоенной мощности завода.

18. Обязать Наркомцветмет (т.Ломако) восстановить производство литья и проката цветных металлов на заводах "Красный Эмбаркед" и им. Зорошилова, выпустив в 1944г. 12,5 тыс.тонн цветного литья и 3,4 тыс.тонн проката цветных металлов и довести производственную мощность предприятий г.Ленинграда к концу 1945 года по цветному литью до 30 тыс.тонн и по прокату цветных металлов до 11 тыс.тонн.

Постановление ГКО №5509.
О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.
29 марта 1944 г. Стр. 4.

19. Отмечая большую роль Ленинградской промышленности в деле обеспечения страны крупными паровыми и гидравлическими турбинами, обязать Наркомтяжмаш (т. Казакова) восстановить производство паровых и гидравлических турбин, а также турбомашин на ленинградских заводах им. Сталина и им. Ленина и довести в 1947 г. производственную мощность заводов по паровым турбинам до 1850 тыс. квт., по гидравлическим турбинам до 500 тыс. квт. и по турбомашинам до 28 единиц в год.

20. Обязать Наркомвооружения (т. Устинова) передать в двухнедельный срок завод им. Сталина № 371 Наркомату тяжелого машиностроения с рабочими, ИТР, служащими, оборудованием, инвентарем, подсобными предприятиями и жилфондом по состоянию на 1.1.1944г.

Наркомтяжмашу (т. Казакову) сохранить на заводе им. Сталина производство морских артиллерийских башен.

21. Обязать Наркомтяжмаш (т. Казакова):

а) на заводе им. Сталина изготовить в 1944 году гидротурбину № 4 для Рыбинской ГЭС мощностью 55 тыс. квт., доукомплектовать 2 паровых турбины для Сталиногорской ГЭС мощностью 50 тыс. квт. каждая, выпустить запчасти к паровым турбинам на 1 млн. руб. и доукомплектовать паровую турбину мощностью 50 тыс. квт. для 8 ГЭС Ленэнерго;

б) на заводе им. Ленина выпустить 3 паровых турбины по 1200 квт, 3 коксоэкстактора по 1200 м³ в час и 2 турбомашин по 650 м³ в час.

22. В целях обеспечения энергетики, угольной промышленности, черной металлургии, а также оборонных мероприятий турбогенераторами, гидрогенераторами, крупными электромашинами, средствами связи и другим электрооборудованием, обязать Наркомэлектропром (т. Кабанова):

а) обеспечить в 1944г. восстановление и развитие Ленинградских заводов электропромышленности до уровня, обеспечиваемого в 1944г. выполнение плана по валовой продукции в объеме 289 млн. руб.;

б) организовать в первом полугодии 1944 года на заводе № 678 производство трансляционных широкодиапазонных радиостанций;

в) принять необходимые и первоочередные меры по восстановлению производства моторов мощностью свыше 100 квт. на заводе "Электросила", имея в виду полную подготовку завода к производству моторов и начать выпуск этих моторов в 1944 году.

23. Обязать Наркомстанкостроения СССР (т. Буримова) поставить Наркомэлектропрому целевым назначением для предприятий г. Ленинграда, за счет фондов НКЗП, в 1944 году равномерно по кварталам 400 металлообрабатывающих станков и 60 единиц металлодающего оборудования по спецификации, согласованной с Наркомэлектропромом.

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 5.

24. Разрешить Наркомэлектропрому СССР (т.Кабанову) передать заводам электропромышленности г.Ленинграда в первом полугодии 1944 года металлорежущих станков 280 единиц и металлодавальных 27 единиц из числа незагруженных на других предприятиях НКЭП.

25. Учитывая большое значение производства станков для восстановления промышленности г.Ленинграда, обязать Наркомстанкостроения (т.Ефремова) восстановить в 1944 году в гор. Ленинграде станкостроение, обеспечить выпуск в 1944 году 200 станков, с доведением мощности по производству станков к концу 1945г. до 1200 единиц.

26. Обязать Наркомстанкостроения (т.Ефремова) обеспечить в 1944 году производство мерительного и режущего инструмента на ленинградских заводах не менее, чем на 10 млн.рублей, и довести мощность в 1945г. до 20 млн.рублей, а также восстановить производство абразивов с выпуском в 1944 году продукции на 6 млн.руб. и в 1945г. не менее, чем на 36 млн.рублей.

27. Обязать Наркомстанкостроения (т.Ефремова) поставить ленинградским заводам НКСС в 1944 году 200 станков и изготовить оборудование абразивного производства заводу "Ильич": токарных станков по камню - 10 штук, станков для испытания абразивных камней - 6 штук, балансирных станков - 4 шт., машин для смешивания шихты - 3 штуки.

28. Обязать Наркомминвооружения (т.Паршина) восстановить в Ленинграде производство станков на подведомственных предприятиях и обеспечить выпуск в 1944 году 150 станков с доведением мощности к концу 1945 года до 500 станков в год.

29. Обязать Наркомминвооружения (т.Паршина) в месячный срок представить в ГОКО предложения о восстановлении производства на ленинградских заводах оборудования для текстильной, легкой, пищевой и полиграфической промышленности.

~~30. Запретить восстановление в г.Ленинграде заводов основной химии, а также взрыво- и огнеопасных производств.~~

30. Принять предложение исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся о вывозе из пределов г.Ленинграда завода "Красный химик", и ограничении развития Невского химического комбината, как выделяющих в ходе производства вредные газы и огромные территории города большим количеством отходов.

~~Наркому химической промышленности т.Первухину и председателю исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся т.Соловьеву в месячный срок представить в ГОКО предложения о переводе производства завода "Красный химик" на другие предприятия и об ограничении развития Невского химического завода.~~

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 6.

31. Обязать Наркомрезинпром (т.Митрохина) увеличить объем производства на ленинградских заводах и обеспечить выпуск в 1944 году резиновых изделий на 50 млн.рублей.

32. В частичное изменение постановления Государственного Комитета Оборонн за № 5006с от 22 января 1944 года обязать Наркомрезинпром оставить оборудование на Ленинградском заводе "Красный треугольник", предназначенное для перевода на завод "Красный богатырь".

33. Отметить, что, несмотря на особо важное значение промышленности строительных материалов для восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда, постановление СНК СССР от 9 ноября 1943г. "О восстановлении и развитии промышленности строительных материалов в г.Ленинграде" выполняется неудовлетворительно.

Обязать Наркомстройматериалов СССР (т.Соснина), Наркомстройматериалов РСФСР (т.Гвоздарева) и Ленгорисполком (т.Полкова) обеспечить безусловное выполнение заданий, установленных вышеуказанным постановлением.

34. Обязать Наркомстройматериалов СССР (т.Соснина), Ленгорисполком (т.Полкова) и Леноблсполком (т.Соловьева) в двухнедельный срок представить в СНК СССР предложения по восстановлению Пикалёвского цементного завода, стекольного завода "Дружная горка" и организации производства в г.Ленинграде асбошифера.

35. Обязать Наркомтекстильпром (т.Акимова) обеспечить выпуск на действующих текстильных предприятиях г.Ленинграда в 1944 году хлопчатобумажных тканей - 5 млн.мтр., пряжи - 5123 тонны, ниток - 30,0 млн. катушек.

36. Обязать Наркомтекстильпром (т.Акимова) возобновить работу:

а) фабрики им.Ногина с вводом в действие с сентября 1944 года 9200 веретен и 350 ткацких станков;

б) фабрики им.Медябова с запуском с третьего квартала 476 ткацких станков;

в) комбината им.Тельмана с запуском в третьем квартале 3.750 веретен и 85 ткацких станков.

37. Для расширения ниточного производства в Ленинграде обязать Наркомлес СССР (т.Сялтикова) восстановить в 1944 году Ленинградскую катушечную фабрику им.Золотарского из расчета выпуска в 1945 году 200 млн.торговых ниточных катушек.

38. Обязать Наркомлегпром СССР (т.Лукина) обеспечить выпуск в 1944 году на ленинградских предприятиях валовой продукции в размере 96,7 млн.рублей и производство продукции в натуральном выражении, согласно установленному настоящим постановлением плану.

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 7.

39. Обязать Наркомпищепром СССР (т. Ботова) восстановить в 1944 году в г. Ленинграде производство маргарина, компаундиров, пищевой и технической саомасс, лимонной кислоты и хлебопекарного оборудования (на механическом заводе Главхлеба).

Нашр 40. Обязать Наркоммясокомпром СССР (т. Смирнова):

а) провести работы по восстановлению первой очереди Ленинградского мясокомбината им. Кирова (на Средней Рогатке) с производительной мощностью в сутки по переработке скота 600 голов и выработке колбасных изделий 60 тонн;

б) провести необходимые работы по восстановлению и ремонту производственных цехов, монтажу и ремонту оборудования клевого завода, молочных заводов № 1 и 2, мажмолзавода и желатинового завода.

41. Обязать Наркомрибпром СССР (т. Ишкова) обеспечить в 1944 году производство 2,5 млн. условных банок консервов и восстановление производства в Ленинграде консервных банок и вязку сетей.

42. Обязать Наркомваг СССР (т. Субботина) восстановить портовые элеваторы емкостью 61,2 тыс. тонн и первую очередь зерновой базы № 2 емкостью 10 тыс. тонн.

43. Обязать Наркомбумпром СССР (т. Чеботарева) восстановить в 1944 году и ввести в эксплуатацию в 1-м квартале бумажную фабрику им. Горького с годовой производительностью 50 тыс. тонн бумаги; фабрику им. Володарского с годовой производительностью 12 тыс. тонн бумаги и фабрику технических бумаг с годовой производительностью 1 тыс. тонн картона и на 10 млн. рублей различных технических бумаг.

44. Обязать Госплан СССР (т. Вознесенского) предусматривать в планах распределения оборудования оснащение Ленинградской промышленности за счет нового производства станков, оставления в г. Ленинграде всего количества новых станков, производимых в г. Ленинграде, и возвращения оборудования, ранее эвакуированного с ленинградских предприятий в восточные районы страны и до сих пор не установленного.

Поручить Госплану СССР (т. Вознесенскому) в месячный срок провести перепись оборудования, эвакуированного из г. Ленинграда и до сих пор не установленного, и внести предложение в СНК СССР о его реэвакуации.

45. Для частичного покрытия потребности г. Ленинграда в оборудовании обязать: Наркомат авиапромышленности (т. Шахурин), Наркомат боеприпасов (т. Занникова), Наркомвооружения (т. Устинова), Наркомместпром (т. Смирнова), Наркомминвооружения (т. Паршина), НКПС (т. Кагановича), Управление промкооперации при СНК РСФСР (т. Кравчук), Наркомрезинпром (т. Митрохина), Наркомсудпром (т. Носенко), Наркомсредмаш (т. Акипова), Наркомтанкопром (т. Малышева), Наркомтяжмаш (т. Казакова), Наркомхимпром (т. Первухина), Наркомцветмет (т. Ломако), Наркомчермет (т. Тевосяна), Наркомэлектропром (т. Кабанова),

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 8.

НКЭС (т.Димарина) в течение апреля месяца 1944 года организовать на заводах своего наркомата в г. Ленинграде капитально-восстановительный ремонт металлорежущего и металлодавящего оборудования и отремонтировать в 1944 году оборудование в количестве, указанном в приложении № 14.

46. Обязать Наркомстанкостроения (т.Виримова) в месячный срок организовать на заводе им. Свердлова в г. Ленинграде базу для капитально-восстановительного ремонта металлорежущего и металлодавящего оборудования, отремонтировать в 1944 году 390 единиц оборудования для наркоматов согласно приложению № 15.

47. В целях создания в г. Ленинграде базы по ремонту автомобилей и переоборудованию автомобилей с жидкого на твердое топливо обязать Ленгорисполком (т.Попкова) и Наркомавто транспорта РСФСР (т.Куршева) подыскать производственные помещения для авторемонтных заводов.

48. Обязать Наркомат авто транспорта РСФСР (т.Куршева) в 1944 году отремонтировать автомобилей: ГАЗ-ММ - 5 тыс. единиц, ЗИС-5 - 800 единиц, моторов - 1.800 единиц и изготовить 3.200 комплектов газогенераторной аппаратуры.

49. В целях обеспечения восстанавливаемого хозяйства г. Ленинграда и Ленинградской области древесиной, утвердить программу лесовосстановки по Ленинградской области в объеме 5,9 млн. кв. м с распределением по изготовителям согласно приложению № 16.

50. Обязать Наркомлес СССР (т.Салтиков) в двухнедельный срок представить в ГОКО предложения о производстве пиломатериалов, деревообработке и строительных деталей на 1944 год, исходя из необходимости полного обеспечения потребности г. Ленинграда и Ленинградской области.

51. В целях обеспечения топливом г. Ленинграда, обязать:

а) Наркомуголь СССР (т.Вахрушева) обеспечить в 1944 году добычу бурого угля по тресту "Ленинградуголь" в размере 250,0 тыс. тонн;

б) Наркомэлектростанций СССР (т.Димарина) обеспечить добычу кускового торфа в 1944 году по тресту "Ленгосторф" в количестве 460 тыс. тонн и федерального 390,0 тыс. тонн и выделить тресту "Ленгосторф" необходимые механизмы, материалы и рабочую силу для восстанавливаемых торфопредприятий, а также приступить к восстановлению торфопредприятий "Гатчино" и

"Навиг", исходя из обеспечения добычи в 1945 г. по торфо-предприятию "Гатчино" 250 тыс. тонн фрезерного торфа и по торфопредприятию "Навиг" 450 тыс. тонн кускового торфа;

в) Ленгорисполком (т. Попкова) обеспечить в торфосезоне 1944 г. добычу торфа на торфопредприятиях пригородной зоны в количестве 120,0 тыс. тонн со своевременной сушкой и вывозкой потребителям.

52. Обязать Главснабгорь при СНК СССР (т. Курмашева) и Главнефтеснаб при СНК СССР (т. Широкова) поставить в 1944 году, а Госплан СССР (т. Вознесенского) предусмотреть выделение для нужд промышленности, транспорта и городского хозяйства Ленинграда 800 тыс. тонн угля и 60 тыс. тонн мазута.

По городскому хозяйству.

53. Считая одной из важнейших задач на ближайший период восстановление жилищного и коммунального хозяйства г. Ленинграда, установить об"ем затрат в 1944 году на проведение неотложных мероприятий по городскому хозяйству в размере 290 млн. руб.

54. Обязать исполком Ленгорсовета (т. Попкова) восстановить и ввести в эксплуатацию в 1944 г. 580 тыс. кв. метров жилой площади.

55. Обязать все наркоматы и ведомства, проводящие строительные работы по восстановлению промышленных предприятий г. Ленинграда, одновременно производить работы по восстановлению жилых домов, а также водопроводных установок для производственных нужд предприятий.

Установить план ввода в эксплуатацию жилой площади по наркоматам и ведомствам в размере 370 тыс. кв. метров согласно приложению № 17.

56. В целях привлечения населения Ленинграда к восстановлению жилой площади в городе и пригородах:

а) разрешить Ленгорисполкому привлекать, в обязательном порядке, население города Ленинграда для ремонта жилых домов и квартир;

б) обязать Ленгорисполком (т. Попкова) оказать помощь населению необходимыми материалами для восстановления занимаемых ими квартир и комнат и установить меры поощрения за быстрое и полное проведение работ по ремонту своих квартир и комнат.

57. В связи с восстановлением промышленности и ростом населения Ленинграда, обязать исполком Ленгорсовета (т. Попкова):

а) обеспечить выпуск товаров широкого потребления местной государственной промышленностью в сумме 100 млн. руб. и кооперативной промышленностью 450 млн. руб.;

б) обеспечить суточный выпуск на линию 560 трамвайных вагонов и восстановить во втором полугодии 1944 года троллейбусное пассажирское движение;

в) увеличить подавший отпуск воды для нужд населения и промышленности на 25% против 1943 года;

г) подготовить к началу 1944-1945 учебного года дополнительно 48 школ;

д) реэвакуировать в Ленинград Государственный академический театр оперы и балета им. Кирова и Государственный академический театр драмы им. Пушкина;

е) обеспечить выполнение заданий по городскому хозяйству, согласно приложению № 18.

58. Восстановить вокруг г. Ленинграда пригородную сельскохозяйственную зону картофельно-овощного и молочно-животноводческого направления, с организацией совхозов и подсобных хозяйств предприятий и организаций Ленинграда.

Поручить исполкому Ленгорсовета (т. Попкову) в месячный срок внести в Совнарком СССР предложения о восстановлении пригородной сельскохозяйственной зоны вокруг Ленинграда.

59. Обязать Наркомат промышленности стройматериалов РСФСР (т. Воздарева) передать исполкому Ленгорсовета для восстановления и эксплуатации Волосовский известковый завод и Ленинградский алебастровый завод им. Зойкова.

60. Предпринять вопрос о восстановлении городов Петроаврест и Пушкин, как мест отдыха трудящихся Ленинграда и обязать Ленгорисполком (т. Попкова) и Комитет по делам искусства при СНК СССР (т. Храпченко), к 1 июня 1944г. представить в СНК СССР предложения о восстановлении городов Петроаврест и Пушкин.

в Комитет по делам Архитектуры при СНК СССР (т. Мордкинова) по строительству.

61. Утвердить на 1944 год об"ем капитальных работ по промышленности, транспорту и городскому хозяйству г. Ленинграда в сумме 790 млн. руб. и титульный список восстанавливаемых важнейших предприятий согласно приложениям № 19 и 20.

62. Установить программу подрядных работ Наркомстроя в г. Ленинграде в сумме 77,0 млн. руб. и Главвоенпромстроя при СНК СССР в об"еме 72,0 млн. руб. с распределением по наркоматам и ведомствам согласно приложениям № 21 и 22 и Ленгорисполкому в сумме 225 млн. руб.

63. В целях обеспечения установленного настоящим постановлением об"ема капитальных работ, обязать:

а) Госплан СССР (т. Вознесенского) исключить из балансов и планов распределения кровельное железо, мягкую кровлю и фанеру, производимую в Ленинграде, и оставить их для восстановления промышленности и городского хозяйства г. Ленинграда;

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 11.

б) Наркомстройматериалов (т. Соснина), Главснаблес при СНК СССР (т. Лопухова) и Наркомсредмаш (т. Аюпова) поставить в 1944 году, а Госплан СССР (т. Вознесенского) предусмотреть в плане распределения выделение Ленгорисполкому 20 тыс. тонн цемента, 250 тыс. м³ леса круглого и 200 автомашин, в том числе во втором квартале 1944 года 100 автомашин;

в) Наркомстройматериалов (т. Соснина) отгрузить в 1944г. дополнительно к установленному постановлением СНК СССР от 9 ноября 1943г. 30 тыс. тонн гипсового камня;

г) Наркомстройматериалов РСФСР (т. Госдарева) отгрузить в 1944г. исполкому Ленгорсовета 4.000 тонн белого мела.

4. Закрепить за г. Ленинградом все стекло оконное, выпускаемое Чагодотенским стекольным заводом, и обязать Госплан СССР исключить его из планов распределения.

5. Обязать НКПСМ (т. Соснина) восстановить к 1 мая 1944г. вторую систему Чагодотенского стекольного завода, обеспечить работу завода на мощность 2,4 млн. кв. метров оконного стекла в год с выпуском в 1944 году 1.000 тыс. кв. м. оконного стекла.

6. Для обеспечения нормальной работы Чагодотенского стекольного завода:

а) обязать Наркомлес СССР (т. Салтыкова) поставлять ежемесячно Чагодотенскому стекольному заводу 15 тыс. кубометров дров с Валунского леспромпхоза Вологодской области;

б) обязать трест "Ленлес" передать во втором квартале 1944 года Чагодотенскому заводу подготовленные к сплаву 55 тыс. кубометров дров с Еримовского леспромпхоза.

7. Обязать Ленгорисполком (т. Полкова) и Наркомстройматериалов (т. Соснина) осуществить к июлю 1944г. все строительномонтажные работы по восстановлению II-й системы Чагодотенского стекольного завода.

8. Обязать Вологодский облисполком Совета депутатов трудящихся (т. Абрамова) мобилизовать в течение марта и апреля 1944 года для постоянной работы на Чагодотенском стекольном заводе 350 человек рабочих.

9. Для обеспечения неотложных нужд Ленинграда в цементе обязать:

а) НКПСМ (т. Соснина) передать Ленинградскому заводу им. Зоревского в 1 полугодии 8 тыс. тонн клинкера с Кричевского цементного завода ВССР для помола на цемент;

б) НКПС (т. Кагановича) обеспечить подачу целезам назначением в марте, апреле и мае для перевозки клинкера с Кричевского завода на Ленинградский цементный завод им. Зоревского ежемесячно по 150 вагонов за счет плана НКПСМ по перевозке цемента.

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 12.

70. Предложить Наркоминвооружения (т. Паршину) предусмотреть восстановление производства, начиная с 1944г. санитарно-технического оборудования на заводе "Гидравлика".

72. Обязать Наркомсредмаш (т. Колозова) поставить, а Госплан СССР (т. Звансаевского) предусмотреть выделение 200 автомобилей для ленинградских предприятий, за счет фондов наркоматов, равномерно во II и III кварталах 1944 года с распределением по наркоматам согласно приложению № 23.

71. В целях обеспечения доставки грузов для Ленинграда по водным путям Северо-Западного бассейна, установить об'ем перевозок Северо-Западного речного пароходства в 1944г. в размере 2,0 млн. тонн.

По обеспечению рабочей силой г. Ленинграда.

72. В целях обеспечения промышленности, транспорта и городского хозяйства г. Ленинграда рабочей силой:

а) разрешить Наркомэлектростанций, Наркомчермету, Наркомцветмету, Наркомдизмашпрому, Наркомтавкопрому, Наркомобор-припасов, Наркомасооружения, Наркоминвооружения, Наркомсудпрому, Наркомэлектрпрому, Наркомтяжмашу, Наркомобедмашу, Наркомстанкооборонения, Наркомхимпрому, Наркомрезинопрому, Наркомстройматериалов, Наркомлесу, Наркомбумпрому, Наркомтекстильпрому, Наркомлегпрому, Наркомшвейпрому, Наркоммисо-молпрому, Наркомрилопрому, Наркомфару, Наркомстрой, Главвоен-промстрой при СНК СССР, Главлесоспирту при СНК СССР, Нарком-автотранспорта РСФСР, Наркомместпрому РСФСР и ОГПЗ "у завезти в город Ленинград в 1944 году 30,0 тыс. эксплуатационных рабочих, главным образом за счет ранее эвакуированных из г. Ленинграда, без ущерба для производства согласно приложению № 24:

б) обязать Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР (т. Погоряного) мобилизовать в Вологодской, Ярославской, Кировской, Омской и Курганской областях и направить в г. Ленинград в 1944 г. 40,0 тыс. рабочих, в том числе строительных рабочих 20,0 тыс., преимущественно ранее эвакуированных из г. Ленинграда, расселенных в сельских местностях, а также не занятых в военной промышленности, смежных с ней отраслей и металлургии, с распределением по наркоматам и ведомствам согласно приложению № 25;

в) обязать Главное управление трудовых резервов при СНК СССР (т. Москатова) направить в 1944г. на ленинградские предприятия 8,0 тыс. человек, оканчивающих ПУ и школы 30, с распределением по наркоматам согласно приложению № 26.

73. В целях быстрейшей подготовки кадров квалифицированных рабочих для промышленности, транспорта, городского хозяйства и строительно-восстановительных работ Ленинграда, обязать Главное управление трудовых резервов при СНК СССР (т. Москатова):

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 13.

а) восстановить и организовать в г. Ленинграде в 1944г. 24 ремесленных училища с контингентом учащихся 16.100 человек и 2 железнодорожных училища с контингентом учащихся 750 чел., в всего 26 училищ с контингентом учащихся 16.850 чел., согласно приложению № 23;

б) восстановить и организовать в г. Ленинграде в 1944г. 19 школ фабрично-заводского обучения с контингентом учащихся 7.000 чел. согласно приложению № 24;

в) организовать в г. Ленинграде во втором квартале 1944 года два специальных ремесленных училища, мужское - металлистов с контингентом учащихся 400 человек и женское - радиодела и телефонии с контингентом учащихся 400 человек;

г) организовать в г. Ленинграде во втором квартале 1944 года индустриальный техникум Главного управления трудовых резервов при Совнаркомом СССР на 400 человек.

74. Обязать Вологодский, Воронежский, Горьковский, Калининский, Кировский, Курганский, Курский, Ленинградский, Омский, Рязанский, Смоленский, Тамбовский и Ярославский облисполкомы призвать (мобилизовать) в ремесленные, железнодорожные училища и школы ЦСО г. Ленинграда 18.800 человек городской и сельской молодежи мужского и женского пола установленных возрастов, в первую очередь из числа молодежи, ранее эвакуированной из г. Ленинграда, в количествах и в сроки согласно приложению № 24.

Возложить лично на председателей облисполкомов ответственность за проведение призыва (мобилизации) молодежи в училища и школы ЦСО г. Ленинграда в установленные сроки, обеспечение призванных исправной одеждой, обувью и бельем и за доставку всей призванной молодежи к месту обучения в г. Ленинград представителями соответствующих облисполкомов, которые являются начальниками эшелонов призванной молодежи и передают молодежь по актам и поименным спискам.

Обязать Ленинградский горисполком и Главное управление трудовых резервов при Совнаркомом СССР командировать в области призыва молодежи своих представителей для сопровождения призванной молодежи к месту обучения в училища и школы ЦСО г. Ленинграда.

75. Обязать Ленгорисполком, наркоматы и ведомства обеспечить здания и помещения для размещения восстанавливаемых и организуемых училищ и школ ЦСО.

Постановление ГКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 14.

- 15 -

76. Обязать наркоматы и ведомства, на базе предприятий которых восстанавливаются и организуются ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО:

а) отремонтировать выделенные помещения и оборудовать их жестким инвентарем - железными кроватями, тумбочками, стульями, столами, шкапами и другим жестким инвентарем не позднее, как за месяц до начала занятий в училищах, школах;

б) выделить училищам и школам и установить к началу занятий в их мастерских необходимое для производственного обучения станочное оборудование;

в) предоставить необходимый инструмент и материалы для работы;

г) выделить мастеров производственного обучения и преподавателей из числа наиболее квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников.

x

x

x

77. Обязать Наркомэлектростанций (т. Кимина), Наркомсудпром (т. Носенко), Наркомэлектропром (т. Кабанова), Наркомтяжмаш (т. Казакова), Наркомстайкостроения (т. Еремова), Наркомрезинпром (т. Митрохина), Наркомлес (т. Салтыкова), Наркомстрой (т. Гинзбурга) и Главвоенпромстрой при СНК СССР (т. Прокофьева) представить в двухнедельный срок в ГОКО мероприятия по обеспечению заданий, установленных настоящим постановлением.

78. Запретить наркоматам и ведомствам вносить предложения в ГОКО по восстановлению или развитию отдельных предприятий г. Ленинграда и о эвакуации учебных заведений, проектных и других организаций, без предварительного согласования их с Госпланом СССР и Ленинградским городским комитетом ВКП(б).

79. Считать важнейшей задачей партийных, советских и общественных организаций г. Ленинграда обеспечения безусловного выполнения настоящего постановления.

80. Возложить контроль за исполнением настоящего постановления на Ленинградский городской комитет ВКП(б) - т. Кузнецова и Уполномоченного Госплана при СНК СССР по г. Ленинграду и Ленинградской области - т. Петрова.

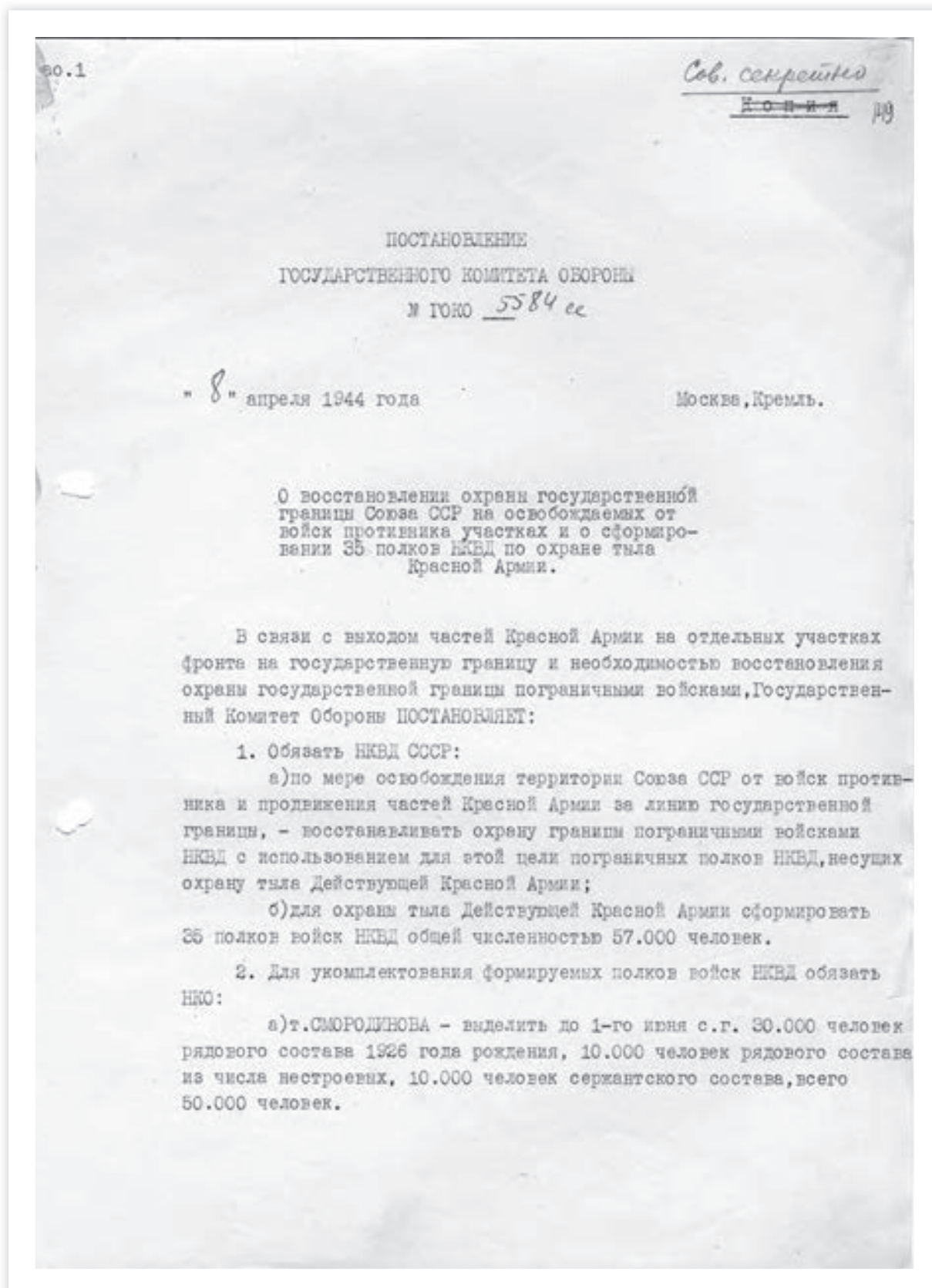
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБРОНЫ

(И. В. Сталин)

Постановление ГОКО №5509.

О первоочередных задачах по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.

29 марта 1944 г. Стр. 15.

Постановление ГКО №5584. 8 апреля 1944 г.
О восстановлении охраны государственной границы
на освобождаемых от противника участках.

80.

2.

150

б) т. ГОЛИКОВА - выделить 7.000 офицеров, из них - в апреле месяце - 3.000 человек, в том числе 1.000 человек, выпускаемых из военных училищ, и 2.000 человек из числа ограниченно годных 1-й категории;

в мае и июне месяцах - по 2.000 человек, в том числе по 1.000 человек, выпускаемых из военных училищ, и по 1.000 человек из числа ограниченно годных 1-й категории;

в) т. ХРУЛЕВА - выделить до 1-го июля с.г. 1.600 грузовых, 400 специальных автомашин и 150 автомашин типа "Виллис";

г) т. ПЕРЕСЫПИКИНА - выделить до 1-го июля с.г. - 200 радиостанций РСБ и 500 радиостанций РБ;

д) начальникам Главных Управлений НКВ выделить необходимое количество вооружения и имущества согласно штатам и табелям по заявке НКВД СССР.

3. Увеличить штатную численность войск НКВД на 57.000 человек.

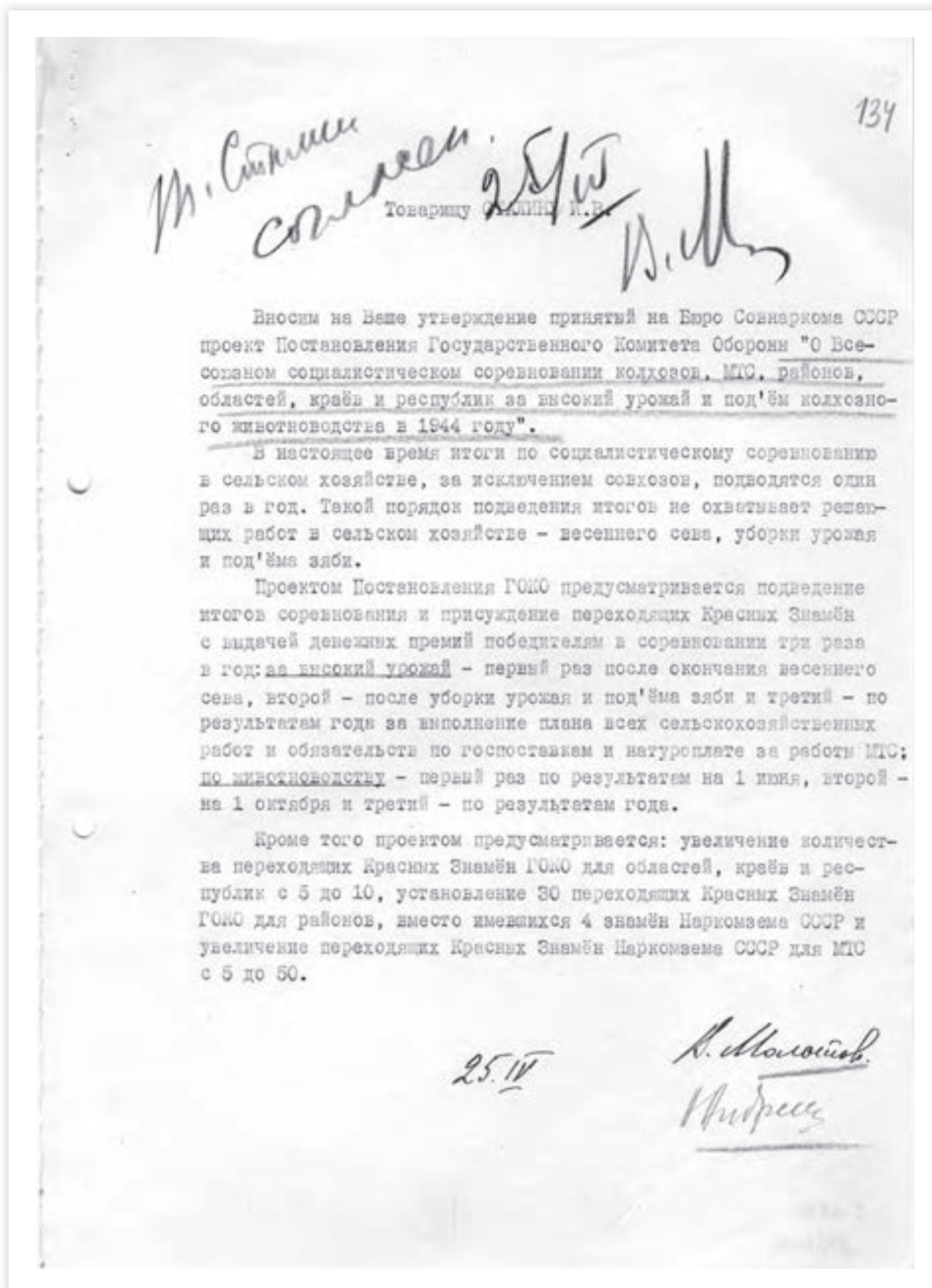
4. Наркомфину СССР (т. ЗЕБРЕВУ) предусмотреть дополнительно финансирование войск НКВД на 57.000 человек.

5. СНК СССР (т. МИКОЯНУ) до 1-го июля с.г. выделить для формируемых 35-ти полков НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии 2.000 лошадей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ -

И. СТАЛИН

Верно:

Докладная записка В. М. Молотова и А. А. Андреева И. В. Сталину о развертывании социалистического соревнования среди тружеников сельского хозяйства. 25 апреля 1944 г.

96

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 6569

от "21" сентября 1944 г. Москва, Кремль

1. Для улучшения снабжения вольнонаёмного состава, заключённых, трудмобилизованных и спецконтингентов Тагилстроя, Челябинского металлургстроя и Актюбкомбината НКВД СССР ОБЯЗАТЬ:

а) Наркомпищепром СССР и Наркомзаг отпустить в сентябре и 1У квартале 1944 г. ГУЛАГ'у НКВД СССР для Тагилстроя, Челябинского металлургстроя и Актюбкомбината НКВД СССР товары в количествах согласно приложению;

б) Наркоммясомолпром СССР отпускать в сентябре и 1У квартале 1944 г. во время массового забоя скота сверх централизованных фондов: Тагилстрой НКВД СССР 150 тонн субпродуктов 4 категории с Семипалатинского мясокомбината, Челябинского металлургстроя 100 тонн субпродуктов 3 и 4 категорий с Петропавловского и Башкирского мясокомбинатов, Актюбкомбинату 50 тонн субпродуктов III и 1У категорий с Орского мясокомбината.

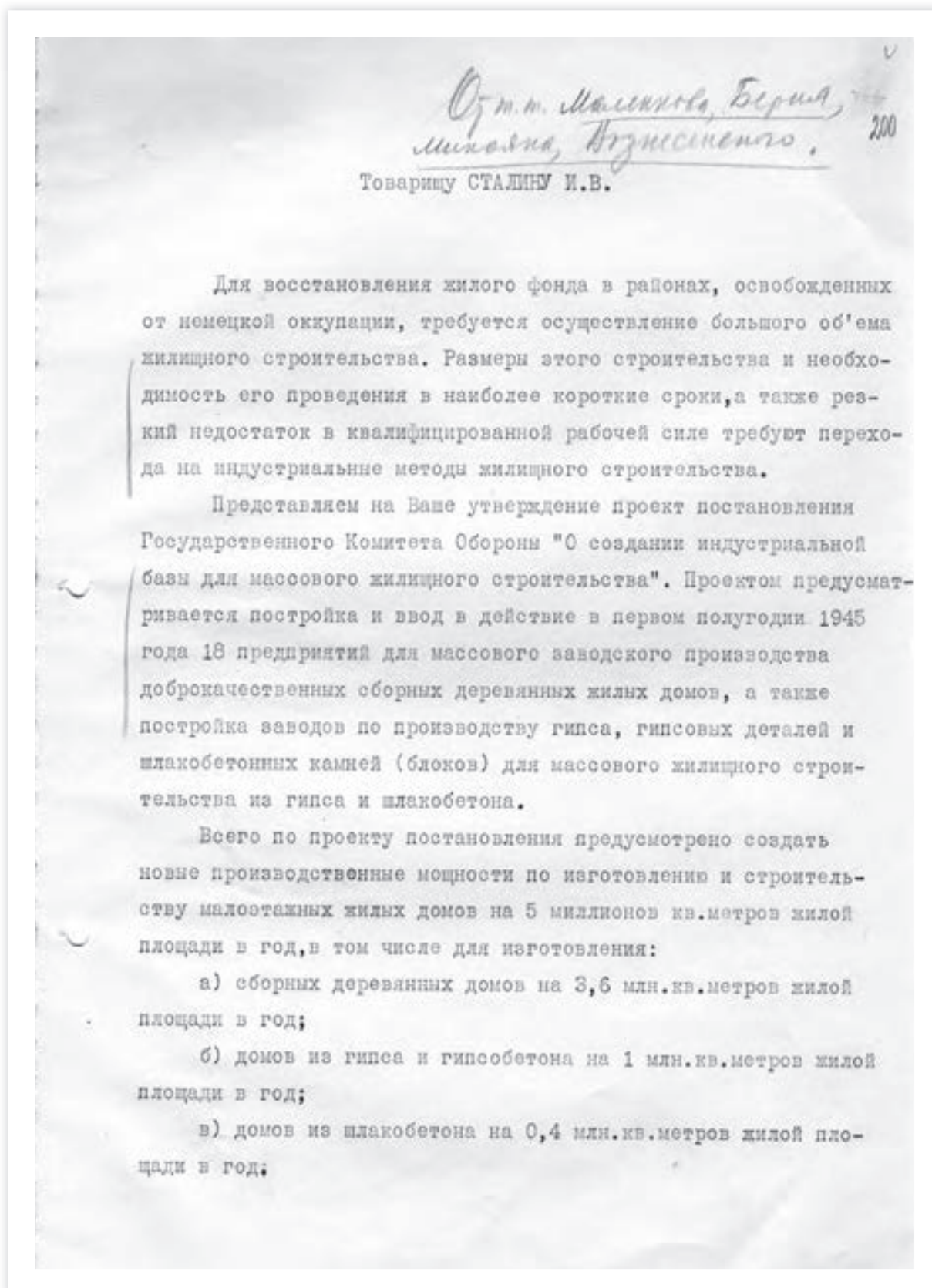
2. Обязать Наркомзаг отпускать в 1У квартале 1944 г. и 1 квартале 1945 г. Тагилстрой, Челябинский металлургстрой и Актюбкомбинату НКВД СССР зернофураж по фактическому наличию лошадей, из расчёта 3,5 килограмма на одну лошадь в сутки.

Зам. Председателя Государственного
Комитета Оборон

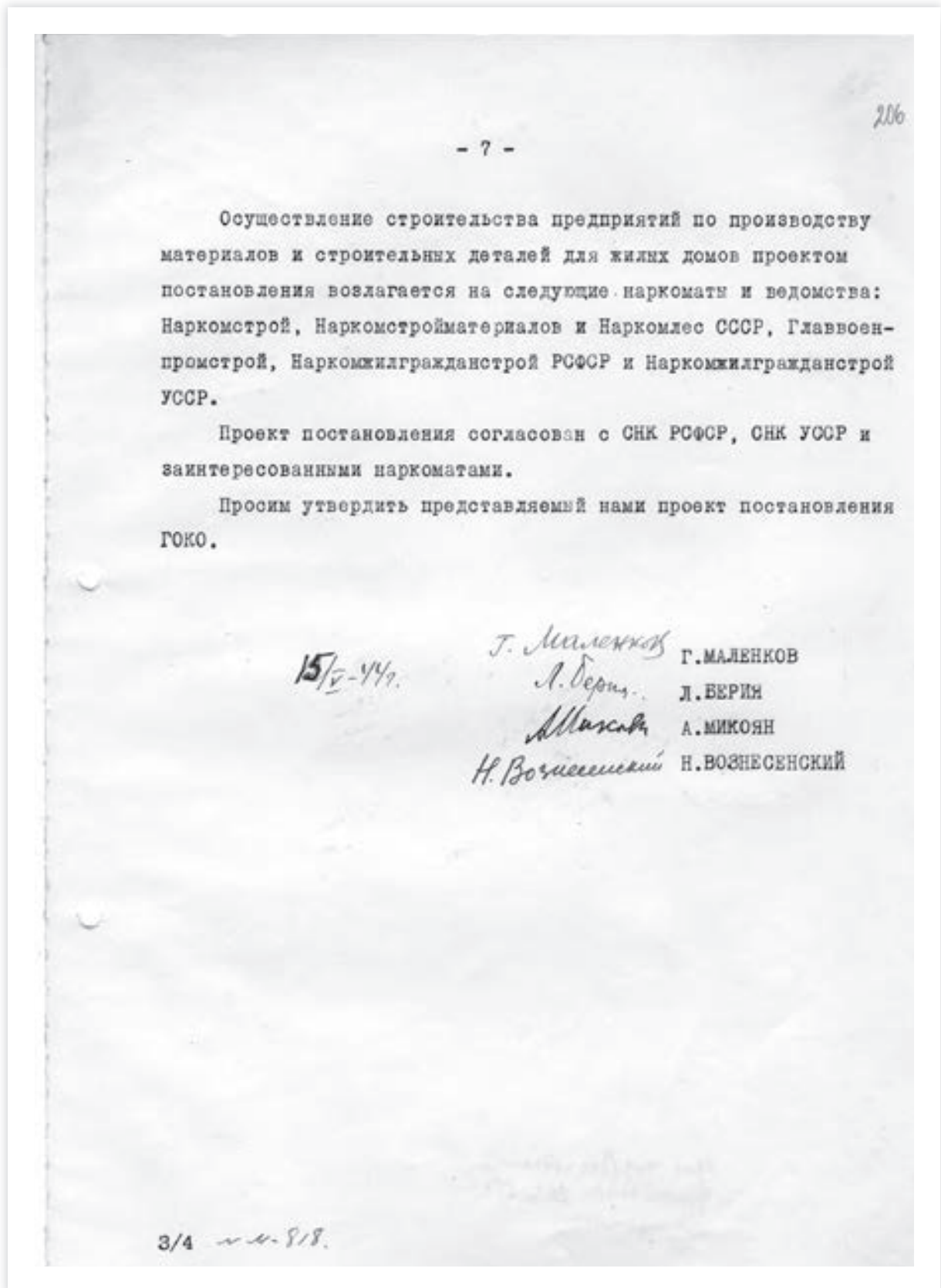
Л. Берия
(Л. Берия)

*Берия (2 экз), Визессенскому, Микояну, Чернышова,
Задаеву - все; Зойкову - 1 экз, Двигалову - 1 экз,
Смирнову - 1 экз*

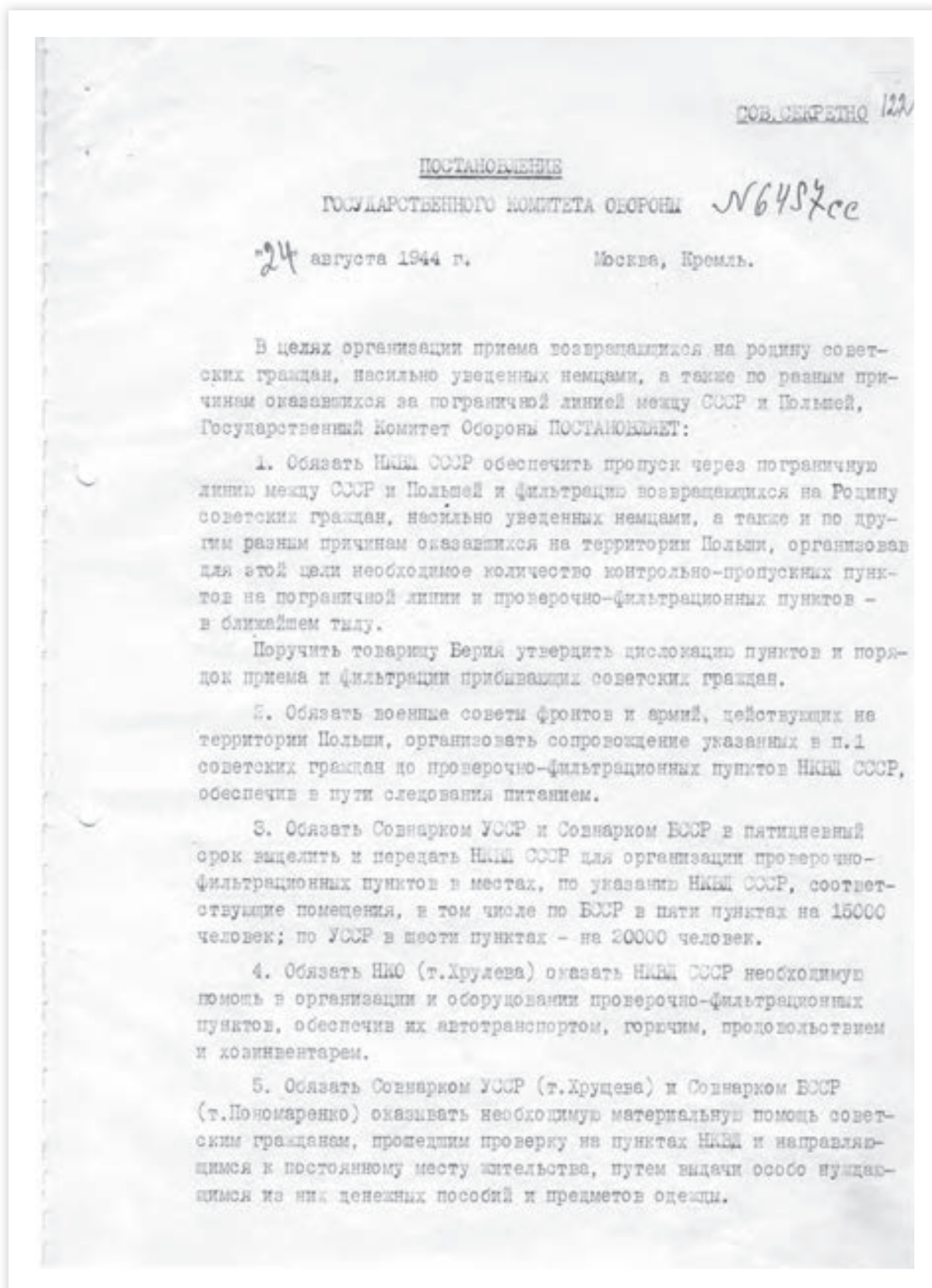
Постановление ГКО №6569. Об улучшении снабжения трудящихся Тагилстроя, Челябинского металлургстроя, Актюбкомбината. 21 сентября 1944 г.

Докладная записка Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского И. В. Сталину о восстановлении жилого фонда в районах, освобожденных от немецкой оккупации.
15 мая 1944 г.

Докладная записка Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, А. И. Микояна, Н. А. Вознесенского и И. В. Сталину о восстановлении жилого фонда в районах, освобожденных от немецкой оккупации.
15 мая 1944 г.

Постановление ГКО №6457.
О возвращении граждан, насильно угнанных немцами, на Родину.
24 августа 1944 г.

123

2.

Поручить т.Микояну рассмотреть заявки СНК УССР и БССР и выделить для этой цели необходимое количество одежды, белья и обуви. Обязать Наркомторг СССР (т.Льбимова) обеспечить питанием этих лиц в пути следования к местам постоянного жительства.

Разрешить СНК УССР и БССР организовать отделы СНК по приему и устройству гражданского населения, возвращающегося из освобожденных Красной Армией территорий.

6. Принять содержание проверочно-фильтрационных пунктов на госбюджет по смете НКВД СССР, разрешив оплачивать все расходы, связанные с содержанием этих пунктов, за счёт остатков кредитов, ассигнованных НКВД, из резервного фонда СНК СССР на расходы по спецпереселенцам.

7. Обязать Госплан СССР (т.Вознесенского), начиная с 1 сентября, выделять по заявке НКВД СССР дополнительные фонды на продовольственные товары по нормам ГУЛАГ'а НКВД для проверочно-фильтрационных пунктов на все количество проходящих через эти пункты лиц.

8. Возложить на Наркомздрав (т.Митерева) и начальника Главного Военно-Санитарного Управления НКЮ (т.Смирнова) санобработку и медико-санитарное обслуживание возвращающихся из Польши советских граждан на проверочно-фильтрационных пунктах и в пути следования.

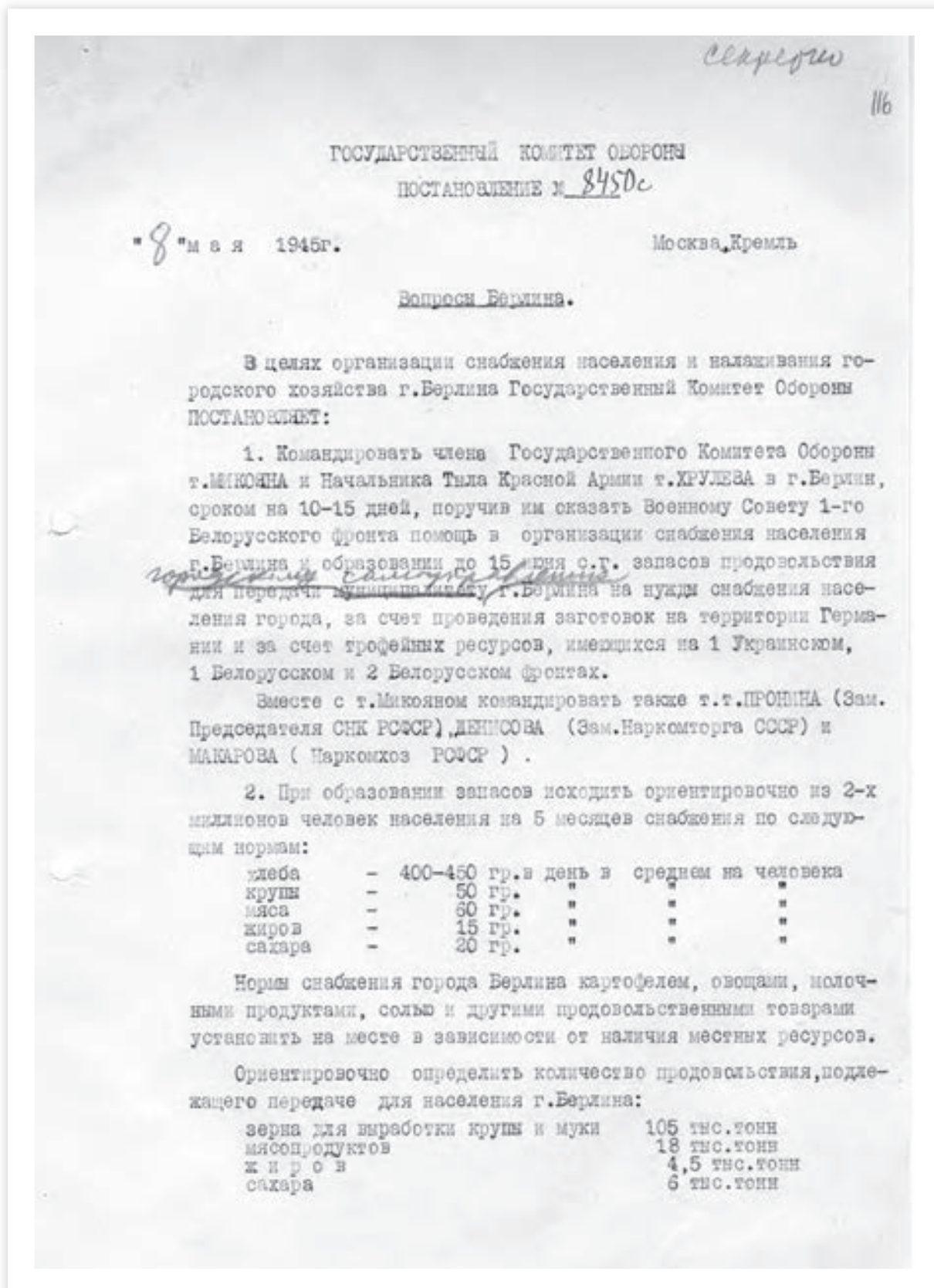
9. Обязать НКПС (т.Кагановича) обеспечивать перевозки возвращающихся советских граждан с проверочно-фильтрационных пунктов к местам их жительства, по заявкам НКВД СССР и СНК УССР и БССР с централизованным расчётом за перевозки через Наркомфин СССР.

10. Обязать НКЮ (т.Смординова, т.Голыкова) выделить на формирование трех отдельных батальонов конвойных войск НКВД для охраны проверочно-фильтрационных пунктов 250 человек офицерского и 1500 человек рядового и сержантского состава из числа ограниченно годных.

Обязать НКЮ (т.Друлева, т.Иковлева и т.Пересыпкина) выделить в обеспечение формирования этих батальонов положенное по табелям и нормам вооружение, снаряжение, автотранспорт и имущество связи по заявкам НКВД.

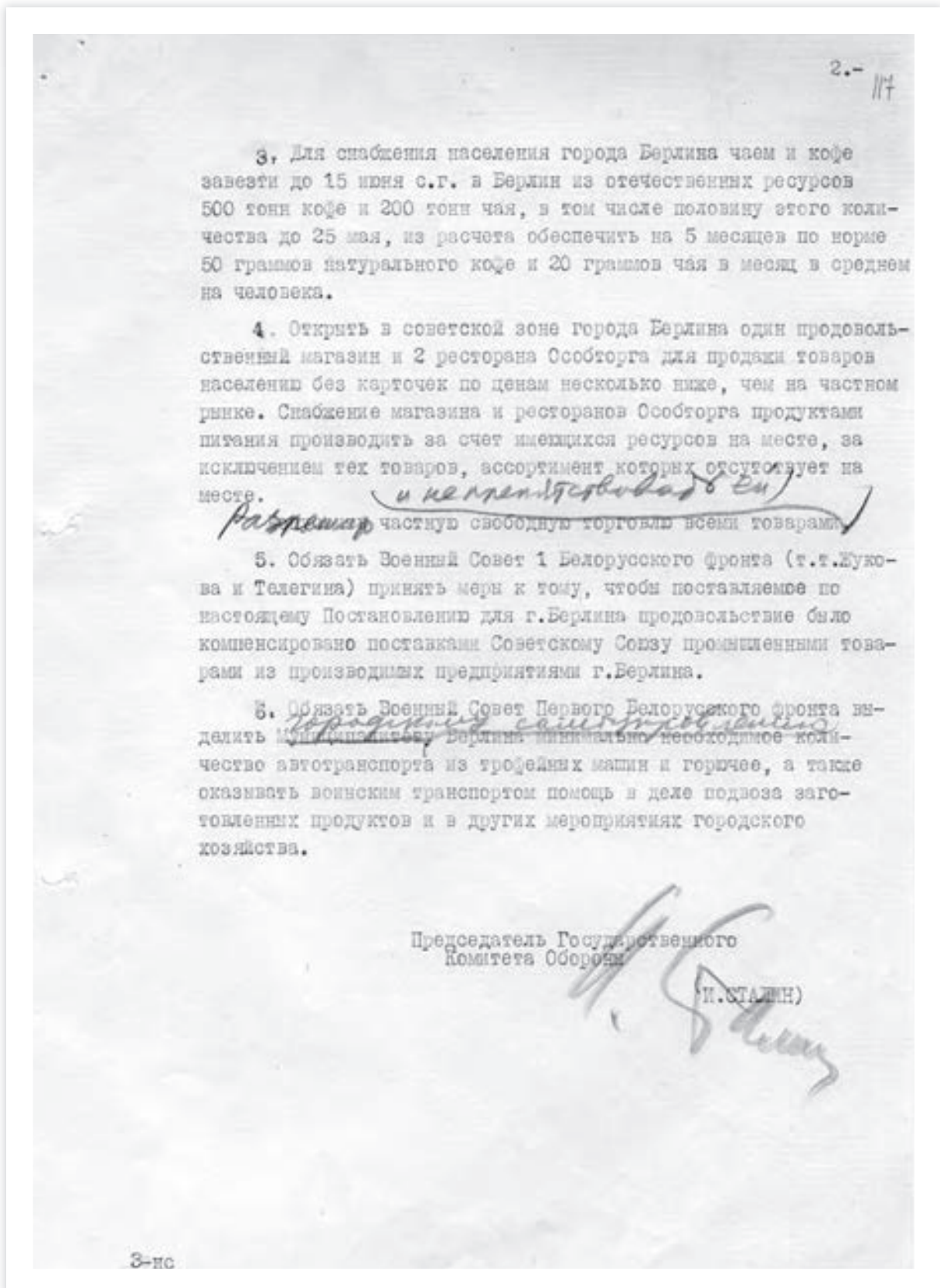
З.ч. Председатель Государственного
Комитета Обороны

В.Мелюгов

Постановление ГКО №8450.

О снабжении населения и организации городского хозяйства г. Берлина.
8 мая 1945 г.

Постановление ГКО №8450.

О снабжении населения и организации городского хозяйства г. Берлина.

8 мая 1945 г. Стр. 2.

Фотодокументы
Российского Государственного
архива экономики

**РАБОЧИЙ
ТРАНСПОРТА**

Орган Управления и Политотдела
Рязано-Уральской жел. дороги

ТЕЛЕГРАММА
9 апреля 1942 г.
Из Саратова.

**СТАХАНОВЕЦ
ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

**Газосварщик
К. Давыдов выполняет
по 900-1000 проц. нормы**

— БЕРУСЬ ВЫПОЛНИТЬ ЛЮБОЕ ЗАДАНИЕ... — ЗАЯВИЛ
ГАЗОСВАРЩИК ДАВЫДОВ НА СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ
ПРЕДМАЙСКОМУ СОРЕВНОВАНИЮ. ЭТО ОБЯЗАТЕЛЬНО
БЫЛО ЗАПИСАНО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИИ ДОГОВОР.
И ВОТ ПРИШЛО ВРЕМЯ, КОГДА ТОВ. ДАВЫДОВ НА
ДЕЛЕ ДОКАЗАЛ ВЕРНОСТЬ СВОЕМУ СЛОВУ — СЛОВУ
СТАХАНОВЦА.

ЦЕХ ПОЛУЧИЛ СРОЧНОЕ, БОЛЬШОЙ ГОСУДАРСТ-
ВЕННОЙ ВАЖНОСТИ, ЗАДАНИЕ. ЗА ДВА ДНЯ НУЖНО
БЫЛО СВАРИТЬ ВСЕ ТРУБЫ, ФОРСУНКИ, АРМАТУРУ,
НЕФТЕПРОВОДЫ В ТРЕХ ПАРОВОЗАХ.

РАНО ПО-УТРУ НАЧАЛСЯ НАПРЯЖЕННЫЙ ТРУД. НЕ-
ЗАМЕТНО ПРОШЛИ ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ... НАЧАЛИСЬ
ВТОРЫЕ СУТКИ. ОБ ОУДЫХЕ НЕ БЫЛО И МЫСЛИ ТОЛЬ-
КО ОДНО ЖЕЛАНИЕ УПОРНО СВЕРЛИЛО МОЗГ — ВО-ВРЕ-
МЯ ВЫДАТЬ ПАРОВОЗЫ ПОД ПОЕЗДА. НЕ СОРВАТЬ
ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ, ОБЕСПЕЧИТЬ СВОЕВРЕМЕННОЕ ПРО-
ДВИЖЕНИЕ ГРУЗА ДЛЯ ФРОНТА И ТЫЛА.

КОГДА БЫЛА ПРИВАРЕНА ПОСЛЕДНЯЯ ДЕТАЛЬ —
КЛЮСНИЛСЯ К КОНЦУ УЖЕ ВТОРОЙ ДЕНЬ. ОКАЗАЛОСЬ,
ЧТО ГАЗОСВАРЩИК И ДАВЫДОВ БЕЗ ОУДЫХА ПРОРА-
БОТАЛ 32 ЧАСА И ОБЕСПЕЧИЛ ДОСРОЧНЫЙ ВЫПУСК
ПАРОВОЗОВ, 990 ПРОЦЕНТОВ НОРМЫ — ТАКОВЫ БЫЛИ
ИТОГИ САМООТВЕРЖЕННОГО ТРУДА ПАТРИОТА.

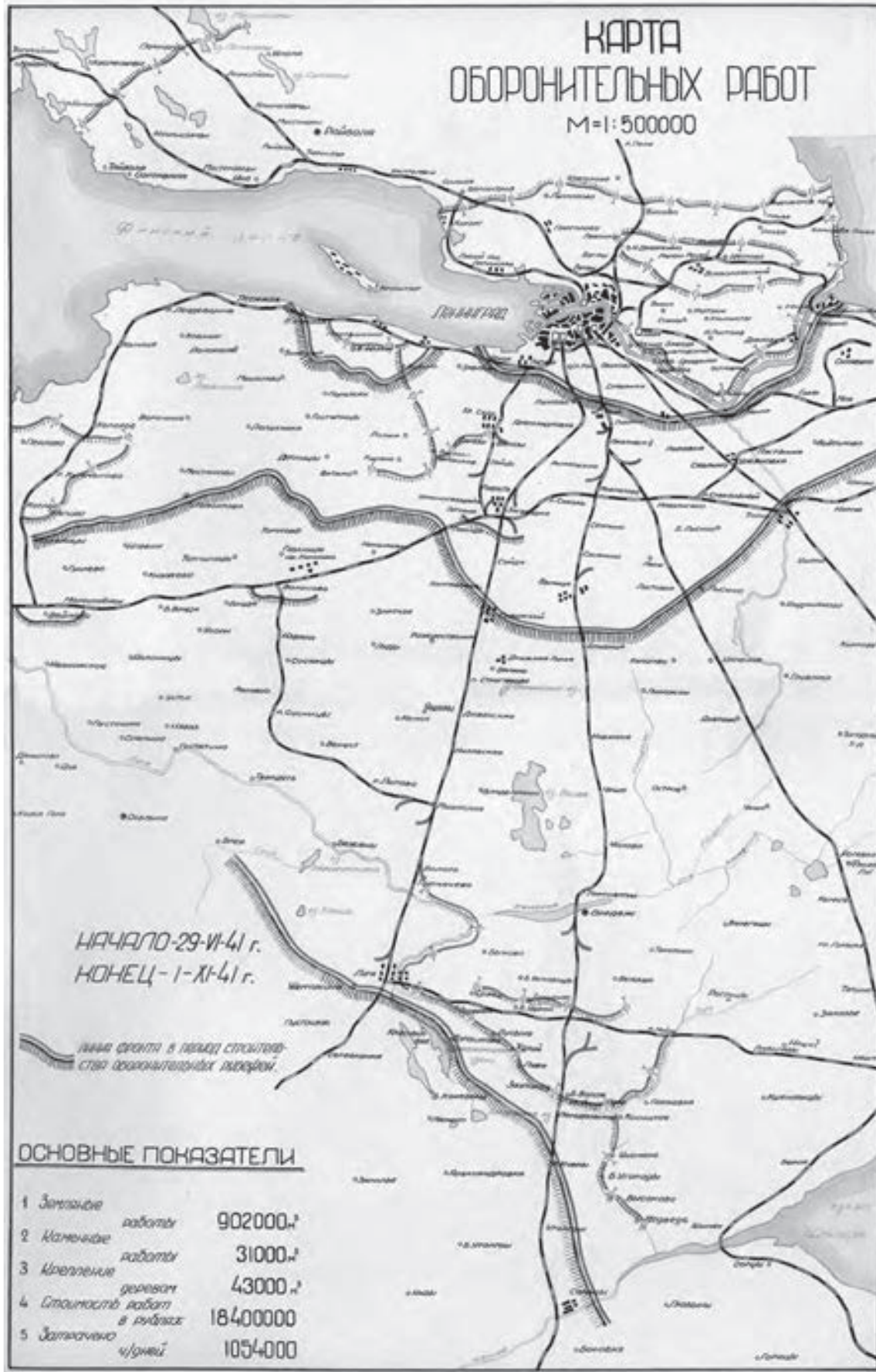
ЭТО НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ, КОГДА ТОВ. ДА-
ВЫДОВ НЕ УХОДИТ ИЗ ЦЕХА, ПОКА НЕ ВЫПОЛНИТ ЗА-
ДАНИЕ. В ДНИ ПРЕДМАЙСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ НА ЕГО
ДОЛЮ ВЫПАЛА ПОЧЕТНАЯ ЗАДАЧА — ПРОИЗВОДИТЬ
ВАЖНЕЙШИЕ РАБОТЫ, ПО 20—30 ЧАСОВ ОСТАВАЛСЯ НА
РАБОЧЕМ МЕСТЕ СТАХАНОВЕЦ, НО НЕ ЗАДЕРЖИВАЛ НИ
ОДНОГО ПАРОВОЗА. В ОТДЕЛЬНЫЕ ДНИ ОН ДОСТИГАЛ
1000 ПРОЦ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА. ПРИ ЭТОМ
КАЧЕСТВО ОСТАВАЛОСЬ НЕИЗМЕННО ВЫСОКОЕ.

ГАЗОСВАРЩИК ДАВЫДОВ ПРИЛАГАЕТ ВСЕ УСИЛИЯ,
ЧТОБЫ ПОМОЧЬ ФРОНТУ. НЕ СЧИТАЕТСЯ НИ СО ВРЕМЕН-
ЕМ, НИ С ОУДЫХОМ. ОН ОУДАЕТ ИНТЕРЕСАМ РОДИНЫ
ВСЕ СВОИ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОУПИТ.

ПРЕДМАЙСКОЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
СОРЕВНОВАНИЕ

**Чем ты
помог
фронту?**

ИЗДАНИЕ: Зав. №1208. Тир. 550. Саратов. Типо-лит. изд-ва «Рабочий транспорт». Отв. редактор А. Орланович

Тов. БУРКОВ
Л.РУДЕНКО

C
O
P
Y

39

THE PRESIDENT'S SOVIET PROTOCOL COMMITTEE
WASHINGTON 25, D.C.

4 December 1944

Lieutenant General L.G.Rudenko
Chairman, The Government Purchasing Commission
of the Soviet Union in the U.S.A.
3355 Sixteenth Street, Northwest
Washington, D.C.

Dear General Rudenko:

I have delayed answering your letter of 23 October 1944 since it was believed that your request to retain vehicles for shipment on the West Coast could be met in principle although final confirmation awaited receipt of the necessary information from the port agencies involved.

As your representatives already know, no vehicles were repossessed on the West Coast as of the end of October. Since the Transportation Corps was notified late in September about the time limit designated by the Munitions Assignments Committee (Ground), they were able, in cooperation with your own representatives on the West Coast and with the Commercial Dispatch Corporation, to insure shipment of all vehicles before their repossession became due. While the Committee also fixed a date for the repossession of a number of vehicles in Vancouver, these also were apparently shipped by about 10 November 1944 so that repossession was unnecessary.

While I have not yet received any information about the repossessions which may have been made as of 23 November, it is believed that these will not be large in any case. It is felt that with your continued cooperation the number of vehicles eligible for repossession can be kept to a minimum and that, in general, your shipping requirements for trucks can be met in the coming months in so far as these requirements fall within the offerings of the fourth Protocol.

Sincerely yours,

/s/ JOHN Y. YORK, JR.
Brigadier General, U.S.A.
Executive

26

CANADIAN
MUTUAL AID BOARD

SECOND ANNUAL REPORT

to

MARCH 31 - 1945

Фронтовой труд полярников заслужил сталинскую похвалу

Руководство и персонал стали союзными работниками в ходе войны, оказавшие помощь. Девять, война близится...
И. СТАЛИН.

За систематическое перевыполнение месячных планов и полугодичного задания Государственного Комитета Обороны Норильской комбинату в конце 1943 года наркомат присвоил звание Лучшего предприятия НКВД СССР. А 5 июля радио принесло новую радостную весть: 188 строителей и эксплуатационников, научных, инженерно-технических работников и ста-

ловцев Норильска правительством награждено орденами и медалями Союза ССР. Среди награжденных—20 комсомольцев комсомола и 10 комсомолок.
НА СПИСКАХ.
В первом ряду—награжденные комсомольцы (слева направо): Аристов, Понтопов, Вязовкин, Мороз.
Второй ряд—воспитанники комсомола: Баталов, Бонин, Пашов, Мельников.

Вручать награду в Норильске приехал заместитель Народного Комиссара Внутренних Дел СССР А. П. Завенгин. Шесть лет назад А. П. Завенгин начал строить первые корпуса домов и заводов, которые сейчас дают стране. Красной Армии металл для разгрома врага. И до сих пор А. П. Завенгин следит за развитием комбината, оказывает помощь строителям

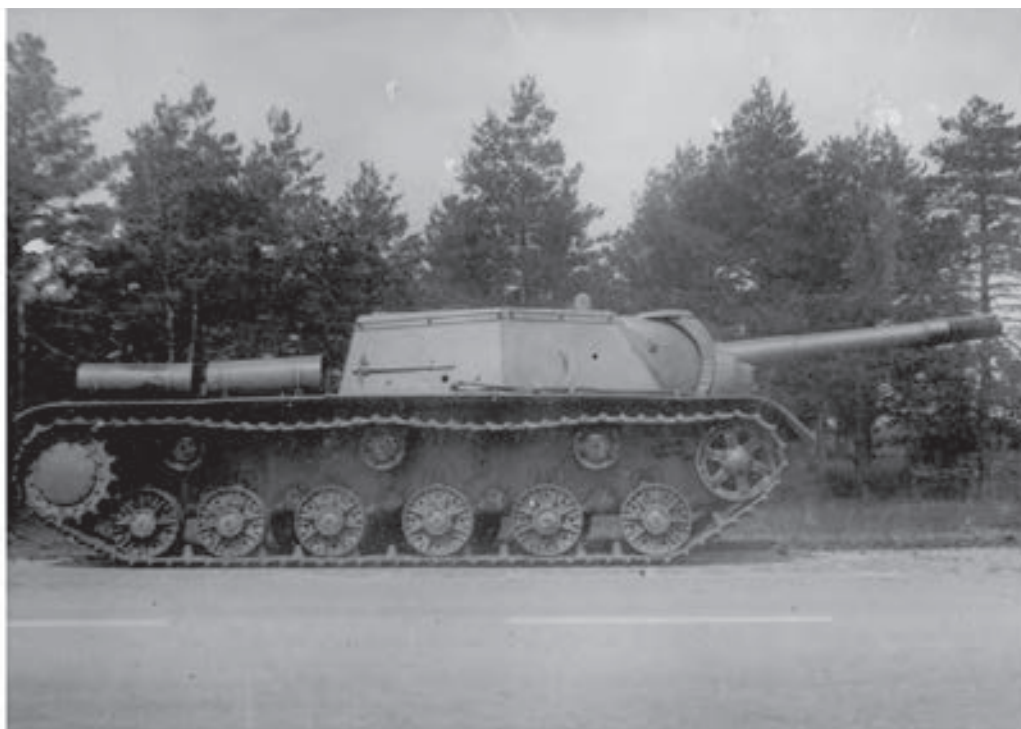
и в вопросах материально-технического снабжения, почти ежегодно приезжает в Норильск.
НА СПИСКАХ:
В первом ряду—награжденные комсомольцы (слева направо): Вязов, Бондровский, Астахов, Пронин.
Второй ряд—воспитанники комсомола: Буфалов, Шарфен, Печек, Аристов, Мороз.

Девять с половиной месяцев работы, это исключительный труд советских людей в тылу войны в котором участие с героическим мужеством приняли все безраздельно волею судьбы с нашей Родиной.
И. СТАЛИН.

А. П. Завенгин — депутат Верховного Совета СССР, первый заместитель Народного комиссара внутренних дел Советского Союза.

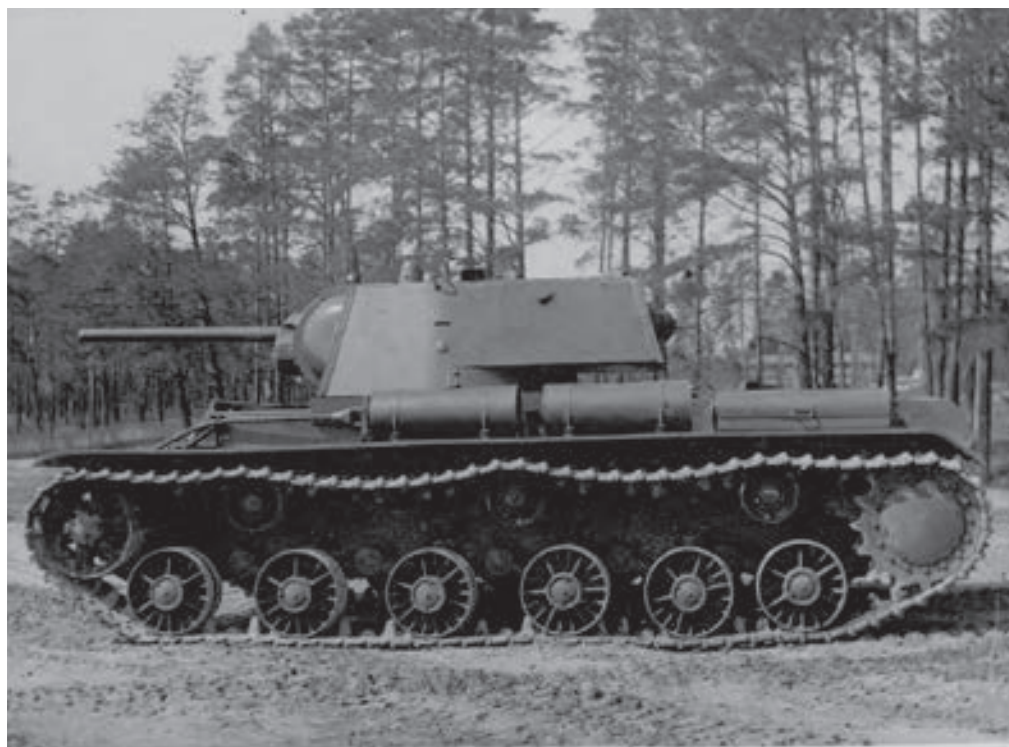

Самоходная установка СУ-152

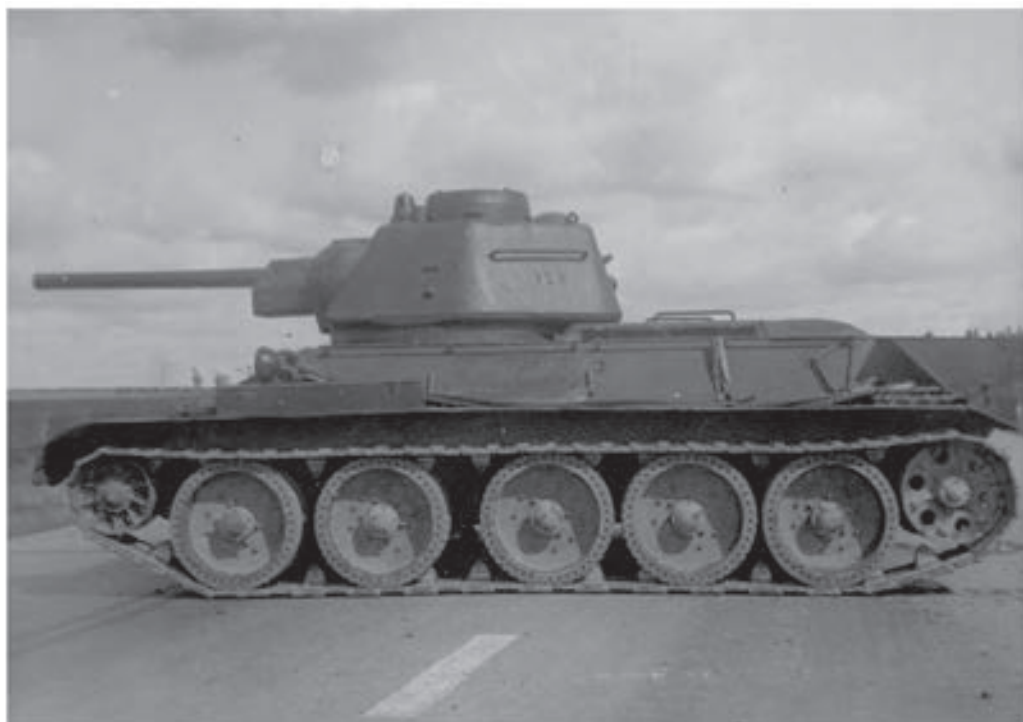
НА БАЗЕ ТАНКА КВ-1с

БОЕВОЙ ВЕС (тонн)		45,5	
ЭКИПАЖ (чел.)		6	
ГАБАРИТНЫЕ РАЗМЕРЫ (мм)	{	Длина — с пушкой/без пушки	8950/6750
		Ширина	3250
		Высота	2450
		Клиренс	440
БРОНЕЗАЩИТА УСТАНОВКИ		закрытая	
БРОНЯ (мм)	{	Лобовая—установки пушки/корпуса	70—60/70
		Бортовая	60
		Кормовая	60
		Крыши и днища	30
ВООРУЖЕНИЕ	{	Тип пушки и калибр	152 мм, МЛ-20
		Длина ствола (в калибрах)	28
		Тип затвора	поршневой
		Установка пушки	во вращающ. рамке
		Скорострельность (выст./мин.)	2,4
		Начальная скорость — броневой- ный/осколочный (мет./сек.)	670/655
		Высота линии огня (мм)	1800
ПУЛЕМЕТОВ	{	Пулемётов	ППШ-4
		Прочее вооружение	
УГЛЫ ОБСТРЕЛА (град.)	{	Горизонтальный	+12
		Склонения	-5
		Возвышения	+18
БОЕКОМПЛЕКТ	{	Снарядов (шт.)	20
		Выстрел	раздельный
		Вес снаряда броневой/оско- лочного (кг)	48,5/43,6
		Патронов к пулемёту (шт.)	1562
ПРИБОРЫ ПРИЦЕЛИВАНИЯ		телескоп.—1, панорама Герца—1	
ДВИГАТЕЛЬ	{	Марка	В-2К
		Мощность при <i>n</i> об/мин. (л. с.)	600/2000
		Емкость топливных баков (литр)	830
УДЕЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ (кг/см ²)		0,85	
УДЕЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ (л. с./тонн)		13,2	
МАКСИМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ (км/час)		43	
ЗАПАС ХОДА ПО ГОРЮЧЕМУ (км)		330	
ТРАНСМИССИЯ	{	Коробка перемены передач	механич. 8-скоростная
		Механизм поворота	бортовые фрикционы
		Расположение	заднее
СРЕДСТВА СВЯЗИ		рация 9-Р	

Тяжёлый танк КВ-1

БОЕВОЙ ВЕС (тонн)	47,5	
ЭКИПАЖ (чел.)	5	
ГАБАРИТНЫЕ РАЗМЕРЫ (мм)	Длина — с пушкой/без пушки	6900/6750
	Ширина	3320
	Высота	2710
	Клиренс	450
БРОНЯ (мм)	Лобовая	75+20 (экран)
	Бортовая	75
	Кормовая	75—60
	Башни	95 лит./75 кат.
	Крыши и днища	30—30
ВООРУЖЕНИЕ	Тип пушки и калибр	76 мм ЗИС-5
	Длина ствола (в калибрах)	41,5
	Скорострельность (выст./мин.)	
	Начальная скорость — бронебой- ный/осколочный (метр/сек.)	662/680
	Пулёмётов	3+1 зенит.
	Прочее вооружение	ППШ-1
БОЕКОМПЛЕКТ	Снарядов (шт.)	114
	Патрон (шт.)	3000
	Прочий боекомплект	
ПРИБОРЫ ПРИЦЕЛИВАНИЯ	телеск.—1, периск.—1	
ДВИГАТЕЛЬ	Марка	В-2К
	Число цилиндров	12
	Макс. мощность при n об/мин. (л. с.)	600/2000
	Топливо	дизельное
	Емкость топливных баков (лит.)	600
	Сорт масла	МК, МС, МЗС
	Емкость системы смазки (лит.)	50—55
Тип охлаждения	жидкостное	
УДЕЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ БЕЗ ПОГРУЖЕНИЯ (кг/см ²)	0,77	
УДЕЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ (л. с./тонн)	12,6	
МАКСИМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ (км/час.)	35	
ЗАПАС ХОДА ПО ГОРЮЧЕМУ (км)	250	
ТРАНСМИССИЯ	Коробка перемены передач	механич. 5-скоростная
	Механизм поворота	бортовые фрикционы
ХОДОВАЯ ЧАСТЬ	Тип подвески	торсионная
	Ширина гусеницы (мм)	700
ЭЛЕКТРО- ОБОРУДОВАНИЕ	Напряжение в сети (вольт)	24
	Емкость аккумулят. батарей (а/ч.)	288
	Мощность генератора (ватт)	1000
	Мощность одного стартера (л. с.)	15
СВЯЗЬ	Тип радиостанции	10Р
	Дальность действия (км)	25
	Связь внутренняя	ТПУ-4

Средний танк Т-34

БОЕВОЙ ВЕС (тонн)		30	
ЭКИПАЖ (чел.)		4	
ГАБАРИТНЫЕ РАЗМЕРЫ (мм)	{	Длина — с пушкой/без пушки	6620/6100
		Ширина	3000
		Высота	2400
		Клиренс	400
БРОНЯ (мм)	{	Лобовая	45
		Бортовая	45
		Кормовая	40
		Башни	52 лит./45 кат
		Крыши и днища	20—15
ВООРУЖЕНИЕ	{	Тип пушки и калибр	76 мм-Ф-34
		Длина ствола (в калибрах)	41,5
		Скорострельность (выст./мин.)	
		Начальная скорость — бронебой- ный/осколочный (метр/сек.)	662/680
		Пулемётов	2
		Прочее вооружение	ППШ-1
БОЕКОМПЛЕКТ	{	Снарядов (шт.)	100
		Патрон (шт.)	3600
		Прочий боекомплект	300к ППШ
ПРИБОРЫ ПРИЦЕЛИВАНИЯ		телеск.—1, периск.	
ДВИГАТЕЛЬ	{	Марка	В2-34
		Число цилиндров	12
		Макс. мощность при в об/мин. (л. с.)	500/1800
		Топливо	дизельное
		Емкость топливных баков (лит.)	460—540
		Сорт масла	МК, МС, МЗС
		Емкость системы смазки (лит.)	80
Тип охлаждения	жидкостное		
УДЕЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ БЕЗ ПОГРУЖЕНИЯ (кг/см ²)		0,7	
УДЕЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ (л. с./тонн)		16,6	
МАКСИМАЛЬНАЯ СКОРОСТЬ (км/час.)		55	
ЗАПАС ХОДА ПО ГОРЮЧЕМУ (км)		300	
ТРАНСМИССИЯ	{	Коробка перемены передач	механич. 4-скорост
		Механизм поворота	бортовые фрикции
ХОДОВАЯ ЧАСТЬ	{	Тип подвески	независимая свечи
		Ширина гусеницы (мм)	560
ЭЛЕКТРО- ОБОРУДОВАНИЕ	{	Напряжение в сети (вольт)	24
		Емкость аккумулят. батарей (а/ч.)	288
		Мощность генератора (ватт)	1000
		Мощность одного стартера (л. с.)	15
СВЯЗЬ	{	Тип радиостанции	9Р
		Дальность действия (км)	18
		Связь внутренняя	ТПУ-4

Тяжелый танк КВ-1

Средний танк Т-34

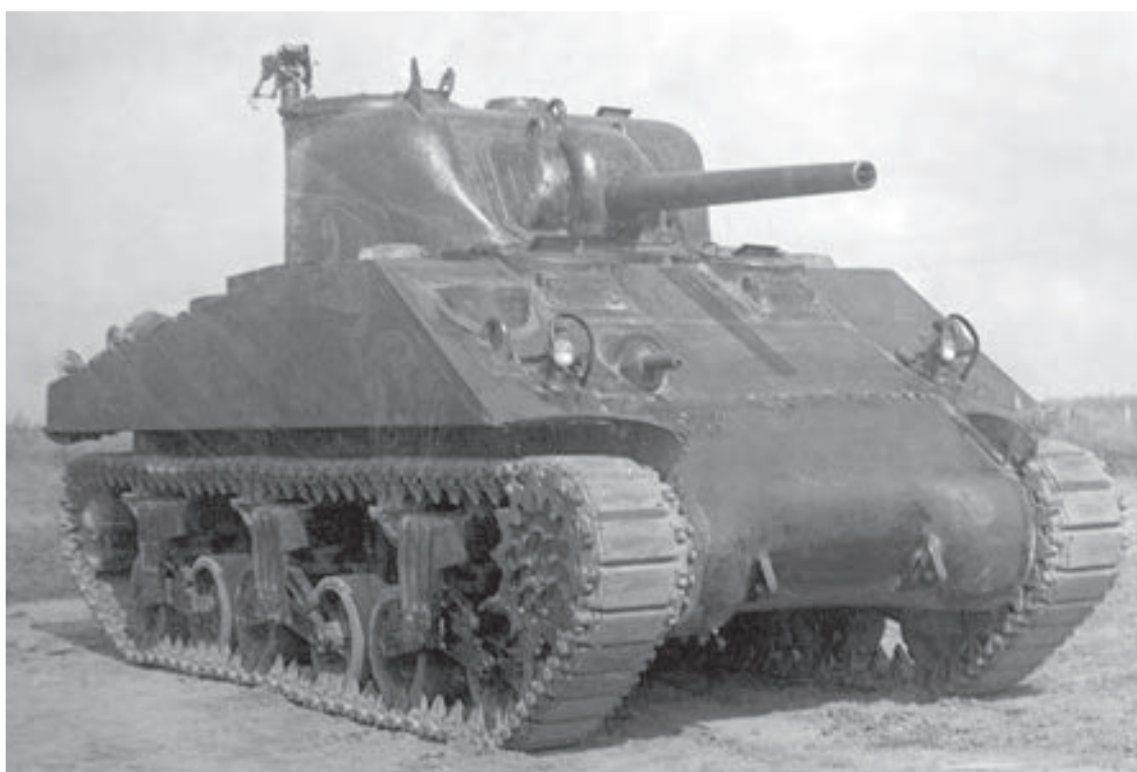
Самоходная установка СУ-152

Регулировка машин

Средний танк МК-II «Матильда»

Средний танк М4-А2 «Генерал Шерман»

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КОМИССИЯ

Книга шестнадцатая

Указ Президента Российской Федерации о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России	7
Положение о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России	8
Состав Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России	9
С. Е. Нарышкин Честная история — ключ к формированию доверительных отношений между народами	10
Интервью Христофорова В. С. журналу «Время новостей» «Историей управлять нельзя»	13
Стенограмма заседаний Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России под председательством Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С. Е. Нарышкина.....	19
Основные направления работы Комиссии, осуществляемые во взаимодействии с федеральными и региональными органами власти, академическими, образовательными и независимыми научными центрами на основании принятых решений	46

К ПРАВДЕ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ

Книга семнадцатая

И. И. Сирош Сознавая ответственность за взаимопонимание народов	51
Н. А. Нарочницкая «Концерт великих держав» накануне решающих событий	59
Противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Научно-практическая конференция МГИМО (У) МИД России. Стенограммы выступлений	70
А. В. Серегин О всего лишь двух фальсификациях.....	107
Ариньон Жан-Пьер Советский Союз во французских учебниках.....	111
А. В. Мальгин Оттолкнуться от прошлого и пойти вперед	113
А. И. Подберёзкин Об истоках опережающего развития России	117

МГНОВЕНИЯ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Книга восемнадцатая

Фотодокументы Российского Государственного архива кинофотодокументов.....	205
Фотодокументы Российского Государственного архива социально-политической истории	249
Фотодокументы Российского Государственного архива экономики.....	340

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

**ТОМ VI
ЗА ЧЕСТНУЮ ИСТОРИЮ**

Верстка А. С. Туманова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Т. Ф. Тищенко

Т. В. Петрова

В. М. Титов

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 20.08.2015.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 44.75. Уч. изд. л. 42. Тираж 500 экз. Заказ № 104.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru

